

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

МАНЬЯК ПО СУББОТАМ

Маньяк по субботам //АТОН, Санкт-Петербург, 1997
ISBN: 5-89077-017-9
FB2: "дядя_Андрей ", 133167053277727937, version 1.0
UUID: {11792409-63B7-45A2-B1F3-696A718419DD}
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 18, 2023

Александр Петрович Гостомыслов

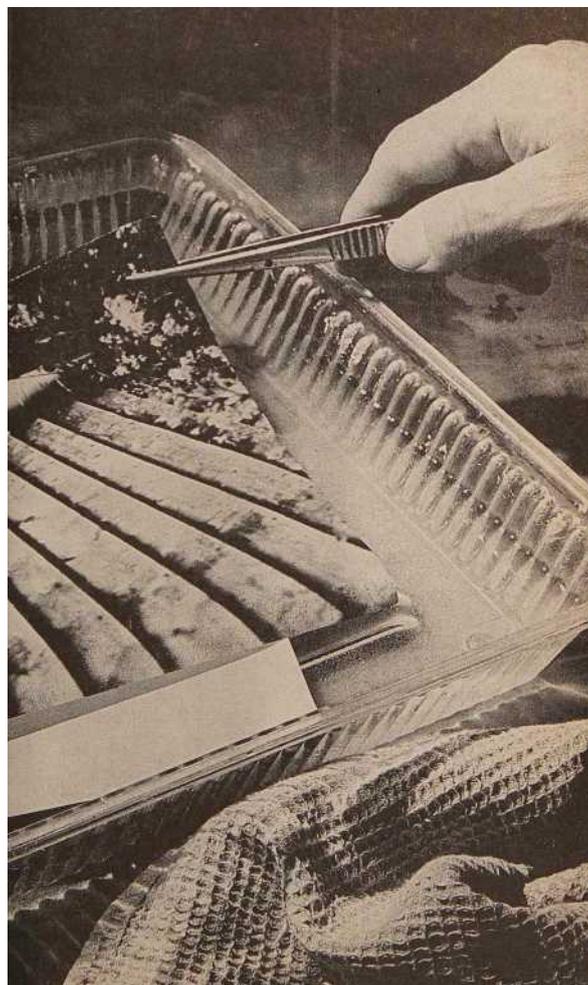
Маньяк по субботам

В данную книгу вошли детективные романы, объединенные одним главным героем — частным сыщиком. Ему приходится расследовать самые различные преступления — от тщательно спланированного убийства художника до, на первый взгляд, совершенно немотивированных убийств синявинского маньяка. Обложку, на этот раз делал не я. Она принадлежит издательству. Иллюстрации тоже.

Содержание

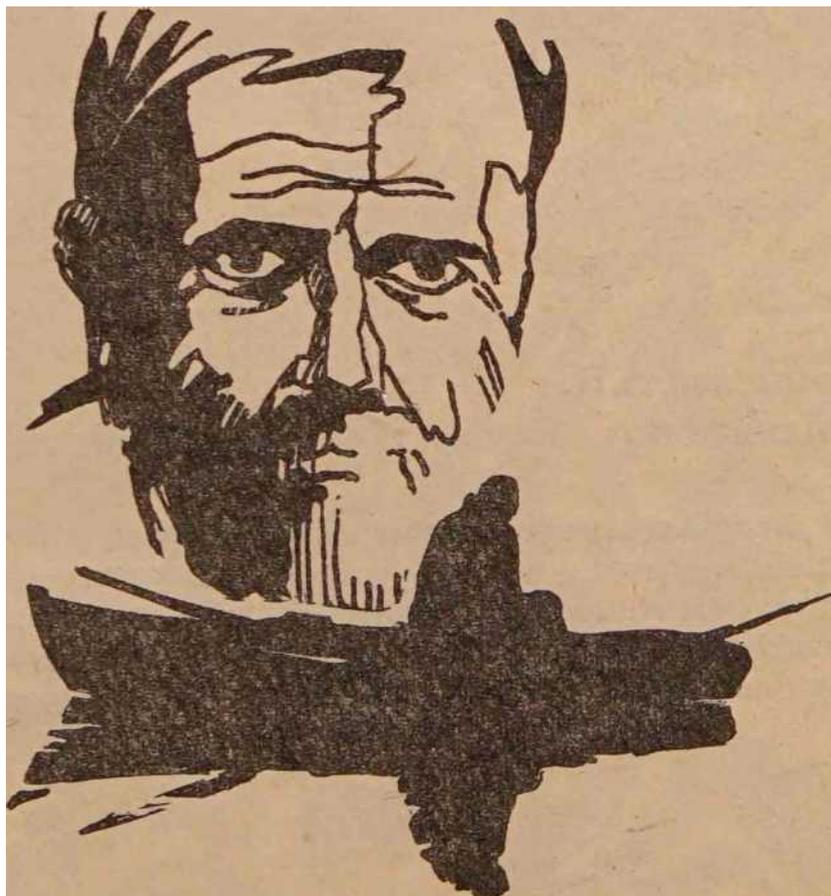
#1.....	0007
КОТ ГРАФА ШУВАЛОВА.....	0007
СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА.....	0108
Глава I.....	0109
Глава II.....	0120
Глава III.....	0129
Глава IV.....	0140
Глава V.....	0165
Глава VI.....	0177
МАНЬЯК ПО СУББОТАМ.....	0188
#1.....	0189
Глава I.....	0189
Глава II.....	0195
Глава III.....	0196
Глава IV.....	0207
Глава V.....	0212
Глава VI.....	0224
Глава VII.....	0227
Глава VIII.....	0233
Глава IX.....	0242
Глава X.....	0246
Глава XI.....	0252
Глава XII.....	0253
Глава XIII.....	0268
Глава XIV.....	0273
Глава XV.....	0276
Глава XVI.....	0280
Глава XVII.....	0285
Глава XVIII.....	0289
Глава XIX.....	0293
Глава XX.....	0295
Глава XXI.....	0303
Глава XXII.....	0304
Глава XXIII.....	0309
Глава XXIV.....	0313
Глава XXV.....	0323
Глава XXVI.....	0325
Глава XXVII.....	0328
#5.....	

**Александр ГОСТОМЫСЛОВ
МАНЬЯК ПО СУББОТАМ**

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

**МАНЬЯК
ПО СУББОТАМ**

КОТ ГРАФА ШУВАЛОВА

КОТ ГРАФА ШУВАЛОВА

В пятницу вечером, заканчивая телевизионную программу, московский диктор улыбнулся:

— На прощание поговорим о приятном. Несмотря на трудности, которые переживает наша страна, жизнь продолжается. В Санкт-Петербурге через неделю откроется международная выставка кошек. Уже дали согласие на участие фелинологи Германии и Финляндии. Украшением выставки станет кот графа Шувалова породы русская голубая. Разные истории рассказывают про этих кошек. Якобы еще викинги брали русских голубых в походы. Разведением этих животных занималась сама Екатерина Великая. Полагают, что в прошлом веке их, всех до единой, вывезли из Архангельска иностранные купцы. Как бы то ни было, после революции порода считалась утерянной. Казалось — навсегда.

Диктор отложил листок с текстом, взглянул в объектив телекамеры и снова улыбнулся:

— Но есть свидетельство, что один из бывших служителей Шуваловского дворца сумел сохранить несколько кошек. Он держал их у себя дома, а перед своей смертью принес их обратно во дворец, где разместилось морское училище. В парке, на берегу Финского залива, их заметил потомок графа Шувалова, живущий и ныне в Санкт-Петербурге. Биолог по профессии, он сумел восстановить славную старинную породу русских голубых. Шувалов утверждает, — продолжал диктор, — что Елисей (так зовут кота, представленного к выставке) по характеру спокоен, скромен и послушен. Он не склонен к бродяжничеству и предпочитает домашний уют. Чтобы доказать свое расположение хозяину, трется о его лодыжки, затем поднимается на задние лапы, обнимает ногу лапами и при этом тихо мурлычет. У кота потрясающие охотничьи инстинкты. Делая головокружительные прыжки, он может выловить в квартире всех мух, комаров и даже моль. Он способен часами караулить мышку и, сделав мощный бросок, обязательно схватит ее.

На экране мельком показали Шувалова и крупным планом — кота Елисея. Внушительный оказался котище, мне понравился.

Зазвонил телефон, я снял трубку.

— Частное детективное агентство Ярослава Грая. У телефона Виктор Крылов.

— Я бы хотел поговорить с Граем, — услышал я приятный мужской голос.

— О чем, можно спросить?

— У меня частный вопрос.

— Как доложить, кто спрашивает?

Мой собеседник обстоятельно доложил о себе.

— Подождите немного. — Я прикрыл ладонью трубку и посмотрел на Грая. — Если хотите приобрести котенка из хороших рук, предоставляется удобный случай — с вами хочет поговорить граф Шувалов Александр Николаевич, председатель клуба любителей кошек «Котофейч», о нем только что рассказывали по телевизору.

— Что ему нужно? — спросил Грай, отрываясь от своих занятий. Одна рука Грая висела на перевязи, другая вращала окуляр микроскопа, на предметном столике которого лежала револьверная пуля.

Грай отодвинул микроскоп и нажал кнопку на селекторе телефонного аппарата, чтобы разговор был слышен и мне.

— Слушаю вас, Александр Николаевич.

— Вы Грай?

— Да.

— Я обращаюсь к вам от имени моих товарищей фелинологов. Мы хотели бы встретиться с вами и проконсультироваться. Завтрашнее утро у вас занято?

— Скажу вам честно, Александр Николаевич, я в жизни не держал кошек и ничего в них не понимаю.

— Я вам все расскажу, и вы поймете. Перед нами встала проблема, и мы хотели бы разрешить ее с вашей помощью. Так как насчет завтрашнего утра?

— Я не зоолог и не юрист. Я — детектив.

— Я собрал о вас некоторую информацию. В девять тридцать для вас не рано?

На прошлой неделе, защищая своего клиента, Грай был вынужден вступить в схватку сразу с тремя боевиками. Убегая, один из них послал пулю, которая застряла в плече детектива. После выписки из больницы обычный распорядок жизни Грая изменился. Ему приходилось ходить на перевязки и на процедуры, доктор категорически на этом настаивал. Правда, Грай и не спорил с врачом, ему самому хотелось побыстрее выздороветь — что это за детектив с одной рукой? А другая даже на перевязи беспокоила его. Он не признавался в этом, но я-то видел.

Вместе с пулей Грай получил страховку, которая позволяла ему дней десять не работать. Но Грай только что открыл свое агентство и не хотел закрывать его даже на день, чтобы не потерять клиентов. Так что ему требовался помощник. Он позвонил в наше районное Авторское отделение милиции старому знакомому, начальнику уголовного розыска Георгию Головатому и спросил, нет ли у того на примете молодого человека в помощники или в ученики, не робкого, способного действовать самостоятельно.

Георгий рассказал Граю про два выстрела на улице Пушкина, про то, как мы с ним ликвидировали банду, и, признаюсь, несколько приукрасил мои заслуги.

В общем, кроме злополучной пули и страховки Грай получил еще и меня. Я поступил к нему на службу как медбрат, сиделка, телефонистка, как помощник на все про все, смотря по обстоятельствам, и — как оперативный сотрудник.

О том, почему я не остался в Старой Ладогe на ферме, расскажу в другой раз. Сейчас это свежая рана, и ее тревожить не могу.

Так я поселился в Автово, на проспекте Стачек, дом 126, в старинном двухэтажном особняке. Дом принадлежал бывшему рыбаку, капитану Алексею Бондарю. Прежде здесь жила его большая семья. Но тридцать лет проплавал по морям рыбак, растерял всех родственников и к старости остался один в доме. Чтобы не скучать, сдал комнаты Ярославу Граю под частное сыскное агентство. При этом сказал: «Какой же моряк не умеет готовить?» — и взял на себя обязанности повара.

Кирпичный особняк был зданием древним, едва ли не петровских времен. Тогда умели и любили строить надежно, чтобы дом был как крепость и зимой углы не промерзали. Шесть окон по фасаду в два ряда, крылечко в пять ступенек, козырек над крылечком, а над козырьком — причуда хозяина — прикреплен спасательный круг с траулера. Название траулера стерлось, но сам круг капитан подкрашивал красной краской каждый год. Он был замечен издали и

стал местной достопримечательностью. Во входную дверь встроен иллюминатор, и если открыть «броняшку», то есть бронзовый круг, который прикрывает стекло, то можно увидеть, кто пришел в гости.

Еще здание украшала башенка, выдвинутая вперед со второго этажа с круглым, тоже словно иллюминатор, окном наверху. На шпиле башенки вместо флюгера крутился, ловя ветер, «колдун» — выкрашенный красными полосами мешок из прозрачной ткани, зауженный к концу. Такие любят мастерить для своих нужд метеорологи, летчики и моряки.

Наш особняк, в ряду таких же крепких зданий старой постройки, стоял лицом к заливу на гребне холма, вдоль которого протянули шоссе. По склону сбегали деревья, в самом низу покрылся льдом старинный пруд, за ним повторяли извивы холма асфальтированная дорога и трамвайная линия.

За трамвайной линией, в прежние времена широкой полосой километров в пять, а ныне — поуже, рос камыш, за ним, как голубая сталь кинжала, блесла ровная полоска воды — Финский залив — начало морской дороги на Запад. На нее и смотрели окна домов. Когда-то отсюда наверняка было видно, как петровские галеры уходили на войну со шведами... Отсюда еще мальчишкой Бондарь видел, как уходят и возвращаются в гавань рыбацкие суда.

Внутри дом весьма уютен. В прихожей возле двери вешалка, слева — рабочий кабинет Грая, там стоит и мой стол. Справа — комната, которую мы называем библиотекой, в ней действительно стоят шесть шкафов с книгами, принадлежащими Бондарю. Еще там есть стол, диван. Но с таким же успехом библиотеку, можно было бы назвать и мастерской — у окна небольшой верстак и ящики с инструментом.

За библиотекой находится кухня, или камбуз, как ее называет старый капитан. Напротив нее — столовая, или кают-компания, где втроем едим, гоняем в свободное время чай и смотрим телевизор.

Два пролета лестницы наверх — там мы живем. Грай — над своим кабинетом в комнате с башенкой. Я — над кают-компанией, и Бондарь — над библиотекой. Над кухней находится кладовая, где сложен реквизит, принадлежащий Граю и необходимый ему для работы. Наши съестные припасы хранятся в подвале.

Повесив трубку после разговора с Шуваловым, Грай вопросительно посмотрел на меня:

— Как полагаешь, этот новоявленный граф Шувалов — самозванец, или из потомственных? И зачем мы ему понадобились?.

Грай старательно подчеркивал слово «мы» — видимо, сам привыкал к тому, что он теперь не один, и приучал меня к этой мысли. Про графа Шувалова я ничего не мог сказать. Грай раскрыл настольную записную книжку:

— Давай позвоним нашему консультанту, ответственному секретарю газеты «Вечерняя Нева» Дмитрию Кокорину. Набери-ка мне его домашний номер.

Дмитрий оказался дома и сразу ответил. Грай нажал кнопку на селекторе и снова разговаривал, не снимая трубки, так что я мог все слышать.

— Нам нужна информация о графе Александре Николаевиче Шувалове, — сообщил Грай.

— Добрый вечер, Ярослав, — послышался свежий голос из динамика. — Мы сейчас готовим материал по этой международной кошачьей выставке, и я вчера просматривал наше досье. Там много про кошек и мало про Шувалова.

Откуда он взялся среди кошатников — неизвестно. Выскочил, словно черт из бочки. Человек состоятельный, среди этих любителей вообще много зажиточных людей. Я понимаю, что этого мало, но, может быть, вас интересует что-то конкретное? Наклевывается интересное дело?

— Дела никакого еще нет, есть предварительный разговор, Шувалов хочет обратиться к нам за консультацией. Интересно бы узнать, как его семья сумела выжить в нашем городе после революции.

— Я думаю, что это семейная тайна, он вряд ли ее раскроет. Может быть, поэтому и обращается не в милицию, а к частному детективу?

— Возможно, — задумчиво произнес Грай.

— Если будет что-то интересное, могу я рассчитывать узнать в числе первых?

— Разумеется, Дмитрий.

После разговора с газетчиком Грай придвинул к себе микроскоп и снова стал внимательно изучать пулю, недавно убившую одного из его клиентов. Я же время от времени поглядывал на его руку, висящую на перевязи, и незаметно покачивал головой: сантиметров десять левее, и... и сейчас он был бы уже на небе, давал отчет Господу Богу и Артуру Конан Дойлу.

Оторвавшись от микроскопа, Грай предупредил:

— Завтра, Виктор, начнется первое ваше дело в моем агентстве. Предупреждаю: это — испытание. Выдержите его — мы и дальше станем вместе работать. Если нет, то не обижайтесь...

* * *

В субботу с утра мело. На моем подоконнике даже вырос маленький декабрьский сугробик. Я встал еще затемно, в семь часов, и вышел на кухню.

— Боишься первого клиента проспять? — рассмеялся Бондарь, задрав шкиперскую бородку.

— Помочь не нужно? — смутился я.

— На камбузе — флотский порядок. Ты вон дорожку от снега расчисти перед домом. Большая лопата в подвале.

Около входной двери в нашем доме судовой колокол со старого траулера. Когда с улицы дергают за ручку — бронзовый язычок бьется в колокол. Сначала я вздрагивал: казалось — пожар! Но привык довольно быстро и стал находить в звоне колокола удовольствие — звонил он мягко, заливчато, звук имел, что называется, малиновый.

В девять двадцать раздался звон колокола, и я подумал — вот пришли люди, у которых случилась беда.

Открыл дверь и впустил посетителей — сразу семь человек. Они вошли, отряхивая от снега шапки и воротники, вытирая неги о толстый мат, собственноручно сплетенный Бондарем из корабельного троса. Я принял у всех одежду, повесил на крючки и проводил в кабинет, расположенный слева от входа. В кабинете вдоль двух стен — полукругом большой диван, напротив стол Грая и сейф, рядом с дверью мой стол.

Шувалов оказался высок, почти с меня, но плечи уже, изящен. Я бы назвал его лицо породистым, хотя с трудом бы объяснил, в чем это выражалось. Может быть, все дело в тонких чертах лица, твердом взгляде темных глаз, в обаянии силы, исходящей от человека?

Шувалов внес, держа за ручку, пластмассовую, импортного производства

коробку с дырочками наверху и по бокам — любители кошек называют его кейсом.

— У двери поставлю, не возражаете?

— Пожалуйста, — ответил я. Хотя изнутри не доносилось ни звука, нос подсказал, — в коробке кто-то живой.

Гости расположились на диване. В центре, где валиками выделено главное место, сел Шувалов.

Вошел Ярослав Грай. Лицо бледное — рука, висящая на перевязи, сегодня сильно беспокоила.

Грай сделал легкий поклон головой.

— Доброе утро! Я и мой помощник Виктор Крылов к вашим услугам.

Он прошел к своему столу и сел на вертящийся, с колесиками стул. Грай неплохо смотрелся на фоне стенда из черного бархата, на котором поблескивали клепкой старинные пистолеты — коллекционное оружие.

Шувалов представил пришедших с ним людей, а я записал их имена в блокнот для памяти.

Рядом с Шуваловым, председателем клуба «Котофеич», села его заместитель Ирина Харитоновна, приятная молодая женщина. Ирина старалась прикрыть глаза длинной пушистой челкой, но я сразу заметил, что ее левый глаз немного косил, и казалось, что она очень уж стреляет глазами по сторонам.

Кассир клуба Копейкин — человек серьезный, важный, с плотно сжатыми губами. Активист Геннадий Дмитриев — носатый крепышок в башмаках на удлинённом каблуке, с неестественно замедленными движениями. Наверняка, думал я, он соображает медленно, неторопливыми движениями рук прерывая речь и выигрывая время для обдумывания ответа.

Еще один активист, Валерий Верхов, хмуро поглядывал на меня из-под лохматых подвижных бровей, словно старался напугать. Зачем это ему понадобилось? Я сразу взял Верхову на заметку — не люблю, когда меня пугают. Он не так уж и крепок, наверняка грудь у него цыплячья, если снять пиджак и жилетку. Но гонору и энергии на троих.

Секретарь клуба Надежда Молчанова — девушка лет двадцати трех с толстой русой косой, которую она ленивым движением головы эффектно забрасывает за плечо. Надежда села на стул, достала блокнот, но ничего не записывала.

Герман Еремин — рослый, уверенный в себе молчун лет сорока — задержался в прихожей, чтобы выкурить сигарету, потом сел рядом с Ириной.

— Я сначала хотел пойти в уголовный розыск Автово-ского микрорайона, — начал Шувалов. — Но посоветовался со знакомым из милиции, понял, что в районном отделении мою просьбу сочтут несерьезной, это для них мелко. Мне рекомендовали обратиться к вам, в частное агентство.

— Что-нибудь произошло с кошками? — спросил Грай. — Да, именно об этом я и хочу поговорить с вами.

— Но, повторяю, я ничего не смыслю в этих животных, — напомнил Грай.

— Чтобы было понятнее, может быть, придется начать издалека. К тому же, — улыбнулся Шувалов, — я долгое время старался держаться подальше от милиции и не могу преодолеть некоторую робость перед карательными органами.

— Можно ли спросить, почему? — поинтересовался Грай. — Вы родились в

России?

— Ваш вопрос мне понятен. Именно об этом я и хотел рассказать. Почти все семейство Шуваловых в те времена, когда пришел к власти гегемон, отправилось из Петербурга — туда... — Он посмотрел в окно, где на краешке горизонта был виден б хорошую погоду Финский залив, а за ним туманились вдали Финляндия, Швеция, Норвегия... — Оставшиеся Шуваловы насильственным образом оказались отправлены туда, — и он поднял голову и посмотрел наверх, где над нашим потолком находилось небо. — Мой отец, когда ему было восемнадцать лет, оказался в тифозном госпитале. Рядом с ним умирал рабочий парень такого же возраста, и отец за ним ухаживал. Парнишка пожалел отца: «Если ты выживешь, тебя все равно убьют. Я наших знаю. Возьми мои документы, я уже не жилец, а ты помогал мне, как мог». Так мой отец сменил имя. Когда в конце своей жизни он мне все это рассказал, я спросил, можно ли взять свою фамилию, и услышал ответ: «После моей смерти». Так сильно он боялся. Теперь ситуация в стране изменилась, я смог наконец стать Шуваловым. Меня признали родственники, живущие за границей, помогли стать на ноги.

Шувалов вздохнул, явно переживая что-то про себя. Хотя по его лицу было видно, что он полностью владеет своими эмоциями и у него можно узнать только то, что он сам пожелает сказать.

— А теперь маленький экскурс в далекую историю, — предупредил Шувалов.

Грай уселся поудобнее.

— Никому неизвестно, как появились русские голубые кошки. Есть только легенды, — начал рассказ Шувалов. — Полагаю, что выводить их начали лет триста назад в боярских вотчинах, которые теснились вокруг Москвы. Там были свои конюшни, свои псарни. Царь приглашал на охоту, и следовало являться с собаками. Псам жилось неплохо, но и людям тоже нравилось. Недаром царь Алексей Михайлович издал указ — вольных людей, которые записывались в крепостные холопы, следует бить кнутом и ссылать на Лену. Хозяйство бояре вели натуральное, на усадьбах, в амбарах и погребах собирали большие запасы продуктов. Сюда на кормежку сбегались полчища мышей и еще — черные крысы, разносчики чумы, от которой тогда гибли целые народы. Нам трудно теперь представить, как много значили кошки для наших предков. Появление русских голубых в Европе связывают с именем императрицы Екатерины Великой, которая якобы подарила английской королеве на коронацию пару русских голубых кошек. Дальнейшая история русских голубых печальна. Чистопородные животные, которые остались в Зимнем дворце и в других домах, растворились среди уличных кошек. Порода исчезла, русские голубые погибли, как погибло многое из того, чем гордились наши деды.

— Более позднюю историю я знаю. Для ленинградских кошек она тем более печальна, — согласился Грай. — В блокаду практически всех кошек съели. Когда сняли блокаду, в наследство от нее достались полчища крыс. Леонид Пантелеев сделал запись в блокадном дневнике в январе 1944 года: «Котенок в Ленинграде стоит 500 рублей». Сравним — за 50 рублей можно было с рук купить килограмм хлеба, а сторож получал зарплату 120 рублей. Пришлось собрать по стране и привести специально в Ленинград два эшелона кошек. Старожилы вспоминали — чтобы получить кошку, приходилось отстоять очередь. Рас-

хватали их быстро, многие вернулись ни с чем.

— Видите, как тесно связана история кошачьего рода с историей людей? — усмехнулся Шувалов. — Судите сами. У нас в квартире, сколько я помню, всегда жила кошка. Я с удовольствием возился с ней. Когда отец открыл мне нашу тайну, я поехал в пригород, на берег Финского залива в Шуваловский парк, посмотреть на огромный дворец, в котором жил мой дед. Во дворце располагалось морское училище. Множество курсантов находились внутри здания, у входа стоял дежурный и внутрь меня не пустил. Около входа я заметил двух кошек — необыкновенных, голубых! Кошки сильные, хорошие охотницы. В зубах одна принесла крысу и положила к ногам дежурного. Он достал припрятанный кусочек колбасы и угостил кошек. Видно было, что их здесь знают и любят. Я рассказал об этом отцу. Он в то время был уже плох и не мог ходить. Отец заволновался, глаза заблестели, сказал, что, судя по описанию, это и есть та самая знаменитая русская голубая, которую он считал погибшей. Больших трудов мне стоило подкараулить одну кошку у Шуваловского дворца и схватить. Но я не успел убежать. Курсанты заметили меня и поймали. Сгоряча хотели дать взбучку, но я все им рассказал — про отца, про дворец, про кошек, что я биолог и хочу восстановить! породу, считавшуюся утерянной. Курсанты поверили мне, отдали кошек и сказали, что неподалеку, вроде, жил старик, который прежде служил во дворце и сохранил кошек с самой революции. Старик не так давно принес им в корзинке двух этих кошек, сказал, что собирается умирать, оставить животных некому. Еще сообщил, что у его соседей тоже есть такие же кошки, две или три.

— Возможно ли это? — усомнился Грай.

— Вы знаете тот район?

— Неплохо.

— Шуваловский дворец стоит на значительном отдалении от плотной застройки, среди большого парка, напоминающего лес. За парком небольшие дома, даже поселки. Есть где кошкам спрятаться, подкормиться, у кого поселиться. Не забывайте, голубые — искусные охотники, непревзойденные мышеловы.

— То, что вы говорите, удивительно, — улыбнулся Грай. — Ожившая легенда.

— Дальше было еще интереснее, — продолжал Шувалов. — Я нашел двух соседей покойного старичка, у них оказалась еще пара — кот и кошка. Местные жители высоко ценили голубых за красоту и умение ловить мышей. С их помощью я и восстановил породу. У меня появилась возможность развернуться, показать свои способности. И вот тогда — международная организация ФИФЕ признала эту породу как новую, зарегистрировала ее.

— Хорошо бы посмотреть, — попросил Грай.

— Копейкин, — попросил Шувалов, — откройте, пожалуйста, кейс.

Копейкин поднял ящик.

— Ставьте сюда, на мой стол, — предложил я.

Шувалов не вытерпел, сам открыл дверцу, позвал: «Елисей, выходи!»

Из походного домика вышел котик, потянулся, сонно посмотрел на хозяина, приветствовал его негромким: «Мр-р-р-н-н-н...»

Я двадцать два года прожил в тверской деревне, у нас всегда были коты — смекалистые, ловкие, старательно охраняли подпол и амбар: мышь поймают

и крысу задушат, а птичка зазеваается — и ее сцапают. Я понимал толк в кошках.

Кот мне сразу понравился. Изящно и тонко сложенный, с клиновидной головой, на стройных длинных ногах. Короткая блестящая шерсть его была ровного голубого цвета, а по голубому шел серебристый блеск. Кот блестел, словно луна на ночном небе.

— Приглядитесь. — пояснил Шувалов, — уникальный серебристый блеск ему придают светлоокрашенные кончики волос.

Грай тоже был восхищен.

— Умели наши прадеды красоту создавать и ценить! — И перешел на деловой тон. — Предысторию я узнал. Так в чем проблема? Для чего вам понадобился сыщик?

Кот посмотрел, правильно ли я веду записи в блокноте, оглядел комнату, прыгнул со стола и пошел вдоль стен, все обнюхивая. Затем выбрал тихое местечко у меня под столом.

— Перед вами родоначальник Елисей, — продолжал Шувалов, снова усевшись на диван. — Котят от него я отдаю в самые надежные руки. Таких кошек в городе было всего одиннадцать особей. Но дело в том, что эти редчайшие животные стали пропадать у тех людей, которым я их отдаю.

— Теперь, пожалуйста, подробнее, — попросил Грай, — называйте имена и адреса хозяев.

Верхов докуривал уже третью «беломорину». Станный тип. Может быть, даже больной. Ему надоело бросать на меня устрашающие взгляды, и он взялся за Грая.

— Зря вы распинаетесь перед сыщиком, Александр Николаевич. Ему это непонятно и неинтересно. Я по глазам вижу.

Грай отреагировал мгновенно.

— Действительно, в разведении кошек я ничего не понимаю, хотя сочинения монаха Менделя изучал. Но вот найти жулика — это моя работа. Давайте пари: ставлю десять к одному, что я эту задачу решу. — И он уставился на Верховова. — Спорим?

Верхов не выдержал упорного взгляда, заерзал на диване.

— Уж не считаете ли вы, что я кошек умыкнул?.. Найдете вы вора, держите карман шире! Людей, вон, сколько пропадает в городе, их с собаками ищут, сыскать не могут, а тут — кошки. Как найти? Не найдешь, ты уже простреленный, — видно, доискался уже.

Я подумал, что с Верховым у нас будут проблемы. Заниматься воспитанием этого седого, со сморщенным лицом человека уже поздно. Грай, очевидно, пришел к такому же заключению и повернулся к Шувалову.

— Начали пропадать год назад — сибирки, сиамки, персидские кошки, — рассказывал Шувалов. — Сначала мы не сильно переживали, возьмет человек другого котенка, вырастит. А теперь стали пропадать коты-чемпионы!

— Почему же они пропадают?

Верхов закурил четвертую «беломорину» и зло хмыкнул:

— Ну, к кому мы пришли, он же ничего не знает!.. Конкуренция обострилась! Появилась возможность зарабатывать на кошках большие деньги. Раньше были настоящие любители, тихо себе растили кошечку, радовались ей. Теперь пошли выставки одна задругой, кошки набирают звания: кандидат в

чемпионы, чемпион, кандидат в гранд-чемпионы, европейский чемпион... Чем выше звание кота, тем дороже котенок от него. Котенок от европейского чемпиона персидской кошки, знаете, сколько стоит? Миллион! Кошки стали дорогим товаром. Пришли новые люди, жадные, злые, обострилось соперничество. Новичок — ничего не знает, его в клубе выучат, он получит звание международного судьи и раскалывает клуб, уводит людей, организует свой клуб. Кошек соперников начали травить, — возбужденно продолжал Верхов. — Появились кошачьи колдуны. Можно нанять такого колдуна, и он сделает так, что у вашего соперника «машинка» слабее работать станет. Представьте себе, что в городе десять кошек одной породы, скажем, сиамской, и всего два кота. Владелец одного из них приглашает колдуна, и тот делает так, что у кота-соперника падает потенция. И вот он — хозяин положения, к нему идут, с каждого помета он берет себе котеночка и делает немалые деньги на этом.

Копейкин перебил Верхову:

— Частая вязка кота гробит. Так бы кот жил шестнадцать лет, а если он станет делать вязку каждую неделю — проживет всего восемь лет. изнашиваются коты, как люди.

Грайд поднял брови.

— И кто же с кем борется? Нельзя ли конкретнее?

— Идет брожение постоянное, старые клубы раскалываются, создаются новые... Это сложный процесс, — заговорили четверо разом, и я не знал, что записывать.

— В основе деятельности вашего клуба — коммерция? — повысил голос Грайд, и все замолчали.

— Нет, — ответил Шувалов, — Наша цель — и в уставе это записано — гуманизация общества через внедрение культуры общения с кошками.

— Откуда же вы средства берете?

— Частная деятельность не запрещена. В клубах немало состоятельных людей.

— Сколько же может стоить кот? Не чемпион, а рядовой?

— Представьте себе, к английскому лорду приехал в гости эмир из Кувейта и увидел белого кота. Они любят все белое. Просит — продайте. Лорд отвечает — не продается. Эмир уже загорелся, он хочет именно такого кота, начинает спрашивать, искать. Сколько он может заплатить?

— А если в наших условиях?

— Считайте, кот делает одну вязку в неделю, с каждой вязки ему положен котенок, который стоит пятьсот долларов. Сколько стоит такой кот?

Грайд пошевелил губами, удивленно покачал головой.

— Пятьсот долларов?

— Да, такова цена хорошего породистого кота.

— Ну, а ваш русский голубой?

— Ни один из них не был еще продан, это родоначальники, им цены нет.

Грайд оглядел всех, остановил взгляд на Верхове.

— Проблема в целом становится мне ясной. Думаю, старые пропажи рассматривать не будем. Как говорится, следы остыли. Хотя хотелось бы узнать — вот украли чемпиона: можно ли его привезти на выставку под другим именем?

— Украденного кота не выставишь, он будет узнан, — развел руками Шувалов. — На выставке нужно назвать отца и мать, нужна родословная. Украденный кот выпадает из игры. Ведь чтобы вырастить чемпиона европейского масштаба, нужно о нем работать десяток лет, не только поддерживать форму, ухаживать, кормить витаминами, выгуливать, но и регулярно выставляться.

Верхов хмыкнул.

— До революции — читайте очерковую литературу — шкурки котов собирали по деревням и шили из них рукавицы и шапки. Потом этот промысел забыли, как и многие другие — разучились выделывать шкурки, валять валенки, шить дубленки... Теперь мы вспоминаем прошлое и постепенно возвращается кошачий промысел. Считается, что кошачий мех не прочен. Может, это и так. Но я уже сам видел на Невском людей в шапках из кошки. Полушубки из кошки шьют.

— Шуба из чемпионов? — усмехнулся Грай.

— Ну, это было бы слишком дорого, — вмешался Копейкин.

Верхов огрызнулся на него:

— Я сам видел, шубка из шкурки обыкновенных кошек, а оторочка из дорогих, сиамских.

Шувалов прикрыл глаза рукой.

— Бедные!

Верхов повернул голову к Шувалову:

— Скажу вам больше, Александр Николаевич, я слышал легенду, что где-то в городе шьется царь-шуба из ваших кошек — русских голубых. Дело не в цене, а в принципе.

Копейкин крикнул:

— Коты эти — государственное достояние. За них на международных выставках будут долларами платить, а тут какой-то... гм-гм... шубу шьет. Это безобразно надо прекратить.

Шувалов открыл глаза, сухо спросил:

— Согласны ли вы взяться за это дело, Грай? Теперь мы вам все объяснили.

Грай посмотрел на меня:

— Виктор, что скажешь?

Я стал размышлять вслух:

— Дело необычное. Может быть, это первый на свете кошачий детектив. Все может оказаться сложнее, чем мы предполагаем. Непонятно даже, с чего начать...

Грай принял решение.

— Мы беремся, но потребуется аванс. Шестьдесят долларов.

Он сдвинул брови — не любил говорить о деньгах.

Шувалов посмотрел на кассира. Тот крикнул, пошевелил широкими плечами.

— Такой расход мы, наверное, выдержим.

— Сумму окончательного гонорара назовем потом.

Кассир поспешил уточнить:

— В разумных пределах, строго в разумных пределах. Ведь впереди выставка, надо платить за аренду помещения, надо... все надо.

Шувалов подвел итог:

— Это становится делом принципа. Из восьми кошек новой породы пять

украдены, исчезли. Каждая оставшаяся на вес золота.

— Теперь расскажите, — попросил Грай, — как исчезли ваши кошки.

— Я живу на проспекте Стачек, в большом сталинском доме напротив метро «Автово», — начал рассказывать Шувалов. — Дома у меня пожилая мать, плохо слышит и почти не видит. Она нечаянно заперла в кладовке кота, а кошка бегала по квартире. Когда я пришел вечером домой, кот орал в кладовке — не терпит охотник закрытых дверей, а кошка исчезла бесследно. Кот перед вами, домой везти боюсь, не знаю, куда деть его.

— Царапины на двери или на замке есть? Вы не присматривались, не ковырялся ли кто в замках?

— Есть мелкие царапинки на замке, но, может, это сделал я сам — знаете, лампочки на лестнице пропадают, а в темноте приходится подбирать ключ из связки, он не лезет, нервничаешь, торопишься.

— Покажите ваши ключи.

— Вот, один французский, другой ригельный.

— Что ж, весьма солидные замки, мальчишка или просто прохожий с улицы их не откроет.

— Вы хотите сказать, что профессионал справится с этими замками?

Грай повернулся ко мне.

— Виктор!

— Ваш ригельный замок можно открыть морковкой. А с этим французским минуты три возни, пока не подойдет отмычка.

Шувалов растерялся.

— Я всегда был высокого мнения о русских умельцах. Значит, нашелся Левша, которому наши замки нипочем.

— Что сообщите вы, Верхов?

— Я живу на улице Мориса Тореза в большом доме. В квартире, кроме меня, жена, два взрослых сына. Я сам закрыл дверь на цепочку, когда мы легли спать. Утром встаем — нет кота. Дверь закрыта, цепочка на месте.

— Форточка?

— Форточка открыта, но у нас восьмой этаж. Кот все-таки не идиот.

— Замок не поврежден?

— Никаких следов-царапин, или еще чего, на замке нет.

— Значит, тайна закрытой комнаты?

— Двери во все комнаты открыты, чтобы воздуху больше было, и — никаких шумов, никаких следов. Милиционер в нашем же доме живет. Пришел, посмотрел, ничего сказать не смог.

Дмитриев покрутил носом, откашлялся.

— У меня было так: утром ушел на завод, жена отправила старшего сына на работу, младшего в школу и сама пошла на фабрику. Младший пришел из школы, он в восьмом классе — дверь закрыта, кошки дома нет. Форточка тоже открыта, но кошка прежде туда никогда не лазала. Мы живем на Васильевском острове в старом фонде. Теоретически, она, конечно, могла выпрыгнуть, но, как сказал Верхов, кошка же не идиотка. Что об этом думать, я не знаю.

Ирина покосила глазом из-под челки на меня, записываю ли, и быстро, как выученный урок — видно, рассказывала не раз, — затараторила:

— Мы с мужем в разводе, но я ему полностью доверяю, у него есть ключи от квартиры, сын живет чаще у мужа, но приходит поиграть с кошкой. Я рабо-

таю в гостинице, ухожу на сутки и оставляю еду кошке на весь день. Утром я пришла с работы — кошки нет дома. Судя по тому, сколько съедено, она исчезла в первой половине дня, плотно поела и — исчезла. Сын приходил поиграть с ней, но не нашел и оставил мне записку с вопросом — где кошка?

— И тоже никаких следов?

— Никаких.

— Часто вы не ночуете дома? — спросил Грай Ирину.

Я думал, что она вспыхнет и надерзит. Но, видно, я плохо разбираюсь в женщинах.

— Иногда мне приходится ночью дежурить в гостинице. Часто езжу за город к подруге и остаюсь у нее. Тогда я прошу последить за кошкой соседку по лестничной площадке, оставляю ей ключи.

— Соседка не могла позариться на кошку?

— Не думаю, у них там полна коробочка, людям жить негде. К тому же я ее давно знаю, она часто помогает мне по дому... А почему вы спросили, где я ночую? Вы мне не доверяете?

— Я никому не верю, только фактам. Виновным может оказаться любой. Даже кто-то из вас.

— Неплохая догадка, — хмыкнул Верхов, — Стоило мне ради этого тащиться такую даль.

— Сколько русских голубых осталось в городе? — спросил Грай.

— Три, — ответил Шувалов, — Мой Елисей и еще две — у Копейкина и Молчановой. Вот наши адреса.

— Итак — для чего их воруют? Есть версия, что из них, по принципиальным соображениям, шьют редкостную по цене шубу.

— Я тоже слышал эту байку, — согласился Шувалов. — До какой моральной низости должен человек опуститься, чтобы пойти на это!

— Причем здесь мораль? — разозлился Дмитриев. — Кто-то получает шубу из уникального зверя, небывалой расцветки, с удовольствием носит ее и даже гордится ею: такая шуба — одна в мире! А на мораль и историю ему наплевать.

Верхов цинично усмехнулся:

— Мораль — дело переменчивое. Носим же мы шапки и рукавицы из собаки, а она тоже друг человека. На севере специально собак длинношерстных для шапок выращивают. Да и куда опускаться? Многие сейчас живут вообще без морали, главное — выжить. Любой ценой. Или разбогатеть. Тоже любой ценой.

— Вы несносны, Верхов, со своей демагогией, — стрельнула на него глазом из-под челки Ирина. — Я про это знать не хочу, мне противно. Не за этим мы сюда пришли, давайте делом заниматься.

— А вы слышали про так-то шубу? — спросил ее Грай.

— Да, слышала. Все кошатники говорят про эту шубу. Но это выдумка, анекдот.

— А вам, Ирина, пойдет такая шуба, — засмеялся Верхов.

Ирина дернула плечом и отвернулась.

— Другая версия, — продолжил Грай. — «Неизвестный», назовем его пока так, ворует кошек, чтобы стать монополистом на рынке.

— Ворованного кота невозможно выставить. Его лучше отравить! — не со-

гласился Шувалов. — Я узнаю своего кота и скажу: «Отдай!» Кошачий мир тесен.

— А если станут продавать котят?

— Я узнаю и сына, и внука своего кота.

— Разве это возможно? — поинтересовался Грай.

— Узнают же лошадаики детей от знаменитых рысаков и других коней по голове, крупу, ногам, копытам, по бегу... Так и я узнаю.

В Верхова словно вселился бес противоречия.

— Вы слишком хорошо думаете о людях, Александр Николаевич! Наши кошки еще не успели облагородить общество до такой степени. Ворованного кота можно продать через третьи руки в другой город и написать ему в карточку — родители неизвестны. Вот он и снова участник выставки. У вас останутся документы, у него будет кот. Идентифицировать кота невозможно. Как вы докажете, что это ваш кот? Даже если он вас узнает — это ничего не докажет.

— Я не верю в такую низость, — ответил Шувалов. — Скажите нам, Грай, как вы полагаете действовать, с чего начать?

— Не могу пока сказать, Александр Николаевич.

— Ни черта он нам пообещать не может, этот самодеятельный детектив! — взвизгнул Верхов.

— Что вы думаете, Копейкин?

— Нужно соглашаться, пусть начинает действовать. Если мы увидим, что ничего не получается, разорвем соглашение.

— Вы принимаете такие условия, Грай?

— Да. Если пойму, что зашел в тупик, тотчас поставлю вас в известность.

— Вы согласны, Копейкин?

— Да, ведь нам его рекомендовали как лучшего частного детектива в Санкт-Петербурге.

— Ирина, что вы скажете?

— Я не услышала плана конкретных действий, но, полагаю, нам надо начинать.

— Геннадий, что вы скажете?

— Я не думаю, что он сможет прийти ко мне домой и вынуть, словно фокусник, кота из шляпы, но пусть он найдет этого жулика, пора с ним рассчитаться, и пусть сумеет защитить трех оставшихся русских голубых. Я надеюсь получить от них котенка и начну все сначала. Что касается оплаты — нас тут пятеро пострадавших, нам надо заплатить по десять долларов, из кассы добавить еще десять и выдать эти деньги как аванс. Что вы скажете на это, Грай?

— Не буду обнадеживать — нет почти никакой информации. Мой клиент Шувалов, или клуб «Котофейч»?

— Вас нанимает клуб, — ответил Копейкин. — Наши условия: если нельзя найти пропавших кошек, то надо схватить жулика и сохранить оставшихся трех кошек. С них мы можем снова поднять породу.

Елисею надоело сидеть внизу, он прыгнул ко мне на стол, чтобы наблюдать за всеми.

Грай встал, прошелся по комнате, словно набирая сил для нового серьезного дела, остановился у моего стола, протянул руку к коту.

Елисей понюхал руку, лизнул.

— Ага, он признал меня, — рассмеялся Грай. Присел, заглянул в зеленые глаза. — Ты расскажешь мне, кто увел твою подружку?

И вдруг — бац — кот дал ему крепкого тумака лапой.

Грай отпрянул.

— Вот так поступили с твоей подружкой?

— Мр-р-н-н... Мр-р-н-н... — ответил кот.

— Куда спрятать кота? — спросил Шувалов. — Нести домой — страшно. Не верю ни в какую чертовщину, но деле так поворачивается, что скоро поверю и в домового, и в барабашку, и в кого угодно.

Грай посмотрел на меня.

— Виктор, что ты скажешь, если мы предложим коту погостить у нас?

Я обрадовался.

— Капитан Бондарь вчера жаловался, что мыши напали на его урЛасы. Думаю, хороший охотник на мышей нас выручит.

Когда все поднялись и стали выходить из кабинета, Герман Еремин, до этого сидевший молча и внимательно поглядывавший на своих товарищей, подошел к Граю и решительно заявил:

— Пока мы тут сидели, говорили, я кое-что вспомнил, сопоставил одно с другим, у меня в голове стало проясняться.

Герман остановил шедшую за ним Ирину Харитонову, взял ее под руку. — Ты знаешь владелицу питомника персидских кошек Анну Толстую?

Ирина вопросительно подняла голову:

— Анну многие знают, известная особа, мы встречались на выставках. Ее персидские кошки отменны.

— Конечно, Анна Толстая к нашему клубу никакого отношения не имеет. Но о ней идут разговоры, разные сплетни, ее жизнь кажется многим заманчивой... Вот я и подумал...

— И что же? — сказал Грай. — Это может насести нас на след?

— Я пришел к выводу, что теперь мы, наверное, сами сможем разобраться в этом деле. До свидания! Спасибо вам за то, что терпеливо нас выслушали.

Герман отпустил руку Ирины, лицо его стало хмурым, замкнутым. Не произнес больше ни слова, сн торопливо оделся и ушел.

Посетители разошлись. Я закрыл за ними дверь. У нас появился клиент, и сразу время таинственным образом спрессовалось, стало давить на меня. Следовало срочно что-то предпринять, с чего-то начать. Но с чего? Я вошел в кабинет и ожидающе посмотрел на Грая.

— Как вы думаете, Герман Еремин действительно о чем-то догадывается?

— Может быть, он знает что-то. Им мы займемся в первую очередь...

Оказалось — Грай может рисовать левой рукой. На большом листе ватмана в центре он поместил графа Шувалова, очень похоже изобразил, с Елисеем на плече. От центра во все стороны шли стрелки. На конце первой висели шуба и шапка из шкурок котов.

— Эту идею разрабатываешь ты, — сказал Грай.

— Как?

— Думай. Сам думай, Виктор.

— Сейчас прикину... Вот справочник по городу, открываю страницу... Ищу скорняжные мастерские.

— Начни с Невского проспекта. Но не исключено, что нужная нам мастер-

ская находится на окраине города и придется обойти все. Может быть, шапки из кошки шьет мастер-надомник, но эту версию пока отложим. Сейчас побеждаем, отправляйся. Хоть сегодня суббота, многие мастерские из-за финансовых трудностей открыты, работают.

На двух других с грелках он нарисовал важного Копейкина и застенчивую Надежду Молчанову с толстой косой до пояса. У них жили кошки, которых следовало охранять.

Грайд взглянул на часы.

— Поспешим! Бондарь строгий капитан, не терпит, когда опаздывают на обед. У него морской распорядок: после обеда — адмиральский час.

Я не знал, что такое адмиральский час.

На обед был густой красный борщ, крепко наперченный, макароны по-флотски и компот.

— Живем, как на борту траулера, — улыбнулся я. Капитан хитро глянул на меня.

— Станешь критиковать камбуз — добавки не получишь.

— Разве это критика? Смотрите, ложка в борще стоит — высший балл!

Капитан заулыбался.

— То-то же, подставляй тарелку.

Я люблю все узнавать из первоисточника.

— Мне стало известно, капитан, что у вас после обеда адмиральский час. Если не секрет, это что такое?

Бондарь окинул меня критическим взглядом.

— Вымахал с каланчу, а еще салага. Живешь в морском городе и не знаешь, что такое адмиральский час. Вот нарочно не скажу, так и живи в неведении. Жаль, что ты ни разу в море не сходил.

— Зачем это мне?

— Вот подожди, наведаюсь в порт, договорюсь и отправлю тебя в Атлантику. Сходишь рейс-другой, и мы с тобой поговорим. Описать это словами невозможно. Человек возвращается оттуда иным. Сам поймешь, как море людей проверяет.

Грайд ел крепко задумавшись, не замечая, что жует, и не видя нас. Капитан подмигнул мне, налил вторую тарелку борща и, ни слова не говоря, заменил пустую у Грая. Так же размеренно двигая ложкой, Грайд начал уничтожать вторую порцию. Я затих — что будет?

Грайд доел борщ и, не выходя из задумчивости, заметил:

— Хороший перец. Съел бы еще, да уж больно горит внутри.

— Пожар в желудке лучше всего залить компотом, — смутился капитан и поставил перед Граем кастрюлю.

— Зот что, Виктор, — вышел из задумчивости Грайд. — Шуба из кошек подождет. Возьми машину, поезжай сейчас и понаблюдай за Германом Ереминым — куда он поедет, с кем станет говорить, кто к нему придет... А вечером, часов в девять, зайди и, если получится, сам с ним поговори. Если он не пойдет на контакт — убеди явиться сюда для конфиденциального разговора. Попробуем выяснить, какие соображения пришли ему в голову.

Я быстро собрался и поехал на нашей «Ниве» по проспекту Ветеранов. Ехать пришлось далековато — за лесной массив, над которым взлетают и садятся на Пулковский аэродром самолеты.

Герман с самого начала был мне подозрителен — я не доверяю мрачным людям с прижатыми ушами. Может, он тот человек, которого мы ищем?

Вот нужный дом, точечный, кирпичный.

Я поставил машину у соседнего дома с надписью по фасаду: «Междугородный телефон», и всмотрелся в окна на восьмом этаже. В декабре темнеет рано, сумерки начали опускаться на город. Некоторые окна уже осветились. Которые из них Германа? Я не знал, как расположена его квартира, и решил подняться, посмотреть.

Но прежде следует выяснить, дома ли он? Зашел на телефонную станцию и позвонил по автомату. Длинные гудки пояснили мне, что либо его нет дома, либо он не хочет ни с кем разговаривать.

У наружной двери дома сложная система вызовов: надо нажать две кнопки, вам ответит хозяин, вы объясните, кто пришел, и если он узнает вас по голосу и у себя дома нажмет нужную кнопку, то раздастся щелчок, дверь откроется. Прекрасная охранная система. Но... работает год-два и приходит в негодность. Я дернул ручку посильнее, открыл дъесть, поднялся на восьмой этаж.

Зайти в чужой дом еще не преступление. Я отыскал нужную квартиру: оказывается, смотрел на дом с другой стороны. У себя ли Герман? Я прижал ухо к двери, но ничего не услышал. А если его нет дома, что же я, так и буду здесь торчать?

Решил действовать наудачу, меня словно кто-то подталкивал под руку. Не снимая перчаток, я нажал кнопку звонка. Внутри раздался переливчатый звон, но никто не отзывался. Подождал немного и на всякий случай решил дергать ручку двери. К немалому удивлению, дверь оказалась незапертой, подалась. Я прислушался — что там, в квартире, и осторожно вошел.

Мимоходом заметил — на вешалке шуба Германа и шапка, значит, он дома, но где же? Из передней прошел в комнату. За дверью, на полу, свалившись со стула, лежало тело хозяина квартиры. Из груди у него торчала рукоятка большого хлебного ножа. Вид трупа меня почему-то не шокировал, видно, я начал привыкать к новой работе. Потрогал тело косточками пальцев — оно уже остыло и начинало коченеть.

Сколько было людей в доме? На столе чайник, печенье и две чашки. Значит, один гость, кто-то из своих. Как долго они сидели? Косточкой пальца потрогал чайник — уже остыл. Печенья съедено немного — всего четыре штуки. На краю гостевой чашки помады нет. Принюхался к чашке Германа — никаких посторонних запахов. Но, может, все уже выветрилось? Я стал размышлять. Наверное, ему подсыпали клофелин — от него человек быстро засыпает. Герман мужчина рослый, крепкий, с ним непросто сладить, и наверное, когда он начал отключаться или уже отключился, гость сходил на кухню за ножом и ударил хозяина в грудь. От удара Герман почти очнулся, попытался встать, но тут сердце остановилось и он упал.

На письменном столе у Германа телефон с электронной памятью АОН, сейчас узнаю, кто сегодня звонил, во сколько, откуда?.. Нет ничего, все стерто. Предусмотрительный убийца.

Я заторопился. Уже не хотелось заниматься детальным осмотром квартиры. Достаточно того, что следов борьбы не было и обыск не проводился. Попасться в чужой квартире — не шутка. Если меня обнаружат вместе с мертвым хозяином — уголовный розыск сразу захочет задать множество вопросов.

Обдумывать ответы на них придется за тюремной решеткой неопределенно долгое время.

А ведь Грай наверняка рассчитывает на мою помощь, ему сложно вести оперативную работу с одной рукой.

Вышел из квартиры, в лифте содрал перчатки. Ну и дела с этими котами! Круто начинается! Но я был рад, что остался незамечен. Жив, могу свободно передвигаться, предпринимать действия, какие сочту нужными. В общем, понял, что повезло. Снова был бодр, готов к действию.

Торопливо выйдя на тротуар, повернул направо и уже сделал больше десяти шагов, как рядом затормозила милицейская машина. Открылась дверца, и мой старый знакомый, сержант Петренко из уголовного розыска нашего Автоовского отделения милиции, крикнул:

— Послушайте, Виктор, откуда вы идете? Не от Германа Еремина?

Сердце мое упало в пятки и с трудом возвращалось обратно.

— Я заходил выяснить, где он проводит сегодняшний вечер.

— Выяснили? — подозрительно приглядывался ко мне сержант.

— Он не ответил на телефонный звонок и не открыл дверь.

— Не хотите подняться со мной?

Я согласился. А что было делать?

К сержанту подошла дворничиха в оранжевой безрукавке, надетой на ватник.

— Вы видели этого гражданина здесь? — спросил Петренко.

— Да, видела. Он зашел в дом минут пятнадцать-двадцать назад, а только что, перед вашим приездом, вышел.

— А прежде вы его не встречали?

— Нет, не встречала.

Мы поднялись наверх, и дворничиха открыла дверь. Сержант Петренко вошел в комнату, сразу увидел рукоятку ножа, торчащую из груди хозяина, и, поворотившись ко мне, зарычал:

— Зачем вы к нему приходили? Говорите откровенно, не вздумайте врать!

— Я уже объяснил вам цель моего пр'гхода и могу только повторить. То, что я вижу, снимает с Германа мои подозрения в воровстве кошек.

— Почему вы его подозревали?

— Мне не нравилось угрюмое выражение его лица, постоянно угрюмый человек кажется опасным. Но теперь вижу, что был не прав. А вот вы почему приехали именно сейчас? Мы ведь с вами сотрудничаем, так что не скрывайте.

— Ладно, расскажу. Нам позвонила женщина из клуба, сказала — у нее договоренность с Ереминым на вязку кошки. Она звонит ему, а он как в воду канул, на звонки не отвечает. Она встревожилась и позвонила нам...

В общем, я славно провел остаток дня. Приехала дежурная бригада криминалистов сг следователем Михайловым и начальником уголовного розыска Голсзатым. Я был задержан как подозреваемый. В районном отделении меня сначала допрашивал Михайлов — недоверчиво, зло, явно желая посадить меня в «Кресты» и «повесить» на меня убийство. Его сменил Головатый, говоривший рассудительно и полагавший, что я не пойду на «мокрое дело» без особых на то обстоятельств. Таких обстоятельств он не смог найти, и в десять часов вечера я был отпущен из Автоовского отделения милиции под подписку о

невыезде.

От отделения милиции до нашего дома три минуты хода пешком, если не торопиться. И я не спешил, пытаюсь привести в порядок свои мысли и ощущения. Но ощущений было много, а мыслей, увы, кот наплакал.

Стол Грая оказался застелен газетой. На нем стояла металлическая масленка с завинчивающейся пробкой, лежала зетспка. Зажав старинный пистолет ящиком стола, он ершиком чистил ствол.

— Что такой взъерошенный? — спросил Грай.

Чтобы успокоиться, я сел за свой стол и сделал три длинных вдоха.

— В нашем деле появился покойник, — произнес я как можно спокойнее.

— Шутки твои дурацкие, — занервничал он, макая ершиком в масло. — Ты нашел Германа?

— Да, нашел. Мне не нравилась его угрюмая сосредоточенность, и уши прижаты, словно у маньяка. На телефонный звонок он не ответил, и я поднялся на восьмой этаж, чтобы посмотреть, что за квартира. Нам надо бы побывать там и попробовать найти что-нибудь — след, зацепку. Дверь оказалась незакрытой, и я вошел. Единственное, что сумел отыскать — чайник на столе, две чашки и хлебный нож в груди Германа, упавшего на пол.

Видимо, ранение не улучшило Граю характер, да и нервы у него расшатались. Мне показалось, что его хватит удар, так покраснело его лицо. В нашем деле, которое мы считали простым, бытовым, вдруг в первый же день появился покойник. Грай схватил вычищенный пистолет и, размахивая им, закричал:

— Черт побери эту каналью! Мало ему ворованных кошек — людей стал убивать!.. — погрозил пистолетом в сторону улицы. — Доберусь до тебя, держись, людоед! — ярость корежила Грая, он выскочил из-за стола и забегал с пистолетом по кабинету. — Я... я... бриться не буду, пока не схвачу негодяя! — Зная о его способности выстрелить в самый неожиданный момент, я был рад, что оружие без пули, и внимательно следил, чтобы он в гневе не выхватил из ящика стола заряженный пистолет.

В кабинет заглянул обеспокоенный Бондарь.

— Что-нибудь случилось?

— Да, — ответил я. — В нашем деле появился покойник. Мы в трауре и в гневе. Грай дал слово не бриться, пока не поймает убийцу. Я с сегодняшнего дня не стригусь.

— Ну, если это необходимо, чтобы заработать гонорар, — поднял брови Бондарь, — можно пойти и на такую жертву. Хотя клиенты вряд ли вас поймут.

Грай поднял старинный пистолет, прицелился в середину стенда с коллекционным оружием. Бондарь зажал уши, я закрыл один глаз.

Кремень незаряженного пистолета звякнул о пустую полочку для пороха. Грай тотчас успокоился, подхватил раненую руку и устоялся в окно.

— Давай подробности.

Бондарь закрыл дверь, чтобы дать возможность шефу успокоиться, я стал рассказывать медленно, слово за словом, а в конце сделал собственный вывод:

— Приходил хорошо знакомый ему человек, которого Герман не мог подозревать. Герман угостил его чаем и сам выпил что-то, от чего стал плохо себя чувствовать, или совсем отключился. Тогда вдобавок он получил и нож в грудь. Наверняка, Герман что-то узнал о пропаже кошек.

Грай вернул вычищенный пистолет на стенд.

— Вопрос, — продолжал я, — Необходимо выбрать нового подозреваемого. Но не могу этого сделать — ни малейшей зацепки... Теперь о вашей клятве не бриться. Лучше вам забыть об этом, ведь придется выходить на люди, и все подумают — вы сошли с ума, ведь каждому не объяснишь, что этот злодей вывел вас из равновесия.

Грай мрачно отрезал:

— Я дал обещание, и его сдержу.

Во время позднего ужина мы угрюмо молчали, словно были солдатами роты, которая подверглась неожиданному обстрелу и понесла потери.

Перейдя в кабинет, я взял лист бумаги и стал записывать версии, которые мы могли бы расследовать, причем почти все они казались совершенно дикими:

«1. Обыскать квартиру графа Шувалова: посмотреть — не он ли зачинщик всех этих краж кошек с неведомой для нас целью. Быть может, в его документах отыщется какой-нибудь след, который укажет нам виновного;

2. Обыскать с той же целью квартиры всех членов совета клуба любителей кошек «Котофеич»;

3. Выяснить фамилии всех, кто мог знать о нашем расследовании, и поговорить с каждым;

4. Пригласить секретаря клуба Надежду Молчанову на ужин со списком членов клуба и потолковать с ней;

5. Попытаться выяснить, кто из членов клуба вдруг резко улучшил свое материальное положение;

6. С помощью милиции уточнить время гибели Германа. Попытаться найти в его доме свидетеля, который видел в это время незнакомого человека, показать ему фотографии членов совета клуба для опознания;

Попытаться ответить на вопросы: кому помешал Герман Еремин? Что он знал? У кого был мотив для убийства?»

Елисей запрыгнул на стол. Зелеными человеческими глазами, не мигая, посмотрел на меня, на Грая. Сел на список версий и, честное слово, попытался нам что-то сказать.

— Хороший кот за несколько дней чувствует выставку, — перевел я его мимику.

— Хороший кот за три дня чувствует, что его украдут, — мрачно усмехнулся Грай.

— Не шутите так, Бондарь сказал, что Елисей ему стал дорог, как ребенок.

— Петербургский клуб «Котофеич» спас, вырвал из небытия и почти обожестил русскую голубую кошку. И уже в жертву ей принесена человеческая жизнь.

Кот Елисей сделал метки всюду, куда удалось проникнуть, я даже видел, как он метил мою комнату. Я не осуждал его, по кошачьим правилам новую территорию следовало пометить, и тогда она считалась занятой. Кстати, метки его оказались не пахучи, можно терпеть.

Из нас троих кот выделил капитана Бондаря, так и вертелся около его ног, терся, мурлыкал, просился на руки. Но капитан фамильярности не терпел.

— И что это ты на руки прицеливаешься, хочешь на свитере метку оста-

вить? Ну-ка, погуляй, в подвал сходи, мышку поймай...

Бондарь отыскал в подвале старую корзинку, очистил от пыли, положил на дно подушечку и поставил около черного хода, где спуск в подвал.

— Вот тебе пост, занимай его, это твое жилище, — и посадил кота в корзинку.

Кот корзинку обнюхал, брезгливо дернув носом, выскочил наружу и на наших глазах поставил на нее метку. Затем без разгона прыгнул на кухонную дверь, даже чуть проехался по ней, зацепился лапами за верх, подтянулся, залез на нее. Затем прыгнул еще выше, на старинный шкаф под потолок, уселся там и с торжествующим видом стал наблюдать сверху за нами — что станем делать?

— Может, шваброй его оттуда? — вслух подумал я.

— А зачем? — покачал головой Бондарь. — Нашел себе место, пусть сидит. Ну что ж, ночуй на шкафу. Спокойной ночи, Елисей, — попрощался капитан.

Я проверил засов на входной двери, мы разошлись по своим комнатам.

Шувалов предупреждал, что они придут. Узнают о новом товарище и обязательно заявятся. И утром они пришли.

Елисей прыгнул на подоконник, и мы с Граем посмотрели в окно. По дорожке к дому подходили четыре кота. Шувалов объяснил, что коты, живущие поблизости, образуют некое сообщество — «братство котов». Члены братства борются между собой за обладание определенным статусом — начальники и подчиненные, атаманы и бойцы, бригадиры и рядовые, чтобы иметь власть над кошками в своем районе.

На территории «братства» появился новый кот, и хозяева района пришли вызвать его на бой, чтобы выяснить, кто сильнее и, естественно, кто какое место в иерархической системе должен занимать. Это означало: ну-ка покажи, на что пл способен, прояви свое мужество, если хочешь, чтобы «братья» признали тебя своим равноправным товарищем. Это был вызов на дуэль чести. Они показывали свое оружие — зубы и когти, они выли. Это был грозный зов.

Я посмотрел на Елисея. Если кот не чувствует себя достаточно сильным, пусть остается в доме, как в укрытии. Через некоторое время — может, через несколько часов — «братья-коты» уйдут. Слабак, не принявший вызова, уже не высунет носа на улицу.

Елисей бросился к дверям — закрыты, посмотрел на форточку — закрыта, тихонько заурчал: мол, отпустите, хозяева. Видно было, что он уже переступал лапками и выпускал коготки, он уже урчал гневно, он рвался в бой.

— Их четверо, они тебя исполосуют, — объяснял я Елисею, — а кот со шрамом не может участвовать в выставке, судьи снимут тебя с соревнований за малейший шрам, понимаешь?

Елисей не понимал, запрыгнул на подоконник, стал на задние лапы, когтями передних захватил пиджак и так рванул, что затрещала материя: мол, пусти.

— Англичане признают за котами права личности, — заметил Грай. — Не гражданства, но уже личности.

— Если мы его не пустим, он раздерет нас самих, — ответил я. — Шувалов велел, если кот сильно станет рваться на улицу — пустить.

Я открыл форточку. Елисей прыгнул наверх, оттуда в снег и выскочил на дорожку.

Огромный пятнистый кот, чувствуя свою силу и настроенный воинственно, встопорщил шерсть на спине и на хвосте, чтобы казаться еще больше. Прижал уши, то высоко завывая, то глухо ворча, на выпрямленных ногах с самым грозным видом направился к Елисею.

Я не узнал нашего домашнего, ласкового кота, он принял такой же боевой вид. Оба они застыли друг перед другом, чтобы нагнать на соперника страху и сбить с него спесь. Вибрировали у обоих кончики хвостов, грозный вой, сначала низкий, утробный, затем высокий, оглушающий, то замирал, то оживал, оглашая окрестности.

Елисей вырвался первым, значит он сильнее, отпрыгнул назад и вновь начал грозить. Снова они сблизилась, снова падали на снег, снова поднялись, на снегу заалело красное пятно. Противник Елисея бросился на землю и замер недвижимый — неужели убит? Нет — почувствовал страх перед мощью и выдержкой другого. Это остановило Елисея, и боевой дух, пыл его стали стихать. Он отвернулся, понюхал землю, повернулся и пошел к дому. Пестрый кот, видно, почувствовал себя побитым по всем правилам, вскочил и понесся в другую сторону быстрыми торопливыми прыжками, хотя его никто не преследовал.

Елисей вернулся к котам, взъероша шерсть и ворча, как бы спрашивая, кто еще хочет драться. Но ни один из них не принял вызова. Они посидели друг перед другом на дорожке, поглядывая друг на друга и почти не издавая звуков. Выражения морд мирные, даже дружелюбные. Елисей принят в братство котов. Я открыл дверь и позвал. Неторопливо, степенно, он вернулся в дом и снова превратился в ласкового домашнего кота.

* * *

Ходить по скорняжным мастерским, куда я отправился с утра в воскресенье, не такое уж интересное занятие. Я говорил, что хотел бы сшить шубу из кошачьих шкур, и спрашивал, нет ли у них мастера, который уже делал такую работу?

В одном ателье велели показать шкурки, в другом спросили, кто мех выделывал, в третьем, что нет нужды возиться с дерьмом... В тринадцатом повезло. Молоденький усатый скорняк хохотнул:

— Ты попроси Сергея Левитина, он, говорят, лихо шьет шапки из...

— А ты не в свое дело не лезь, — оборвал его приятель. И погнал меня. — Чего тут топчешься, видишь, люди делом заняты?

Домой я вернулся к часу дня. Выслушав ответ, Грай буркнул:

— Нормально, — затем поинтересовался: — Ты в пирке бывал?

— Целых три раза, — похвастал я.

— Есть возможность приятно провести середину дня. Сходи-ка ты в цирк.

— Это задание, или для расширения кругозора?

— У нас в Петербурге на гастролях единственный в мире кошачий цирк Юрия Куклачева. Посмотри представление, поговори, погляди кошек.

— А что надо выяснить?

— Я и сам не знаю что, попробуй понять, возможна ли у него, или у кого-нибудь из его людей, связь с нашим делом?

— А как я ему представлюсь?

— Придумай сам. И учти — это известный всему миру артист.

Приятное задание, но я бы не сказал, что легкое. Дневное представление начиналось в три часа, я приехал за сорок минут, чтобы успеть приготовить-

ся. По дороге придумал несколько вариантов знакомства с Куклачевым, но все они не нравились.

На станции «Петроградская» я поднялся наверх из метро и прогулялся вдоль Дворца культуры имени Ленсовета, на сцене которого выступал Цирк кошек. Е двери Дворца входили мамы с детьми, самым маленьким зрителям было года по три. Тут у меня родилась идея. Я подошел к киоску и купил детский журнал «Костер».

Держа его в руках, смело подошел к билетерше:

— Я из журнала «Костер», к Куклачеву.

Сначала она загородила вход, потом разглядела журнал, улыбнулась доброжелательно. Я понял, что она журнал знает и любит.

— Подскажите, пожалуйста, как его найти? — усилил я натиск.

Она отступила, пропуская меня.

— Вон в ту дверь, и на сцену.

Размахивая журналом, как флагом, быстро дошагал до заветной двери. Потом спохватился, завернул в раздевалку, оставил там пальто и шапку.

За кулисами пошел осторожно, перешагивая через какие-то канаты, пробираясь между ящиками, среди свисающих сверху полотнищ, приглядываясь и прислушиваясь, чтобы с ходу не нарваться на неожиданности.

Подойдя к сцене, остановился. В зрительном зале темно и пусто. Зато сцена освещена, по краю горят разноцветные фонари. В свете прожектора стоял мужчина лет сорока, начинающий полнеть, в ярком, бело-красном костюме клоуна, с раскрашенным лицом, с пронзительным взглядом. В вытянутых руках над головой он держал кошку. Со спины его фотографировал, стоя на коленях и держа фотоаппарат на треноге, сухощавый тип с бородкой, похожей на недельную щетину, и изъяснялся по-английски. Энергичная молодая женщина переводила его слова и командовала Куклачевым.

Еще одна женщина в костюме клоунессы, как я понял из их разговора — Елена, жена Куклачева, — помогала ему.

Кошка быстро уставала, злилась. Куклачев ее успокаивал и снова поднимал. Затем пошли за другой кошкой. Артист сел на стул.

— Руки отваливаются...

Принесли другую кошку. Снова зацелкал аппарат. Фотограф не успевал ловить момент, это раздражало артиста.

Я стоял метрах в пяти от них, стараясь не мешать, думал, фотограф уйдет. Куклачев несколько раз посмотрел на меня и сделал мне «рожицу», дал понять, что заметил.

Я уловил момент и подошел:

— Из «Костра», у меня задание, написать о вас, — и протянул ему журнал.

Куклачев взял «Костер».

— Какой журнал стал тоненький, и бумага тоненькая.

— Сейчас все журналы похудели.

— Лучше бы вы опубликовали мои рассказы, — попросил он.

— Они у вас с собой?

— Я их отдавал вашей женщине. Она работает еще у вас?

— Да, работает, — отвечал я, не моргнув глазом, — я спрошу у нее.

— Уже без двух минут три, пора впускать зрителей в зал, — предупредила Елена Куклачева.

— Вы идите в зрительный зал, в оркестровую «яму» и посмотрите концерт, — велел мне Куклачев, — потом поговорим.

— Может быть, я побуду за кулисами.

— В «яму»! — приказал он.

Я пошел и сел в «яму» на стул. Представление началось. Первое, что меня заинтересовало — кошки и не думали убегать со сцены. Кошки не забиты, и Куклачев потом подтвердил: кошки единственные звери, которых нельзя бить.

Не стану описывать вставные цирковые номера и трюки Куклачева-клоуна, ведь он окончил цирковое училище и прежде был обычным клоуном. Сам он о себе и о кошках много рассказывал со сцены. Оказалось, он — деревенский! Это наполнило меня гордостью — наши-то, вон, как могут подняться! И фамилия у него не цирковая, а настоящая.

Второе наблюдение — кошки его простые «мурзики», он их подбирал на улице, покупал на рынке, получал в подарок. Из породистых был один лохматый персидский котик, его подарили в Англии, очень злой, с ним трудно работать, потому что он кусался и царапался. И его оказалось невозможно укротить.

Я ждал — не выйдет ли на сцену русская голубая?

Что меня удивило: кошки понимали команды: лежать, сидеть, идти... Надо же, ума у них не меньше, чем у собак.

Под конец кошки расположились на фонарях, и Куклачев о них рассказывал, например, как одна на гастролях потерялась и пришла в Москву издалека, за двести километров, нашла его дом, пришла и мяукала на лестнице под дверями.

Когда закрылся занавес, я поспешил за кулисы. Два молодых клоуна уносили кошек в кейсах, убирали реквизит, а Куклачев уже снова работал — позировал, фотограф, который оказался шведом, уже щелкал затвором, молодая дама-переводчица оказалась из Америки, она писала про Куклачева книжку.

— Откуда вы так хорошо знаете русский язык? — удивился я.

— А я местная, — ответила она, — из Петербурга.

Ну, я тоже начал «работать», выбирал моменты к задавал вопросы.

— Под занавес про вас сказали, что вы победитель конкурса цирковых актеров в Монте-Карло...

— Ой, не надо об этом писать, это было десять лет назад, ну, выиграл, ну, и ладно... Вы напишите, мы открыли в Москве «Кошкин дом», там и театр, и ветеринарная лечебница. Это в Москве, где уже работает триста театров! И люди туда идут...

— Сколько же у вас кошек?

— Пятьдесят, а собираюсь довести их число до ста пятидесяти. Лена, — попросил он, принеси газету... Вот, вся газета посвящена открытию «Кошкиного дома»...

И снова фотоаппарат щелк, щелк.

— Где вы держите своих кошек сейчас?

— Они уже закрыты, — ответила Елена.

Это мне показалось подозрительным. За кулисами оказалось много пустых помещений. Я решил попутешествовать и вдруг услышал яростное: «Мяу!», — со злым урчанием. По деревянной лестнице поднялся этажом выше, увидел

открытую дверь. Там стояли клетки из проволоки в рост человека, с деревянными полочками, на которых лежали, сидели и прыгали коты. Один из молодых клоунов кормил их — отсаживал кошку из общей клетки в отдельный кейс, и давал ей миску с мясом, порубленным на кусочки, и с теплой водой. Удивительно, как быстро кот мог проглотить граммов триста мяса! Хотя, при таком соседстве, зевать и медлить не приходилось.

— Детский журнал «Костер» приветствует вас! — сказал я клоуну, и мы немножко поговорили.

— У вас всего один породистый кот, почему? — спросил я.

— Мы только что ездили выступать в Литву. Помещение, в котором пришлось жить и выступать, почти не отапливалось, декабрь, а батареи чуть теплые — топлива в городе мало. Так вот обычным кошкам хоть бы что, а у нас была одна породистая, та то ли воды холодной попила, то ли просто от холода заболела и тут же сдохла. Нам много ездить приходится, эти обычные — неприхотливы.

— Вы не боитесь кошек?

— Эти мирные, ласковые. Вот «англичанин» еще диковат, шипит, когда откроешь клетку, надо быть осторожным, может цапнуть лапой или укусить. Один старый артист рассказывал, что привезли как-то камышового дикого кота и попробовали дрессировать. Так этот кот вцепился ему в руку, зубами и когтями, всеми четырьмя лапами, и, главное, никак не оторвать. Артисту потом пришлось идти к хирургу, руку ему зашили, он швы показывал. А эти спокойны, только «англичанин» полудикий, надо быть поосторожнее.

В клетках сидели около двадцати кошек, но ни одна не была похожа на ту, что меня интересовала.

Один кот — большой, мускулистый, с флегматичной физиономией — заинтересовался моим блокнотом и мной; потянулся ко мне, может, хотел поиграть.

— Бывай здоров, — сказал я ему и, попрощавшись с клоуном, ушел.

Домой я приехал к семи вечера.

— Что-нибудь узнал? — спросил Грай, ожидавший меня в кабинете.

— Не нашел никакой связи. Ни малейшей зацепки.

— Зря сходил?

— Нет, не зря. Теперь я знаю, что кошка живет с человеком четыре тысячелетия, и до сих пор — загадка для него. Кошка снимает стресс и очень полезна в доме.

Грай показал мне бумажку за дверью. На ней лежали дведохлые мышки.

— Специально оставил, чтобы тебе показать.

Елисей сидел на табурете и смотрел маленький телевизор. Когда на экране появилась птичка, он ожил, подбежал, прыгнул, бац по экрану лапой — пытался схватить птичку. Потом, несколько разочарованный неудачной охотой, вернулся на табурет и снова внимательно следил за экраном.

В кают-компании меня ожидал сюрприз — с Бондарем пила чай Надежда Молчанова, секретарь клуба «Котофеич». Тут же на стуле лежали ее приталенное пальто и меховой берет.

Надежда была явно расстроена и перепугана.

— Хорошо, что успел, — заторопил меня Грай. — садись записывай.

Девушка наградила меня величественным взглядом черных глаз и снова

повернулась к Граю. Я ее не интересовал. Конечно, в ярком американском свитере, с рукой на перевязи, с боевой раной в плече, Грай выглядел внушительнее.

— Засиделась я с книжкой, — рассказывала Надежда, — потом свет погасила, лежу, заснуть не могу. Слышу, что-то с котом моим Велимором происходит, забеспокоился он, с батареи, на которой спал, спрыгнул, убежал к входной двери и топчется там. Страшно стало, я ведь одна в квартире, защитить некому. Кот не уходит от двери, видно, что-то чует. Я долго сидела на кровати, засыпать стала сидя. Вдруг слышу — в замке скребутся. Ну, думаю, пропала, бандиты лезут. Топорик у меня есть туристский, взяла его в руки, думаю, не дамся, защищаться буду. Дверь у меня еще и на цепочку закрыта. Поднялась, гляжу на эту цепочку, шевельнуться не могу. Вдруг слышу на лестнице пьяные вопли. Это сосед-алкаш с компанией возвращаются домой. Только поднялся сосед на наш этаж, слышу — двери в лифте закрылись, и лифт вниз пошел. Я занавеску отодвинула, смотрю — тень на снегу мелькнула. Но разве ночью разглядишь? Утром я к Шувалову, рассказываю: ко мне вор шел, да соседи спугнули. Что делать? Он велел никому не рассказывать и к вам пойти.

— Вот этот молодой мужчина, — Грай показал на меня, — пойдет с вами и посторожит кота.

— А он...

— Не беспокойтесь, он в нашем деле двоих стоит. Кстати, холост, борщ любит с перцем и макароны по-флотски.

Я вспыхнул — это зачем говорить?

— Только к окну его не сажайте, чтобы с улицы не заметили, — Грай подхватил раненую руку и, закусив губу, стал ее баюкать.

Под неодобрительным взглядом Бондаря, который не терпел спешки за едой, я наскоро перекусил, подал девушке приталенное пальто, обратив внимание, что выше и ниже талии у нее есть на что посмотреть, и поехал с ней на Суворовский проспект.

Проводив Надежду, но не доходя до ее дома, остался на улице. Понаблюдал. Ничего подозрительного не заметил и, стараясь не привлекать к себе внимания, проскользнул в парадную, пешком поднялся на четвертый этаж. Лестница была как лестница, средней запущенности, с металлическими дверями старинного лифта.

В квартире у Надежды я особо не таился, но к окнам не подходил. Она действительно сварила макароны с мясом, блюдо получилось отменным, и я ел, сидя на диване у стены.

Надя казалась доброжелательной, и, по-моему, не было услуги, которой она не могла бы оказать. Но тут таилась ловушка, и следовало держаться подальше от хозяйки с ее приторной улыбкой, вдруг сделавшейся прилипчивой.

Надежда работала пресс-секретарем в туристической фирме и могла иметь связи с различными людьми. У нас пока не было повода подозревать ее в похищении кошек, но на всякий случай я, как мог, осмотрел квартиру. Заинтересовали меня книжки в шкафу за стеклянными полками, так заставленные безделушками, что достать невозможно. Стал просматривать корешки — интересный подбор: Виктор Гюго, Эмиль Золя, Анатолий Франс, Шарль Бодлер, Теофил Готье. Дальше шли книги о кошках и «Похождения кота Мурра» Эрнста Теодора Гофмана. Я понял — Надежда коллекционирует книги о кошках.

Чуть не разбив стеклянную кошечку, с трудом вытащил пару книг, с удивлением обнаружил, что странички чуть склеены, после типографии их никто не смотрел — вот так коллекция! Полистал и вычитал, что в литературных кругах кошка вошла в моду в прошлом веке, что французские писатели того времени с удовольствием писали о них, одну из самых лучших книг о кошках написал Теофил Готье. Марк Твен увлекался кошками и много писал о них. Кот — постоянный персонаж в англоязычной литературе, доказательство тому: сказочные книги Редьярда Киплинга, таинственно-магнетические коты Эдгара По, обширный цикл, посвященный котам, известного поэта нашего времени Томаса Элиота...

Когда раздался неожиданный звонок в дверь, я вместе с книжкой спрятался в ванной комнате. Оказалось — сосед-алкаш зашел узнать, нет ли у нее выпивки в долг? Пока Надежда его выталкивала, узнал из книжки, что у наших с вами прародителей, древних славян, кот фигурировал в двойной роли — то как герой-змееборец, как былинный русский богатырь, то как чудовище — Кот-баюн, который рассказывает сказки, сидя на столбе, но при этом напускает сон и «побивает весь люд».

— Богатая у тебя библиотека. — похвалил я Надежду, выйдя из ванной. — А кто еще из ваших собирает книги о кошках?

— У Шувалова большая библиотека. У Ирины Харитоновой тоже много книг, она умудряется даже где-то доставать книги о кошачьих питомниках. У Геннадия Дмитриева интересная коллекция — он собирает фотоальбомы о кошках. Вообще-то каждый при случае не упустит хорошую книжку...

Когда часовая стрелка подошла к десяти, девушка длинно зевнула.

— Мне рано вставать, приходится ложиться в десять, а то не подняться. — Она переделалась в спортивный костюм. — Мало ли что! — показала мне туристский топорик, спрятанный под подушку.

Я подмигнул Надежде, непонятно зачем, и тут заметил, что коса ее — русая толстая коса — исчезла. Значит, была фальшивая?! Я ахнул и тут же дал себе слово больше никогда не подмигивать секретарям клубов любителей кошек, носящим толстые косы.

Положил палец к губам, молчок, больше не разговариваем. Сам взял два стула и устроился около двери. На один сел, на другой положил ноги. Терпеливо ждал, отгоняя сон. Без четверти двенадцать Надин кот забеспокоился, подошел к двери. Значит, он что-то услышал или учуял. Я поднялся со стула. Двери у Нади двойные. Одна открывается внутрь, вторая — наружу. Наверное, наружную дверь приоткрыли, потому что пошел воздух в щели. Я нагнулся и потянул носом, — пахло лекарством. Кот от этого запаха словно сошел с ума — уткнул нос в дверь и не отходил, не шевелился, ждал, когда откроется.

Если бы я не прислушивался специально, ни за что бы не услышал, как в замок вставили ключ или отмычку, подобранную, вероятно, еще вчера. Тихонько щелкнул замок, дверь приоткрылась, кот тут же юркнул в щель.

Еще виден был кошачий хвост, а я уже рванул на себя дверь что было силы... Она подалась удивительно легко, и я отлетел к стеке. Кот юркнул за вторую дверь, которая тоже оказалась приоткрыта. И дверь тотчас захлопнулась. На лестничной площадке кот тихонько вякнул.

«Все, — мелькнуло в голове, — прощай, Велимор!»

Я навалился на наружную дверь. Она подалась, но как-то странно — вверх

ху. Ударил ее плечом раз, другой, третий... Наконец сообразил, что ее подперли внизу, и мне не выйти.

Я завыл от злости и забарабанил в дверь — придется ждать, когда нас кто-нибудь выручит. Сзади раздался шорох. Надя стояла за моей спиной, босая, бледная, решительная. В руке крепко сжимала туристский топорик.

— Пропал твой Велимор.

— Не уберег? Уснул?

— Жулик попался выше классом, опытней меня.

Нас выручил все тот же сосед-алкаш. Он сходил в ночной киоск, купил выпивку и около дверей, споткнувшись, упал.

— Кто тут доску положил? — ругался он, вставая. — И лампочку вывернули.

— Дима, выпусти нас — крикнула Надя ему сквозь дверь.

Послышалась возня, и дверь открылась. Оказалось, внизу ее подперли доской.

— О, да у тебя гость! — обрадовался Дима. — Ребята, пошли ко мне, я вам по рюмашке, угощаю...

Я отодвинул веселого алкаша и пошел ловить ночное такси.

* * *

Утром в понедельник я едва не проспал завтрак. Капитан Бондарь тряс меня за плечо.

— Вставай, Виктор, уже без четверти девять. Через пятнадцать минут за стол.

Я кое-как поднялся, полез под душ, и даже холодная вода не до конца разбудила меня.

На завтрак были оладьи с творогом, молоко и сыр.

Я пошарил глазами по столу:

— Где-то мясо вчера было...

— Мясо к обеду. Если хочешь, могу тебе быстро вареной картошки на сковороде разогреть.

— Хочу, — признался я, — давайте картошку со шкварками. Так, вроде, и не хочу, а как вспомню, что меня вчера так классно обманули, так прямо засосет внутри — целого поросенка съел бы.

Грай выслушал мой рассказ спокойно, не перебивая. Спросил: не заметил ли я что-нибудь на лестничной площадке в щель, когда туда проскальзывал кот.

— Увы, — признался я, — информация была только звуковая.

Грай не ругал за провал, а наоборот, даже как бы взбодрился.

— Вам моя неудача доставляет удовольствие? — спросил я, намереваясь всерьез обидеться.

— Ты принес важную информацию.

— Какую же?

— Против нас работает профессионал. Для кого он старается, предстоит еще выяснить. Но теперь понятно, кого искать.

— Ну, и где же он спрятался? Вы знаете? Где этот грязный тип, который увел у меня из-под носа кота? Я не прочь с ним пообщаться.

Грай усмехнулся:

— Я не колдун и не гадалка.

Я разочарованно махнул рукой.

— Тогда мы в луже. Кот пропал — не выполнено условие договора. Гонора-

ра не видать.

— Не раскисай! — рыкнул Грай. — Дело только начинается. У боксеров есть выражение «стеклянная челюсть»... Так мы с тобой не имеем права иметь стеклянную челюсть. Нас бьют? Прекрасно. Значит, противник где-то рядом. Учись держать удар.

— Теоретически это понятно. А вот на практике?

— Пойди и разыщи Сергея Левитина. Исключительно для практики.

Я оделся и снова пошел на поиски. Грай разрешил мне пользоваться его машиной, старенькой «Нивсой». Ноя предпочитаю ходить© пешком. Не из экономии, а просто люблю ходить, душа просит.

Сегодня мне повезло. Уже в шестом по счету ателье сказали, где найти Сергея.

В шестнадцать тридцать, когда уже стало темнеть, я вошел во двор мрачного дома на Краснопутиловской, 24. На стене висел самодельный щит с надписью: «Скорняжные работы», и нарисована стрелка. Двор оказался средней захламленности, поэтому, не повредив ног, я пересек его, отыскал нужную дверь в полуподвальное помещение и спустился на три ступеньки.

Свежевыкрашенная дверь, еще пахнувшая краской, открылась без скрипа, и я очутился в подвальчике, где горела яркая лампа и стоял столик. Дальнейшее загоразживала натянутая на трубу желтая материя. Пахло шкурами и картошкой, жареной с луком. Слышалось шарканье скорняжного ножа.

Из-за занавески вышла молодая женщина с быстрым пронизывающим взглядом, с двумя золотыми перстнями на крепких пальцах.

— Вы что-то хотите заказать?

— Мне рекомендовали посоветоваться с Сергеем, как с известным мастером, умеющим обращаться с деликатным материалом — кошачьими шкурками.

— Вы от кого? — резко спросила она.

— Один из ваших клиентов порекомендовал.

— Что вам нужно?

— Я хотел бы сначала посоветоваться.

Решив, что толку ст меня не добьешься, она ушла за занавеску и негромко сказала:

— Там идиот какой-то пришел, не понять, что ему надо.

Шарканье ножа прекратилось. Из-за занавески вышел мужчина с жадными глазами, с волосами, зачесанными так, чтобы закрывали плешь, с ножом в руках и с завитками каракулевого меха на переднике.

Я сделал вид, что уронил шапку, нагнулся за ней и заглянул в глубину подвала. Увидел большой стол, на котором горкой лежали раскрытые каракулевые шкурки, в самом углу на плечиках висели готовые изделия, и среди них заметил рукав шубейки из обыкновенной кошки, отороченный молочно-кофейным мехом сиамки.

Левитин не одобрил мою любознательность. Он оказался человеком недоверчивым и грубым, вероятно, привык к постоянным заказчикам. Кулак с зажатым ножом он упер в стол и тоненьким голоском пропищал:

— Ну, я Сергей Левитин. Чего тебе?

— Я видел вашу шубку из кошки — вы талантливый мастер. Я себе хочу заказать шапку и рукавицы.

— Покажите товар. Шкурки при вас?

— Дома, я завтра...

— Кто тебе порекомендовал сюда прийти?

— Еще мне сказали, что у вас можно купить шубку женскую из кошачьего меха. Покажите, пожалуйста, я хорошо заплачу.

— Вы не из милиции? — спросил он прямо.

— Нет.

— Налоговый инспектор?

— Нет.

Сергей поднял руку с острым, как бритва, ножом и показал на дверь.

— Нечего тебе здесь вынюхивать. Уходи, у меня руки чешутся перекроить тебе кожу.

Я медлил. Тогда он пошел на меня, замахнувшись своим страшным ножом. Торопливо выбравшись во двор, я с огорчением подумал, что не все люди рады моему приходу. И как легко я ретировался с места разговора! Замахнулся скорняк и запросто обратил меня в бегство.

Грай с удовлетворением выслушал мой рассказ, но заговорил о другом:

— Как-то я вел дело о похищении пони из зоопарка, при этом был убит сторож и покалечена обезьянка. В тот раз мне сильно помог рассказ специалиста о жизни обезьян и пони. Просто «пища для ума». Полагаю и сейчас, — заметил Грай, — неплохо бы тебе совершить исторический экскурс в жизнь кошек.

— Зачем нам история? Я хочу любить нашего современного кота.

— Когда слушаешь лекцию — в голову могут прийти самые неожиданные идеи. История, как камень, бьет в мозг и высекает искры. И сам удивляешься — как ты раньше-то не догадался?!

Грай снял трубку и набрал номер.

— Алло, Дмитрий, я снова обращаюсь к вам за помощью — нам нужна срочная консультация у фелинолога «с хорошей родословной», у какого-нибудь эрудита, который часто ездит за границу и способен взглянуть на дело «с той стороны»... Да, вы правильно догадались, это связано с Шуваловым. Сейчас нечего рассказывать, но, когда появится материал, обещаю всю информацию передать вашей газете, вы первым узнаете имя жулика... Хорошо, мы с Виктором готовы и ждем звонка.

Я вышел на улицу и разогрел мотор нашей «Нивы». Только вернулся в кабинет, зазвонил телефон.

Грай нажал кнопку селектора, чтобы я мог слышать разговор.

— Записывайте адрес, — торопливо произнес Дмитрий, — Манежный переулок, дом 2. Вас уже ждет владелица питомника персидских кошек Анна Толстая. Вы возьмете у нее интервью для нашей газеты. Поезжайте втроем, свой эскорт представьте как покупателей.

— Анна Толстая? — удивился я. — Не та ли это дама, которую называл Герман Еремин в день своей смерти?

— Похоже, та самая. Будь внимателен, запоминай каждое слово, — предупредил Грай.

Собрались мы быстро. Для солидности Бондарь надел шубу из полярного волка, которую купил в свое время в Мурманске. Грай накинул на плечи кожаную куртку на меху, я украсил голову пушистой шапкой из русака.

По дороге не было никаких приключений. Я, правда, не знал, где находится

Манежный переулок и хотел ехать к Манежу, где в прежние времена конно-гвардейцы обучались верховой езде, а теперь располагается городской выставочный зал.

— Поворачивай на Литейный, к Спасо-Преображенскому собору, — подсказал, не выходя из задумчивости, Грай.

Я знал этот собор, окруженный оградой из старинных, взятых «на штык» турецких пушек. Мы быстро нашли нужный дом и поднялись на второй этаж. Хозяйка питомника, крепко сбитая джинсовая женщина, темными быстрыми глазами внимательно рассмотрела нас. С интересом задержала взгляд на шубе Бондаря, скользнула по куртке Грая, бросила мгновенный взгляд на мою прекрасную шапку. Нечаянно я этот взгляд перехватил. Он оказался так выразителен, что захотелось уйти. Но удалиться было невозможно, и вместе со всеми я прошел в небольшую гостиную, сел на стул у двери.

Вместе с хозяйкой нас встретил полосатый мускулистый котиче.

— Какой же это перс? — удивился я. — Обыкновенный дворовый кот.

Хозяйка улыбнулась:

— Это мой старый привратник Василий.

— Думаю, не раскрою большой тайны, — заметил Грай, поглядывая на животное, — если сделаю предположение: заводчик держит при себе, для маскировки, обыкновенного котяру, жизнь заставляет — чтобы не привлекать рэкетиров, для отвода глаз соседям, для разговора на работе, в гостях. А о некоем помещении, скажем, отдельной квартире, где разводятся породистые дорогие кошки — нигде и никогда ни словечка. Я не прав?

Джинсовая Анна подозрительно посмотрела на Грая. Проницательность гостя ее насторожила, и она «забыла» ответить.

Грай достал из кармана блокнот, шариковую ручку и улыбнулся, стараясь наладить контакт с обеспокоенной хозяйкой.

В комнате пахло свежестью, словно перед нашим приходом здесь был разбрызган хвойный экстракт. Но мой нос (я горжусь им!), весьма чувствительный, в первую минуту ощущал, как сквозь аэрозольную хвою пробивался незнакомый, приторный запах. Я решил, что так пахнет помещение в городе, где живет много кошек.

Грай сделал первую пометку в блокноте. И когда си выучился писать левой рукой? Лицо его оставалось невозмутимым, а ноздри хищно шевелились, ловя едва заметные запахи.

Бондарь, согласно инструкции, сидел важно, надувал щеки, изображая солидного покупателя.

Грай представился нештатным корреспондентом газеты «Вечерняя Нева», про нас сказал:

— Эти люди решили обзавестись парой хороших кошек, но еще не решили, на какой породе остановиться.

— Персидские кошки, — как бы невзначай заметила Анна, — самые популярные в мире и у нас в стране. До сих пор еще кошачий мир сотрясает персидская лихорадка. Цены на персов кусаются.

Может быть, она намекала на шубу Бондаря из полярного волка?

Старый капитан обиделся. Нарушив инструкции, небрежно приврал:

— Вы неправильно меня оценили. Я всю жизнь плавал по морям, ходил за границу, живу в двухэтажном особняке на проспекте Стачек. Хорошую кошку

я куплю, не заходя в Сбербанк.

— Давайте сделаем так, — поспешил вмешаться Грай. — Вы, Анна, расскажете об истории одомашнивания кошек — это нужно мне для статьи в газету, а потом ваши покупатели, расширившие свой кругозор, зададут вопросы. Скажите, до кошек кто охранял жилище человека от мышей?

— Куницы, хорьки, ласки, генеты — маленькие грациозные животные, пропорциями напоминающие кошку, и даже полуприрученные змеи.

У Анны внутри будто щелкнула кнопка магнитофона, изменилось лицо, выражение глаз и даже голос. Я не сразу догадался, почему — она стала экскурсоводом, лектором, который повторяет один и тот же текст, поэтому способен вести рассказ и думать о своем.

— Кошка — самое загадочное домашнее животное. Человек приручал животных, которые приносили пользу ему, были полезны на охоте или сложили источником пищи. Кошка же сама решила, что человек ей полезен, и пришла к нему. Доказательстве этому — множество легенд. Произошло это около пяти тысяч лет назад. Самое раннее изображение кошки найдено в египетской гробнице и относится к 2600 году до нашей эры. Хотя никто не может определить — домашняя или дикая кошка изображена на рисунке. Нил разливался неравномерно, поэтому земледельцы не могли рассчитывать на ежегодный урожай и делали запасы. А если мыши и крысы уничтожали зерно в хранилищах, то людям грозила голодная смерть. Поэтому охотник за грызунами — кошка — была жизненно необходимым животным. Убить кошку считалось серьезным преступлением.

Анна стрельнула глазом в Бондаря и чуть заметно усмехнулась.

Бондарь, выполняя инструкции Грая, продолжал сидеть невозмутимо, как индеец, и лишь надувал щеки.

— Кошку приручить разве так сложно? — вслух удивился я. — Взял котеночка, вырастил дома, и пусть себе живет.

Анна с усмешкой посмотрела и на меня.

— Мне приходилось читать, — отозвался Грай от блокнота, в котором строил левой рукой с удивительной скоростью, — что египтяне в низовьях Нила брали кошек на охоту, и те ловили дичь и собирали подстреленных птиц. Известны ли приемы, которыми пользовались охотники, дрессируя своих животных?

Магнитофон внутри Анны включился, глаза живо блеснули.

— У дикой кошки злобный, неукротимый нрав. Взятый в дом котенок на всю жизнь останется дикарем. Египтяне же укротили не только буланую кошку, охотницу за мышами, но и два более крупных вида: каракала и камышового кота. Их сделали помощниками на охоте по перу. Кот каракал, подкравшись к стае рябков или куропаток, успевал когтистой лапой поймать пять-шесть вспархивающих птиц раньше, чем они успевали разлететься. Такова невероятная быстрота реакции этого зверя. Мало в чем ему уступает и камышовый кот.

Перо Грая остановилось, он сжал кулак, как бы схватив что-то... Но тут же расслабился. Чем это было вызвано, я не понял. Анна тоже заметила мгновенный «взрыв» интервьюера и, похоже, тоже захотела разгадать его смысл, вернувшись в рассказе к дикому коту.

— Увы, нам неизвестно, как дрессировали своих кошек египтяне, жившие

до нашей эры, — пожалала она плечами. — Каракал, он живет в Африке, Малой, Передней и Средней Азии, одна из красивейших кошек, похожая на рысь. Он длинноног и строен, но легче и изящней. У него «восточная» морда с раскосыми глазами и большущими черными кисточками на ушах. Питается он в основном птицами, поэтому прыгуч и невероятно активен. Индийские вельможи даже проводили состязания, чей каракал лучше. Каракала выпускали на стаю сидящих на земле голубей. Он подкрадывался, делал бросок и сбивал нескольких птиц. Удачливый охотник мог за одну атаку сбить... до двенадцати голубей. Зачастую хорошие охотничьи каракалы ценились даже выше гепардов. Использовали их, как и прирученных гепардов, для охоты на антилоп, лис, зайцев.

Грай сосредоточенно продолжал записывать, и Анна, следя за его рукой, добавила:

— Камышовый кот — самый крупный родственник домашней кошки. Живет на юге нашей страны, обитает в зарослях тростника. Он похож и на рысь, и на кошку — длинноног, имеет небольшие кисточки на ушах. Это сильная кошка, прекрасный охотник. Воды не боится, прекрасно плавает и может ловить рыбу на мелководье.

Грай больше не реагировал на «дикого кота», поднял голову и продолжал задавать вопросы:

— Расскажите, как начались гонения на кошек?

Анна вздохнула. Видно, ей не хотелось рассказывать об этом. Или ей перестал нравиться нос Грая, продолжавший втихомолку собирать информацию об ее доме.

— С конца восьмого века наступили тяжелые времена для кошачьего племени. Папа Георгий IX, основатель инквизиции, указывал, что черные коты состоят в свите дьявола, что сатана может принимать образ черного кота. И началась борьба против черных кошек, был отдан приказ преследовать их почитателей. Колдуньями стали считать многих одиноких женщин, доживавших свой век с ласковым зверьком. Ужасные церемонии проходили во многих городах — в железных клетках публично сжигали ни в чем не повинных животных; считалось, что с помощью огня из черных котов можно изгонять дьявола. Ежегодно, в течение четырех столетий, сжигали кошек в городе Мотц и в других городах. Интерес к колдовству и ведьмам в семнадцатом веке вырос в Англии. Книгу о ведьмах написал сам король Яков и учредил должность правительственного искателя ведьм. Жестокие пытки принесли множество свидетельств таинственной связи между кошками и колдовством. Мания преследования перекинулась через Атлантический океан там в 1692 году проходили громкие судебные процессы над ведьмами.

— Ну, а как было у нас на родине?

— Наши предки не осквернили свои души гонениями на кошек. Еще во времена язычества они верили в сверхъестественную силу кошек, и одной из форм языческого жертвоприношения был варварский обычай закапывать кошку под фундамент строящегося здания. Его можно объяснить, как попытку с помощью кошачьего духа защитить дом от крыс и мышей. До сих пор, когда мы въезжаем в новую квартиру, первой впускаем туда кошку. Где она ляжет — там надо ставить кровать.

— Скажите, Анна, в различных странах люди по-особому относятся к одним

и тем же кошкам?

— В Японии ценились особенно разноцветные, сейчас их называют черепаховыми. Японские моряки верили, что такая кошка способна отогнать злых духов моря. Во многих странах особенно счастливой считали белую кошку, в Англии, напротив, именно черная считалась приносящей счастье. На юге Франции верили в волшебных котов — матаготов, которые приносят счастье и богатство в дом. Помните Кота-в-сапогах? Он настолько смел и хитер, что одолел людоеда и добыл своему хозяину королевскую дочь и королевство в придачу. Пророк Магомет обожал кошек и на лбу полосатых оставил метку в виде буквы «М».

— Этой буквы нет в арабском алфавите!

— Но метка и легенда существуют.

— Ваша эрудиция, Анна, восхищает. Можно ли уточнить время, когда в нашем отечестве появились кошки? Домашние, конечно.

— Раньше всего в Европе они появились в Причерноморье — шестой век до нашей эры, в Урарту и Ольвии, потому что эти государства имели обширные связи с древним миром, в том числе и с Египтом. Значительно позже в Риме — четвертый век нашей эры. До Англии добрались только через шесть веков. Примерно в то же время, в двенадцатом-четырнадцатом веках, кошки освоились на Руси. Правда, были малочисленны: в Ярославском Поволжье в курганах десятого-одиннадцатого веков останки кошек обнаружены лишь в двух из двухсот. Скифы тоже знали кошку, но в их курганах обнаружена лишь пока всего одна косточка домашней кошки.

— Откровенно говоря, я несколько опасаясь черных кошек, — признался Грай. — Сам не знаю, почему.

— Наши предки считали, что черный кот мог пробежать между людьми и поссорить их. Белые считались предвестниками смерти. Ямщики вообще отказывались возить кошек — от этого, мол, лошади худеют и утомляются. Полагали, что из черной кошки можно извлечь кость, которая сделает человека невидимым; и еще шапку-невидимку и неразменный червонец у нечистой силы можно получить в обмен на черную кошку. А кто убьет кошку; особенно трехцветную, тому семь лет ни в чем удачи не видать, славяне считали — трехцветная кошка спасает дом от пожара и прочих несчастий, а людей от лихорадки. По отношению к кошке определяли и характер человека: «Кто кошек любит, будет и жену любить». В России кошке не поклонялись, зато она избежала и гонений. «Кошка да баба в избе, ёжик да собака во дворе» — так русская пословица указывала место, которое отводилось кошке в ее близости к человеку.

Грай закрыл блокнот, показывая, что интервью для газеты окончено, и спросил, делая поворот в беседе:

— Я слышал, что русские голубые кошки резко подорожали. Это правда?

— На сегодняшний день цена их может доходить до цены моих персов.

— А чем можно объяснить это?

— Наш рынок необъятен, богатых людей все больше. И как бы ни подскакивали цены — они пока ниже мировых. Поэтому весьма прибыльное дело — экспорт кошек с хорошим русским фенотипом. Лишь корниш реке — единственная порода, сравнимая по цене с зарубежьем. Эти кошки стоят около пятисот долларов, их в Петербурге всего три-четыре штуки. И потом — инфля-

ция! Один день участия в международных выставках, которые проводят, к примеру, клубы «Багира» и «Басгед», будет стоить пятнадцать долларов. Деньги вернутся, если кошка получит высокую оценку и ее котята подорожают. А если нет — увы!

Анна скосила глаза на Бондаря:

— Если у вас патриотизма много, а денег «кот заплакал», лучше пойдите на птичий рынок и купите исконно русскую сибирскую кошку, это обойдется всего тысяч в сто пятьдесят.

— Гм... Гм... — произнес поставленный в неловкое положение Бондарь, ведь он так и не успел посмотреть разводимых Анной персидских кошек.

— Ну вот, — язвительно заметила Анна, — я ждала журналиста и покупателей, а Йришди сыщики из милиции.

— Почему вы так решили? — поинтересовался Грай.

— По направленности ваших интересов. Я даже догадываюсь, какое дело вы расследуете.

Их взгляды встретились, произошла дуэль, в результате которой Грай решил, что прикидываться дальше нет смысла.

— И вы знаете разгадку?

Анна многозначительно промолчала.

Нос Грая, вероятно, собрал достаточно информации, и детектив сделал выпад:

— Вы сильно нервничаете, Анна, вас что-то беспокоит?

Она чуть побледнела.

— Не нужна ли помощь? — настаивал Грай. — Я бы сумел помочь вам освободиться от беспокойства, — и он выразительно потянул носом, давая понять, что разгадал ее секрет.

Плечи Анны опустились.

— Приходите через три дня. Я разгадаю вашу тайну с исчезновением русских голубых.

— У вас это получится?

— Кошачий мир тесен. Я случайно имею интересующую вас информацию.

Анна поднялась, давая понять, что время визита истекло.

У самых дверей Грай остановился.

— Вы просите три дня... А если сегодня?

— На сегодня ответы кончились... Ох, уж эти мужчины, никак не могут решиться пойти навстречу даме. Позвоните мне через три дня, я буду ждать вашего звонка.

И Анна бесцеремонно выставила нас за дверь.

Мы сели в машину и поехали домой.

— Ну, подставили вы меня, Грай, — простонал раздосадованный Бондарь. — Давно я так не краснел... Анна мне понравилась — деловая, мгновенно все сообщает, и какой напор!.. А вообще-то, я не понял, о чем вы с ней ряздились под конец.

— Кстати, и мне не понятно, — включился я в разговор.

В этот момент колесо машины попало в колдобину, которых на Литейном проспекте достаточно, и машину сильно тряхнуло. Грай подхватил раненую руку и взвыл:

— Осторожнее. Виктор! Ты же меня обратно в госпиталь отправишь! — По-

баюкал руку и спросил: — Запах в ее квартире вам не показался странным?

Бондарь не колебался ни секунды.

— Пахло кошками и дезодорантом. На кухне утром жарили лук.

Я с капитаном не согласился.

— Наверное, мой нос чувствительнее. Просачивался сквозь аэрозоль чуть заметный приторный запахок.

— И ты почувствовал? — обрадовался Грай.

— Да, но что это было? Я решил, что запах от кошек.

— Похоже, это запах наркотика.

— Наркотик? — машину нашу занесло на оледенелой дороге, и я чуть не врезался в идущее рядом такси. Таксист покрутил пальцем у виска и губами показал: «Идиот!»

— Чуть приторный, напоминающий мяту запах, — уточнил Грай.

— Да, именно такой.

— Так пахнут анаша и марихуана — бледно-зеленая травка. Особенно сильно, если ее варяг или курят.

— Не похоже, чтобы Анна курила, — не согласился Бондарь. — А если хорошо упаковано, то не должно пахнуть.

— Когда насыпано, скажем, в чемодан или сумку, перевозится сразу большая партия, то запах именно такой, — возразил Грай.

— Надо иметь нос, как у собаки, чтобы разобраться в этом, — заспорил Бондарь.

— Я не могу категорически утверждать, но запах похож. И вы заметили, как она нервничала?

— Ну, мало ли из-за чего женщина может нервничать? Ждала журналиста, думала, интервью в газету попадет, хорошая реклама ее заведению. А пришел сыщик и спросил: «Скажите, какой длины был хвост у кошки Тутанхамона?» Покупатель тоже оказался липовым. Полтора часа потеряно, а толку никакого. Поневоле расстроишься, — защищал Анну Бондарь, — Вы категорически утверждаете, что на квартире у нее наркотик? Она его изготавливает или хранит?

— У меня пока только подозрения, — размышлял вслух Грай. — Но ее испуг и просьба на три дня отсрочить разговор, о многом говорят. Дмитрий Кокорин сообщил, что она часто ездит за границу. Если Анна связана с наркобизнесом, то она скорее всего курьер, перевозчик.

— Деловая женщина не станет связываться с преступниками! Она и на своих кошках большие деньги делает. Зачем ей голову в петлю совать? — не соглашался капитан.

— Ее могли подловить на чем-нибудь, или заставить. Скажем, пригрозили уничтожить питомник ее персидских кошек, и ей пришлось согласиться.

Я решил посмотреть, как у самого Грая с патриотизмом, и выдвинул предложение:

— Она просила три дня форы. Зачем? Значит, собирается расстаться со своим грузом. Ну, и пусть себе едет за границу, а иноязычные наркоманы кушают его на здоровье. Нас это не касается. Через три дня дама вернется и раскроет нам тайну пропажи русских голубых кошек. Мы за это получим приличный гонорар. У нас появилась ниточка! Надо же, с первого визита и такая удача. Случай, великое дело — случай!..

Когда мы подъехали к дому, я поставил машину у крылечка и прошел с Граем в кабинет. Усевшись за стол, шеф спросил сам себя:

— Интересно, кто сегодня в Большом доме дежурный? — снял трубку телефона и набрал номер. — Это Грай говорит, добрый день, Аркадий Ильич, — Грай поморщился, видно, знал этого человека. — Нет, сегодня ругаться не будем. Я только что побывал у одной дамы, недалеко от вас, в Манежном переулке, у Анны Толстой, мне показалось, 410 в ее квартире присутствует запах наркотика... Скажите, не числится ли она в нашей картотеке?

Аркадий Ильич в ответ, вероятно, сказал нечто ехидное, потому что у Грая появилась на лице болезненная гримаса:

— Я не делал обыск, и ничего определенного сказать нельзя. Она часто ездит за границу, может выполнять роль курьера... Да я вас понял, лично вы не меняетесь — завтра доложите по начальству, во вторник появится приказ. Попрошу потом сообщить мне о принятом решении.

Грай швырнул трубку, скрипнул зубами.

— Ты прав, Виктор, иноязычные наркоманы получают свою порцию зелья. Ну, а мы три дня ждать не можем.

Настенные часы пробили один раз — половина третьего, биологические часы подсказали мне, что давно пора обедать. Я сходил на кухню. Бондарь положил в мисочку мяса, налил в блюдечко молока и поставил на пол. Елисей в знак благодарности замурлыкал и принялся за еду.

Капитан передал мне записку: «Звонил граф Шувалов, он придет с членами клуба «Котофеич» в 18 часов».

На этот раз они явились вшестером. Увы, не было с ними Германа Еремина. Надежда Молчанова опять с косой, интересно, как она ее крепит? Девушка сердито хмурилась и на меня не смотрела.

Я заметил, на нее поглядывал Верхов, косым, недобрый взглядом, впрочем, он так смотрел на всех. В ответ она пренебрежительно дергала уголком рта. Я подумал, что им лучше сидеть подальше друг от друга, и посадил на разные стороны дивана.

Шувалов нервно барабанил пальцами правой руки по валику дивана. Что ж, его можно понять.

Грай радовал свежей повязкой, на которой висела бальная рука, и после прогулки по морозу щеки его порозовели.

— Я вас слушаю, — начал разговор Грай.

— Мы хотели бы получить объяснения по поводу смерти Германа Еремина.

— Убийцу ищет уголовный розыск. За объяснениями обращайтесь в Автовское отделение милиции. У нас договор об охране и поиске кошек. Связана ли смерть Германа с пропажей кошек — мы еще не знаем.

— Условия договора не выполняются, — сдержанно начал Шувалов, — У Надежды Молчановой пропал кот Вели-мер. Ваш сотрудник Крылов не справился с заданием, позволил чуть ли не выхватить из рук редкое животное. Если вы не способны справиться с жуликом, так и скажите. Вашу высокую репутацию мы знаем, и поэтому хотим услышать объяснение.

— Какое там объяснение? — буркнул Верхов, обращаясь к Шувалову. — Надо забрать аванс и уйти. Тупой парень этот Виктор, разве не видно? О чем говорить?

Меня от неожиданности перевернуло. Сморчок в жилете, походя, обмазал

меня грязью. Это была пощечина, я на минуту потерял контроль над собой, и шариковая ручка хрустнула в руках, сломавшись пополам.

Все сделали вид, что ничего особенного не произнесено. И Грай тоже спрятался за улыбкой, только глаза его напряглись.

— У вас своеобразный юмор, Верхов. Но мы можем позволить себе шутки только после окончания дела. Правильно, вчерашний день окончился неудачно, мы понесли Ион. Й я вполне согласен с вами — мы готовы расторгнуть договор и вернуть аванс.

— Я хочу понять, почему это произошло? — настаивал Шувалов.

— Вы пришли к нам в субботу. Сегодня понедельник, вечер. Поиск начат практически вслепую. Мы оказались рядом с осиным гнездом, и осы продолжают кусаться. Этого следовало ожидать. Мне жаль редкое животное, его пропажа — печальное событие, моя профессиональная честь задета. Но теперь мы знаем, кого искать. Виктор, расскажите, как похитили кота.

Мой рассказ занял четыре минуты и, должен отметить, произвел впечатление на всех, кроме Верховца, который тут же ослабил:

— Мальчишка! Надо было держать кота за хвост.

— Перестаньте, Валерий, — не выдержала Надежда Молчанова.

Захотелось встать и ответить, но Грай взглядом удержал меня.

Я решил завести в уме особый счет для Верховца, куда заносить все его выпады, чтобы потом разом ответить или предъявить счет. Меня смущало только, что Шувалов не реагирует на его реплики, значит, в чем-то согласен с ним. Или его воспитание не позволяет делать прилюдно замечания пожилым людям?

— Теперь, исключительно для проформы, — подчеркнул Грай, — я вынужден задать вам один и тот же вопрос: скажите, Александр Николаевич, где вы были вчера вечером с одиннадцати тридцати до двенадцати?

— Вы подозреваете, что я похитил кота, которого сам же и отдал Надежде Молчановой? — изумился Шувалов.

— Повторяю, мой вопрос — чистая формальность, но тем не менее попрошу бы ответить на него.

— Вы хотите знать, есть ли у меня алиби?

— Да, вы правильно поняли.

— В это время я возвращался из гостей домой, какой-то частник подвез меня на «Москвиче», но удастся ли его найти, чтобы он подтвердил это — не уверен.

— Вы, Копейкин?

— Я встаю рано, поэтому вынужден ложиться рано. Я был дома и спал.

— Может ли это кто-нибудь подтвердить?

— Жена с дочкой спали в соседней комнате.

— Но у вас была возможность выйти незамеченным и вернуться?

— Да, но я этого не делал.

— Вы, Ирина?

— Я была у подружки за городом, там и осталась на ночь. Подруга может подтвердить это.

— Вы, Геннадий?

— У меня забарахлил телевизор, я сидел на кухне и чинил его. Домашние спали.

— Вы, Верхов?

— Жена и оба сына легли спать в одиннадцать. У меня заболела голова, я почувствовал, что не усну, и пошел прогуляться.

— Вы встретили кого-нибудь из знакомых?

— Какие знакомые в полночь?

— Значит, алиби есть только у Ирины Харитоновой.

— К чему эти бестактные вопросы? — не выдержал Геннадий Дмитриев. — Вы все еще нас подозреваете?

— Многие люди могли совершить эту кражу. Дело запутывается, становится затяжным и дорогим. Придется проверять алиби и связи многих людей. Для ведения расследования потребуется десяток опытных оперативных сотрудников, следует обеспечить их толковым руководством. Стоить это будет больше пятидесяти долларов в день, плюс дополнительные расходы... Попрошу вас, не перебивайте меня. Я отказываюсь проводить такую операцию.

— Но ведь что-то уже сделано! — воскликнул Шувалов. — Шаг вперед сделан!

— Можно предположить с достаточной вероятностью — мы нашли одно звено. Виктор обнаружил мастерскую, где шьют шапки и шубы из шкур кошек. Как шкурки туда попадают, через кого — неясно. Может быть, там пущены под нож и шкурки дорогих для вас русских голубых.

При этих словах Шувалов застонал.

— Ну, нашли вы эту поганую мастерскую, — проворчал Верхов. — Придете туда, а вам от ворот поворот. Кто же признается в таких делах?

— Резонное замечание, — согласился Грай. — У нас нет возможности заставить мастера говорить.

Копейкин зашевелился на диване.

— Предлагаю воздействовать на скорняка в интересах дела особым способом.

— Что за способ? — поинтересовался Шувалов.

— Старый, как мир — заплатить ему, и он выдаст необходимую информацию.

Ирина Харитонова дернулась было что-то сказать, но прикусила язычок. Может быть, оттого, что не было ее соседа Германа Еремина и не с кем стало посоветоваться? Наши гости заговорили разом, оценивая эту возможность.

Грай выждал две минуты и, повысив голос, заставил всех замолчать.

— Вижу, вы уже обсудили эту идею, и, хотя она не кажется мне привлекательной, я хотел бы услышать конкретный ответ — да или нет?

— Опишите нам скорняка, нуждается ли он в деньгах, — попросил Копейкин.

— Виктор, расскажите гостям о скорняжной мастерской, — приказал Грай.

Я рассказал, как нашел мастерскую Левитина, описал его горящие голодным огнем глаза.

— Семья молода, бедна, алчна, я полагаю, за приличную сумму они шепнут нам имя своего поставщика.

— Какую сумму вы считаете достаточной? — поинтересовался Копейкин.

— Это вы должны решить сами. Сначала нужно решить, стоит ли это делать. Что скажете, Александр Николаевич?

— Мне неприятна сама идея подкупа кого бы то ни было. Но если мы дру-

гим способом не можем узнать имя подлеца, который сводит на нет все наши усилия, я — за.

— Вы, Копейкин?

— Информация стоит дорого, но ее отсутствие обходится нам еще дороже. Я тоже — за.

— Ваше мнение, Ирина?

— Если все выскажутся «за», я присоединяюсь к общему мнению.

— Вы, Геннадий?

— Я столько денег на кошку угрохал и такие имел надежды на материальный успех, что откровенно говоря, думал — кошка будет меня кормить. Я готов раскошелиться.

— Вы, Верхов?

— Я подозревал, что этим может дело кончиться. Нам этих людей рекомендовали как лучших детективов в городе, мы на них надеялись. А они прозевали еще одного кота, они не способны проявить гибкость и изобретательность и снова просят у нас денег, чтобы купить какого-то подонка. Проклинаю тот час, когда согласился прийти сюда.

— Так вы за или против?

— Я так люблю этого чертова кота, что ничего не могу поделать с собой. Готов на все ради его возвращения. Я — за.

— Вы, Надежда?

— Кот пропал, можно сказать, на моих глазах. Это бесстрашные жулики высокого класса. Если есть возможность разоблачить их тихо, без драки, я — за.

— В таком случае повторяю вопрос, — откашлялся Копейкин. — Какую сумму вы считаете достаточной?

После бурного обсуждения решили, что достаточно будет пятьсот долларов, каждый из них дает по пятьдесят, остальные средства пойдут из кассы клуба...

— Я надеялся, — простонал Копейкин, — русская голубая озолотит нас, а она пока — разоряет.

Я помог одеться всем, кроме грубияна Верхова. Он, пыхтя, сам влез в коричневое пальто на вате. Гости спустились вниз с холма, к трамваю, всего две остановки до метро «Автово», Шувалов решил пойти пешком, и я напросился его проводить. Мы направились по дорожке на гребне холма, плавно изгибающейся вдоль шоссе. Я неплохой ходок, но Шувалов оказался так легок на ногу, что я едва успевал за ним.

Среди старых деревьев мелькнула кошка и перебежала нам дорогу. На всякий случай, я потихоньку три раза сплюнул через левое плечо, как делаю всегда в таких случаях.

Шувалов заметил и рассмеялся:

— Если вы такой суеверный, тогда давайте свернем, пройдем через улицу Морской Пехоты, если повезет, я вам покажу уличного кота, который стоит миллион.

Мы спустились с холма, пересекли шоссе и трамвайную линию, пошли по лужайке, лежащей перед домами.

— Вы, наверное, пошутили насчет миллиона? — спросил я как можно сдержаннее, потому что эта информация меня, прямо скажем, взволновала не на шутку.

— Нет, я серьезно. Иногда на улицах Петербурга можно видеть кота, который стоит больших денег.

— Откуда же ему тут взяться?

— После войны навезли со всех областей, поэтому теперь такого котяру можно встретить — ахнешь! Я видел трех, которые потянут не меньше чем на миллион каждый.

— Вы поймали их?

— Нет, хлопотно очень.

— А я бы рискнул... Да за миллион я тигра поймаю! У меня дед — охотник был, ходил на кабана, на медведя, на Гитлера...

Шувалов рассмеялся. Мы потопали по берегу речки Красненькой, нырнули под трамвайный мост и около вентиляционного выхода метро, окруженного деревьями и кустами, в свете фонаря, на асфальте увидели кота. Кэт как кот, на вид вполне обыкновенный, только полосатый весь до кончика хвоста. Я сразу придумал ему имя — Шлагбаум.

— И вы не ошибаетесь? — засомневался я. — Он действительно ценный?

— Вы занимаетесь кошками несколько дней. Чтобы научиться отличать плохого кота от хорошего, нужен год. А чем отличается хороший от очень хорошего — вы поймете через десять лет. А может быть, и никогда не поймете.

Я биолог и давно занимаюсь кошками. Вглядитесь, какая статья, глаза, уши, морда, окрас... Это же невиданный русский кот великолепных кровей! Полосатый, как шлагбаум, у него даже усы полосатые!

— Откуда же ему тут взяться?

— Это одна из тайн Петербурга. Может быть, в прошлом веке их вывели обладающие чувством юмора отставные солдаты, которые несли службу в полосатых будках. Может быть, сама природа-мать делает нам подарок, и это нужно заметить, подобрать животное, помочь ему выжить. Я уже год наблюдаю за этим котом, специально хожу на прогулку.

— А вы не пробовали пригласить кота в гости?

— Пробовал, — смутился Шувалов. — Но он не торопится сменить прописку.

Рядом остановится пьяненький мужичок в пыльном ватнике, тоже уставился на кота и стал прислушиваться к разговору. Я оттолкнул пьяного:

— Нечего подслушивать... — и спросил Шувалова: — Не возражаете, если я возьму кота на воспитание?

— Если он пойдет к вам, берите. У него нет хозяина.

— Мой кот! — нахально громко заявил пьяный. — Мы здесь по вечерам гуляем.

Миллион, который я считал своей законной добычей, мог ускользнуть из рук. Кулаки сжались сами собой.

Шувалов удержал меня, предложил пьяному:

— Если он ваш, попробуйте взять.

— Мой, не сомневайтесь! Мурзик, Мурзик, пойдём до дому. Я тебе колбаски закусить дам, молочком запьем. У меня есть, не сомневайся.

Кот продолжал сидеть в величественной позе, не обращая на нас никакого внимания. Пьяный подошел к нему, наклонился, взял на руки, выпрямился и гордо посмотрел на нас:

— Я же говорил, что это — мой Мурзик! А вы — жулье! — Мужичок, чвыкая

стоптанными валенками, пошел к домам, до которых было метров триста. Пронырливый пьяница уносил мою законную добычу! Я хотел ринуться вслед, но Шувалов взял меня за руку:

— Подождите, по-моему, кот здесь не один.

Я оглянулся, но никого не увидел. Шувалов же смотрел вниз. За оградой в кустиках что-то шевельнулось и послышалось тоненькое:

— Мя-я-у... Мя-я-у...

Кот на руках человека сердито завозился, зашипел.

— Тихо, Мурзик, сиди тихо, — пьяный сильнее прижал к себе животное.

— Мя-я-у... — вновь донеслось из кустов.

В свете фонаря мы увидели, что хвост кота предупреждающе бился из стороны в сторону. Но захмелевший налетчик не понимал звериного языка. Тогда кот взъерошил шерсть, взвыл, плюнул на вагник и вдруг растопыренной пятерней, выпустив страшные когти, хватил пьяного по лицу — раз, другой, третий...

— А-а-а-а! — взвыл бедняга и разжав руки. Сделав три прыжка, кот исчез в кустах. Мужчина потрогал лицо, увидел кровь на ладони и мигом протрезвел. — Вы что?! Распустили диких зверей, к дому не пройти! Еще немного, и горло бы мне зверюга порвал, а мои глаза? Милиция, караул! — промокнул лицо рукавом ватника и затрусил к дому.

— Видите, — удивленно покачал головой Шувалов. — Кот с необычным поведением. Это могло случиться и с вами.

«Прекрасно, — подумал я. — Мой миллион сторожить не надо. Голыми руками его не возьмешь. Пусть погуляет немного», — и проводил Шувалова до проспекта Стачек. Сам же торопливо вернулся домой.

Я не скрыл от Грая знакомства со Шлагбаумом.

— Зачем он тебе? — добродушно поинтересовался шеф.

Я ему напомнил, что крестьяне всегда кормились от скотины. Корову или поросенка здесь, в особняке, держать негде. А для кошки места вполне хватит. Можно даже поселить в моей комнате — кота и кошку — получится маленький питомник. Если детективное агентство прогорит, станем продавать котят и этим прокормимся.

— Главная драма в жизни человека, — вздохнул Грай, — это схватка человека со своей судьбой.

— Вы это к чему клоните?

— Крестьянская ты душа. Все еще не оставляешь мечту накопить денег и вернуться в деревню?

Я не знал, что ответить. Деревня моя тверская как-то уходила вдаль, зарастала оконной изморозью. А новая жизнь сыщика-детектива захватывала все больше.

— Я все еще на перепутье, — признался Граю.

— А если на перепутье — отдай этого Шлагбаума Надежде. Ты упустил ее кота — компенсируй потерю. Она подумает — хоть и никудышный Виктор сыщик, но человек благородный.

— Нет, — заявил я твердо. — Шлагбаум — мой единственный друг, это я сейчас понял. Друга я не отдам.

* * *

В четверг, в начале одиннадцатого, я вышел из дома размять ноги и при-

гласил с собой Елисея. Кот, действительно, не имел склонности к бродяжничеству, и не следовало опасаться, что удерет.

По соседству с нами, в полуподвале старого с колоннами дома, открыли большее кафе — шесть каменных ступенек вниз. Готовили там вкусно — ароматы подливок, вырываясь из открытых дверей, волновали прохожих. И, как я вскоре заметил, не только людей.

Из дыры под тротуаром, что находилась рядом с канализационным люком, неожиданно одна за другой выбрались три здоровенные крысы. Женщины, шедшие по тротуару, в страхе остановились. Рыжий кот, сидевший около дверей кафе, как птица, взлетел на макушку соседнего дерева. Обнаглевшие крысы не боялись разбойничать среди бела дня! Я растерялся, что делать?

Елисей тотчас забыл обо мне. Увидев смертельных врагов, уютный домашний кот сразу превратился в дикого зверя. Он обнюхал следы, выбрал позицию и засел у дороги, прижался к земле, напрягся, глаз не отводит от дверей кафе, и только кончик хвоста из стороны в сторону дергался, показывал охотничий азарт, напряжение, готовность к большой драке.

Я оглянулся — ни камня, ни палки — нечем коту подсобить, но он и не ждал от меня помощи.

Из низочка выглянула первая крыса, разведчица, увидела — путь открыт, выскочила и побежала по асфальту. За ней выбралась вторая — в зубах у нее польская колбаска. Следом выскочила третья крыса, даже по виду самая злобная, прикрывая тылы. Я понял: две крысы — солдаты, и одна — командир. Четвертым выскочил усач в жилетке, со шваброй в руках, хозяин кафе. Размахнулся, щелкнул по асфальту, похоже, попал последней крысе по хвосту. Та обернулась, с писком высоко прыгнула, целя в лицо. Хозяин кафе в ужасе отшатнулся. Крыса плюхнулась на землю и снова высоко прыгнула. Усач в панике отступил. Я хотел вмешаться, но как? Голыми руками крысу не одолеешь. Признаюсь, я решил, что и Елисею стало страшно от вида этих огромных прыгучих тварей, и я не осудил бы его, если бы он не тронул этот нахальный и злобный отряд.

Крысы уже добежали до середины дороги, когда Елисей сделал стремительный бросок и лапой с выпущенными когтями ударил первую. Она с писком покатилась. Не дав ей опомниться, кот ударил еще раз, еще и еще. Затем прыжок, укус сверху в загривок, и страшный враг с оскаленными зубами остался неподвижен.

Кот оказался около крысиного хода. Два сильных врага в упор смотрели на него, примеривались и пугали. Старшая крыса положила колбаску на снег и куснула своего солдата — это был приказ — вперед! Злобная крыса открыла рот, окрысилась, показывая зубы, побежала и прыгнула, стараясь напасть сверху. Кот знал — крыса больно кусает. Он поднялся навстречу и на лету ударил ее когтями. Крыса шлепнулась, поднялась и снова прыгнула. Но Елисей уже вскочил и так ударил, что прямо в воздухе располосовал ей бок. Затем напал сам и одним укусом прикончил.

Старшая крыса в это время сунулась в свой ход, но застряла. Тогда задом полезла в щель и потащила колбаску за собой. Кот подоспел, когда виден был еще кончик колбаски, зацепил ее когтями и так рванул, что колбаска вылетела вместе с вцепившейся в нее крысой. Упасть на землю крыса не успела, в головокружительном прыжке кот поймал ее и ударом лапы располосовал жи-

вот. Крыса завертелась, завизжала, упав на лапы, бросилась на кота. Елисей отпрыгнул в сторону, ударом лапы разодрал ей бок, угостил ее несколькими быстрыми ударами, прижал к земле двумя лапами и сделал смертельный укус.

Кот посмотрел на поверженных врагов, затем стал ходить взад и вперед, видимо, успокаивая нервы. Кончик хвоста его мелко дрожал.

Усатый хозяин кафе, все еще держа швабру, как ружье, выглянул из низочка, увидел, что его враги недвижимы, крикнул рыжему на дереве:

— Слезай и поучись! — затем подошел ко мне. — Это ваш котиче меня спас?.. Почему она прыгнула мне в лицо? Сумасшедшая?

— Это была крыса-солдат, ее работа — драться.

— Я боялся в кафе применить яд — сам отравишься. А крысоловки эти твои хитро обходили. Они яйца свежие у меня воровали — одна обнимала яйцо лапками и ложилась на спину, другие ее тащили по ступеням. А мой кот их до смерти боится. Они разом на него напали и покусали. Продайте мне вашего кота.

— Не продается, — гордо отвечал я. — Национальное достояние России, редчайшая старинная порода, лучший охотник в Европе.

— Будет свободное время — приходите в кафе с котом, — пригласил усач. — Угощение за мой счет...

К часу дня кассир Копейкин привез деньги.

— Постарайтесь найти со скорняком общий язык, — пожелал он мне, — и давайте поскорее закончим это неприятное дело.

— Надеюсь на здравомыслие Левитина, — ответил я, — он мне кажется человеком новой формации, с которым можно договориться.

Все было тщательно продумано. Через двадцать минут быстрой ходьбы я притормозил на Краснопутиловской у дома 24, вошел во двор.

Мы разработали два варианта. Если скорняк пойдет на контакт и откроет тайны получения кошачьих шкур, то я ему отдам деньги сразу. Откажется говорить — постараюсь доставить к нам на Стачек, 126, где им займется Грай. Деньги должны были служить дополнительным аргументом, если моих слов окажется недостаточно.

Минута у меня ушла на то, чтобы пройти по двору до двери в полуподвал. Три ступеньки вниз, я рывком открыл дверь и... увидел человека, которого никак не ожидал здесь встретить — сержанта Петренко из уголовного розыска нашего Автоовского районного отделения милиции. От неожиданности я сделал шаг назад, но Петренко пробасил:

— Всех впускаем, никого не выпускаем. Пришел — заходи.

Я начал лихорадочно соображать: что делает здесь сержант из бригады по расследованию убийств? И выпалил первое, что пришло в голову:

— Вы здесь случайно?

— Я по службе, а вот зачем вы пожаловали?

Неужели я опоздал? И наше кошачье дело так круто завернулось, что жулик перепугался и начал торопливо заметать следы?

— Что здесь случилось, скажите, Петренко?

— Сначала вы ответьте, что вам здесь надо.

— Я пришел к Сергею Левитину. Позовите его, пожалуйста. У меня с ним должен состояться конфиденциальный разговор.

— О чем вы с ним собирались потолковать, выкладываете.

— Я... я должен посоветоваться с Граем, прежде чем ответить вам.

— Значит, вы ведете свое расследование?! А откуда вы узнали? Труп Левитина найден только сегодня утром, при нем не было документов, и мы с трудом установили, кто этот человек.

— Я не знал, что он мертв, я шел к нему, чтобы получить сведения по интересующему нас вопросу.

— Это не ваше ли расследование помогло ему так окончить жизнь?

— Что с ним произошло, если это не тайна?

— У нас с вами договор — обмениваться информацией по этому делу. Так что сначала вы говорите.

— Есть договор, но я должен поставить в известность Грая.

— Идет. Тело нашли мальчишки-лыжники сегодня в десять утра в Шуваловском парке. Его привезли, очевидно, на машине и сбросили с высокого переезда в незамерзающий ручей. Эксперт-криминалист считает, что он убит вчера вечером от двадцати до двадцати трех. Его сбила тяжелая машина и проехала по голове.

Я еще недостаточно привык к убийствам, к покойникам, все это меня сильно шокировало. Вчера я только разговаривал с Сергеем, а сегодня — он уже лежит в морге.

— Вы кого-нибудь подозреваете, Петренко?

— Никого. Я этим делом занимаюсь с утра.

— Вам удалось узнать, куда он ходил вчера вечером?

— Я только что говорил с женой. Она в шоке. Сообщила, что эту мастерскую они обстроили в долг, все держалось на его сказочном трудолюбии, и теперь все полетит кувыркком... Он ушел в девять вечера. Кто-то принес ему записку, он завернул в бумагу шубку из кошачьих шкурок, сказал, что не знает, во сколько вернется. Теперь ваша очередь выкладывать информацию.

— Сейчас, не торопитесь, дайте позвонить.

Петренко отдернул желтую занавеску, и мы подошли к окну, у которого стоял большой стол закройщика, а в уголке примостился телефон. Рядом, на облезлой тахте, сидела женщина. Я ее узнал только по широким золотым перстням, за сутки сна превратилась в старуху с безумным взглядом.

Она, вероятно, кинулась бы на меня, но у нее не хватило на это сил.

— Наденьте скорее на него наручники, — зашептала сна. — Я узнала его, это убийца, — и показала на меня пальцем.

— Вы его узнали? Когда вы его видели?

— Его зовут Виктор Крылов, он вчера приходил сюда и выглядывал и высматривал, предлагал большие деньги за что-то. Мужу пришлось взять нож, чтобы выгнать его. Это он убил, больше никому, у нас не было врагов. Наденьте же на него наручники, я боюсь его!

— Постарайтесь не волноваться, Левитина, сядьте, — он подал вдове стакан воды, — прилягте, постарайтесь уснуть... Я хорошо знаю Виктора, я сильнее его, сейчас он позвонит по телефону, я его арестую и уведу.

Петренко теперь несколько иначе смотрел на меня, видно, ее слова подействовали, он как-то напрягся, я увидел, что он стал осторожнее.

Не хотелось мне звонить при этой женщине, но иного выхода не было. К счастью, Грай оказался на месте.

— Слушаю, — ответил он.

— История с русскими голубыми обостряется. Сегодня утром в Шуваловском парке в десять утра ребята-лыжники нашли тело Сергея Левитина. Он сбит машиной и, вероятно, привезен туда и сброшен с мостика на шоссе в незамерзающий ручей. Убили его вчера вечером где-то от восьми до одиннадцати. Сержант Петренко вместе с капитаном Головатовым ведет дело, следов никаких не обнаружено.

— Вот дьявольщина! Я чувствовал, что дело осложнится.

— У меня тоже было такое впечатление. В скорняжной мастерской я встретил сержанта Петренко, он пришел на десять минут раньше и требует, чтобы мы поделились информацией.

— Так расскажи ему.

— Все с подробностями?

— Да, в этом деле они нам союзники, ничего не скрывай.

— Не забудьте покормить кота, да и мне что-нибудь оставьте, вдруг сержант надолго задержит меня.

Я повесил трубку и показал сержанту глазами на вдову.

Петренко отвел меня в кухоньку, отделанную легкой перегородкой, там был стол и две табуретки.

— Садись, — сказал он и достал из нагрудного кармана блокнот.

— Знаете, как выглядит кот породы русская голубая? — спросил я.

Он вытаращил глаза.

— Дайте блокнот, нарисую...

* * *

Мы собрались в тот же день в двадцать один час. После того, как меня отпустил сержант Петренко, я вернулся домой и начал обзванивать наших клиентов. Нс знаю, что могло решить еще одно собрание, но мы посчитали себя обязанными поставить их в известность. Копейкин был найден в ресторане «Балтика», Шувалов в Публичной библиотеке, Ирина Харитоновна собиралась к подруге за город. Геннадий Дмитриев чинил на кухне телевизор, Валерий Верхов, укутавшись в шубу, играл в шахматы на садовой скамейке. Надя Молчанова оказалась на дежурстве в гостинице, и ее подменила на два часа подруга.

И вот мы здесь, все бушуют, кричат, спорят. Каждый по-своему оценивает ситуацию.

Оказалось, что Шувалов, когда нужно, становится резким и властным. Стоя перед столом Грая, он быстро говорил, помогая себе взмахами руки.

— Признаем мы это или не признаем, преднамеренно это или нет, но мы должны взять на себя моральную ответственность за смерть человека, за смерть Сергея Левитина. Не далее как вчера мы персональным голосованием решили его подкупить. Видимо, он знал достаточно много. Я весьма сожалею, что у нас не хватило ума додуматься до такой простой вещи... Самый острый вопрос — с какой целью убит Левитин? Хотел ли убийца остановить его, чтобы Сергей кого-то не выдал?

Усталый Грай едва сумел вставить в спор словечко, сообщив, что они с начальником уголовного розыска капитаном Головатовым уже начали прорабатывать эту версию.

Громче всех кричал Верхов, даже взвизгивал:

— Мы самые настоящие убийцы, судить нас надо!

Геннадий Дмитриев так же азартно возражал:

— Это дело случая, мы здесь ни при чем. Я даже считаю, что и моральной вины мы не несем за этого Левитина, и нечего нам время терять в бесполезных дебатах.

Остальные выступали не так резко, их мнения располагались между этими, крайними. А Надя Молчанова и Ирина Харитоновна предпочитали не высказываться.

Потом Шувалов признался, что не сумел сохранить в тайне попытку подкупить Левитина и рассказал об этом одному человеку из клуба «Котофеич».

— А я тоже не думал скрывать, — развел руками Верхов.

Оказалось, что и остальные не держали язык за зубами. Мы попробовали посчитать — человек сорок владело нашим секретом. От кого перепуганный жулик получил информацию — неизвестно. Но он сразу взялся за дело.

Как быть дальше?

Тут мнения членов клуба опять разошлись.

— Надо прекратить поиски! — требовал Верхов. — Нельзя допустить, чтобы из-за кошек убивали людей.

Кассир Копейкин стучал кулаком по дивану.

— Мы сделали ставку на новую породу, вложили деньги и обязаны защитить себя от воров. Что это за клуб, который не может себя защитить?

Опять заспорили. Грай сидел усталый и бледный. Я попросил всех замолчать, и Грай встал, покачивая больную руку.

— У нас продолжается полоса неудач и ошибок. Я принял ваше предложение подкупить Левитина и не подумал, какие могут быть последствия. Это моя ошибка.

— Что делать дальше? — спросил Шувалов.

— Наш договор следует расторгнуть, — заявил Грай. — И теперь без всякой оплаты я берусь найти негодяя. Считаю это делом чести. И ставить в известность клуб о своих действиях не буду. Надеюсь, понятно, почему.

— Нет, не понятно! — взвился Верхов. — Почему вы будете держать в секрете от нас свои действия?

Его поддержал Копейкин:

— Ведь это именно мы наняли вас для расследования дела.

— А потому стану держать в секрете, что, может быть, вы, Верхов, или вы, Копейкин, убили Левитина!

— Мы? — изумились оба.

— Да, вы, или кто другой из ваших, не исключено. Поэтому, не колеблясь, разрывайте наш договор.

Члены клуба опять заспорили, Шувалов настоял на голосовании, и, четыре голоса против двух, постановили: поручить Граю вести дальнейшее расследование.

Проводив гостей до крыльца, я вернулся в кабинет и увидел, что шеф сидит совершенно измученный, бледный. Хотел вызвать врача, но Грай попросил открыть форточку, свежий морозный воздух привел его в чувство. Я помог Граю подняться наверх и раздеться, а встревоженный Бондарь принес ему в постель крепкий чай с медом.

Я вырос в деревне, на свежем воздухе, и мне трудно подолгу оставаться в помещении, да и ноги требуют разминки. Поэтому быстро оделся и пошел

прогуляться перед сном, проведать «своего» кота Шлагбаума. Прошел под трамвайным мостом, который мощно выгнул спину над шоссе, речкой Красненькой, железнодорожными путями. Осмотрел сквозь ограду заросли вокруг вентиляционной шахты метро. Наудачу поднялся в одну из парадных ближайшего дома. И дойдя до седьмого этажа, в окно я увидел его.

Шлагбаум стоял около ограды принадлежащего метро садика и величественно наблюдал, как пожилая женщина пыталась угостить его блеснувшей в свете фонаря серебряной рыбкой. С большим достоинством кот подошел ближе, понюхал подарок и принялся за поздний ужин. Женщина пошла дальше. Навстречу ей по пустынной лужайке двигался подросток со здоровенным псом-боксером. Тут меня охватил ужас. Парень дал собаке сигнал, и собака бросилась к женщине, стала басовито лаять, рваться на поводке, пытаясь укусьить. Парень делал вид, что старается удержать собаку, но не в силах этого сделать, лицо его исказила болезненная, сладкая ухмылка. Отступая, женщина отбивалась продовольственной сумкой, кричала, звала на помощь. Но лужайка перед домами была пуста, а мелькнувшие на краю двое молодых ребят поспешно скрылись от греха подальше.

Лифт оказался занят. Негодуя и проклиная недоросля с нарушенной психикой, я побежал вниз, на каждом пролете бросая взгляд в окно. Когда добежал до третьего этажа, увидел вот что: отбиваясь сумкой, женщина отступила за кота. Шлагбаум не желал вмешиваться в драку, но и со своего места не уходил. Стоял, выгнув спину, взъерошив шерсть и подняв хвост, как флаг. Молодой человек, привыкший к безнаказанности, приказал псу заодно пугнуть и кота, подкормленного женщиной. Поводок был ослаблен, и пес с рыком кинулся на кота. Его пасть со страшными зубами была раскрыта, и мне показалось, что коту конец.

Но Шлагбаум не отступил ни на сантиметр. Растопыренной пятерней нанес мгновенный удар в нежный собачий нос. Боксер сел от неожиданности и боли. И в полсекунды получил еще серию мощных ударов острыми когтями по носу. Пес взвыл перепуганно и тонко, рванул и понесся прочь. Повалил хозяина, вырвал из руки поводок и поскакал по кругу от кота. Кот не отставал ни на шаг, мчался рядом и на бегу бил по морде, целя в глаз. Потрясенная собака с воплями умчалась прочь, растерянный подросток побежал следом.

Когда я выскочил на улицу, кота уже не было. Он исчез с остатками рыбы, то ли собираясь поужинать в более спокойной обстановке, то ли намеревался кого-то угостить.

Бедная, растрепанная женщина, размахивая руками и ругаясь, шла по улице. Подлого подростка с его псом не было видно нигде. Мой смелый кот не желал принимать поздравления. Я подумал, что когда поселю Шлагбаума у нас в доме, то всегда на ужин буду давать ему свежую рыбку.

Поздно вечером я делал приборку в кабинете. Это тоже входит в одну из моих многочисленных обязанностей. Шуваловский кот сидел на столе, щуря зеленые глаза, наблюдал за моими руками. За эти дни он ничуть не изменился. Не ластился ко мне, но и не дичился. Жил сам по себе. Каждый день спускался в подвал, ловил мышку, приносил и клал у дверей кухни. Он терпел нас возле себя, был невозмутим и непостижим, как сама природа.

На ночь кот пошел ко мне и, многозначительно посмотрев в глаза долгим немигающим взглядом, улегся на кровать. Так мы и уснули вдвоем. Проснулся

я от звона колокола. Удивился, кто это мог прийти в такую рань? Спустился вниз, открыл. На крыльце сидела... соседская уличная кошка!

Из камбуза появился наш Етисей и вдруг заговорил человеческим голосом:

— Здравствуй, Психея Хохлова!

Провел гостью в кают-компанию.

— Вы как раз к завтраку.

Кошка-гостья запрыгнула на стул.

— Хорошая погода, не правда ли, Елисей?

Я поставил на стол посуду. Кот извлек из-под буфета брюки бондаря, расплосовал когтями и положил куски на тарелки.

— Они обильно политы валерьянкой. Редкое угощение.

Я стоял рядом и думал: может, у меня «поехала крыша?» — и с этим ощущением проснулся. Лунный свет заливал комнату, кот Елисей, растянувшись во всю длину, лежал в ногах. Поднял голову, спросил:

— Мр-р-н-нау?.. Мр-р-н-нау?..

Что могло означать увиденное? Поразмыслив, я решил, что это — мой первый профессиональный сон. Значит, я успешно вживаюсь в профессию сыщика. Придя к такому выводу, перевернулся на другой бок и тут же снова заснул.

Утром в среду Грай выглядел свежим, отдохнувшим. Помогая ему надеть рубашку, я спросил:

— Как станем продолжать расследование?

— Не знаю.

— Решили и от меня держать все в тайне? Тогда вам одному придется соперничать с уголовным розыском, милиция вас обставит, и гонорара нам не видать.

— Не трепись, — буркнул Грай.

— С, вы начинаете восстанавливать спортивную форму. Теперь, жулик, держись!

Грай осторожно положил руку на перевязь.

— Все же детектив без правой руки, — вздохнул я, — как без рук.

После завтрака звякнул колокол у двери. Я открыл дверь — на пороге стояли начальник уголовного розыска Автовского отделения милиции капитан Головатый и сержант Петренко. Я принял у них пальто и провел в кабинет. Головатый удобно расположился посередине дивана на обозначенном валиками месте. У них с Граем были сложные отношения, каждую встречу все зависело от того, союзниками или соперниками они оказывались в расследуемом деле. Оба гордые, независимые, они с трудом ладили друг с другом.

Районное отделение милиции находилось на соседней улице, и Головатому ничего не стоило заехать или даже зайти и узнать, что удалось наработать Граю, но... гордость не позволяла идти и кланяться. Ведь у Головатого целый штат сотрудников, а Грай работал один. Только теперь, после ранения, меня взял и еще иногда привлекал двух-трех оперативных сотрудников.

Сержант Петренко, хитрый, себе на уме, здоровенный и громогласный украинец, как он утверждал, из запорожских казаков, сел на стул около двери.

Что они хотели узнать на этот раз?

— Шуваловского кота можно посмотреть? — спросил Головатый.

— У нас не выставочный павильон, но раз пришли — взгляните, — отозвался Грай. — Виктор...

Я принес с кухни кота и поставил на свой стол. Петренко решил рассмотреть исторического кота повнимательнее, подошел ближе, даже опустился на одно колено. От восхищения не выдержал и дунул коту в физиономию.

Возмущенный кот отреагировал мгновенно — бац-бац-бац! — тут же надавал оплеух.

Петренко отскочил, схватился за щеки.

— Что это он?

— Если ты смотришь зверю в глаза, значит, хочешь напасть на него. И характер у кота строгий, — объяснил я.

К несчастью, кот выпустил когти, и случилось небольшое кровопролитие — на щеке у Петренко выступили четыре капельки крови. Пришлось идти в кают-компанию промывать рачки спиртом. Петренко не показал вида, но все равно обиделся. Кот мяукнул, прощаясь, и убежал в подвал по своим кошачьим делам.

— Никогда у нас так не было, чтобы из-за кота человека убили, — заметил Головатый.

— Нельзя сказать, что это обычный кот, он стоит миллионы. Заграница готова за него валютой платить.

— Сложная, запутанная цепочка для получения денег. А скорняк оказался в ней слабым звеном.

— Весьма запутаннее кошачье дело, — согласился Грай. — Мне о таких слышать не приходилось.

— И, говоря откровенно, вы его начали неудачно.

— Если вы за этим пришли, — вскипел Грай, — то незачем тянуть! Да, я сваял дурака, можете начинать смеяться. Не надо мне было слушать советы этих кошатников и соглашаться на подкуп Левитина.

— Не огорчайтесь, всякое бывает. Я начинаю поиск, отталкиваясь от вашего предположения, что есть какая-то цепочка для получения денег. Ее разрубили, изъяв слабое звено, чтобы не было утечки информации. Я не уверен, прав ли, и тоже боюсь остаться в дураках.

— Все может быть, — насмешливо прищурился Грай. — Интересно, за минувшие сутки вы много накопили?

— Поделиться информацией?

— Да, если есть чем делиться.

— Что именно вас интересует?

— Способен ли был Левитин похищать кошек из чужих квартир?

— Это осталось невыясненным. Жена утверждает — нет. Шкурки ему приносили готовые, выделанные.

— Шкурки приносили с клеймом мастерской?

— Нет, их обрабатывали в частном порядке. Где — узнать не удалось. Но обработка высокого качества, профессиональная работа.

— Удалось ли вам найти что-нибудь такое, за что можно зацепиться, потянуть ниточку?

Головатый осторожно достал из кармана полиэтиленовый конвертик, протянул Граю. Я подошел и тоже посмотрел. В конверте лежал обгорелый кусочек бумажки, остаток сожженного второпях письма. Слова располагались так:

«Прих...
срочн...»

откол...»

— Где вы это нашли?

— На полу, в мастерской Левитина. Похоже, он сжигал записку, держа ее за середину. Бумажка обожгла пальцы, он ее бросил или уронил и, чтобы не вспыхнули обрезки меха на полу, затоптал ногой... Следы подметки хорошо просматриваются.

— Вы не возражаете, если я ее скопирую?

— Пожалуйста, но думаю, что много из старой бумажки не выжмешь. Жена Левитина сказала, что к ним зашел какой-то мальчишка — она слышала его голос, но не видела, — сказал Сергею несколько слов и, вероятно, передал бумажку. После этого Сергей быстро засобирался, завернул в упаковочную бумагу шубку из кошек, ушел и больше не вернулся. Она ждала его всю ночь, не знала, что думать. В одиннадцать утра я заехал за ней и повез в морг для опознания трупа.

Грай вернул конвертик.

— Отпечатков пальцев на бумажке не обнаружили?

— Один плохой, смазанный, мы проверили, это отпечаток пальца самого Левитина.

— А специнструмента у него не нашли — ну, отмычка там, домкрат, запасные ключи в наборе?

— Ничего такого нет. Валялись в столе несколько старых ключей, но с ними в чужую квартиру не попадешь.

— Сам он шкурки не мог обрабатывать, скажем, где-нибудь в другом месте?

— Нет, жена говорит, что знала бы.

— Вы доверяете ее показаниям?

— Не вижу для нее смысла искажать информацию. Хотя вот она утверждает, что убийцей является ваш помощник, Виктор Крылов. Она слышала, как они ссорились, и муж с ножом в руках выгонял Виктора, а потом сказал ей, что это очень опасный человек.

— Я знаю про эту ссору, Левитин оказался вспыльчивым человеком, не понравилось, что ему задают вопросы. Видно, знал грешки за собой.

— Я не подозреваю Виктора, но хотелось бы знать, где он был в понедельник вечером? От девяти до одиннадцати?

— В восемнадцать у нас были члены правления клуба «Котофеич», потом Виктор провожал Шувалова.

— Я не сомневался, что у него алиби. Но поймите меня правильно — все надо уточнять.

— Вы осмотрели место, где найден труп?

— Да, он лежал в ручье.

— Что-нибудь новое узнали? Он был убит в парке или привезен?

— Скорее всего привезен, но наверняка утверждать не можем. Он, по всему, погиб от удара грузовой машины.

— Это уже что-то. Но в большом городе найти грузовую машину... это вряд ли. Так вы убийцу не найдете.

— Найду, из-под земли достану, назло вам! — вспыхнул Головатый, — А вы в мои дела не лезьте, вы высоко любите высовываться, слишком стали заметны!

— Не преувеличивайте, я всего лишь ищу жулика — похитителя русских

голубых кошек. Для этого я нанят. Надеюсь, этим вы мне не запретите заниматься?

Головатый свирепо смотрел на Грая, видя в нем удачливого конкурента, который, имея всего одного помощника, может найти убийцу и опозорить его, начальника уголовного розыска, вместе с его штатом.

Грай, несмотря на сердитый взгляд Головатого, не стушевался. За эти дни я уже привык к Граю, он платил мне деньги, учил, с ним я связывал свое будущее. Мне не понравилось, что на моего шефа рычат, поэтому, провожая гостей, я осуждающе смотрел на них и предупреждал:

— Пожалуйста, не хлопайте дверью, наш дом — исторический памятник.

Затем мы устроили небольшое военное совещание.

— У тебя есть какая-нибудь идея? — спросил Грай.

— Искать в городе грузовую машину, которая могла сбить Левитина, — дело, может быть, и стоящее, но оно потребует проверки тысяч машин, понадобится целая рота оперативных работников. Это нам не по силам.

— Согласен, эту ниточку не вытянуть. Вообще, положение сложное. Решение, которое мы приняли накануне, могло дать результат. Но надо было догадаться и поставить скрытую охрану скорняку. Мы кого-то потревожили, но кого? Со всеми, кто знал о попытке подкупа Левитина, милиция побеседует. Но, полагаю, это не приведет ни к каким результатам. Непонятно, кого искать, за кем наблюдать. Хоть какое-нибудь предложение у тебя есть?

— Собственной идеи нет, как нет и у вас. Но я могу подсказать, где ее найти.

Грай глянул на меня недоверчиво.

— Не знаю, кто вас учил вести расследование, — сказал я, — но, наверное, этот человек мог изобразить любое дело в графике. На книжной полке лежит большой лист ватмана, разрисованный вами. Загляните — там начертан план наших действий.

— Уже освоился в доме и начинаешь знакомить меня со своим юмором?.. Так вот, слушай: нам остается либо сидеть сложа руки, то есть отказаться от дела, либо пойти на авантюру — провоцировать жулика и убийцу к дальнейшим действиям. А когда он начнет действовать — схватить его.

— Я с детства мечтал работать подсадной уткой. Интересно, куда вы меня пошлете?

— Поезжай к кошколавам, попробуй их попутать. Спрашивай, кто из них в воскресенье вечером украл на Суворовском из квартиры кота, есть ли у них алиби? Спроси, кто убил Левитина? Покажи фотографию из морга, может, они знают Сергея, были у него клиентами.

Я приуныл.

— Непросто провоцировать кошколовов — ребята крутые, бока могут намять.

— А ты осторожнее, не лезь на рожон...

Прямо из кабинета я прошел на кухню. Бондарь кивнул на часы:

— Обедать еще рано.

— Конечно, — согласился я, — нарушать режим — грех. Но Грай дал срочное задание: послал в компанию головорезов. Мне их придется дразнить. Натощак не справлюсь.

— Бить станут? — посочувствовал капитан.

— Да, как провокатора. Если поймают.

— Ладно, выдам обед сухим пайком. Возьми сало из холодильника и сейчас яичницу с колбасой сделаю. Запьешь компотом, от завтрака остался. Станешь плотный, как мячик. Все тумачи начнут отскакивать бесследно.

Старый капитан жалел меня, но скрывал это за грубоватым юмором.

Городская справочная сказала, что у них контора кошколовов не числится. В телефонном справочнике я ее тоже не нашел. Пришлось звонить в «Вечернюю Неву».

Дмитрий Кокорин недоуменно поинтересовался:

— Что это вы за кошек взяли?

— Мыши одолели, — ответил я.

— По беспокоящему вас вопросу можете обратиться в комбинат по благоустройству города, — ехидно произнес Дмитрий и назвал телефон и адрес. — Бригадир группы по отлову бродячих животных Евгений Кулик.

Контора, где размещались кошколовы, находилась в небольшом грязном доме. Во дворе у забора стояли два больших железных ящика, в какие обычно жильцы и дворники выносят помой для свиней.

Оба эти бака были полны дохлых кошек, несколько голов со стеклянными глазами даже свешивались из-под крышек.

Я увидел эти баки. И хоть считал себя человеком бывалым, но тут словно на стену наткнулся — не мог идти дальше, ноги не шли. Сколько же надо было обшарить чердаков, подвалов, лестниц, чтобы наловить эдакую грудку кошек! Я понимал, что количество диких кошек в городе должно быть ограничено, что они разносят болезни, опасные для человека. Но эти ящики... Надо же и к бездомным кошкам относиться как-то по-человечески. Они не виноваты, что бездомные.

Я стоял, как загнипнотизированный, и не слышал, что подъехала машина.

Кто-то подошел сзади, хлопнул меня по плечу. Я вздрогнул и резко обернулся. Передо мной стоял рослый, с резкими чертами лица мужчина из тех, кто сначала бьют, а потом спрашивают. Обут он был в тяжелые ботинки с толстой подошвой, в руках держал рукавицы из грубой материи и палку с петлей на конце — страшное орудие своего труда. Позади стояла спецмашина — фургон. Мужчина был сильно раздражен и слегка покачивался, видно, принял с утра стакан и теперь явно нуждался во втором.

— Ах, ты, корреспондент поганый! — зарычал он на меня. — Я же тебя в прошлый раз предупреждал: больше не приходи. Видно, ты ничего не понял и опять здесь с фотоаппаратом шарить, ишь, как на помойку уставился, оторваться не можешь. Знаю я таких писак-помоечников, сейчас я тебя проучу.

Мне сильно не понравилась приветственная речь кошколова.

Петлей он выхватил из бака облезлую, в лишаях, кошку и, размахивая ею, направился ко мне.

— Что, негуманно петлей ловить кошку за шейку?.. А ну-ка, погладь киску, не бойся, у тебя будет всего лишь лишайчик, и волосики полезут из головки, станешь ты лысеньким. Х-ха, испугался корреспондентик!.. Куда же ты пятишься?

Я решил сбить его с позиций.

— Мне нужен бригадир Кулик.

— Я Кулик, — притормозил мужчина.

— Может, для начала примем по стакану?

— С корреспондентами не пью, — прохрипел он, но предложение его заинтересовало. — Что тебе надо?

— Мне нужен человек, который кошку из чужой квартиры может увести.

— А ты кто такой?

— Заказчик.

— Заказчики нам по телефону в контору звонят, диспетчер вызовы принимает.

— А у меня особый заказ, в чае ом порядке.

Он стоял, слегка покачиваясь, и по наморщенному лбу было видно, каких усилий ему стоили раздумья. Я решил обострить ситуацию.

— Кстати, где вы были в воскресенье в двенадцать ночи?

— А ты кто, легавый?

— Нет, я не из милиции, я частный...

— Ах, ты меня купить решил!.. — зарычал он и замахнулся палкой. Я нырнул ему навстречу и поставил ножку. Он грохнулся на асфальт. Я слегка надавил ему на грудь. — Говори, где был вечером в воскресенье?

Падение слегка протрезвило его.

— Дома, — прохрипел он.

— Кто может подтвердить?

— Мать не даст соврать.

Он посмотрел за мою спину. Я оглянулся. Открылись дверцы спецмашины, и из нее выпрыгнули двое мужчин в ватниках, с палками в руках. Настроены они были решительно и разошлись в стороны, окружая меня.

Я выбрал того, что казался менее разворотливым, сделал ложный выпад и, когда он махнул палкой, прикрылся локтем, пробежал мимо него.

Они быстро сомкнули строй и молча пошли на меня.

Я решил подлить масла в огонь:

— Где вы были в воскресенье в двенадцать ночи, говорите быстро.

Одна палка просвистела совсем близко от моей головы.

Я понял, что спровоцировал их достаточно эффективно, а в данный момент неразумно надеяться на вежливый ответ. И ретировался несколько быстрее, чем мог ожидать от себя.

Домой приехал без десяти пять. Наверное, имел вид несколько растрепанный, потому что Бондарь осторожно поинтересовался:

— Что, побывал в переделке?.. С тобой все в порядке?

Я заглянул в зеркало и увидел на лбу ссадину.

Когда я успел схлопотать по лбу? Хотя встречу с кошколовами нельзя было назвать холодной, вот сторяча и не почувствовал.

— Заживет как на собаке, — беззаботно махнул я рукой.

— Ну-ка сядь, Виктор, — капитан выдвинул табуретку из-под стола. — Сейчас лечить буду.

— Стоит ли беспокоиться, царапина...

— Садись! — рявкнул он. — Мальчишка! Сегодня царапина, а если грязь попала, завтра разнесет физиономию... может, тебе инфекцию занесли.

Я сел, сдержанно усмехнулся.

— Только не зеленкой, буду два дня ходить меченый.

Капитан открыл дверцу кухонного шкафа, засунул руку в глубину за пакет

с гречей и извлек бутылку «Столичной» водки.

— Держу на всякий случай, про запас, — пояснил он.

Я думал, что он для профилактики нальет мне рюмку, но капитан смочил водкой кусочек ваты и прижег ссадину на лбу. Ссадина зашипела, я дернулся.

— Сидите, — приказал капитан, почему-то перейдя на «вы», и дважды повторил процедуру.

— Теперь, надеюсь, с инфекцией покончено?

Капитан разогрел мне борщ и гречневую кашу с мясом, оставленные с обеда.

Я хотел все это наскоро проглотить, но капитан укоризненно покачал головой:

— Зачем же так суетиться за столом, вы испортите себе желудок. Ешьте с удовольствием.

Я понял, что спешкой обижаю его, стал есть неторопливо, и, действительно, борщ и каша с мясом стали гораздо вкуснее.

Затем пошел в кабинет и подробно доложил Граю о посещении кошколовов. Он задал несколько вопросов, вздохнул:

— Сейчас нам приходится действовать вслепую. Если «ошкол» означает кошколовов, то ты их встревожил и принудил к действию. Завтра об этом узнаем. Если «ошкол» нечто другое — время потрачено зря.

— Конечно, мало удовольствия действовать вслепую, но если ничего другого не остается, я готов продолжить.

* * *

Утром в четверг мы заканчивали завтракать. Грай пил кофе, мы с Бондарем — чай, кот Елисей лакал молоко. Градусник за окном показывал минус тринадцать.

— Я поеду с Шуваловым в Пушкин, посмотрю зал для выставки кошек, — сказал Грай, глядя на узорчатое, расписанное морозом окно. — Ты разыщи бригадира кошколовов Евгения Кулика и попробуй поговорить с ним откровенно. Постарайся не ссориться.

— С ним надо пить, — заметил я. — Потом у меня голова заболит.

— Ты не пей из ведра, возьми кружку, — посоветовал Бондарь.

На желтом «ситроене», доставленном родственниками из Парижа, Шувалов заехал за Граем, и они отправились в Пушкин. Проводив Грая, Бондарь, пожаловавшись на стариковский ревматизм, попросил меня сходить за хлебом. Булочная у нас близко, метров двести, не больше. Отчего лишний раз не размять ноги? Я отправился без пальто и без шапки — закаляюсь.

— Не запирайтесь, минуты через три вернусь. — сказал я Бондарю и лишь прикрыл дверь, чтобы Елисей не увязался следом.

Потом-то я уж сообразил, как элементарно меня подловили. Но если знать, где упадешь, соломки бы подстелил. Грай говорил мне, что когда детектив несет авоську с батонами, он настолько себя принижает, что становится профнепригодным. По крайней мере, ни оледенелая дорожка, ни скользкое крыльцо меня не предупредили, и шестое чувство не сработало. Вернувшись, я прошел в кухню и остолбенел... Капитан сидел привязанный к стулу, рот заклеен пластырем, а глазами пытался что-то показать. Секунды мне не хватило, чтобы приготовиться. Сзади почувствовал движение воздуха, шагнул вперед и присел. Что-то весьма твердое, потом выяснилось — кусок трубы, словно

стальная бомба, ударило меня по голове, и я отключился.

Обнаружил себя лежащим на полу. Прошло, наверное, минуты полторы. Их было двое, в масках — с чулками, натянутыми на лица. Один оглядывал кухню, другой сидел на мне и начинал связывать руки. Я повернул голову — из глаза Бондаря выкатилась слезинка. От крепкого удара в голове у меня все перемешалось. Но, видимо, удар пришелся вскользь, туман рассеивался, я приходил в себя. Положение ужасное — придет Грай, у него нет оружия с собой, и только левая рука действует. Бандиты сделают с нами все, что захотят. От бессилия в пору заплакать.

Я стал выдергивать руки из веревки, заворочался, стараясь сбросить бандита. Он не стал меня удерживать. Сквозь чулок я видел, как зло сжались тонкие губы. Он потянулся, поднял с пола обрезок трубы и замахнулся. Сейчас он ударит и — мне конец.

И тут, когда я был на грани отчаяния, голубая молния беззвучно пересекла кухню, это Елисей прямо со шкафа бросился на черную маску, вцепился в лицо четырьмя лапами, прокусил нос, шипя, воя, стал рвать и маску, и лицо.

От испуга и боли бандит заорал страшным голосом, выронил трубу. С трудом оторвал кота от себя, отшвырнул и с криком выбежал из дома. Второй не сразу понял, в чем дело, но успел повернуться спиной к коту и схватиться за карман, где у него, вероятно, было оружие. Кот взвыл так, что даже мне стало страшно, молнией прыгнул ему на спину, стал рвать одежду и шею.

Второй бандит завизжал от боли и страха, ему, наверное, казалось, что с него живого сдирают кожу, снимают скальп, он закружил по кухне, пытаясь сбросить разъяренное животное, кое-как стряхнул его и опрометью бросился к выходу. Где-то вдалеке взвыл мотор машины, и все стихло.

Я подполз к стенке и сел, опираясь на нее. Бондарь окаменел с вытаращенными глазами. Елисей прошелся по дому, передергиваясь и содрогаясь, дошел до двери, посмотрел, нет ли еще кого из незваных гостей, и снова походил, нервно дергая хвостом и успокаиваясь. Затем забрался мне на плечо и начал лизать рану на голове — лечил. И действительно, шершавый язык его массировал, зализывал ранку, снимал боль. Мне стало легче, я кое-как поднялся на ноги.

Елисей запрыгнул Бондарю на колени, стал тереться о грудь, подбадривал. Плохо слушавшимися пальцами я развязал старика.

Через три часа вернулся Грай. Осмотрел кухню, спросил:

— Они, конечно, в перчатках были? Трубу в полиэтиленовый пакет положи, пригодится как вещдок... Это не те, кого мы ищем, другой почерк, нас хотят пустить по ложному следу. Наш соперник сам побоялся идти, понял, что мы узнаем его. У этих хватка не та, не сумели кота взять. А вам, Виктор, наука — даже когда детектив несет авоську с хлебом, как бы ни был принижен бытом — он должен оставаться детективом. Кстати, как вам показалось, они могут вернуться?

— Смотря кто и для чего их нанял. Почему бы им снова не проведать нас?

— Ладно, оставим это дело, — Грай провел черту в воздухе здоровой рукой, — Ты в порядке?.. Тогда поезжай и разыщи бригадира кошколовов Евгения Кулика.

Я быстро собрался, по тропке наискосок спустился с холма, на ко юром стоял наш дом, к трамвайной остановке. Через двадцать минут заиндевелый

трамвай привез меня на улицу Зенитчиков к заметному кирпичному дому. Парадную лестницу мыли не далее, как вчера, отметил я, поднимаясь на четвертый этаж. Дверь в квартиру оказалась обита реечками и покрыта лаком. Значит, хозяин был рукастый, или не пожалел денег на отделку. Из центра двери на меня подозрительно таращился глазок.

Я нажал на звонок и встал напротив глазка, мне прятаться незачем. Женский голос спросил из-за двери, кого надо?

— Кулик Евгений дома? — спросил я. — По работе к нему.

Дверь открыла пожилая женщина с шерстяным платком на плечах. Произнесла устало:

— Пет его дома... Что передать?

— Передать?.. Я бы лучше с ним поговорил. Может, зайти попозже? Скажем, через час? У меня серьезный разговор.

Она подумала.

— Нет сына дома, вчера ждала, не пришел. Не впервой с ним такое. Примет лишнего на работе, там и уснет. Проспится и утром домой притопает. А сегодня, видно, добавил с приятелями, пора бы уж и прийти, а вот нет.

— Ненадежные приятели, видел их, — посочувствовал я матери Кулика.

— То-то и оно, — вздохнула она, — золотые руки у мужика, а толку никакого. Как вечер, так он «болеет». А если нужно, вы съездите к нему на работу, он, наверняка, там.

— А нельзя позвонить, узнать?

— Где ж ему быть! — всплеснула она руками. — Спит, наверное, сидя за столом. Я уже звонила, не отвечает...

Через сорок шесть минут я добрался до конторы кошколовов. Баки стояли пустыми, но нехороший запах хранило само это место, сама земля. Я поскорее прошел в подъезд. Контора кошколовов — небольшая квартирка на втором этаже — оказалась открытой. Две двери заперты, я толкнул их костяшками пальцев, а в щель под дверью комнатухи бригадира Кулика был виден свет.

Не знаю, хватило бы у меня духу войти в комнату, если бы я знал, что он там убитый сидит со вчерашнего дня. Но я этого не знал. Легонько постучал, не услышал ответа и постучал сильнее. Молчание. Тогда нажал на ручку и медленно, стараясь не произвести шума, открыл дверь. Кулик сидел на стуле в рабочей одежде, навалившись на покрытый замызганным дерматином стол. Воздух в комнате стоял тяжелый, пахло пылью и водкой. С первого взгляда казалось, что Кулик рухнул головой на стол и заснул, уронив руки. Настораживала тишина. Я напряг слух и не услышал дыхания. Потрогал руку — холодна. Значит, он мертв уже часов шесть или больше.

— Вот подлец! — не выдержал я.

В комнате был порядок, какой можно предположить в рабочем помещении. Нет следов драки, стулья на месте, на столе — толстые рукавицы и журнал с рабочими записями. Голова и спина не имели повреждений. Я присел на корточки и попытался рассмотреть грудь. В тельняшке, сквозь распахнутую рубаху, увидел резаную дыру и края этой дыры, покрытые кровью. Крови на стол натекло немного — значит, кто-то ударил его, подождал, пока сердце остановится, и вытащил нож. Еще мягкое тело навалилось на стол, так что лбом Кулик уперся в покрытую дерматином фанеру, да так и застыл.

Что же теперь делать? Первое, самое сильное желание — уйти, исчезнуть.

Я вытер носовым платком ручку двери, подумал, не трогал ли чего-нибудь в комнате?

Тут увидел телефонный аппарат на полочке, приделанной к стене. Неплохо бы посоветоваться с Граем. Положил на трубку носовой платок, набрал номер.

— Слушаю, — ответил через некоторое время Грай.

— Хочу вас огорчить, — извинился я. — Стоит вам куда-нибудь меня послать, так в этом месте вскоре обнаруживается труд. Я звоню из конторы кошколовов. Их никого нет, сама контора оказалась открытой. Мне посоветовала приехать сюда мать Кулика сказала, что он, порой, круто выпивает и остается ночевать в конторе. Сейчас в своей бригадирской комнате Кулик сидит за столом, заколотый ударом ножа в сердце. Я здесь один, никто меня не видел. Дверную ручку я уже вытер. Могу уйти отсюда и позвонить в милицию из телефона-автомата. Какие будут указания?

— Черт возьми, тебе нужно было остаться там вчера после разговора с ним.

— Но тогда этот стол сейчас бы украшал мой труп. Я еще не женат и не могу позволить себе подобное расточительство. Итак, я предлагаю обсудить эту проблему. Мне не терпится отсюда уйти.

— Что теперь обсуждать и зачем тебе уходить? Мы были на правильном пути, и еще одна ниточка оборвана. Проклятье!

— Скорее всего он убит после работы. Кто-то к нему пришел, они выпили, тут сильно пахнет водкой, не продохнуть, и гость заколот своего приятеля.

— Теперь поздно обсуждать это, оставайся там, — и Грай бросил трубку.

И все-таки мне сильно хотелось удрать отсюда. Случайно я бросил взгляд в окно, увидел, что через улицу к дому спешит мать Кулика, и успел выскочить из квартиры. Тут на лестнице мы и встретились.

— Вы еще здесь? — удивилась она.

— Да, я постучал, никто не открывает, вот, стою на лестнице, жду.

— Где ж ему быть? Там он, — уверенно отвечала женщина. — Не иначе, как перебрал и крепко спит.

Мы прошли по коридору. Она распахнула дверь в комнату бригадира.

— Так я и знала, спит, пьяный черт!

Она подошла ближе и хотела толкнуть его в плечо.

Я сделал вид, что все это вижу первый раз и посоветовал:

— Лучше вам его не трогать. Тут не все в порядке, мне кажется.

Она медленно протянула руку, холод его тела и неестественная тяжесть подсказали ей, что сын мертв. Она пошатнулась и стала падать. Я подхватил женщину и помог сесть на стул.

— Допился-таки, — вытирала она слезы. — Сердце не выдержало, сколько раз я ему говорила. К экстрасенсу ходил, кучу денег истратил, ничего не помогло.

— Он заколот ударом ножа в сердце, — сказал я, — Скорее всего это произошло вчера вечером. Он был так пьян, что если и видел опасность, то защититься уже не смог.

— Откуда вы взяли?

— У него рана на груди.

— Подымите его.

— Лучше этого не делать до прихода милиции.

По лицу женщины текли слезы. Я думал, что она сейчас завоет, упадет на

пол, начнет биться в истерике и придется спасать ее, чтобы не умерла. Она закусила платок и с минуту сидела молча, как каменная. Затем заговорила чужим голосом, словно была не в себе:

— Хоть и приемный сын, а жалко, как родного. Да, надо звонить в милицию.

— Милиция начнет задавать вопросы, следует подготовиться к разговору с ней.

— Вы такой энергичный...

— Я частный детектив Виктор Крылов из детективного агентства Ярослава Грая.

— Вам надо платить?

— Нет, мы расследуем пропажу дорогих кошек, и поэтому я хотел поговорить с вашим сыном. Платить мне не надо. Скажите, когда вы последний раз видели своего сына живым?

— Вчера утром, когда он уходил на работу.

— После этого говорили с ним по телефону?

— Да, он звонил в конце дня, сказал, что к нему зайдет заказчик, и они задержатся с ним.

— Может быть, он назвал имя или ещё что сказал про этого человека, попробуйте вспомнить.

— Нет, сказал только «заказчик», он немногословен.

— Какого рода мог быть заказ?

— Не знаю, он меня в свои дела не посвящал. Говорил, я даю тебе деньги, и ладно, об остальном знать не обязательно.

— Где он был в воскресенье поздно вечером?

— Не знаю, пил где-то, пришел домой в час ночи.

— Что-нибудь принес домой, какой-нибудь сверток или сумку?

— Ничего не принес.

— Он сам водил машину, на которой кошколовы ездят по городу?

— Сам, несмотря на пьянку, он хороший водитель, ни одной аварии за всю жизнь.

— У него были враги?

— Он воинственный, и наверняка были люди, которых он в свое время обидел.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Кого я могу подозревать? Но это был не враг, с врагом он не стал бы выпивать.

— Кто же это мог быть?

— У него много знакомых.

Мать Кулика прижала ладони к глазам и негромко заплакала. Я осторожно взял трубку через платок и позвонил в милицию...

Весь вечер я провел с матерью Кулика. Сначала у дежурного следователя Распопова в районном отделении милиции. Прежде я видел его мельком, теперь пришлось познакомиться ближе. Он угостил меня чаем и сайкой. Потом у заместителя городского прокурора Величко. О нем прежде не приходилось слышать. Там мне повезло, из соседнего буфета принесли кофе и бутерброд с сыром.

Домой, на проспект Стачек, 126, я попал лишь в двадцать два сорок. С неж-

ностью посмотрел на красного ватного петуха, сидящего на горячем чайнике, на три вареных яйца на блюдечке, на пшенную кашу со шкварками, вынутую из духовки, на полукопченую колбасу, нарезанную тонкими ломтиками;

— «Ел он много, но не жадно», — процитировал я капитану стихи, садясь за обеденный стол.

— Как может человек за день так осунуться? — удивился Бондарь и подложил мне еще каши.

Рассказ мой занял час и не принес никакой пользы, потому что неведомый убийца оказался ловким, не оставил ни малейшей ниточки, ни слабенького следочка. Грай измучил меня своими вопросами и все без толку, я сам чувствовал — зацепиться не за что. Мы сидели опустошенные, разочарованные друг в друге, обессиленные.

Я дословно передал разговор с матерью Кулика, потом на всякий случай пересказал его еще раз медленно, пытаюсь осмыслить и переварить каждое ее слово и все, что может быть за ним.

— Ну, и как ты считаешь, что мы должны делать дальше? — спросил наконец, Грай, потому что спрашивать больше было нечего.

— Если честно, я полагаю, нам надо отказаться от дела. Этот тип не просто способный, он умен, талантлив. Он нам не по зубам. Ну, хоть бы где оставил следочек, заковыринку. Нет, все делает чисто, без промаха. Милиция тоже в тупике. Куда я иду по вашему приказу — там появляется смерть. Кстати, Куклачев жив? Может быть, позвонить в Москву?

— Не валяй дурака.

— Значит, эн ни при чем? Я так и думал. А вот графа Шувалова с его котом, думаю, надо взять под охрану. Мне не нравятся краски, сгущающиеся вокруг нашего кошачьего дела. Полагаю, что должен поехать к нему тотчас. Я уже видел три трупа, не хочу лицезреть четвертый. Вполне возможно, что...

— Графа Шувалова уже охраняют.

Это явилось для меня неожиданностью.

— Кто и когда начал его охранять?

— После твоего звонка из дома кошколовов я нанял трех детективов — Олега Стрижа, Савелия Сапунова и Константина Васина. Завтра, если удастся, я тебя с ними познакомлю. В половине двенадцатого у них смена.

— Шувалов знает об этом?

— Пет, пока охрана скрытая.

— А я для охраны не гожусь?

— Ты нужен здесь — вдруг случится что-то неожиданное, и мне придется срочно начать действовать...

Грай отправился к себе в комнату. В одиннадцать тридцать пять позвонил незнакомый мужчина, сказал, что он Олег Стриж, охрану объекта передал сменщику, в квартире объекта все в порядке, свет погас, значит, тот лег в постель.

Голос у Олега четкий, уверенный, мне показалось, что говорил энергичный человек.

Тут я подумал, что и мне самое время лечь спать.

Когда я не настраиваю себя заранее на то, что придется среди ночи просыпаться, то сплю крепко и разбудить меня сложно. Я сторонник крепкого здорового сна, очень полезного для здоровья, особенно в молодости.

На ночь телефон Грая мы переключали ко мне, чтобы не беспокоить раненого.

Телефон довольно долго трезвонил, и я никак не мог понять, почему никто не снимает трубку. Наконец, кое-как очнувшись, понял, что я должен сделать это сам. С трудом, проявив героические усилия, заставил себя подняться. Глянул на часы — пятнадцать минут пятого. Ну, самый сон, черт побери! Еще не до конца проснувшись, пробормотал:

— Частное детективное агентство Ярослава Грая. У телефона Виктор Крылов.

— Витя! — услышал я радостный голос. — Это Валерий Верхов тебя разбудил, ты меня слышишь?

— Прекрасно слышу, я рад. Какой-нибудь приятный пустячок заставил вас позвонить? — не люблю, когда малознакомые люди со мной запанибрата, но что сделаешь — клиент, приходится терпеть.

— Витя, кот мой Ларри Кейн пришел! Вернулся домой!

— Какой еще кот?

— Да проснись же ты! Две недели назад у меня украли кота — русского голубого. Я, понимаешь, из-за расстройства стал спать плохо. Поднялся, пошел в туалет. Слышу — за дверью кто-то жалобно мяучит и дверь царапает. Открыл дверь, смотрю — мой Ларри Кейн! Я его на руки взял — он дрожит, лапы в крови, видно, шел издалека. Ведь декабрь, снег на улице, лед! Он тощий, видно, не ел ничего и все шел, и шел. Ты представляешь, он ведь вырос у меня на паркете, на ковре, на диване. Я его избаловал, он у меня ничего, кроме вареной рыбы, не ел. А тут, видно, вырвался откуда-то, бок поцарапан сильно, но он бок зализал, а лапы никак не зализать, сил уже нет. Как он нашел дорогу, в городе, ночью? Я же его ни разу во двор гулять не пускал, он не знал, что таксе лестница, а тут нашел меня. Ты слышишь, Витя, я плачу! И жена плачет!

И кот дрожит и плачет. Я никогда не думал, что кот может плакать, у него настоящие слезы... Сыновья мои сейчас понесли его мыть... Пойми, Витя, я думал, это просто так, игра слов — русский голубой, голубая кровь — красивые слова, а он, Бог знает, откуда пришел по снегу, по льду. Это же чудо! Нет, ты этого никогда не поггмшь, потому что ты тупой, Витя.

К этому времени я кое-как проснулся.

— Не могли бы вы пока об этом в клубе не говорить?

— Не стану обманывать — не смогу!

— Хорошо, тогда держите кота, чтобы он не имел доступа к входной двери, и сами будьте осторожны.

— Постараюсь, Витя, извини, что разбудил.

Если бы Грай не был ранен, я бы тотчас поделился с ним этой вестью. Но что она может дать? Не успел придумать ответ, как обнаружил, что лежу на сенной подушке и одеяло само наползает на меня.

В пятницу в семь утра встал бодрый, словно меня и не будили среди ночи. Пришел к капитану узнать, что на завтрак. Увидел — он месит тесто для блинчиков, обрадовался:

— Не нужны ли энтузиасты-помощники?

Капитан остановился на минуту, посмотрел мне в глаза:

— Виктор, скажи честно, есть надежда заработать гонорар?

Я не хотел обманывать старика и ответил уклончиво:

— Сегодня ночью я получил интересные сведения — к Верхову вернулся его кот Ларри Кейн, который был недавно украден. Если кот заговорит, считайте, гонорар заработан. Мы с вами получим зарплату, заплатим за электричество, за... все остальное.

Капитан вздохнул, взялся за тесто и повел сложные дипломатические переговоры с Елисеем, который проинспектировал поданный ему завтрак и объявил голодовку.

— Молока сегодня нет, — развел руками Бондарь. — Водичку будешь?

Елисей полакал водичку, потерялся о ногу Бондаря.

— Мр-р-н-н... Мр-р-н-н... — что означало: «Я к тебе хорошо отношусь, дай чего-нибудь вкусненького». Но капитана улестить невозможно.

— Мясо получишь на обед, если заработаешь. Вход в подвал вон там. Пожалуйста, иди за мышкой.

Кот посмотрел на меня, подошел, потерялся о ногу.

— В нашем доме флотский порядок, — подтвердил я, — Придется подчиниться... Ты, конечно, чуешь, в холодильнике — колбаса. Ко на столе ее нет. Если хочешь — посмотри сам... Откровенно говоря, я тоже не прочь полакомиться колбаской, но капитан и мне не дает... Говорит, не заработал.

Елисей, видимо, решил переменить тактику. Прыгнул под стел, затаился. А когда Бондарь отвернулся, взъерошил шерсть, вихрем выскочил из засады, обхватив ногу капитана лапами, сжал зубами и — замер. Бондарь от неожиданности вскрикнул, замахнулся поварешкой и — тоже замер. Так с минуту они постояли неподвижно, в упор глядя друг на друга.

Как ни странно, кот все понял. Капитан тоже. Бондарь положил поварешку на стол. Кот отпустил ногу, быстро съел овсяную кашу в своей миске и направился в подвал.

— Пора бы и нам поймать свою мышку, — вздохнул я. Поднялся на второй этаж, помог Граю одеться и рассказал о ночном звонке.

— Ларри Кейн принес нам ниточку...

Сначала Грай обрадовался. Но быстро помрачнел.

— В чем дело? — забеспокоился я. — Нам трудно взять след?

— Хорошая ниточка, но самим ее не вытянуть, придется звать на помощь.

Я решил обидеться:

— Мы не хотим заработать гонорар?

— Не суетись... Поделится информацией и заставим других работать на нас. Позвони в уголовный розыск, попроси Голова тс го зайти.

Я спустился в кабинет, позвонил дежурному в Автоовское отделение милиции и попросил его передать нашу просьбу начальнику отдела уголовного розыска.

Только повесил трубку, как позвонил ответственный секретарь газеты «Вечерняя Нева» Дмитрий Кокорин и потребовал возвращения долга. Он брал в архиве папку комбината по благоустройству города, на комбинате произошло убийство, и коллеги спрашивают, как ему удалось это предвидеть? С часу на час он ожидал вызова к главному редактору «на ковер», и его могла спасти от хорошего «втыка» только статья с разоблачением убийцы. Я смело отвечал, что скоро к нам придет начальник уголовного розыска, мы с ним решим, какой материал представить газете.

Только повесил трубку, резко звякнул колокол у входной двери. Так может

звонить только милиция. Я открыл дверь.

Чрезвычайно серьезный человек, среднего роста, чуть пухловатый, с оттопыренными внимательными ушами, в гражданской одежде.

— Майор Сиверцев, — представился он.

Я предоставил ему самому возможность снять пальто и проводил в кабинет. Не люблю резких звонков, за ними могут последовать неприятности. Сиверцев пожал левую руку Грая, огляделся, взял стул и сел к столу, почти рядом, словно собирался вести задушевную беседу. Говорил он, немного растягивая слова, мне показалось — для пущей важности, чтобы произвести эффект.

— Мы одержали еще одну победу над наркомафией. Заслуги вашей в этом нет, но тем не менее, коллега, вы причастны к делу, и я приехал узнать подробности.

— Значит, я не ошибся! — Грай резко поднялся и заходил по комнате. — Что вы хотите знать?

— Расскажите про визит к Анне Толстой. Я хочу знать, как вы с ней познакомились, зачем ездили, почему представились журналистом?.. Вы можете сесть? Я же не могу постоянно вертеть головой.

— Если вы не скажете, что произошло, — рассердился Грай, — я не скажу ни слова! Вам придется вызывать меня повесткой.

— Идет следствие, и утечка информации недопустима, — заерзал Сиверцев. — Впрочем, скоро все равно это появится в газете, да и вы имеете право на информацию. Вы же сами мне звонили... Так вот, мы не знаем еще, кто снабжал ее наркотиком и чьи задания она выполняла, перевозя его через границу. Нс делала она это остроумно. Представьте себе, к контрольно-пропускному пункту на границе подъезжает машина с тремя молодыми элегантными дамами. Открываются дверцы — рядом с водителем роскошная красавица с белоснежной пушистой киской на коленях. Пес сержанта рвет поюдок, заливается лаем. Киска выгибает спину, хвост трубой, шипит, готова вцепиться в морду собаки. Сержант боится за глаза своего пса, оттягивает его, упрекает: «Что ты развоевался? Давно кошек не гонял?» — и пропускает машину. Женщины действовали осторожно, умно, каждый раз выбирали новый пропускной пункт. Но случилось так, что сержант перешел на другой пропускной пункт. И видит — подъезжает знакомая машина, в ней те же три женщины, на коленях одной белая персидская киска, а натасканный на наркотики пес рвется с поводка. У сержанта появилось подозрение. Он попросил женщину с кошкой выйти из машины и пес тут же обнаружил под сиденьем большой пакет с наркотиком.

— Даму с кошкой звали Анна Толстая? — спросил Грай.

Сиверцев согласно кивнул головой и попросил позвать Бондаря. Затем до тошно расспросил о посещении Анны Толстой. Закончив, достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вам, Грай, от нее письмецо, — и положил на стол.

— Это интересно, — Грай склонился над столом.

— Во время допроса она попросила у меня листик, сказала, что встретиться с вами через три дня, как обещала, не сможет, нс хочет сдержать слово... Кстати, я не сказал ей о вашем звонке, но она все равно считает, что сержант с собачкой на границе — ваших рук дело. И не обижается на это.

— Значит, еще сохранила рудименты совести, — буркнул Грай и развернул

лист.

Мы с Бондарем тоже подошли к столу. На листке мы увидели рисунок. В правом верхнем углу оцетинился колючками круг — нечто похожее на розу ветров. Но стрелка показывала не на север, как ей положено, а на юг. В центре листка дрались две кошки, черная и белая. Кошки нарисованы штрихами, сцепились, спутались, но кое-как понять можно. Над кошками двойная дуга сверху, то ли небосвод, то ли радуга. От стрелки компаса к этой дуге тянется ниточка, и кончик ее бантиком завязан, словно подарочек упакован. В левом нижнем углу две игральные карты, означающие, насколько я понимаю, дальнюю дорогу. И все.

— На словах что просила передать? — поинтересовался Грай.

— Рассмеялась: если умный, сам догадается... — Си-верцев вздохнул. — Вижу — вы в тупике. Но если во всем разберетесь, мой телефон знаете. Я оставлю вам ксерокопию, она хорошего качества. Оригинал заберу с собой.

Когда Сиверцев ушел, я прокомментировал рисунок: — Интервью вам явно удалось, хоть «Вечерняя Нева» и не опубликовала его. Вы произвели сильное впечатление на торговку наркотиком.

— Что ты несешь! — рявкнул Грай. — Прекрати.

— Это любовная записка из тюрьмы, — не унимался я. — Обратите внимание — белый кот имеет черты вашего лица. Несколько шаржированно, но узнать можно.

— Но у меня нос крючком, — опешил Грай.

— Это в профиль, а в фас незаметно. Ваши баки и чуть раскосинка у глаз — верно схвачено.

Бондарь долго вглядывался в рисунок и признал:

— Схожесть, несомненно, есть. Но кто же тогда черный кот? Неужели сам сатана? Ишь, как мощно нападает.

Поразмыслив, мы пришли к выводу: рисунок Анны Толстой должен иметь смысл и ключ. Разгадав его, мы раскроем дело о пропавших голубых кошках, конечно, если рисунок не является злой шуткой, что тоже вполне возможно.

Карты могут означать дальнюю дорогу для самой Анны и звучать как прощание. А если это подсказка для нас, то сколько может иметь километров «дальняя дорога»?

Белый кот — явно Грай. Черный кот — загадка. Или не удался, или намеренно искажен.

— Так рисовала Надя Рушева, — сказал Грай. — Штрихами. Можно долго смотреть, а потом вдруг из чистого листа и легких штрихов выплывает рисунок.

Грай убрал письмо в сейф, и мы решили продолжить свое расследование. Но не успели как следует взяться за дело, снова зазвонил колокол. Я открыл входную дверь и увидел на крыльце Головатого.

— Привет, — пробасил он, не дожидаясь приглашения, прошел в кабинет. Недружелюбно кивнул появившемуся в дверях Граю, сел на стул у двери. Он был крут, как вареное яйцо. — Что вы еще натворили?

— Нужна помощь, — ответил Грай, садясь за стол.

— Гонорар не заработать?

— Мы можем и сами это сделать, но на это уйдут недели. Вас за это время выгонят со службы.

Головатый засопел.

— Не говорите ерунды. В чем дело?

— Виктор, расскажи, — велел Грай.

Я почти дословно передал ночной разговор.

— Ну, и что предлагаете? — спросил Головатый.

Грай достал из сейфа и показал Головатому рисованное письмо от Анны Толстой, рассказал, откуда оно появилось, признался, что, увы, пока не может расшифровать его. Левый сжатый кулак его лег на стол.

— Мы предлагаем найти такси или частную машину, которая возила ко-та за город, предположительно в южном направлении, куда показывает стрелка компаса на рисунке. Вот список членов правления клуба «Котофеич» — Шувалов, кассир Копейкин, Ирина Харитоновна, активист Геннадии Дмитриев и зануда Верхов из числа подозреваемых не исключаются. Нужно обзвонить таксопарки и выяснить, не заказывал ли кто из них такси за город.

— А если была задействована частная машина?

— Тогда задача настолько усложняется, что узнать это сможете вы только со своим аппаратом. А мы вдвоем провозимся год.

— Найдя машину, мы находим похитителя и...

— И самого убийцу или выход на него.

— Если вы не будете путаться под ногами, — пообещал мрачно Головатый, — я найду убийцу, или даже двух... Убийство кошколова Кулика произошло в другом районе, но поскольку оно связано с делом скорняка Левитина, его тоже отдали мне.

— Увы, связано, — согласился Грай. — Записка, найденная вами у Левитина, написана рукой Кулика.

— Откуда вы знаете?

— Виктор принес образец почерка Кулика.

— Так это он вырвал страницу из рабочего журнала Кулика?

Грай не ответил на вопрос.

— О том, что Виктор пойдет подкупать скорняка, знало сорок четыре человека, — произнес Головатый. — Скажите, как вы вышли на Кулика и кто знал, что посылаете Крылова к бригадиру кошколовов?

— Я предположил, что слово, точнее обрывок слова «кошкол» в найденной вами обгорелой записке может быть расшифрован, как «кошколово». Так ли это? Я послал Виктора в бригаду, чтобы попытаться расшевелить их, если мы правильно поняли это слово, заставить действовать и как-то проявить себя.

— Вам это удалось, после ухода Виктора бригадира Кулика зарезали, — мрачно заметил Головатый. — Теперь мне надо найти убийцу.

— Не знаю, сможем ли вам помочь. Мы убийцу не ищем, мы разыскиваем жулика, который ворует кошек. Если это одно и то же лицо, то наши интересы совпадают, и, отыскав, мы немедленно передадим его в ваши руки.

— Вы не хотите быть со мной откровенным, — разозлился Головатый. — Тогда ответьте на вопрос: какие факты, улики, изобличающие убийцу, у вас имеются, и почему вы скрываете их от следствия?

— Сейчас, как и вы, я имею только гипотезу и ищу ее подтверждение. Когда получу факты, сообщу.

— Я не верю вам. Вы организовали частное агентство и стали думать только о своих интересах.

— Мне не в чем оправдываться перед вами!

— Чтоб на вас потолок рухнул! — рассвирепел Головатый. — А еще в милиции работали! — не попрощавшись, он вышел в коридор и в сердцах так хлопнул дверь, что колокол возмущенно звякнул.

Из кухни выглянул Бондарь.

— Ого! Еще два таких прощанья — и стена рухнет.

Около кухни лежала на полу мышка. Рядом сидел Елисей и умывался.

— Там, б подвале, еще мышки есть? — спросил я кота. — Может, и мне на охоту сходить?

Кот кончил умываться и посмотрел на меня.

— Еще одну принеси на мою долю, — подтолкнул я его. Кот потянулся и направился в подвал.

Вновь зазвонил телефон. Это оказался Верхов, он спросил, поставил ли нас в известность кассир Копейкин, что наш договор аннулируется? Я ответил отрицательно. Верхов с самого начала не верил в нас, считал расследование пустой тратой денег и времени, и вот этот нытик удивил меня, сказав, что в таком случае сам наймет нас для продолжения работы. Я поинтересовался, с чем связана перемена его мнения? Он объяснил, что не переменил своего взгляда, по-прежнему считает, что мы никого не поймаем. Но в дело вмешались два его взрослых сына, они почему-то забеспокоились о его безопасности, и именно они дают деньги.

Я передал это сообщение Граю, и вот тут он сильно удивил меня, решительно заявив:

— Все, я бессилён что-либо сделать! Пусть теперь кошки сами о себе заботятся. Я им лишь немного помогу.

— Вы что-то задумали? — не вытерпел я.

— Ты знаешь столько же. Подумай, и поймешь.

Я долго размышлял, но так и не догадался, что он имеет в виду.

Грай взял телефонный справочник, пододвинул телефон и набрал «0» — междугородную. Нажал кнопку селекторной связи и стал говорить с телефонисткой, не снимая трубки:

— Срочно Астрахань!

— По срочному в три раза дороже.

— Знаю.

— Вы не из гостиницы?

— Нет, частное детективное агентство.

— Интересно... — произнесла телефонистка. — Вам какое время?

— Сейчас.

— Номер в Астрахани?

— По справке, охотхозяйство...

Грай повернулся ко мне.

— Капитан просил прокрутить мясо для котлет и нарубить капусту для борща по-флотски.

— Остаться и послушать мне нельзя? Если буду знать детали. — заметил я, — то стану действовать с большей эффективностью.

Но Грай повернулся к телефону и ничего не ответил.

— Елисей, — позвал я кота. — Нас изгоняют, пойдем на камбуз.

В расследовании наступил момент, когда Грай начал от меня что-то скры-

вать. Конечно, он шеф, голова, и имеет право держать что-то в секрете, но обида была горька, и в сердцах я решил подумать о себе. Мне давно хотелось поймать на улице Морской Пехоты кота, показанного Шуваловым и стоившего бешеные деньги. Ведь никакого нарушения закона. Этот миллион надо просто-напросто подобрать с земли. Упустить такой шанс непозволительно. Между делом для экспедиции были добыты две пары толстых кожаных рукавиц и все остальное.

Я вышел на охоту. На всех парах пронесся под трамвайным мостом через речку Красненькую и сбавил ход. Обследовал садик у вентиляционного выхода метро, прошел вдоль дома номер шесть и за ним, около помойки, увидел своего кога Шлагбаума. Мы обменялись взглядами, и я понял, что он меня тоже узнал. Сидя на дороге, он делал вид, что спокойно наблюдает за моими охотничьими приготовлениями.

Кошачью клетку я поставил на землю. Надел мотоциклетный шлем, полностью закрывающий лицо. Шею замотал длинным шарфом. На руки две пары толстых кожаных рукавиц. Позвал:

— Кис... Кис... Кис».

— Мяу, — негромко ответил кот, позволил приблизиться, погладить и взять на руки.

— Ну вот, мой хороший, — сказал я ему как мог ласковее, — сейчас пойдём в клетку, я стану тебя хорошо кормить, ухаживать, станешь на выставки ходить, за границей бывать.

Кот с презрением смотрел на клетку. Похоже, он знал ее назначение. Я присел и одной рукой стал открывать дверцу.

Кончик кошачьего хвоста нервно задергался, кот прижал уши и зашипел.

— Не будем ссориться, — уговаривал я его. — Полезай в клетку, сам не понимаешь, какое счастье тебе привалило.

Кот сжал зубами мою кисть и предупреждающе заурчал. Держал крепко, но не кусал.

Я решил, что пора действовать — запихать его в клетку вместе с рукавицей.

Напрасно говорят, что коты не владеют телепатией. Этот легко прочитал мои мысли. Не успел я шевельнуть рукой, как он сжал челюсти, острые, как иголки, зубы прокусили обе кожаные рукавицы, впились мне в кисть. Я взвыл и стряхнул его вместе с рукавицей на землю.

Кот понесся к дому. Вне себя от боли и злости, подхватив рукавицы и клетку, я побежал за ним. Кот шмыгнул в парадную и поскакал вверх по лестнице. Задышавшись в шлеме, я мчался за ним. Этаж за этажом мы рвались наверх.

— Стой, не уйдешь! — орал я.

В ответ кот шипел и плевался. Наверное, он чувствовал мою силу, решимость и не останавливался. Без отдыха мы добежали до девятого этажа. Дверь на чердак оказалась открыта, мы очутились в полумраке. Я закрыл дверь и огляделся, привыкая к гулкой, зловещей пустоте.

Кот забился в угол, зеленые глаза злобно сверкали из-под труб. Я предусмотрел такой поворот событий и достал из-за пазухи тонкую мелкоячеистую сеть. Похоже, кот был знаком и с сетью. Стоило мне приблизиться и кинуть сеть, он бросился в сторону. Кот оказался резвее. Но я словно сошел с ума, гонялся за ним с упорством маньяка и хрипел:

— Стой, дьявол!

Поднялась и не успевала осесть пыль. Я сбросил мотоциклетный шлем, пальто, перчатки и, как бешеный, кинулся в погоню. Приноровился кидать сеть, и коту все тяжелее стало ускользать от меня на тесном чердаке. Я кидал в пыль уже наугад, охотничий древний йнстинкт подсказывал мне направление броска.

На секунду кот выскочил из пыли, запрыгнув на край вентиляционного колодца — квадратной бетонной трубы... Наши взгляды встретились. Кот дышал часто-часто. В глазах обреченного, загнанного зверя плавал страх. Я взревел и кинулся на него.

Не знаю, как это произошло. То ли от усталости и пыли кот потерял ориентир и то ли упал, то ли я сбил его сетью, а может быть, отчаявшись, от страха и бессилия, в поисках безопасного убежища он сам прыгнул в темный зев вентиляционного колодца — в гулкую бетонную трубу.

Раздался затихающий вопль, глухой удар. И все смолкло. Не сразу до меня дошло — кот пролетел девять этажей и упал на бетонный пол. Для того, чтобы упасть на ноги, кошке нужно взглянуть вниз и сориентироваться. Что можно увидеть в черной трубе высотой в девять этажей?

Я наклонился к трубе и затаил дыхание. Но смог услышать только гулкое биение своего сердца. Все, кота больше не было. Он предпочел смерть неволе.

Приходя в себя и остывая, отряхивая пыль, я провел на чердаке еще полчаса. Потом снова склонился к вентиляционному колодцу и долго слушал, стараюсь поймать хотя бы шорох или стон со дна многометровой могилы — в трубе стояла мертвая тишина.

Тяжело вздохнул, ругая себя последними словами, подобрал клетку и направился к лифту. О, страсть к деньгам, о, неумная жажда наживы, как легко потерять голову и стать варваром! Как трудно удержать свои порывы, когда кругом только и говорят о деньгах! И не деньги я потерял, а прекрасного кота, который мог стать моим другом.

Бедный Шлагбаум, я убил его и даже не могу похоронить по-человечески, предать тело земле. Грех, большой грех на мне...

* * *

Рано утром в субботу, без десяти семь за нами заехал Шувалов на своем желтом «ситроене», новеньком, доставленном из Парижа и еще хранящем запахи отделочных материалов. Грай попросил Шувалова задержаться на несколько минут, достал из сейфа и показал рисунок Анны Толстой. Шувалов вспомнит карандашные рисунки Нади Рушевой, сказал, что они тоже полны загадок и неожиданных откровений. Увидел портретное сходство белого кота с Граем и рассмеялся. Черный кот его озадачил:

— Хвост длинный, но у некоторых пород кошек хвост может достигать до сорока сантиметров, чтобы она могла лечь и полностью завернуться в него. Морда узковата, ушки, если это ушки нарисованы, не так стоят... Я бы даже предположил, что это не кот, а нечто, похожее на чернобурю лисицу. Хотя животное нарисовано несколькими разрозненными штрихами, и предполагать можно, что угодно. Толстая действительно хотела вам помочь?

— Вряд ли. Обещала мне дать разгадку, но сама сидит в «Крестах». Какой резон ей теперь сотрудничать с детективом? Скорее, это злая шутка. Хотя намек на истинное положение дел здесь может быть. В рисунке тайна, но ключа

у меня нет.

Я посадил Елисея в кейс и поместил на заднее сиденье. Грай сел впереди, я с котом сзади. Мы поехали в город Пушкин, где открывалась международная выставка кошек. Бондарь тоже хотел поехать с нами, но ему пришлось остаться у телефона.

Выставка размещалась в большом приземистом здании, в помещении спортивного зала. На площадке перед зданием припарковались два огромных финских автобуса и десятки личных автомашин, наших и иностранных. Большинство участников шли с вокзала пешком. В кейсах, в самых разнообразных корзинках и сумках прибывали на выставку коты и кошки.

Я спросил у Грая:

— Какие будут инструкции? Охранять ли мне шуваловского кота?

— Нет, охранять не надо. Держись на виду и посматривай... Мало ли что...

Про себя я решил, что одним глазом буду все-таки приглядывать за Елисе-ем. Старая обида за утерянного кота Нади Молчановой жгла мне душу.

В большом спортивном зале с баскетбольными щитами и шведскими стенками стояли столы с разукрашенными клетками, в которых и находились кошки. Публика, заплатив за вход приличную сумму, медленно шла вдоль клеток, охала, приседала, восхищалась, задавала вопросы хозяевам, кричала кошкам, чтобы те посмотрели на них.

Кошки в клетках явно были в стрессовом состоянии, им наверняка казалось, что люди сошли с ума.

Хозяева кошек распаковывали сумки, ели, гребенками и щетками приводили в порядок шерстку своих питомцев. Шла обычная бивачная жизнь. Обычная ли? Где-то здесь находился хладнокровный убийца и тоже ласкал своего кота.

Это только говорят, что все кошки серые. Если бы я смог передать словами все это изобилие красок... Белый Базилио-акс-Быоти из класса чемпионов смотрел на меня оранжевыми глазами. Пока я на него любовался, он не мигнул ни разу и словно гипнотизировал меня. Черный Оскар Мономах из Дома Романовых, класс «Открытые коты*», рыл в камушках ямку. Бордово-красный Меркурий из Янтарного замка, класс международных чемпионов, нахально спал, набирая силы для конкурсного выступления. Оказывается, кошки спят в сутки восемнадцать часов.

Кремовый Дейл Альтердорф задирает соседа, черного дымчатого Инвара. Голубовато-кремовая Патриция Блю-айс, сидя сверху на клетке, украшенной наградами, старательно демонстрировала ухоженную шубку. Кремово-дымчатый Боливар Лакрус пытался соблазнить черепаховодымчатую Лоттис Кейн. Голубовато-кремовый дымчатый Ненси Калинсо хотел заманить в свою клетку и дать взбучку золотому тигровому Зонни.

Черный тигровый Сэр Йога торопливо глотал кусочки мяса. Кремовый красный Авдриман терзал хозяина за галстук. Черепаховая тигровая Диана умывалась. Красный Ка-мео Ларри Кейн скучал. Черный Арлекин Мери Шайн играл искусственной мышкой. Белый перс Эльф Шияьаки-Сан искал развлечения, просунув лапку сквозь клетку. Я пожал ему теплую лапку, он тут же хватил меня острейшими когтями, остался весьма доволен собой и начал подтачивать коготки для следующего зрителя...

Тут я обернулся и обнаружил, что не вижу Грая. Куда же он делся? Неужели

оставил меня? А может быть, он этого и хотел — чтобы я на виду у всех ходил, как пугало, чтобы убийца меня видел? А сам Грай сел в засаду, затаился? Если так — надо продолжать осмотр.

Я окинул взглядом выставку и понял, что тону в обилии внешних впечатлений, они уже гнетут меня. Но как проникнуть в глубь этой своеобразной жизни, где найти спасательный круг?

— Как вам нравится наша выставка, Виктор? — услышал сзади женский голос.

Быстро оглянулся. Старательно уложенные волосы, аккуратный макияж, белый халат, насмешливый взгляд раскосых глаз из-под челки — на меня вела атаку Ирина Харитонова.

— Я прошла путь от стюарда, который умеет правильно показать кошку судьям, до ученика судьи, сегодня сдала экзамен судье международного класса и получила сертификат на судейство, — поздравьте меня.

Я что-то пробормотал, по она перебила:

— Из двадцати пяти белых персидских котов вы уже выбрали пять, достойных отличной оценки?

— Да, лучший — белый Эльф Шиньяки-Сан, я уже взял у него автограф, — и показал расцарапанную руку.

Встречаясь с людьми на выставке, я задавал себе вопрос — не он ли убийца и вор? Задал этот вопрос и сейчас. Прежде со мной Ирина держала себя тихо, словно была на вторых ролях, а тут неожиданная атака. Зачем я ей?

— Все это напоминает мне первую кошачью выставку, — начал я игру.

— Которая проходила в Англии более ста лет назад, — подхватила Ирина, — Вы стояли там, рядом с ее покровителями, особами королевской крови.

— Россия резво бросилась вдогонку... — улыбнулся я.

— Семь лет назад, имея в активе энтузиазм и огромное количество беспородных кошек. Первых чистокровных привезли из Польши и Чехословакии.

— Признаюсь, вокруг такое богатство. Я несколько растерялся, на что обратить внимание? — передал я ей инициативу.

— Это нормальное состояние. Сначала мы тоже ловили каждое слово, все было интересно. Потом, набрав опыта, стали оценивать свои силы и конкурентов, увлеклись борьбой. Теперь я получаю удовольствие от самого процесса выставки и конкурса, независимо оттого, получит моя кошка награду или нет. Я слышала, что вы большой патриот, поэтому обратите внимание прежде всего на сибирскую кошку.

— Но москвичи, с которыми я тут беседовал, заявили, что такой породы нет!

— В огромной нашей стране много еще неописанных, незарегистрированных и неизученных кошек! Нс наш клуб этого терпеть больше не хочет. Ведь даже в Петербурге на улице можно найти удивительную, необычную кошку и начать выводить новую породу. Мы прежде всего стараемся изучить и защитить аборигенных кошек нашей страны: сибирских, невских маскарадных, бобтейлей и других, еще не узанных.

— Но мне трудно отличить сибирскую от американского мейкуна и от лесной норвежской кошки.

— А вы присмотритесь. Сибирскими в просторечии называют у нас всех пушистых кошек, но они не все настоящие сибиряки. Эти кошки нашего клуба

уже выставлялись за границей и привозили медали. Уже в Германии есть филиал нашего клуба для выведения чистопородных сибиряков.

— А карелки где?

— Вот, смотрите — короткохвостые кошки, домашние рыси, крепкие, сильные, живучие звери. Корпус сильный, короткий, задние ноги заметно длиннее передних. Остаток хвоста от 2 до 12 сантиметров. Шерсть плотная, любого окраса. Карелку мы тоже демонстрировали на международных выставках.

Ирина не уходила и не проявляла нетерпения, значит ей что-то нужно от меня. И я продолжал задавать вопросы:

— Теперь можно взглянуть на невских маскарадных?

— Наша гордость — украшение выставки! Вариэта сибирских кошек самостоятельно возникла в недрах естественной петербургской популяции. По окрасу похожа на реголдов или тряпичных кукол, ее так Я хотели назвать. Но реголды вялые, не умеют охотиться, выставочная порода. А невские — бойцы и охотники, какие из них куклы? Смотрите — темная маска на бледном «лице», бежевый «плащ», белые «сапожки» и «перчатки» при темном фраке — прекрасный маскарадный костюм. Это память о невских маскарадах. Мы нашли эту кошку на Литейном проспекте.

— Новая порода кошек на Литейном проспекте? Трудно поверить. А вот недавно Грай... — я прикусил себе кончик языка, едва не выболтав, что шеф звонил в Астрахань.

— Так что вы хотели сказать? — поинтересовалась Ирина.

— Получил забавное письмо.

— Знаю, две дерущиеся кошки.

— Кто вам сказал?

— Кошачий мир тесен. Нельзя ли взглянуть? Может быть, я разгадаю вашу тайну.

По инструкции Грая, мы должны были показывать это письмо всем, кто им заинтересуется. Может быть, нащупаем ниточку, которая приведет к успеху. Я вынул из кармана ксерокопию рисунка и дал Ирине. Она не улыбнулась портретному сходству Грая и белой кошки. Про черную сказала:

— Куница. Я так и думала.

В центре зала шла продажа. Женщина держала на ладони дымчатого курчавого котенка... Даже усы у него были завиты.

Один из покупателей отозвал Ирину в сторону, для консультации.

— Это королевская кошка, или реке, — рассказывала хозяйка котенка. — Первый раз таких нашли в Чехословакии, признали их шерсть чесоточной и уничтожили. Предок моего котенка появился на свет в Англии, в Корнуэлле, в пятидесятом году. Его хозяйка была селекционером, разводила кроликов рексовых, королевских. У ее белой домашней кошки появился один котенок с кремовой, завитой в локоны шерстью, хозяйка обратилась к генетикам, занимавшимся разведением кошек. Чуть позднее рексовых котят нашли в Германии, а недавно наш клуб обнаружил уральского рекса.

После разговора с Ириной возвратился покупатель, передал хозяйке пачку денег, забрал котенка.

— Деньги туда, деньги сюда, — прокомментировала Ирина покупку. Она явно потеряла интерес к беседе со мной. Напомнила: — Не пропустите самое интересное, в конце дня награждение победителей, — и ушла, ступая быстро,

энергично. «Можно ли подозревать Ирину в убийстве сразу трех человек», — спросил я себя и не смог ответить.

По радио называли номера, под которыми зарегистрированы кошки. Шувалов, услышав свой номер, взял Елисея и пошел в конец зала. Я сразу за ним, чтобы не потерять в сутолоке. В большой комнате за столом сидела пожилая финка Хамиляйнен — судья международной квалификации. Мне объяснили, что у нас в стране нет еще ни одного судьи такого высокого ранга. Рядом, в помощниках, сидели Ирина Харитоновна и еще один молодой ученик.

Со стола судьи унесли очередного кота, подбежал толстячок-обслуга, из пульверизатора брызнул на стол, на руки судьям, протянул бумажные салфетки.

Одетый в белый халат стюард взял кота у Шувалова, поставил на стол судье, на влажное пятно. Не зря мы кормили Елисея витаминами, расчесывали гребешками и щеткой. Шкурка кота словно испускала голубое сияние, так вспыхивают зарницы на темном ночном небе.

— Ой! — восторженно вскрикнула финка, оцупала кота от морды до кончика хвоста, нет ли где изъяна, измерила, полюбовалась и на прощание чмокнула в лоб. Улыбнулась, стала заполнять карточку.

Шувалов стоял в сторонке, вместе с другими хозяевами кошек, и смотрел то на своего любимца, то на судью. Стюард отдал кота Шувалову и тот отнес Елисея обратно в клетку.

Вернувшись в зал, я стал оглядываться, где же Грай? Я его потерял в самом начале, думал, что вот-вот объявится, но не дождался и стал искать. За клетками у стены сидели на низеньких спортивных скамеечках финны, пили кофе, расчесывали котов. В одном из этих финнов, в немыслимой кожаной куртке, которая прикрывала раненую руку, в лохматой, надвинутой на глаза шапке, я с трудом узнал Грая. Он сидел среди финнов словно свой и пил кофе из огромного китайского термоса. Поняв, что разоблачен, он ехидно усмехнулся и поздравил меня кивком головы. Я пробрался к нему и присел на корточки.

— Опасаетесь, что кота могут украсть на выставке?

— Все возможно. Шувалов здесь величина, его часто отзывают, кот остается без присмотра. Хорошо бы попробовали украсть сейчас! — он ударил кулаком по колену. Здесь бы и делу конец! Но... пока я сижу в засаде без толку.

В шестнадцать часов, когда в зале еще во всю бурлил поток зрителей, продолжались охи и ахи, часть любителей кошек собралась в конце зала со своими питомцами. Все так же поодаль стоял стол, за которым восседала Хамиляйнен. С одной стороны к ней подсел судья англичанин, с другой — Ирина Харитоновна, оба — судьи международной квалификации. Вдоль другой стены стояли в белых халатах стюарды.

Диктор называл номер, стюард брал у хозяина кошку под передние и задние лапы, чтобы она не могла вырваться или укусить, и поднимал вверх, показывая зрителям и судьям.

Лучшим кошкам давали «цац» — своеобразную медаль за красоту, присваивали звания.

Дошла очередь до шуваловского кота. Строгая блондинка взяла Елисея и подняла над головой. Кот вел себя благородно, не вырывался, не злился. Подняв голову, с достоинством позировал, давая всем на себя любоваться, словно утверждая своим видом — он из славной русской породы, пришел к нам из

глубокой старины, из древних боярских вотчин, надежный хранитель амбаров и домов, он — русский голубой кот, считавшийся погибшим, но вот он — живая легенда, сохранен и теперь скоро восстановит свой род, и снова станут жить русские голубые в России, радовать людей и заниматься своим нужным охотничьим делом.

Шувалсз стоял отрешенно, смотрел сурово и твердо. Конечно, его имениные предки вершили громкие дела, но они не осудили бы его. Он как мог поддерживал достоинство своей фамилии, славу Отечества. И его дело нужно людям.

Вызвали Шувалова, он подошел, подтянутый, как офицер, одной рукой принял кота, в другую взял хрустальную вазу и кошачью медаль — «цацип». Кот забрался ему на плечи, посмотрел на людей зелеными глазами.

Члены совета клуба «Котофеич» тоже были тут, аплодировали Шувалову. Я быстро оглянулся. Геннадий Дмитриев смотрел с завистью, которую не скрывал, кассир Копейкин со скрытым волнением ждал, что дадут его кошке, с которой сравнивали шуваловского кота. Зависть и радость в его лице смешались в странную улыбку-усмешку. Валерий Верхов шевелил губами, словно просчитывал варианты, при которых мог крупно выиграть.

Ирина Харитоновна из-за судейского стола смотрела с открытым восхищением. Надя Молчанова, я ее едва рассмотрел в толпе, плотно сжала губы и прижимала руки к груди — не могла улыбаться, готовая заплакать. Неловко мне встречаться с ней взглядом. Но я не разрешил себе смущаться и краснеть — дело еще не окончено.

К семнадцати часам поток зрителей стал уменьшаться. Надя отыскала нас с Граем и позвала на экстренное заседание членов совета клуба «Котофеич». Мы пошли за ней, поднялись по деревянной лестнице на второй этаж и, пройдя по коридорчику, очутились в небольшом зале, заставленном тренажерами. Шувалов восседал на велоэргометре, Копейкин сел на гриф штанги, Ирина Харитоновна, Геннадий Дмитриев, Валерий Верхов оседлали тренажеры для различных групп мышц.

Надежда Молчанова устроилась рядом с Копейкиным, положила блокнот на колено, приготовила ручку.

Только для Грая был принесен стул.

Был еще юрист клуба Юрий Яковлев, человек с кругленьким личиком, но с жестким и быстрым взглядом. Еще три молодых человека из новых, которых я видел в зале, возглавлял их длинноногий и джинсово-кожаный нахал Сергей Сергеев с тонкими злыми губами и следами грима на лице. Они сидели кучкой на матах в углу.

— Присаживайтесь, — предложил Копейкин, который председательствовал на собрании. То, как он держался, намекало на определенные перемены в направлении деятельности клуба. Я сделал вывод, что с «гуманизацией общества через внедрение культуры обращения с кошками» покончено. Теперь, к сожалению, у нас в стране все говорят о деньгах, деньгах и деньгах. Иногда, правда, в ином порядке. Вероятно, делал крутой поворот и клуб «Котофеич».

— Здесь не комфортно, поэтому никаких лишних разговоров, все говорят сжато и по делу, — продолжил Копейкин. — Мы обменяемся мнениями по моральным и материальным аспектам найма клубом «Котофеич» сыщиков частного агентства Ярослава Грая.

— Разрешите мне начать? — поднял руку Сергей Сергеев. — Вы сделали основательный доклад, все подробно изложили. Нам самим надо решить, продолжать ли расследование. Самим! Что нам этот сыщик с раной?

Я помнил с детства дурацкий каламбур: «Солдат с раной», — попробуйте быстро произнести и сразу поймете настоящий оскорбительный смысл. Я повернулся и в упор посмотрел на парня. Сергеев мне нахально засмеялся в лицо, рассчитывая, что я сорвусь. В физическом плане он не представлял из себя ничего значительного. По-видимому, хотел вывести нас из равновесия... Я взглянул на Грая. Тот сидел невозмутимо, словно и не было грязной реплики. Он держал удар.

Шувалов покраснел и попросил слова.

Но... заговорили сразу все, ничего стало не понять. Копейкин достал из кармана блестящий металлический червонец с позолоченной серединой, постукал по штанге. Все замолчали.

— Финансовое положение клуба осложнилось. Я сегодня голосую против частного расследования из-за материальных соображений. Но прав ли я? Хочется быть объективным, честным перед собой и перед вами. Как большинство решит, так и будет. Мы пригласили детектива Ярослава Грая и его помощника Виктора Крылова — пусть они ответят на вопросы, которые могут у нас возникнуть, и мы окончательно решим, продолжить расследование или нет. Кто начнет?

Поднялся Шувалов.

— Напоминаю, — предупредил Копейкин, — до закрытия выставки осталось сорок минут.

— Наш клуб — организация не коммерческая, — подчеркнул Шувалов. — У нас в кассе мало денег, и расследование в материальном плане для нас разорительно. Но есть такие вопросы, котооыс нельзя решать с точки зрения быгодио-невыгодно. Пропали, и с ужасом я дополню — безвозвратно! — восемь кошек старинной русской породы, пережившие войны и голод, чудом возвращенные нами к жизни. Осталось всего три особи, три русских голубых. Из них одна израненная Верхова, неизвестно, выживет ли? Это расследование — дело нашей чести. Если оно будет прекращено — я снимаю с себя обязанности председателя клуба «Котофеич» и выхожу из него.

Парень, сидевший в углу на мате, этот длинноногий нахал Сергей Сергеев, выкрикнул:

— Послушайте, граф Шувалов, вы же дворянин! Для вас главное — честь и совесть! Вы должны заниматься политикой, бомбы кидать в большевиков, которые разорили, пустили по миру ваш род! А вы — кошками занимаетесь. Это некрасиво. Оставьте кошек плебеям, граф.

Шувалов вполне владел собой и не терял достоинства:

— Жулики обычно плохо считают, но вы, похоже, не жулик, потому что считать совсем не умеете. Моя пара русских голубых дает, прибыль государству больше, чем иной завод с сотней рабочих. Поэтому кошки — дело политическое. Я — зоолог, вернуть государству утраченную породу считаю для себя делом чести.

Молодой человек хотел еще что-то крикнуть, но Копейкин погрозил ему пальцем, и тот замолк на полуслове.

— Что вы скажете, Ирина? — спросил Копейкин.

Ирина Харитоновна растерянно оглянулась, заговорила неуверенно:

— Обычно я на таких совещаниях сидела рядом с Германом Ереминым, и мы вместе вырабатывали свое мнение.

— Поотчетливей, пожалуйста, — попросил Копейкин.

— Сегодня мне не с кем посоветоваться, и я в затруднении. Поэтому воздержусь от высказывания своего мнения и приму то, что решит большинство. Ну, а если мы сочтем возможным самораспуститься, что, судя по общему настроению, вполне возможно, то я поддержу и это решение.

Копейкин сурово посмотрел на Ирину.

— Вопрос о самороспуске клуба не подымался и, я думаю, преждевременен. Попрошу высказаться вас, Верхов. Напоминаю, до закрытия выставки осталось двадцать восемь минут.

— Я с самого начала был против этой авантюры с частным сыском. В течение года у нас пропало в клубе шестнадцать персидских, а потом еще восемь русских голубых. Мы начали поиск, в результате погибли три человека, из них один — член совета нашего клуба. Вдруг, если мы продолжим расследование, погибнут еще люди? Кто следующий кандидат в покойники, кто торопится на тот свет? Или детектив Грай гарантирует, что больше никто не погибнет?

— Не могу дать такой гарантии, — ответит Грай. — Вы меня нанимали расследовать исчезновение кошек, а раскрытием убийств занимается уголовный розыск. Правда, если это окажется одно и то же лицо, то мы выдадим его милиции.

— Я считаю, — нервно вскрикнул Верхов, — ничто не может оправдать гибель людей! Надо немедленно прекратить следствие. Правда, я вынужден сделать частное заявление. Жизнь противоречива, и не сказав это, я не смогу вернуться домой. Два моих взрослых сына считают, что наш кот смог вырваться от похитителя и вернуться домой только благодаря тому, что Грай встревожил преступника, тот начал терять уверенность, нервничает. Одной из его ошибок и воспользовался наш кот. Возможно, во время перевозки к неизвестному нам дальнему пункту похититель открыл клетку, кот воспользовался этим, например, вцепившись в руку жулику, и с боем вырвался на свободу. Я делаю заявление от моих сыновей, что если расследование будет нами прекращено, они сами наедут средства, правда, не такие значительные, для его продолжения.

— Так вы за или против? — не выдержал Копейкин.

— Я против, — повторил упрямый Верхов. — Но мои сыновья поступают так, как считают нужным.

— У вас все? — спросил Копейкин.

Геннадий Дмитриев поднялся, не дожидаясь, пока ему предоставят слово.

— Я встал, потому что не могу обращаться к товариществу сидя. Я обращаюсь ко всем, хотя не скрываю, что всегда был сам за себя. Мне потому и нравится наш клуб — мы тут, вроде, объединены, и каждый действует как хочет. Сам вырастил котенка, сам нашел покупателя, сам продал, сам получил денежки. И может, поэтому в нашем клубе много состоятельных людей. Я считаю, что детектив Грай ведет следствие неправильно, делает грубые ошибки, из-за его халатности погиб скорняк Левитин, а может, и другие двое на его совести. Наш клуб может быть втянут в громкий уголовный процесс, и его по-

следствия непредсказуемы. Помните, еще Наполеон говорил: «Грязное белье надо стирать дома».

Не глядя ни на кого, Геннадий сел.

Парни в углу засвистели и закричали:

— Долой расследование!

Копейкин снова постучал металлическим червонцем по штанге.

— Осветить этот вопрос с правовой стороны мы пригласили нашего юриста Юрия Яковлева. Скажите, Юрий Васильевич, прав ли Геннадий в своих мрачных прогнозах?

Юрист подобрал кругленький животик, набычил круглую голову и заговорил быстро, напористо:

— Все зависит от того, насколько правильно составлен договор о найме детектива для частного расследования. Если в договоре точно определено, что он нанимается для расследования факта пропажи кошек, являющихся частной собственностью конкретных лиц и за хищение которых налагается штраф или административное наказание, то никакими неприятностями клубу это не грозит. Я могу взять на себя составление такого договора.

Речь Яковлева мне понравилась, это язык всех юристов, деловой и точный. Грай тоже наградил его улыбкой.

Уже по инерции Копейкин постучал по металлической штанге монетой и предупредил:

— До закрытия выставки осталось четверть часа. Но прежде, чем предоставить слово Граю, мы обязаны выслушать нашего секретаря Надежду Молчанову. Она пыталась несколько раз поднять руку, но каждый раз ее забивали речистые мужчины.

Надежда прижала руки к груди, словно озябла.

— Я часто вспоминаю свою пропавшую кошку. Она мне снится и что-то говорит, о чем-то предупреждает, о чем-то близком и страшном. Я не могу понять ее и просыпаюсь в холодном поту. Я и днем нахожусь в страхе. У нас за год пропали двадцать три кошки, три человека при расследовании погибли. И нет никакого следа. Я полагаю, что это действует мафия, хорошо организованная и многочисленная. Только ей под силу такие масштаб и скрытность, высокая организованность. Я не хочу стать ее очередной жертвой, не хочу, чтобы кто-то из вас ушел из жизни, как Герман Еремин. Я боюсь, простите меня, но я против расследования.

— Довольно покойников! — завопили мои молодые соседи. Копейкин строго постучал по штанге, и они утихли.

— Считаю, все достаточно ясно высказались. Перед тем, как приступить к голосованию, полагаю, нужно выслушать Ярослава Грая.

Придерживая раненую руку, Грай поднялся со стула, взглянул на Шувалова, который с видимым напряжением выслушивал своих товарищей, и грустно улыбнулся ему.

— Разноречивость мнений не удивляет меня. Я ждал этого. Ваш клуб — маленькая копия нашего государства. То, что творится в государстве, происходит и в клубе. Отечество потрясено, его раздирают противоречия, во всем — неразбериха. Жулики всех рангов умело пользуются нашим хаосом, а честные люди растеряны, не знают, что делать?

— Нельзя ли конкретнее? — перебил его Копейкин. — Вы уже вышли на

след похитителя кошек?

— Нет, отвечу откровенно. Похититель практически не оставляет следов. Я обозначил ситуацию в целом, теперь отвечу каждому. Вы, Копейкин, безусловно, правы: ведение частного расследования — дорогое дело и опустошает кассу. Это хороший довод, если ты чувствуешь дыхание погони на своем затылке.

— Что это за выпады, Грай?! — взревел Копейкин.

Но Грай остался невозмутимым и продолжал говорить так же спокойно.

— Многие люди в стране, как Надежда Молчанова, испугались за свою жизнь и готовы пожертвовать малым, чтобы выжить. Другие, как Ирина Харитонова, не знают, на что решиться. Или делают вид, что не имеют своего мнения, по крайней мере его не высказывают, как говорится, себе на уме. Мне понятен гнев яростного индивидуалиста Дмитриева — ты меня не трогай, и я тебя не трону. Вы, Геннадий, справедливо упрекаете меня за смерть скорняка Левитина. Но, подумайте сами — тяжелая, пугающая ситуация сложилась в клубе давно. Бесстрашный, ловкий жулик запугал вас. Еще немного, и он полностью подчинил бы вас своей воле. У вас не было другого выхода, как нанять меня. Мы с вами испугали жулика, и он, ожидая справедливой мести, дрогнул и в отчаянии пошел на крайние меры, стал убивать тех, кто знал о его делишках и мог выдать. До противности знакомо мнение скептика и нытика Верховова. Он разуверился во всем, ни во что не ставит милицию и возможности частного расследования. Валерий, я не могу дать гарантии — погибнет ли еще кто-нибудь? А кто в нашем государстве может пообещать, что жертв больше не будет? И я не бог. Но я согласен с Шуваловым — во всех делах, даже самых малых, мы должны помнить о славе Отечества, о его пользе.

— Вы взялись за расследование и попросили аванс, чтобы принести пользу Отечеству? — взвизгнули в углу.

— Наши интересы совпадают. Я разыскиваю уникальных животных и ловлю жулика, что требуете вы, и заодно поймаю негодяя убийцу, что требует моя совесть, я зарабатываю себе гонорар и приношу пользу, — Грай посмотрел на часы. — Три минуты до закрытия выставки. Вам хватит времени, чтобы принять решение.

Уходя, мы слышали, как Копейкин стучит металлическим червонцем по штанге, добиваясь общего внимания. Уже было тридцать минут седьмого, посетители почти все разошлись, гул в зале затихал. Участники выставки забирали своих кошек и спешили к выходу. Глядя в зал, Грай мрачно сверкал глазами. В самодеятельном буфетике я купил красное яблоко и торопливо грыз его, чтобы заморить червячка.

Члены совета спускались по деревянной лесенке и по одному проходили мимо нас.

Парни открыто смеялись, а джинсово-кожаный Сергей Сергеев показал пальцем на меня и во весь голос заржал:

— Бу-га-га...

«Может быть, нам еще придется встретиться, — сдерживаясь, подумал я. — Не люблю оставаться в долгу».

Геннадий Дмитриев громко фыркнул носом, Верхов вяло махнул рукой.

— Прощайте, — тихо, я едва понял ее, произнесла Ирина Харитонова.

— Что ни делается, все к лучшему, — строго сказала Надежда Молчанова,

тряхнув косой. — Они сильнее, и нам не следует рисковать.

Юрист Яковлев молча кивнул.

Копейкин, теперь почти уже председатель клуба «Ко-тсфеич», величественно глянул на нас и пробасил:

— Подавляющим большинством голосов принято решение прекратить расследование. Наш договор аннулируется. — и заторопился к своей кошке.

Шувалов остановился, в раздумье покрутил в руках банку с пивом, бутылку шампанского, но пить ничего не стал.

— После закрытия выставки я сложу с себя обязанности председателя клуба и выйду из него. Молодежь выучилась, требует места под солнцем, и у нас грядет новый раскол... Пойдемте, пора ехать.

Грай резко повернулся ко мне.

— Ты очень громко жуешь яблоко.

Я чуть не подавился.

— Оно такое твердое...

Грай в раздумье потрогал колючий подбородок.

— Я дал слово не бриться, пока не отыщу жулика.

— С бородой станете выглядеть солиднее, — успокоил я его. — Мне тоже придется не стричь волос. Что же, заплету косичку.

— Поиск придется продолжить за наш счет. Ты готов?

— Да, готов. Но капитан Бондарь не давал никакого обещания. Он просто снимет нас с довольствия.

Грай вздохнул.

— Финансовое положение у нас поганое. Мы посрамлены и изгнаны... Никогда, Виктор, не плачь и не жалуйся. Детектив должен любую ситуац'по использовать в свою пользу. Итак — мы посрамлены и изгнаны. Нас больше в расчет не берут — какой же частный детектив станет работать бесплатно? Вывод — мы можем ставить мышеловку.

Грай усмехнулся, затем на лице его вновь появилось мрачное, унылое выражение. Он даже ссутулился и, бережно поддерживая раненую руку, медленно, старческой походкой пересек зал. Я шел сзади, и у меня было ощущение, что мы участвуем в собственных похоронах. Копейкин шумно распорядился в зале.

Я взял кейс и разместился с Елисеем на заднем сиденье машины. Шувалов с Граем сели вперед, и мы покатали в Питер.

После долгого молчания Шувалов пожаловался:

— Я как игрок на хоккейном поле. Меня прижали к борту и мощным ударом вышвырнули с поля. Лежу, дергаюсь, а встать, наверное, не смогу.

— Не надо драматизировать, — попытался успокоить его Грай. — Лучше скажите, правда ли, что хорошая кошка за три дня чувствует, что ее украдут?

— Есть такая шутка про собак. Но кошки не менее чувствительны. Просто они сказать не могут, а мы, люди, невнимательны и плохо знаем их язык.

— Елисей не чувствует, что его скоро украдут? Он вам ничего не говорит? Прислушайтесь.

— У него в кейсе телефон отключен, — отшутился Шувалов. Он высадил нас у самого крылечка и сразу поехал домой.

Капитан Бондарь держал ужин в духовке на маленьком огне.

Снимая пальто, я потянул носом и попробовал угадать:

— У нас сегодня гречневая каша со шкварками и бараньи почки под сметанным соусом.

Бондарь улыбнулся.

— Ты прав... — но тут зазвонил телефон.

Бондарь снял трубку.

— Просят вас, Грай.

Грай нажал кнопку на селекторе.

— Здравствуйте, Стриж.

— Докладываю. Я звоню со станции метро «Автово». Груз пришел сегодня, мною получен. Сейчас находится у меня в машине, ведет себя нормально, воду и пищу принял. Машина замаскирована, находится неподалеку. Вижу, подъезжает объект. Дополнительные инструкции будут?

— Действуйте, как договорились. Ночь дежурите, утром, после ухода объекта, занимайте плацдарм и устраивайтесь, привыкайте к месту действия. Днем сможете выспаться.

Бондарь положил кашу в тарелки — снова звонок. Грай пошел сам к телефону.

— Слушаю вас, Сапунов... Завтра в шесть тридцать утра жду вас у себя.

Меня словно магнитом притягивают загадки Грая.

— Утром военное совещание, я приглашен?

Грай хмуро придвинул к себе тарелку.

— Ты заслужил отдых и до завтрака мне не нужен. Постарайся выспаться получше, воскресенье — сложный день.

Больше всего человека обижает недоверие. В деле появились подробности, которые мне не нужно знать? Какие задания получают оперативники, приглашенные Граем?

Сразу после ужина я поднялся к себе, положил голову на подушку, приказал себе не искать ответа на эти вопросы и быстро уснул.

* * *

На следующее утро, в воскресенье, после завтрака, в девять часов я сел за свой стол и раскрыл газету «Вечерняя Нева».

Грай постелил на стол плотный лист бумаги, достал из стола масленку, отвертку, маленький шомпол и старинный ржавый с кремневым бойком пистолет. Откуда он их берет? Я уже спрашивал, он ответил, что когда коллекционируешь — они сами в руки плывут. Только дорого платить приходится. Зачем ему нужны эти совершенно бесполезные пистолеты, я понять не могу. Может быть, ему лучше думается, когда он ковыряется в старом железе?

Вот первый звонок телефона. Грай включил селектор.

— Докладывает Олег Стриж. Ночь прошла спокойно. Посылка вела себя хорошо. Объект убыл. Мы оккупировали место действия. Посылка на свободе, ведет себя удовлетворительно. Вода и мясо поставлены. Я изолирован и ложусь спать. До вечера.

— Хорошо, контрольная связь в восемнадцать часов.

Второй звонок был в одиннадцать.

— Докладывает Савелий Сапунов. Я звоню из Пушкина, нахожусь в спортзале, на втором этаже в кабинете директора, тут небольшое окошечко в зал. Объект находится на месте, все в порядке. К нему подошел появившийся на выставке англичанин мистер Джон Смит. Они говорят по-английски. Джон со-

бирается купить Елисея, он напорист, доставал из кармана пачку фунтов стерлингов. Может, что-нибудь придумать и спровадить мистера? Он, вроде, под мухой и несколько навязывает свое общество.

— Продолжайте следить за обстановкой. Напоминаю — ни в коем случае не обнаруживайте себя. Можно вмешаться только в крайнем случае, если объекту будет грозить непосредственная опасность.

— Понял, возвращаюсь к объекту.

Я прочитал от корки до корки «Вечернюю Неву», затем «Санкт-Петербургские ведомости». Грай продолжал мучиться со старинным пистолетом. Да разве отчистишь ржавчину одной рукой? Я снял пиджак и пришел ему на помощь. Только измазал руки в ржавчине, звонок. Взглянул на часы — тринадцать ноль-ноль. Грай нажал мизинцем на кнопку селектора.

— Докладывает Сапунов. К Джону Смит присоединился норвежец, имя его еще не знаю, и тоже хочет купить Елисея. Они торгуются и набивают цену. Вокруг Елисея начинается ажиотаж. Откуда-то появился фотокорреспондент со вспышкой. Толпятся ротозеи, подходят любители, вести наблюдение становится сложно. Объект все время в плотном окружении людей.

Грай забеспокоился:

— Смотрите в оба. У нас соперник не просто умный, а талантливый. Мы уже имеем в деле три трупа, не прозевайте, — чтобы сегодня не появился четвертый. Мне этот ажиотаж не нравится.

— Понял, иду к объекту.

Через полчаса снова звонок.

— Докладывает Сапунов. Объект повел судью, финку Хамяйнен, на прогулку в парк. С ними идут Джон Смит и норвежец. За Елисеем присматривает кассир Копейкин. Норвежец мне кажется опасным. Джон Смит подозрителен. У него походка российская, скован в движениях.

— Все опасны, пока убийца не схвачен. Идите в парк.

Обедать мы с Граем хотели по очереди, но Бондарь запротестовал — что это за обед, если кому-то придется есть холодный суп! Я открыл дверь из кабинета в прихожую, вынес телефон, поставил на стул около столовой. И мы направились обедать вместе.

Капитан Бондарь порадовал хорошим воскресным обедом — суп из курицы, винегрет, блинчики со сметаной, компот из тыквы. Но, боюсь, мы не смогли по-настоящему оценить его стараний, потому что невольно торопились. Когда зазвонил телефон, я нечаянно затолкал в рот целый блин со сметаной и в трубку пробормотал абракадабру, чего, разумеется, делать не следует.

— Докладывает Савелий Сапунов, — ответили мне. — Объект возвратился из прогулки по парку Елисей цел. Его цена поднялась до пятисот долларов.

Вообще, воскресный день тянулся слишком долго. Не люблю сидеть без дела. Единственное развлечение — каждые полчаса Грай велел выходить на улицу и прогревать мотор нашей «Нивы», что я делал с удовольствием.

Снова звонок Сапунова.

— Выставка взбудоражена возможной продажей Елисея, уже держат пари, за какую цену кот будет продан, один из членов совета клуба «Котофеич» постоянно топчется рядом. Полагают, что за Елисея дадут восемьсот долларов — цена, невиданная для этой выставки.

В семнадцать тридцать снова звонок из Пушкина, торопливый голос Сапу-

нова:

— Выставка закрывается. Цена на Елисея поднялась до восьмисот долларов — здешний рекорд. Объект нервничает, потребовал за кота тысячу восьмисот долларов наличными. Сказал, что мы не банановая республика и не позволим за бесценок расхватывать наши сокровища. Скандинав из торга выпал, англичанин с ценой согласился, договорились сделку совершить завтра утром. Англичанин исчез. Копейкин просился в машину к объекту, но получил отказ. Объект сослался на усталость и гололед.

В восемнадцать пятнадцать снова звонок, голос Сапунова беспокоен:

— Шеф, боюсь, я допустил промашку. При выходе объекта из зала с боковой темной лестницы вынырнул этот англичанин Джон Смит. Похоже, он так же ведет наблюдение за объектом. Сейчас он садится в желтые «Жигули». У меня такое впечатление, что он липовый англичанин. Может, прощупать его? Все садятся в машины и разъезжаются. Что мне делать?

Грай заговорил медленно, чтобы успокоить оперативника:

— Не волнуйтесь, Савелий, все идет нормально. Кроме вас и англичанина, кто-нибудь следил за объектом?

— Думаю, нет... Вспомнил! Я же этого Джона Смита видел прежде мельком. Только он вырядился и — ни слова по-русски, поэтому не сразу его узнал.

— Держите язык за зубами, вы правильно вспомнили, это наш человек, — перебил его Грай. — Поезжайте за объектом в Петербург. Доведите до дома. Вас встретит Олег Стриж и примет дежурство. Будьте осторожны, вас видели в зале, а у дома может быть засада. Вы сегодня много поработали и сильно устали, сможете еще продержаться?

— У меня в машине термос с кофе и бутерброды, по дороге подкреплюсь. Объект уже заводит машину. Он знает, что мы его прикрываем?

— Объект знает. Но об этом не должен догадываться тот, кого мы ищем. Не выдайте себя.

— Машины начинают разъезжаться, я тоже еду.

Тут уж я не выдержал:

— Сапунов с раннего утра на ногах. Он устал и невольно может ошибиться. Олег тоже на ногах весь день. Зачем я здесь сижу? Пойду и сменю Сапунова.

— Нет, сиди у телефона.

— Почему вы меня вывели из игры? Вы мне не доверяете? Тогда скажите прямо, пойду обратно в фермеры!

— Не суетись, — буркнул Грай.

Но я завелся.

— Вы объясните, почему сегодня взяли меня на короткую цепочку?

— У тебя сегодня роль телефонной барышни. Когда выбьешься из сил, скажи, сменю тебя. А пока не отходи от телефона, сиди, как приклеенный.

Я скрипнул зубами, с ненавистью глядя на телефон.

Снова звонок. Время — девятнадцать тридцать. Мне уже так надоела роль секретаря, что, сняв трубку, я вздохнул.

— Слушаю.

— Простите, куда я попал? — спросил высокий мужской голос, показавшийся мне неестественным.

Я опомнится.

— Частное детективное агентство Ярослава Грая. У телефона Виктор Кры-

ЛОВ.

— Мне нужна срочная помощь, не могли бы вы подъехать на Сенную площадь, дом три?

— Что с вами случилось?

— Хотелось бы поговорить с самим Граем, это возможно?

— Как доложить, кто его спрашивает?

— Меня зовут Пето Селиванов, я болгарин, по профессии — доктор и хотел бы поговорить с самим Граем.

— Болгарский доктор Петр Селиванов хочет попросить вас приехать на Сенную площадь, дом три. Согласен говорить только с вами.

— Ярослав Грай слушает... Алло... Вас не слышно, алло! Ничего разобрать не могу... Что там шумит? Вам плохо?.. Алло!.. Вот черт, разъединили!

— Связь оборвалась? — забеспокоился я. — Может, он перезвонит?

Грай недоуменно пожал плечами.

— Если это был контрольный звонок, то сейчас жди событий. Мышеловка уже поставлена, — подумал вслух Грай.

— Это вы о чем?

Но Грай не ответил.

Через восемнадцать минут позвонил Сапунов. Говорил он медленно, видно, сильно устал.

— Я нахожусь на проспекте Стачек около метро «Авто-во». Напротив дома, где живет объект. Из Пушкина за объектом следом ехали Геннадий Дмитриев с Надеждой Молчановой. Перед въездом в город они обогнали нас и уехали вперед. Больше близко никого не видно. Объект вошел в квартиру, зажег свет. Я вижу его окна. Рядом со мной стоит Олег Стриж. Я передаю ему объект. Сейчас он займет пост на лестнице. Дополнительные инструкции будут?

— Я знаю, вы сильно устали, но попробуйте сосредоточиться. Что-нибудь заметили подозрительное, какие-нибудь мелочи?

Но Сапунов вдруг возбужденно закричал:

— По-моему, там что-то стряслось. Объект пробежал мимо окна и чуть не сорвал занавеску. Он хочет выброситься в окно?!

— Быстрее к Шувалову! — заорал Грай, — Сейчас мы тоже едем. Там «он»!

Я накинул на плечи Грая меховую куртку, схватил свою шапку и выбежал из дома. Встревоженный капитан Бондарь крикнул вслед:

— Вы куда?

— К Шувалову! — ответил Грай. — Подежурьте у телефона.

Не зря я каждые полчаса выходил прогревать старенькую «Ниву». Мотор сразу завелся, и мы выехали на проспект Стачек так быстро, что нас даже закрутило на обледенелом шоссе. Ехать тут недалеко, и через четверть часа мы утке остановились около семиэтажного сталинского дома напротив метро «Автово». Поднялись в лифте на пятый этаж. Там на площадке нас встретил плечистый, грудь колесом, Олег Стриж, усталый, придавленный неудачей Сапунов и взволнованный, со старинной шпагой в руке Шувалов.

— Осторожнее, не затопчите следы, — предупредил Сапунов.

Лампочки на пятом этаже, а также выше и ниже, не было. Откуда-то сверху доходил тусклый свет.

— Я действовал строго по инструкции, — доложил Сапунов — привел объект в дом. Слежки, хвоста за нами не заметил. В квартире было тихо, я пенял,

что там все в порядке, и пошел позвонить вам, доложить обстановку. Но я должен был догадаться! — он ударил себя кулаком по ноге. — Я осмотрел всю лестницу, никого. Но я должен был догадаться, что он опередил нас и прячется где-то здесь. Я пошел звонить — это заняло минут семь-восемь. Он вышел из укрытия, открыл квартиру и выманил кота.

Грай посветил фонариком, осматривая следы. Около двери лежал небольшой флакончик с пульверизатором. Грай поднял его за кончик трубочки, понюхал:

— Я так и знал.

Положил флакончик в бумажный пакет и отдал мне.

— Посмотрим, может, отпечатки есть.

Снова стал светить вниз.

— Смотрите, капельки крови, — заметил Сапунов. Грай достал носовой платок, промокнул капельку.

— Еще не засохла, свежая. Интересно, кровь человека или кошки? Немедленно направим на анализ.

Шувалов впустил нас в просторную прихожую.

— Как все произошло, Александр Николаевич? — спросил Грай несколько резче, чем обычно.

— Я все делал как вы велели. Вошел — смотрю клетка с открытой дверцей, рядом миска, в которой было мясо, миска с водой, тазик с песком. Гости не видно. Мой Елисей учуял запах кошки, заволновался, завыл, я его пожалел и выпустил. Он тут же ее нашел, она затаилась под вешалкой. Дикая, камышовая, страшная кошка. Драться с ней пришлось бы по-настоящему. Елисей тут же начал ухаживать за дамой, вижу — влюбился. И она не прогоняет его. Вдвоем, видно, не так страшно ей.

Шувалов подвинул к двери клетку, положил на нее фонарик. Я ахнул: так вот какой сюрприз-ловушку приготовил Грай жулику — дикая камышовая кошка из Астрахани! Вот что означали его слова: «Пусть теперь кошки защищают себя сами, а я им помогу».

— С трудом утащил Елисея в другую комнату, — продолжал Шувалов, — и запер его на швабру. Дверь в коридор, видите, стеклянная, все видно. Кошка стала понимать — ничего ей не грозит, и начала успокаиваться.

В это время ручка входной двери шевельнулась. Кошка принюхалась, как вы и предсказывали, пошла к двери, как притянутая магнитом. Когда приоткрылась дверь, кошка рванулась туда. Дверь захлопнулась, и судя по шуму, началась драка. Раздались жуткие кошачьи вопли и сдавленный стон человека.

— Голос высокий или низкий, мужской или женский? — быстро спросил Грай.

— Затрудняюсь сказать определенно. Словно ребенок стонал, жалостливо так. Вы мне запретили выходить под страхом смерти. Но я не выдержал — сорвал со стены боевую шпагу прадеда и ринулся на лестницу... На площадке было уже пусто, внизу хлопнула выходная дверь, и все затихло. Минуты через две появились ваши люди.

— Обманул он нас, — вскрикнул Грай, — опять обманул! Детектив выходил на семь минут доложить обстановку, а он этим воспользовался. Ему хватило времени. Наверняка, он появился прежде нас и ловко спрятался.

— Что может сделать кот с человеком, одетым в зимнюю одежду? — усомнился я.

— Человек, идущий на опасное дело, не станет кутаться, чтобы одежда не сковывала движения, — ответил Грай. — И потом — хотел бы я увидеть эту кошку в деле.

— О! — восхищенно произнес Шувалов. — Вы бы видели ее, не уступит рыси, крепкий экземпляр. Такая налетит, как молния. Человек опешит, ему не до воровства, будет думать, как спастись. Если кошка вцепится в горло, может и задушить. В любом случае оставит метки на руках, на шее, лице, голове...

— Итак, ребята, — подвел итог Грай, — завтра ищем меченого.

В комнате на стене висела старинная гравюра — Иван Грозный с кошкой. Большая, широкотелая, с могучей рельефной мускулатурой, с кисточками на кончиках ушей, с пышной шерстью и гривой, с широкой мордой и широко поставленными глазами напряженно-внимательно смотрела на нас кошка, из глубины времен.

— Отменная кошка! — восхитился Грай.

— Похоже, сибирская — ответил Шувалов.

Рядом с гравюрой висела парадная шпага с камнями, Шувалов стал вешать на стену вторую, парную. Я попросил посмотреть. Моя ладонь не вместилась в эфес. Руки у графа были маленькие, а у меня, потомственного крестьянина, не ладонь, а настоящая лопата.

— Где же может быть наша гостья, камышовая кошка? — сам себя спросил Грай.

— Если вор не унес ее с собой, то спряталась в подвале или на чердаке. Уйти не должна — дом построен в виде кольца, — заторопился Шувалов.

Елисей все время крутился у двери. А когда мы стали уходить, вырвался на лестницу и исчез в темноте.

— Куда это он? — изумился я.

Шувалов схватил фонарик, мигом вытолкнул нас и побежал наверх в темноту, на ходу крикнув:

— Подружку побежал искать! Сейчас я ему помогу.

* * *

Мы заканчивали завтракать, когда первый раз в понедельник звякнул колокол. Часы показывали восемь пятьдесят. Я открыл дверь — на пороге стоял начальник уголовного розыска Георгий Головатый. Он хмуро поздоровался, отдал мне пальто и шапку, заглянул в кабинет.

— Где Грай?

— Чай пьет.

Головатый вошел в столовую, уселся на стул напротив Грая, попытался улыбнуться:

— Доброе утро.

— стаканчик чая? — спросил Бондарь, налил чаю в резной тонкий стакан, пододвинул сахарницу и ушел на кухню.

— Мне бы сейчас стакан водки, упасть лицом в подушку и наплакаться вволю... — горько вздохнул Головатый, грея руки на стакане. Затем выпрямился, расправил плечи и, переменяя интонацию, сердито спросил: — У нас с вами уговор помогать друг другу в деле с кошками. Он еще действителен?

Мне даже жаль стало Головатого, видно, большие неприятности у челове-

ка.

— Да, — ответит Грай.

— В таком случае я хотел бы воспользоваться вашей информацией.

— Вы в тупике?

— Следов мало, все они нечеткие. Как в первый день... А вы продвинулись вперед?

— Надеюсь, что да.

— Вы знаете, кто убийца? — в глазах Головатого появилась искорка надежды.

— Я не занимаюсь этим вопросом, я ищу жулика, который ворует котов.

— Черт бы вас побрал, бросьте прикидываться, разве это не одно и то же лицо?

— Вполне возможно. Но я не могу вести расследование в таком направлении, у меня нет ни сил, ни средств на поиск убийцы. Вы, наверное, знаете, клуб «Котофеич» прекратил договор с нами, и я веду поиск жуликов только потому, что дал слово. Веду за собственный счет. Скажите, Головатый, на пульверизаторе есть отпечатки пальцев?

— Нет, человек был в перчатках.

— Это элементарная предосторожность. А кровь на лестнице кошачья?

— Нет, кровь человека.

— Что ж, может быть, сегодня мы его и вычислим.

— Вы темните, Грай! — зло бросил Головатый.

— Я не темню, а действую. Поставив ловушку, я его пометил с помощью дикой кошки и надеюсь к вечеру схватить за горло. Хотя — он настолько хитер, что, может быть, и сегодня выкрутится. Не исключено, что я останусь в дураках! Тогда и мне понадобятся стакан водки и подушка, чтобы наплакаться всласть.

— Не перенимайте дурных привычек, Грай. Уголовный розыск вам может помочь?

— Давайте договоримся так. Вы соберете ко мне в восемнадцать часов всех членов совета клуба «Котофеич». Всех до одного, это важно. Я расскажу, что удалось узнать о хищении кошек. А вы сами сделаете вывод по поводу убийства и, может быть, получите преступника. У меня только одно условие — не вмешиваться, пока я не закончу.

— Условие принято, — Головатый прошел в кабинет, взял трубку телефона и позвонил в Автоовское отделение милиции: — Петренко?.. Возьми список членов совета клуба «Котофеич» и собери их к восемнадцати часам к Граю... Всех до одного. Если кто начнет уклоняться — поезжай сам и задержи, как важного свидетеля.

Головатый вернулся в столовую, сделал последний глоток чая и спросил подозрительно:

— Почему вы не бриты, Грай? У вас такой вид, словно вы трое суток ночевали в отделении милиции. Болеее, или траур по близкому человеку?

Я впервые увидел, как Грай краснеет.

— Бороду отращиваю. Что, не украшает?

Уходя, Головатый ответил:

— Краше из вытрезвителя выходят.

В это время позвонил Савелий Сапунов и доложил, что все травматологиче-

ские пункты нашего и соседних районов он объехал, в минувшую ночь никто с порезами и травмами, похожими на раны от кошачьих зубов или когтей, не обращался. В поликлиники к дежурным врачам тоже не обращались.

— Начинайте поиск врачей, практикующих на дому, — ответил Грай. — Мы построили ловушку, и этот хитрец не мог из нее выскочить без меты. Ведь кровь на лестнице была. Ищите упорнее!..

Какое задание мне дал Грай, не хочется говорить. Он послал объезжать травматологические пункты дальних районов. Дело второстепенное, но необходимое, чтобы закрыть данный вопрос. Ближе к вечеру я сообразил, что он хотел остаться один и тщательно все продумать. Но если я мешаю ему думать — это плохо. Может, пока еще не слишком привык к жизни детектива и не научился работать лопатой, вернуться на ферму?

Но что бы я не думал, в восемнадцать часов у нас гости.

В семнадцать тридцать поднялся по ступеням нашего крылечка и аккуратно открыл дверь, чтобы колокол звякнул негромко. Я успел вовремя и стал свидетелем занятой сцены: Грай и Бондарь обсуждали, какие напитки предложить гостям.

— У себя на траулере я придерживался твердого правила, — рассказывал капитан. — Если принимаю начальника базы, лоцмана на проходе узкости или в порту, ставлю водку, рюмки, минералку и легкие закуски. Если высокое начальство из Москвы или надо выманить у снабженцев запасной трал, можно поставить коньяк. Если в гостях женщина — достаю ликер или сухое вино. А как принимать сегодняшнюю публику, мне не понятно. Графу Шувалову можно предложить коньяку или рюмку хорошего вина. А чем угощать убийцу — не знаю. Вдруг он быстро напьется и заведет хмельную бузу, все сегодняшнее собрание насмарку.

— Может быть, ограничимся пивом? — спросил Грай.

— Хорошо, — согласился капитан. — Поставил! «Жигулевское» и «Полюстрово». Эта наша нигерская минералка ничуть не хуже заморских тоников. Ее сам Петр Великий с удовольствием и в обилии пивал.

Грай посмотрел на меня.

— Вижу — ничего не узнал. Раздевайся и помоги носить бутылки.

Столик с напитками мы поставили рядом с моим рабочим столом. Надо признать, что «Полюстрово» пользовалось не меньшим успехом, чем знаменитое «Жигулевское». Гости отдали дань уважения и тому, и другому напитку, когда они брали фужеры, я смотрел на их руки. Практически у всех оказались царапины и даже у юриста Яковлева были следы кошачьих зубов на пальце. Заметно покусанными оказались руки у Копейкина, и еще он имел заметную двойную царапину на щеке около уха. Неужели это он — «меченый»?

Сегодня в центре дивана на обособленное место среди валиков сел кассир Копейкин. С левой, стороны от него устроилась Надежда Молчанова, пришедшая почему-то без косы, и мрачный Шувалов. Справа народ сидел погуще — Ирина Харитонова в новом свитере с высоким, до самых ушей, воротником, рядышком Геннадий Дмитриев, фыркающий длинным носом, Валерий Верхов, который бросал взгляды налево, направо и на бутылки с пивом. Юрист Юрий Яковлев удобно пристроил на коленях свой кругленький животик.

Около двери на стульях расположились сержант Петренко и Георгий Головатый. Рядом с ними Грай велел поставить еще семь стульев.

Внимательно всех оглядев, Грай поскреб щетину, изрядно отросшую на подбородке, снял часы с руки и положил перед собой, словно лектор.

— Ваш клуб любителей кошек «Котофеич» был обеспокоен пропажей животных. Семь дней назад вы пришли ко мне и рассказали, что в клубе целый год пропадают кошки. Сначала персидские, сиамские, а потом и чрезвычайно редкие, только что восстановленной породы — русские голубые. Попросили найти жулика и сохранить оставшихся трех русских голубых. Позднее вы сами разорвали договор. Я не жду от вас гонорара, потому что его не заработал. Но я дал себе слово не бриться, пока не схвачу жулика за горло, и продолжил расследование за свой счет. Сегодня хочу отчитаться перед вами, чтобы на ночь побриться. Семь дней назад я не знал, с чего начинать. Вы рассказали, что видели в городе шапки из шкурки обыкновенных кошек, а на Невском мелькнула даже шубка из них, окантованная мехом сиамских кошек.

— Это я рассказал, — вставил Верхов, осторожно держа фужер с пивом, чтобы не налить на брюки.

— Мы начали поиск в этом направлении, и вскоре Виктор Крылов нашел скорняка Левитина, который отлично шил шапки и шубки из шкурки кошек. Откуда он их брал? Несомненно, у него была связь с теми, кто добывая эти шкурки. Мы доложили вам об этом человеке, и вы предложили купить информацию у Левитина. Я проявил неосмотрительность, приняв ваше предложение и не поставив охрану скорняку. Визит Крылова и решение купить информацию сильно кого-то встревожили. Левитин был вызван запиской из дома и убит. На следующий день его труп нашли в Шуваловском парке недалеко от дворца. Я это оценил, как вызов, брошенный лично мне. Начальник уголовного розыска Автоковского отделения милиции Георгий Головатый и сержант Петренко из группы расследования убийства, вот они, вы с ними знакомы, начали поиск преступника.

Головатый вежливо склонил голову, а Петренко, не отрываясь, следил за подрагивающей, поцарапанной рукой Верхов, в которой он держал пиво. Может быть, сержант подозревал в нем похитителя, и его смущал портфель, стоящий у ног любителя кошек? Объемистый портфель у предполагаемого убийцы всегда подозрителен.

— К работе я привлек еще трех компетентных оперативных сотрудников, — продолжал Грай. — Они подойдут позднее, я вам представлю их. Врач-криминалист определил, что Левитин был сбит грузовым автомобилем. Других следов не оказалось. При обыске в скорняжной мастерской Головатый нашел остаток сожженной записки и на ней несколько слов. В том числе обрывок слова «кошкол». Я решил, что это может быть слово «кошколово» и послал Крылова в городской отдел по благоустройству, к кошколовам. Их в городе оказалось всего три человека. Спрашивать их было не о чем, и я велел сделать много шума, по существу, поуготать и спровоцировать на какие-то действия. К сожалению, реакция оказалась быстрой — в тот же день бригадир кошколовов Кулик был убит на своем рабочем месте. И — опять никаких следов. Но почерк записки, найденной у Левитина, и рабочих записей Кулика одинаков! Головатый проверил грузовую машину-фургон кошколовов — именно она сбивала Левитина, но на этом след опять обрывался. В первый день расследования был убит в своей квартире ваш товарищ Герман Еремин. Его убил кто-то из тех, кого он хорошо знал. Герман не встревожился, иначе он не подпустил бы к себе

человека, которого мог заподозрить. И — опять никаких следов. Честно говоря, я отчаялся, увидел, что этого человека мне не переиграть, не поймать.

Грай пододвинул к себе наручные часы и поглядывал на них, словно в ожидании. Звякнул колокол. Я вышел и открыл входную дверь. На крыльце стоял наш новый оперативник Олег Стриж и с ним грубоватый малый в засаленной меховой куртке. Они вошли в прихожую и, пока раздевались, Олег шепнул:

— Шофер из-под Луги Борис Филиппов. Грай знает.

Я провел их в столовую, включил телевизор и плотно закрыл дверь. Быстро написал записку, положил Граю на стол. Сн прочитал ее, не переставая говорить, кивнул мне — все в порядке.

Не успел я сесть, снова звякнул колокол. Я открыл дверь — на крыльце стоял с тростью в руках... английский лорд! С дамой пригородного вида. Я его сразу узнал по описанию Сапунова, это он торговал у Шувалова кота. Я до того оторопел, что он рассмеялся:

— Гуд ивнинг, май диа фрэнд.

Я впустил их, и он представился:

— Ваш новый сотрудник Константин Васин. Вот, нашел под Лугой и привел Ольгу Земцову. Шепни Граю, она готова говорить.

Я решил, что с шофером им лучше не встречаться и, что делать, отвел их в свою комнату. Вернувшись в кабинет, положил Граю, продолжавшему говорить, новую записку.

— ...послал Виктора охранять кота Надежды Молчановой, но похититель переиграл нас. Он увел кота, выманив на лестницу. А дверь подпер доской, так что Виктор не смог выйти...

Опять звякнул колокол. Я поймал на себе взгляд Грая и только теперь понял, что он весь — комок нервов, что он страшно томится в ожидании.

Я заторопился. На этот раз в дверь вошел Савелий Сапунов с женщиной в меховой шубе, на полголовы выше его. Сапунов принял у нее шубу:

— Доложи Граю — врач Елена Стещенко.

— Придется вам посидеть в библиотеке, — показал я на желтую дверь. Когда я в третий раз вошел в кабинет, все посмотрели на меня в недоумении — звяканье колокола и хождение сбивало их с толку.

— Врач, — шепнул я Граю.

— Наконец-то, — вздохнул он с облегчением, — пусть Бондарь посмотрит за гостями, а оперативников давай сюда.

Они вошли втроем, и Грай представит их:

— Опытные детективы, которых я попросил помочь нам.

— Один из них — англичанин Джон Смит! Какое право вы имели привести сюда иностранца? — вскричал в негодовании Верхов.

— Эго Константин Васин, русский, наш петербуржец.

— Но откуда у него безупречное произношение? — поддержал Верхов Шувалов. — Такое не получишь ни в одной милицейской школе.

— Константин по образованию переводчик, а стажировался в Оксфорде.

Константин поморщился.

— Ну, почему все путают? Не в Оксфорде, а в Кембридже.

— Извините, в Кембридже, — поправился Грай.

Оперативники сели на стулья рядом с Петренко и Головатым.

— Я обрисую ситуацию, в которой действовал неизвестный нам пока чело-

век, — продолжил Грай. — Кошки теперь нужны не только для ловли мышей или семейной забавы. Породистые кошки чрезвычайно дороги. Чтобы выращивать их, в городах стали создаваться клубы любителей кошек. «Неизвестный» пришел в клуб, занимался серьезно, выдвинулся. И тут, мы можем предположить, ситуация стала похожа на те, что происходят в других клубах. То есть, «неизвестный» стал готовить раскол клуба, чтобы увести с собой часть людей и создать для себя новый клуб. Но наш «неизвестный» значительно хитрее. Он начал действовать заранее и скрытно. Имя лидера держалось в тайне. Те, кто не хотел с ним уйти, подвергались тайному нажиму и гонениям. Их котов — будущих соперников на выставках — начали уничтожать. А шкурки, чтобы не пропадало добро, пускали в дело. Это приносило доход и спланировало новую тайную структуру. В это время Шувалов восстановил старинную породу — русские голубые. Кошки чрезвычайно дорогие, и уничтожать их неразумно. Вернувшийся кот Верховов подтвердил мою мысль о том, что методика борьбы изменилась. Где-то создавался подпольный питомник, чтобы выращивать котят русской голубой породы и продавать их. Представьте себе рекламу: «Русский голубой из дома такого-то». Дело требовало больших капиталовложений, но и прибыль могло принести значительную. Когда клуб, встревоженный пропажей кошек, обратился к нам и мы начали действовать, «неизвестный» испугался, решил спрятать концы в воду. Вот что явилось причиной смерти скорняка Левитина, кошколова Кулика и вашего товарища Германа Еремина. Они много знали и могли выдать «неизвестного». У них не было причин хранить тайну.

Верхов поставил портфель себе на колени, открыл его, загородившись локтем, достал бутылку с водкой и подлил в пиво. Затем хлебнул «ерша», почмокал губами от удовольствия и громко спросил:

— Кто этот «неизвестный», кто?

— Такой вопрос я задавал себе много раз, — ответил Грай. — Чтобы добраться до истины, стал изучать кошек и методы работы преступника. Сначала меня заинтересовала интуиция кошек, о которой среди специалистов вдут споры. Некоторые люди совершенно уверены, что у кошек бывает своего рода предчувствие. Может быть, тут самообман и преувеличение? Вспомните, у Гащека в «Бравом солдате Швейке» собачий вор утверждает: «Хорошая собака за три дня чувствует, что ее украдут». А почему хорошая кошка не может обладать таким же предчувствием? Бесспорных доказательств, что кошки умеют читать мысли и обладают телепатическими способностями, нет, хотя прет чувствуют же кошки, как и собаки, катастрофы, землетрясения, пожары и даже бомбардировки. Затем я постарался понять, как «неизвестный» выманивает кошек из квартиры? У кошки маленький носик и, вероятнее всего, не особенно острый нюх. И тем не менее все кошки любят аромат цветов и цветочной пыльцы. Летом в поле или в саду они долго могут расхаживать, сладко мурлыча, и с удовольствием нюхать одни цветы и решительно обходить другие. Да сих пор еще недостаточно ясно, чем привлекательна для них валерьянка. Но бесспорно, что это связано с ее запахом. Из корня валерианы обыкновенной, которую в народе называют еще ведьминой или кошачьей травой, фармацевты издавна готовили препараты, помогающие при бессоннице, повышенной нервозности и нарушениях сердечной деятельности. Для кошек, по-видимому, это не просто эфирные масла. Любая кошка просто помешана на

валерьянке, от этого запаха она становится совершенно безумной, впадает в своего рода экстаз, имеющий определенное сходство с сексуальным возбуждением. Менее известен другой наркотик для муток — кошачья мята. Это растение содержит масло — гепеталактон, или насыщенный лактон, которое оказывает на кошек наркотическое действие. Если кошка найдет в саду кошачью мяту, то сразу впадет в экстаз и будет галлюцинировать под влиянием наркотика.

— Я видел, как реагирует кошка на кошачью мяту, действительно, производит впечатление пьяного животного, — подтвердил Шувалов.

— Все виды диких кошек, даже львы и тигры, реагируют на кошачью мяту. Но каждый индивидуум по-своему. Есть кошки, которых не привлекает это растение. Найдя кошачью мяту, кошка нюхает растение, затем, впадая в неистовство, начинает лизать, кусать, жевать его, трется о него щеками, подбодородком, всем телом, трясет головой, громко мурлычет, урчит, мяукает, катается по земле и даже подпрыгивает. Это длится минут десять, после чего кошка возвращается в нормальное состояние. «Неизвестный» впрыскивал в замочную скважину или в щель аэрозоль — смесь кошачьей мяты и валерианы. Кошка, если даже и предчувствовала, что ее должны украсть, шла на пьянящий запах и проскальзывала в полуоткрытую для нее дверь. Надо отметить, что с замками «неизвестный» обращался великолепно. На лестничной площадке хмельное животное засовывали в портфель или в сумку, и следы его прерывались.

— Врешь, легавый, — прохрипел Верхов, — как ты мог догадаться об этом, когда даже мы не понимали?

— Виктор Крылов, когда сидел в засаде у Надежды Молчановой, перед исчезновением кота явственно почувствовал запах лекарств. Это и натолкнуло нас на размышления о кошачьих наркотиках.

Верхов со своими дикими манерами ясно напрашивался на «урок вежливости», но сейчас Граю было не до него, он продолжал:

— Ваша коллега, хозяйка кошачьего питомника Толстая, сама о том не подозревая, подарила мне идею — как «запятнать» неизвестного жулика. Надо выставить против него дикую камышовую кошку. Елена Куклачева, которая двадцать лет работает с кошками, подтвердила предположение, сказала Виктору: домашняя кошка идет на запах валерьянки и мяты и, впад в эйфорию, становится беззащитной, дается любому в руки. Ведь она давно знает человека, не боится его. А дикая, камышовая, хоть и будет привлечена дурманящим запахом, все равно испугается человека, не дастся ему, станет прорываться на свободу. Страх у кошки — побудительная причина для бегства или защитного поведения. Кошку испугает поездка по железной дороге в коробке или ящике, испугает еще один переезд и новое помещение. Страх у кошки выражается в отказе от еды, бегстве или... в повышенной агрессивности. Так появилась идея подменить шуваловского кота — родоначальника, самого дорогого из русских голубых — на дикую кошку.

— Почему именно камышовую? — спросил Верхов, прикрыв один глаз и глядя исподлобья.

— Как самого крупного и сильного родственника нашей домашней мурки, — отвечал Грай. — Я позвонил охотоведам Астрахани, попросил поймать камышового кота и прислать самолетом. Они ответили, что поймать такого

кота можно только случайно. Недавно они отловили кошку для Гамбургского зоопарка и переслали в Петербургский зоопарк, чтобы отправить в Германию самолетом. Больших трудов мне стоило получить эту камышовую кошку, и мы поселили ее в прихожей у Шувалова. На лестнице в доме, где живет Шувалов, на трех этажах не было лампочек, разглядеть, какой вышел из двери кот, невозможно. Как я могу предположить, «неизвестный» выманил кошку, она, поняв, что ее ловят, упала на спину и стала защищаться, ударяя задними и передними лапами и кусаясь. Затем увидела, что это ее не спасет, стала, как все кошки, рваться наверх. Вы знаете, кошки, спасаясь, всегда рвутся наверх, на дерево, на забор. Я не помню, чей рассказ, давно уже читал, как охотник в степи решил затравить кошку собаками и бросил ее на растерзание псам. Кошке деваться некуда, степь ровная, и она полезла наверх по человеку, ему на голову, он ее сбрасывал, она, пытаясь удержаться, рвала ему горло и задушила его.

— Вы хотели, чтобы кот задушил человека? — спросила Надежда Молчанова.

— Это не могло произойти, но, прорываясь на свободу, кошка могла оставить метки на руках, на лице, на голове человека. Человек вынужден будет обратиться к врачу, и у нас в руках появится доказательство.

— У всех нас, кошатников, царапины и укусы. Так что вам это не поможет, — показал свои руки Геннадий Дмитриев.

Грай на его руки смотреть не стал, а повернулся к оперативникам.

— Я попрошу вас доложить, по очереди, только коротко. Начните вы, Васин.

Константин встал и вышел к столу Грая.

— У меня было конкретное задание. Я показывал фотографию сидящего здесь кассира Копейкина жене скорняка Левитина. Она опознала его и сказала, что год назад, в прошлую зиму, в конце декабря, он три раза приходил к ее мужу, и они вели переговоры о поставке кошачьих шкур.

— Пока довольно, — сказал Грай.

— Это ложь! — вскрикнул ошарашенный Копейкин, — Что за чушь вы тут несете?

— Погодите, — попросил его Грай, — немного позднее я дам вам слово, и вы будете говорить, сколько хотите.

— Еще я ходил к кошколовам, — продолжил Васин. — Они долго рассматривали фотографию Копейкина и вспомнили, что он несколько раз приходил к их бригадиру Кулагину, стоваривался отлавливать кошек, и на суде они это подтвердят. Но лучше бы им посмотреть не на фотографию, а на самого человека.

— Эти пьяницы что угодно подтвердят с вашей подачи, — наливался злой кровью массивный Копейкин.

— Спасибо, Константин, теперь, пожалуйста, вы, Сапунов.

Савелии тоже вышел к столу.

— Моя задача оказалась сложнее. Я показывал фотографию Копейкина соседям Германа Еремина. Несколько жителей и дворник сказали, что знают этого человека, он часто бывал в их доме. И, по их мнению, он был в доме, приблизительно, во время убийства. Они согласны подтвердить это.

Побледневший Копейкин беспомощно оглядывался.

— Да что же это!.. Что вы говорите? Ну, бывал я у Германа. И в день убий-

ства быт, но рано утром, рано утром! За несколько часов до убийства!

Сержант Петренко и Головатый переглянулись, и оба уставились на Копейкина. От их пристального внимания у Копейкина на лбу выступил холодный пот.

— Продолжайте, — велел Грай.

— Я привел сюда врача, к которому неоднократно обращался Копейкин по поводу сильных укусов и рваных кошачьих ран от когтей кошек. Дни обращения к врачу и похищения кошек часто совпадают. «Наводку» на врача, эту секретную информацию, нам дал один из сидящих здесь людей. Имя его, если потребуется, мй на суде можем сообщить.

Ярость и бессилие терзали Копейкина, он беспомощно оглядывался.

— Быть не может! Кто наклепал на меня? Кто? Кто?

Члены клуба смущенно переглядывались, а Верхов ухмыльнулся:

— Все, продали тебя, Копейкин, с потрохами продали...

Место тихого Сапунова занял Олег Стриж, плечистый, грудь колесом, уверенный.

— Я дал Олегу самое сложное задание, — проникнуть в квартиру Копейкина, а также в гараж и обыскать машину. — сказал Грай.

— Да как вы посмели?! — взвился Копейкин.

— И что там? — глотнул пива Верхов. Ему исследование явно доставляло удовольствие. — Может быть, Копейкин увел моего кота!

— В квартире, на кухне, я обнаружил и изъяс хлебный нож, точную копию ножа, которым был убит кошколов Куяик. Еще обнаружил выделанную шкурку кошки русская голубая, квитанцию на получение шапки из шкурки кошки, подписанную Левитиным.

Все повернулись к Копейкину.

— Ну, была квитанция, ну и что? — признался Копейкин. — А остальное педкинуто. Кто подкинул?

— В багажнике машины обнаружил несколько черных волосинок и пуговицу, предположительно принадлежащую скорняку Левитину. Волосы и пуговица отправлены на экспертизу.

Верхов встал. Прс-шсл через комнату, взял бутылку пива, принес ее кассиру клуба.

— Копейкин, ты тупой. На, выпей! Это все, что я могу для тебя сделать.

Петренко поднялся. Он перестал следить за портфелем Верховова и стал наблюдать за руками; вдруг задрожавшими, Копейкина. Сержант отцепил от пояса блестящие наручники и приготовил их, разомкнул, звучно щелкнув.

— Нет, нет, нет! — перепугано закричал Копейкин.

— Почему нет? — возразил Грай. — Да, да, да! Я прижал вас, и вам не выкрутиться.

— Нет! — взвизгнул Копейкин, вдруг повернулся к Ирине Харитоновой. — Ах ты, негодяйка: Ты решила все свалить на меня? Ты подкинула мне этот нож и шкурку. Это ты подкинула мне волосы скорняка. Ты хочешь, чтобы я за все ответил? Так нет* Я вое расскажу, все.

— Рассказывайте, мы слушаем, — предложил Грай.

Ирина молчала, окаменев, сцепив руки.

— Это она все организовала, Ирина. Она все придумала. Да, я ей помогал, доставал деньги, большие деньги, поддерживал, но кошек таскали она и Ку-

лик-жулик, бывший уголовник, мастер открывать чужие квартиры, это ему раз плюнуть. Он и Ирину научил, это она ходила к Герману и Левитину.

— Вы это можете доказать?

— Да, — дрожал Копейкин. — Я не хочу за нее си... идти под вышку.

Головатый встал, считая, что ему пора вмешаться. Но Грай зарычал на него:

— Вы дали слово не вмешиваться, пока я не кончу! У меня еще не все.

Головатый, тяжело дыша, сел.

— Признаюсь вам, этот спектакль разыгран, чтобы заставить вас, Копейкин, заговорить, — сказал Грай, — Эти люди сегодня показывали всем фотографию Ирины Харитоновой. И все, что они говорили, относилось к Ирине. Вы что-нибудь хотите сказать, Ирина?

— Нет, — шепнула она одними губами.

— Ирина! Не может быть! — шмыгнул носом Геннадий Дмитриев. — Не может красивая женщина сотворить такую гадость. Ирина, да скажи ты им!

Верхов повернулся к Дмитриеву, посмотрел на него водянистыми глазами:

— А я говорю, может, Ирина все может. Она стальная баба, не то, что ты — хлюпик, понял?

— Виктор, приведи врача, — велел Грай.

Я привел ее и представил:

— Личный врач Ирины Елена Стешенко.

Все посмотрели на Ирину и снова на вошедшего врача. Ирина сидела с полуулыбкой, не дрогнула, не изменилась в лице.

Савелий встал:

— Я нашел Елену Стешенко и объяснил ей: или она расскажет о том, что было вчера ночью, или становится соучастницей трех убийств.

Сержант Петренко засопел у двери.

— Простите, Ирина, — извинилась Стешенко, — я не знала, что стоит за этой раной. Вынуждена признаться... Этой ночью в половине двенадцатого ко мне домой приехала Ирина Харитонова, в крови, на голове у нее рваная рана. Она объяснила, что приобрела нового кота, у того злобный характер, и они поспорились. Я обработала рану, наложила два низа.

— Что скажете? — спросил Грай Ирину.

— Ничего, — прошептала она. — Послушаю.

Врач села на свободный стул.

— Пригласи шофера, Виктор, — велел Грай.

— Да, — согласился Верхов, — хватит нам слушать гадости, пора домой. — Встал, подумал и, пошатываясь, сходил за новой бутылкой пива.

Скуластый шофер, Борис Филиппов, войдя в кабинет, сразу заметил среди сидящих на диване Харитонову и простуженным голосом заявил:

— А чего мне скрывать? Я чужого никогда не брал. Я лучше свое отдам. Да, нанимали меня, а почему не заработать лишнюю тысячу? Возил я кошек из Петербурга под Лугу. Возил.

Верхов взял бутылку, как гранату.

— Так это из твоей машины удрал мой кот?!

— Да, я немного не довез его до Луги. Он жалобно мяукал, я решил покормить его. Ну, кот и сиганул.

Верхов, прищурив глаз, прицелился бутылкой в шофера. Я встал, полагая,

что придется вмешаться. Но Верхов сделал три длинных вдоха, неожиданно успокоился и пригрозил:

— Мерзавец, хорошо, что здесь нет моих сыновей, а то бы тебе не добраться до дома.

Грай посмотрел на меня, и я привел Ольгу Земцову.

— Я нашел ее под Лугой, она там живет, — пояснил Константин Васин. — Работает на звероферме, разводит песцов. Она троюродная сестра Ирины Харитоновой. Около своего дома, в сарайчике, довольно уютном и просторном, по просьбе Ирины поставила несколько клеток со зверофермы и завела кошачий питомник. Дело ей знакомое, да и корм под руками. Сейчас за кошками ухаживает ее дочь. Кошек я не трогал, потому что, изъятые оттуда, они перестают быть уликами.

— Это так? — спросил Грай.

Ольга опустила глаза:

— Так.

— Сядьте, — попросил се Грай. Достал из стола и показал рисунок. — Вот еще одно доказательство — письмо Анны Толстой. Мы нашли к нему ключ — белый кот дерется с песцом. А ниточка идущая на юг — дорога на песцовую звероферму под Лугой. Карты показывают дальнюю дорогу. Кому? Сами догадайтесь.

Надежда Молчанова закрыла лицо руками, всхлипнула тихонько:

— Бедный Герман, бедный Герман!

Геннадий шмыгнул носом.

— Я в это не верю, хрупкая женщина свалила трех здоровенных мужиков, нет, я не верю. Ирина, да скажи ты им!

Она была хороша в этом свитере, я только теперь разглядел, как она хороша, она сильно на меня действовала.

— Ирина, вы не хотите со мной говорить? — спросил Грай.

— Только через юриста, — чуть слышно произнесла она и посмотрела на Юрия Яковлева.

Круглое лицо Яковлева стало задумчивым, он изрек:

— Ирина?.. Она как кошка, которая не подчиняется человеку, живет сама по себе и может быть опаска. Я — нет!

Ирина пожала плечами.

— Найдется другой юрист.

Верхов осоловело разглядывал Грая и вдруг заявил:

— Ты все врешь, однорукий сыщик. Такой кошки нет, чтобы не поддалась Ирине. Ты сам ее укусил. Признайся?

Шувалов встал и продолжил рассказ Грая:

— После короткой борьбы у моей двери камышовая кошка все-таки вырвалась и убежала. Я не знал, куда — наверх, на чердак, или вниз, в подвал. Дом наш построен кольцом, с двором внутри, и я полагал, что она не уйдет из него, спрячется где-то в нем. Пока я размышлял, к» к ее искать, в дело вмешался Елисей. Незнакомка из Астрахани произвела на него сильное впечатление, и кот потерял голову, помчался ее искать. С фонариком в руках я бросился за ним. Елисей направился наверх. Дверь на чердак оказалась открытой. Кошка сидела, затаившись в углу, Елисей орал рядом: «Вот она!»

Я принес и поставил близко к ней клетку, в которой она приехала, и поло-

жил в нее мясо. Кешке было страшно, и она сама вместе с Елисеем вошла в клетку.

— Это сказка, — не выдержала доктор.

— Я знал, что вы захотите посмотреть, принес ее сюда. Мне разрешили поставить клетку в кладовой.

Шувалов принес искусно сделанную клетку.

— Обычно кошек пересылают в ящике с дырками. Но для Гамбурга постарались.

Шувалов откинул боковые фанерки, и мы увидели кошку — изящную, высокую, крепкую. Наши кошки были просто кошки, а по ней видно — она дикий зверь.

Вместе с ней сидел шуваловский Елисей.

Шувалов спросил:

— Может быть, вы захотите поближе познакомиться? — и открыл дверцу клерки.

Елисей тут же выскочил, а кошка сидела, прижавшись к задней стенке, и выходить не желала.

Елисей вернулся, таща в зубах кусок колбасы, занес в клетку, отдал и стал ухаживать, обнимал и целовал кошку в голову.

Следом за котом явился Бондарь и, удивленный, остановился у дверей.

Ирина смотрела, не отрываясь:

— Так вот почему я не смогла справиться — это не кошка, а дикий зверь, — и, вдруг опомнившись, зажала себе рот ладошкой.

Грай посмотрел на Головатого.

— У меня все.

Ирина поднялась с дивана. Она все-таки была очаровательна.

— Я выйду у меня там в машине... — и пошла к двери мимо меня. Я смотрел на нее и не двигался. Но в дверях уже стоял мрачный сержант Петренко.

Ирина остановилась, повернулась к Граю:

— А что потом?

Грай потер щетину на подбородке.

— Потом будет суп с котом. Давайте посмотрим, какие у нас доказательства?

У меня вдруг появилось ощущение тревоги. Я взглянул на окна. Они выходят на две стороны, и в щели между шторами можно увидеть все, что происходит в доме. Окна высоко, с земли не заглянуть, но если подставить хотя бы ящик — мы как на ладони.

Был ли кто-нибудь там за окном, в морозной темноте, я не знал. Но ощущение тревоги не проходило. Откуда оно взялось? Не ошибаюсь ли я?

Попробовал прокрутить недавние события, свои ощущения. Когда я встречал первого нашего оперативника и вышел на крыльцо, заметил как внизу, на шоссе, метрах в трехстах от дома, остановились белые «Жигули». Никто из них не вышел. Когда встречал второго — свет в белой машине не горел, из нее могли вести наблюдение за нашим домом. Может быть, кто — то из приглашенных явился с прикрытием, или за кем-то увязался «хвост»?

Когда встречал третьего — машина стояла там же. А по дорожке, что шла мимо дома, удалялись двое молодых людей, одетых примерно так, как одеваются оперативники и боевики — легко и тепло. Это могли быть просто прохо-

жие, а могли быть и наши недавние незваные гости. Если это они, то второй раз свалить дурака я не желал.

Встать и на виду у всех задернуть шторы нельзя — зачем рассказывать о своих подозрениях? На листке из блокнота набросал: «Посмогрю около дома». Приоткрыл ящик стола, вынул пистолет Макарова, прикрывая его ладонью, сунул в боковой карман пиджака. Поднялся, положил записку на стол Грая. Он прочитал, вскинул на меня глаза, мол, что-нибудь серьезное? Я чуть пожал плечами — и сам не знаю.

Большим пальцем показал Савелию Сапунову, мол, займи мое место за столом, и вышел в прихожую. Сквозь стекло иллюминатора, вмонтированного во входную дверь, осмотрел освещенное фонарем крылечко. Никого не увидел.

У тех шустрых ребят, которые недавно посетили наш дом, были женские чулки на головах. Ожидая повторного визита, я приготовил на всякий случай сюрприз — купленную в детском магазине кошачью маску. Она была то, что надо, я после магазина надел ее и заглянул на кухню — Бондарь по-настоящему испугался. После этого я подрисовал ее фосфором — шутить так шутить.

Бондарю сказал:

— Пойду посмотрю около дома.

Надел кожаную на меху куртку Грая — она теплая и не сковывает движения. Тихонько открыл заднюю дверь дома и выскользнул в стылую темноту. Постоял, прижавшись к стене. Три яблоньки в нашем садике нервно подрагивали ветвями от колючего ветерка. Снег предательски поскрипывал под ногами. Стараясь производить меньше шума, прижимаясь к стене, двинулся направо. Если они заглядывают в окна, можно подобраться к ним с тыла, прикрываясь крылечком.

Завернул за угол, прокрался под окнами библиотеки. Бросил на снег перчатки и шагнул по ним, чтобы снег не так скрипел. Присел и выглянул. Те же двое, и снова в женских чулках на голове! Крылечко не дает им увидеть меня. Одни стоит «на стреме» — спиной к дому, рука в кармане. Другой забрался на что-то и заглядывает в окно, в руке длинновольный пистолет с набалдашником на конце — глушитель надел, чтобы стрелять спокойно и не раздражать лишним шумом окружающую среду.

Я почувствовал себя плоховато: трудно иметь дело с двумя опытными вооруженными людьми. Если даже начать первому и бить на поражение, одному с двумя не справиться — второй тебя обязательно застрелит. С такого расстояния не промахнешься. Что же делать? Куртка хоть и теплая, а неподвижно на морозе долго не прстоишь — руки-ноги перестанут слушаться.

В кого же он хочет стрелять? Грай стоит к нему лицом и хорошо виден. А бандит ерзает у окна, заглядывает вбок, значит, намерен убрать кого-то из свидетелей? Может быть, получил приказ ликвидировать самого убийцу? Ишь, как шею тянет, высматривает.

Может, позвать своих на помощь? Но тогда наверняка начнется стрельба и кого-нибудь ранят или, не дай Бог, убьют. Нет, надо самому действовать, это ведь ты, Виктор Крылов, два года служил в полковой разведке, это твое дело сидеть в засаде и часового снимать. Поэтому наблюдай, разведка, еще раз наблюдай и думай.

Ага, первый спустился на землю, у него самодельная лесенка из металлических трубочек, значит, они готовились.

Первый пошел В лесенкой за угол. Второй остался здесь, но ему тоже хочется видеть, что там, за углом? Мелкими скрипучими шажочками он начал продвигаться к углу. Ага, вот мой шанс. Я сбросил ботинки. Хоть и шерстяные носки, но ноги обожгло холодом, словно кипятком. Ничего, терпи. Минут десять ноги будут слушаться, пока не застынут.

Снег уже не скрипит под ногами, я двигаюсь беззвучно, стал неслышным. Один бросок — и я уже за крылечком. Шажочки того, второго, стихли — он остановился, оглядывается. Снова заскрипел снежок — двигается дальше. Я поднялся из-за крыльца и, в такт его шагам, в ногу за ним шагая, сделал несколько больших шагов. Вот его спина, затылок. Он на полголовы пониже меня, но коренаст, крепок. Наверное, это он недавно угостил меня обрезком трубы и проломил бы голову, не уклонись я вовремя. Шишка на голове, весьма болезненная, не прошла до сих пор. К тому же следовало действовать наверняка — ведь он пришел теперь не с трубой, а с пистолетом. Поэтому, может быть, я слегка перестарался. Ладонью зажал ему сразу нос и рот, чтобы он даже не фыркнул. Деликатничать некогда, рукояткой пистолета ударил под шапку, в правый висок. Он обмяк и стал неприятно тяжелым.

Как я ни старался, а небольшой шум все же произошел. Скрип снега сказал мне, что бандит за углом насторожился и в любую секунду может выскочить.

Прямо на женский чулок я надел своему обмякшему гостю страшную маску из детского магазина, неслышно ступая, подтащил к углу и прикрылся им, держа сзади за куртку. Ноги горели от холода, но я этого уже не замечал. Ветер завывал в замерзших ветвях деревьев, тучи ползли по небу, вечер становился зловецим, как вся эта наша кошачья истерия.

Он легко выпрыгнул из-за угла — ноги напряжены, пистолет у груди сжат двумя руками: готов стрелять и драться. Но его неожиданно встретил гость с безжизненно повисшими руками и с головой, превратившейся в кошачью: сверху торчат уши с кисточками, оскалены страшные белые зубы, вокруг глаз светящиеся круги, усищи торчат в обе стороны! И этот то ли покойник, то ли сам сатана, вдруг приподнялся над землей, издал жуткий кошачий вопль и, не шевеля безжизненными ногами, поплыл на него по воздуху.

Все кошатники суеверны. И этот оказался не лучше других. Секунду-другую постоял в оцепенении, затем тоненько взвыл: «А-а-а-а»... и бросился бежать без оглядки. Мы пробежали метров, сто, прежде чем я сумел его догнать. Оба упали в снег, и он стал бешено сопротивляться. Но я все же вывернул ему руку и вырвал пистолет. Вскочил и прижал коленом к земле. Теперь его следовало выпотрошить, пока не пришел в себя, так, как меня учили во взводе разведки.

— Вы ворвались в наш дом! — зарычал на него. — Издевались над стариком Бондарем. Капитан не выдержал и умер, а он был мне как отец родной! Нет тебе прощения, ты умрешь сейчас как собака, готовься, жить тебе осталось минуту! Твой напарник уже труп, сейчас и тебе конец. Я убью тебя из твоего же пистолета, убью, защищая свой дом, и мне ничего не будет!

Я выстрелил около его головы так, что пуля задела правое ухо — пусть слушает голос смерти.

— Кто убил Германа Еремина, кто?

Я сервал с него чулок — да это же узкогубый джинсово-кожаный нахал Сергей Сергеев из «Котофеича»!

— Так это ты, сволочь, хотел меня убить и ударил трубой по голове?!

С Нет, не я, — сжался Сергеев, — это мой напарник.

Ага, начинает говорить, усилим нажим!

— С тем я уже рассчитался, он стынет на снегу с кошачьей маской на морде. Теперь твоя очередь. Кто убил Германа Еремина? Если хочешь жить — говори!.. Боишься рот открыть? Вас уже выдали, обоих. Поэтому я устроил вам веселую встречу с проводами на тот свет. Ты больше никому не нужен, твое признание опоздает. Хочешь умереть дураком? Умирай.

Снова выстрел, у другого уха, снова он глотнул порохового дыма.

— Кто убил Германа Еремина?.. Я сейчас с тобой покончу, и мне спасибо скажут. Ты убил? Кто? В последний раз спрашиваю!

— Ирина, — выдавил из себя Сергеев.

— Кто задавил скорняка Левитина?

— Она же.

— Кто зарезал кошколова Кулика?

— Все она.

— Сейчас в доме ты повторишь это при всех и тогда, поганая душа, останешься жить.

Я почувствовал, как нестерпимо горят, немеют и перестают слушаться ноги. И понял, что до дома уже не дойти. Опираясь на Сергеева, поднялся. Он тоже встал. Если бы он сейчас толкнул меня и убежал, мне пришлось бы до дема ползти. Но Сергеев заморожено смотрел на ствол пистолета. Я развернул парня, ни слова не говоря, взгромоздился ему на спину и приставил ствол к подбородку. Второй рукой слегка сжал горло, чтобы уменьшить доступ кислорода.

Бондарь уже ждал у раскрытой двери, и Сергеев, хрипя, втолкнул меня в кабинет. Наше появление вызвало небольшой переполох. Измученный, переставший соображать, сломленный Сергеев посадил меня на стол Грая. Я ткнул ему стволом в спину.

— Кто убил?..

И Сергеев опять три раза повторил: «Ирина».

— Вот мое доказательство, — сказал я Граю. — Рядом с крыльцом приходит в себя еще одно.

— Неплохо, — сказал Грай.

Головатый выхватил у меня из рук пистолет:

— Заряжен?..

Верхов подпрыгнул на диване:

— Так это ты, Ирина, украла моего кота, мать... Ну, жди, скоро у тебя руки отсохнут!

Секретарь клуба Надежда Молчанова выпрямила спину, сбрасывая с плеч груз страха, красивым движением головы попыталась забросить за спину несуществующую толстую русую косу:

— Вот так мафия? А я до сих пор с топором под подушкой сплю.

Юрист Яковлев пожевал губами, заметил:

— На «вышку» тянет.

Дмитриев потер свой длинный нос и не согласился:

— Красивых девушек нельзя «под вышку». Ее надо сослать на каторгу — в Австралию... или на Сахалин. Пусть там местных кошек разводит.

Шувалов тяжело вздохнул:

— Я же говорил: жулики и воры считать не умеют — воровать и убивать — себе дороже.

Хмурый Петренко молча втащил в комнату второго бандита с кошачьей маской и чулком на голове, уже пришедшего в себя и начавшего озираться. И так же молча Петренко защелкнул три пары наручников.

Милицейская машина увезла арестованных, и наши клиенты разошлись. Дело было закрыто, гонорар заработан, можно расслабиться. Но... напряженке, в котором жил последние дни, не проходило, в голове звучал колокол — кто-то явно звал на помощь. Я не находил себе места в доме.

— Подышу немного воздухом, — сказал Граю и вышел на улицу. Постоял перед домом и потихонечку пошел, сам не зная куда. Через четверть часа вдруг обнаружил, что прошел под трамвайным мостом, что с одной стороны мостик через речку Красненькую, с другой вентиляционный участок метро, заросший кустами и деревьями.

Остановился, стараясь понять, зачем я здесь? В двадцать два часа?! Пока вертел головой, услышал легкий шорох. На дорогу из кустов вышла серая кошечка с двумя котятами, уже довольно большими. Показалось, кошка узнала меня. Удивился — откуда? Хотя у кошек хорошая память, она могла видеть меня, когда я был здесь с Шуваловым и потом, когда ловил кота Шлагбаума.

Решил — это подружка и дети убиенного мною животного. Но что они здесь делают, дрожа от холода? Заглянул в куст — на месте, где они сидели прижавшись друг к другу, в снегу темнела проталина, значит, они сидели там по меньшей мере часа четыре! Я ахнул — неужели вечер за вечером кошка ждала меня?

Кошка мяукнула, направилась к дому. Я пошел за ней вместе с котятами. Мы пришли в парадную, именно ту самую. Теперь уже я понял; куда меня ведут. Поднялись по лестнице на девятый этаж. Кошка нырнула в приоткрытую дверь чердака и позвала меня из темноты. У меня не было фонарика, но я знал, что она сидит у вентиляционного колодца, куда упал ее дружок.

Но кошка со своими котятами выбежала следом и завывала так громко, что невольно открыл глаза — да что с ней? Кошка надрывалась, зовя меня, и котята жалостливо попискивали тоненькими голосами. Пересилив усталость, я поднялся снова на чердак, вошел в темноту и, вытянув вперед руки, нашарил бетонный край вентиляционного колодца. Нагнулся и... вдруг услышал донесшееся далеко снизу жалобное: «Мя-я-у-у... Мя-я-у-у...»

Сон мигом слетел — неужели это мой кот Шлагбаум? Пролетел десять этажей в полном мраке, упал на бетон, сумел остаться живым, пришел в себя, сидит там голодный, без воды, и кричит из последних сил, зовет на помощь?

Голос снизу, из бездонного колодца стал отчаянным, видно, кошка сказала дружку, что я пришел, и котофеич боялся, что снова уйду. Но как помочь животному?

— Подожди, сейчас что-нибудь придумаю! — крикнул я в колодец и побежал вниз, размышляя, что можно сделать. Первым делом решил найти дворника и спросить, кто отвечает за вентиляцию в этом доме. Квартиры дворников обычно расположены на первых этажах, поэтому пошел из парадной в парадную, надеясь догадаться или спросить у кого-нибудь, где живет дворник.

Тут мне повезло. Как говорится, на охотника и зверь бежит. В четвертой парадной услышал стук, словно стену долбили. Потянул незапертую дверь и во-

шел. На кухне увидел дворничиху, которую узнал по красной безрукавке, утомленную и злую. Курчавый парень, скаля мелкие зубы, огромным молотком пробивал в стене дыру. Еще один мужчина, хозяин квартиры, судя по всему, наблюдал за его работой.

Дворничиха увидела свежего слушателя, пожаловалась: — Собака упала в вентиляцию. И нет, чтобы разбиться, осталась жива, скулит третью неделю. Скулит и все, хозяин сон потерял. А как ее вынешь? Вот пришлось стену долбить.

Курчавый оттер пот со лба, собачонка попыталась просунуть морду в дырочку.

— Принесите миску с водой и чего-нибудь поесть, а то она кинется на нас, — велел он хозяину квартиры. Тот мигом притащил тазик с водой, поставил у стены тарелку с супом.

Курчавый сделал несколько мощных ударов, куски бетона отлетели, и жалкая дворняжка, исхудалая, с поджатым животом, выбралась наружу. Сразу кинулась к воде и жадно-жадно глотала, так что бока стали раздуваться. Потом заметила тарелку с супом и отдала ему должное.

Курчавого звали Володя, с улыбкой поглядывая на собачонку, он собирал инструмент в рюкзак. Володя оказался специалистом по вентиляции. Я сказал ему, что в соседней парадной произошла такая же история с моей кошкой.

— Ты в какой квартире живешь? — взвилась дворничиха. — Я тебя первый раз вижу!

Володя перестал улыбаться.

— Уже ночь, давай отложим на завтра.

Ни уговоры, ни деньги не действовали на него.

— Я встал сегодня в пять утра, пообедать не удалось. И такой подарок к ночи. Поверь, у меня нет сил.

— Сам стену проломлю, только покажи, где бить, — умолял я. — Там сидит кошка с котятами и плачет настоящими слезами. Видно, он сказал им, что умирает.

— Ладно, только долбить стену сам будешь.

Не знаю, пожалел он кошку или меня, но пошел. Дворничихе я сунул в руку пять бумажек по пять тысяч, она забрала собачонку и поплелась за нами.

В парадной нас встретила кошка с котятами. Дворничиха положила собачонку к батарее и позвонила в дверь. Открыл мужчина в пижаме и круглых очках. Выслушал нас и ехидно усмехнулся:

— Да, мяукает кошка где-то за стеной. А дыру долбить я не дам из-за такой ерунды. Потому — пробить легко, а кто заделывать станет? Потом примешь хлопот с дырой.

Посмотрел на нас ласково и успокоил:

— Не переживайте за меня, я затыкаю уши и сплю спокойно. А кошка уже едва пищит, видно, скоро сдохнет, — и захлопнул дверь.

Я взглянул на Володю:

— Что станем делать?

Он сердито махнул рукой:

— Я пошел спать.

Мы с дворничихой поднялись наверх. Она знала, где выключатель и на чердаке загорелась тусклая лампочка. Из глубины трубы не доносилось нм

звука. Но кошка с котятами сидела рядом и молча ждала.

Иногда мы находим решения на доньшке отчаяния.

— У вас длинная вереска есть? — спросил я дворничиху. — Еще нужна корзинка и кусок колбасы.

Минут через двадцать она принесла этот набор на чердак. Я положил в корзинку колбасу, привязал к ручке конец длинной тонкой веревки и стал спускать в колодец. Что происходило в гнем, нам не было видно, но я все понимал по натяжению веревки и комментировал:

— До дна дошла... Кот учуял колбасу и лезет в корзинку... Подымаю... Испугался, дурачок, выскочил... Больше в корзинку не хочет — кошки боятся высоты, — и вытащил пустую корзинку.

— Что же теперь делать? — недоуменно развела руками дворничиха.

— А что кошки еще боятся?... Воды. Сообразим?

Мы сходили в ближайшую кваотиру и принесли два ведра воды. Я хотел не раздумывая ливануть, но был остановлен:

— Кота зальешь... Лей потихонечку, по стенке.

Снова взялся за веревку.

— Ага, кот уже в корзинке... Сидит крепко, воды боится.

Я вытащил корзинку и поставил на пол. Кот выбрался на пол, ошалело оглянулся.

Отлежится, придет в себя, — констатировала дворничиха. Из кармана достала еще один кусочек колбасы и положила на рукавицу.

Кот, не теряя достоинства, принял легкий ужин, кошка вылизывала ему взъерошенную шерсть, котята гонялись друг за другом — беда миновала.

Я попытался дать дворничихе еще денег, но она отмахнулась.

— Я жалею кошек. Без них дом от крыс пропадет.

— Это новая, невиданная порода — Шлагбаум, весь мир скоро ахнет, когда увидит.

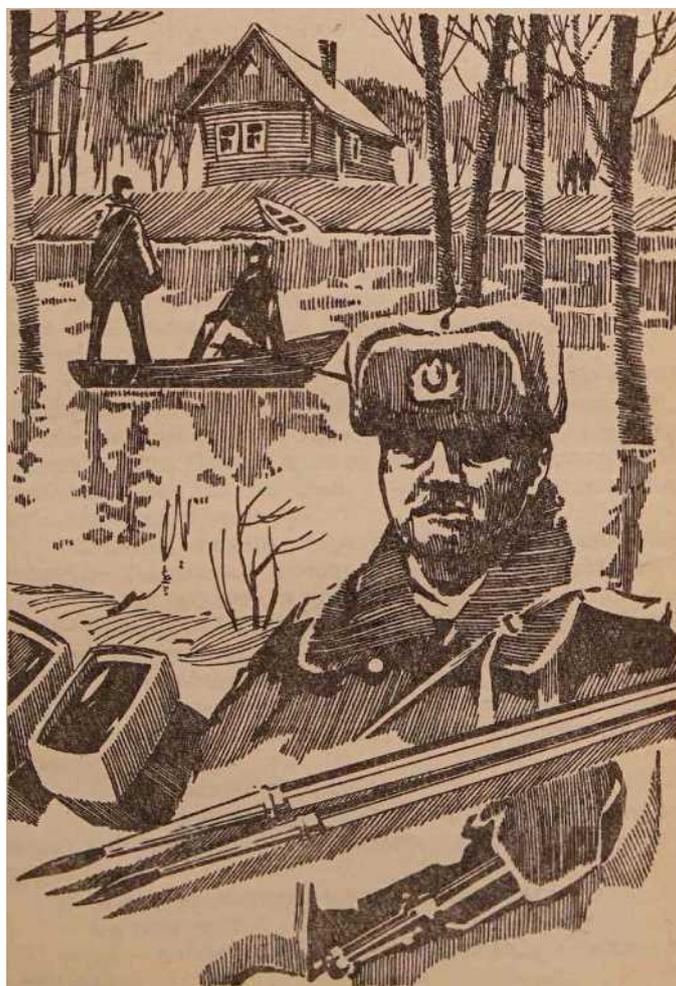
— Для меня кот, он и есть кот, — строго сказала дворничиха и быстро собрала нехитрый инструмент.

Мы вышли на улицу в жуткую ночь с режущим северным ветром. Без друзей в такую ночь страшно. Я представил себе кардинала Ришелье, который хорошо это понимал и имел четырнадцать друзей — котов, он оставил котам впечатляющее наследство. А вот Наполеон этого не мог понять, его при виде кошки прошибал холодный пот. Но все было не то, не мое. В душу мне запал Шлагбаум. Сумею ли я завоевать дружбу своего диковатого уличного кота?

Услышав сзади шорох, оглянулся. Следом за мной, расставляя лапки пошире, чтобы не сдул ветер, шел Шлагбаум со своей верной подружкой и двумя котятами, распушившими от холода шубки.

СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА

СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА

Глава I

Наш кирпичный дом на проспекте Стачек, где мы жили втроем: Ярослав Грай — владелец детективного агентства, я — Виктор Крылов, его помощник, и Алексей Бондарь — хозяин дома, он же повар, в этот весенний день 22 апреля напоминал крепость, находящуюся на военном положении. Только военные действия проходили внутри ее.

Я говорю об этом с горечью, но не для того, чтобы поведать вам, какой скверный характер у Грая, а пояснить, каким образом у нас в доме могло появиться сразу два новых жильца. Причем один из них, иностранного происхождения, был тих, спокоен, другой, наш соотечественник, взволнован, напуган.

Накануне, ближе к вечеру, в кабинете, где обычно мы с шефом занимаемся делами, раздался телефонный звонок. Я бодро произнес в трубку:

— Частное детективное агентство Ярослава Грая. У телефона Виктор Крылов.

— Я бы хотела поговорить с самим Граем. Это возможно? — прошепелявила слабым голосом дряхлая старушка, у которой не хватало, как минимум, четырнадцати зубов.

— О чем, можно спросить?

— Я слышала, что Грай собирает старинное оружие, и хотела побеседовать с ним о стальном рыцаре Жане де Ален-куре.

Подумав две секунды, я поинтересовался:

— Он тяжелый?

— Да, — восхищенно ответила старушка, — С места не сдвинешь.

— Хотите я дам телефон базы металлолома? Там наверняка предложат больше.

— Его нельзя отправить на Кировский завод и переплавить в танк, — обиделась старушка. — Это старинная французская работа, произведение искусства.

— Боже мой, где он у вас размещается?

— В передней, в большой комнате с высоким потолком.

Я начал понимать, чем грозит звонок, и стал искать выход.

— Как же вы решились с ним расстаться?

— Дом на капитальный ремонт идет, мне предлагают комнату в коммуналке. Туда его не возьмешь — тесно. Бот я и решила отдать Жана в хорошие руки.

— Может, его лучше в банк определить? Там ему предложат сторожить входную дверь, дадут оклад. Вокруг постоянно люди — весело. А у нас умрет от скуки, здесь его развлекать некому.

— Пять лет назад, — гордо заявила старуха, — у меня его Эрмитаж хотел купить. Но я не отдала, потому что де Аленкур привык к частной квартире. Ваш дом я видела. Там ему понравится.

— На нашем счету в банке совершенно нет денег. Мы не можем предложить вам ни рубля.

— Вы меня не поняли, — судя по донесшимся всхлипам, старушка заулыбалась. — Я рыцаря не продаю, а дарю. Денег ни ему, ни мне не надо. Жан де Аленкур станет у вас входную дверь сторожить. Больше он ничего не может.

Биться на турнирах ему незачем, копьё давно потерялось.

— С кем ты так долго говоришь? — спросил шеф, оторвав взгляд от бумаг и нажимая кнопку селектора, стоящего на тумбочке рядом со столом.

Выслушав старушку, он спросил:

— Это... Жюнкьен Гитар?

— Да, — перебила она. — Доспешник из Бордо, четырнадцатый век. Неувядаемая красота.

— Я чувствую, вы не крепкий ходок, — крикнул в селектор Грай. — Сейчас же начинайте движение к входной двери. Мы уже выезжаем.

Шеф поднялся из-за стола, коротко приказал:

— Немедленно в путь, пока старушка не позвонила еще кому-нибудь. Таких лат во всем мире осталось шесть единиц. Машина у нас в порядке?

Я сходил в гараж, взял нашу старенькую «Ниву», принадлежащую Граю, привел к дому. Шеф молча сел на переднее сиденье, и по проспекту Стачек, по лабиринту улочек мы добрались до моста Лейтенанта Шмидта.

На мосту шеф не выдержал:

— Впереди нет машин, прибавь же скорость!

— Нельзя, — отрезал я. — Колесо отвалится.

Мой начальник обиженно засопел, потому что за увеличение нашего счета в банке отвечал непосредственно он, а я ему уже все уши прожужжал о необходимости покупки новой машины.

Кое-как мы докатили до Девятой линии, остановились у дома тридцать четыре, где на третьем этаже жила уникальная старушка, звали ее Берта Григорьевна. В большой прихожей со стеклянными дверями среди старых окованных железом сундуков стоял самый что ни на есть рыцарь в шлеме с закрытым забралом. Костяшками пальцев Берта Григорьевна постучала по металлической груди, отозвавшейся гулкой пустотой.

— Внутри, конечно, ничего нету, но по внешнему виду не понять. — Старушка придирчиво посмотрела на Грая и даже потрогала его черную кожаную куртку. — Вы понравились Жану де Аленкуру, он согласен пойти с вами, — и пожалала на прощание металлическую перчатку.

Дом шел на ремонт, и лифт оказался отключенным, коня у рыцаря не было, поэтому он великодушно согласился прокатиться на мне. Я крикнул, взвалил путало на спину и, ни разу не уронив, дотащил до низа. Рассмотрев рыцаря при уличном свете, Грай пришел в восторг:

— Представь себе эдакое чудище с копьем в руке на тяжеловозе, покрытом кольчугой с броневыми листами... Он ехал сквозь чужую пехоту, как тяжелый танк, и прокладывал в ней дорогу.

Кататься верхом на машине Жан не умел, и я изрядно повозился, пока согнул ему проржавевшие члены и усадил на переднее сиденье. Кстати, в машине он смотрелся неплохо. Люди подходили с открытыми ртами, таращились, удивлялись:

— Совсем как живой.

Когда вернулись домой, то втроем занесли нового жильца в библиотечку-мастерскую, положили на верстак.

— Музейная вещь, — похвастал Грай. — Сама в руки пришла. А вот тебе, Виктор, никто даже старой подковы не предложит. — Жило переоделся, натянул комбинезон, приготовил керосин, тряпочку, корщетку, машинное масло и

немедленно начал надраивать рыцаря.

Нас с Бондарем он больше не видел и не слышал.

«Зачем мне в городе подкова? — подумал я. — Если только к дверям прибить?», — но насмешку хорошо запомнил.

— Как думаете, сколько времени потребуется, чтобы оживить железного покойника? — спросил я Бондаря. — Ведь вы же были капитан-директорсм большого морозильного рыболовного траулера, вам приходилось стоять на судоремонтном заводе.

— Обрати внимание на татуировку рыцаря. Это же резьба по металлу... Если начать ее прочищать, на это уйдет уйма времени.

Бондарь приуныл.

— Счет в банке тает. Клиента у вас нет. Виктор, придумай что-нибудь.

Обстановка в доме накалилась. На следующий день и завтракал, и обедал Грай торопливо, ни о чем другом, кроме рыцарских войн и турниров, говорить не желал. Мы с Бондарем не отвечали, старались молчанием погасить оружейно-коллекционный зуд. Но в данный момент мы шефа интересовали только как слушатели.

После обеда я один сидел в кабинете и мрачно смотрел в окно. Как заставить Грая взяться за дело? Теперь, пока не вычистит своего монстра, он станет отказывать всем клиентам.

Корабельный колокол звякнул у входной двери, прервал мои горестные размышления. Не дожидаясь, пока Бондарь выберется из кухни, я поспешил в прихожую и, не глядя в иллюминатор, вмонтированный в дверь, распахнул ее.

Молодая женщина с дорожной сумкой у ног стояла на нашем крылечке и, улыбаясь, смотрела на меня. Розовый плащ, небольшая шляпка под персик, пушистые волосы красноватого оттенка и огромные светло-карие глазищи на симпатичном лице — вот что я увидел. Незнакомку я назвал про себя Золотей рыбкой и полюбил с первого взгляда. Дорожная сумка сказала мне, что женщина приехала издалека, может явилась к нам с вокзала, и если сна поспешила прямо к Граю, то дело должно быть стоящее. Хорошая деловая перспектива всегда вызывала у меня прилив сил.

Прежде всего следовало позаботиться о возможной клиентке, и я улыбнулся как можно шире, показывая всю свою доброжелательность.

— Именно так я представляла себе вас, — в ответ усмехнулась гостья. — Вы — Виктор Крылов, боксер, отважный армейский разведчик, девушки от вас без ума, не правда ли? Не могли бы вы взять сумку, она уже изрядно оттянула мне руку.

Либо ее кто-то хорошо проинформировал, либо она читала мои рассказы о Грае. Я подхватил сумку гостьи, поставил под вешалку, помог снять плащ и повесил на крючок.

Ее глаза начали изучать меня.

— Я должна видеть Ярослава Грая, но прежде мне хотелось бы посоветоваться с вами, Виктор, можно?

Я не возражал. Но сияние, исходящее из ее глазищ, обволакивало, поглощало, гипнотизировало, пьянило. Я почувствовал, что если дам себе волю, то непременно улечу в эти бездонные глаза и окажусь где-нибудь на другой планете, которая называется Рай, — такой магнетизм исходил из ее глаз.

— Вы меня слышите? — спросила женщина. Она явно лукавила. Наверняка все молодые мужчины, встречающиеся на ее пути, немели, очарованные ее глазами и обаянием. Она должна была привыкнуть, а может, даже и пользовалась этим.

Приложив некоторые усилия, я очнулся, проводил гостью в кабинет, усадил на наш большой кожаный диван, на центральное место, обозначенное двумя валиками.

— Вы в нашем доме бывали прежде? Я вас не помню.

— Нет, не была. Про вас мне рассказывал лейтенант милиции, поэтому и пришла в ваш похожий на крепость дом.

Она неторопливо оглядела кабинет, задержала внимание на стендах со старинным оружием.

— Наверняка в агентство часто обращаются с необычными просьбами, вас ничем не удивишь.

— Я предпочел бы приятное удивление. Но теперь это редко случается. Жизнь пошла торопливая, деловая. У каждого свои проблемы, которые хочется побыстрее решить.

Женщина отвела взгляд от коллекционного оружия, взглянула на меня.

— Могли бы вы предположить, с чем я к вам пришла?

— Этого даже Грай не может, ведь мы не ясновидящие. Но если смогу помочь подготовиться к разговору с шефом, то я вас внимательно слушаю.

— Вы мне позволите отдышаться с дороги, и, если можно, чашечку чаю покрепче.

Я подошел к селектору, нажал кнопку внутренней связи и попросил Бондаря принести чаю с рюмочкой коньяка.

Приглядевшись повнимательнее, я заметил, что посетительница несколько нервничает. Конечно, к нам никто не заходит просто так, чаю попить, у каждого свои заморочки.

Через две минуты вошел Бондарь и на подносе подал гостье чай, вазочку с печеньем и рюмку коньяка.

— Спасибо за внимание, — поблагодарила гостья. — Глоток коньяка меня поддержит.

Я сел за свой стол, достал из ящика блокнот и ручку.

— Если у вас какое-то дело и вы хотите подготовиться к разговору с Граем, то я к вашим услугам.

— Вы как тигр, готовы вцепиться в жертву, — усмехнулась она. — Дайте же мне минуту-другую прийти в себя.

Она взяла в руку несколько печенюшек, подошла к окну и, раскусывая их, стала запивать чаем. Сама же стала внимательно глядеть в окно, как бы высматривая кого-то. Не пойму, почему я решил, что наша гостья сегодня осталась без обеда. Когда с печеньем и чаем было покончено, она неторопливо взяла рюмку и выпила ее у другого окна, оглядывая вторую сторону улицы. Я терпеливо ждал.

Зеркала в кабинете не было. Посетительница посмотрелась в оконное стекло, поправила прическу.

— Теперь чувствую себя гораздо лучше.

— Я рад за вас.

— Ваш дом мне определенно нравится.

— Я тоже к нему хорошо отношусь. Может, поговорим о деле?

— Однако вы весьма нетерпеливы.

— Выдержка у меня, действительно, как у тигра, который сидит в засаде. Но мне не понятно, зачем вы сюда пришли?

Она рассмеялась.

— Уважаю жестких деловых людей. У них во всем четкость и определенность. Но... не гоните лошадей.

— Пожалуйста, могу подождать еще.

Но мне уже хотелось ясности, я решил, что был достаточно вежлив, терпелив и гостеприимен. Неторопливо раскрыл блокнот, снял колпачок с шариковой ручки.

— Итак, вы...

Улыбкой она остановила меня.

— Дорого обходится содержание большого дома?

— Вопрос не по адресу... Надеюсь, вы не из налоговой полиции и не за подобной информацией Рюда пришли.

— Я хотела узнать, сколько стоит у вас в сутки одна комната? Хотя можно сориентироваться по гостиничным ценам. Скажите, у вас гостевая комната свободна?

Я захлопнул блокнот. Легкое сомнение шевельнулось в душе. Может, я напрасно изображал гостеприимство, зря расходовал время, улыбки, чай, коньяк. Сейчас выяснится, что в соседней гостинице некий хохмач трепанул, что мы подрабатываем, пуская на ночь приезжих? Или ее послали к нам шутники соседнего Автоовского отделения милиции, а сейчас они сидят у начальника уголовного розыска Головатого и смеются, держась за животы? С них станется. А я тут по простоте душевной пытаюсь изобразить светскую беседу с незнакомой дамой. Черт возьми, нельзя же так лопухнуться! Грай меня засмеет. Но Золотая рыбка смотрела ласково, грустно. Ради таких глаз стоило потерпеть. Не часто мне приходится провести час-другой с очаровательной незнакомкой. Хотя всему должен быть разумный предел.

— Если вам нужна комната, я позвоню в гостиницу «Прибалтийская», там у нас хороший знакомый, и вам немедленно предоставят номер-люкс или закуток за кухней, что пожелаете.

— Я хочу эти сутки провести у вас, — женщина просительно посмотрела на меня. — Неужели откажете?

— У нас в гостевой иногда живут клиенты. Порой мы устраиваем на ночлег даже убийц, и такое бывает. Но никто еще не обращался с подобной просьбой. Почему бы вам не обратиться к услугам гостиницы?

— Там у меня сразу возникнут проблемы.

— Например?

— Потребуют предъявить паспорт.

— У вас его нет?

— Паспорт есть, но мне не хочется показывать его даже вам.

— Ваше имя, пожалуйста, скажите.

— Могу назвать вам любое. Скажем, Римма Скоробогатова. Устроит?

— Устроит, пока не наведу справки.

— Вот видите, а этого мне как раз и не хочется. Могу я пожить инкогнито? Хочу, чтобы никто не знал, что я у вас нахожусь.

— Вас кто-нибудь ищет? Вам угрожают?

— Напрасно вы задаете вопросы. Мне не хочется сегодня отвечать ни на один из них. Просто человеку потребовалось исчезнуть на одни сутки, всего на сутки!

— Что произойдет за это время?

— Вы опытный детектив, но не мучьте меня расспросами. Приютите испуганную женщину. Я не могу и не хочу ничего вам больше говорить.

— Тогда я вынужден воспринять ваш визит как розыгрыш со всеми вытекающими последствиями.

— Не говорите про розыгрыш, — гостья сильно огорчилась, и мне показалось, что ей можно верить. — Боюсь открыть себя, потому что могу пострадать от этого. Мне нужно скрыться на сутки. За мной пытались следить, но я спряталась, и теперь никто в городе не должен знать, где нахожусь. Никакая гостиница не скроет меня от глаз людских. Ваш дом, как мне говорили, самое безопасное место в городе.

— Безопасное, да. Но... — я повертел шариковую ручку в пальцах. Она поняла это по-своему.

— Знаю, у вас высокие гонорары. Заплачу, сколько скажете, не торгуясь. Назовите любую, — она запнулась на секунду, — разумную сумму. Сто долларов вам достаточно, не потребуете же вы с меня больше?

Я сунул блокнот в ящик стола.

— Мы так не договаривались.

— А почему бы и нет? — продолжала она настаивать. — Ведь бывают клиенты и необычные, со своими странностями, с неожиданными требованиями. Я хочу провести эти сутки под вашей охраной. Трое крепких, опытных, хорошо владеющих оружием мужчин — это то, что мне нужно сегодня, чтобы уснуть спокойно. — Она снова взглянула в окно.

— Вы говорите так, словно поджидаете нападение целого отряда на наш дом.

— Скорее всего этого не произойдет. Когда я подходила к крыльцу, слезки за мной не было, ручаюсь. Но, надеюсь, в любом случае вы не заробеее?

— Когда мне следует заробеть, знает один Грай. Как только он даст нужную инструкцию, я перепугаюсь тут же. Вы полагаете, нам необходимо приготовить оружие и занять круговую оборону?

— Как оборонять дом, вы решите сами, — смутилась посетительница. Взяла свою сумочку из золотистой кожи, брошенную на диван, и достала деньги. — Я плачу наличными и не требую квитанции. Деньги не будут обложены налогом и целиком перейдут к вам. Выгодное дельце, не правда ли? Аппетит у меня умеренный, и, надеюсь, ваш запасливый Бондарь сумеет меня прокормить. Право же, я не проглочу ваши запасы.

Посетительница протянула мне деньги, эдакую маленькую пачечку, но с приятным, ласкающим слух хрустом. Я не алчный до денег, но и не дуралей, не знающий им цену. Глядя на «хрустики», подумал — выставить посетительницу на улицу и проститься с ней всегда успею. И пусть она не станет нашей клиенткой, но, может быть, с ее помощью мне удастся оторвать Грая от свалившегося на нашу голову монстра и заставить заняться делом? Приняв решение, я стал сух и деловит.

— Последний раз спрашиваю, вы не хотите назвать свое имя?

— Не могу.

— Грай сейчас весьма занят. Не знаю, как он воспримет ваше появление. Он решит окончательно, оставаться вам или нет, хотя дом принадлежит Бондарю. Мне интересно посмотреть, как шеф отреагирует на ваше появление и наличные. Проведем маленький эксперимент.

— Что за эксперимент? — встревожилась женщина, — Вы уверены, что хотите помочь мне?

— Что решит Грай, не знаю, но лично я уже начал помогать вам.

Я принял у нее деньги и, держа их в руках, снова подошел к селектору.

— Сейчас приглашу к вам Алексея Бондаря, хозяина нашего дома... Он бывалый человек и, пока я говорю с Граем, не даст вам скучать.

— Знаю, — оживилась посетительница. — Он капитан огромного траулера, ходил за рыбой в Атлантику. Мне интересно с ним познакомиться. Полагаю, что старый моряк человек добрый, в отличие от вас, скорее поймет одинокую испуганную женщину.

Я поговорил с капитаном по селектору, и через три минуты он с подносом, на котором стояли кофейник, сахарница и две маленькие чашечки, вошел в кабинет. Оставив таинственную посетительницу под присмотром, чтобы быть уверенным, что по ее вине в доме не возникнет пожар, не окажется вскрытым сейф и в трубке нашего телефона не поселится жучок, я прямым ходом проследовал в библиотеку-мастерскую.

Глаза Грая сверкали, своим энтузиазмом он мог поразить любого — железное чудовище он натирал мелом, полировал фланелевой тряпицей и читал, черт возьми, надо полагать, французские стихи:

*Весна — вот все, что она обещала:
эти праздники в ночь и звезду,
что в ночи засверкала,
как прекрасна она
и любому бездомному в небе видна!
И весна не виновна — уж это точно! —
в том, что жизнь дорожает, а счастье непрочное...*

В мою сторону Грай не соизволил повернуть голову. Стряхнув белую пыль с рук, поставил Жана де Аленкура на пол.

— Взгляни, Виктор, хорош герой?

— Ему нужен плюмаж, копьё и меч, тогда он станет рыцарем. А пока это дезертир, удравший с поля боя и потерявший оружие.

— Ты прав. Меч мы ему достанем, я знаю, у кого есть целых три. Копьё придется делать самим. Съездим на дачу к Бондарю, походим по лесу и выберем подходящее деревце для древка. Плюмаж добудем в театральном реквизите Большого Драматического. Ну, признайся, хороша находка?

— Подкова, приносящая людям счастье в дом, нам сейчас нужнее, — постарался я урезонить шефа. Он мог тут же послать меня в театр за плюмажем для этой консервной банки. И тогда бы точно не захотел знать ни о какой посетительнице. Я взял правую руку рыцаря, согнул ее в локте и поднял, словно он держал копьё наперевес. На кольчужную рукавицу положил пачку банкнот.

Глаза Грая остановились на деньгах.

— Что это?

— Деньги.

— Сам вижу. Откуда деньги?

— Это Мой взнос в общее дело — средства для седла Жана. Сидя в одиночестве, без дела, я подумал, что нам следует сменить профиль агентства. Дом превратим в рыцарский замок. Капитану Бондарю купим титул барона или депутата Госдумы, Жану — коня, предложим новым русским и мафиози проводить рыцарские турниры вместо того, чтобы крошить друг друга из «узи» и пробивать черепа из снайперских винтовок. Пусть честно борются за фабрики, землю и власть. Вы получите статус рефери и станете оставшимся в живых победителям выдавать лицензии на право облагать теневым побором супермаркеты, бани и детские сады. Я стану оруженосцем или конюхом. Средства на перестройку добудем, превратив наш дом в пятизвездочный отель. Капитан Бондарь в вашем кабинете уже заполняет анкетную карточку первого постояльца. Это молодая дама, обладающая способностями гипнотизера. Чтобы не получилась накладка, я взял с нее задаток.

— Хватит трепаться, — усмехнулся Грай.

— Если вы думаете, что это шутка — взгляните сами. Очаровательная женщина, сидя на нашем диване, пьет кофе с Бондарем. Капитан угостил ее коньяком и готов пойти дальше. Ей ничего не стоит вскружить моряку голову. Тогда в нашем доме появится пышущая здоровьем хозяйка, а капитан наверняка потребует освободить то помещение, где у нас хранится сыскной инвентарь, для детской комнаты. Меня за двадцать минут знакомства она просто опьянила, но я еще держусь и не сделал предложение оттого, что не знаю ее имени. Наверняка, когда вернусь в кабинет, стану решительнее. И тогда вам придется выплатить мне внеплановый аванс на медовый месяц.

Грай отошел от железного чудища, сел к журнальному столику у книжного шкафа и приказал:

— Давай все сначала и подробно. Ты девицу подобрал на проспекте или на вокзал ездил?

Я сел напротив шефа и рассказал об ее появлении, о странной просьбе и страхе перед преследователями.

— Как, по-твоему, она могла уйти от хвоста?

— Скорее всего, нет. Женщина очаровательная, но для нашего дела простовата.

— Жан де Аленкур, — обратился Грай к железной статуе, — Вы готовы к знакомству с Дамой? — и легонько стукнул пальцем в стальную грудь.

— Бам-м-м! — радостно ответило железо.

В этот момент колокол в коридоре звякнул, что означало — пришел еще один посетитель. Я обрадовался — повалил народ, может, фортуна подбросила нам состоятельного клиента? Взглянул на часы — пятнадцать ноль три — и быстро вышел в прихожую. Посмотрел в иллюминатор, вделанный Бондарем во входную дверь. На крыльце монументом стоял мужчина лет пятидесяти с умным крестьянским лицом, одетый в демисезонное пальто ив мохнатой материи в полосочку. Из-за его плеча выглядывал человек помоложе, лез тридцати пяти, в вельветовой шляпе с петушиным перышком, надвинутой на густые брови. Однажды он сдвинул свои брови по какому-то поводу, да так и забыл раздвинуть, отчего выражение его лица казалось одновременно угрожающим и испуганным.

«Это определенно наши клиенты, — подумал я и ощутил новый прилив де-

ловой энергии. — Люди озабочены, спешат, что-то у них случилось», — и решительно открыл дверь.

По заведенному у нас порядку, если человек является без звонка, а шеф занят делом, то я оставляю пришедших на крыльце, пока не получу указаний от Грая. Теперь же, когда требовалось оторвать его ст свалившегося на нашу голову рыцаря и заставить работать, любой посетитель был хорош. Молодой посетитель протянул мне вельветовую шляпу с перышком, пожилой сам пожелал снять свое демисезонное пальто в полосочку. И тут же заговорил:

— Я директор Холуйской фабрики лаковой миниатюры Виктор Великорецкий, со мной художник Соснов-младший. Нам немедленно нужно поговорить с Ярославом Граем.

— В данный момент шеф несколько увлечен домашним хозяйством — ремонтирует железное чучело для прихожей. Ее обращайтесь на это внимание, он способен заниматься двумя делами сразу, входите и сразу рассказывайте о своих проблемах.

Я открыл дверь в библиотеку-мастерскую, ввел посетителей, представил и пояснил:

— У людей срочное дело, я не имел возможности их опросить.

Грай хмуро посмотрел на меня, но ничего не сказал; выставить людей не выслушав, не узнав причин появления, он не мог. На это я и рассчитывал. В синей рубашке и рабочем комбинезоне, с испачканными ржавчиной и мелом руками Грай походил на старательного слесаря четвертого разряда. Ветошкой он показал гостям на стулья около окна.

— Присаживайтесь.

Директор фабрики подозрительно посмотрел на грязную ветошку в руках Грая, которой он оттирал ржавчину с пальцев, на инструменты, разбросанные по верстаку, и, наверное, это напомнило ему слесарку, он сердито посмотрел на меня.

— Я ценю хорошие розыгрыши, мне понятно желание шуткой скрасить себе жизнь. Но, может быть, мы не туда пришли? Мы не собираемся сдавать в ремонт кофемолку, нам нужно срочно найти пропавшего человека.

Я с наслаждением слушал директора — так Граю и надо. Но и посетителя следует держать в строгих рамках.

— Не сомневайтесь, перед вами известный детектив Ярослав Грай и доверенный помощник Виктор Крылов. Если вы читаете центральные газеты, то наверняка слышали про конверсию. Мы, наше детективное бюро, тоже принимаем участие во Всероссийской программе — сначала скупали кремневые пистолеты, теперь взяли за доспехи рыцарей.

Я не знал, как отреагирует Грай на подобную вольность с моей стороны, губы его плотно сжались и взгляд стал тяжелым. Но в разговор вмешался Соснов-младший.

— Я узнал вас по фотографии в газете «Известия». Статья называлась «Дело об исчезнувшем из Пулково самолете». Тогда вы с блеском справились с заданием и быстро нашли жулика — Шилова. Теперь помогите нам.

Художник взглянул на директора, лицо которого все еще выражало сомнение, и продолжил:

— В Русском музее мы устроили выставку лаковых миниатюр Холуя, небольшого поселка в Ивановской области. Таль ко не путайте нас с Палехом

и Мстерой...

Гра́й молча кивнул.

— Мы отобрали лучшие миниатюры, составили бригаду из художников. Ждали с волнением, что скажет сегодняшний Петербург? Выставка открылась, посетители приняли ее хорошо.

Гра́й остановил тяжелый взгляд на Соснове, руки его сами собой продолжали оттирать ветошкой ржавчину с пальцев.

— В Русский музей на открытие пришло много народу. Каждый из художников выступил, подарил любителям автографы, потом мы все поехали на Стачек, 144, там, в общежитии Кировского завода — оно полуквартирного типа, удобное — музей арендовал комнаты для художников. Мы накрыли стол, начали садиться, вдруг я вижу — Людмила Катенина, единственная женщина из приехавших художников, выбегает из своей комнаты с дорожной сумкой в руках. На лице — лица нет, летит как стрела к лифту. Я хотел ее остановить, спросить в чем дело, но дверцы лифта перед самым моим носом — хлоп, и она уехала. Людмила женщина резвая, догонять не имело смысла. Мы потолковали между собой об ее побеге, но никто ничего не знал.

Наконец директор фабрики Великорецкий поверил, что попал куда надо, что петербургский известный детектив может выглядеть, как слесарь на его предприятии, и взял на себя разговор.

— Меня сильно испугало поведение Катениной. Вы не знаете, это самый дисциплинированный человек на свете. Знакомых в Петербурге у нее нет. Назад в Холуй мы должны ехать все вместе, вот у меня билеты в кармане. Тут что-то не так! Я теряюсь в догадках, боюсь предположить самое страшное. Надо найти ее, немедленно найти! Я никаких денег не пожалею для этого.

— У вас есть предположения, хотя бы самые невероятные?.. У нее бывали конфликты, столкновения, она имела врагов на фабрике?

Соснов чуть-чуть склонил голову к правому плечу.

— Ссор на фабрике между художниками полно. Без них не обойтись в творческой работе. На художественном совете во время обсуждения миниатюры, порой, художники такого друг другу наговорят — в дым разругаются!

Великорецкий махнул на подчиненного рукой.

— Это творческие споры, они не оказывают влияния на человеческие отношения. К тому же на художественном совете у меня последнее слово, я критику на юмор перевожу, мол, сам думай, что принимать из сказанного, а что нет, сам смотри, как миниатюру исправлять.

— Может, причина побега кроется во внешних событиях. Вы что-нибудь знаете?

Соснов чуть больше склонил голову к правому плечу.

— К нам на выставку приехали два предпринимателя из Красноярска. Они пришли в восторг и решили развить промысел у себя в Сибири. Средств у них для этого достаточно. Поговорив с каждым из нас, они, видимо, решили, что легче всего уговорить Людмилу. Пообещали ей квартиру, богатого жениха... Отвели в сторонку и долго уламывали.

— Я видел красноярских бизнесменов, — подтвердил Великорецкий. — Они ребята хваткие, такие могут на скаку человека с коня украсть.

— Сделаем предположение, — взмахнул Гра́й ветошкой, — что Катенина убежала к бизнесменам в гостиницу или еще куда. Нормальный человек не

может уйти от товарищей, не сказав ни слова, не простившись...

Голова Соснова склонилась еще на пол сантиметра.

— Когда Людмила подбегала к лифту, то крикнула что-то на бегу.

— Постарайтесь вспомнить.

— Я разобрал только обрывок фразы: «...предатель, чертов наперс...» Затем двери лифта с треском закрылись.

— Ничего не путаете.

— К сожалению, я сам не могу эти слова понять.

— Может, она хотела сказать «наперсник»?.. Посмотрим на событие с точки зрения классической трагедии. Наперсник — лицо, которому Катенина рассказывала о своих мыслях и поступках. Кто этот человек, вы наверняка знаете.

Голова Соснова чуть выпрямилась и повернулась в сторону директора.

— Извините... Гм... гм...

Великорецкий почувствовал себя неуютно и несколько побледнел.

— Если говорить откровенно, то Катенина, наверное, со мной была наиболее откровенна. Но о предательстве речь идти не может. У меня к ней особые отношения, и я не позволю умыкнуть с фабрики талантливого человека.

— Давайте рассмотрим другую версию, — предложил Грай.

Я позволил себе с улыбкой вмешаться в разговор:

— Она хотела произнести «наперсток». Он не выдержал давления иголки, проломился и ранил хозяйку.

Грай на мою шутку не отреагировал, продолжил:

— Два года назад в исследовательских целях я написал научное произведение, трактат по вопросам использования преступниками ядовитых трав. «Наперстянка» — вот как полностью может звучать слово, обрывок которого вы слышали. Если память мне не изменяет, это дигиталис, трава, полукустарник и кустарник семейства норичниковых — они растут в Северной Африке, Европе и Западной Азии, всего тридцать пять видов. В странах СНГ шесть видов. Наперстянку пурпурную и другие возделывают, как ценные лекарственные растения, сердечно-сосудистые. Наперстянка, если вам интересно, весьма ядовита.

— Есть возможность ее купить? — с тревогой спросил директор.

— Сейчас можно купить все.

— Вы думаете...

— Нет, это слишком красиво, экзотично. В жизни все проще и грубее. У вас фотография художницы есть?

— В музее, рядом с ее миниатюрами.

— Тогда нарисуйте портрет, вам, художникам, это ничего не стоит.

Я протянул директору свой карманный блокнотик, он уместил его на колене и шариковой ручкой, уверенными быстрыми штрихами нарисовал беглянку. Я взял блокнот, чтобы передать шефу, и сам внимательно посмотрел на рисунок.

Если меня когда-нибудь назначат председателем аттестационной комиссии предприятий народных промыслов, то я твердо заявлю — Виктор Великорецкий своей должности соответствует. Портрет не вписывался в рамки строгого классического реализма, а был сильно стилизован. Рисунки такого рода я видел на лакированных коробочках, ларцах и шкатулках Палеха и Мещеры в

валютных магазинах, куда порой заглядывал из любопытства. Именно такими изображались на миниатюрах женские головки — склоненные набок, с загадочной или печальной полуулыбкой, мечтательные, наполненные внутренним огнем. Как можно сделать подобный рисунок за минуту обыкновенной шариковой ручкой — не понятно. Еще рисунок напомнил мне иконы, что остались от деда и висели в красном углу нашего бревенчатого дома, который стоит и по сей день в деревушке Всесвятское Тверской области.

— Поставьте внизу подпись и число, — велел я директору.

— Зачем?

— Так положено. Теперь рисунок получит силу документа.

Директор пожал плечами и подписал рисунок.

Положив блокнотик на журнальный столик перед Граем, я повернулся к посетителям спиной и стал соображать, как передать информацию Граю? И в раздумье медленно произнес:

— Могу предположить, что дама, изображенная на рисунке, хорошо относится к французским рыцарям. Не далее, как сегодня она купила некоему Жану седло.

Глава II

Капитан Бондарь — опытный моряк, Так и хочется сказать, что он объездил много стран. Но следует удержаться от таких слов, потому что он рыбак, на берег сходил не часто и правильнее сказать, что он объездил много морей. Бондарь хорошо знал — само по себе море практически ни одну женщину не интересует, редко можно найти фанатичку, когерая сама хотела бы стать капитаном. Женщинам не стоит рассказывать про шторма, айсберги, пробоины в борту и спасательные шлюпки. Зато капитан накопил много веселых баек, которые легко рассказываются и с удовольствием всеми слушаются. А если не одной комнате с тобой молодая очаровательная женщина глядящая на тебя огромными с лукавинкой глазами, то речь моряка можетлиться бесконечно...

Когда в прихожей звякнул колокол, гостя поинтересовалась, что это за пожарный сигнал?

— Если судно выработало свой ресурс и уходит на переплавку, каждый из моряков берет с него что-нибудь себе на память!! Первым делает выбор капитан. Обычно берут большой дубовый штурвал — рулевое управление на случай отказа гидравлики. Он такой же, как вы видели в кино на парусных кораблях, но находится на корме, внизу, у самой машины. Я подумал, куда мне штурвал? Взял на память судовой колокол и сделал звонок в прихожую. Правда, мелодично звучит?

Гостя звук одобрила, а спустя пять минут спросила, нельзя ли ей поглядеть колокол поближе, о таком звонке она прежде не слышала и вряд ли доведется увидеть подобное.

В неписаных морских правилах сказано, что молодым женщинам нельзя отказывать ни в чем. Да и ничего нет предосудительного в том, что дама взглянет на колокол, мимо которого уже проходила. Капитан решил, что это не противоречит инструкциям, которые я ему дал. Бондарь распахнул дверь в прихожую, и сии вышли из кабинета.

Как я потом понял, профессиональной художнице, обладающей великолепной зрительной памятью, одного мимолетного взгляда оказалось достаточно,

чтобы по демисезонному пальто из пушистой ткани в полосочку узнать своего директора, а также понять, кому принадлежит вельветовая шляпа с петушиным перышком.

Как рассказывал Бондарь, в одной руке Катенина держала сумочку, твердыми ногтями другой руки постучала по колоколу. При этом глаза ее вспыхнули, словно корабельные прожектора зажглись в глухой ночи, женщина направила весь свой внутренний свет на него, сама стала другая — легкая, воздушная, волшебная. Взглянула капитану прямо в глаза, взяла за руку (ее ладонь оказалась сухая и горячая) и полусшепотом спросила:

— Можно нам выпить по рюмочке за рыбаков? Ведь про них говорят — дважды моряки! Чокнемся с колоколом и выпьем прямо здесь, у корабельной бронзы, а?

Наверное, я бы тоже не устоял.

Мы потом повторили путь Бондаря с секундомером в руках — от колокола до буфета в кают-компании, тридцать два шага, достать две рюмки, поставить на маленький поднос, из глубины буфета вынуть бутылку дагестанского коньяка пять звездочек, из старых запасов, налить две рюмки и вернуться обратно. Капитан отсутствовал всего две минуты шестнадцать секунд. Я бы на подобную операцию затратил времени в полтора раза больше.

Выйдя из кают-компания, капитан сразу увидел распахнутую дверь, отсутствие розового плаща на вешалке, исчезновение дорожной сумки. Поставил поднос на пол под колокол, вошел в библиотеку-мастерскую.

— Извини. Виктор, ты срочно нужен.

Не найдя на вешалке розового плаща, я выбежал на улицу. Огляделся, спустился с пригорка вниз к шоссе. Золотой рыбки нигде не было. Если она остановила попутную машину и укатила в центр юрода — попробуй ее найди, Петербург — огромный аквариум.

Я вызвал Грая в кабинет, рассказал, что случилось. Он хмуро засопел, велел привести к нему и усадить на диван директора фабрики вместе с художником, полчаса задавал им вопросы — процеживал, пытаюсь понять ситуацию. Но так как ничего существенного еще не произошло то и выяснить что-либо конкретное не удалось. Грей пообещал поискать Катенину, но без гарантии.

Когда я проводил посетителей и закрыл за ними дверь, то шеф начал размышлять вслух:

— Если Катенина убежала от своих коллег, значит ее напугал кто-то из них, может быть, по непонятным для нас причинам, даже сам директор. В городе у нее знакомых нет. Куда она денется голодная и испуганная? Захочет вернуться к себе в Ивановскую область, в желанный Холуй... Ты взял деньги у клиента? Теперь должен их отработать. Узнай, в какое время уходит поезд в Иваново, поезжай на Московский вокзал и найди ее там.

Любит шеф давать простенькие задания — походи и найди... За две минуты по телефону я выяснил, что поезд отходит в шестнадцать тридцать пять.

— Вот и отлично, — подвел итог Грай. — Сейчас пятнадцать тридцать восемь, до обхода поезда пятьдесят семь минут. Когда ее найдешь, объясни ситуацию. Если ей все еще нужно убежище — веди к нам. Если не захочет возвращаться, позвони, найдем другое решение.

Я заглянул на камбуз перехватить что-нибудь перед дорогой.

— Обед готов, — заторопился Бондарь.

— Некогда, бегу...

— Тогда съешь пару пирожков с мясом, я тебе стакан чаю налью.

Пока я рвал зубами пирожки, капитан, чувствуя свою вину и от этого ощущая неловкость, все же спросил:

— Виктор, почему она сбежала? Не ушла, а именно сбежала? Мы так с ней хорошо говорили, и вдруг!..

Я торопливо проглотил последний кусок:

— Вы еще спрашиваете?.. Женщина узнала меню на обед и решила не рисковать жизнью.

— Ты найдешь ее, Виктор? Скажи Людмиле, что у нее в городе появился надежный друг. Я ей оставлю пирожки в духовке. И даже если она вернется ночью, они будут теплые.

— Если вы почувствовали к нашей клиентке благосклонность, заверните еще несколько пирожков в дорогу. То, что от них останется, при встрече я обязательно передам.

От нашего дома до станции метро «Автово» две небольшие троллейбусные остановки. На метро до Московского вокзала езды минут семнадцать. Это просто. А вот попробуйте найти человека на огромном Московском вокзале, да еще если он лежит в конце дальней, не «ивановской» платформы, лежит внизу, под перроном. Это не сразу удастся. Я сначала обошел залы ожиданий, заглянул даже в депутатский, кассовый зал и буфет — людные места, где легче всего спрятаться и затеряться человеку. Когда подали ивановский поезд, встал в начале платформы и просмотрел всех пассажиров. Золотой рыбки не было. Я не мог пропустить ее розовый плащ. Когда ушел поезд, понял, что искал не там. Ощущая холод в спине, прошел на край платформы, спрыгнул вниз. И под самой дальней, крайней платформой, увидел клан розового плаща.

Подойдя ближе, разглядел обезображенное лицо, распухший язык, вывалившийся из широко раскрытого рта, выпученные глаза, темную полоску на шее. Тут же валялся кусок грязней веревки, подобранной, вероятно, на земле. Скорее всего, ее столкнули с перрона, задушили на земле, и от людских глаз затолкали поглубже под перрон. Розовый плащ оказался выпачканным в мазуте, дорожная сумка отсутствовала, карманы вывернуты. Может быть, после убийцы здесь уже побывали вокзальные бомжи.

В кармане у меня еще оставался пирожок с мясом, старательно завернутый в бумажку заботливым капитаном. Я его вынул и положил поодаль, на открытом месте, пусть его склюют божи и птички.

Из вокзального автомата, опустив в него жетон метро, позвонил Граю. Рассказал об увиденном и спросил инструкции. Шеф тяжело задышал в трубку:

— Убежав от нас, она была обречена. Позвони в милицию и возвращайся домой.

Пришлось потратить еще один жетон. Избрал номер дежурного ГУВД и пропищал в трубку, зажав нос:

— На Московском вокзале только что убили молодую женщину. Тело лежит под левой, крайней платформой, в самом конце.

Вернувшись домой, я открыл дверь своим ключом, чтобы не сразу встретиться с Бондарем. Но, очевидно, старик поджидал меня, он сразу вышел из кают-компании, посмотрел мне в лицо, понял, что случилось страшное, и все же с надеждой в голосе спросил:

— Ты нашел ее, Виктор?

— Отыскал, но поздно. Ей уже никто не сможет помочь.

— Я не смог ее удержать... Боже, прости меня...

— Не казните себя, капитан. Никому не дано удержать Золотую рыбку. Об этом еще Пушкин предупредил. А классикам можно верить.

В одиннадцать вечера, когда я выходил из кабинета, чтобы отправиться спать, Грай заметил:

— Телефон Великоорецкого в общежитии не отвечает до сих пор. Не нравится мне это. Что там могло случиться?

— Плохие новости, шеф, всегда приходят быстро. Узнаем все утром.

Завтракали мы, как обычно, в восемь тридцать. Бондарь накормил нас гречневой кашей с молоком и яичницей-глазуньей. Сам есть не стая. Я запивал завтрак чаем, Гран предпочитал кофе.

В девять часов я, вслед за Граем, вошел в кабинет и отдал ему газеты, вынутые из почтового ящика. Не садясь, шеф развернул «Криминальный вестник», быстро нашел то, что нас интересовало, прочитал вслух: «Вчера на Московском вокзале найдено тело молодой художницы из Холуя Людмилы Катениной. С группой художников, которую возглавлял директор фабрики лаковой миниатюры, она приехала на открытие выставки в Русском музее. Предположительно, убийство произошло во время от пятнадцати тридцати до шестнадцати тридцати. По факту убийства возбуждено уголовное дело. Всех, кто в это время был на вокзале и может дать информацию по данному факту, просим позвонить по телефону...»

Я закрыл глаза и вспомнил — в какой-то книжке про северо-американских индейцев читал об их отношении к произнесенному слову: когда снимают скальп — больно. Но обыкновенные слова могут ранить человека еще больнее. Тогда я не мог понять смысла сказанного. А сейчас вспомнил и подумал: лучше бы с меня сняли скальп — говорить о человеке, о молодой женщине, которая, я считал, погибла по моей вине, было невыносимо.

Грай на мои эмоции не обратил никакого внимания. Так и не присев, быстро разобрал почту. Он был в костюме, при галстукке, что делало невозможным контакт с железным французом. Но он уже два раза посмотрел в сторону библиотеки, где ждало его чудовище, и я понимал, что вскоре могу остаться с мрачным убийством один на один.

Резко звякнул колокол у входной двери.

— Взгляни, кто это хочет оторвать язык у нашего колокола, — попросил шеф.

Я вышел в прихожую, посмотрел в иллюминатор и обнаружил на крыльце рассерженного начальника уголовного розыска Головатого. Я открыл дзерь и вежливо сказал:

— Доброе утро, майор. Бы, наверное, с хорошими вестями к нам?

Оттолкнув меня, не здороваясь и не снимая куртку, Головатый прошел в кабинет и с ходу плюхнулся на диван, на главнее место, обозначенное валиками. Сверкающие, гневные глаза не предвещали добра от этой встречи.

— Я вам рекомендовал в помощники Виктора Крылова? — спросил Головатый задиристо.

Грай сел в свое кресло у стола, я занял рабочее место.

— Рекомендовали, — согласился шеф.

— Я его и уничтожу, как оперативника! — выпалил пришедший.

— Хорошенькое начало дня, — привстал я от удивления. — Нельзя ли узнать подробности? Я угнал у вас машину? Не поздоровался с вашим шофером или совершил иной проступок, попадающий под действие Уголовного кодекса?

— Вчера на Московском вокзале убили женщину, холуйскую художницу Людмилу Катенину. Милицейский автопатруль задержал бомжей, которые унесли с перрона ее дорожную сумку. Криминалисты нашли на сумке отпечатки твоих пальцев, Виктор. На данный момент ты — главный подозреваемый. Если ты плохо прокомментируешь этот факт, то немедленно познакомишься с моими новенькими браслетами. Я слушаю.

— Интересный вопрос. Мне нужна подсказка. Мы знаем что-нибудь об этих отпечатках или первый раз о них слышим? — спросил я Грая.

— Встречный вопрос, — перебил меня Грай. — Убийство произошло не на вашей «земле». Майор, почему вы им занимаетесь?

— Потому, что общежитие, в котором жили художники на проспекте Стачек, 144, стоит на моей «земле».

— И там произошло еще одно убийство? — ахнул я.

— Откуда ты это знаешь?! — взревел Головатый. — Говори сразу, не задумываясь, иначе запрю тебя в ДПЗ, и там на казенной каше быстро все вспомнишь.

— Я ничего не знаю, только предположил, раз вы здесь и спрашиваете, значит, что-то случилось...

— Вы ведете нечестную игру! — закричал Головатый на Грая. — Сначала хотели получить деньги за поиск человека, который сидел у вас в доме, в соседней комнате, а когда не выгорело дельце, наверняка сделали новый поворот. Я хочу знать, кто у вас клиент, что вы расследуете и какие факты скрываете, необходимые для поимки убийцы?

И без того сложные отношения между Головатовым и Граем опять обострились. Оба были гордые, привыкли к самостоятельности, с трудом находили общий язык. Изредка они оказывались союзниками по расследуемому делу, а чаще — соперниками. Районное отделение милиции находилось неподалеку от нас — из окон южной стороны дома, выходящих в сад, мы видели зарешеченные окна и пивной ларек, находящийся почти под их рукой. За четыре минуты Головатый мог от своего рабочего стола дойти до кабинета Грая и узнать, что наработал сосед, но... гордая голова не желала идти и кланяться. Ведь у Головатого полный штат сотрудников, а у Грая был один я, да изредка он привлекал для помощи двух-трех оперативников.

— Конечно, мы существуем за счет средств клиентов, — как можно мягче ответил Грай. — Но не надо преувеличивать нашу любовь к деньгам. В этом плане у вас уже сложилось собственное мнение, я не стану вас переубеждать. Что же касается холуйских художников, то клиента у нас нет и дела мы не ведем. Но вчера я говорил с директором фабрики, и если вы расскажете, что случилось в общежитии, то, может быть, мысли по это му поводу у меня появятся.

— Ладно, — согласился Головатый, несколько успокоясь. — Все равно завтра сб этом из газет узнаете... После открытия выставки в музее, осчастливив зрителей автографами, художники решили устроить небольшой банкет. Всего

собралось девять человек, пять из Холуя — директор фабрики Зеликорецкий, народный художник России Онисов, Людмила Катенина, и два Соснова, их называли Соснов-старший и Соснов-младший. К ним присоединились трое бывших холуйцев, которые переселились в Липецк, но приехали посмотреть на выставку — Панфил, Малашин, Маркичев, и пришла искусствовед Русского музея Ирина Грачева. Она эту выставку, собственно, и организовала. Продукты были заготовлены заранее. Утром встали пораньше, и Соснов-старший затащил всех на Кировский рынок, купил там первые весенние грибы — сморчки и строчки. Он большей любитель грибов и решил себя побаловать.

— Как это выглядело по времени? — спросил Грай.

— В девять открывалась выставка, в двенадцать они ушли из музея, в час тридцать стали садиться за стол, и в это же время Катенина убежала из общезжития.

Грай кивнул мне головой, и я продолжил:

— В четырнадцать тридцать пять она вошла в наш дом, в пятнадцать ноль три прибыли директор фабрики с Сосновым-младшим. Через семь минут после их прихода Катенина убежала. Скорее всего она помчалась прямо на вокзал и к отходу поезда на Иваново, к шестнадцати тридцати пяти, была уже мертва и ограблена. С собой она имела дорожную сумку и сумочку с деньгами.

— Сумочка найдена, лежала на земле под телом. Может быть, грабитель в спешке не заметил ее. Либо это не ограбление.

— И тогда виновен кто-то из тех, кто присутствовал в праздничной компании, — вслух подумал Грай, — Всликорецкий говорил, что разогнал художников искать Катенину и без нее не возвращаться.

— Пошли все, кроме Соснова-старшего, который уже напился к этому времени и не мог идти.

— У кого есть алиби?

— Твердого алиби нет ни у кого.

— Вечером художники вернулись, снова сели за стол в десять, начале одиннадцатого. Соснов-старший к этому времени выпил еще бутылку, они определили это по пустой посуде, и лежал, блаженно улыбаясь, на своей кровати. Его не стали будить. Но в двенадцать ночи директор заподозрил неладное, вызвал «скорую», и пока она ехала, Соснов-старший умер.

— Что говорит медэксперт?

— Заключение официальное еще не готово, но врач сказал, что он отравился грибами.

— Если он опытный грибник-любитель, сам варил, сам ел — как это могло случиться?

— Не могу ответить. Возможно, знала Катенина.

— Она ходила со всеми на рынок, помогала готовить, накрывать на стол. И вдруг, когда пришло время взять в руку вилку, сорвалась, убежала. Что она узнала в тот момент?

— Теперь уже не спросишь. А может, сама руку приложила?

— Обычно, когда человек сбегает с места трагедии, все валят на него. Но раз она найдена мертвой, может быть, обвинения в ее адрес отпадут?

Грай сжал кулаки и надавил на стол.

— Соснов-старший в этот день ссорился с кем-нибудь?

— Трое бывших холуйцев, которые переселились в Липецк и открыли там

свое дело, встретив приятелей в Петербурге, вели себя весьма задиристо. С одним из них — Панфилом, человеком молодым и горячим, Соснов-старший поругался и даже, несмотря на обилие выпитой водки, сумел попасть коллеге точно в глаз, поставив здоровенный фингал. Пока одноглазый Панфил подозреваемый номер один и задержан нами для дачи показаний.

— Вокзальным бомжам вы показывали веревку, которой задушили Катенину? Может, они ее видели прежде? Или какого-то человека они заметили рядом с лежащей на перроне дорожной сумкой?

— Если они и видели что-нибудь, то молчат, как рыбы. Знают: если раскроют рог — станут соучастниками. А так — подобрали брошенные вещи, и спросив с них нет, подержат в отделении под замком в обезьяннике денек и отпустят.

— Опиши вещей, найденных при Соснове-старшем, кто делал?

— Сержант Григорьев, он был помощником дежурного.

— Можно взглянуть?

Головатый достал из кармана листок, я передал его Граю и из-за плеча стал смотреть тоже:

*«Плащ японский темный,
Шапочка спортивная шерстяная,
Ботинки коричневые,
Костюм коричневый шерстяной,
Джемпер,
Портфель желтый кожаный,
909 тысяч рублей,
Блокнот для рисования,
Два карандаша,
Резинка стиральная,
Книга о Русском музее с дарственной надписью от Ирины Грачевой,
Зубная щетка».*

— Негусто, — вздохнул Грай. — Ничего не кропало? Может, видели у него что-то необычное?

— Если и было, теперь ищи-свищи. Художников, которые приехали с ним и липецких, я опросил. Никто не дал показаний, что у него что-то пропало. — Головатый поднялся, собираясь уходить, и спросил несколько неуверенно: — Как вы думаете, Грай, смерть Соснова — это убийство или несчастный случай? Ведь ни у одного из этих восьми человек не было мотива для убийства.

— Мотива нет, или он не обнаружен, коллега, — несколько грубовато ответил Грай. — Что бы я ни думал — не имеет значения. Мои домыслы вам ни к чему. Я думать про это дело не стану, потому что у нас клиента нет. И никаких фактов, которые можно выложить на блюдечке с голубой каемочкой, у меня тоже нет.

— Вам бы только деньги вырвать из человека, — с горечью прохрипел Головатый, — а останется он жив, или его убьют при этом — все равно.

Он выбежал из дома и, по обыкновению, сильно хлопнул дверью. Он всегда так делал, когда бывал не в духе. Я прошел к выходу и осмотрел дверь — прочная, еще постоит. Но вообще, портить недвижимость — нехорошая привычка, следует поговорить с Бондарем да и выставить счет Головатому на ремонт двери.

Когда-то я очень хорошо относился к Головатому. Но его постоянные упреки в шкурничестве поколебали мою любовь к нему. Все упреки я стал пропускать мимо ушей. «В чужом глазу мы видим и соринку, в своем не замечаем и бревна», — продекламировал я сам себе, чтобы успокоиться.

Грай быстро переоделся и ушел в библиотеку к своему железному Жану де Аленкуру. Я направился в кают-компанию. Бондарь стоял неподвижно и печально смотрел на две рюмочки коньяка на буфете. Тяжело вздохнул и предложил:

— Давай помянем красавицу.

Достал третью рюмку, налил и сверху положил кусочек хлеба. Пусть постоит, пока не испарится. За это время душа покойной отлетит на небо.

Мы выпили, не чокаясь, и старик прошептал:

— Царство небесное Людмиле, пусть душа ее примет вечный покой.

Эти скромные поминки вдруг получили неожиданное продолжение. Старик разгорячился от коньяка и вдруг превратился в энергичного, решительного капитана.

— Виктор, ты должен найти убийцу! — потребовал он. — Я виноват, что оставил ее на две минуты. Если бы я ее не упустил, она была бы сейчас с нами, а не в морге. И один из нас мог на ней жениться. Грай не возьмется расследовать дело без клиента. Я сам не раз удерживал его от бесполезной работы. Но тут случай особый. Я потерял покой, сегодня не мог уснуть даже со снотворным. Виктор, схвати убийцу! Сделай это для меня!

Энергия, скопившаяся во мне и не нашедшая выхода, тоже ударила в голову. Я достал из кармана деньги Катениной.

— Хорошо, согласен. Вот сто долларов. Хватит на день-другой работы.

— Деньги будут, — заверил меня старик.

— Откуда, у нас на счете крохи.

— Заложу дом! — пообещал капитан. — Не ограничивай действия ни в чем.

— Вы серьезно?.. Хорошо, я согласен. Дайте мне аванс — рубль.

Бондарь открыл ящик буфета, где держал деньги на продукты, из пластмассовой чашечки выковырял рубль и торжественно протянул мне.

Я крепко зажал рубль в кулаке.

— Теперь, капитан, вы мой клиент, и я имею право искать убийцу Золотой рыбки.

— Помоги тебе Бог, сынок, — благословил Бондарь.

В библиотеку-мастерскую я не вошел, а скорее ворвался, чем несколько удивил Грая, привыкшего к военной дисциплине в доме. Он оторвал взгляд от своего чудища, которое уложил на верстак и ремонтировал коленную чашечку.

— Что-нибудь случилось, Виктор?

— Вчера вечером у нас был клиент, и мы должны были доложить ему, где нашли Катенину.

Грай потер пальцем кончик носа, отчего на носу осталось ржавое пятно.

— Великорецкий хотел видеть свою художницу живой. Теперь, думаю, звонить ему не стоит. Полагаю, мы остались без клиента, директор и так все знает. Он уже устал от допросов и расспросов.

— Ему не все известно, — возразил я, стараясь остаться корректным.

— И что же он не знает?

— Имя убийцы! — припечатал я.

— Ты его вычислил? — с любопытством покосился на меня шеф.

— Вы прекрасно знаете, что я не умею высчитывать убийц. Этим занимаетесь вы. Я могу только их выслеживать и хватать. Вот этим, если не возражаете, я сегодня и займусь.

— Но зачем?

— Душа требует справедливости. Мы с Бондарем проворонили женщину, теперь она мертва. Оставить так дело не по-человечески.

— Но ведь у нас нет клиента? Кто оплатит огромные расходы?

— У нас нет клиента, но лично у меня — есть!

— И кто он, если не секрет?

— Капитан Бондарь. Он вручил мне аванс — рубль. И еще остались деньги, которые Катенина дала за ночлег.

— Но этого мало.

— Средства будут. Бондарь решил заложить дом.

— Заложить дом?.. С ума сошел. Мы же можем оказаться на улице. Подумай, о чем ты говоришь.

— Так же, как и вы, я не хочу остаться на улице без крыши над головой. Но вчера вечером к нам за помощью обратилась женщина. Вместо того, чтобы сразу поселить ее в комнату для гостей, я отправился советоваться с вами. Пока мы судили да рядили, она чего-то испугалась, убежала и попала прямо в руки того человека, от которого хотела укрыться. Он знал, где ее ждать. Я виноват перед Людмилой и должен найти негодяя. Только тогда буду считать себя вправе дальше заниматься оперативной работой. Это дело принципа.

— Ерунда, ты не мог знать, куда она пойдет и что с ней случится. Ты не несешь за это ответственности.

— По закону не несу, а перед собой стыдно.

— Мы с тобой обычные люди, не предсказатели, и не должны бичевать себя за то, что не предвидели ход событий. О том, что случится впереди, знает только Бог.

— Ваше упоминание о Боге меня смущает. Ведь в душе я простей солдат, полковой разведчик. И не могу соотносить свои действия с Божественными предначертаниями. Но уверен — Бог меня не осудит, если я найду и покараю убийцу.

Я демонстративно убрал деньги в карман.

— Что же касается финансового обеспечения дела — постараюсь не выйти за рамки суммы, оставленной нам покойной. Зарплату начислять не надо, с сегодняшнего дня я в отпуске за свой счет. Вечером позвоню, доложу, что сделано и приду ли на ночлег. Пистолет мне придется взять с собой.

Шеф посмотрел на меня сердито, даже с каким-то любопытством, мелок в его руках хрустнул, и пыль посыпалась на пол. Но я был на взводе и решил выдержать характер. Он пошел в кабинет, достал из сейфа пистолет Макарова, надел на рубашку наплечную кобуру и сунул в нее оружие. Хоть на улице весна, конец апреля, на градуснике плюс пять, но вечера еще холодные. Поэтому надел свой синий плащ и мягкую шляпу.

Ноги сами понесли меня в общежитие Кировского завода. Именно там спрятан конец ниточки, там можно взять след. Конечно, начальник отдела уголовного розыска Головатый далеко не глуп, дело знает и люди у него опыт-

ные, но я не раз убеждался — победить может только тот, кто действует.

Единственное, чего следовало опасаться, — что в общежитии находится поставой милиции и охраняет место происшествия. В таком случае, меня туда не пустят. Но я решил понадеяться на русский авось.

Глава III

Здание общежития оказалось не новым и не впечатляющим — серое, многоэтажное, с потеками на стенах от затяжных весенних дождей. У входа вахтер — в будочке со стеклянными стенками вяжет носок строгая старушка, чопорная и сухая. Такая, если привяжется, то не пустит точно. Важно выпятив грудь, прохожу мимо, на ходу показывая пластиковую карточку, четко произношу:

— Крылов, детектив, расследую происшедшие ночью события.

— Так уже были сегодня, только что уехали! — восклицает старуха, откладывая носок.

Приостанавливаюсь и делаю строгое лицо.

— На подведомственной вам территории ни с того, ни с сего умер молодой, здоровый мужчина. Это вам что, баран чихйуя? К вам теперь пойдут комиссия за комиссией, замучают. На каком этаже это произошло?

— На шестом, — поникла старушка, которая хорошо помнила старые доперестроечные строгости с уголовными делами. — Лифт, господин детектив, не работает.

— Комендант где живет?

— На первом этаже, комната шесть. Сейчас его нет, поехал на бельевого склад.

Я требовательно протягиваю руку:

— Ключ от комнаты, где произошли события.

За спиной старушки доска, утыканная гвоздиками, каждый пронумерован, на них висят ключи. Вахтерша снимает один из них и нехотя протягивает мне. На бирке номер «224».

— Подымусь наверх, поговорю с художниками.

— Там всего один остался, с подбитым глазом.

— А, Панфил, он-то мне и нужен. Подозреваемый номер один, — Разворачиваюсь на каблуках, двигаюсь к средней запыленности лестнице и, топая ногами, поднимаюсь наверх.

Комнату, в которой произошло печальное событие, узнал сразу, как только вошел в квартиру, по бумажной полоске с двумя печатями па краях, наклеенной на косяк и дверь. Всего в квартире четыре комнаты да просторная кухня на две газовые плиты. Тут можно варить и жарить что угодно, никому до тебя дела нет.

Чтобы не иметь осложнений с властями, лучше в опечатанную комнату не входить. Но кончик ниточки находится именно в ней. Замок в двери изрядно расковырян, вероятно, жильцы не раз теряли ключи и открывали дверь подручными средствами — кухонным ножом, стамеской, взятыми у запасливого соседа. Легонько подерга,! дверь за ручку — язычок замка чуть-чуть цеплял за металлическую планку. Я вынул складной нож из кармана и лезвием подцепил язычок замка. Теперь дверь держалась лишь на бумажке. Качество нынешнего канцелярского клея вы знаете не хуже меня. Через десять секунд од-

на сторона бумажки свободно висела в воздухе. Действовать следовало решительно, если сейчас появится Головатый или кто из его сотрудников, я лишусь лицензии.

Комната выглядела обычной для полуквартирного общежития — две койки, столик, пара стульев, две тумбочки, телевизор, холодильник, шкафчик. Но какой тяжелый дух в комнате! В противогазе нужно сюда входить. Тихо, во сне, без страданий ушел в мир иной Соснов-старший, сам не понял отчего — от рыночных грибков или от водки, купленной в ларьке по дешевке. Но покойный автограф оставил — блеванул на прощанье грибками. Ну и аромат, самому бы от зловония не отравиться. Чайной ложечкой, взятой со стола, положил в принесенный с собой пакетик порцию «привета от Соснова». Бутылку со стола с двумя глотками водки на дне — в другой мешочек. Оба трофея в бумажный пакет — есть работа для эксперта-криминалиста.

Теперь осмотреть комнату, кровати, под ними, тумбочки, под ними... Трудно искать, когда не знаешь, что ищешь. Может, это пузырек с ноготок, иди пакетик крошечный. Может, его здесь бросили, чтобы немедленно избавиться от опасной улики, а могли унести и выкинуть по дороге. А может, этой улики и вовсе не было?.. Быстрее ищи, Виктор, быстрее, если застукают тебя, самоchinного обыска Головатый не простит.. Нет, ничего не нашел. Теперь скорее из комнаты, под бумажку со штампом горошину пластилиновую, висит, как новенькая. Язычок замка подцепил ножичком, и замок снова закрыт. Уф, пронесло. Добычу в кухню, на нижнюю полку ничейного кухонного стола, постоит, никуда не денется.

Теперь заглянем в другие комнаты. Одна закрыта, в другой... Ага, вот он — забияка, дрыхнет, синячок свой под глазом лелеет.

— Господин художник, проснитесь!.. — не слышит.

В комнате две кровати кое-как одеялами прикрыты, в пепельнице полно скурков. Художники разрекламированным «Мальборо» легкие травят, не признают отечественного яда. А водка на столе русская. Одноглазый боец после вчерашнего добавил, на старые дрожжи хорошо легло, грамм триста заглотил и снова спит. Проверим заодно карманы у главного подозреваемого — ничего интересного.

— Вставай, пьяница! — не реагирует. Возьмем графин с водой, немного на голову, теперь за воротник... Зашевелился, глаза, точнее, один глаз открылся, ищет источник божьей росы. Появился интерес к жизни. Давай, милый, знакомиться. Да садись же, садись!

— Детектив Крылов, у меня вопросы по поводу вчерашнего инцидента.

— Уже спрашивали, — хрипит. — И в отделение возили. На все вопросы ответил и отпущен домой. Больше ни с кем говорить не желаю. Уйди из номера, я тебя не знаю.

— Ах ты, дуэлянт кулачковый, еще кочевряжешься? Ты вчера Соснова-старшего бил? Сейчас экспертиза установила у него сотрясение мозга, и он от этого умер.

— Не рассказывай сказок. Это он мне сотворил сотрясение мозга, вот, чуть глаз не выпал. А я ему в рожу ни разу не попал. Он хоть и пьяней меня, и старше, но в открытом бою непобедим. Отдадим ему должное.

— Вы где родились, Панфил?

— Я внук холуйского богомаза, и сам родился в Холуе. А где надо?

— Сейчас живете...

— В Липецке.

— Почему туда уехали?

Открытым глазом Панфил пошарил по столу, наткнулся на бутылку.

— Говорить с тобой больше не желаю, душа просит, — и потянулся с кровати.

Я выхватил бутылку из-под рук.

— У меня несколько вопросов. Ответишь — отдам.

Панфил слез с кровати, постоял на ногах, покачался, затем смачно плюнул в кулак и размахнулся, целя мне в глаз. Я отодвинулся вместе со стулом, и он со всего маху хлопнулся на пел. Лежа, заныл:

— Что дерешься? Отдай бутылку по-хорошему.

Я сгреб его за шиворот, посадил на кровать и сверху стал лить остатки воды из графина. Он задрал голову и попытался ловить воду ртом. Единственный его глаз стал осмысленным и жалобно посмотрел на меня.

— Повторяю вопрос: ты зачем в Липецк поехал?

В немой мольбе Панфил протянул руки:

— Не дай мастеру умереть, внутри все спеклось.

Я начал раздражаться.

— Отвечай быстро, толково к через минуту получишь свою отраву.

— Хорошо, спрашивай скорее.

— Ты зачем в Липецк поехал?

— За компанию с Малашиным и Маркичевым.

— Что вас погнало с родных мест, толком объясни.

— Непонятливый какой... Чего по свету жизнь людей гоняет? Капуста нужна, башни, шуршики, марки, доллары, франки... Вот и поехали, погнались.

— Почему ж дома не работалось?

—: Дома, на фабрике? А ты сам поезжай и попробуй. Там куда ни кинь — всюду Соснов-старший. Соснов сказал то, да придумал это... И образцы для копирования делает он, и на каждую выставку он, и в Союз художников он. Недавно решали, кого в Америку послать — он поедет; книгу в Штатах готовят о Холуе — кому обложку заказали? Соснову-старшему... Как-то к нам в Холуй приехал деловой человек из Липецка, эмиссар, приглашал мастеров в учителя, чтобы у них народный промысел организовать. Деньги пообещал хорошие, вот мы и решили — мол, там сами себе хозяева станем, что хотим, то и рисуем. Вот и рванули.

— Ну, как вы в Липецке, без Соснова?

— В Липецке мы его еще чаще вспоминать стали, чем дома... Царство ему небесное.

— В драку вчера зачем полез?

— Хотел на прощание морду набить, чтобы нас помнил и не зазнавался.

— А может, ты ему и в еду подсыпал?

Панфил уставился на меня мутным глазом и погрозил пальцем.

— Я человек крещеный, православный, из потомственных иконописцев. Помнишь, что в заповеди написано: «Не убий, не пожелай жены ближнего...» Ну, насчет жены ближнего напрасно заявлено, сейчас как раз было бы кстати пожелать, но насчет убийства, это мы — строго. Мы же для церкви крестики пишем и этим кормимся, сам подумай.

— Где вчера Соснов грибы взял? Расскажи, как сели за стол?

Панфил снова попробовал взбунтоваться, но понял, что со мной не справиться, начал торопливо рассказывать, то и дело облизывая пересохшие губы.

— Выставка в Петербурге, в Русском музее — ну, как тут было не напиться? Хотя мы, холуй цы, и привычны к мировым выставкам, но головенка-то каждый раз кружится, все ж мы — провинциалы, деревня. Ну мы г; решили, как водится... отметить. С утра пораньше пошли на Кировский рынок. Телятину купили, картошку, яблоки, огурчики... А Соснов-старший начал выпендриваться, как всегда. Я, мол, скоро стану вегетарианцем. Увидел бабку с грибами и сразу к ней. Ку, грибы хотя бы грибами были, скажем, подберезовики или подосиновики, я уж не говорю о моховиках или беленьких. А тут — мразь, строчки, сморчки, на них смотреть без содрогания невозможно, как изгрызенные мышами куски губки, и запах настоящей помойки. Ну, а Соснову все это в самый раз.

— Мужик продавал, с бородой, в очках.

— Нет, не путай, баба пригородная, серая личность.

— Сможешь нарисовать?

— Я не на нее смотрел, а на грибы.

— Бабка крупную торговлю вела?

— Она держала в руках корзинку средних размеров. Соснов купил у нее так, на глаз, побольше килограмма. Мы посмеялись и пошли дальше.

— Водку где приобретали?

— В ларьке по дороге, недорого. Водка — дрянь, но в голову крепко ударяет. Так отдашь бутылёк?

— Еще несколько вопросов. Расскажи, как Соснов-старший грибы готовил.

— Обыкновенно — кастрюлю взял на кухне, отварил грибы. У кого-то дуршлаг достали, я ему помог грибки откинуть, воду слить.

— Кто на тарелку выкладывал, в комнату нес?

— Не видел, у меня на сковороде мясо поджарить начало. Потом я эти грибы уже на столе видел.

— Попробовал?

— Кому нужна эта отравка, когда у нас шницеля в палец толщиной из свежей телятины, сам подумай. Соснов-старший обозвал нас трупоедами, придвинул к себе тарелку с поганками, да так все и съел. Дальнейшее я не все помню.

— Как же вы, художники, интеллигентные люди, могли до такой степени напиться?

— Ха, не знаешь ты художников! На Новый год, бывало, тот же Соснов-старший так напьется, что лежит, как труп, а все-таки пальцем указывает на рот: влейте, дескать, еще стаканчик. А предания наши слышал? Богомазы холуйские наймутся в отъезд церкви расписывать, там пропьют все о себя и работают в церкви, завернутые в одеяла. Или художники в отъездах разбиваются на две партии, одна из которых пьет, другая работает. Или мастер приезжает расписывать стены храма с десятью помощниками, и пока он пьет неделю-другую — помощники отдыхают, не теряя заработка, потому что хозяин ценит мастера.

— Ты видел, когда ушла Людмила Катенина?

— Нет, и никто из наших не видел. Носилась со всеми, готовила, скатерть

накрывала, а когда пришло время садиться за стол — хватать, а ее и след простыл.

— Ну, и что вы решили?

— А то и решили: баба с возу — кобыле легче. Взяли и сели за стол. Мало ли какие у нее дела?

— А что директор сказал, как себя повел?

Панфил помялся.

— Такое дело, может, и не стоило бы упоминать, в милиции об этом разговору не было. Зачем официальному лицу косточки полоскать?

— За мой язык не беспокойся, лишнему никому не скажу. Может, тут вся загадка и кроется?

— Мне и самому интересно, — оживился Панфил. — Расклад по комнатам был такой: директор и Соснов-старший в одной комнате, Онисов с Сосновым-младшим в другой, мы, трое липецких, нам на ночь раскладушки давали, в третьей, и в четвертой Людмила. Директор есть директор, почти сразу перешел в номер к Людмиле, там блаженствовал, почти не скрывался. А тут — подружка удрала, он взвыл, не поймет, почему? Дал нам съесть по 180 шницелю и погнал — мол, идите, ищите, без нее не возвращайтесь! Так разозлился, говорит, сыщиков найму, а верну! Ну, мы и пошли, кто куда.

— Все разошлись?

— Кроме Соснова-старшего, который быстро пьянеет. Директор мужик железный, с ним не поспоришь, время назначил вернуться и доложить. Но какие из нас сыщики? Кто по магазинам подался, кто на Невский, я хоть на Неву посмотрел, на Летний сад.

— В котором часу вернулся?

— Без четверти восемь.

— Кто-нибудь уже пришел к этому времени?

— Все были, кроме Ирины Грачевой. Великорецкий объяснил, что отправил ее домой. Соснов-старший уже лыка не вязал, но за стол сел и еще несколько стопарей осилил. Потом ушел в отруб, блаженный стал, заулыбался. Мы его чин-чином уложили на кровать и продолжили пир. После одиннадцати Соснову-старшему стало плохо, Великорецкий стал «скорую» вызывать. Пока машина ехала, мужик отошел. Милиционер явился, всех расспрашивал, опись вещей умершего сделал. Меня за то, что с Сосновым подрался, с собой забрал, мои данные проверил, потолковал и отпустил. Если человек грибами отравился, которые сам купил, я тут причем?

— Почему грибами?

— Водку мы одинаково пили, грибы он ел один. Неужели не ясно?

Панфил протянул дрожащую руку к бутылке, крепко сжал сокровище и начал пить прямо из горлышка.

В коридоре раздались громкие шаги, дверь распахнулась и впустила Великорецкого со свитой.

— Ба, пьяница, как положено, хлещет водку, а хваленый детектив продолжает искать нашу красавицу. Вчера, мой дорогой, резвость следовало показать, сегодня поздно, даю тебе от ворот поворот.

С ухмылками поглядывая на меня, художники скинули плащи и куртки, стали рассаживаться. Я понял, что если не поставлю директора на место, придется уйти, не солоно хлебавши. Я воспользовался приемом, который изве-

стен полицейским всего мира — открыл блокнот на чистой странице, положил на стол, вынул ручку из кармана и строгим официальным голосом спросил директора:

— Врач-эксперт установил время смерти Людмилы Катениной в период от пятнадцати сорока до шестнадцати сорока. Где вы были, господин Великорецкий, в этот промежуток времени?

— У вас! — опешил директор. — В этот момент Катенина была еще жива и тоже находилась в вашем доме.

— Позвольте внести поправку. Бы от нас ушли в пятнадцать сорок. В вашем распоряжении был час. Можно, не торопясь, доехать до Московского вокзала, встретить там коллегу и порадовать найденным в мусоре обрывком веревки.

Великорецкий оцепенел, лицо налилось краской. Художники с недоумением смотрели то на меня, то на него.

— Вы не понимаете, что спрашиваете? — наконец смог выговорить директор.

— Понимаю. Я хочу знать, где вы были в указанное время и не вы ли убили Катенину?

— Я убил?! Хорошо, отвечу. Мы расстались с Сосновым-младшим, и я, как обычный командированный, пошел бродить по городу.

— Свидетелей у вас нет, алиби нет. Вы остаетесь в числе подозреваемых.

— Да что вы себе позволяете? Я уже был в Авто вс ком отделении милиции, и мне задавали эти вопросы.

— И я задам, потому что мы с капитаном Бондарем были последние люди, которые ее видели живой, мы знаем больше милиции. Разумеется, если не принимать во внимание убийцу.

— Уголовный розыск ведет официальное следствие. Зачем вам самостоятельный поиск, Виктор?

— У меня появился клиент, заинтересованный в расследовании обстоятельств гибели Катениной. Он внес аванс, и поиск начался. При мне лицензия и оружие, могу показать. Ваша работа — рисовать миниатюры, моя — ловить преступников. И если убийца находится среди вас, или в другом месте, он рано или поздно окажется в моих руках, не сомневайтесь.

— Если так стоит вопрос, — пробормотал Великорецкий, — пожалуйста, ищите негодяя.

— Именно так стоит вопрос... Я никак не могу понять, почему, увидев ваше пальто, молодая женщина в ужасе убежала?

— Это и для меня загадка.

Я повернулся к невысокому, крепко сбитому, лет пятидесяти человеку с умным открытым взглядом — заслуженному художнику России Онисову. Он сразу меня понял и четко ответил:

— В указанное вами время я осматривал Петропавловскую крепость. Алиби у меня нет.

Сосков-младший мыслями был далёка отсюда. Пришлось толкнуть его в плечо:

— Алиби есть?

Он посмотрел на меня затуманенными глазами.

— Алиби нет. Я ел мороженое, ходил по городу и думал. В Петербурге хоро-

шо думается.

— Не терзайте человека, — вступился за него директор. — У него сегодня голова кругом. Из-за жалкой кучки грибов все наши великие планы расстроились. Пришлось перестраиваться на ходу. Я потерял сразу двух хороших сотрудников. Теперь мне придется послать в Америку Соснова-младшего, он же нарисует обложку для издающейся в США книги о Холуе.

Маркачев и Малашин сказали хором:

— Алиби нет. Мы сидели в ресторане.

От улыбки большие уши Маркин ева забавно шевельнулись. Он вырвал из своего блокнота страничку и протянул мне. Рисунок оказался на злобу дня: на железнодорожном перроне безжалостный бомж, с черепом вместо головы, хватал девушку, а детектив, весьма похожий на меня, с огромным пистолетом в руке, сидел верхом на поезде, зорко глядел вдаль и не замечал, что творится у него под носом.

— Что вы этим хотите сказать? — строго спросил я.

— Рисунок на память, сэр.

— Извините, Виктор, — заторопится Великорецкий, — через два с половиной часа отходит наш ивановский поезд. Нам необходимо собраться. Если у вас имеются персональные вопросы, подойдите и поговорите отдельно. Сейчас мы наскоро перекусим.

— Если я с вами стаканчик чаю выпью, не отравите?

— Ваша напористость мне симпатична, Виктор. — Директор положил в дорожную сумку бритвенный прибор. — Судя по мускулатуре, у вас и силенка есть. У меня к вам предложение. Через два дня выставка закрывается, двадцать шестого Ирина Грачева повезет ее в Холуй. Работники музея упакуют наши работы, погрузят в купе, мы уже купили четыре места. Ирина в купе забаррикадируется и поедет до Иванова. Там наш автобус встретит ее. Но Ирине страшно ехать одной. Не возьметесь ли сопровождать ее в поезде? Билет туда и обратно и командировочные на двое суток я оплачу.

— Договорились, — немедленно согласился я.

Великорецкий достал кошелек и отсчитал мне шестьсот долларов. Я убрал деньги в карман и подумал, что сумею прокормиться около художников несколько дней.

Холуйцы начали выкладывать на стол пакеты с едой, у кого что было. Я решил принять участие в приготовлении обеда, спросил, где чайник?

— У Великорецкого, — ответили мне.

Стукнув пальцами в дверь, вошел в комнату. Директор стоял у стола и укладывал в дорожную сумку книги и альбомы в красочных обложках.

— У вас есть ко мне вопросы?

Я по привычке потянул носом, мне показалось, что в комнате чувствовался едва уловимый запах грибов. Потянул носом еще раз — нет, ошибся или уже привык к воздуху. Л может, запах грибов станет преследовать меня повсюду. Хотя ничего в этом удивительного — в соседней комнате Соснов-старший оставил на память о себе... бр-р-р, не охота вспоминать, и все здесь пропиталось этим запахом.

— Возьму чайник, поставлю кипятить, — обошел я Великорецкого.

— Не надо, я сам, — торопливо протянул он руку. Но я уже подхватил чайник со стола, вышел в коридор и направился в кухню. Чайник был как чай-

ник, обыкновенный, электрический, но когда я на кухне открыл крышку, чтобы набрать воды, мне показалось, что от него отдает грибами, легко, почти неуловимо, но отдает. Струя фторированной воды ударила в чайник и смыла все запахи. Чайник был блестящий, металлический, и я заметил, что к нижней его кромке прилипла крошечная черная точка. Смахнул ее и почувствовал, что она мягка внутри, словно подсохший кусочек гриба. Вода смыла крошку, и я подумал, что пропах грибами и мысли мои пропитались ими, и сам теперь превращусь в гриб сморчок.

Собрались в комнате липецких беглецов, расселись на кроватях. Украшением стола стала банка черничного варенья, привезенная Онисовым. Все накладывали варенье на булку и уписывали за обе щеки. Из-за отсутствия заварного чайника заварку сыпали прямо в чашки. Мне достался казенный стакан, и Соснов-младший сыпанул сразу две ложки индийского чая.

— Детектив должен любить чефир, — пошутил он. Чай действительно оказался крепким и вкусным.

Липецкие художники, ушастый Маркичев и толстый Малашин, тоже интересовали меня. Выражение лица у обоих одинаковое — озабоченное, и они пытались спрятаться друг за друга. Но сидели рядом, и я невольно прислушался к их разговору.

— Это ты предложил где-нибудь посидеть? — спрашивал приятеля Маркичев.

— Но ты не возражал, — парировал Малашин. Они скучно препирались, но я сразу насторожился, когда Маркичев назвал ресторан Московского вокзала. Повернулся к нему и потребовал:

— Мне нужны подробности.

— Когда-то, в юные годы, я ужинал в ресторане Московского вокзала, — пояснил Малашин. — Мне захотелось сходить туда, выпить кофе и вспомнить молодость. — Он нарисовал план ресторана, указал столик, где пили кофе, описал официанта, который их обслуживал. Что мне понравилось в рассказе, художник не жаловался на дороговизну. Знал, куда шел, и выложил монету, не поморщившись.

Я знал, из вокзального ресторана можно добежать до перрона за считанные минуты. Ушастый Маркичев и толстый Малашин стали для меня подозреваемыми номер один. Но что делать дальше со своими подозреваемыми? Все трое липецких ехали в Холуй проведать родственников и друзей, следовало придумать изящный трюк, чтобы расколоть ребят. Наблюдение за ними следовало начинать сейчас же.

Пека пили чай, Малашин и Маркичев договорились с Панфилом, что оставят ему свои вещи, а сами подьедут прямо на вокзал. Я сказал всем: «До встречи в Холуе!», зашел на кухню, вынул из стола пакет с остатками водки и грибами, отвергнутыми Сосновым-старшим, спустился вниз и попросил разрешения у вахтерши позвонить по телефону.

— Частное детективное агентство Ярослава Грая, — услышал я в трубке голос Бондаря. Узнав меня, старик обрадовался, сказал, что Грая нет. Он вышел из библиотеки сердитый, быстро переоделся и ушел. — Что ему передать, если позвонит?

— Художники сегодня уезжают. Я получил заказ на небольшую работу по специальности от директора фабрики и в средствах не нуждаюсь, через два

дня уеду в Холуй охранником, туда и сразу обратно. На продолжение следствия деньги есть, дом закладывать не надо.

— Я знал, что ты выкрутишься, Виктор, — по голосу понял, что старик улыбается. — Но наш уговор остается в силе, я готов пойти на крайние средства. А ты где сейчас, что делаешь?

— Я в общежитии, взял след. Оказывается, убийц было двое. Решил приглядеть за ними. Имею пакет для криминалистической лаборатории. Все> они идут...

Не знаю, как запах умудряется проникать через полиэтилен? Аромат моей добычи, черт бы ее драл, запросто проходил через два пакета. Вахтерша перестала вязать свой бесконечный носок, морщила нос, отворачивалась, полагая, что у меня не все в порядке с туалетом. Я делал вид, что не понимаю ее косых взглядов, когда идешь по следу, приходится мириться с мелкими неудобствами. Наклонил голову, чтобы полями шляпы скрыть лицо, дождался, когда два моих липецких героя спустятся с лестницы, обсуждая что-то на ходу, пройдут мимо и скроются за входной дверью. Только тогда подхватил свой необычный пакет и ринулся на улицу.

Я шел за ними шагах в пятидесяти. Вести их было легко, им в голову не приходило петлять, оглядываться, ловить меня в зеркальце, поднеся его к глазам. Не хочется описывать, как я натерпелся, следя за ними в метро, как косились на меня люди, старались отодвинуться, освобождали вокруг пространство, а элегантная старушка, видно, из потомственных, даже зажала нос кружевным платочком ручной работы, пахнущим духами «Вечерняя Москва». В метро я чувствовал себя, как золотарь, который прихватил работу на дом.

Каково же было мое удивление, когда художники пришли к Русскому музею! Я довел их до зала, где размещалась выставка холуйской миниатюры, вернулся в гардероб, отыскал музейный туалет и на сливном бачке спрятал свою добычу.

В выставочном зале я первым делом отыскал своих подопечных. Они стояли около стенда, разглядывали расписанный ларец. Маркичев восхищенно говорил:

— Смотри, Веселов камыш ввел в рисунок, до этого не было камыша в Холуе. Заметил где-то, наверное, на подледном лозе, хорошо рассмотрел и ввел в рисунок.

Вторым открытием было явление самого Грая, который холодным кивком приветствовал меня. Объяснения по выставке ему давала Ирина Грачева. Я подошел и вежливо поздоровался с ней. Они рассматривали восьмигранный ларец Людмилы Катениной, который назывался «Русские богатыри». Рядом стояла небольшая фотокарточка художницы в траурной рамочке.

На восьми сторонах ларца и на крышке оживал былинный мир Руси. Сначала ларец не произвел на меня никакого впечатления. Я просто стоял и смотрел, стоял и смотрел — вежливо, спокойно, равнодушно, старательно. Чюди вокруг ходили, говорили, толкались, а я все стоял и смотрел. Сам не знаю, что хотел увидеть, может быть, разглядеть, как Золотая рыбка, высунув от усердия кончик языка, рисовала тонюсенькой кисточкой... Прошло какое-то время, неожиданно я перестал замечать то, что меня окружало, увидел вдруг букеты цветов, увидел б; пвы! Ожили багряные и кубовые кони, закачались на ветру васильки, клевер, тимофеевка, колокольчики! Богатыри бились с богатыря-

ми — сверкали булатные мечи, гремели о вражескую сталь страшные булавы, как молнии разили копыя, со свистом летели золотые стрелы. Огненная колесница войны гремела в полях, перекатывалась по холмам, затихала среди перелесков. Примяты цветы, и среди них умирают тысячи наших воинов. Сквозь цветы кровь течет в землю. Подымаются курганы, вихри ветра разглаживают безвестные могилы бойцов, и на окровавленных полях вновь расцветают цветы — золотистые ромашки с белыми лепестками, львиный зев, анютины глазки...

Мать в детстве не читала мне сказок. Но я видел сохранившиеся с давних времен на нашей земле церкви с колокольнями — среди холмов, полей и лесов. Посмотришь на такую церковь всего один раз и на всю жизнь запомнишь красоту, сотворенную нашими безвестными предками. Я видел каменные дороги, построенные еще крепостными крестьянами, барские дома, потерявшие свой первозданный вид, но до сих пор гордо стоящие на берегах рек и озер. Давно, в прошлых веках, проскакала татарская конница по нашим полям, уж и следа не осталось от тех деревень, которые пожгла и пограбила она, но и по сей день в деревнях окрест Твери бегают мальчишки, глядящие на мир с татарским прищуром. Я вырос в деревне и умею скакать на коне без седла и без уздечки, одной рукой вцепившись в гриву, в другой держа пруттик, чтобы, хлопав коня по изогнутой шее, повернуть, куда надо. Я понял и принял сказочных богатырей, они были такие же солдаты, как и я, полковой разведчик из мотопехоты.

— Сейчас бы на коня и по деревне, эх!.. — воскликнул я неожиданно для самого себя.

Ирина рассмеялась одобряюще, а Грай даже позавидовал:

— Меня конь сбросил бы на первом повороте, как закоренелого горожанина.

— Выставка впечатляет? — спросила Грачева у шефа.

— Я посмотрел на художников, на их работы, и мне пришло в голову любопытное обстоятельство: они все рисуют самих себя, фигуры их героев чем-то похожи на них самих. Может, это естественно: настоящий художник сообщает формам своих фигур собственные черты. Возьмите хотя бы Онисова, любой из его персонажей хоть и отличается один от другого, все же похож на самого Онисова. Мне сразу не понять, но тут скрывается какой-то глубокий и важный закон.

Искусствовед бросила взгляд на другие шкатулки:

— Я знаю всех художников... Пожалуй, вы правы, интересное наблюдение. Л еще на что обратили внимание?

— Работы Соснова-старшего и Соснова-младшего рядом лежат, легко заметить, что их авторы молодые, сильные духом мужчины, их герои напряжены, они не только готовы к схватке, они сражаются, давят на зрителей своей энергией. Я, зритель, ощущаю их мощь.

— Так и должно быть, это самые талантливые из молодых художников Холуя.

— И вот что интересно, — заметил Грай. — У Соснова-старшего алая краска необыкновенного оттенка, и художник ее мощно использует, его картины полыхают, словно озарены внутренним светом. Подобное удовольствие я получаю от картин Куинджи. Это какая-нибудь химия, фосфорический светящийся

состав? Или это великая тайна, и даже вы не посвящены?

— Вы глазастый зритель, — рассмеялась Грачева, — Поэтому открою вам тайну. На чердаке старого дома Соснов-старший нашел полнаперстка редчайшей краски — пыльцы с крыльев бабочек из Индии. Он держал находку в секрете, дорожил краской, использовал только для выставочных работ и вызывал жгучую зависть других художников, которые и без того дивились силе таланта своего коллеги.

— Посмотреть бы на диковинку?

— По старой дружбе я сумела уговорить Соснова, он привез наперсток сюда и тайком показал перед открытием выставки.

— О, не томите, расскажите скорее!

— Прабабкин медный наперсток с крышечкой из красного дерева, темный, обычный, увидишь на земле — поленишься поднять. А откроешь крышечку — изнутри свет ударит, будто там спрятан осколок жгучего южного солнца. Такое можно увидеть раз в жизни.

— У нас на севере у природы краски спокойные, мягкие... Где же теперь чудо природы?

Искусствовед пожала плечами.

— Кто знал о существовании наперстка с необычной краской?.. О том, что он привезен сюда?

— Тайну, скрытую печатью смерти, знать может только Бог.

Я отошел от Грая, глазами отыскал своих подопечных и снова с голевой ушел в чудесную страну тонконогих коней, серебряных облаков и загадочной грусти. Надолго замер перед «Тройкой» — синегривые неслись по ярко-красному снегу. Да, по красному снегу. В кибитке девушка, наверное, спешит на свидание. Задержали меня не девушка и не седок, захватил меня ритм бешеной скачки: все извернуто, вздыблено, закручено — метель крутит снег как смерч. Коренник запрокинул лебединую голову и могучей грудью прорезает непогоду, пристяжные, изогнув крутые шеи, мчат, словно по воздуху.

Выйдя на улицу, я немного постоял в скверике, чтобы прийти в себя. Над головой слышал: «Ганг-ганг-ганг-ганг...» Поднял голову, Боже мой, с юга косяк за косяком, летели гуси. Я насчитал двадцать два косяка. Острые птичьи углы ломались на ходу, перестраивались, сливались. Гуси прилетели, значит весна пришла. Позади всех косяков, молча, отчаянно взмахивая крыльями, летела отставшая птица. Но вот и она исчезла в дымке, сгустившей над городом.

Я посильнее натянул шляпу, пока еще прохладно, и поехал на Московский вокзал провожать художников.

Поезд подошел рано. Холуйцы положили в вагон вещи, и я повел их к дальнему перрону. Они замолчали и помрачнели. Я заставил их смотреть вниз, на землю, где еще осталась вмятина от тела. Всмотривался в лица, пытался прочитать мысли. Но ничего не смог понять.

Великорецкий прервал молчание:

— Надеюсь, Виктор, ты: доберешься до истины. Извини, поезд ждать не станет.

Кутаясь в плащи, художники вновь зашагали по перрону. Ивановский поезд тронулся и пошел, быстро набирая скорость.

— Гакг-ганг-ганг-ганг... — снова раздалось в небе.

С упорством маньяка я тащил свою добычу из Русского музея в Автовокское

отделение милиции. У нас был договор, благодаря которому милиция брала наши находки на экспертизу. Перед входом в отделение, в приличном со старыми деревьями скверике стояло до десятка легковых автомашин с мигалками и без них, ку жевались парни в милицейской форме и громко смеялись. Сержанта Григорьева я нашел, в некоторой задумчивости сидящим на скамейке, и в двух словах объяснил, что принес. Он заинтересовался, зачем-то отвел меня в сторонку.

Я показал ароматизированный пакетик. Сержант сморщил нос:

— Фу, чистый яд! У тебя дома есть личный музей? Вот положи, как экспонат... Бутылку взял прямо со стала? Много там? Покажи. — И с сомнением покрутил головой. — Маловато для настоящей экспертизы, честно скажу — маловато. Да ладно, попробуем, — ловко скovyрнул пробку и лихо вылил содержимое себе в горло. Крякнул, вытер рот ладонью. Прислушался к тому, что происходит Овнучри, объявил: — Могу дать устное заключение — яда нет, хотя очистка никудышная, сивушных масел много, — и, посмеиваясь, зашагал к своей скамейке.

Глава IV

Двадцать шестого апреля, сразу после обеда в кают-компании, Грай направился в библиотеку. Я решил, что пора складывать дорожную сумку. Но едва начал подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж, как у входной двери раздался звон колокола. Пришлось спуститься вниз и подойти к двери. Сквозь стекло иллюминатора я увидел рассерженное лицо майора Головатого. Распахнул дверь и вежливо поинтересовался здоровьем его сотрудников. Не потрудившись ответить и не сняв куртку, он проследовал в кабинет и плюхнулся на диван.

— Где Грай?

Наверное, я никогда не научу хорошим манерам начальника уголовного розыска.

— Вы мне не поверите, вот уже пять дней, как он перешел на другую работу.

— Ты что несешь?

— Скоро мы вместо частного детективного агентства откроем слесарную мастерскую. Пройдите в библиотеку-мастерскую и убедитесь сами.

Головатый поспешил в библиотеку. Шеф повалил средневекового рыцаря на верстак и отверткой самозабвенно ковырял забрало, которое никак не хотело открываться. Не отрывая глаз от Жана, пригласил:

— Проходите, майор, садитесь на стул к окну. Я сейчас. — Шеф поднажал отверткой, сна сорвалась и сильно поцарапала руку. Грай прихватил ранку губами, отсасывая кровь.

Из аптечки, приготовленной запасливым Бондарем, я достал йод и бинт.

— Дайте руку, перевяжу. Этот железный покойник пускает вам кровь, как настоящий мафиози.

— Придется простить его, Виктор, он профессиональный военный и единственное, что умеет — пускать людям кровь.

Головатый кашлянул в кулак.

— Что за козни вы мне строите, Грай?

— Вы о чем спрашиваете?

— О деле художницы Катениной. Мы договорились обмениваться информацией, а вы меня обманываете.

— Чем я вас прогневил сегодня?

— Мало того, что вы путаетесь под ногами, вводите в заблуждение, так вами мне колют глаза! Вы дождетесь, что я отберу лицензию.

— Вы о чем, Головатый?

Он помакал выхваченной из кармана газетой:

— Тут черным по белому написано, что дело Людмилы Катениной, холуйской художницы, задушенной на Московском вокзале, зашло в тупик. Известный сыщик Грай, к которому несчастная женщина приходила в тот трагический для нее день, чтобы попросить убежище, снова взялся за дело и посылает своего помощника Виктора Крылова в Холуй, где, по его предположению, мог скрыться преступник.

Грай сразу понял, что это моих рук дело и с укоризной покачал головой, но тут же заметил:

— Не вижу причин для гнева.

— Вы мне дали слово, что не имеете клиента по данному делу, а оказывается, есть! И вы что-то раскопали, чем можете припереть убийцу к стене, но не желаете делиться добычей.

— Повторяю, клиента у меня нет, — начал раздражаться Грай.

— Кто же оплачивает операцию? Или частное агентство начало бесплатно работать?

— Можно мне вставить слово? — спросил я Грая.

— Объясни ему, — велел шеф.

— Операцию провожу Лично я, и совершенно самостоятельно. Клиент у меня есть — капитан Бондарь. Мы с ним чувствуем себя виноватыми — не удержали женщину, и она попала в руки убийцы. Еду я в Холуй на средства, выделенные директором фабрики Великорецким, сопровождаю груз — лаковые миниатюры, которые являются национальным достоянием и требуют охранника высочайшей квалификации. За общую оценку состояния данного дела, которую дала газета, я не несу ответственности. Вечером мне позвонил ответственный секретарь, и я коротко ответил на его вопросы. И меня можно понять — отрекламировать себя липший раз не грех?

— Ловко вы все подстроили, я выстеган, а вы ни при чем и продолжаете расследовать дело. Скажите честно, у вас факты новые появились?

— Фактов нет.

— Версии, предположения?

— Все туманно и требует проверки, — развел руками Грай.

— Я вам помогаю, даю факты, а вы мне в ответ — шиш!

— Не сердитесь, майор, мы всегда возвращаем долг сторицей. Результаты судмедэкспертизы готовы?

Излив гнев, Головатый несколько успокоился.

— Раз Виктор едет в Холуй, то должен знать: водка, которую пили художники — самопал, сделана где-то на подпольном заводе. Но от нее не умрешь. А вот в грибах оказалась гельвелловая кислота. От гоибов пьяный художник, не приходя в себя, и умер. Теперь у меня вопросы: дает ли вам что-нибудь результат анализа? Связываете ли вы две эти смерти?

— Результат анализа пока ничего не меняет и не подсказывает. В ответ на

второй вопрос не говорю «да» и не могу сказать «нет». Посмотрим, что Виктор накопает в Холуе.

— Знаю я вас, черта с два скажете. Вы сейчас сидите на нуле и вам позарез нужна реклама, чтобы клиент повалил, да побогаче. Мне придется все узнать из газет, и будет там написано: ах, какой успех у Грая, в то время как официальные силовые структуры сидят в луже!

Разгорячившись, Головатый вскочил со стула, подошел к железному рыцарю и сунул газету в смотровую щель, как в почтовый ящик. Вышел из библиотеки и вновь сильно хлопнул входной дверью.

Заперев дверь, я вернулся в библиотеку. Грай с интересом заглядывал внутрь головного шлема Жана. От тычка Головатого шлем открылся, да так и лежал с распахнутой пастью. Было странно видеть под железом пустоту.

— Сейчас соберу дорожную сумку и отбуду в Ивановскую область, на чужую землю. Какие будут инструкции? — спросил я шефа.

Он подумал и позвонил по внутреннему телефону на кухню.

— Капитан, вы вручали Виктору рубль. Может, вы найдете еще полтинник?.. Принесите его сюда, пожалуйста.

Грай выпрямился и официальным голосом произнес:

— Вы, капитан Бондарь, наняли Виктора для расследования дела Катениной и стали его клиентом. Не могли бы вы нанять меня ему в помощники? Если вас это не разорит?

Я едва сдержал улыбку. Но приходилось быть серьезным — своенравный старик из каких-нибудь ведомых одному ему соображений мог и отказать. Бондарь строго посмотрел на детектива.

— Я догадался, зачем вы звонили. Полностью одобряю ваше намерение — нельзя позволять негодьям убивать людей, которые обратились к нам за помощью. Я принес вам рубль, да не простой, а серебряный, неразменный, — вручил Граю монету и торжественно удалился.

Грай улыбнулся одними глазами и показал мне монету.

— Понял, кого старик больше ценит?

— Мне нужны инструкции.

— Слышал метеосводку? В Ивановской области половодье, Теза вышла из берегов. Не увлекайся, будь осторожен, смотри, чтобы тебя не утопили. В остальном действуй, как тебе подсказывают опыт и твоя природная смекалка. Каждый вечер звони. Думаю, развязка близка. Из твоего рассказа о посещении общежития я кое-что понял. Но нам нужен хоть один неопровержимый факт! Найди, за что ухватиться, и мы сразу начнем действовать.

— Вы догадались, кто убийца? Скажите, мне легче станет там ориентироваться!

— Поешь на дорогу, и в добрый путь, а то Ирина Грачева скоро станет на перроне оглядываться — где ее высочайшей квалификации охранник?

Несуетные парчи из Русского музея, грузчики с лицами интеллигентов в третьем поколении, быстро носили картонные короба с перрона в купе вагона. Я стоял на перроне около Ирины и, в основном, старался не мешать, не влезать в разговоры. Вот ящики погружены, Ирина сказала старшему:

— Груз на месте, до свидания. За меня не бойтесь: у меня охранник с оружием.

Интеллигентные грузчики ушли, мы направились в вагон. В закупленном

музеем купе полностью забиты коробками три полки и половина четвертой, где сидит искусствовед. Рядом с ней есть местечко, как раз для одного человека. Может быть, для меня? Я постоял, посмотрел, да и сделал, как бы нечаянно, поступательное движение. Но искусствовед грубо пресекла мои робкие поползновения:

— Ваше место, товарищ маузер, в соседнем купе. Если услышите крик, стук в стенку или вообще что-либо подозрительное, завоняйте патрон в ствол и приходите для интеллектуальной беседы. — С лязгом задвинула дверь, заготовленной заранее палкой заклинила ее изнутри, чтобы никакой жулик не смог до нее добраться.

— Ирина, отсюда, из-за двери, я задам вам несколько вопросов?.. Скажите, какие у вас отношения были с Сосновым-старшим? Вы любили его? — сделал я выстрел наугад.

Минуты полторы в купе стояла тишина, затем стук и лязг произошел в обратном направлении, и в полуоткрытую дверь Ирина грустно произнесла:

— Были отношения. Но зачем об этом кричать на весь вагон?

— А почему прервались? — спросил я шепотом.

В раздумье женщина слушала то, что происходило в ней самой. Наверное, захотелось выговориться. Дорога, трясущийся вагон, звяканье колес — располагают к этому.

— Большая любовь стояла между нами... Но что бы я стала делать в Холуе? Ведь я каждый год езжу в экспедиции — Архангельск, Вологда, Псков... — собираю предметы искусства, народных промыслов, пишу об этом статьи, книги. Не представляю без этого жизни. А что бы Соснов делал в Петербурге? Спился бы... Соснов поехал в Москву, купил большую склянку французских духов для меня. Вернулся, увидел, что меня подвез на мотоцикле главный художник фабрики. Ничего не сказал. Взял ведро, тряпку. Вымыл крыльцо. И на него вылил духи. Целую неделю вокруг аромат стоял.

— Скажите, а мог бы я...

— У вас мозги для этого жидкие! — перебила меня искусствовед И задвинула дверь.

Я поплелся в свое купе, лег и через пятьдесят секунд уже спал.

— Иваново... выходите... — растолкал меня проводник.

Я спрыгнул с полки. День сумрачный, дождливый, тучи низко ползут над трехэтажными домами. Какие-то люди торопливо сновали по вагону, носили коробки. На перроне стоял автобус с нарисованной Жар-птицей и надписью: «Музей Палеха». «Ага, — подумал, — коллеги помогают с транспортом».

В магазине около вокзала двое встречавших закупили булки, и — поехали! Прямой дождь лупит вовсю, так что звенит жестяная крыша автобуса, на обочинах дороги расплываются рябые от дождя лужи, а мы мчим на полной скорости!

Один из встречающих, по возрасту пенсионер, сел рядом со мной и, видимо, считая нужным просветить, затараторил:

— Если любую из погруженных в автобус шкатулок дать в руки неискушенному в лаковой миниатюре человеку, он, не колеблясь, скажет: «Палех». Но когда прочитает в уголочке «Холуй», может заскучать и даже посчитать шкатулочку за второй сорт. Понимаете, о чем говорю, молодой человек?

Я молча киваю головой, и мой сосед продолжает разговор.

— Палех все знают, а вот откуда Холуй вылез? Конечно, лаковые миниатюры Палеха появились раньше, о них написаны книги, созданы фильмы. Холуй чуть подальше, поскромнее. Но он не второсортное и не копирует Палех. Родились они вместе на традициях древнерусской живописи, много у них общего, но холуйская миниатюра развивается совершенно самостоятельно.

Лекция прервалась, небольшая остановка в Палехе. В Иванове куплена булка, здесь холуйцы покупают хлеб, объясняя:

— Палехский хлеб лучше, вкуснее.

Легендарный двухэтажный Палех ныряет с холма на холм. Улицы здесь названы именами художников. Мы мчимся дальше, вот поселок Богдалиха, ах, какие наличники! Уже в сумерках повернули к реке Тезе, и вот он, Холуй, приютился в ее излучине.

Встревоженный директор фабрики Великорецкий встретил нас на дороге около музея:

— Хорошо, что успели, а то вода сильно подымается, того и пяди, шоссе зальет. Давно такой высокой воды не было весной. Я уже волноваться начал, думал, как бы беды не случилось.

Подшли какие-то мужчины, то ли грузчики, то ли художники, стали быстро, чуть ли не бегом носить коробки в помещение музея — большое каменное здание. Ирина Грачева руководила разгрузкой, считала коробки.

Измученный тряской, полусонный, я стоял около автобуса, не думая ни о чем. Неожиданно ощутил опасность. Она накатывалась сзади. Сон мигом слетел, я неторопливо развернулся. Из полумрака выплыл незнакомец библейской наружности — очень велик, черноволос, с короткой прической ежиком, чтобы за волосы не ухватить, с чудовищной мускулатурой. Ему бы ходить босиком, с засученными по локоть рукавами. Но он в удлиненной кожаной куртке, в мягких штанах, лежащих на огромные ботинки. Под заметным лбом ледяные, внимательные глазки, лицо несколько туповатое, если он нарочито не косит под простака. Этот орангутанг смотрел не на меня, не на автобус, а на Ирину. Глаза его алчно пожирали молодую женщину, известного искусствоведа из Петербурга. В полумраке трудно заметить, но скорее всего под курткой он носил оружие. Меня он не замечал, но я ясно чувствовал, что мое нахождение рядом с Ириной для него нетерпимо.

— Кто этот тип? — спросил я тихонько у Анны Великорецкой, директора музея.

Она ответила приглушенным шепотом:

— Местный мафиози, кличка его Ржавый. Ничего и никого не боится. Все ему сходит с рук. Даже если арестуют, то через день-два выпускают. У него нужные люди куплены или запуганы. Он еще в прошлый приезд Ирины положил на нее глаз. Да не вышло.

Уловив момент, Ржавый подошел к Ирине, на раскрытой ладони показал старинные золотые часы.

— Сколько это может стоить?

Она склонила голову:

— Трудно рассмотреть, света мало.

Он вынул из кармана и включил сильный фонарь.

— Не могу определить цену, я не специалист по часам. Но, похоже, музейный экспонат, такие, как правило, цены не имеют, считается, что это нацио-

нальное достояние, не должно продаваться.

Парень рассмеялся глухо, как будто терли друг о друга ржавые гвозди.

— Сейде все продается и покупается. Нужно только цену правильную дать.

С последней коробкой Ирина скрылась в музее, автобус развернулся и уехал. Мне неприятно было находиться с подобным типом, но я не уходил, чтобы у него не возникло иллюзий, что он способен воздействовать на меня своими глазками-буравчиками. Ржавый смачно сплюнул себе под ноги. Я тоже сплюнул. Поговорили. Поняли друг друга вполне.

Из музея вышли директор фабрики Великорецкий, его жена Анна и Ирина. Пока я глядел, как они спускаются с крылечка, библейский тип неслышно исчез в наступающем сумраке. Я надеялся, что он совсем исчез, но увы, это оказалась первая встреча, можно сказать, пристрелка. Достаточно я повидал подобных типов, думать о местном мафиози не хотелось, ведь мы были в знаменитом поселке — Холуе!

Уже совершенно стемнело, когда Великорецкий повел нас к себе домой. Было страшно оступить, где-то рядом, под невидимым обрывом, тяжело дышала река. Дорога спустилась вниз, от воды дохнуло густой влагой. С утробным воем река рвала наплавной мост, доски дрожали под ногами. Казалось — мост сейчас с нами оторвет, унесет в непроглядную темень, закрутит и проглотит.

Скользя по грязи, выбрались на плоский берег, где темными глыбами прижались к земле избы. Липкая грязь чавкала под ногами, приходилось ступать точно по следам директора, чтобы не ухнуть в невидимую бесконечную лужу, заменявшую здесь дорогу. В полном мраке светились лишь три-четыре окошка, задернутые занавесками, обрисовывая высокие горшки с цветами. А дождь все лупил, и в рычавшей внизу реке, в прочных уземлившихся домах, в вязах на берегу реки, необъятно толстых и кронами вросших в низкое небо, жила немеренная сила. Дружественная она или враждебная, я понять не мог и настороженно оглядывался.

Дорогу нам преградила новая фигура, высокая и плечистая, оказалось, главный художник фабрики Ильин. Я вспомнил — ото он подвозил Ирину на мотоцикле. Витиеватыми речами, ссылаясь на некие производственные нужды, он хотел умыкнуть незамужнего искусствоведа. Ирина дипломатично молчала. Директор взвешивал доводы секунды три и наотрез отказал:

— Оки поселятся у меня, места, хватит. — Раздосадованный художник отступил и исчез во мраке.

Ирина весь путь проделала в белых сапожках. Когда мы добрались до директорского дома и получили домашние тапочки, сна небольшой тряпицей быстро вернула сапожкам первозданную белизну:

— Нормальная деревенская грязь, не то, что в Петербурге — жирная копоть, не ототрешь.

Освещенный желтоватыми лампочками дом директора казался пустым и просторным. Только что в нем отгремела свадьба. Директор женил второго, младшего сына, летчика, и они с невесткой уехали. Накормили нас котлетами, маринованными огурчиками и капустой, приготовленной заботливой хозяйкой. Спать меня директор определил на диванчике в комнате сына. Последнее, что я разглядел в тот день — модели самолетов, подвешенные леской к потолку и ведущие встречный бой. Во дворе загавкала хозяйская собака, по-

казалось, что из темноты за домом наблюдают. Выключил свет, но в непроглядной темноте много разглядеть не удалось.

Уснуть не пришлось — в окно легонечко постучали. Я вынул из-под подушки пистолет, нащупал и достал из кармана пиджака фонарик, встал рядом с окном. Стук повторился. Отведя фонарик как можно дальше от себя, посветил в окно. Плотного сложения парень в черном берете показывал мне рукой на форточку, прося открыть. Сн подтащил лесенку, забрался на нее и, прижавшись лбом к раме, торопливо заговорил:

— Я младший брат Людмилы Катениной, Владимир. Нам надо поговорить. Попробуйте открыть окис.

— Рамы запечатаны на зиму.

— Ничего, рваните посильнее.

Я достал складной нож, прорезал бумагу на раме и дернул. С треском окно подалось. В соседних комнатах было тихо, наверное, не услышали. В окно дохнули ночная сырость и холод.

— Одевайтесь, пойдете со мной, — торопил Володя.

— Зачем, куда. Может, здесь поговорим?

— Не стану я с вами толковать в доме убийцы. Вылезайте, пока хозяин не услышал.

Я оделся покрепче, натянул взятый про запас свитер, сунул пистолет в карман и прыгнул вниз, на мягкую землю огорода. По невидимой тропочке Володя вывел меня к хозяйской бане, и мы скрылись в предбаннике от ветра.

— Почему такая спешка и таинственность, Володя? Я хотел прийти к вам завтра в школу.

— Пришел вас предостеречь. Будьте осторожны. Великорецкий страшный человек. Это он убил Соснова-старшего и Людмилу. Попробуйте стать на его пути — расправится и с вами.

— Почему вы так решили, зачем ему уничтожать своих людей?

— Я так и знал, что вы мне не поверите. Пойдемте со мной, сами посмотрите.

Володя не обращал внимания ни на порывистый ветер, ни на хлеставший дождь. Через четверть часа мы пришли к какой-то стройке. Глаза уже привыкли к темноте, я различил груды кирпича, доски, поднимающийся остов солидного дома, какие с размахом строят себе новые русские.

— Видите? — опросил Володя.

— Вижу. Сейчас придет сторож с ружьем и засадит нам заряд соли в теплое место, чтобы мы не утащили доски.

— Не бойтесь, сторожу эту стройку я, как бывший десантник. Это в темноте мой голубей берет черным кажется.

— Почему мы здесь стоим и мокнем под дождем?

— Чтобы вы своими глазами увидели — здесь живет мой сосед, Модест Куливанов. Он из Иванова, предприниматель из новых русских. Приехал два года назад, купил дом, разводит павлинов, сейчас уже шестнадцать птиц.

— Куда ему столько? Он что, на диете из павлиньих яиц?

— Сюда приезжают богатеи и покупают птиц для украшения вилл. Платят миллионы.

— Похоже, ты его не очень любишь?

— За что его любить? Он скупает акции фабрики, хочет приобрести кон-

трольный пакет и стать полным нашим хозяином. Еще скупает наши миниатюры, которые художники пишут для себя, отправляет их в Петербург, в Москву, живет этим. Он стал кружить вокруг Соснова-старшего, подбил его создать ассоциацию молодых, талантливых художников и через Соснова командовать ими, диктовать свои условия.

— Ассоциация успела оформиться?

— Документы уже готовы. Великорецкий решил, что, оставшись без молодых художников, он не имеет будущего, и убил Соснова-старшего. У всех на глазах отравил грибами.

— Откуда вам здесь могут быть известны подробности?

— Мне в школу Людмила с вокзала позвонила.

— Дословно, что она говорила?

— «Через грибы у нас одного художника меньше станет. Приеду, все расскажу. Встречай меня, потому что страшно». Думаю, директор сам ей проговорился, он был с ней в тайной связи. И Людмила в страхе бежала без оглядки. Вот он ее нашел на вокзале и... как свидетельницу.

— Алиби на это время у него действительно нет.

— Вот видите, это он! За свою фабрику он станет драться насмерть со всем миром. Сейчас время такое. За фабрику стоит драться. Я сам на его месте тоже бы, наверное, мог...

Мне стало холодно и мерзко. Не могу видеть, как люди звереют, набрасываются на государство, рвут его на части, давятся откушенными кусками, при этом безжалостно убивают друг друга. А те, кто остался в стороне от большего пирога, нищают, пищат, жалуются, но и сами готовы драться за упавшие со стола крохи.

Одежда моя впитала воды столько, сколько смогла. Теперь начала эту воду отдавать. Но уже внутрь. Холодные струйки потекли по спине, между лопаток. Володя услышал, как лязгают мои зубы.

— Я тут рядом живу, зайдемте, высушим одежду.

Мы зашли в его бревенчатый дом, и я окунулся в запахи, знакомые с детства — чисто вымытого деревянного пола, самотканых половиков, лампадного масла, лука, висящего в косицах перед русской печкой... В свете лампы, горящей перед иконой, я увидел, как поднялась за занавеской жена его Галя. Володя пошептал ей что-то, и она, поправив одеяльце на ребенке, снова легла.

Мы сняли мокрую одежду, развесили у печки. Исключительно в лечебных целях выпили по стакану первача. Володя размяк, подобрел, рассказал, что родом он из деревни Растяково, в шестидесяти километрах от Холуя. Мать — доярка, отец — тракторист, и сам он работал на тракторе. Старший брат и сестра уехали после школы в Холуй. Однажды он увидел альбом с рисунками лаковой миниатюры и сильно захотел рисовать такие. Служил в армии под Воронежем и не расставался с альбомом — все время рисовал. Отслужил и прямо в гимнастерке приехал сюда. В актовом зале художественной школы их посвящали в ученики. На сцене построена пещера, и в ней заседал совет старшекурсников — все ряженые.

— Прибыли новые ученики, — сказал Садко. — Поймать, изловить!

Володя рассматривал пещеру и среди ряженных в полумраке увидел девушку с округлым личиком и прямым пробором. Взгляды их встретились.

На сцене разыгрывалось громкоголосое сказочное действие, а он, не отры-

ваясь, смотрел на вишневые губы, на ямочки на щеках... Садко уже набирал дружину из новичков. Пришел и Володин черед. Полез, как и все, в пасть Змея Горыныча и оказался на сцене. Шепотом спросил девушку:

— Как тебя звать?

— Галя, — засмеялась сна и, посвящая в ученики, обмакнула огромную кисть в бочку с эмульсией, старательно окропила парня. Солдат действовал по-армейски стремительно:

— Пойдешь за меня замуж?

Все так же улыбаясь, Галя пристально посмотрела и поняла, что новичок не шутит. Окунула кисть еще раз в бочку и так окропила, что струи потекли за воротник. Солдат не дрогнул.

— А ты ничего себе, — ответила Галя.

Она была способной учительницей. Начал Володя с того, что копировал ее работы. Часто рисовал старого коня, что служил при магазине. Но Володины длинноногие кони получались волшебными, скакали через горы, несли богатырей. Рос Володя стремительно, обогнал жену, занял хорошее место на конкурсе, в числе трех лучших учеников ездил в Москву, ходил в Третьяковку, Андроников монастырь, Оружейную палату.

Володя налил мне молока и дал хлеба.

— Я знаю, наши не любят чужаков. Если вам понадобится убежище, приходите ко мне. Понадобится помощник, рассчитывайте на меня. Я хоть с кисточкой работаю, но армейской закалки еще не потерял. И оружие у меня есть. — Володя показал длинный трехгранный штык от винтовки.

В шесть утра в воздухе начали вспыхивать искры солнечного света. Великорецкий попил на кухне чаю и ушел. В окно я видел, что река еще больше вздулась и уже перехлестывала через мост. Директор потоптался на берегу, оглянулся, затем быстро снял ботинки, закатал брюки и зашагал прямо по пенящейся, льющейся через мост воде.

Я вышел из дома. За штакетником высилась поленница березовых дров, на ней лежала перевернутая лодка, по местному — ботник. И около других домов приготовлены ботинки — на дровах или под окном, рукой достать. Утром поселок смотрелся иначе, дома сбежались к реке, высоченные купы столетних вязов отражались в темной, беспокойной воде. На окрестных полях напряжились, приготовились к большой воде стога сена и редкие дубы. Низкие тучи рвала белокаменная церковь с шатровой колокольней. В воздухе пахло тревогой и бурей. Но присмотревшись к домам, я заметил, что окна с резными наличниками взирают на вздувшуюся воду с интересом и даже с тайной улыбкой, словно ожидая знакомого развлечения. А черный старый амбар с резными столбиками, в нем еще издатель Сытин держал для продажи календари, энциклопедии да собрания сочинений классиков, поглядывал на взбесившуюся воду и вовсе равнодушно.

План моих оперативных действий стал складываться сам собой. Ведь я вырос в таком же деревянном доме, в каких живут художники Холуя, я любил северную неяркую природу не меньше их. У Тверской земли, где мои корни, такая же древняя история, как и у Владимиро-Суздальской, где, как рассказывала Ирина, зародилась в стародавние времена иконопись, давшая теперь удивительные всходы. Прежде всего следовало обойти художников, которых видел в Петербурге, постараться почувствовать их настроение. В Петербурге они

были в гостях, а здесь, у себя дома, могли заговорить совершенно иначе. Понять промысел изнутри, и если не удастся самому сделать лакированную шкатулку с миниатюрой, то детально рассмотреть, как она появляется на свет Божий. К тому же считал полезным просто пожить здесь дня два-три, сколько удастся, почувствовать жизнь поселка и промысла изнутри. Тогда внутренние пружины страшных событий могут стать понятнее, и мне, может быть, удастся распознать преступника. Ну, а если меня примут жестко, как чужака, что ж, мои боевые приемы всегда при мне.

После завтрака мы с Ириной поспешили на фабрику. К этому времени вода поднялась еще выше. Середина наплавного места — понтон — всплыл. На покрытую водой часть места поставили козлы и положили доски. С той стороны к понтону подъехала хлебная машина, через мост на руках переносили поддоны с хлебом — запасались.

У дверей фабрики искусствоведа уже ждал сияющий в улыбке главный художник и немедленно увел наверх, в свой кабинет. Я решил начать осмотр длинного двухэтажного корпуса фабрики с первого этажа, где идет подготовительная работа, там я хотел найти старшего брата Людмилы Катениной. Вот из машины выгрузили плотный, привезенный из Балахны картон. Он попал к мастеру, который вырезал круглые и квадратные пластины, мазал мучным клеем, прессовал. Набравший нужную толщину картон отправлял на две недели в сушилку, в печь. Заготовки, что высохли, будущие шкатулки, ларчики, бисерницы, игольницы, мастер окунал в льняное масло и сразу в печь, сушил при ста градусах, получал папье-маше, по-французски «жеваная бумага». Картон стал упругим, крепким, как доска. Его можно пилить, строгать, точить на станке.

Очевидно, рабочему шепнули, кто я такой, он косился, может, ожидая каверзных вопросов, заранее приготовив спасительный ответ: «Я ничего не знаю». Я спросил, где работает Борис Катенин? Рабочий показал рукой, иди, мол, дальше. Там токарная мастерская. Тут я попробовал следить за одной приметной пятигранной шкатулкой. Ей приклеили казеиновым клеем доньшко, примерили крышку. Ловкий токарь закрепил крышку в станке, с хрустом точил огромным ножом. Фонтаном летела стружка, и крышка стала выпуклей. Здесь готовили «белье».

Вероятно, сработал беспроводный телеграф, Борис Катенин сам подошел ко мне. Глаза у него скорее испуганные, чем злые. Он не жаждет отмщения, а скорее хочет утешиться, укрыться в словесной скорлупе, повздыхать, поплакать. И этим похож на сестру — не боец. Его можно использовать только как источник информации. Борис берет меня под руку и ведет дальше. Одет он в рабочий комбинезон, а на сильно облысевшую голову натянул лыжную шапочку с помпоном, который подпрыгивает на каждом шагу. По пути Борис с гордостью показывает мне фабрику.

В следующей комнате шкатулку грунтуют. Грунт — каолин, глина, масло льняное, сажа. Па первый взгляд — ерунда, эка невидаль — глина. Но когда в шестидесятых годах фабрика попыталась продать первую партию холуйских шкатулок в Англию, одним из первых стал вопрос — признают ли их специалисты качественными нашу холуйскую глину, каолин, сажу.

Грунтовку наносят кистью, ровняют шпателем. После новой сушки в печи шкатулка становится гладкой. Снаружи ее покрывают черным лаком, внутри

красным и всю сразу еще раз бесцветным, чтобы получить в ней глубокие тона. И снова в сушку. Вот полуфабрикат готов. Так же с ним возятся в Мещере, Федоскино, Палехе.

Борис Катенин украшает шкатулку золотом, самым настоящим, сусальным. Берет гуммиарабик, смолу из африканских стран, растворяет, чтобы хорошо сходила, и тонкой кистью проводит, где надо. На это место накладывает тончайшую полоску золота и полирует волчьим клыком.

— Можно медвежьим, но волчий считается лучше.

Я не тороплюсь начать «деловой» разговор. Можно ли довериться человеку — неуверенному в себе? Тут сразу не решишь. Борис показывает мне, как для следующей полировки тут же делают трепел — пемзу, растертую и просеянную через сито. Полируют мокрой тканью, чтобы не появилось ни одной царапины. И самая тонкая доводка окисью хрома. Тут никакой материал не годится — полируют девушки ладошками. «Это какие же надо иметь руки?» — удивляюсь я. Оказалось — никаких мозолей, кожа на ладошках белая, чистая.

— Людмила сама приходила и выбрала у меня шкатулки, какие ей глянутся, — не выдерживает, начинает разговор Борис. И тут же, без перехода, горячо шепчет в ухо: — Вы считаете, ее задушили на вокзале бомжи, или кто-то из наших руку приложил?

Ох, уж это просящее, жалкое лицо в лыжной шапочке с помпоном, не мужик, а... размазня.

— Скажите, у вашей сестры были враги на фабрике, ссорилась она с кем-нибудь?

Он отрицательно качает головой.

— Сестра умела ладить со всеми. Она не умела брать за горло, отступала там, где другие закатывали скандал. Мужчины, что уж теперь скрывать, пользовались ее добротой, обманывали. А она была бы прекрасной женой.

Я пытаюсь выпотрошить Бориса, узнать что-нибудь полезное для следствия. Но улов небольшой, можно сказать, никудышный.

Уходя с первого этажа, снова заглянул к токарю, взял у него на память, для домашнего музея, кусочек прессованного картона. Только что из печи, горячий, он приятно отдавал льняным маслом. Хмурый токарь сказал мне строго:

— Материал наш вечен. И мастерство наше вечное, как природа, как сама Русь. Запомни!

Лучше не скажешь. Я запомнил. Навсегда.

На втором этаже фабрики много столов, за ними художники копировали рисунки, выполненные мастерами. Здесь много света, стоит гомон, весело. Осмотрев фабрику, я почувствовал себя увереннее, готовым встретиться с художниками, идиотских вопросов не задам.

Первый визит к Соснову-младшему. Из стандартных домиков фабрика построила целую улицу для своих художников. Соснов-младший не был коренным холуйцем, они с матерью жили в Иваново, и фабрика дала ему дом.

Выйдя из фабрики, я через некоторое время оглянулся и заметил, что охранник, сидевший в проходной, жизнерадостный колобок с огромным носом на круглом лице, в клетчатой кепочке, натянутой на глаза, пошел следом за мной. Я остановился, и он остановился. Я сделал несколько шагов, он тоже. Кто-то хочет знать, куда я направляюсь. Пусть знают. Зашагал уверенно. Но повернув на улицу художников, лицом к лицу встретился с вчерашним биб-

лейским человеком по кличке Ржавый. Он стоял, расставив ноги, и мрачно буравил меня глазками.

— Ты что здесь шарить?

Он явно приготовился дать мне «урок», охранник с фабрики, его человек, приближается сзади на опасное расстояние и примеривается к моему затылку. Убивать среди бела дня при свидетелях они не станут, но проломить голову кастетом — с них станется.

— Теперь это называется холуйским гостеприимством? — я широко улыбаюсь, разыгрывая дурачка. — Где хлеб-соль?

— Сейчас ты получишь столько подарков, что едва донесешь до автобуса. Это моя земля, я все контролирую на ней.

— Все да не все. У тебя под носом появился конкурент, который умнее и крепче тебя. А может, и не один.

— Ты что городишь, в натуре? Кто еще появился?

— Ха, сказать нечего? Ответь, кто отравил Соснова? Кто задушил Катенину? Не пройдет и месяца, как ты по пьяни проглотишь пирожок с мышьяком, а когда у тебя полезут глаза из орбиту не будешь даже знать, в кого послать последнюю пулю.

— А ты знаешь, кто их сделал жмуриками?

— Еще нет, но надеюсь высчитать.

Нет, не похоже, чтобы он испугался пирожка с мышьяком. Скорее, он всегда думал о деньгах и собразил, как из раскрытия сделать бизнес, получить новый барыш. Поэтому «урок» для меня был отнесен на неопределенное время. Носатый в кепочке перестал дышать в затылок и вынул руку из кармана. Ржавый изобразил нечто вроде улыбки.

— Хлеб и соль ты получишь в другой раз. Давай договоримся, я тебе не стану мешать, но ты, когда узнаешь имя, сообщишь сначала мне, потом уж в свою ментовку. По рукам?

— Идет, — согласился я, рассчитывая на первое время нейтрализовать мафиози, а там как Бог даст.

Вместе с охранником они проводили меня до дома Соснова-младшего, посмотрели, как, открыв калитку в заборчике, поднялся на крыльцо, тогда направились в конец улицы. Поглядев им вслед, я ощутил неприятное раздвоение, одна моя половинка продолжала жить на людях, на свету, другая пошла в тень, вступила в соглашение с мафией. Раздвоение, работа на две стороны, хотя бы и в оперативных целях, всегда чреватые неожиданными неприятностями.

Соснов-младший увидел меня в окне, встретил на крыльце и провел в небольшую комнатку-мастерскую. Он словно бы и не заметил моих спутников. Не хотел их видеть и не видел. Так сейчас поступают многие, чтобы не ввязаться в ненужную историю и не потерять здоровье.

Я с любопытством огляделся — невысокий столик у окна, на нем листки с набросками, тоненькие кисточки, берестяной туесок, в нем краски в баночках из-под кофе с крышками. Книжные полки, а на платяном шкафу старинные фолианты в обложке из кожи и дерева.

Соснов сел к столу, взял стеклышко, на него насыпал немного порошка. Разбил яйцо, вылил желток на стекло, стал перетирать с краской.

— Сейчас краски встворим. Не на воде пишем, а на яйце.

Мне понравилось старинное слово «встворим». И вот готовы белила, охра, кадмий красный, краплак густо-малиновый, желтая, изумрудная осень, коричневый, темный ультрамарин, сажа... Краски получились нежные, с кисточки сходили хорошо, легко плавилась. В рисунке мягко переходили из цвета в цвет, получался плавенный цвет — темперная техника.

— А вот масляную краску так не сплывишь, — похвалился Соснов, двигая хорошо описанной с тонким хвостиком кисточкой из шерсти колонка и белки.

Мне, наверное, не следовало удивляться. Любят холуйские художники готовить к всемирным выставкам пятигранные шкатулки. На крышке художник писал сказку — царевич мчался на коне, спасал царевну, в руке Жар-птица и рядом скачет серый волк. Резво бегала кисточка, очертания фигур и краски менялись прямо на глазах, вот плащ из желтого превратился в зеленый, грива из красной — в красно-синюю... Все делалось быстро, четко.

— Это для выставки в Нью-Йорке? — поинтересовался я. — Американцы ахнут.

— У Соснова-старшего шкатулочка вышла бы лучше, — заметил хозяин. Помолчал и добавил. — Завтра начну Буслаева рисовать для суперобложки книги о Холуе. Погружусь в тот мир, в котором он жил — в былинку!

Я запланировал себе неторопливый разговор с Сосновым, чтобы послушать его исповедь. Если беседа пойдет, попытаться понять, на чем стоит, на чем держится его душа, его творчество. Контакт у нас получился, художник легко рассказывал о себе, считал, что у него позднее взросление. После школы окончил курсы кинотехников, но работе не мог отдаться всей душой, томился, был рассеян и задумчив. Рисовал приятелей, выдумывал поделки из металла и дерева. Вырезал из жести листочки, вставлял лампочки, и получался букетик, цветы в котором забавно перемигивались.

Однажды попал в Холуй, увидел лаковые миниатюры и понял, что ему надо. Учился легко, торопливо, иной раз обедать забывал. Учился у всех, у кого что видел хорошее — сразу перенимал.

Познакомился с однофамильцем. Тот был на полгода взрослее и поопытнее, начал раньше. Они подружились и получили прозвища — «старший» и «младший». Бывший кинотехник бросился вдогонку за товарищем. Они друг другу помогали, спорили над первыми композициями, доставали книги с былинами, со старинными костюмами, орнаментами. Ходили в старый монастырь, где директор детдома ладил этнографический музей, собирал костюмы, обувь, посуду, оружие, фарфор, стекло. Холуйцы сами ему приносили, у кого что было. Парни приходили сюда с друзьями, надевали то армячишко, то сюртук, то высокую ямщицкую шапку, вооружались саблями и ружьями наполеоновского времени. С удовольствием рассматривали тканное покрывало, на котором Наполеон в санях без оглядки бежал из России.

Художник почувствовал, что дело нашел, ходил всюду с альбомом и постоянно рисовал. Причем натурального человека с обычными пропорциями трудно рисовал, а живописного, удлинённого в канонах Холуя, легко.

Кобура натерла мне бок за эти двое суток. Хотелось ее снять и забросить подале. Ну, а если мой хозяин — убийца? Следовало предусмотреть все варианты. Послужной список у Соснова-младшего безупречен, никаких связей или действий, порочащих его, нет. Что ж, можно еще с ним поговорить об исто-

рии, скажем, а потом хлоп — неожиданный вопрос! Отвечай, друг сердечный. Я завел разговор о зарождении Холуя. Оказалось — Соснов напитан историей, дышит ею. Ведь мастерство, которое он держит в руках, зародилось много веков назад не где-нибудь, а именно на той земле, где стоит его дом.

Как пришли сюда русские поселенцы — доподлинно известно. Может быть, первопроходцы искали свободные земли и нашли здесь речку, богатую рыбой, огромные колонии бобров. О происхождении странного поселка тоже идут споры. Холуи — так в древности называли деревянные запруды для ловли рыбы. Вот как это слово объясняет словарь Даля: «Холуй, холуйник, плетень рыболовный, язь, озь». То есть средство добычи рыбы. Можно предположить, это и было основным промыслом первых поселенцев.

Соснов поглядывал па меня, проверяя, правильно ли я воспринимаю его рассказ, волнует ли это меня? Мне было интересно, одновременно я пытался решить и свои проблемы. Он об этом знал, но выдержка у него оказалась отменная. Или он был невиновен.

— Поселенцы, прибывшие из княжеских дворов, были не землепашцы, а мастеровые люди, — продолжал художник, — Среди них оказались и иконописцы, так как стольные княжеские центры Суздаль и Владимир в домонгольский период славились иконописанием, которое стало развиваться со времен Андрея Боголюбского, примерно с середины двенадцатого века. Пахотных земель вокруг Холуя не было, одни болота, и мужчины занялись привычным для них делом — иконописанием, а женщины вышиванием. И еще мастеровитые поселенцы стали бурить землю, добывая соляной раствор, и варить соль. А также ловили рыбу, промысляли бобра и пушистого зверя. В дни праздников сюда приходили богомольцы и торговцы. Ярмарки становились все богаче, даже из Персии купцы приезжали. Население росло. Леса вокруг вырубали, болота осушили. Зверя стало меньше, бобры перевелись. Как Палех и Мещера, Холуй превращался в поставщика икон на всю Россию. Дорогие иконы писались для монастырей, вельмож и любителей искусства. Для народа писалась простая, расхожая икона. Мелкие торговцы — офени, неутомимые ходоки, набрав осенью товар на Холуйских ярмарках, с большими черными коробьями на спинах отправлялись по дорогам России до Сибири и до Кавказа. Возвращались в родные места только в мае, чтобы взять нового товара и снова отправиться по Руси.

Соснов понизил голос и придал ему внушительности:

— Холуйские иконы получались нарядными и приносили успех мастерам на выставках в Нижнем Новгороде, Варшаве, Москве, Мюнхене, Петербурге, Чикаго, Мадриде, Копенгагене, Париже, Вене... Великий Гете заинтересовался суздальским иконописанием. Наш историк Карамзин ответил ему, что «сия иконопись у нас не изменилась в течение веков». Гете в Веймар отправили образцы суздальского иконописания, и среди них две иконы Холуя.

Соснов снова сел за стол, придвинул коробочку и начал усердно рисовать, показывая, что разговор окончен.

— Ну, а как же иконописцы научились писать лаковые миниатюры?

Соснов защитился вытянутой ладонью.

— Об этом не со мной надо говорить, а с ветеранами.

Пожимая руку на прощание, художник быстро взглянул мне в лицо и спрятал глаза. Я понял, что он доволен. Но чем? Тем, что готовил пятиугольную

шкатулку на выставку в Нью-Йорке? Тем, что именно он едет в ответственную командировку в Америку? Или это взгляд человека, удачно отбившего атаку, а я только иго пожал руку убийце? По дороге стал размышлять, смогли бы руки Соснова, быстрые и сильные, накинуть веревку на шею женщины и задушить ее? Практически смогли бы. Ну, а сам он, патриот и молодая звезда Холуя, смог бы взять тяжкий грех на душу? Или душа его способна сделать болезненный выверт и оправдать непопулярное силовое действие? Я так и не смог повернуть разговор в нужное русло и выпытать у художника возможные мотивы убийств коллеги. А может, я пошел по неверному следу и ищу не там? Ведь впереди у меня встреча с двумя моими главными подозреваемыми.

После разговора с Сосновым-младшим я вошел в полосу неудач — меня начали изгонять. Главный художник фабрики, к которому я зашел узнать, где Грачева, скривился в гадкой улыбке:

— Вы с Грачевой едете в соседний городок Южу. Вам два номера заказать в гостинице или в одном остановитесь?

Мало мне Ржавого, еще один ревнивец появился. У меня хватило ума удалиться, не удостоив ответа. Любопытно, однако, к кому мы едем? По дороге к дому директора встретил неразлучную троицу липецких художников — Панфила, Маркича и Малашина. Полупьяные, с блаженными улыбками, они перемещались из одного дома в другой, где ждала их новая порция выпивки.

Полупьяный Панфил пытался меня обнять»:

— Виктор, я рад, что ты сюда приехал. Возьми пузырь в магазине и пойдем с нами.

Я Отодвинул новоявленного приятеля.

— Проспись, ты мне нужен трезвый.

— Ты уже толковал с нами, мы больше не хотим никаких разговоров.

— Пока убийца не найден, с каждым из вас еще не раз придется встречаться. Вы еще на подозрении.

— Упорный парень. — пошатнулся Панфил. — Ане знает того, что где-то там, — он показал пальцем вверх, — решено тебя выгнать... Я тебе ничего не говорил. Правда, ребята?

Собутыльники согласно закивали головами.

— Передай зуда, — я тоже сыграл под пьяного и показал пальцем вверх, — пока дело не закончу, пусть не беспокоят.

— Тебе надо ехать в Питер, ловить бомжей-убийц, а не выглядывать здесь, кого из благородных вольных художников схватить за горло!

Мне не нравилось, что полупьяные приятели Панфила согласно кивали головами, подзадоривая лидера. А тот расходился все больше, вытянул из кармана кусок грязной веревки и показал мне:

— Хочешь знать, как там было на вокзале?.. Подставь шею, покажу.

Его приятели шутку одобряли и громко захохотали. Нс хотелось мне, ох, не хотелось заводить никчемную драку с пьяными.

— Твой глаз, Панфил, зажил. Не пора ли освежить синячок, как думаешь?

Панфил вдруг обиделся:

— Куда бы меня ни ударили, всегда попадают в глаз... Кстати, пистолет у тебя есть?

Решил ответить, чтобы знали.

— Есть.

— Покажи.

— Нельзя, заряжен. Вдруг выстрелит?

— Ха-ха, ты на ночь его под подушку прячешь? — захихикал Панфил, и протянул обрывок веревки. — Положи рядом с пушкой, может быть, пригодится.

Я швырнул веревку в сторону и ушел. Встреча оставила тяжелый осадок, меня хотят выпроводить, как чужака. Посмотрел на часы и заторопился к обеду, как договаривались с Анной Великорецкой. К сожалению, меня ждал не обед, а еще более неприятная встреча. Хозяйский песик, обычно веселый и ласковым, прежде бегал по двору, звонким гавканьем встречая пришедших. Теперь он труслив» забился в будку, выглянул на секунду посмотреть, кто пришел, и спрятался обратно. Я немного постоял за поленницей, рассматривая твердую дорожку к дому. Следы плохо просматривались, но, похоже, в дом прошли мужчины, один отпечаток ботинка сорок третьего размера просматривался четко.

Стоять за дровами неловко, если меня видели в окно, то могли посчитать за труса, а давать повод для таких мыслей я никому не желал. На всякий случай вынул пистолет из кобуры, загнал патрон в ствол и сунул за пояс. Не скрываясь, прошел к дому, без лишнего шума открыл дверь в узковатый коридорчик. Вход в дом не с фасада, а сбоку, так что если из дома не вели специального наблюдения, меня могли и не заметить. Так оно и вышло. Разговор велся в той комнате, что выходила окнами в огород. Я припал ухом к щелке в двери.

— Повторяю еще раз, чтобы ты понял, а то, вижу, наложил в штаны и ничего не соображаешь. — Голос глухой, низкий, похоже, говорил Ржавый, — Вот перед тобой граната. Если ты со своей женой хочешь жить — живи, и дай другим жить. Не хочешь жить — не живи. Забудь про детей, внуков. Одно мгновение, и вас обоих нет на свете, одни ошметки останутся. Ну, жизнь или смерть?

— Витя, — всхлипнула Анна Великорецкая, — да возьми ты его на фабрику, возьми! Ведь у него тормозов нет, он и на самом деле нас взорвет.

Я лихорадочно думал — ворваться? Сколько там человек, сколько у них стволов? Люди на взводе, без стрельбы не обойтись. Нет, это не по мне. За два года, что я служил в разведке, усвоил твердое правило — девяносто процентов времени надо потратить на наблюдения, а десять на действие. Тогда результат получил наверняка. Поэтому, сжав зубы, продолжал стоять за дверью, слушая, как мафиози запугивает людей.

— Хорошо, — произнес осипшим голосом Великорецкий. — Возьму вас на фабрику своим заместителем.

— Ну, вот и договорились, — повеселел тот. — Завтра я хочу увидеть на доске объявлений приказ и получить ключи от кабинета рядом с вами. А главного художника можно подвинуть подальше... Не надо огорчаться! Если думать головой, а не... гм, можно чудесно дожить до пенсии и ничего с тобой не станет. Время такое пришло — каждый за себя, надо уметь жертвовать и договариваться.

Я затопал ногами, словно только что вошел в дом, и открыл дзерь. У стены сидела на стуле Анна Великорецкая, вытирая заплаканные глаза ладошкой. С одной стороны ее держал мордатый охранник в клетчатой кепке — хитрая бестия, артист по натуре, я узнал по дороге, его фамилия Ребров. С другой стороны стоял тощий, как спичка, тип с остренькой бородкой, нервным лицом и безумными глазами. У него явно не в порядке голова. Руки оба держат в кар-

манах, оба готовы сразу начать стрельбу. Сам Великорецкий сидел за столом. Библейский подонок Ржавый держал рядом с его грудью гранату-лимонку. Осколков у нее достаточно, чтобы уничтожить нас всех.

Я тут же начал играть под дурачка:

— Добрый день, я проголодался, спешу к обеду, а у вас тут гости, разговор серьезный. Ирина просила передать — на обед не придет, ее главный художник на мотоцикле увез к себе в гости. Вам, я вижу, не до меня, я схожу лучше в буфет...

Ржавый буравил меня холодными глазками, словно хотел уничтожить. Я был для него уравнением с одним неизвестным.

— С завтрашнего дня я заместитель директора фабрики. Тебе на моей фабрике делать нечего. Ребров!

— Слушаю!

— Запомни этого типа. Если он появится в цехе, я тебе зуб выбью.

— Запомнил, шеф. Он и близко не подойдет, не так ли, приятель?

— Если так настаиваете, не подойду. Зачем мне фабрика? Если решим поболтать, запросто можем встретиться в другой обстановке, около церкви или на автобусной остановке. Важно, чтобы встреча была обоюдодружелюбной.

— Я все сказал! — рявкнул Ржавый. — Ты, питерская ищейка, запомни. — Он распахнул полы куртки. У пояса в новейших импортных кобурах гнездились два пистолета ТТ, сильное оружие, пробивающее почти любой бронежилет. Новенькое, насколько я мог судить по беглому осмотру, выполненное в Китае по нашей лицензии и благополучно сюда доставленное.

— Понял? — прорычал Ржавый, — Всегда можешь получить хороший го-стинец. — И направился к двери. За ним потянулись его люди.

Когда они скрылись, Великорецкий простонал:

— Какая жуткая сволочь... А ведь за горло взял, подлец... Лучше бы вам этого не видеть, Виктор.

— И вам бы лучше со жлобом не сталкиваться. Но разве на него нет управы?

— Жаловались на него, даже арестовывали. Ну и что? Поддержат день-другой и отпустят под залог или под расписку. Он со своей бандой является к тому человеку: «Это ты пожаловался?» Тот на следующий день бежит, забирает свою жалобу назад, мол, ничего и не было, это я так, от нерзев насочинял.

— Знакомая картина, — согласился я.

Жена Великорецкого тяжело вздохнула:

— Не переживай, Виктор. Отдай ты им фабрику. Детей мы вырастили, а до пенсии можно и так дожить... Пойдемте, я вас накормлю, чем Бог послал, — поднялась и побрела на кухню.

* * *

Вода в Тезе прибывала. Из будки выглянула собака. Страх ее прошел, и она занялась обычными делами. Ее приятельница, курица Пеструшка, привыкла нестись, как говорила хозяйка, в собачьей будке и заодно обедать в собачьей миске. Вчера собака разжила мозговую косточку и, чтобы не делиться с объедалой Пеструшкой, закопала в сторонке. Теперь побежала проверить — цела ли косточка, но на этом месте уже бурлила и пенилась покрытая сором вода. Собака пятилась и обиженно лаяла на воду.

Директорский кот Рыжик решил заглянуть в подвал. Прыгнул туда и — фр-

р! — ошарашенно выскочил. Только кончик хвоста сухим остался.

Река разливалась широко, дома стояли словно островки в море. Директор подтянул высокие резиновые сапоги, столкнул лодку с поленницы, привязал к калитке.

— Теперь за молоком на ледке. К колодцу, что стоит выше, на бугре, на лодке, на работу на лодке.

Сосед пришвартовал ботник к калитке:

— Поплыли к нам на обед!

Кот Рыжик любил кататься на лодке, но увидев, что не до него, шагнул в воду и поплыл по своим делам на большую землю, совсем как пароход, только морда и хвост торчали из воды.

За обедом казалось, что Анна Великерецкая совсем пришла в себя, рассказывала:

— Улица каша называется Кавказ. А почему? Здесь зимой надувает горы снега с реки, сугробы по самый верх заборов. Идем в кино по топочке, кто оступится, сразу ныряет с головой и кричит: «Давайте скорее лопату, меня откапывайте!» Ольга Ивановна, учительница, ей девяносто лет, обращается к встречным по-французски и удивляется, что ей не отвечают... Летом из дома выйдешь — цветы, трава, речка. Соседка приветствует: «Петровна, доброе утро!» Ну как же на такой природе не рождаться талантам?

Увидев, что муж сидит над остывшей едой, уставясь в одну точку, Анна всхлипнула, прикрыла глаза рукой и убежала. От стука двери директор нервно вздрогнул, посмотрел на меня и мрачно поинтересовался:

— Вы закончили свое расследование, Виктор?

— Нет, к сожалению. Пробую вжиться в промысел. Может, поступить в профшколу, в ученики? Тогда станут понятнее внутренние пружины действий преступника, пока же он ловко маскируется.

— Я ничего не понимаю в работе детектива, но, как директор, могу дать вам один совет?

— Пожалуйста, с благодарностью выслушаю все, что вы скажете.

— Если вы сейчас не имеете доказательств вины того или иного человека — это печально. Но еще хуже, если поиск затянется. Художники — люди тонкие, нервные. Вы сами видите, что у нас творится, ваше прибывание здесь дополнительно будоражит, травмирует их. Это сказывается на творческих возможностях людей, на показателях фабрики. Сейчас сложное время. Фабрика с трудом выживает. Мы не можем позволить себе роскошь снизить темпы и качество работы. Уже потеряны два прекрасных художника. Как директор фабрики, я отвечаю за финансовое состояние предприятия, за творческий настрой коллектива. И поэтому вынужден попросить вас прекратить следствие, покинуть Холуй как можно скорее.

— Но вы же сами пригласили меня сюда.

— Пригласил сопровождать груз. Работа окончена, давайте по-хорошему расстанемся.

— Вы ставите меня в трудное положение. Нужно еще сходить в художественную школу, нас с Грачевой пригласили в Южу. Потом я позвоню в Петербург и поступлю в соответствии с тем, какие получу инструкции. За гостеприимство спасибо, сегодня с квартиры съезжаю.

— Пека вы в Холуе, вам лучше жить здесь, не обижайтесь. Меня пугает

энергия, с которой вы раскручиваете следствие и втягиваете в него людей. Вас видела уже вся фабрика, весь Холуй говорит о вас и ждет, кого вы схватите. Я, наконец, не могу гарантировать вашу безопасность.

Я вежливо улыбнулся:

— Об этом не стоит беспокоиться.

Вечером мы с искусствоведом Грачевой поехали в Южу, крошечный городок недалеко от Холуя, несколько остановок на автобусе. Там жил заслуженный художник России Онисов. С ним соседствовал народный художник России Веселов.

Похолодало, мягкий снежок забелил весеннюю грязь, высветил тихую улочку на окраине Южи следи голенастых яблонь. В конце переполненного автобуса я заметил знакомую клетчатую кепочку, это не испортило настроения, но заставило насторожиться. Ирине ничего не сказал. Встреча с Онисовым входила в мой план, и хорошо, что он нас пригласил. Я перенял от Грая правило — все узнавать из первоисточника, да и самому было интересно побывать в гостях у Мастера.

Онисов и Веселов друзья с детства, оба коренастые, энергичные. Дом Онисова просторный, бревна отфугованы, гладкие, блестят матово, лакированными шкатулкам здесь живется хорошо. В домашнем музее Онисова шкатулки с пейзажами старинных русских городов Ростова Великого, Суздаля, Пскова. Нашлась и одна работа Веселова «Вещий Олег», оказалось, рисунок невозможно рассмотреть невооруженным глазом, до того тонкая работа.

— Его называют Холуйским Левшой, — улыбнулась Грачева.

Стол накрыт праздничный — с красной рыбой, бужениной, грибами солеными и маринованными, посреди стала отпотевала литровая бутылка «Столичной». Хозяева и гости — неплохие едоки, но главное за столом — рассказы.

— После революции, — повествовал Онисов, — нашито, холуйские, разбежались. Земли нет, дома один к одному без промежутка. Ну, коров держали. В Палехе колхоз создали, а у нас отказались — нечего обобществлять. Мастера разбрелись по всей стране. Работали ткачами, подмастерьями, извозчиками, декораторами, матросами на Тезе. В начале НЭПа в Холуе возникла артель по раскраске деревянных кукол. Но видных мастеров малоценная работа не заинтересовала, и кукольная артель распалась. Когда услышали, что в Палехе и Мещере стали расписывать изделия из папье-маше, начали возвращаться. Время ставило все на свои места. Создали артель на полном хозрасчете, с круговой порукой. Бывшие иконописцы рисовали на полотняных ковриках «Утро» Шишкина. Но четверо уже начали делать лаковые миниатюры. В тридцать седьмом году артели предложили участвовать во Всемирной выставке в Париже. Ну, к большим выставкам иконописцы привычны. Послали подлинно русское, чтобы показать национальный характер — ларчик, расписанный с восьми сторон, «Князь Игорь». Из Парижа пришла бронзовая медаль. А уж артель готовилась к следующей выставке в Нью-Йорке.

— Во время войны промысел рухнул? — спросил я.

— В первые же месяцы артель распалась сама собой, — подтвердил Онисов. Художники, все мужчины, перестали рисовать богатырей, защищавших Русь в прежние времена, простились с детьми и пошли на фронт, отстаивать стародавние наши города Новгород, Псков, Москву... Ведь их деды и прадеды всегда ходили в ополчение, старики пошли на трудовой фронт. Противотанко-

вый ров, вырытый ими, зарос березами, но и сейчас еще заметен. Лишь несколько самых старых мастеров, оставаясь на месте, стремились сохранить родное искусство.

— Так все и погибло?

— Нет, по решению правительства, несмотря на трудности военного времени, ведущих мастеров отозвали с фронта, коллективы мастеров получили сырье и продовольствие. В конце сорок второго пришли домой раненые и старики с трудового фронта. Бывшие ремесленники, кустари, иконописцы работали за хлебную карточку, поняли, что нужны. Яо и миниатюры стали другие: «Народные мстители», «От расплаты не уйти», «Разгром немцев под Москвой», «В атаку».

— Помнишь, — вступил в разговор Веселов, — стакан соли на базаре в сорок третьем стоил 30–35 рублей, молоко — 40 рублей. Килограмм хлеба 100 рублей, кусок мыла 106 рублей, стакан черники-малины — 2–3 рубля. Лаковая миниатюра, как буханка хлеба, стоила 200 рублей.

— Мы, мальчики, чаще всего толпились у картин и шкатулок. Голодные, оборванные, стояли по два-три часа, не могли насмотреться. И руки чесались нарисовать такое же. В то время мы и подружились.

Когда вылили по второй-третьей стопке, друзья заговорили, перебивая друг друга.

— Вставали мы в четыре часа и на мороз, по колено в снегу, выходили на дорогу, которую тоже замело. Смотрели следы: кто прошел? Двенадцать подростков ходили из Южи в профессиональную школу, открытую в 1943 году. Обувка — подшитые валенки, следы каждого известны. И вот, если кто-то впереди — начинали догонять. Лыжи тогда редко у кого им елись. В школе наливали в лампу керосин, фитилек еле виден, меньше, чем у свечи, и четверо вокруг. Тутгодились дедовские «глобусы» — подвешенные к потолку круглые бутылки с водой. Эти «глобусы» собирали свет в пучок и, как фонарики, светили на рисунок. После занятий ходили по окрестным деревням, выступали с концертами. Председатели жалели нас, давали картошки с хлебом.

— Отслужили в армии, женились, решили строиться. Два места по соседству свободные — ямы в песке. Плотники привезли бревна, пошла работа. Землю копаешь, бревно тешешь, а голова свободная. Хорошие мысли, сюжеты сами приходят.

— Пишешь год на выставку. Должен быть уверен, что ошибки нет. Через месяц-два проверишь. Ах — тут надо переделать, здесь красное не подходит, тут листик поблек. Самое сложное — закончить, исправил», пока время есть до лака. А поставил подпись, покрыл лаком, вое — приговор.

— Сел к столу, краски створишь, — тут покой нужен. Никто не шуми, по дому не ходи. В коллективе среди гомона ничего тонкого не создашь. Кто-то из домашних подойдет, и то с настроения сбивает.

— Десять лет мы ходим в школу, композицию преподаем, рисунок, живопись, технологию. И фабрику не должно забывать, мы же корнями из Холуя. А на фабрике мы посильнее и должны пополнить ее за счет молодых. Сейчас к нам подключается Соснов-старший — Онисов замялся. — Теперь придется Соснова-младшего подключать. Черт знает, все перепуталось. Прежде было понятно — художники зарабатывали государству валюту: фунты стерлингов, франки, марки, доллары, йены... А государство заботилось о них. Теперь госу-

дарство не думает о нас, и каждый стал за себя. Тьфу!

Я положил витку, пришло время моих вопросов.

— В Липецк уехали лучшие? Они сильно разбогатели?

— В Липецк укатили наши троечники, у кого сне шло». Там себя совсем растеряли. Крестики для церкви рисуют, деньги зашибают. Для магазинов нас передирают, рисуют гадкие грубые тройки, пляски. Ни формы, ни колорита, масовка дешевая.

— Когда вы утиле я и уехал отсюда — трагедия! У них в Липецке ни корней, ни истории, что они могут там создать?

— Мы своих стариков не видели, только сделанные ими вещи. Нам этого хватило! Мы хотели это взять, у нас были сильные корни. Не прервалось!!!

— Написал и отдал в мир. А хочется сказать: «Осторожно, люди, на шкатулках любовь большая!»

Слушая Онисова и Веселова, я окончательно влюбился в старинное народное искусство, словно искра Божия передалась и мне. Здорово рисовали Мастера и хорошо рассказывали. Но и Соснов-младший загипнотизировал меня своим рассказом. Я был готов всех любить. А кто-то ведь ждал Катенину на вокзале! Что-то с поиском у меня не ладилось...

В мастерской Онисова стоял телефон, и я попросил разрешения позвонить в Петербург. Довольно быстро услышал голос Грая и даже не мог предположить, что так обрадуюсь ему. Коротко и быстро доложил о встречах. Наверное, я сказав что-то важное. Грай тут же решил:

— Завтра с Головановым выезжаем в Иванову Встречай.

— Не проехать, наводнение.

— Вот на ледке и встречай.

Повесив трубку, я понял, что Грай едет брать убийцу, но кого?

С моей подачи художники уговорили Грачеву остаться до завтра, а я намерился вернуться в Холуй. Когда за мной захлопнулась дверь, я отшагал всего метров шестьдесят, как некто в клетчатой кепочке, почему-то вдруг с пышными пшеничными усами, не иначе как для маскировки, загородил мне дорогу. Вот для чего кепочка ехала с нами в автобусе из Холуя! Значит, за нами следили, и теневая структура, не сдержав слова, перешла к активным действиям. Я скосил глаза: сбоку подходили библейского обличья мафиози и его тощий, как спичка, помощник, кличка которого, я узнал, — Фунт. Мордатый Ребров заметно пьян, Ржавый трезв и холоден, у Фунта дергается лицо, он смотрит сумасшедшими глазами и, похоже, готов стрелять.

Я тут же начинаю ломать комедию.

— Добрый вечер, ребята, рад вас видеть. Я слово дал и держу твердо, на фабрику ни ногой. Договор не нарушен. Вы здесь случайно или тоже в гости приглашены?

— Где Ирина? — севшим от нетерпения голосом спросил Ржавый.

— Я ей не сторож.

— Вернись, вызови ее.

— Там люди серьезные, женщин на временное пользование не выдают.

— Ты вернешься за ней. А потом сразу укажишь в свой Питер, если дорожишь здоровьем.

Мордатый Ребров, готовый вцепиться в меня, стоял близко, дышал в лицо. Его завалить несложно. Бык Ржавый на расстоянии одного прыжка. Опасен,

но с ним можно работать. А подлый Фунт расположился грамотно, стоит поодаль и держит на прицеле. Пока до него доберешься, он застрелит. Неужели придется стрелять в него? Но если ему дать шанс, он пальнет запросто, ему не в диковину. Тогда я не уеду, а меня увезут, что далеко не одно и то же.

— Считайте, договорились, — соглашаюсь я. — Сейчас вернусь, договорюсь с искусствоведом и сразу на вокзал. Билета у вас, конечно, нет, но я его сам возьму.

— Вместо билета, — шипит Ржавый, — ты получишь пару сломанных ребер. Я слышал твой телефонный разговор. Предупреди своих в Питере, чтобы сюда не совались. Их ждет горячий прием. Здесь они никто, а мы — сила.

Я становлюсь еще наивнее:

— Зачем же кости ломать? Мы договорились, ударили по рукам, я уезжаю, передав привет кому надо, а вы остаетесь.

И Кончаем его! — тоненьким голоском лишит Фунт. — Хозяева засекли нас из окна, вон зашевелились!

— Заткнись! — хрипит Ржавый. — Я здесь главный, мне решать, что делать. Почки отобьем, и пусть катится.

Кругломордый Ребров без размаха бьет в лицо. Я приготовился к такому обороту и легко отклоняюсь. Прыгаю так, чтобы между мной и сумасшедшим Фунтом, который уже достал пистолет, оказался Ржавый. Библейский танк, сопя, сжав кулаки, прет на меня. Уронить его нельзя, тут же окажусь на мушке. Длинным прямым ударом, изо всей силы — в грудную клетку, в сердце, останавливаю его. Кожаный орангутанг замирает, чтобы перевести дух. В этот момент Ребров налетает сзади, я пытаюсь уклониться, но поздно, тяжелый предмет в его руке вскользь проходит по виску.

Не оборачиваюсь, бью локтем в пышные приклеенные усы и явственно слышу хруст зубов. Фунт скачет козлом, пытаюсь навести на меня ТТ, но я ухожу, прячусь за живой монумент. Если Ржавый начнет двигаться, Фунта придется завалить.

— Падай на колени! Прощайся с жизнью! — пищит на меня Фунт.

От удара по виску голова неприятно звенит, вижу, что без стрельбы не обойтись, рука уже тянется под мышку, к кобуре. В этот момент дверь в доме художника Онисова с треском распаивается и творческий отряд выбегает на улицу. В руках Онисова охотничья двустволка.

— Всем лечь на землю! Стреляю! — орет Онисов.

Из ствола вылетает огонь и дым, грохот такой, словно выстрелила зенитка. В соседних домах зазвенели стекла. Не иначе — в патрон насыпана двойная порция дымного пороха. Выстрел производит на нападающих должное впечатление.

— У них «пушка», бежим! — взвизгивает Ребров и первым бросается в темный проулок.

— Твое счастье, мент поганый! — пищит Фунт и вслед за отдышавшимся Ржавым берет резво с места.

Глядя в удаляющуюся спину библейского мафиози, я удовлетворенно отмечаю — люди думают, что он ничего не боится, а запахло жареным, и поскакал как заяц. Хотелось броситься вдогонку, достать хотя бы одного, но звон в голове лишает энтузиазма.

Подбежал Онисов с ружьем наперевес:

— Цел!.. Ну, и хорошо. Этим сволочам кажется, что у меня в доме выставка, как в Эрмитаже, так и лезут. Пришлось ружье купить. Не зря деньги потратил, пригодилось... Ты ранен, у тебя на виске кровь.

— Это памятка, чтобы на работе не потреблял.

— Всего-то две-три рюмки...

— Для боксера две рюмки перед горячей встречей — слишком много. Обидно, что информация ушла. Оказывается, они ваш телефон прослушивали. Надо было одного свалить.

— Хорошо, что не побежал следом в проул ок, ив темноте они могли бы тебя застрелить.

— Вы знаете этих людей?

— Откуда же? Мы с бандитами дел не имеем. Пойдем, ссадину йодом смажем.

Я промокнул висок платком.

— Спасибо, не стоит. Побегу на автобус. В Холуе меня ждет Володя.

Искусствовед стоит гут же, кутаясь в кофту.

«Вы знали, что они вас встретят?»

Надо бы сказать, что охота шла за ней, но гордость не позволила...

Ночевал я у Володи, на толстом, набитом соломой матрасе, брошенном на пол. И должно мне было присниться босоногое детство, но не приснилось, потому что я был на взводе, дело началось. Встал первым, тихонько оделся и вышел из дома. Сел в затишек за поленницей, чтобы укрыться от ветра и понаблюдать за соседом Модестом Куливановым. За его павлиньим питомником. Высмотрел немного. Приходили два художника, я и узнал, копировщики с Фабрики. Один нес в руке небольшой предмет, завернутый в бумагу, другой держал что-то за пазухой. Обратного уходили без означенных предметов, но повеселевшие.

Вернулся в дом, спросил Володю:

— Куливанов миниатюры покупает?

— Углядел-таки.

В разговор вмешалась Галя, собиравшая ребенка в садик.

— Когда Модест купил дом, у меня с ним разговор был, скажу вам, Виктор, откровенно. Он предупредил: «Ты, Галя, ничего не видела и не знаешь. Тогда мы мирно живем до ста лет». Модест крутой мужик, к нему из Иваново на иномарках приезжают, физиономии такие, что без страха не взглянешь. Вы за несколько дней разворошите поселок и уедете, а нам тут жить. У нас ребенок, о нем думать надо. Так что не обижайтесь, попрошу вас, не втягивайте Володьку в ото дело. Он парень горячий, может с маху дров наломать, а куда нам потом деваться? У Модеста деньги, он — сила, а у нас долги и вся надежда на Володины способности. Людмилу жалко, но ее не вернешь. Теперь надо о живых думать.

Володя хмуро смотрел в половицу, разглядывая затейливый сосновый сучек. Я хлопнул его по спине:

— Не переживай, сам разберусь в этой истории. Скажи лучше, как до рынка добраться?..

Оживленный холуйский рынок напомнил мне петербургские толкучки. В глаза бросались бананы и апельсины. А вот местных яблок, клюквы, сушеных грибов не было. Зато хорошо шли молоко, картошка, мясо. И еще — козьи и

овечьи домашней выделки шкуры, мотки шерсти из Эстония, меховые воротники, кофты, рубахи, платья и обувь из разных стран — от Китая до Канады. Вот тебе и глубинка! И, конечно, несколько торговцев с лаковыми миниатюрами. Я вынул из кармана Володину шкатулку и стал прохаживаться с нею, играя под продавца. Два раза тетки просили посмотреть шкатулку, спрашивали цену. Я заламывал, они ругались и отходили.

Минут сорок я вел торговлю, пока не заметил, что появился Ребров. Он пошел по рядам, собирая дань в черную кассу. Я убрал коробочку за пазуху, сунул пистолет в карман плаща. Пошел позади Реброва, выбрал момент и, не вынимая руки из кармана, нахально ткнул ему в спину стволом, прижав к прилавку. Охранник сразу понял, какой подарок может получить в позвоночник. Сжался, уши наполовину спрятались в поднятом воротнике.

— Извините, не вас ли я вчера так неловко стукнул по усам? Ба, а где же пышные усы?

— Шука, ишейка! — прошепелявил он. — Ты уедешь отсюда покойником.

— У вас еще и переднего зубика не стало?..

— Шереш полшаша мне надо щдать деньги. Шмотри, в шорока метрах отшюда мои люди.

— Я их вижу. Но от моего пистолета до твоего позвоночника всего миллиметр... Я не промахнусь, потому что сегодня пил не «Столичную», а молоко. У меня пистолет с глушителем, ты упадешь, как мешок, и твой защитный жилет, который ты ляпнул на фабрике, не поможет, потому что у меня пуля со стальным наконечником и твою дешевку прошьет запросто, а тяжелых жилетов у вас тут нет. Люди даже не поймут, от чего ты упал, пока не отыщут маленькую дырочку в спине.

Ребров мрачно молчал.

— Сомневаешься? — усилил я нажим на позвоночник. — Ты вчера поднял на меня руку и, по закону чести, который я исповедаю, ты должен мне штраф двадцать «лимон сз» или получишь дырку в позвоночник.

Ребров стал еще ниже, мышцы его напряглись, я почувствовал, что он готовится дать стрекача, и предупредил:

— Если бы ты читал газеты, то мог узнать, что я — мастер спорта. Ни от меня, ни от моей пули не убежишь. Тебя обманули, дорогой, сюда едет бригада из Петербурга — сыщики высшего класса. Будет большой шмон. Я могу тебя сдать, а могу и отмазать.

— Шезо тебе надо? — простонал Ребров, потому что мой ствол все сильнее давил на его позвонок.

Как говорил Грай, для того, чтобы найти согласие с собеседником, надо первые два вопроса составить так, чтобы он обязательно ответил «да». Тогда он легче настроится на нужную волну.

— Ты директора фабрики Великорецкого знаешь?

— Шнэю.

— А Модеста Куливанова?

— Шнаком.

Вот собеседник настроен, можно идти дальше.

— Какие между ними отношения?.. Что молчишь? Думаешь, не знаю, что рука руку моет?

— Ты меня отмажешь ст арешта? — перешел он на тихий шепот.

— Слово солдата. Потолкуем и расходимся. Мы ни разу не встречались и не говорили.

— Родштенные у них отношения.

— Братья?

— Двоюродные.

— В поселке об этом знают?

— Нет.

— Модест скупает акции фабрики?

— Гребет.

— Сколько процентов уже купил?

— Не шнаю тошно, но больше тридцати.

— Что ж, картина знакомая, не успеют ваши художники глаза протереть, а фабрика утке принадлежит милому семейству. Но, надеюсь, мафия тут как тут и свой кусок постарается оторвать.

— Тьфу! — сплюнул Ребров.

— Ага, — посочувствовал я ему. — Тебя держат в охране, на черновой работе, платят мало, посылают на опасные дела. Прими мои сочувствия, но ты сам ввязался в эти игры и изначально сам виноват. Пенять не на кого. Теперь скажи, кто из ваших боевиков ездил вместе с художниками в Петербург?.. Ну, ты ездил? Говори! Кто задушил художницу Кагенину на вокзале?

— Не шнаю, кто ее шадушил. И никто не шнает иш наших. Шуб даю. А на выштавки мы не ешдим, еикго в Петербурге не был.

— Точно знаешь?

— У наш все на виду.

Пора заканчивать беседу, а на прощание небольшое устное послание:

— Ржавому передай — если он не оставит в покое Ирину Грачеву, я ему яйца разобью.

Глава V

Поезд из Петербурга в Иваново приходит в 10.0. Если Грай пойдет в УВД поговорить, с кем надо... Стоп, а если все уже обговорено, и Грая с машиной встретят на вокзале? Это значит, надо поторапливаться. Обыкновенный ботник мне не годился. Нужна, как минимум, четырехвесельная лодка. На поиски ушло полчаса. Наконец, заметил подходящую около маленького домика. Постучал в окно, поторговался с хозяином, седым стариканом. Договорились с тем условием, что лодку через сутки верну. Заодно старик продал мне поллитра козьего молока. Я тут же его выпил с пирожками, купленными на рынке. И со спокойной душой сел на весла. Оказалось, не так просто сделать длинный гребок веслами и при этом не упасть на спину, не зарывать их на глубину, не чиркать лопастью поверху, от этого брызги летят б лодку. А если к моей неумелости прибавить взбесившуюся жуткую реку с темной страшной водой, с водоворотами, с волнами, которые разгонял резкий боковой ветер! Река залила большую низкую долину. Для меня это было море, становилось страшно от одного ощущения глубины. Да еще боковые волны, которые раскачивали лодку и мешали грести. Намучился я, пока пересекал разлившуюся Тезу, набил мозоли мокрыми веслами, шея заболела от частых поворотов на ориентир — дуб, одиноко стоявший среди залитого поля, и неподалеку — три больших стога сена.

Подплывая... Нет, беру это слово обратно. Капитан Бондарь не простит мне его. Он утверждает, что плавает только г... А моряк всегда идет, даже если он в воде по уши и под мышкой у него всего лишь полено. Так и надо говорить — пришел на полене... Так вот, придя на четырехвесельной лодке к урезу воды, я увидел там красный «Москвич» с мигалкой наверху, он имел ивановский номер. У воды стоял мой шеф Ярослав Грай. Рядом пританцовывал для согревания начальник уголовного розыска майор Головатый. Подняв воротник, стоял спиной к ветру мой старый знакомый сержант Григорьев. Незнакомый мне человек — черноволосый, с веселым лицом — был оперативником из Иваново Павловым. Милицейская машина не смогла доехать до Холуя — шоссе уходило в воду.

— Какое тут задержание, Холуй эвакуируют, — удивлялся сержант Григорьев.

Когда нос лодки ткнулся в осевую линию шоссе, я поднялся, приветствуя присутствующих. Сержант Григорьев тут же спросил, нет ли чего поесть и выпить.

— Сала нет, — отвечал я извиняясь, — но, как утверждает наука, сорок литров воды по калорийности равны сытному обеду. Воды, уверяю, хватит на всех. А если вы, сер-8 А. Гостомыслов 225 жант, сядете за весла, то на десерт могу дать клевера, три стога которого красуются около дуба.

Лучше бы я так не шутил, мне потом не раз припомнят эту шутку. Водителю «Москвича» Павлов сказал, что все вернутся часа через три. Простыв на холодном ветру, все четверо приехавших захотели сесть на весла и разогреться греблей. Пришлось мне взять на себя обязанности капитана. Борт лодки возвышался над поверхностью воды сантиметров на десять. Я решил, что если не будем шараться от брызг и меняться на ходу местами, то дойдем благополучно. К тому же в лодке валялся большой черпак, сколоченный из досок.

Со своего места на корме, сложив руки на груди, я задумчиво посмотрел на свою команду, так смотрит на нас первый российский плаватель вокруг света бронзовый Крузенштерн, стоящий на берегу Невы. И скомандовал:

— Весла на воду!.. И-раз, и-два, и-три... Хреново гребете, господа детективы, не в лад. И-раз, и-два, и-три. За такую греблю ничего, кроме клевера, не заслуживаете.

Грай сидел загребным, греб ровно, спокойно, и вскоре команда сладилась, стала грести ровно и дружно, стараясь согреться на ветру. Мы уже прошли половину луга, я целил поближе к трем стогам, чтобы обойти водоворот, замеченный по пути сюда. Бесшумно и грозно водоворот крутил пену, щепки, всякий сор. Когда мы проходили мимо среднего стога, я решил подбодрить гребцов:

— Обед подан, вот оно — сено.

Не успел я окончить фразу, как произошло невероятное — резко ударил ветер, стога сорвались с места и пошли на лодку. Парусность у стогов большая, они двигались ходко, раскачиваясь и пугая. Проскочить мимо мы не успевали, я решил повернуть и уходить от них по прямой, подал команду:

— Левая гребни, правая табань! Навались!

Детективы быстро выполнили маневр, лодка повернула и направилась прямо в водоворот. Но скорость лодки оказалась потерянной, стога вот они — рядом.

— Навались! — орал я. — И-раз!

Мы сделали два гребка и уже было набрали скорость, как средний стог настиг нас, толкнул в корму, качнулся и стал наваливаться. И мутная вода, и огромный стог пугали меня. Тяжелый стог мог сломать шею и тогда — мгновенная смерть. Человек слаб — нельзя идти против стихии. Я оказался на месте капитана, и, как говорил Бондарь, капитан принимает решение и все подчиняются беспрекословно, если хотят спастись. Стог уже наваливался на меня, я прокричал из-под сена:

— Все в воду!

Стог падал как-то замедленно, и мы успели вывалиться за борт. Вода обожгла холодом, так что перехватило дыхание. Рухнувший стог ударил меня по голове и увлек под воду. На какое-то время я потерял память и не помню, как выплыл из-под стога. Не знаю, как я оказался один с этой стороны и, не увидев никого, растерялся. «Людей погубил, — мелькнуло в голове, — сейчас попаду в водоворот — и...» Я перестал двигаться, соображая, что же можно сделать? В такой воде человек проживет не больше десяти минут!

Из-за стога донесся громкий голос Грая:

— Лодка перевернулась, но цела, ее нужно выдернуть из-под стога. А ну, взялись дружно!

— Я здесь! Иду на помощь, — обогнул маковку стога и подплыл к перевернутой лодке.

— Все взяли за один борт, подняли — раз! — скомандовал Грай.

И вот уже лодка на плаву, только полна воды.

— Я черпалку поймал, — обрадовался Павлов.

— Ты жизнь поймал, лезь с кормы, вычерпывай воду.

Ивановен вскарабкался в лодку и изо всех сил заработал черпалкой, за каждый взмах выливая по полведра воды.

— Остальные на стог! — скомандовал Грай. — Снять и отжать одежду.

В ледяной воде жизнь человека измеряется минутами, одна-две лишних и ты — покойник, умрешь от переохлаждения... Поэтому все делали быстро. Полезли на стог с маковки, чтобы он не стал крутиться. Я оказался самым резвым, за мной забрался Грай и Головатый с сержантом. Мокрая одежда липла к телу, ее приходилось срывать чуть ЛИ не с кожей. Отжатую, остывшую, замерзшую на ветру, ее страшно было надевать.

— Когда полярники попадают в полынью, — подбадривал нас Грай, — то, выбравшись из нее, первым делом отжимают одежду. И хоть бы кто чихнул — экстремальная ситуация.

Сам он сиял и отжал даже трусы и носки. Но я заметил, как он, синий от холода, с ужасом смотрит на свою ледяную рубашку. Несколько мгновений колебался, затем, как в прорубь нырнул, начал решительно ее натягивать.

Под одежду мы подпихивали сено, раздулись, стали неповоротливыми. Сено спасало нас от переохлаждения. Ива-новец Павлов сработал здорово, лодка была почти суха. Он подобрал три весла из воды, одно куда-то задевалось, его не отыскивали. И прямо в лодке Павлов начал раздеваться и отжимать одежду.

— Ты держишься? — спросил его Грай.

— Я — морж, — отвечал тот. — Всю зиму в проруби купаюсь.

Я ему в лодку кинул охапку сена и он тоже начал подпихивать его под одежду.

— Теперь быстро на борт! — скомандовал Грай.

Пока шла посадка, я оглянулся — мне приходилось метать такие стога самому — в сенокос рубят небольшое дерево, на него ставят стог. Когда надо, приедет трактор, подцепит за ствол и потащит в деревню. При подъеме воды стога всплыли, но что их держало на месте? Увидел деревце, к которому они могли быть прикреплены. А на стволе у комля обрывок веревки. Веревка сорвалась или?! Меня бы точно прошиб холодный пот, если бы не было так холодно. Я сполз к основанию стога, пошарил в глубине руками. Нора! Поглубже залез туда и нащупал человека, который тут же приставил ко мне пистолет.

— Только пикни, штреляю беш предупреждения!

— Попробуй стрельнуть, падаль, — ответил я. — Стог вспыхнет, и ты зажаришься живьем. Бежать некуда, в лодку тебя не возьмут.

Пока он размышлял, вспыхнет ли от выстрела стог, я вырвал пистолет, выволок человека из норы и увидел знакомую клетчатую кепку на круглой голове. Глядя на меня, Ребров жалобно скалился. Губы распухли еще больше, во рту отсутствовали уже два передних зуба.

— У тебя цинга началась?

— Выбили ша рашговор щ тобой на рынке.

— И приказали нас утопить?

— У меня два маленьких ребенка, — заныл он. — По-шалей малюток.

Мне никогда не приходилось боксировать в положении лежа. Но все же сумел сделать неплохой удар в челюсть, Ребров с воем съехал в воду и заорал во весь голос ст холода.

— Ты что там копаешься? — крикнул из лодки Грай. — Откуда еще купальщик?

— Охранник с фабрики, местный мафиози Ребров. Это ему мы обязаны купаньем.

— А, сволочь! — воскликнул сержант Григорьев, взмахнул веслом и с маху ударил по воющей голове. Но юркий Ребров ускользнул и поднырнул под стол.

— Слезай быстро, — велел мне Грай. — В лодке для мафиози места нет. Оставим его тут, пошлем кого-нибудь за ним, а пека посидит в сене.

Трое взялись за весла, четвертый греб черпаком. Я опять оказался на капитанском месте. Ребров вскарабкался на стог и крикнул:

— Пишголет отдай!

Я разрядил оружие, патроны высыпал в воду, а пистолет швырнул обратно.

— Зачем отдал «пушку»? — спросил Грай.

— Ребров выбыл из игры и не опасен, — объяснил я, зарываясь в сено, охапку которого предусмотрительно бросил в лодку. Ох, как я был неправ! Но это выяснилось позднее.

Без приключений мы доплыли до дома директора фабрики, пришвартовались к крыльцу, перепугали хозяйку, ввалившись толпой. И сразу к теплой печке, греться и сушиться. Узнав, в чем дело, Анна Великсрецкая выставила графинчик с водкой, и мы, разделив ее по-братски, вылили по глотку. Вскоре в печке запылали дрова, закипел на столе электрический чайник, от одежды, развешанной перед огнем, повалил пар.

Грай показал мне глазами на телефон.

— Звони директору, пусть через час, в семнадцать ноль-ноль, соберет сюда, к себе домой, всех, кто был на выставке в Петербурге, и родственников Катериной.

— А если он откажется?

— Постарайся убедить, найди доводы.

Я с трудом оторвался от печки. Завернулся в одеяло, взял трубку и набрал номер директора фабрики. Секретарша поинтересовалась, кто его спрашивает, слышно было, как доложила Великорецкому. Стараясь не лязгать зубами, я начал говорить, но он перебил:

— Мы с вами договорились, Виктор, что вы прекращаете свое расследование и уезжаете. Фабрика в ваших услугах больше не нуждается. И, пожалуйста, оставьте мой дом.

Я прикрыл трубку ладонью.

— Прокол. Нас не хотят видеть и просят очистить помещение.

— У тебя есть что-нибудь, чем мы можем зацепить его? — спросил Грай.

В трубке щелкнуло и послышались короткие гудки.

— Вас он может и не послушать, — отошел от печки Павлов, который был в трусах и влажной еще рубашке, ко, мне на зависть, не лязгал зубами, — Разрешите, я позвоню? Операцию проводите вы, и вам решать. Но это моя «земля», и я знаю петушиное слово.

Он взял трубку и набрал номер.

— Говорит оперуполномоченный Павлов из уголовного розыска Иваново. Добрый день, господин Великорецкий. Мы с оперативной группой из Петербурга находимся в вашем доме, сушим одежду у печки, потому что охранник вашей фабрики Ребров только что совершил вооруженное нападение на органы правопорядка. К счастью для вас, мы остались живы. У Реброва отобрали патроны, он оставлен на месте совершения преступления, на стогах залитого луга. Пошлите за ним лодку. Сейчас я сажусь писать на вас рапорт. В каких

красках это подать? На эту тему готов с вами поговорить позднее. Могу ли я надеяться, что люди, названные Виктором Крыловым, придут сюда к пяти часам?.. Хорошо, передаю ему трубку.

Я уже перестал лязгать зубами, быстро назвал нужных людей, включая Бориса и Володю Катениных.

Через четверть часа Великорецкий позвонил сам. Трубку взяла жена и передала мне.

— Никак не найти Ирину Грачеву и Соснова-младшего. Не могли бы вы взять на себя их поиск?

Очень не хотелось выходить на улицу, садиться в лодку.

— У меня одежда не просохла, что я, голый поеду?

— Скажите жене, она даст вам из моего гардероба.

Спортивный костюм Великорецкого был широковат для меня, зато «Макаров» легко прятался в складках. Ботинки оказались в самый раз. Это смирило меня с жизнью. Хозяйка покормила нас картошкой с овощами. Я выпит лишний стакан горячего чаю с булкой и вышел на крыльцо.

Ис где искать пропавших? Решил заглянуть домой к Соснову, где его видели последний раз, взять след. А там посмотрю, куда он приведет. Отвязав лодку с тремя веслами, снова переплыл Тезу и причалил к знакомому крыльцу на улице художников. Огляделся, что это соседи делают? А те ловили рыбу. От дома до сарая протянули сеть, открыли ворота и вынимали из ячеи окуней, плотву, язей, лещей... На улице раздавался стук — плотники тянули по всей улице вдоль заборов из штакетника мосточки. Шаткие, но пройти можно.

Веревку от лодки намотал на перила, постоял, прислушался. Все казалось тихо. Заглянул в окно — никого не видно. Постучал — нет ответа. Осторожно потянул дверь. В небольшом коридорчике, в полумраке увидел — на стене висела одежда, под ней стояла обувь. Пахло речной водой. «Все правильно, — подумал я, — в каждом доме сейчас пахнет сыростью». На полу лежали два половика, они были здесь, когда я приходил к Соснову слушать его рассказ. У стены появился щит из досок, примерно метр на метр. Прежде щита не было. Тут я допустил непростительную ошибку — следовало заинтересоваться щитом. Но я был усталым и раздраженным, что не делает мне чести. И еще — за следующей дверью слышалась музыка и голоса, похоже, там смотрели телевизор. Я начал злиться и проявил нетерпение. Что вполне объяснимо, но при моей работе недопустимо и может иметь неожиданные последствия. Я сделал торопливый шаг к двери. Половичок под моими ногами ушел вниз, и вместе с ним я оказался в ледяной воде Тезы. Крышка люка гулко ударила сверху, раздался лязг, вероятно, закрылась защелка. Я охнул дважды, скачала от ледяного холода, к которому невозможно привыкнуть, потом оттого, что голова уперлась в доски пола — вода заполнила подвал до самого верха. Я понял — дышать нечем, жизни осталось минуты полторы, насколько хватят воздуха в легких. Попробовал достать дно ногами, уперся, но крышку выдавить не смог, то ли ее заклинило, то ли защелка оказалась крепкой.

Лег на спину и всплыл. Поискал, прижавшись губами к полу. Там оставалась тонюсенькая прослойка воздуха, но и сна быстро исчезала — вода продолжала прибывать. В голове метрономом застучали молоточки, отсчитывающие последние секунды жизни. В легких начались рези. Я уже не совсем понимал, что делаю. Руки ощупывали пол в поисках отверстия, но это был но-

вый крепкий пол, сделанный добротно, в нем не оказалось изъянов. Вот палец зацепился за что-то. Гвоздь? Нет — сучок. Выбить его! А чем? Рука автоматически потянулась за пазуху, вытащила пистолет. Ударил стволом по сучку — если пол еловый, выскочит легко. Но сучок не поддался. И не видно в темноте, куда попадаешь. Тогда снял оружие с предохранителя, загнал патрон в ствол. Можно ли стрелять под водой из обычного оружия? Я знал, если вода попала в ствол — может разнести пистолет, и я погибну от гидродинамического удара. Но, может, ствол не заполнен водой до конца? Но уже все равно, сознание покидало меня. Снова нащупал сучок и выстрелил в него.

Крепко ударило по ушам, зато надо мной появилось светлое пятно. Потянулся к нему губами, но и в отверстии плескалась вода. До воздуха сантиметра два-три. Мне бы тростиночку, соломинку, трубку... Дальше действовал автоматически, сознание уже отключилось. Руки удалили патрон из ствола, сунули Макаров в образовавшийся проем. Ствол шел туго, пришлось упереться в дно ногами и давить с силой. Я охватил ртом, как можно дальше, дырку для выброса гильзы, зажал отверстие для магазина в рукоятке ладонью и остатками перегорелого воздуха дунул в ствол, очищая его от воды. Назад потянул воздух осторожно, медленно, чтобы не закашляться, если попадет в легкие жидкость. Сделал вдох, другой. Вместе с воздухом в рот попали песчинки с половинок. Песок пришлось проглотить, и я подумал, что любитель истории Соснов мог бы подметать коридорчик почище, не разводить грязи. Вода в пистолет все-таки попадала из рукоятки, но я боялся оторваться от неожиданного источника воздуха и заглатывал ее вместе с пылью, которую засасывал через ствол.

Сколько прошло времени? Биологические мои часы испортились, понеслись вскачь, измеряя время мгновеньями. Мне казалось, что прошел день. Ну, а если прикинуть трезво, то несколько минут, может быть, четыре. Сквозь воду, которая проводит звук лучше воздуха, услышал скрип двери и осторожные шаги над головой. Видно, там, наверху, решили, 'по ловушка сработала, я от страха застрелился, не подавал признаков жизни, не стучал в пол, значит — «готов». Для верности надо мной потоптались еще минуту. Видно, им не терпелось убедиться в моей кончине. Щелкнул запор, крышка скрипнула и подалась. Сквозь воду я увидел слабый свет и сунул туда руку, безвольно плавающую, для приманки.

Наверху больше не сомневались. Крышка открылась совсем и стукнула о стену. Человек наклонился, стала просматриваться тень. Меня начали подцеплять, похоже, кочергой. Но рука с кочерги соскальзывала. В этот момент я проглотил новую порцию воды и едва не раскашлялся. С большим трудом удержал дыхание, боясь выдать себя, ведь тогда крышка мгновенно захлопнется, и я останусь в ледяной темноте. Тот, кто действовал наверху, сунулся в воду, схватил меня за рукав и потащил, сначала слабо, затем сильнее. Я подался на рывок и всплыл, крепко ухватясь за протянутую руку. Я так остыл и ослаб, что самому было уже не выбраться из ледяной могилы.

Тот, что был наверху, отпрянул, испуганный ожившим покойником. Но я поразился не меньше, наткнувшись взглядом на клетчатую кепочку и круглое, застывшее в немом крике, лицо Реброва.

Я дернул его вниз:

— Патроны достал?

— Не ушпел еще, — икнул см от страха, упершись в край люка.

Я дернул сильнее. Ребров в ужасе пополз назад и вытянул меня с того света. Он встал на ноги и поднял меня, висевшего на нем, как пиявка. Следовало действовать быстро, пока он не опомнился и не понял, как я слаб.

— Раз у тебя патронов нет, а у меня полная обойма, то раздевайся быстро. Ну! А то еще один зуб выбью, скотина!! — я отпустил его и прислонился к стене.

Он торопливо начал раздеваться.

— Трусы мощно оштавить?

— Ничего тебе больше не понадобится, снимай!

Когда он стоял на одной ноге, вынимая вторую из трусов, я собрался с силами и толкнул его. Видно, Бог помог мне: расплескивая воду, Ребров рухнул в подпол. Тут же высунул голову из воды, ухватился за крышку, завопил:

— Нет! Не хошу! У меня двое детей! Пошалей малюток!

— Водка в доме есть?

— На кухне пошатая бутылка, тебе сштавил.

— Подожди, я сейчас. — Надавил ему на затылок, погрузил в воду и захлопнул крышку люка. Ребров тотчас заколотил кулаками в доски. — Ничего, подождешь, — прошел на кухню, взял со стола выпитую до половины бутылку и, не сходя с места, осушил ее прямо из горлышка. Отломил кусок хлеба, зажевал и вернулся в коридорчик. Внизу, под полом, тихо. Неужели захлебнулся? Откинул половичок и увидел ствол своего «Макарова», торчащий из дырки от сучка. Из ствола, насколько я мог понять, шел сивушный дух. Я отщипнул хлебного мякиша и залепил ствол. Снизу тотчас яростно заколотили в пол. Потом Ребров догадался дунуть. Пулька из хлебного мякиша ударила меня в грудь. Вообще-то он мог выстрелить и настоящей пулей, но для этого следовало перестать дышать.

Наконец тепло из желудка стало распространяться по телу. Я почувствовал сначала голову, потом руки, ноги, понял, что способен действовать. Сбросил с себя мокрую сдежду, надел то, что оставил Ребров, и еще натянул ватник с вешалки. Откинул крышку люка, и голова Реброва с жадно раскрытым ртом тотчас высунулась из воды. Отдышавшись, он тоненько взвыл. Преступнику, как и детективу, чтобы выжить, необходимо умение играть, плакать и смеяться по заказу. Но сейчас он на дне, в водяной могиле, и мои вопросы отстранены от него, как жизнь отделена от смерти. Я просто спрашивал, а он отвечал.

— Как ты выбрался с места засады?

— Под третьим штогом у меня летал ботник. Набил его шеном и поплыл.

— Тобой командует Великорецкий?

— Нет.

— Коммерсант Модест Куливанов?

— Нет, бригадир у меня Ршавый. Ршавый выбил мне еще один шуб и велел тебя утопить. Я не хотел, но не мог ошлушаться. У-и-и-и-и! — заныл он. — Холодно.

— Не ной, где Соснов и Ирина?

— В конше улишы, дом шправа. Ршавый и Фунт вшы-ли их в шалошники, штобы ваша бригада иш уголовки их не тронула... У меня шудорога от холода, — У-и-и-и!

— Ладно, вылезай, — сжгтился я.

Ребров, синий в пупырышках шар, покатился в дом, сдернул с кровати одеяло, мигом завернулся. Схватил пустую бутылку и высосал последние капли.

— Все вышрал? — спросил обиженно. — Я ведь так ше шамерш, как и ты. Дай хоть хлеба пошую... Да беш корки, мне шевать нешем.

— Как они вооружены?

— Как сбышно — у Ржавого два пиштолета и граната. У Фунта пиштолет ТТ и финка. Ты ше видел.

Я смотрел, как завернутый в одеяло, дрожащий от холода Ребров из середины буханки выковыривает мякиш и старается жевать распухшими деснами, понимая, что передо мной разыгрывается спектакль, игра под несчастного. На самом деле — это хитрый, изобретательный бандит, который два раза за день попытался отправить меня на тот свет и едва не преуспел. Если он возьмет верх — пощады нс жди. Но все равно у меня к нему была какая-то жалость. И даже бить его, дрожащего и синего от холода, не хотелось.

— Полезай в воду, — велел я Реброву.

Тот взмолился:

— Лушшо шрашу шастрели: шем шяова в мокрую могилу. Умру на шухом, как шеловек.

— Не из чего застрелить. Твой ТТ без патронов, а мой «Макаров» под водой. Спустишь и достань мой пистолет.

Хитро прищурясь, он выглянул из одеяла, явно взбодрился, заново оценивая ситуацию. Уговаривать некогда. Схватил бандита за волосы, вытащил в коридорчик.

— Ныряй, щучья голова!

Ни слова не говоря, Ребров лег на пол, засунул в воду руку, распатал и вынул из воды мой ствол. Я вытряс из «Макарова» воду, осмотрел и признал годным к стрельбе. После купания бандит приходил в себя и становился спасен, мог схватить топор, нож, утюг, что подвернется под руку. Следовало его обезвредить.

— Я вошьму што-нибудь иш одецды Шошясва? — спросил он, словно прочитав мои мысли. — Холодно шей-шас швяшанному летать голым.

— Бери, мне не жалко.

Мы прошли в спальню. Ребров открыл шкаф, надел белоснежную рубашку, галстук с абстрактным рисунком и бежевый выходной костюм, купленный, судя по бирке, за валюту в знаменитом магазине «Тройка» на Литейном проспекте Петербурга. В этом костюме Соснов-младший покорила Петербург и собирался поразить Нью-Йорк.

Переодевшись, бандит стал выглядеть приличным человеком, с удовольствием, словно заново узнавал себя, посмотрел в зеркало. В таком наряде он явно нравился себе. Только распухшие губы портили картину. Взятой из коридорчика бельевой веревкой я накрепко связал руки и ноги Реброва, положил на кровать и привязал еще к спинке. При этом бандит морщился и шепелявил со свистом:

— Ошторошнее, пошалуймата, вы мне маншет помнете.

— Ничего, не в театр отсюда пойдешь, для тюремной параши и так хорош.

Я не ожидал от себя, что так сильно начну переживать за Ирину Грачеву. Соснов парень крепкий, к грубой жизни привычен, посидит в заложниках, ничего ему не станет. А искусствовед из Русского музея — женщина с тонкой

душой и сложной психикой, гордая, с ней следует обращаться деликатно.

Как говорила в подобных случаях моя мать, женское тело нападения мужчины не боится, плюнуть и забыть. Но вот если душу растопчут, характер сломают — дальше жить станет труднее. Душа ведь может окаменеть, и жить человеку придется без радости. К тому же у меня перед Ириной определенные обязательства — какой же, к черту, из меня теперь охранник?

Я решил сходить в разведку. Сел в лодку, осторожно поплыл вдоль пустой улицы, прижимаясь к штакетнику, чтобы хоть немного прикрыться. Вот стал виден угол крайнего дома, где засели мафиози. Стол! Напротив предпоследнего дома, чтобы иметь прикрытие, я повернул в ворота. Встав в лодке, постучал в кухонное окно. Похоже, в доме нет людей. К крыльцу подъехать нельзя, мафиози увидят и могут уложить первой же пулей. Окно закрыто на зиму, придется ломать шпингалеты. Среди дров увидел топор. Всунул лезвие топора между рамами. Рамы затрещали и подались. Стекла остались целыми. Но, безусловно, хозяину предстоит небольшой ремонт.

Вот я в доме. Прошел через комнаты и осторожно выглянул из-за занавески. Крайний дом стоял тихо, словно и в нем никого не было. Между домами штакетник, но с дырками, видно, хозяева нерадивы. У стены дома лестница, небольшая, но до крыши достанет. Если ее поставить подальше к углу, то можно забраться на шиферную крышу, дальше — в слуховое окно, потом уже чердак и можно свалиться на голову мафиози.

Я собирался вернуться в лодку, но вдруг увидел, как за окном крайнего дома метнулась женская фигура в одних белых трусиках. Да это же Ирина! Увидев широко раскрытый рот и услышал слабый крик: «Помогите!» Тут же одна лапа зажала ей рот, другая охватила за талию и утащила в глубь комнаты. Я выхватил пистолет, но стрелять уже не в кого.

Признаюсь, я на некоторое время потерял контроль над собой, стал выдирать шпингалеты, чтобы рвануться на штурм бандитского логова и вырвать пленницу из рук негодяев. В этот момент меня окликнули. От неожиданности я вздрогнул и чуть не выстрелил в опера Павлова.

— Попробуй успокоиться, Виктор, — попросил он негромко.

— Как ты здесь очутился?

— Мы поняли — у тебя тут не заладилось, забеспокоились и направились посмотреть, в чем дело. В доме Соснова нашли связанного мафиози, он заявил, что ты обезумел и помчался выручать искусствоведа. Сейчас все подойдут, и мы решим, что делать.

— Беспредел! — закричал на Павлова. — Куда ты смотришь? Черт возьми, это ведь твоя «земля», ты должен быть хозяином. Кто он такой, эта ржавая сволочь?

— На своей «земле» я знаю всех. Этот зверь имеет имя — Геннадий Земцов.

— Почему же он не на нарах, а гуляет на свободе и рвет одежду с женщин, которых пожелает?

— Мой первый учитель, волкодав Олегов, говорил мне, не торопись арестовывать человека, хоть и знаешь о нем много. Арестуешь, и что? Через два дня придется выпускать. Он же над тобой насмеется, придет и скажет: «Съел, дурак!» Авторитет у товарищей потеряешь. Нужно не только знать, нужны доказательства. И тогда он сядет на скамью подсудимых.

— У вас против него нет доказательств?!

— Сейчас проблема даже не в этом. Три месяца назад я его арестовал, предъявил доказательства грабежа. Он все признал и дело передали в суд. Судья внимательно рассмотрела дело и на суде, знаешь, что сказала?.. Заявила, что не может найти одного понятого, который был при изъятии. Я держал Ржавого под прицелом и не знаю, кого привели в понятые. Тот поставил закорючку и ушел. Из-за этой ерунды дело отправлено на пересмотр. Ржавый снова вернулся в Холуй и распоясался еще больше. За целый год судья не вынесла ни одного приговора, все дела отправляются на пересмотр. Обвиняемых выпускаю! под залог или под расписку. Они тут же приходят к своим жертвам и — сам понимаешь...

— Гнать такого судью в три шеи!

Опер развел руками:

— Судья — избранник народа.

— А когда в тебя стреляют, ты можешь ответить пулей на пулю?

— В вооруженного человека можно стрелять без предупреждения.

— Хорошо, я пойду первым, а когда они начнут меня убивать, ты, надеюсь...

До нас донесся стук причалившей лодки, осторожные шаги. В комнату вошли Грай, майор Головатый и сержант Григорьев.

— Что ты тут возишься? — сразу начал ворчать Грай. — Ушел и как в воду канул.

— Именно так и было, шеф. Сгоряча попал в водяную ловушку. — И я коротко рассказал о погребке с водой в доме Соснова.

— Иногда ты начинаешь суетиться и поэтому попадаешь в глупые ситуации, — сделал мне выговор Грай. — Где Ирина и Соснов-младший?

— Со слов Реброва я знаю, что они в этом доме. Ирину я только что видел. Ржавый срывал с нее одежду, она кричала, звала на помощь. Я хотел броситься в окно, но Павлов меня задержал.

— С Ириной понятно, но зачем ему Соснов?

— Ребров сказал, что их взяли как заложников, на случай нашего наезда на них.

Я не мог оторвать взгляд от окна.

— Давайте, пойду первым, а вы меня прикроете.

Грай направил на меня тяжелый взгляд.

— Спать суетишься. Каждый должен заниматься своим делом. Война с мафией — дело милиции. Они за это получают мундиры, оружие, награды, зарплату. Их лечат в престижных поликлиниках, устраивают бесплатные похороны с залпом комендантского взвода.

— Мы останемся в стороне?

— У нас есть клиенты — мы работаем. Нет — узы.

— Сейчас мой клиент — справедливость! А вместо денег я получу удовлетворение! Мне этого достаточно.

— Хорошо, иди, не стану тебя удерживать. Но когда Ирина будет вырвана из лап негодяя, тогда начнется настоящая работа, за которую ты получил аванс от капитана Бондаря. Помнишь об этом?

Я вспомнил наш дом и с грустью улыбнулся:

— Вот сюда бы сейчас нашего рыцаря Жана де Ален-кура. Мафиози достаточно было бы увидеть начищенные до блеска, пышущие жаром стальные латы, и они сразу бы лапки кверху — и сдались.

— Никакого Жана де Аленкура! — решительно заявил опер Павлов, — Это «земля» моя, операцию провожу с мафиози я. Если хотите, можете псуочь.

После небольшого совещания мы начали готовиться к освобождению заложников. Вывернули чугунную плиту из печки, на которой хозяин готовил еду. Плиту вытащили через окно и установили на корме четырехвесельной лодки. Сержант Григорьев проявил сноровку, как технарь, укрепил ее упорами и веревками в наклонном положении. Чугунные кружки и кольца для чугунов и кастрюль вынули, получилась бойница.

Павлов разделся до плавок, намазался подсолнечным маслом, найденным на кухне. Зажал в кулаке свой «макаров», на оружие и руку надел полиэтиленовый пакет, его замотал найденной в инструментах резинкой.

Мы с Граем сели в ботник. Сержант Григорьев в лодку за чугунный лист. Головатый оставался в доме, для прикрытия и как резерв.

Вот Павлов дал знак. Сержант оттолкнулся от дома веслом, выплыл на улицу сквозь ворота, установил лодку щитом в сторону последнего дома. Подгребая веслом так, чтобы не высовываться из-за плиты, подплыл ближе и заорал в круглое отверстие в плите:

— Сдавайте оружие и выходите по одному! Дом окружен специальным летучим отрядом милиции. Сдавайтесь, Ржавый и Фунт!.. Пусть заложники выйдут на крыльцо.

Дом молчал, словно замер. Сержант не утерпел, выглянул из-за щита, посмотреть, в чем дело? В тот же миг со звоном брызнуло стекло, раздался первый выстрел и сержант с истошным криком повалился за спасительный щит.

— Он ранен?! — вскричал Головатый.

Но сержант приподнялся, подправил веслом ход лодки и выстрелил в дом через бойницу. В него начали палить из окна первого этажа и сверху, из чердачной комнатки.

Павлов без всплеска ушел под воду и по дну, невидимый, слоено рыба, поплыл к крыльцу осажденного дома, мимо которого в обе стороны летели пули. Мы с Граем оттолкнули ботник от окна и задами торопливо поплыли к докту сзади. Подтянули лестницу, приставили к крыше, полезли наверх. Наверное, нас не видели, потому что старательный сержант стрелял регулярно, а ему отвечали сразу из двух стволов.

Вот мы с Граем на крыше, осторожно ступаем по шиферным листам. Около открытого чердачного окошка бесновался с пистолетом в руках Фунт, стрелял нервно, почти не целясь. Выбрав момент, изогнувшись дугой, Грай прыгнул ногами вперед в окошечко. Одной ногой выбил пистолет, другой ударил в нос и сбил Фунта с ног. Оба они на полу. Грай, похоже, получил ушибы, стал пасивен. Фунт извивается как уж, одной рукой зажал нос, другой выхватил финку и, привстав, целит Граю в живот. — Но я уже тут, подправляю ему руку, и Фунт попадает себе в бок. Нож с хрустом входит пр самую рукоятку. Крови льется немного, но специфический ее запах преследует нас, когда мы осторожно по лестнице спускаемся на первый этаж. Я слегка прихрамываю, не очень ловко прыгнул, поторопился. Грай слегка морщится при движении.

Внизу увидели вошедшего с крыльца Павлова. Входная дверь оказалась запертой, и ему пришлось пулями выбить замок. Ивановен пальцем показывает на дверь, мол, здесь. Он приготовился к броску, и мы его прикроем. В это время под окнами гулко разорвалась граната, Павлов рвет дверь на себя, кидается

внутри, мы с Граем следом.

Ржавый полуодет, стоит в простенке между окон, прячется от осколков гранат, руки опущены вниз, в каждой по пистолету. Увидев Павлова, он в ярости нажимает на курок, так что первая пуля впивается в пол у самых ног, и, вскидывая руки, торопясь, стреляет. «Макаров» в вытянутых руках Павлова сухо выплескивает огонь: так!., так!., так... На груди мафиози появляются три маленькие дырочки. Глядя на нас выпученными глазами, уже мертвый, он продолжает стрелять. Патроны у Павлова кончились, и он в ярости швыряет в мафиози пистолет. Ничего уже не видя и не соображая, смертельно раненый зверь продолжает стрелять. Я схватил Павлова и вытащил в коридорчик, Грай захлопнул дверь. В комнате раздалось еще четыре выстрела, последняя пуля пробила дверь, ударила в косяк и хорошая щепка ударила меня в лоб.

Я вытер кровь со лба:

— Вот это выстрел!

Толчком ноги Павлов распахнул дверь. Мафиози по стене сполз на пол и лежал у простенка. В углу, закрыв голову подушкой, скрючился Соснов-младший. На тахте, среди мятых простыней, прикрыв лицо льняными волосами, негромко плакала Ирина.

Грай подошел, спросил:

— Вы не ранены?.. Вам помочь, Ирина?

— Я сама... Прошу вас, выйдите.

Но остаться одной рядом со страшным покойником, державшим в каждой руке по пистолету, она не в силах, поэтому ловит Грая за руку.

— Подождите здесь, я быстро.

Грай тактично отворачивается и смотрит в окно. Мы с Павловым выводим Соснова-младшего, который тоже несколько не в себе.

Взрыв гранаты хоть и произошел под водой, все же сильно встряхнул лодку. Чугунный щит упал, придавив сержанта, и ветер понес лодку на открытую воду разлившейся реки. Майер Головатый, которому выпала участь прикрывать наши тылы, кричит в окно:

— Григорьев, ты цел? Подымайся, все уже кончилось! Твоя лодка тонет!

Мы с Павловым стоим на крыльце. Головатый высунулся в окно, локоть левой руки прижат к боку, сквозь пальцы сочится кровь.

— Вы ранены, майор?

— В руку, навывлет, не страшно, сержанта спасите, утонет же.

Мы с Павловым побежали через дом, сели в оставленный под окном ботик и погнались вдогонку за лодкой. Покалеченную выстрелами посудину захлестывала вода. Подняли щит; извлекли из полузатопленной лодки сержанта. Он потряс головой, приходя в себя.

— Плита упала и грохнула по голове, похоже, я вырубился ненадолго.

— Где твоя рана? — спросил я. — Ты так орал!

— Я нарочно кричал, чтобы их увлечь.

Продырявленную лодку взяли на буксир, привезли назад вместе с вынутой из печи плитой.

Глава VI

Руку Головатому забинтовали разорванной чистой наволочкой. Майор, грустный, сидел в ботнике.

— Всегда так — кто в тылу, тому больше всех достается.

Павлов взял соседский ботник, заторопился на фабрику, доложить по телефону о случившемся происшествии, вызвать дежурную бригаду уголовного розыска.

Ирина села в ботник, опустил глаза и сцепив на коленях руки. Соснов мрачно поглядывал по сторонам. Оказалось, он не был даже связан. Я подумал, что он растерялся в стремительно развернувшихся событиях. Но вдруг поймал его взгляд, быстрый, цепкий, все понимающий. Может, он прикидывается растерянным? Но понять мне его не удалось, потому что он поднял глаза вверх, мысленно удалился в неизвестные места и перестал нас замечать. «Ну и черт с тобой», — решил я про себя.

Через восемь минут мы вошли в дом Соснова-младшего. Меня ждал сюрприз — бритвенное лезвие валялось рядом с перерезанными веревками на кровати. Все, что осталось от проныры Реброва. Пока мы освобождали заложников, рядовой боец мафии покинул пределы негостеприимного дома, а может быть, и поселка. Исчез где-нибудь в дебрях Ивановской области. Я не стал огорчать Сое нова-младшего подробностями про исчезновение его лучшего выходного костюма, в котором он прицеливался покорить Америку. Пусть это станет сюрпризом.

Прошло двадцать три минуты, мы привели себя в порядок, сюда же явились участники встречи по списку Грая. На единственном кресле в доме расположился директор фабрики Великорецкий. На диван с резной спинкой села Ирина, все еще потерянная, не желающая ни на кого смотреть. Рядом Соснов-младший, пребывающий мысленно неизвестно где, трое липецких художников, опухших, о похмелья, но уже явно приходящих к нормальному человеческому виду. На стуле около окна независимо и солидно расположился Онисов. На принесенных из #еухни табуретках присели Борис и Владимир Катенины. Мать Соснова-старшего из Иваново приехать не смогла, других родственников у погибшего не было, и его никто не представлял на нашем собрании. Грай занял место посередине комнаты за столом, покрытым белой скатертью. За его спиной устроились на деревянных чурбаках, взятых из пленницы, уголовный розыск Петербурга, я и, сумевший быстро обернуться, стремительный Павлов.

Перед Граем на столе лежала тоненькая папочка с несколькими листочками, стоял стакан с водой. Шеф внимательно осмотрел собравшихся, выпил глоток воды и начал говорить:

— Бурные события, происшедшие на улице Художников сегодня, не должны отвлекать нас от главной цели поездки. Я хочу рассказать вам, что случилось в Петербурге в день открытия выставки лаковой миниатюры в Русском музее. В тот злополучный день в четырнадцать тридцать шесть к нам, в особняк на улице Стачек, где находится мое частное детективное агентство, пришла очаровательная молодая женщина с дорожной сумкой в руке, принял ее мой помощник Виктор Крылов. Я в это время находился в соседней комнате, в библиотеке, приводил в порядок только что привезенные в дом доспехи фран-

цузского рыцаря. Я коллекционирую старинное оружие и, признаюсь, в этот момент сильно увлекся, так что никого не хотел видеть. Женщина не пожелала назвать своего имени и попросила разрешения провести сутки в нашей комнате для гостей, мотивируя свою просьбу страхом перед преследователями. Женщина произвела сильное впечатление на Виктора, который считает за честь покровительствовать привлекательным дамам. Мой помощник...

При этих словах я невольно покраснел и даже хотел перебить Грая, чтобы сделать небольшой комментарий. Дурацкая привычка у Грая, так вот, походя, кольнуть меня и как ни в чем не бывало продолжить разговор. Придется мне заняться воспитанием своего шефа и отучить его от дурней привычки.

— Мой помощник, — продолжал Грай, — принял аванс и пошел ко мне поговорить, ведь прежде мы никому подобной услуги не оказывали. Чтобы не оставлять в нашем кабинете незнакомую женщину одну, Виктор попросил побыть с ней хозяина дома, Алексея Бондаря.

Грай взглянул на Великорецкого.

— В это время, если точнее — в пятнадцать ноль три, появились вы с Сосновым-младшим и убедительно просили меня срочно заняться поисками исчезнувшего художника Людмилы Катениной.

— Она пила коньяк в соседней комнате, вы мне этого не сказали не хотели ни за что сорвать с меня приличный куш, — упрекнул Грая директор.

Шеф не отреагировал на его выпад:

— Если позволите, я продолжу. Катенина, а это была именно она, заинтересовалась судебным колоколом, который висит у нас в прихожей вместо звонка. Они с Бондарем вышли в прихожую, и тут Людмила увидела одежду пришедших ко мне людей. Что она подумала, чего испугалась, мы уже не узнаем никогда. Очаровательная женщина предложила старому капитану выпить рюмку коньяка за моряков, Бондарь, широкая душа, немедленно отправился на камбуз, так он называет кухню, за коньяком. Пробыл там недолго, мы проверили по секундомеру, чуть больше двух минут. Когда вернулся, гости уже не было. Накинув розовый плащ, прихватив дорожную сумку, сна исчезла. Виктор тут же побежал на улицу, но не смог ее найти.

— У Людмилы уже не было шансов спастись? — спросил Володя Катенин, на глаза его наворачивались слезы.

— Людмила могла бы умно скрыться и на вокзале до самого отхода поезда. Классически, профессионально это делается так: человек встает в очередь в кассу, спиной к залу, плащ снимает. Когда до него доходит очередь, выходит из нее, переходит в другой зал и встает в новую очередь. Перед отходом поезда появляется около вагона. Человека, конечно, можно убить и около вагона, но при этом появляются свидетели, что для убийцы всегда нежелательно.

— Что же увидела Людмила, что ее так напугало, не пойму? — спросил Борис Катенин и своими добрыми глазами пристально посмотрел на директора.

— Пальто в полосочку Великорецкого и вельветовую шляпу с петушиным перышком Соснова-младшего.

— Не надо наводить на меня тень, — занервничал Великорецкий. — Я сам к вам пришел. А если бы имел грех за душой, то нашел бы, где укрыться.

— Вы не правы... Иногда преступники, совершив преступление, сами идут к сыщику, нанимают его для расследования, чтобы снять с себя подозрение. Такой вариант тоже нельзя исключать.

— Не надо нести чушь, — махнул рукой Великорецкий так, что всколыхнулось все его массивное тело. Но глаза его наполнились тревогой.

— Как выяснилось позже, Катенина не зря боялась, — продолжал Грай, в упор глядя на директора. — В пределах от пятнадцати сорока до шестнадцати сорока ее задушили на перроне Московского вокзала. Сумку оставили наверху, тело сбросили вниз и затолкали под перрон.

— Вы что на меня уставились? — возмутился директор. Лицо его полыхало от волнения и гнева. — Вы это убийство хотите повесить на меня?

— Ну, дайте же мне говорить, — не выдержал Грай, — Я тоже сегодня устал и хочу окончить поскорее.

— Людмилу могли задушить вокзальные бомжи, — не мог остановиться директор.

Грай обвел взглядом присутствующих:

— Так же, как мог это сделать любой из вас, побывавших в тот день на выставке. Ееликорецкий не понял происходящих рядом с ним событий, он увидел только, что женщина, которую он взял с собой, убежала. В гневе прервал застолье и разогнал всех искать ее. В общежитии остался только Соснов-старший, молодая звезда, уже не подвластная директору, к тому же успевшая сильно опьянеть.

— А мстив? — снова выкрикнул директор. — Если это сделал я, какой у меня мотив?

— Давайте поговорим о мотиве, — согласился Грай. — На следующий день после убийства Катениной милицейский патруль задержал двух бомжей, у которых нашли сумку Людмилы и на ней обнаружили отпечатки пальцев моего помощника. С этого момента мы с майором Головатовым занимаемся этим делом вместе. Мы предполагали, что мотив убийства у бомжей — ограбление. Чтобы понять мотивы действия других людей, следует вернуться к началу выставки. Полный и абсолютный успех на ней сопутствовал звезде Холуя Соснову-старшему. Его ларцы вызвали наибольший интерес, ему заказали рисунок для суперобложки книги, выпускаемой в Нью-Йорке о Холуе, он летит в Штаты на аналогичную выставку. И вдруг Соснов умирает. От чего?

Грай раскрыл папочку, достал лист.

— Теперь это точно установлено: Соснов отравился гелвеллс-вой кислотой, которая содержалась в грибах.

— Зачем об этом говорить? — возмутился директор — Мы с ним вместе ходили на Кировский рынок, все видели, он сам купил эти грибы, сам варил и сам эти трибы съел.

— Кто получил выгоду от смерти Соснова-старшего?

— Никто. — ответил Великоренкий. — Я же получил одни неприятности. Пришлось на ходу менять планы дальнейших действий. Большую помощь мне сказал Слснов-младший. На него я сразу взвалил массу дел. Поручил рисовать ларец для выставки в Нью-Йорке и обложку для книги.

— И Соснов-младший не подвел вас?

— Что вы! Не при нем будь сказано. Талант его вдруг вспыхнул необъяснимо сильно! Какие он замечательные принес эскизы для шкатулки! Обложку нарисовал волшебную. Скажи, Онисов, ведь ты же видел.

Онисов солидно кивнул:

— Художник вдруг поднялся на целую голову. Он даже посильнее Ссснс-

ва-старшего станет, если не сорвется, конечно. Объяснения этому скачку, я честно говоря, не нахожу.

— Надеюсь, мы собрались сюда не для обсуждения моих способностей? — подал голос Соснов-младший, возвратясь в свой дом с заоблачных высот, где пребывал мысленно до этого момента. — На эту тему прилично говорить на художественном совете фабрики, но не здесь, перед детективами двух городов.

— А почему бы и нет? — повернул к нему голову Грай. — С точки зрения психологии феномен редкий, и потому интересен всем. Давайте поговорим о дружбе двух талантов.

— Зачем время терять? — завозился гiа диване Соснов, — Онисов с Веселовым дружат еще дольше, стали заслуженными да народными, о них интересно говорить.

Но Грая невозможно сбить с намеченной цели.

— Я незнаком с Сосновым-старшим, ко видел его работы на выставке, составил о них собственное представление. О художнике достаточно рассказала Ирина Грачева, у которой с ним были серьезные отношения. Я сравнил его с вами, и вот вывод. Соснов-старший более сильный волей, духом, открытый человек. Вы весьма похожи на него, и в то же время более лукавый собрат, порой ловко действующий из-за угла, способны идти к цели окольным путем, если прямой путь чем-то перекрыт. Соснов-старший общительный, уверенный в своих силах, действовал прямолинейно, порой даже грубо. Он служил Холую душой и сердцем, от выставки к выставке добиваясь успеха и признания. Успех на него не с неба свалился, он всего добивался собственным трудом, старательностью и талантом. Бсжтш дар у него заметен во всех работах. Измена в дружбе для него, отмечу, исключена.

Под упорным взглядом Грая Соснов несколько побледнел и начал сжиматься, как пружина.

— Все, что вы сказали про моего друга, правильно. Ну, а я здесь причем?

— Мы говорим не о вас, а о дружбе двух художников. Насколько я понял, друг вам сначала помогал, но позже, когда вы оба вышли на высокий уровень, начал мешать.

Соснов протянул руку к Онисову:

— Скажите, ваш друг Веселов может вам помешать?

Онисов чуть шевельнул солидно поставленной головой.

— Я счастлив, что имею такого друга. Мы с детства одну песню поем. Не зря люди говорят: хочешь подняться сам, помоги подняться товарищу. Веселов мне никогда не мешал. Надеюсь, я ему тоже.

Лицо Соснова чудь пыхнуло краской.

— Вот видите, что старшие говорят о дружбе художников? Чем же мне мог помешать Соснов-старший?

— Тем, что существовал на свете. Он давил вас своей смелостью, удачливостью, открытостью. Вы, никак не уступая ему в таланте, никли и блекли рядом с ним, тушевались, робели, становились вечно вторым. Он стал вам костью в горле. Такие как вы — упрямы, не сдаются ни при каких обстоятельствах. Вам не ударить было фронтально, не победить на выставках, вы стали готовить удар с фланга. Потому, что первое место всегда одно и хорошо живет лишь первый. Увы, такова жизнь. У вас душа, полагаю, с двойным дном и

множеством секретных отделений, о которых никто не подозревает. Вы свободны, своенравны и одарены сильнейшим стремлением претворить свои цели в реальность, идеи и планы в практические дела. Вы готовы смять и задушить любого, кто станет поперек на вашем пути.

— Довольно, наслушался я оскорблений в собственном доме, — поднялся с дивана Соснов. — Подаю на вас в суд за нанесение морального ущерба. Все присутствующие станут свидетелями. У вас одна болтовня и ни Одного факта.

— Сядьте, Соснов, — рыкнул Грай, — сейчас перейдем к фактам.

— Не торопитесь, Соснов, — попросил его Павлов. — Рекомендую выслушать гостя до конца.

— Какой он гость? Это хам, каких свет не видел, — взвизгнул уязвленный художник, но все же сел на свое место.

— В прежние времена, при развитии социализме, вы, может быть, и дружили бы как Снисов с Веселовым, тоже бы стали заслуженным и народным художником. А может быть, и нет, потому что вас с самого начала грызла зависть. А жизнь наша изменилась, в обществе произошли крутые перемены, государство перестало, не может о вас заботиться, как прежде. Каждый стал за себя и живет так, как работает. Причем не на словах, а на деле. И вот Соснов-старший стал получать все — призы, награды, валюту... Вы же, имея равный по силе талант, всюду оставались на втором плане. Это вас взбесило и вывело из равновесия. Самый лучший друг превратился в самого страшного врага. Ведь люди завидуют не Моргану и не Рокфеллеру, а своему ближайшему соседу. Вы, не колеблясь, начали действовать. И добились своего. Результат налицо — исчез конкурент, который давил вас морально, у вас резкая вспышка способностей, талант расцвел мгновенно. Вы были готовы, жаждали этого.

— Опять разговоры, — поддержал Соснова директор фабрики. — Если художник резко повысил класс, это ничего не доказывает.

— Для вас ничего, а для детектива, изучавшего психологию, многое. Убийца тотчас начал получать блага, которые предназначались более сильному сопернику.

— Он тут ни при чем, — упорствовал директор. — Бее дал ему я. Художественный совет фабрики меня поддержал, можете ознакомиться с протоколами.

— Все выглядит именно так, как вы говорите. Если бы не было двух убийств.

— Почему же двух? — снизил голос и стал давать задний ход директор, вдруг решив, что если это спектакль, игра, то у детектива может быть козырная карта в рукаве.

— Итак, все, кто ездил в Петербург, были утром на рынке и видели, как Соснов-старший покупал строчки и сморчки.

— Видели, — подтвердил не умеющий говорить за спиной, привыкший все высказывать в глаза Онисов, поняв, что наступает решительная часть разговора.

— Все видели, как он варил их в общежитии?

— Я видел, — ответил Онисов.

— Потом?

— Сливал варево в дуршлаг, — ответил Онисов, — Панфил ему помог.

— Кто видел, как он нес грибы в комнату?

Все матча смотрели то на Грая, то друг на друга. Снисов вдруг ударил себя ладонью по лбу:

— А может, Людмила видела, как кто-то унес эти чертовы грибы к себе в комнату и там их подменит? Может, это ее и напугало. Она ведь догадалась, чему стала свидетелем. А?

Грай выпит еще глоток воды и в полной тишине продолжил:

— У Виктора Крылова, несмотря на его заметные недостатки, есть одно большое достоинство — потребность к справедливости. В сочетании с интересом к симпатичным женщинам, которые способны его вдохновить, эти качества порой дают превосходные результаты. Виктор обычно себя в том, что выпустил женщину из дома и она попала в руки убийцы, и начал собственное расследование. Я его поддержал, потому что не могу позволить безнаказанно убивать людей, обратившихся ко мне за помощью. На следующее утро упрямый Виктор пошел в общежитие, осмотрел место смерти Соснова-старшего и, разумеется, ничего не нашел. Но, наблюдательный человек, докладывая мне об увиденном, сообщил, что из чайника Великоорецкого исходил едва уловимый запах грибов, а на ножке чайника обнаружился кусочек, крохотный, сморчка. Все стало на место. Велико-редкий занес правильно приготовленные грибы к себе в номер и подменил их полупроваренными, которые незаметно купил на рынке и прогрел немного тайком в электрическом чайнике.

— Вы хотите сказать, утверждаете, — выпрямился на стуле Онисов, — что Великоорецкий грибы подменил и Соснова-старшего отравил преднамеренно?

— Когда варишь строчки и сморчки, гельвелловая кислота, находящаяся в грибах, не разлагается, а переходит в воду. Отварил, слил, и грибы безвредны. А если не доварить, они остаются ядовитыми. Директор подменил своему товарищу грибы, и тот после рюмки ничего не заметил, Я консультировался с врачом. Человек, съевший килограмм полупроваренных строчков и сморчков да еще крепко выпивший при этом, отойдет в мир иной, даже не пеняв что с ним происходит.

Голос несчастного директора дрожал:

— Меня подставили с чайником, подставили... В то утро немудрено было собственную голову потерять, но я вспомнил... Перед обедом чайник у меня брал Соснов-младший, хотел поставишь воду кипятить.

Соснов собрался, наклони;! голову к самому плечу. Я видел это второй раз и догадался, на что это походило. Соснов словно прицеливался из ружья, а вместо пули выстреливал лживым словом.

— Ее надо на других сваливать, уважаемый господин директор. Попался, держи ответ, — ядовито ответил хозяин дома. — Соснов-старший создал ассоциацию и хотел всех лучших художников у вас двести. Вот вы его за это и наказали. А ваше голословное утверждение про чайник никто подтвердить не может. — Голова его выпрямилась, выстрел сделан, и с явной усмешкой в глазах Соснов оглядел коллег.

Молчание повисло в доме.

— Видел ли кто-нибудь из вас, что чайник перед обедом был в комнате Соснова-младшего? — спросил Грай.

Я заметил, что пьяница Панфил сидел смертельно бледным, только синяк, кем-то подновленный, ярко выделялся на лице. Панфил засунул руки в карманы, чтобы предательская дрожь рук не выдавала его волнения.

— У нас в доме, на проспекте Стачек, стоит рюмка коньяка, накрытая кусочком хлеба. За сорок дней коньяк испарится, и считается, что за эти дни душа умершей улетит на небо. А пока душа Людмилы еще здесь, может, в этом доме вместе с нами и требует, молит о справедливости. Неужели у нас не хватит смелости, неужели никто по-настоящему не любил эту прекрасную женщину?

Губы Панфила дрожали, и голос дрожал, когда он заговорил.

— Я хотел промолчать, — начал он тихо, но голос быстро окреп. — Как говорится, двое дерутся, третий не лезь. Я бы промолчал. Но что-то стучит мне в грудь, прямо колотит и не позволяет молчать. Я любил Людмил с детства. Она и девчонкой была легкомысленной, я знаю, я ее ревновал ко всем, и к директору, и к другим. Я хотел уговорить ее поехать со мной в Липецк. Для нее я там старался, вил гнездо... Перед обедом Людмила вошла в комнату Соснова-младшего. Я тотчас, извините за откровенность, бросился к дверям. Ревность оказалась сильнее меня. Тогда я не мог разобраться, о чем шел разговор, слышал, как Соснов грозил, «наскакивал», требуя молчать, намекал, что он — «правая рука» Великорецкого, который выкинет ее с фабрики за длинный язык. Я хорошо запомнил последние слова Соснова, которые он выкрикнул вслед выбегавшей из комнаты Людмиле: «Великорецкий тебя достанет». Теперь я понял — Людмила видела, как Соснов-младший готовил в чайнике директора адскую еду.

— Спасибо вам, Панфил, за смелость, — поблагодарил Грай, — Теперь душа Людмилы сможет успокоиться.

На бледном лице Панфила появилась слабая улыбка:

— Больше в грудь не стучит, отпустило.

— Теперь уже не спросишь у Катениной, что она увидела в комнате Соснова-младшего, — продолжил Грай. — Но она точно поняла, что стала опасной свидетельницей. И кусок грязной веревки на вокзале подтвердил это.

Соснов больше не прицеливался. Он чувствовал, что сам становится мишенью, побагровел от ярости:

— Все, что вы здесь говорите — чушь! У алкоголика Панфила слуховые галлюцинации. И на вокзале я не был.

Грай достал из папочки фотографию Соснова-младшего.

— Я взял ее в музей с выставки, снял копию и послал в Иваново. Оперуполномоченный Павлов из УВД Иваново обошел пассажиров, прибывших с этим поездом. Одна из них, четырнадцатилетняя девочка, опознала вас и дала показания, что видела этого мужчину на перроне рядом с женщиной в розовом плаще. Бы не побоялись ребенка, Соснов, это ошибка.

Какая еще девчонка? Чушь! — упрямо повторял Соснов, багровея еще больше.

Грай обвел собравшихся взглядом и задал новый вопрос:

— Кто из вас видел наперсток, найденный Сосновым-старшим на чердаке старого дома с необыкновенной краской — пыльцой с крыльев бабочек из Индии?

— Я видел, — ответил Онисов. — Стоит наперсток с краской большие миллионы, такой краски нет больше ни у кого в нашей стране. Уникальный цвет. Соснов берег наперсток и употреблял пыльцу только для лучших выставочных работ.

— Он привозил наперсток в Петербург, по вашей просьбе, Ирина, и показывал в музее на открытии выставки, не так ли?

Женщина еще не оправилась от потрясения и говорить не могла, просто кивнула головой.

— Он вынул наперсток из портфеля?

Ирина опять кивнула.

— Как я выяснил, Сое нов-старший почти не расставался со своим портфелем. После его смерти сержант Григорьев составил опись вещей, найденных у умершего.

— В портфеле никакого наперстка не было! — гаркнул сержант.

— Куда делся наперсток, предположения есть? — Грай в упор посмотрел на Панфила. Тот пошевелил руками, засовывая их в карман. И смущенно забормотал:

— Я видел, как Соснов-старший, когда мы пришли в общежитие с выставки, передал Людмиле конверт. Она убрала конверт в сумку. Я решил, что это любовное послание, не стерпел и, пока Людмила ходила на кухню, вытащил его. Там оказался знаменитый наперсток с пыльцой бабочек из Индии. Может, Соснов-старший что-то предчувствовал или знал, что напьется и может потерять любимую краску.

— Что вы сделали с наперстком?

— Положил обратно в сумку. Я пьяница, но не вор.

— Итак, — стал размышлять Грай, — наперсток в сумке Катениной оказался на вокзале. Бомжи, задержанные нарядом милиции, утверждают, что никакого наперстка не видели. Остается предположить, что убийца знал о нахождении уникальной вещи в сумке и взял наперсток. Значит — жизнь и смерть самого убийцы находится теперь в этом наперстке.

— Ну, и где же наперсток, вы его нашли? — твердым голосом спросил Онисов.

— Виктор, принесите из домашней мастерской Соснова-младшего шкатулку для выставки в Нью-Йорке и захватите его кузовок с красками.

— Без санкции прокурора не позволю никакого обыска в своем доме, — вскочил с дивана хозяин.

Оперуполномоченный Павлов подошел к нему, протянул бумагу:

— Вот ордер на обыск. Он побывал в воде, печать и подпись размыты, но он действителен. Можете позвонить в прокуратуру, вам подтвердят. Вам лучше сесть, гражданин Соснов.

Слово «гражданин» оглушило художника, он рухнул обратно, растерянно оглядывая окружающих. Никто не решался смотреть на него. Все смотрели на шкатулку, которую я положил на белую скатерть, и на коробочки из-под кофе, которые по команде Грая выставлял на стол.

Грай взял наполовину расписанную шкатулку и протянул Онисову.

— Я не специалист, посмотрите, есть ли на миниатюре уникальная краска из пыльцы индийских бабочек. Хотя бы один мазок?

Онисов всмотрелся в миниатюру.

— Определенно сказать нельзя. Нужна экспертиза.

— А все-таки, на глаз?

— Если предварительно, на глаз, то вот эти блики на алом плаще, похоже, сделаны из пыльцы. — И добавил уже уверенней: — Не удержался все-таки,

ворюга.

Баночки из-под кофе с краской Грай начал встряхивать и переставлять по столу. Одну из них приблизил к себе. Достал из кармана перочинный ножичек.

— Откроем эту баночку и посмотрим, что спрятано в краске. — Поковырял в краске ножичком и на скатерть упал потемневший от времени медный наперсток, закрытый крышечкой из красного дерева. Подцепил ногтем крышечку.

— Ирина, узнаете краску?

Искусствовед молча кивнула.

— Онисов, это тот наперсток?

— Это неправда! — взвизгнул Соснов. — Мне подкинули банку с наперстком, все подстроено! — и замолк.

В полной тишине вдруг громко всхлипнул Онисов:

— Мы с Веселовым не жалеем сил, ходим в эту профшколу, учим мальчишек любить красоту, учим рисовать, учим думать, любить корни. Да, они стараются, рвутся вверх. А как только запахло «зелененькими», готовы травить и душить друг друга. И это лучшие художники, на которых мы молимся... Господи, неужели после нас останется одно говно?! — поднялся, держась за стену, направился к выходу. Мне больно было смотреть на его разом согнувшуюся, стариковскую спину.

Майор Головатый, поддерживая раненую руку, подошел к растерянному хозяину и простуженным голосом просипел:

— Гражданин Соснов, уголовным розыском Автоовского отделения милиции города Петербурга вы арестованы по подозрению в убийстве ваших коллег — Соснова-старшего и Людмилы Катениной. Сержант, возьмите под стражу арестованного.

Соснов сделал вид, что ничего не понял.

Сержант Григорьев снял с пояса наручники, оттеснил от арестованного своего начальника и гаркнул:

— Руки сюда!

Все в упор смотрели на Соснсва. Он медленно опустил голову и протянул руки. Раздались два легких щелчка, в доме художника лязгнули стальные браслеты.

Поезд из Иваново на Петербург уходит в десять тридцать утра. Ирина осталась в поселке еще на три дня, а нам ночевать в Холуе больше не хотелось. Мы начали организовывать ужин на дорогу, но Борис и Владимир Катенины увезли нас к себе. Подходя к дому Владимира, мы невольно залюбовались павлинами его соседа Куливанова. Что ни говори — красивая птица.

Володина жена Галя накормила нас вкуснейшим борщом, сваренным в глиняном горшочке в русской печи, и гречневой кашей со шкварками в благодарность за то, что мы и дело справили, и ее муженька не втянули в историю, и не пришлось им ссориться с богатым соседом.

Борис Катенин, улыбаясь во все свое добрейшее лицо, принес откуда-то сверток. Развернул мешковину, и мы увидели потемневшую от времени, без ручки, русскую боевую, в зазубринах, саблю. Старое и грозное оружие.

— Вот, достал из дедова колодца. Видно, повоевала, погила чужой крови на своем веку, обороняя нашу землю. А в плену жить не захотела. Думаю, кто-то

из нашего ополчения уходил от ляхов в черную годиину, дрался до последнего да и не отдал оружие иноземцам, сам смерть принял, а оружие в колодец бросил.

Борис перестал улыбаться, дурашливое лицо стало одухотворенным, возвышенным и даже показалось красивым. На вытянутых руках с поклоном протянул Граю саблю:

— Вы доброе дело сделали, возьмите на память о древнем русском поселке Холуе.

Шеф с таким же поклоном саблю принял. Вышло немного забавно. Но Грай поклонится и красному углу избы, в котором висели иконы под вышитым полотенцем да теплилась лампада. Голос Грая дрогнул, когда он ответил:

— Дай Бог, чтобы не пригодилась сабля. А уж если потребуется, то чтобы рука не дрогнула. Боевое оружие, защищавшее отечество, постараюсь не посрамить.

Володя Катенин неловко, словно стыдясь, сунул мне в руку завернутый в два листа бумаги ларец.

— Денег у нас с женой нет вашу работу оплатить. Вот ларец, на экспорт писал. Толкнешь в Петербурге. Глядишь, и оправдаешь поездку. Смотри, не продешевь, из молодых я теперь получше прочих стану.

Я улыбнулся и толкнул его в плечо кулаком:

— Ладно, не продешевлю, не из таковских.

* * *

Когда через день мы завтракали в своем старом особняке на проспекте Стачек, 126. то часто поглядывали в угол кают-компании, где грозно сверкал начищенными латами Жан де Аленкур. Вид у французского рыцаря был вовсе не шутейный, потом} что он держал в согнутой руке боевую саблю.

Я рассказал Бондарю, как справился с его заданием. Выслушав меня, старый моряк заметил:

— Будь повнимательнее к очаровательным женщинам. Их так мало на белом свете.

В это время звякнул колокол у входной двери, пришел почтальон. Я вышел на крылечко и вынул из почтового ящика газеты и корреспонденцию. Среди писем заметил конверт с грозной надписью: «Виктору Крылову, лично в руки». Вместо обратного адреса красовалась размашистая подпись.

Мы с Граем вошли в рабочий кабинет ровно в девять утра. Я отдал ему газеты и почту, аккуратно вскрыл адресованное мне необычное письмо. Понюхал листок, подержал на ладони, посмотрел на свет и доложил сидящему за своим столом Граю:

— Бумага простая, почтовая, без водяных знаков, три цента за лист.

Шеф усмехнулся:

— Читай быстрее, Ватсон, пока листок не загорелся или чернила не испарились.

В письме, написанным приличным почерком, угловатые буквы подсказывали, что писавший несколько нервничал, говорилось:

«Детектив Виктор!

Когда ты станешь читать эти строки, подними голову. В это время я, моя душа и тело, будут высоко в небе пролетать над тобой в чудесном лайнере авиакомпании «Пан-Америкэн». Пишу тебе из аэро-

порта Внуково. От всего сердца благодарю тебя за эту поездку, можешь взять с полки пирожок. А получилось все так: в шкафу Соснова-младшего, на полке с бельем я нашел лезвие и сумел спрятать в манжете рубашки. Видно, после холодной ванны в подполе глаза твои покрылись льдом и ты ничего не замечал. В нагрудном кармане Соснова-младшего оказался кошелек с деньгами и документами. В заграничном паспорте — билет до Нью-Йорка и приличная пачка долларов. Спасибо за то, что не стал обыскивать. И не до меня тебе было, ты мог думать только об искусствоведе из Русского музея, которую жлоб Ржавый пригласил для светской беседы. Извини, но я не сдал документы и доллары в бюро находок, а решил слетать в Америку, вставить передние зубы, выбитые тобой и псом Ржавым. За зубы не обижаюсь, ведь я тебе тоже неприятности доставил. Мы квиты. Два молодых русских, мужика — оставили друг друга живыми — и ладно. Фотку в заграничном паспорте мне за недорого переклеил один крупный спец из Иваново. Не гляди, что периферия. Если тебе потребуется срочно слинять за границу и возникнут осложнения с ксивами, я тебе адресок дам. Но с детектива возьмут дорожке. Не обижайся на меня, твой адрес я узнал из газеты и даже дал его своей подруге Кларе, разрешил, если ей в мое отсутствие придется туго, то пусть с обоими младенцами едет к тебе. Будь человеком, не откажи девочке, стань временным спонсором, не иди же бедняжке на панель. Она девушка сговорчивая, не откажет тебе ни в какой просьбе.

После ремонта зубов я рассчитываю выучить английский и поискать работу по профессии, ведь я прежде был механик-изобретатель, золотые руки. А новые порядки да неумеренная моя жадность — ест до чего довели. Но мафиозничать, людей обирать да морды квасить, до чертиков надоело. Завязываю. Вернусь из Штатов другим человеком. Мое почтение.

Ребров.

Постскриптум. Если вам требуется классный механик по уходу за вашей старенькой «Нивой», могу предложить классного, недорогого механика, стажировавшегося в Нью-Йорке — Реброва. Адрес для телеграммы сообщу позднее».

Я прочитал письмо Граю вслух. Он, ничуть не улыбнувшись, предупредил:

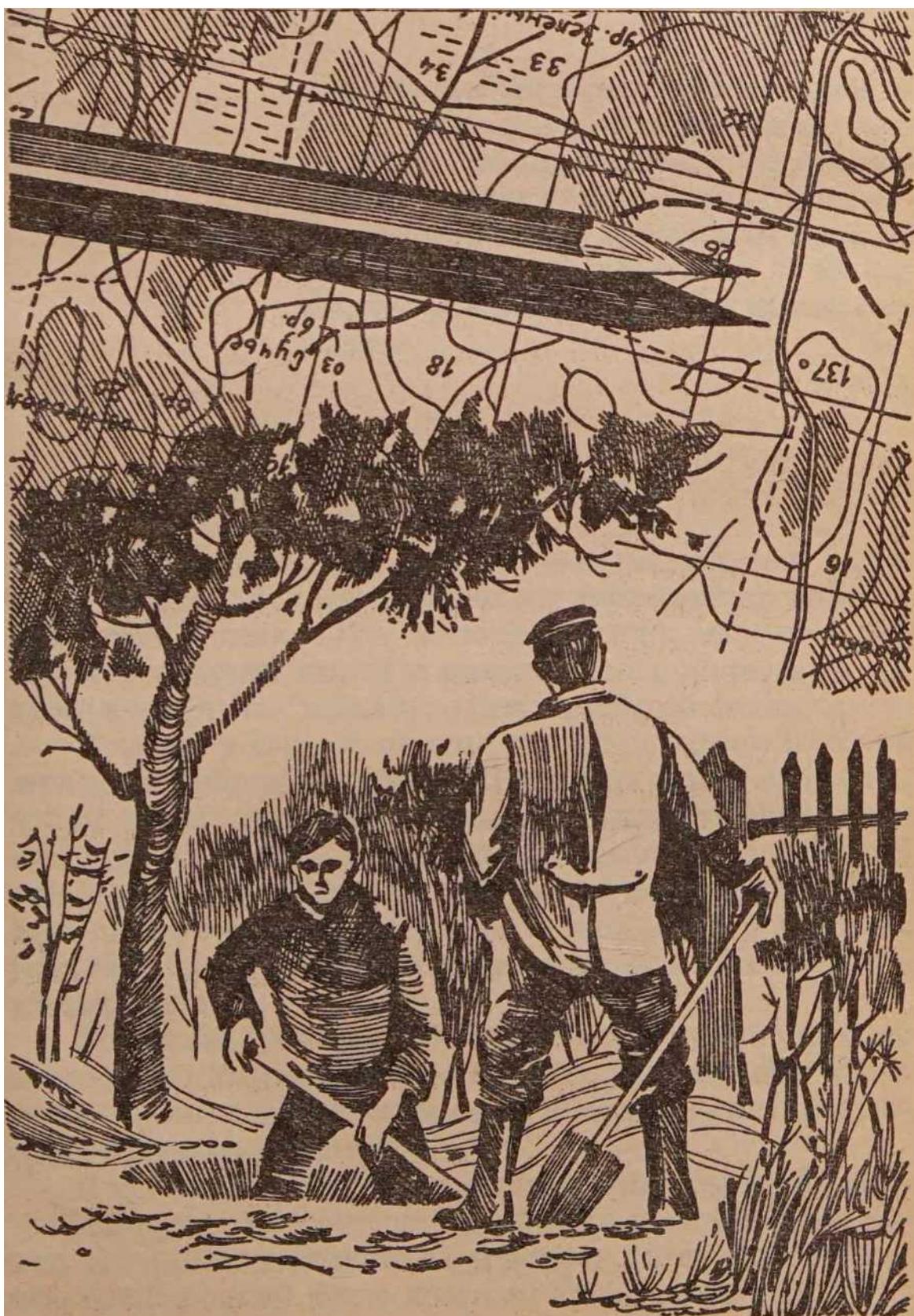
— Если появится Клара с неизвестными младенцами, поедешь вместе с ней к себе в Тверскую губернию растить детишек на молочке.

Я вынул из нижнего ящика стола ларец Володи Катенина и положил в него письмо. На ларец попал свет из окна, и миниатюры одарили меня музыкой красок. И сразу вспомнились последние слова Володи:

— Сколько я этих ларцов написал, а все сижу без хлеба... Только знаешь, чем больше голоду, тем больше таланту.

МАНЬЯК ПО СУББОТАМ

МАНЬЯК ПО СУББОТАМ

Должен предупредить — часть материалов этого отчета написана не от моего имени. События пришлось восстанавливать, исходя из полученных потом материалов. Но Грай просмотрел записки, сделал некоторые замечания. Я их выполнил, и вставные главы заняли свое место.

Глава I

Две недели назад долгожданная весна, наконец, задышала теплом. Под окнами нашего двухэтажного дома на проспекте Стачек, 126, появилась зелень, на кустах жимолости набухли почки и приготовились лопнуть. В открытую форточку вливался запах оттаявшей земли.

Я сидел у себя за столом, держал в ладони плоский японский микрокалькулятор. Палец мой слишком широк, чтобы нажать на один маленький квадратик. На кнопки приходилось давить тупым концом шариковой ручки. Я подсчитывал наши доходы и расходы. Увы, инфляция расправлялась с гонорарами частного детективного агентства Ярослава Грая быстро, как изголодавшийся волк с мясными пирожками.

Грай в это время разминал раненую руку. Он уже снял повязку, но двигал рукой осторожно, разрабатывал плечо специальными упражнениями. А вместо гантели использовал кремневый пистолет.

В кабинет вошел хозяин нашего дома, бывший капитан рыболовного траулера Алексей Бондарь. Он ведал хозяйственными и продуктовыми делами. Лицо его, со шкиперской бородкой, было красным и сердитым.

— Я только что с Кировского рынка. Килограмм соленых огурцов, жалкая морковка, капуста стоят уже бешеных денег!

Грай посмотрел на него с грустной улыбкой.

— Увы, капитан, сдержать инфляцию мы не в силах.

— А спуститься в подвал вы в силах? — спросил Бондарь.

Он провел нас в кладовку, показал наличные запасы. Экскурсия произвела удручающее впечатление.

— Инфляция, суперинфляция... — вздохнул Грай. — Что вы предлагаете — урезать рацион?

— Ни в коем случае. Вы еще молоды, работа тяжелая, и питаться надо хорошо. На камбузе экономить не будем.

— У вас есть деловое предложение?

— Да. Помните, я рассказывал, что в свое время взял участок в Садах на южном берегу Ладожского озера?

— Это в Синявинских болотах? — уточнил Грай.

— Да, — смутился Бондарь. — Давайте устроим сельскохозяйственную экспедицию. Выедем вместе, посадим картошку, часть земли пустим под огород — у нас появится своя морковка, свекла... Все чистое, без пестицидов, вкуснее, чем на рынке. А? И рука ваша заживет в два раза быстрее на чистом ладожском воздухе. Соглашайтесь.

Грай откинулся на спинку кресла. Он на все смотрел с точки зрения истории.

— Движение «Сады для бедных» зародилось в Англии, прокатилось через Францию и Германию, дошло до России. Огороды вокруг городов в России существовали всегда, появились еще до царя Гороха. Теперь же официально выделяют тебе во владение шесть соток, можешь ставить домик, баньку. Не ду-

мал я, что когда-нибудь начну копошиться на этом мизерном клочке земли.

— Грай, вы меня недооцениваете, — обиделся Бондарь. — Не шесть, а двенадцать соток у меня. Не хибара, а пятистенок, двухэтажный дом, рубленый из сосны. Рядом баня, колодец, три стеклянных парника! И все это простаивает, а мы здесь сидим и ждем клиента. Я правильно оценил ситуацию?

Грай уклонился от прямого ответа, сказал нечто туманное, мол, обычных дел много, но он предпочитает особо интересные.

Бондарь раскипятился не на шутку. По-моему, даже перешел грань приличий.

— Цены на сельхозпродукты в стране поднялись до уровня мировых, а у нас земля гуляет — стыдно! Когда имеешь землю, стыдно быть бедным!

Грай рассмеялся:

— Вы, никак, Конфуция читали? Великий китайский мудрец и философ говорил примерно так: «Если в стране разброд и шатание — стыдно быть богатым. Если страна выбрала свой путь — стыдно быть бедным».

Капитан одобрил Конфуция.

— Китайцы — трудолюбивый народ, уж они плодородную землю не оставили бы необработанной. А мы с вами? Скоро зацветет клубника, яблоня, слива... Вишен я насажал кустовых, быстро растущих, много — в трех местах! Если за ними поухаживать — полить, удобрить — на них ягод больше, чем листьев!.. А картошку опять станем черныбыльскую с грузовиков покупать?

Бондарь знал, что говорил: я больше всего в жизни любил картошку, жареную на сале, а Грай — чай с вишневым вареньем. И на вишне великий сыщик «сломался». Посмотрел на меня вопросительно:

— Виктор, что скажешь?

У меня даже руки зачесались — так захотелось землицу покопать, что-нибудь посадить и удобрить. Но ответил уклончиво:

— Заманчивая идея. Но ведь так можно и клиентов растерять.

В конце концов мы пошли на компромисс — капитан поедет в разведку, вернется через день, доложит обстановку, и тогда мы примем окончательное решение. Обрадованный Бондарь уехал на следующий день, в четверг 28 апреля в шесть утра. Мы остались вдвоем с Граем. Я кое-как приготовил завтрак. Поев, занялись очередным, довольно нудным делом.

В час дня, сидя в кабинете, мы услышали, как с крыльца начали торопливо тыкать ключом в замок. Мы никого не ждали. Человек, похоже, спешил и не мог справиться с замком. Я взглянул на Грая, он пожал плечами. Бесшумно я вышел в прихожую и посмотрел сквозь тонированное стекло иллюминатора, смонтированного во входную дверь.

На крыльце мучался с ключами Бондарь, взволнованный, с потемневшим лицом, с волосами, прилипшими ко лбу. Старик был не в себе. Ворвавшись в дом, он оттолкнул меня, забыв вытереть ноги, оставляя следы на полу, не раздеваясь, пробежал в кабинет к Граю. Протянул ему пакет из полиэтилена:

— Письмо вам. Его прибили к двери дома в Садах, — и рухнул на диван, куда мы обычно сажаем клиентов.

— Стоило ли так волноваться и спешить? — попробовал успокоить старика Грай. — Может, это шалость местных мальчишек?

— Ха! — нервно дернулся капитан. — Мальчишки? Вы прочитайте...

Шеф осторожно развернул пакет. Мы увидели огромный двухсотмиллимет-

ровый гвоздь, похожий на шгык, им можно пробить два бревна сразу. И еще — листок из школьной тетрадки в клеточку, сложенный вчетверо, с дыркой от гвоздя. Грай осторожно развернул листок. Письмо было написано синей шариковой ручкой, в стихах, печатными буквами, чтобы не узнали почерк:

*«Знаменитый сыщик Грай,
Лишь весна наступит,
Ты под вишней покопай
И отыщешь — трупик!
И, пожалуйста, узнай,
Чье же это тело?
А потом, еще копай —
Я ведь знаю дело...
Ты под яблоней ищи,
Посмотри под грушей,
А меня ищи-свищи,
Никого не слушай!
Я Король в своем Саду:
Всех, кто мне не нужен,
Под деревья приведу —
Сыщикам на ужин!
НАГ».*

— У меня, когда понял, о чем речь — ноги подкосились, — признался Бондарь, — не стал даже дом открывать. Завернул письмо в полиэтиленовый пакет, и скорее обратно. До остановки бежал., едва разрыв сердца не сочился.

— Зачем же вы так, — укорил я его. — Можно было позвонить из правления, мы бы приехали.

— И это я при стороже, при посторонних стал бы рассказывать, что у меня в саду под деревом покойник зимовал' — всплеснул руками Бондарь.

— Скорее всего письмо — дурная шутка, — мягко заметил Грай.

— А если нет? — вскинулся Бондарь. — Начнешь поливать, а он там зашевелится... Бр-р-р...

Мы долго ругали незадачливого шутника и успокаивали капитана. Но старик уперся:

— Мне на участок вежпгй страшно. Теперь станет под каждым деревом мерещиться череп с пустыми глазницами.

Я провел кисточкой со специальным порошком по гвоздю и письму, проверил на отпечатки. На них сказались отпечатки пальцев только Грая и Бондаря. Это шефу не понравилось, местный поэт оказался не так уж и прост.

— Хорошо, — решил Грай. — Подключим наш телефон к линии дежурного Автовского отделения милиции. Если кто позвонит, нам передадут.

— Автобус ходит со станции метро «Улица Дыбенко», — заторопился Бондарь. — Билеты на автобус, правда, нынче кусаются. Даже частники берут с пассажира на треть дешевле. Чиновники автопарка стали наглее мафии. Автобус идет по Мурманскому шоссе до шестидесятого километра, там поворот налево и остановка «Штаны» — две улицы расходятся в разные стороны.

— Едем на машине, — задумчиво перебил его Грай.

— Оружие брать? — на всякий случай поинтересовался я.

Детектив взглянул на Бондаря. Тот замахал руками:

— У нас тихое место, соловьи поют. Я двадцать лет там отдыхаю.

— Тихое место? Тогда обязательно возьми, — распорядился шеф.

* * *

На следующий день, в пятницу 29 апреля в семь утра мы уже грузились в спую старенькую «Ниву». На заднее сиденье и в багажник поставили низенькие длинные ящики с рассадой помидоров, сладкого перца, огурцов, капусты, тыквы... Все это Бондарь выращивал на чердаке около слухового окна, поставив там двойные рамы и оборудовав небольшой парничок с электрическим подогревом. Забитую до отказа машину сверху украшал сломанный стул, который Бондарю было жалко выбросить, а там, на даче, когда-нибудь, может быть, он соберется его починить.

И вот неторопливо мы катим через город по Ленинскому проспекту. Спереди и сзади на трассу выезжают такие же перегруженные машины — везут доски, кирпичи, коляски, матрасы... Зашевелилась армия садоводов — весна, весна на улице, весенние деньки!

За городом в лесу кое-где еще прячутся от солнца пятнышки снега. Но их немного. Талая вода скапливается в мутные озерца, бурлят придорожные ручьи.

По длинному мосту, с милиционером, разомлевшим от тепла и безделья в стеклянной будке, переезжаем через Неву. Слева Шлиссельбург, старинный русский город с крепостью Орешек на островке в истоке Невы. Справа видны трубы ГРЭС районного центра — Кировска. Нам осталось проехать по Мурманскому шоссе семнадцать километров.

— Шестидесятый километр, сворачиваем, — подсказывает Бондарь, и мы съезжаем на добротную асфальтированную дорожку. Не пожалели денег садоводы, ехать приятно.

Вот и развилка «Штаны», сворачиваем направо, едем по Лесной линии, которая идет вокруг всего садоводства. С одной стороны лес, с другой, среди корявых яблонь, домики. Рядом с домиками копошатся люди — копают, копают, копают... Глядя на них, Бондарь понемногу заводится — у соседей, вон, уже сколько вскопано, а мы еще только едем. Да и у меня сердце не на месте, при виде земли всколыхнулась крестьянская душа, поглядываю — что за домики, что за земляца, какой урожай можно снять? Весенний воздух действует и на Грая — вон, как глазищами стреляет. Но он смотрит иначе: как полководец, оглядывает место будущего боя — все запоминает, фиксирует в памяти.

— Смотрите — Большой Камень, — вскидывается Бондарь.

Лес расступился — на поляне гигантский валун, ничуть не меньше, чем в Петербурге у знаменитого памятника Петру Первому.

— Когда царь решил прорубить окно в Европу, с севера прорубал просеку к Финскому заливу и тащил по ней первые суда, то побывал здесь и оставил на камне собственноручную мету. — с гордостью поведал Бондарь местную легенду. — В Садах это самое почитаемое место.

Мы свернули с шоссе налево, еще раз налево и остановились. Я оторвал руки от руля и посмотрел на часы — 8.30 утра. Быстро доехали! Вот участок Бондаря, забор из выкрашенного в зеленый цвет штакетника. У ворот с двух сторон дикая рябина. Бондарь открыл заднюю дверцу машины, вылез, размял ноги и тут же распахнул ворота.

— Заезжай.

— Помну рябину.

— Ничего ей не станет, она посажена, чтобы ворота не мяли.

— Стой, где стоишь, — приказал Грай, и я заглушил двигатель, оставив машину на дороге.

Дом у Бондаря знатный: рубленый из янтарного цвета сосны, с ломаной крышей, под шифером, рамы двойные, зимние, фундамент ленточный из бетона. Правда, низковат фундамент, метра не будет, в подполе можно ползать лишь на четвереньках, зато зимовать в таком доме — одно удовольствие.

Грай сейчас не замечает красоты, похож на гончую, которая берет след — тело напряжено, глаза сверкают, ноздри с силой втягивают воздух. Сначала осмотрел землю у ворот. На молодой травке видны только свежие следы ног Бондаря.

Капитан от ворот стал показывать свое хозяйство:

— Вон дровяник, за ним банька с каменкой, можно знатно попариться. Колодец на три бетонных кольца, сам вырыл.

— Место для колодца сами определяли?

— Осина там толстенная росла. Дятел в дупле жил, у корней большой муравейник. Осенью дятел улетел, муравьи ушли. Свалил дерево и копнул для пробы. Водичка — мед. Соседи приходят и просят ьоду для засолки огурцов. Но теперь, если узнают о... Никто уж за водой не придет, все хорошо знают, что такое трупный яд, — застонал бедный старик.

Мы с Граем пошли по периметру участка, по канавке, прокопанной между соседями, потом по дорожкам сада, посмотрели между грядками. Конечно, никаких следов обнаружить не удалось. Стали осматривать приствольные круги вишен. Кое-где, особенно у колодца, под старыми вишнями, земля оказалась покрыта твердым дерном. Все подозрительные места, где оставались следы лопаты, мы прощупали руками.

Бондарь ходил за нами неотступно и спрашивал:

— А тут? — и начинал сам скрести землю руками.

Под низкорослыми кустовыми вишнями решили перекопать всю землю». Бондарь открыл сарайчик и принес лопаты.

— Дзинь... Дзинь... Дзинь, — раздался за забором звонок велосипеда. Там остановился седой, еще крепкий мужчина с властным взглядом.

— Это председатель нашего садоводческого товарищества Попов, — пояснил Бондарь. — Пойду поздороваюсь, новости узнаю.

Ах, если б знать, что на следующий день председатель Попов бесследно исчезнет и сто тело вместе с местной милицией мы станем искать все лето». Но волшебным даром предвидения судьба не одарила ни меня, ни Грая.

Мы перекопали приствольные крути у всех вишен.

— Можно считать, что письмо — шутка, — улыбнулся Грай. — Подселенец не обнаружен.

Бондарь повернулся лицом на восток, и, чего за ним прежде не наблюдалось, трижды перекрестился. Настроение его явно улучшилось.

Грай сс мо гр ел крыльцо, дверь, куда был вбит гвоздь с запиской. Потрогал след от гвоздя — вниз полетела крошечная щепочка.

— Ступеньки чистые, а след от гвоздя свежий, — сказал он мне тихонько, чтобы не тревожить старика. — Приходили сюда совсем недавно. Кто и за чем — непонятно. Давай задержимся тут и оглядимся.

В десять часов Бондарь устроил второй завтрак, накормил нас взятой с собой и разогретой на электроплитке курицей. Затем мы втроем, одетые в ватники, вооруженные брезентовыми руке вицами и лопатами, начали копать землю под картошку. Бондарь сиял и с гордостью поглядывал на соседей — какую бригаду он вывел в сад! Я радовался случаю размяться, копал старательно, с наслаждением. Оказывается, за те два года, что я работал у Грая доверенным помощником, я ничуть не превратился в горожанина, в жителя Петербурга. В душе я так и остался тверским крестьянином, приехавшим в Питер на заработки. Весенний день был чудесен, и даже чистокровный горожанин Грай, который, может быть, и лопату взял в руки первый раз в жизни, работал хотя и осторожно, чтобы не разбередить руку, но с явным удовольствием.

Участки Бондаря оказались расположены так, что имели два выхода на две дороги, которые здесь назывались линиями. Мимо участков по дорогам-линиям все время шли люди. Одетые «цивильно», ехали с кутулями и сумками из города на весеннюю копку земли. Переодевшись в потертые, выгоревшие на солнце куртки и брюки, они катили в садовых тележках четырехведерные бидоны — направлялись к общественному колодцу за водой. Оказывается, колодцы с питьевой водой были у немногих счастливых, Бондарю просто повезло. Назад садоводы возвращались, сопя и пыхтя, толкали перед собой тележки с тяжеленными бидонами. Сначала я смотрел на каждого прохожего, но скоро это мне надоело, и я перестал обращать на них внимание.

В трехстах метрах от нас начинался лес. Там пели-заливались соловьи. Время от времени в небе раздавались томительные звуки:

— Ганг... Ганг... Ганг... Ганг...

Мы задирали головы и находили в прозрачной голубизне живые движущиеся клинья. Это возвращались из теплых краев гуси, летели в свой дом, на Ладогу.

Глава II

Не от моего лица

Сын сторожихи Нины Федоровны Никита Зеленев, насупленный парень лет двадцати трех, шагал по Седьмой линии садоводства, что-то бормоча под нос. Одетый: просто к грубо, как большинство садоводов — в старую куртку, потерявшую ст времени цвет, в застиранные брезентовые штаны, он не привлекал к себе внимания, и люди обычно даже не замечали его мощной грудной клетки и крепких рук.

На берегу искусственного пруда, состоявшего в ранге пожарного водоема, Никита замедлил шаги, стал вглядываться в окна зеленого домика. Он знал, кто здесь живет — белокурая девушка Елена. Однажды, поздно вечером, он проходил мимо ее дома и задержался у окна. Елена готовила себе постель — взбивала подушки, разбирала простыни. Никита замер, боясь шевельнуться. Занавеска оказалась прозрачней, и он все отлично видел. Елена стояла к окну спиной и не могла заметить горящих в темноте, жадных до зрелища глаз. Она сняла с себя легкую блузку, расстегнула и повесила на спинку стула лифчик, сбросила юбку и осталась в легких, почти прозрачных трусиках. Никита задохнулся от ее красоты, он почти физически ощутил, как тонка и мягка золотистая кожа на ее спине, ее талию, казалось, можно охватить пальцами одной руки. А бедра, упругие, подвижные бедра... Пока он думал, с чем их можно сравнить, свет погас за окном, и Никита остался в темноте.

Сын сторожихи с детства был больным человеком и еще ни одна девушка перед ним не раздевалась, тем более такая красивая, как Елена, которую можно было сравнить с богиней. С детства он страдал эпилепсией. Вдобавок, когда ему стукнуло пять лет, он стащил со стола кипящий чайник и обварил себе половину лица. И с тех пор девочки старались не задерживать на нем свой взгляд.

Это окно, это проклятое окно что-то сотворило с Никитой. Ему даже не требовалось закрывать глаза, чтобы представить себе светящееся в ночи окно и белокурую девушку Елену, раздевающуюся в нем. Что-то щелкнуло в тяжелой голове Никиты, он пришел домой, отыскал ученическую тетрадку и, не раздумывая, написал стихотворение, посвященное Елене. С тех пор он писал стихи почти каждый день и посвящал их только Елене. Исписав полную тетрадку, перечитывал со слезами на глазах. И тут же доставал новую тетрадь.

На этот раз Никита не увидел в окне, кого хотел, вздохнул и с прежней скоростью двинулся дальше, к себе домой. Дом сторожихи стоял у лесозащитной полосы. Под огромной елью прятался сарай для дров, к нему прилепилась собачья будка. Овчарка Моб лежала, высунув из нее голову. Увидев Никиту, вылезла, повизгивая, завиляла хвостом.

Никита махнул на нее рукой.

— Не до тебя мне, не мешай, — Прошел в свою комнатушку. Там уместались его кровать, табуретка, комод, служивший столом. В нижнем ящике хранился инструмент, в среднем — будничная одежда, в верхнем лежали чистая рубашка, выходные брюки и два гомика стихов — Тютчева и Лермонтова. У них Никита учился поэтическому мастерству. Тут же была захоронена школьная тетрадка, в которую записывал свои стихи.

Раскрыв тетрадку, бормоча вполголоса, начал записывать только что при-

думанное стихотворение. Работал медленно, с трудом. От напряжения начала, как обычно, болеть голова. За этим мог последовать припадок, после которого некоторое время он ничего не помнил. На этот раз Никита обманул свою болезнь, быстро окончил стихотворение. Прочитал вслух — понравилось. Потом случайно заглянул в осколок зеркала, прикрепленный к стене, застонал, сорвал ни в чем невинное зеркало и швырнул в ящик комода.

Глава III

Тридцатого апреля, в субботу, пошел второй день нашей жизни на даче. Народу в Сады понаехало множество. Многие заводы Петербурга сделали своим рабочим весенние каникулы — отпуск без оплаты на две недели, все равно цеха работали вполсилы, а то и стояли. И вот люди в Садах. Копают молча, угрюмо, не подымая головы. Каждый старается, думает о том, чем станет кормить семью зимой. Каждый хорошо помнит продуктовые карточки, введенные в стране несколько лет назад. А кто постарше, помнит и настоящий голод военного времени, родственников и друзей, унесенных блокадой. Помнит парки и скверы города, засаженные овощами, превращенные в «огороды Победы».

Мне приходилось слышать, как истово работают рыбаки. Но даже при этом старый рыбацкий капитан Бондарь поражал меня своей работоспособностью. Казалось, совсем не спал — ложился последним, вставал первым. В сарайчике, где у него находилась крохотная мастерская, утром наточил напильником лопаты, зажимая их в тиски. Сквозь сон я слышал визг напильника. Когда разбудил меня в шесть утра, уже и завтрак был готов. Потряс за плечо:

— Виктор, вставай, весенний день год кормит.

Грай услышал его шепот и тоже поднялся, пробормотав:

— Вот неутомонный...

Мы с Граем расположились в большой комнате, которая называлась чистой половиной. Комнату украшала, облицованная плиткой, задняя стена печи. Бондарь жил в другой комнате, куда печь выходила своим устьем. Там было теснее и теплее. Там, за небольшим столом, мы и ели. Пол во всем доме Бондарь застелил деревянными половиками. Глядя на них, я вспоминал отцовский дом, оставленный в Тверской губернии.

Без четверти семь мы вышли с лопатами в сад. Трое соседей уже принимались за дело, лишь у четвертого было тихо. Он, бесспорно, являлся «совой» — вечером не мог утомониться и ковырялся среди грядок допоздна, а утром никак не мог проснуться. Через участок от нас кровельщики крыли крышу оцинкованным железом и громко стучали деревянными молотками.

Бондарь достал из кладовки и опустил в колодец вибрационный насос.

— Засуху обещают, еще круче прошлогодней. Земля снова высохла и уже воду не принимает — вода в пыли скатывается шариками. Эх, дождичек бы пошел...

Но безжалостное солнце выплыло из-за леса и начало припекать, обещая горячий денек. Мы кипятили в электрическом чайнике воду и поливали кипятком из лейки кусты крыжовника и смородины — от мучной росы. В стеклянных парниках посеяли редиску и салат. Включили насос и полили из шланга чеснок, посаженный еще осенью, толстенькие зеленые ростки которого радовали глаз. Следом начали поливать сливы, вишни, яблони, покрытые

цветами, словно политые молоком. Но тут вода в колодце кончилась.

Бондарь не дал нам отдохнуть и минуты:

— Сейчас начнем картошку сажать, — побежал бегом, принес таз с ранней картошкой-синеглазкой, синеватые ростки которой уже тянулись вверх.

Острыми, как ножи, лопатами мы начали делать первую бороздку для картошки. Получилось криво. Бондарь поморщился, глядя на нашу работу:

— А еще детективы, рядок картошки ровно не посадить.

Грай рассмеялся, я собрался возмутиться, но Бондарь тут же ввел новшество, которое подсмотрел у соседа. Приволок и положил на вскопанную землю длинную доску.

— Ходить только по доске и копать вдоль нее канавку — землю не потопчем и ровно посадим клубни.

Сам же двумя ведрами — не шагом, а бегом! — стал носить навоз-коровяк, который купил осенью, сорок долларов за машину. Старик сыпал коровяк в канавку, мы на него клали картошку и присыпали землей. Посадка получилась ровная, как по линейке.

Отвлекали нас только камни, которые мороз зимой выжал из земли. Приходилось их собирать в ведра и носить к дому, вдоль которого бондарь собирался сделать отмостку из бетона. И все равно мы так разогнались, что до обеда хотели посадить всю картошку. Настоящая райская жизнь. Эх, век бы так жить и не знать других забот!

В полдень, когда солнце находилось в зените и припекало мне макушку, я услышал, как за спиной на дороге взвизгнули тормоза машины и тут же следом лихо хлопнула дверца. Не оборачиваясь, я понял, что это непростая машина и с седьмого неба тотчас спустился на грешную землю. Медленно повернул голову — у ворот, в клубах оседающей пыли красовался милицейский «уазик» с номерным знаком города Кировска. Мы с Граем воткнули лопаты в землю и уставились на машину. У ее борта, нехорошо ухмыляясь, стоял знакомый мне инспектор отдела уголовного розыска Шестиглазов. В памяти сразу всплыла авария на Мурманском шоссе, после которой я попал в больницу Кировска. Шестиглазов держал меня под подозрением, полагая, что я — член банды, пришедшей с Кавказа, и даже выставил охрану. Я, в свою очередь, считал, что он куплен мафией, боялся быть убитым без суда и бежал. Меня ловили, но безуспешно. Из-за моего побега инспектор наверняка имел неприятности, и это никак не улучшило его отношение ко мне.

— Ба, старый знакомый, — криво усмехнулся Шестиглазов. — Как же ты ловко драпанул у меня из-под стражи? Этот раззява сержант Григорьев выпустил вдогонку четыре пули и не мог попасть хотя бы в подметку, он уверяет, что целит в ноги.

Я согласно кивнул головой.

— Уверяю вас, пули ложились около самых ног — сержант отличный стрелок. Просто мне повезло.

Сам Шестиглазов за минувший год несколько сдал. У него в районе темечка появилась заметная плешинка, которую он время от времени любовно поглаживал. И, между прочим, мрачно предупредил:

— Не попадайтесь нам снова, Виктор. Сержант дал слово, что впредь не промахнется. А если при расследовании очередного дела мы снова столкнемся, запомните — мы с удовольствием представим вам бесплатные услуги: при-

личную камеру при отделении милиции, койку в больнице, если вновь окажется расколота голова, и еще у нас чудесное кладбище с видом на лесное озеро.

Я галантно, как и следует вежливому человеку, поклонился:

— Благодарю, вы добры, сразу видно. А в охрану при таком случае поставьте самбиста или снайпера.

— Это на ваш вкус, — прохрипел Шестиглазов. — Можем предоставить сразу обоих. Но учтите, я не терплю, когда частные сыщики вмешиваются в мои дела.

Инспектор улыбнулся, а глаза продолжали зло сверкать. И я уже не понимал — он шутит, или говорит всерьез.

— Полно вам, инспектор, поминать старое, — вмешался Грай. — Наверное, вы не за этим приехали?

Шестиглазов умел скрывать свои эмоции, он переменял позу, тему и интонацию. В одно мгновение стал жизнерадостным, широко улыбнулся Граю, подошел ближе, остановился у картофельного участка.

— Вы настолько популярны, Грай, стоило вам здесь появиться, как об этом узнало все садоводство, даже я извещен.

Быстрым взглядом Шестиглазов окинул наш картофельный клин, пытаюсь понять — мы работаем или придуриваемся? И продолжал с милой улыбкой:

— Известный сыщик Грай в наших краях. Чему обязаны? Купили землю или выслеживаете кого и маскируетесь под садовода? — и носком ботинка слегка задел край тазика с синеглазкой.

— Укрепляем продовольственные тылы, — отвечал Грай. — Вот наш эконо, старый рыбак, капитан Бондарь. — Тот поставил на землю ведро с навозом, сверху бросил измазанные удобрениями рукавицы и одной головой изобразил королевский поклон.

— Капитан потребовал создания собственных продовольственных запасов. Надеюсь, это вполне законно и не затрагивает интересов милиции славного города Кировска.

— Все нормально, Грай, я рад вас видеть. Только не верю ни одному вашему слову. Стервятник обычно прилетает, когда чует добычу, а если вы тут, значит, кого-то убили или убьют, — Шестиглазов изобразил пронзительный взгляд и уставился прямо в лицо моему шефу.

Но тот и не подумал сердиться, а с приятной улыбкой ответил:

— Французский писатель-моралист Жак Лабрюйер как-то заметил: «Выдающиеся посты важных людей делают еще более важными, а мелких людей еще более мелкими», — и вновь взялся за лопату.

Пока Шестиглазов думает, обидеться ему или нет, из машины вылез сержант Антон Григорьев, стороживший меня в больнице города Кировска, от него я бежал из окна четвертого этажа по бельевому шнуру и чудом остался жив.

— Выучился стрелять? — вежливо поинтересовался я.

— Если еще раз попытаешься испытать судьбу, знай — я окончил школу милицейских снайперов, так что из моих рук сможешь получить путевку прямо в небесный приют для частных сыщиков.

Злости в его словах не было. Антон протянул мне руку, и пожатие у нас получилось почти дружеское.

— Если тебя лишили премии из-за моего побега, прости, другого выхода тогда не нашлось.

— Ладно, забыли...

Шесгиглазов так и не решит, обижаться ли ему на французского моралиста, и вежливо объяснил:

— Мы завернули по пути, поздороваться. Все помнят «Дело о бройлерах, которые улетели на север», вы его расследовали в прошлом году на Синявинской птицефабрике. Дельце оказалось шумное, и вы сильно прославились в наших краях.

Грай показался мне несколько смущенным, но заметно было — доволен.

— Надеюсь, теперь на фабрике порядок?

— Полный порядок, на фабрике, еще теплится, — грустно вздохнул Шестиглазов. Он не отличался тактичностью и, прощаясь, погладил черенок моей лопаты:

— Не сожгите свой могучий интеллект на посадке картошки, Виктор, — и сам рассмеялся собственной явно неудачной шутке.

Бондарь вступился за меня и сделал гостю замечание:

— На принадлежащей мне территории прошу воздержаться от грубостей и неловких шуток. А лучше бы вы ловили бандитов, а не зубоскалили, а то они ходят по участкам, людей пугают.

Шестиглазов резко повернулся к Граю:

— Я так и знал, что-то здесь произошло, иначе бы вы не копались здесь целой бригадой. Старик проговорился, но уж больше вы ни слова не скажете. Ладно, позже, все едино, узнаем, — и инспектор нагло ухмыльнулся, отвечая смущенному Бондарю: — Боремся с бандитами, но еще не всех переловили. Многовато их стало теперь, почти все государство захватили, работать не дают, за горло держат. Но вам теперь станет легче — я еду к председателю садоводческого товарищества Попову. Мы договариваемся о том, что наши ребята из Кировского отделения милиции в свое личное время за дополнительную оплату начнут патрулировать в Садах. А то уж тут начинают воровать грузовиками — приезжают на «КамАЗе» и очищают сразу два-три дома. А на «Штанах» бомжи продают старье — кровати с никелированными спинками, лопаты, ложки и прочую мелочь. Явно ворованное. А вы тут долго пробудете?

Грай спросил у Бондаря:

— У нас на сколько дней затянутся весенние каникулы?

— Думаю, за неделю управимся.

Инспектор уехал, а Бондарь немного поворчал:

— Вот, черт, с ритма сбил, так ходко дело шло. А ну, сыщики-орлы, взяли дружно, через час сытный обед. Дам вареной картошки с тушенкой. «Великую китайскую стену» открою — любимую пищу философа и мудреца Конфуция. Имея землю и крепкие руки, стыдно быть голодными, господа сыскари.

То ли солнце напекло мне затылок, то ли Шестиглазов напомнил о прежних, не очень радостных событиях — в общем, энтузиазм у меня иссяк. Бондарь тотчас это заметил.

— Я никогда не вмешиваюсь в ваши дела, господа детективы, но, если я правильно понимаю ситуацию, визит инспектора носил дружеский характер. Убийства нет. Клиента нет. На гонорар рассчитывать не приходится. Поэтому позволю себе напомнить — весенний день год кормит. Вы сюда приехали на

несколько дней, и попрошу работать в полную силу.

— Черный капиталист в капитане просыпается, — усмехнулся Грай, старательно выравнивая канавку для картошки.

Я старался взнудать самого себя.

— Без капитана нам в этой постперестроечной России не выжить, ноги протянем. А ну, крестьянский сын, покажи, как на Твери работать умеют!

Бондарь высыпал перепревший за зиму навоз в канавку, ловко втыкал в него картофелины, слегка придавливал пальцами и рассуждал сам с собой:

— Какое здесь, в Садах, может быть уголовное дело? Рассаду огурцов или капусты уташат, разве что, из парника. Это копеечное дело.

— Вспомните историю, капитан, — заметил Бондарь, — В свое время Мичуринн заплатил американским садоводам миллион долларов за одно семечко яблони.

— Таких ценных сортов здесь нет, — замахал руками Бондарь. — А вот только что посаженную яблоньку или куст смородины могут стащить. Даже могут ночью обобрать только что посаженную картошку.

Мы договорились нажать, работать без перекура, форсировать посадку картошки и накрыть землю пленкой, чтобы как можно раньше получить свои овощи.

Но вот тут у ворот с визгом затормозил уже знакомый нам милицейский «уазик». Сержант Григорьев выскочил из машины, подбежал к Граю и торопливо сказал:

— Меня послал за вами инспектор Шестиглазов.

— Что-нибудь случилось?

— Исчез председатель правления садоводства Попов.

— Что значит исчез? Ушел куда-нибудь?

— Похоже — убийство. В саду Попова найден плотницкий топорик. На обушке частички кожи с головы и несколько седых волос.

— Кто у него дома?

— Сын.

— И что он говорит?

— Ничего вразумительного. Растерян. Якобы вечером крепко перебрал и ничего не помнит. А пьян, он, кстати, каждый вечер.

Лицо Грая напряглось, глаза сузились — он включил свою вычислительную машину.

— Инспектор срочно просит вас приехать, — напомнил сержант.

— В чем нужна помощь?

Сержант развел руками:

— Мы не можем понять, с чем столкнулись. Я не должен был вам этого говорить, но, боюсь, не узнав правды, вы не поедете.

Сержант изобразил на лице нетерпение. Мы с Бондарем ждали, какое решение примет Грай.

— Интересно, — произнес шеф задумчиво. — Человек исчез из собственного сада. Такого дела у меня еще не было... — И словно очнулся: — Виктор, поехали.

— Может, переоденетесь? — покосился на латаный ватник Грая сержант.

Под деревянным умывальником «с пипкой» мы наскоро сполоснули руки. Я забежал в дом, надел плечевую кобуру под пиджак, прихватил с вешалки

куртки, и мы пошли к машине.

Бондарь находился в другой стороне сада, когда за нами вернулась машина, не слышал разговора и продолжал тактично держаться поодаль. Но наши лопаты, воткнутые в землю, объяснили ему все. Старик подошел проводить нас, сердито посмотрел на сержанта и печально спросил сам себя:

— Чем я стану кормить вас в эту зиму? Не знаю, — повернулся и медленно побрел к сиротливо торчащим из земли лопатам.

* * *

Началось дело, и что-то трудно объяснимое произошло с Граем, словно он перешел в другое измерение и в нем включились дополнительные, прежде бездействовавшие механизмы. Он стал отчетливее видеть и слышать, все подмечать, запоминать, мозг заработал напряженно. И словно на магнитофонную ленту записывал пение соловья на опушке леса и едва различимый гул трактора за лесом, там пахали или сеяли что-то.

Мне жалко было Попова, умного, крепкого старика. Как часто мы стали слышать страшные слова: «Пропал, ушел и не вернулся домой», так часто, что перестали чувствовать всю жуть этих слов, начали привыкать к ним.

Машина шла довольно быстро, сержант стал неразговорчив, слова из него приходилось вытаскивать клещами.

— Что думает о пропаже председателя Шестиглазов?

— Инспектор полагает, что нашел виноватого.

Я почувствовал облегчение и придвинулся к сержанту, чтобы лучше слышать.

— Кто этот злодей?

— Выяснилось, что председатель Попов был в плохих отношениях с сыном. Сынок не раз угрожал отцу. А вчера они опять поссорились.

Сержант привез нас в правление садоводческого товарищества — приземистое длинное здание, собранное из бетонных блоков разного цвета — синего, зеленого, желтого, белого. В блоке, облицованном зеленой плиткой, расположился инспектор Шестиглазов. Рядом с правлением находился магазин, который начал функционировать несколько дней назад после зимнего перерыва. Из открытых дверей доносились энергичные женские голоса.

В правлении садоводства, где из мебели были два простеньких стола, железный ящик, используемый вместо сейфа, да десяток стульев, нас встретил инспектор Шестиглазов, раздраженный неожиданным поворотом событий, и бухгалтер Рублева, женщина крупная, решительная, громкоголосая, державшаяся с ледяным спокойствием. Она тоже ждала Попова, прижимая к животу сумку с общественными деньгами, три тысячи долларов она приготовила на покупку железобетонных столбов взамен деревянных, сгнивших. Попов вчера вечером должен был унести с собой эти деньги, да не взял, не объяснив причины. Видно — предчувствие какое-то было. Сегодня пора идти оформлять сделку, а его нет.

Шестиглазов нехорошо усмехнулся:

— Может быть, Попов проводит время у знакомой дамы?

— Опомнись! — оборвала его бухгалтер. — Лет ему уже за шестьдесят.

— Может, он вторую семью на стороне имеет?

— О другой семье начальника первой узнает бухгалтерия — появляется отток денег. А у нас отчеты сходятся копеечка в копеечку.

— Ну, а старые друзья у него наверняка есть? От такого сыночка к кому угодно сбежишь.

— Я вижу — вы просто не желаете возбуждать новое дело. Но ведь ясно: пропал человек — надо искать.

— Хотите сказать, что председатель стал потеряшкой? В таком случае мы ждем три дня. В это время родственники обзванивают больницы. Ну, а если потеряшка не находится, заводим дело.

— Он человек аккуратный, я его пятнадцать лет знаю. Если не пришел вовремя, значит, что-то случилось, — настаивала бухгалтер.

Шестиглазов в нескольких словах рассказал Граю, что они уже ездили к Попову домой. Дом оказался открыт, из дальней комнаты доносился храп. Шестиглазов толкнул дверь и подозвал бухгалтера.

— Это Олег, сын председательский, — заявила женщина, махнув рукой в сторону парня, завалившегося на диван прямо в куртке и грязных ботинках.

На заляпанной грязными руками клеенке стоял стакан. Консервная банка, служившая пепельницей, опрокинулась, мятые окурки раскатились по полу.

Шестиглазов с трудом растолкал парня. Рыча и матерясь, тот сел, с трудом разлепил один глаз.

— Где отец? — громко спросил Шестиглазов, наклонясь к парню.

— Вчера еще... — хрипло заговорил Олег, — вчера отец свалил куда-то. — Неогределенно махнул рукой, вновь рухнул на диван и спрятал голову под серело подушку без наволочки.

Выйдя из дома, инспектор заметил недалеко от дорожки под яблоней плотницкий топорик. На всякий случай поднял инструмент, пригляделся и заметил на обушке несколько седых волосинок.

Топор — не расческа, как оказались волосы на нем — не понятно. Кто забросил топор под яблоню — неизвестно. Так обстояло дело на данный момент.

— Может быть, Попов попросту куда-то ушел и через несколько часов вернется, — раздраженно говорил Шестиглазов бухгалтеру. — В любом случае следует немного подождать. К тому же, чтобы возбудить дело о пропаже человека, нужно заявление от родственников.

— Не будьте формалистом! — резко вскрикнула Рублева. — Мне все ясно. Сын Попова пил, а отец ему не разрешал. Они жили, как кошка с собакой. Для выпивки нужны деньги. Сын знал, что вчера отец должен прийти с большой суммой, ну и ударил его топором. Денег в портфеле не оказалось. Ну, а «дело» сделано. Сын погрузил отца на тележку, отвез куда-нибудь и закопал.

— Закопал под вишней? — быстро спросил ее Грай.

Рублева повернула голову, взгляды их встретились, женщина выдержала пристальный взгляд детектива и согласно кивнула головой.

— Мог и под вишней закопать на соседнем участке. Яму вырыть поглубже и положить. Но вернее всего — в лес отвез. Теперь лежит — овечкой прикидывается. А вы, команда детективов, сообразить не можете, хотя у вас топор, которым его ударили.

— Но ведь не исключен вариант, что Попов действительно ушел куда-то, — вступится за своего начальника сержант Григорьев, которому наверняка надоело торчать в садоводстве, где не было даже столовой и негде не только пообедать, но даже перекусить.

Рублева ехидно заметила:

— Да, наклеил на обух топора волосы, любимому сыночку на долгую память, и направился, куда глаза глядят.

— Как вам объяснить попроще, — замылся Шестиглазов. — Помните фильм «Шведская спичка»? Там тоже все было: след на окне, кровь, мятая постель, свидетели, версии... А чем все кончилось? Оказалась — «покойник» жил у приятельницы в бане, гулял в свое удовольствие. Вы хотите, чтобы и я таким дураком-следователем выглядел?

— Да чего же «выглядел»? Так оно и есть. Перед вами жестокое убийство, а вы его в упор не замечаете. Я повторяю — сын любил приложиться к бутылке, а отец ему запрещаю. На этой почве они скандалили. Отец признался мне как-то, мол, боится домой идти, видеть «пьяную образину» не хочет, не может.

Шестиглазов, видно, еще не оставил надежду поскорее уехать из Садов, оставив происшествие до полного выяснения обстоятельств этого, еще неясного ему дела. Он в изнеможении откинулся на спинку стула и взглянул на Грая, как бы ища у него совета или поддержки.

У нас с Граем не была клиента и ввязываться в постороннее, совершенно бесперспективное дело смысла никакого не имело. Но, может быть, это таинственнее исчезновение могло быть как-то связано с той странной запиской, неожиданно появившейся на дверях нашего дома? Может быть, безумный стихотворец НАГ начал осуществлять свои идиотские угрозы? Лонжа подсказывала, что с делом исчезнувшего председателя стоило познакомиться получше.

— Расскажите о Попове, что это за человек? — попросил Грай Рублеву.

— Опытный инженер, работал на высоких должностях. Семья жила прилично, денежки водились, единственный сын ни в чем не знал отказа. Попов человек достойный, честный. Один раз уже избирался, два года назад, председателем нашего садоводческого товарищества, но пришелся не ко двору местной грязноватой компании, которая отиралась, кормилась вокруг правления. На старика подали в суд «за взятки, за мошенничество», 3 суде выяснилось — он чист, как стеклышко. Vi садоводы вновь избрали его своим председателем.

— Может, он стал кому-то поперек дороги, мешал черпать из кормушки, и с ним свели счеты?

— Недоброжелатели у него есть, — согласилась бухгалтер. — Я их всех знаю. Но не думаю, чтобы ненависть дошла до таких размеров.

— Может быть, сын председателя уже проспался и теперь даст нам толковое объяснение? — предположил Грай.

— Поехали, потолкуем еще раз, — согласился Шестиглазов, с удовольствием покидая уже надоевшее ему правление.

Я чувствовал, что сейчас не нужен Граю, и с удовольствием отправился бы домой, чтобы поближе познакомиться с «Великой китайской стеной» — любимой пищей мудрого Конфуция. Но этот непонятный НАГ витал где-то поблизости. Я ощущал его присутствие своим седьмым чувством. Я понимал, он силен, опасен и может нанести неожиданный удар из-за угла. Когда я думал об этом, то мурашки пробежали по спине. Я дергал левым локтем, проверяя, тут ли у меня пистолет, и неторопливо оглядывался. Не находил вокруг ничего подозрительного, но все равно успокоиться не мог. Имея в наличии стихотворное предупреждение и нервную обстановку, я не мог оставить Грая одного. Ведь одна из моих обязанностей — в случае опасности прикрыть ему

спину и позволить действовать смело, без оглядки. Сейчас я выступал в роли арьергарда и неотступно следовал за шефом.

Мы приехали к дому Попова и следом за Шестиглазовым осторожно вошли в калитку. Грай остановился на бетонной дорожке, оглядываясь. Я тоже начал осматривать участок. Земля оказалась черная, жирная, хорошо удобренная. Все до последнего метра перекопано, видно, многочисленные хлопотные обязанности не мешали хозяину следить за землей.

— Под этой яблонькой у крылечка лежал топор, — показал инспектор. — Я забрал инструмент на экспертизу.

На рыхлой земле отчетливо просматривались два следа от ног инспектора и вмятина от топора, который, по-видимому, швырнули с дорожки. Я тут же определил сорт яблони — белый налив. По сучкам прикинул возраст — лег во семь. Но, думаю, делу это никак не поможет.

Входная дверь в дом оказалась распахнута.

— Вы ее открыли? — спросил Грай.

— Я ее не трогал, — пояснил Шестиглазов. — Все так и было, когда мы приехали с Рублевой.

Грай закрыл дверь, и за ней... Я ахнул.

— Что это? — удивился инспектор.

Из косяка торчал огромный, двадцатисантиметровый гвоздище, толстый, почти как штык. На него наколот сложенный вчетверо листок.

Грай протянул к нему руку со стоном:

— Это мне.

— Не трогайте, — оттолкнул его инспектор. — На нем могут быть отпечатки. Я этого гвоздя не видел.

Взяв гвоздь за шляпку, раскачал, выдернул из дверной стойки, снял записку. Гвоздь завернул в носовой платок и убрал в карман. Осторожно развернул бумажку.

— Листок в клеточку, — вслух фиксирован Шестиглазов. — Вырван из обыкновенной школьной тетрадки. Надпись сделана шариковой ручкой синего цвета... Ба, Грай, это действительно вам письмо, да еще в стихах! Написано печатными буквами, чтобы красиво вышло, или чтобы не узнали почерк:

*«Знаменитый сыщик Грай, Разгадай меня, поймай!
Я начну с субботы убивать людей —
Хватит всем работы —
ищи меня скорей.
НАГ».*

— Еще раз прочитать? — спросил инспектор.

— Спасибо, я запомнил, — вздохнул Грам.

— С вашего согласия, письмо возьму с собой, на нем могут быть отпечатки. Вам пришлю ксерокопию, — инспектор положил листок в пакетик и тоже сунул в карман. — На бумаге остались отпечатки мои и убийцы. Небывалый случай — бандит оставляет автограф на месте преступления. Хорошо, что я сам это видел, а то мог бы и не поверить. Кстати, а тут не мистификация? Может быть, это колоссальный розыгрыш? Грай, вы тут не приложили руку? — с тайной надеждой спросил инспектор.

— Если автограф оставил убийца, — ответил Грай, — то на гвозде и на письме отпечатки одного человека. Как, впрочем, и на топоре.

— Чьи? — впился в него взглядом инспектор.

— Ваши собственные.

Шестиглазов задумчиво погладил плешинку.

— Как вы узнали, Грай, что письмо вам? Ясновидение?

Шеф достал из кармана первое письмо и отдал Шес-тиглазову.

— Я уже получил подобное, — и рассказал историю его появления.

— Кто такой НАГ? Или что такое НАГ? — спросил Шестиглазов требовательно.

— Название новой, неизвестной еще террористической организации, — в тон ему ответил Грай. — Например, «Новые агрономы».

— Может, это имя? — предложил я, желая развлечься и заодно внести свою лепту в расследование.

— Иностранное имя? — засомневался инспектор. — Но какое-то непонятное — ни Богу свечка, ни черту кочерга.

— Это группа шутников, — продолжил я предположения. — Скажем, Нина, Алик, Гриша. Тесный коллективчик с милыми шутками на досуге.

— Ух, короеды! — заскрипел зубами инспектор. — Я же собирался быстренько обговорить с Поповым несколько вопросов и успеть сегодня в ночь на рыбалку. А тут такое заварилось, какая, к черту, рыбалка! Пахнет грандиозным делом, сердце мое чует.

Следует пояснить, что «короедами» местные жители называют всех садоводов, так что и мы с Граем, появившись на участке, также попали в разряд короедов. Я тут же решил — Шестиглазова следует поставить на место, чтобы не распускал язык. Но на пустой желудок сражаться с инспектором было неохота, и я отложил месть на будущее. Тем более, что Грай, постепенно втягиваясь в расследование, не обращал внимания на такие мелочи.

— Пойдем, подыдем пьяного подонка, и я вытрясу из него душу, — разозлился инспектор, — он у меня проснется и заговорит не хуже диктора «Голоса Америки из Вашингтона».

Мие была понятна его злость — срочно следовало определить, какие шаги предпринять дальше, а возможный убийца спит себе и наслаждается хмельными снами.

Инспектор протянул руку, но дверь вдруг сама открылась, из-за нее показывались ноги ползущего человека, потом его зад, и наконец, вихляясь, выполз Олег Попов, в рубашке с засученными рукавами, с мокрой арытжой в руках.

Инспектор зло сплюнул.

— Ба никак, сынок, следы замываешь?

Олег смутился, густо покраснел.

— Я тут, это... порядок навожу, а то грязно стало.

— Что ж ты топорик не помыл? С него и начать следовало, а?

— Какой, вы говорите, топор?

— Маленький такой, плотницкий, которым ты родителя своего приласкал, вспоминаешь?

Руки у парня задрожали, тряпка упала на пол.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Возвращайся в дом, — приказал инспектор.

Мы вошли, перешагивая через ведро с грязной водой, которое стояло у вхо-

да. Последним явился сержант Григорьев, прикрыл дверь и стал у нее, расставив ноги и заложив руки за спину. У его пояса слегка позвякивали наручники. Это произвело впечатление на Олега. Оставляя следы на мокром полу, он пятился до обеденного стола и рухнул на стул.

Садовый домик был стандартный, из деревянных блоков, явно куплен на трудовые. И обстановка, как у всех — что обветшало, стало ненужным в городе, привезено сюда. Грай держался как обычно, уверенно и деловито, быстро и внимательно осматривая обстановку. А я поживался, мне было не по себе. Когда человек умирает естественной смертью, от старости или по болезни, одно дело. Помыли пол, стены, и снова живи себе в доме на здоровье. А вот когда хозяин убит — смерть дышит на тебя из всех углов. И становится не по себе: куда ни посмотри — всюду мерещится тень убийцы, высматривающего новую жертву.

Осмотрев домик, я вернулся к дверям и устроился около сержанта Григорьева, здесь самое подходящее место для арьергарда. Грай и Шестиглазов сели за стол, напротив Олега, сильно смущенного, но старавшегося держаться с достоинством.

— Рассказывай, — грубо приказал Григорьев, — как провел вчерашний день.

— А что это вы на меня насели? — попытался восстать молодой хозяин.

Сержант снял с пояса наручники.

— Вот, посмотри, для тебя приготовил. Если не станешь здесь говорить, заберем тебя в отделение и там потолкуем по душам.

— Вы меня не запугивайте, — заупрямился Олег. — Я вообще с вами не хочу говорить.

Инспектор устало вздохнул:

— Олег Попов, вы арестованы по подозрению в убийстве отца.

Подошел сержант и защелкнул на руках Олега наручники.

— Идем в машину.

Мы снова вернулись в приземистое, разноцветное здание правления садоводства. Шестиглазов позвонил в Кировск дежурному по управлению внутренних дел, доложил о происшествии, вызвал бригаду криминалистов. Бригада оказалась на выезде, расследовала другое дело. Дежурный обещал ее прислать в Сады сразу по прибытии в Кировск.

Инспектор решил незамедлительно, по горячим следам провести предварительное расследование.

Глава IV

До этого момента я еще имел тайную надежду, что дело ограничится разговорами. Ну, ушел мужчина из дома. Это можно понять и объяснить. Ушел же Лев Толстой из дома перед смертью, бросив все, не попрощавшись. Старички иногда так делают, чтобы в одиночестве направиться к Богу.

А почему Попов не мог уйти? Может, он не вынес семейных противоречий и единственный сын ему поперек горла стал?

А может, ему память отказала, и он лежит сейчас в больнице, не может вспомнить, кто он? Со стариками всякое бывает.

Но грубая проза жизни упрямо лезла в глаза. Скорее всего спившийся сыннок стукнул родителя, да и вывез на тележке — заурядное бытовое убийство, как говорят теперь, «бытовуха». По радио утром, когда передают сводку ГУВД за прошедшие сутки, почти каждый день можно услышать — произошло убийство на так называемой бытовой почве, а проще говоря, по пьянке: то жена мужа зарезала, то сосед соседа не пожалел, то родные брагья что-то не поделили...

Правда, послание таинственного НАГа, который утверждал, что в выходной день в людном месте убил, выкрал человека и открыто в этом признавался, смущало меня и задевало за живое. В Садах объявился жуткий нахал, который осмелился открыто бросить Граю вызов!

Обычно после убийства, перед тем, как начать поиск виновного, детектив осматривает тело, пытается узнать, каким орудием нанесен удар — ножом, кастетом, утюгом, рукояткой пистолета... Как нанесен удар — сверху, снизу, высокого человека искать или низенького, сильного или слабого... Еще патологоанатом определит, хотя бы примерно, время смерти, что ел человек перед этим, какими болезнями страдал... А тут? Я посмотрел на Грая, он на меня, мы вместе поглядели на Шестиглазова. Вероятно, инспектор думал об этом же, мы втроем повернулись к Олегу Попову. Сейчас он один мог ответить на наши вопросы. Олег сидел у окна правления — жалкий, сжавшийся, сморщенный. То и дело облизывал языком потрескавшиеся губы.

— Говорить будем? — приступил к допросу Шестиглазов.

— Не могу, внутри все спеклось, дайте воды, — Олег с тоской посмотрел на стоящий в углу пустой графин. — Умираю, дайте попить.

— Пива холодного хочешь? — рассмеялся безжалостный Шестиглазов.

— Давайте, — с надеждой посмотрел на него Олег.

— Полечишь кружку чая, — отрезал инспектор, — когда у нас в Кировске в ДПЗ станешь на довольствие.

Олег отвернулся от всех и стал смотреть в окно. Я пожалел парня, решил, что ему нужен стимул, поэтому пошел в магазин. При двух продавщицах и наличии разнообразного товара народу перед прилавком набилось предостаточно. Терять время в змееподобной очереди мне не улыбалось. Я провел разведку взглядом и обратил внимание на молоденькую продавщицу. Она походила на Золушку, которую нарядили для рождественской распродажи — белое личико, румяные щечки, светлые локоны из-под кружевной накрахмаленной шапочки, глазки быстрые, цепкие. Правда, улыбочка, несколько подкачала — немного набок, хищноватая улыбочка образовалась. Зато какая грация в движениях, какую гибкую фигуру демонстрировал белоснежный, в облипочку, ха-

лат! То, что удалось рассмотреть выше прилавка, привело меня в восхищение.

Золушка почувствовала мой взгляд, подняла голову и вдруг улыбнулась — вовсе не хищно, а простодушно, открыто, глаза заискрились. Я понимал — это отличный военный маневр, и тем не менее оказался сражен, сразу наповал. Золушка взяла меня в плен, покорила. И тут же сделала царский жест:

— Вам что нужно, хороший человек? — похоже, она умела читать мысли. — Холодного пива нет. Могу предложить лимонад «Буратино».

— Три, пожалуйста, — заторопился я, протягивая деньги через головы серdito зашумевших женщин.

Приняв бутылки, вместо сдачи я получил еще более очаровательную улыбку, так что даже голова закружилась. В очереди мне сказали, что продавщицу зовут Зоя. Тут же решил, что капитана Бондаря следует немедленно освободить от утомительных походов в магазин, я сам, добровольно, возьму на себя эту нелегкую обязанность.

Олег Попов с жадностью выпил целую бутылку лимонада, безумный огонь в глазах угас, и парень стал более разговорчив.

— Спасибо, пожалели невинно страдающего.

— Ну, невинно страдающий, — ухмыльнулся инспектор, — ваш отец исчез вчера вечером. Есть предположение, что он убит и тело похищено. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да, понимаю. Несчастный отец, всю жизнь работал, рвался, жилы тянул из себя, и что в итоге?

— Прежде семью содержал отец. Теперь придется искать работу?

— Думаю, найду... Если вы меня не засадите в тюрьму.

— Если ты невиновен — бояться нечего. Скажи Олег, как ты относился к отцу?

— Ему всегда было не до меня. Работа, работа, сложные вопросы, командировки. Вернется, сунет игрушки — и опять нет человека. Что скрывать, я не любил отца. А когда я был уволен с работы по сокращению штатов, потому что наша контора не могла найти заказов, я начал выпивать. Мы открыто начали ссориться. Мне требовались деньги, я просил у отца, а он не терпел пьяниц и попрошаек. — Олег говорил отрешенно, словно и сам себе уже надоел.

— Отец не предлагал тебе пойти лечиться?

— Ну, вот еще! — вспыхнули глаза у парня. — Что он — ненормальный? Отец не мог на это решиться. Терпел мои выходки, мучился и терпел.

— Признайся Олег, ты грозил отцу?

— И не раз. Обещал, как только он умрет, пропить дачу.

— Я не про это спрашиваю, ты грозил ему физической расправой?

— А... Вам, наверное, соседи наговорили... Я после выпивки становлюсь невыдержанным на язык. Чего в сердцах не наговоришь! Грозил, мол, убью, цианистым калием отравлю. Он это всерьез не воспринимал. Хотя теперь мне вся эта болтовня боком выйдет. Каждое слово вспомнят, скажут соседи — допился сынок до ручки.

Мне показалось, что Олег заговорил откровенно, даже самокритично. Нет, я не стал его жалеть, но, кажется, начал понимать. Только, странное дело, лишь речь заходила о вчерашнем вечере, он испуганно замыкался.

— Если уж речь зашла о соседях, — заметил инспектор, — то, наверное, они были готовы к тому, что произошло вчера вечером, и теперь говорят: *Мы так

и знали, что это когда-нибудь произойдет».

— Люди всегда больше обращают внимание на дурное: оно заметнее. Отец не боялся меня, я еще в детстве с деревянной сабелькой подскакивал к нему с криком: «Убью!» Это стало домашней шуткой. Хотя в последнее время мои шутки могли показаться ему мрачными, но, разозлившись, он давал мне такого жару, что я не знал, куда деваться. Так что скорее я его боялся... Можно еще попить? — и он с жадностью опустошил вторую бутылку.

— Взглянем на событие иначе, — вмешался в разговор Грай, — Если вы отца не убили...

Олег застонал:

— Побойтесь Бога! Я и на самом деле не убивал!

— Рассмотрим такой вариант, — продолжал Грай упрямо. — Если отца убил и похитил кто-то другой, подумайте, кто мог это сделать?

Олег напрягся, наморщил лоб и минуты две сидел в оцепенении. Потом обмяк.

— Нет, откуда мне знать?

— Постарайтесь, от этого может зависеть ваша судьба, — настаивал Грай.

— Вознести напраслину на кого-то я не могу.

— Ваш отец в садоводстве кого-нибудь остерегался? — подхватил разговор инспектор. — Ведь на него подавали в суд за взятки и воровство. Его хотели сместить и выгнать отсюда.

— Он их не боялся. Говорил, та собака, которая лает, не кусает.

— Но, может быть, кто-то его особо ненавидел и затаился до поры, и отец вам мог сказать об этом.

— Больше всех отца не любил квартальный Рубин Он и в суд подавал, и партию свою организовывал. Они с программой ходили по дачам к агитировали. Рубин ругал отца, мол, дурак, на этом месте можно грести деньги лопатой и других подкармливать.

— Еще раз напрягитесь и попробуйте вспомнить, Олег, — попросил Грай. — Среди почты, которую получал отец, не было ли анонимных писем?

— Анонимки сейчас не в моде, — усмехнулся арестованный. — Не тридцать седьмой год, другое время. Анонимки нынче выбрасывают, не читая.

— А письма со странной подписью из трех букв «НАГ» приходили?

Мы все, и голубоглазый сержант Григорьев, стоявший у двери, впились глазами в лицо Олега. У того даже пот выступил на лбу, так сильно он пытался напрячь память. Но в итоге только развел руками.

— Чего не знаю, того не знаю.

— Ваша мать сейчас в Петербурге? — спросил Грай.

— Да, вот телефон, прошу вас позвонить и сообщить, что я задержан. Извините, но больше мне попросить некого. Там, куда сейчас увезут, полагаю, предоставят помещение без телефона и других удобств.

Инспектор пощупал карман своей куртки.

— Кстати, Олег, что это за огромный гвоздь вбит на вашей даче в дверь? Точнее, в косяк двери?

— Гвоздь в двери? Никакого гвоздя не было.

— Вот он, я его сегодня вытащил при свидетелях.

— Ого, какой огромный! Я таких вообще никогда не видел. Вчера вечером он не мог торчать из двери.

— Постарайтесь вспомнить вчерашний вечер, пожалуйста, подробнее, с мелочами, — попросил Грай.

О своей жизни Олег рассказывал охотно и откровенно, а вопрос о вчерашнем вечере заставил его опустить голову и замкнуться.

— Повторяю вопрос, — настаивал Грай. — Где вы были вчера в восемнадцать часов?

— У квартального Рубина.

— Чем занимались?

— Выпили по стакану.

— А потом что стали делать?

— Он начал дрова пилить, а я завелся, пошел доставать еще.

— В магазин вы не успели.

— Можно достать и без магазина сколько угодно, на выбор — спирт, самогонка или водка. Купил я бутылку спирта, пришел домой, разбодяжил...

— Время не помните?

— Примерно в девять. Принял еще стаканчик.

— В одиночку?

— Вдвоем, конечно, веселее, но если зацепило — можно и самому догоняться. Пришел отец, увидел спирт, начал орать.

— Все шло как обычно?

— Да, он накричал на меня, хотел отнять бутылку. Я разозлился, ушел к себе в комнату, запер дверь и допил остаток. Утром пришел инспектор, разбудил меня и спросил, где отец. Остальное вы знаете.

— Вы куда-нибудь ходили вечером или ночью?

— Нет.

— Вы что-то скрываете.

— Не выходил и не убивал! — закричал Олег. — Зачем вы меня мучаете?

— Вчера ваша ссора зашла дальше, чем обычно, — мрачно замелил Грай. — Вы ударили отца, и довольно сильно. А он этого не ожидал.

— С чего вы взяли?

— У вас ссадина на косточке правого кулака. Вы ее замазали краской, но если присмотреться, можно заметить. Такая ссадина появляется, если голой рукой, без перчатки, сильно ударить справа в челюсть. Отец упал и ударился затылком о дверь, топор или еще что-нибудь.

— О дверь, — шепотом признался Олег. — Но я не убил его. Он заплакал, а я испугался и убежал к себе.

— Ты ударил старого отца, сопляк, и побежал к себе допивать вонючий спирт! — взревел инспектор. — Рассказывай, что было дальше?!

— Дальше ничего, я свалился без памяти и уснул.

— Сержант, — приказал инспектор, — уведите арестованного в машину.

Сержант Григорьев взял парня за руку. Олег поднялся, шагнул к дверям и остановился.

— Вы не из уголовного розыска? — спросил он Грая.

— Нет, я владелец частного сыскного агентства. Виктор — мой помощник.

— Бы можете сказать, кто вас нанял, чьи интересы вы здесь защищаете?

— Как ни странно, мы сами еще не можем толком определить свой интерес в вашем деле. Но клиента у нас нет, это точно.

— В таком случае, можно, мы с мамой вас найдем? Чтобы вы меня защити-

ли и нашли настоящего убийцу?

— Можно. Но если окажется, что убийца вы — мы вас покрывать не станем и доказательства, которые удастся собрать, передадим в руки инспектору.

— Именно это и следует сделать. Вы — умный человек, я сразу это понял. Инспектор, можно, я отсюда позвоню маме? А то судите сами — отец пропал, меня в тюрьму-10 А. Гостомыслову на большой срок, у мамы сердце больное, не выдержит. Это что же, вся наша семья под корень?

Этот парень, хоть уже был довольно обрюзгший от выпивки, довольно быстро сумел взять себя в руки и стал мне симпатичен. Становая жила оказалась в нем не сломана, человек еще не погиб, и оставалось надеяться, что у Олега хватит сил выпрямиться, пересилить невзгоды. Конечно, если он не был великим хитрецом и не собирался водить нас за нос.

К счастью, мать Олега, Ольга Львовна, была дома. Она оказалась деловой женщиной, быстро все поняла и приняла условия, выставленные Граем. «Я скоро приеду, а вы начинайте немедленно», — велела она.

Когда Олега увели, инспектор в раздумье почесал блокнотом свой солидный рыхлый нос.

— Не похоже, чтобы этот юный пьяница был настолько холодно расчетлив и предусмотрителен, чтобы так нас запутать. Напиться и в разгар драки ударить топором — это он смог бы. Но заранее написать записку, да еще в стихах, высоким слогом, и рядышком припрятать топор, которым собирался проломать череп родному отцу — это на него не похоже. Странно, не будь этого дурацкого письма, я бы не сомневался, что убийца — сын председателя садоводства.

Грай помолчал, как бы в раздумье, а после некоторой паузы откашлялся и самым деликатным образом обратился к Шестиглазову:

— Инспектор, надеюсь, вы не станете возражать, если мы займемся этим делом?

Инспектор тотчас насупился и зарычал:

— Скажу откровенно, я терпеть не могу частных сыщиков. Простите меня за откровенность и тем более, чтобы они лезли в мои дела.

Я невольно сжал кулаки, не ожидая такой грубости. Но шеф лишь грустно усмехнулся:

— В таком случае нам с Виктором не дожить до нового урожая картошки, посадку которой вы освятили своим присутствием. Вы заставите нас умереть голодной смертью.

Инспектор смягчился.

— Но поскольку вы прежде работали в милиции и кормиться вам тоже нужно, и записка адресована лично вам, от этого обстоятельства не уйдешь, Бот с вами, упражняйтесь. Но... — и голос его снова зазвенел, — если я узнаю, что через мою голову вы что-то выискали и скрываете...

— Вся слава от этого дела, — перебил его Грай, — достанется вам. Нам вполне достаточно гонорара. Ведь так, Виктор?... Кстати о деньгах, не потрясти ли нам еще раз главного бухгалтера? Уж очень боевая дамочка. Такая на все способна.

— Думаете, убила? — оживился Шестиглазов. — Хотела умыкнуть три тысячи долларов, да в последний момент испугалась, вернула кассу?

— По крайней мере характера на крутое действие у нес хватило бы.

Инспектор сходил в соседнее помещение и пригласил главбуха. Рублева пришла тотчас же и принесла сумку с четырьмя толстыми папками. Увидела, что мужчины мнутя и поглядывают на нее, как бы решая, с чего начать, и сама перешла в наступление.

— У нас о Поповым были хорошие отношения. Он — человек, безусловно, честный. Я работала экономистом на хорошем заводе, учет вести умею. Деньги и расписки — вот, копейка к копейке. У нас мальчишка рубль получит — дает расписку.

— А если провести полную ревизию? — спросил Грай. Рублёва грохнула папки с бумагами на стол.

— Готова хоть сию минуту.

— Скажите, кто знал, что Попов понесет деньги домой?

— Покупка железобетонных столбов не была тайной. О трех тысячах долларов многие знали.

Грай посмотрел на инспектора, инспектор на Грая, оба мрачно засмеялись и вышли из правления садоводства.

Глава V

Если взглянуть на наше Синявине кое садоводстве сверху, то увидишь, что оно прижалось к южному берегу Ладожского озера, чем, кстати, весьма гордится капитан Бондарь. Когда нужно похвастать, он говорит, что у него участок на южном берегу Ладожского озера.

А если намерен приbedниться, говори, что у него домик в Синявинских болотах. Кстати, оба утверждения терны. С юга садоводство подрезано Мурманским шоссе. На западе лавина домиков немного не доходит до Невы. Причем на северо-западном углу Садов красуется город Шлиссельбург со стариннейшей крепостью Орешек на единственном острове, лежащем в истоке стремительной, многоводной Невы. На востоке Сады обрамляют лесной массив и пахотный клин. От нашего дома до леса не более трехсот метров.

Синявинское садоводство — огромное, каждый район Петербурга имеет свое товарищество. Участков здесь — сотни тысяч, по европейским масштабам — целый город. И если кто-то здесь спрячется — найти его ничуть не проще, чем в самом Петербурге. А может, и сложнее, потому что нет ни милиции, ни участковых. А общественные дела редко кто выполняет ревностно, всякий предпочитает копаться на собственном участке.

Большие дороги рассекают наш муравейник на кварталы, а их членят узенькие дорожки — линии, где с трудом разъедутся две машины. Наш дом находится между Четвертой и Пятой линиями, а председатель Попов жил на Второй линии, еще ближе к лесу. С нашего участка видна крыша его дома.

Мы снова пошли к домику Попова. Грай на ходу посматривал на часы. Был уже вечер, солнце клонилось к закату, погода была точно как вчера — идеальная возможность для проведения следственного эксперимента. В такую погоду, в предзакатное время легко вспоминается пропущенный обед и желателен сытный ужин, способный вдохновить на подвиги молодого мужчину. В этот час ужин был всегда готов у педантичного Бондаря, тем более сегодня, когда пришлось пожертвовать обедом. Но я не мог найти предлога, чтобы напомнил» об этом Граю, который вдруг забыл о ране в плечо, забыл о еде, сделался вдруг энергичным и неутомимым. Во время ведения, следствия он не знал

усталости.

— Вот вам и южный берег Ладоги, — вздыхал я, — тихий уголок, соловьиное место, — А поглядев вверх, добавил: — Ласточки на большой высоте мошек ловят, ужинают, значит завтра жди хорошую погоду.

Но Грай не обращал на меня внимания, быстро мерил дорогу широкими шагами, будто видел впереди незваного, таинственного НАГа и хотел догнать его.

Мы приблизились к дому Попова, шеф замедлил шаг, пробуя подобраться к входу незамеченным. Но песок и мелкие камешки предательски скрипели под ногами, сообщая всей округе о каждом нашем шаге. Значит, и шаги НАГа были слышны на участке.

Выход с участка на улицу каждый садовод обрамлял так, как подсказывали ему кошелек и фантазия. Одни ставили забор из штакетника или из проволочной сетки, другие сажали кусты, решив скрыться от назойливых глаз прохожих, третьи у самой дороги возводили каменные горки с цветами... Участок Попова отделяли от дороги густые кусты разросшегося шиповника. В начале мая они уже покрыты листьями, что происходит за кустами, разглядеть невозможно. Вот в кустах просвет — маленькая калиточка мне по пояс из выкрашенного в желтый цвет штакетника. Около нее несколько зевак. На калитке кнопкой прикреплен записка предусмотрительного главбуха: «Председателя Попова сегодня не будет. По всем вопросам обращайтесь в правление». Числа нет, и садоводы будут узнавать о том, что Попова нет от «сегодня» до первого приличного дождя.

Шестиглазов увез арестованного в Кировск. У дома маячил сержант Григорьев, охраняя место происшествия до приезда дежурной бригады криминалистов.

На сухой утоптанной дороге мы, конечно, никаких следов не нашли. Если они и были, их давно затоптали. От игрушечной калитки к дому тянулась бетонированная дорожка — только-только проехать садовой тележке. Сад ухожен, яблони, вишни в бело-розовом цвету. Огромный парник из стекла, грядки с клубникой покрыты низенькими пленочными парничками. Густо зеленеет чеснок, выбросил первые перышки лучок. Между грядок практически нет сорняков. Трудяга-хозяин участок свой содержал, как образцовый. Шляпу надо снимать перед таким хозяином.

Словно в раздумье, Грай по бетонной дорожке подошел к дому. В Садах каждый сам себе архитектор, сам и строитель. У Попова стоял стандартный блочный дом, но обитый самодельной вагонкой «в елочку» и выкрашенный в веселый ярко-желтый цвет. Грай поковырял обшивку ногтем, негромко сказал сам себе:

— Краска положена в два слоя. Хозяин собирался жить здесь долго.

В окошечко рубленой баньки Грай заглянул мельком, а вот в хозяйственном сарайчике, где хранились инструменты, задержался. Вытащил на свет тележку с большими надувными шинами, внимательно осмотрел, срисовал рисунок протектора, соскоблил с колеса немного земли в пакетик, туда же сунул несколько прилипших к колесу травинок. Друг за другом оглядел все три штыковые лопаты. Если вчера и была на них сырая земля, то теперь уже высохла. С каждой лопаты Грай соскоблил землю в отдельный пакетик.

Заглянул в колодец, зачерпнул ведром воду — чистая, питьевая. Я уже гово-

рил, с собственными колодцами повезло далеко не всем. Иные упорные садоводы рыли на своих участках ямы глубиной до пятнадцати метров, а до воды так и не доходили. И большинство ходит за питьевой водой с огромными бидонами на тележках в лесную полосу, где вырыт общественный колодец и поставлена колонка.

Мимо участка Попова в одну сторону, позванивая пустыми бидонами, катили свои тележки господа дачники, молодые и пожилые, мужчины и женщины. Назад двигались медленно, старательно упираясь и тяжело сопя, песок с камешками пронзительно скрипел под ногами. Сначала я каждого водовоза пытался рассмотреть в просвет между кустами, потом перестал — надоело. Едва пройдет пять-семь минут — опять кто-нибудь тащится за водой. К этому общественному колодцу спешат с раннего утра до позднего вечера. Никто не удивится, если и в темноте кто пойдет, мало ли какие обстоятельства у человека.

Грайд осматривал дом снаружи последовательно, методично, ничего не пропуская. Вот след от огромного гвоздя, воткнутого в щель косяка. Гвоздь вонзил сюда человек не высокий и не низкий, среднего роста, вонзил с большой силой. Если дверь открыть — с бетонной дорожки не видно ни гвоздя, ни самого человека. Может быть, таинственный НАГ уже стоял за дверью, когда Попов падал на нее после удара сына?

Неожиданно Грайд оглянулся и спросил у меня:

— На всем участке земля черная, жирная, а под яблонями круги красновато-рыжеватые? Ты заметил? Почему так?

— Ничего удивительного — на участке земля старая, хорошо удобренная, а под яблони привезли свежей земли откуда-то с болота. Это торфяник, его подсыпали, как удобрение. Взгляните, под крайней яблоней кучка торфяника насыпана, еще не успели разбросать.

Грайд тут же забрался под яблоню и немного этой красноватой земли тоже набрал в пакетик.

— Итак, попробуем обобщить то, что увидели снаружи — гележка внутри «истая, под яблонями свежий торфяник. Собственный колодец, три металлических бочки для полива. Сарайчик, кухня летняя и баня в одном блоке за ними поленница дров. Вопрос — откуда под яблоню прилетел плотницкий топорик?

Я показал рукой в открытую дверь сарайчика:

— Весь инструмент виден, как на выставке, отсюда он и взят, с верстачка.

— Значит НАГ знал расположение построек на участке, он был здесь прежде, или ему рассказал кто-то.

Грайд прошел к дому и решительно открыл дверь. Внутри стандартный домик был переделан. В центре громоздилась русская печь, глядела на нас черным глазом топки. Бее комнатки жалась к этой печи, которая, наверное, пожирала массу дров, но согревала весь дом. У двери крошечная прихожая с вешалкой. Под ней в немом крике раскрыл рот большой коричневый портфель. Это в нем председатель должен был принести домой злополучную пачку долларов. А доллары нынче могут соблазнить многих.

Направо гостиная, и телевизор в углу. На телевизоре в рамочке фотография, счастливая семья — отец, еще моложавый, энергичный, улыбающийся, его жена — приятная женщина с коротко подстриженными волосами, и меж-

ду ними Олег, смущенный чем-то и сильно похожий на мать.

— Хорошо, когда в доме много фотографий, или хотя бы две-три, — заметил я. — Чувствуешь себя не так одиноко в пустой комнате. Жаль, что в городе не принято делать иконостас из портретов родни.

— Никогда не знаешь, что ждет тебя впереди, — ответил Грай, думая о своем. — В собственном саду лечь под собственный топор...

Мы прошли в спальную комнатку — постель застлана, подушка и одеяло не смяты, значит председатель не добрался досюда.

По скрипучей деревянной лесенке поднялись наверх в комнатку Олега. Смятая кровать, одеяло сползло на пол. На маленьком стожке — прозрачная пластиковая бутылка с импортной этикеткой, куски хлеба, банка рыбных консервов, один стакан. Здесь Олег вел неравный поединок с Бахусом и оказался повержен.

Я понюхал горлышко бутылки:

— Бр-р... Спирт плохой очистки, почти технический. Послушайте, Грай, вы так усердно исследуете эту конуру, мы здесь чего-то не нашли?

— Убийцу...

— Шутки у вас становятся мрачными.

— Мы все осмотрели, Виктор, теперь давай порассуждаем.

— С удовольствием. Но о чем?

— Мы верим в невиновность молодого Попова?

— Положение его шаткое, он признался, что ударил отца и тот упал. Что случилось дальше — не знаем. Сын вполне мог положить тело в тележку, накрыть брезентом и вывезти в лес.

— Кстати, инспектору придется заняться копкой в лесу. Накопается он вволю в поисках тела. В лесу много укромных уголков, из которых садоводы таскают землю. Что ж, это полезно, через копку должен пройти каждый детектив.

— Но раз мы взялись Олега защищать, он наш клиент, мы должны исходить из предположения, что он не виноват. Тем более, у нас нет доказательств, что убил он.

— Значит приходил кто-то еще, приходил убийца.

— Но как он проник сюда по людной улице и остался незамечен?

— Самый легкий способ спрятаться здесь — вообще не прятаться. Идти в открытую с тачкой, словно за водой. На людей с тележками здесь не обращают внимания. С бидонами идут с утра до вечера. Ну, остановился поговорить с соседом, зашел на несколько минут, двинулся дальше. Никто такого человека не заметит.

— Значит он так и сделал, свернул с тележкой на участок и за кустами стал невидим.

— А дальше...

— Олег помог ему — сбил с ног и, может быть, оглушил отца.

— Наверное, убийца припас что-то тяжелое. Но в последний момент передумал, взял то, что само пришло в руку — плотницкий топорик из сарайчика, и им ударил свою жертву.

— Погрузил на тачку, прикрыл брезентом...

— А куда дел бидон?

— А может, бидона и не было? А в тележке находилось нечто, напоминаю-

щее его по очертанию или размеру.

— И вот он уже едет...

Мы забыли про гвоздь и записку.

— Да, когда жертва была надежно накрыта брезентом, он стал у двери и огляделся, прислушался. В любом случае ему повезло, что никого из соседей не оказалось рядом. Он рискнул, и ему повезло.

— Он достал гвоздь, нанизал записку, вонзил гвоздь в щель косяка.

— И вот он уже везет тачку... в лес, якобы выбрасывать мусор на свалку. Каждый столько раз сам вывозил мусор, что на другого смотреть не хочет. И никто не обращает на идущего внимания, все уже ужинают, пьют чай, смотрят телевизор, ложатся спать.

— Разумеется, он надел перчатки.

— Или рукавицы, они здесь привычнее.

— Но кто же он, вы догадались, Грай?

— Я не гадалка и не волшебник. Вопрос пока остается без ответа.

В доме нам делать больше было нечего.

— Пойдемте искать свидетелей, Виктор.

Мы вышли на крылечко. Шесть соток — участок небольшой. Соседи старательно делали вид, что работают, а сами то и дело поглядывали на нас. На улице все еще шепталась кучка досужих садоводов, которые явились поглазеть на дом, в котором пропал председатель.

Сержант Григорьев, присевший на ступеньку, заметил:

— Мы уже обходили с Шестиглазовым соседей, ничего полезного не узнали. Но поговорите и вы, может, частному детективу больше повезет?

Грай внимательно посмотрел на участок через дорогу, что находился напротив домика Попова. Пошатнувшийся забор, штакетник с облупившейся краской. Пересохшая канава огорожена сеткой, по дну бродят шестеро грязных гусей, выщипывая травинки до самой земли. В глубине участка сарайчик из жердей, оттуда доносится бляение, судя по голосам, двух коз.

— Свидетелей не выбирают, их ищут, — вздохнул Грай, прошептал мне несколько фраз — коротенькую инструкцию, и, перейдя улицу, вошел в дом. Выждав три минуты, я двинулся следом.

Пожилая хозяйка встретила меня быстрым оценивающим взглядом. На буфете стояли в ряд литровые и полулитровые банки с молоком — вечерний удой, всего шесть литров. Неплохо для двух коз, подумал я и спросил:

— Можно с вами договориться молоко покупать для ребенка?

— Временно или на все лето? — поинтересовалась хозяйка.

— Желательно договориться сразу на все лето, чтобы уже не беспокоиться.

— Все молоко уже разобрано, остались крохи, которые приберегаем для себя.

— Я за ценой не постою, ребенок все-таки.

Старуха доброжелательно улыбнулась и назвала сумму, от которой у меня глаза полезли на лоб.

Грай тоже вскинулся:

— Как? За две минуты молоко подорожало у вас почти на треть?

Старуха подошла ближе и внимательно посмотрела на лацканы моего пиджака.

— Может, для кого это и дорого, а для того, кто шикарно живет и по Садам

ходит в импортном костюме, для того это не деньги. Раз люди идут, спрос есть, надо цену подымать. К тому же опасно стало в лес ходить коз пасти, того и гляди — убьют.

— Вообще, — промямлил я — другие продают гораздо дешевле.

— Ну, так и берите у них! — отрезала старуха. — Разве это деньги? Мусор. Ничего не купишь на них. В магазин зайдешь, оставишь полкошелька, а что возьмешь? Ничего! А каждой козе в день дай буханку хлеба. Да и с народом сегодня что то случилось — весь день валом валит, продай да продай молочка.

— Эго из-за истории с председателем вы оказались в центре внимания.

— Да уж, сегодня утром, когда выгоняла коз пастись, меня пугали: «Не ходи. Екатерина Елисеевна, в лес. Попова встретишь!»

Грай покачал головой:

— Кто это такой шутник?

— Рубин, наш квартальный. А он все новости знает из первых рук.

Р комнате появился старик, вероятно, муже хозяйки, попытался вставить слово в разговор:

— Я... Я...

Но старуха решительно его перебила:

— Еще квартальный меня отругал, мел, у вас на плазах людей убивают, а вы спите. Будто бы появился крепыш в тельняшке, в клетчатых штанах, стукнул Попова, в плащ завернул, на плечо забросил и в лес унес.

— Не может быть! — не согласился Грай. — Попов тяжеленный мужик, весит более ста килограммов, я сам его видел. Это же надо оказаться богатырем, чтобы его унести. Кстати, вы не знаете этого... в тельняшке?

— Знаю. Леша с Восьмой линии. Говорят, он повар, одним мясом питается, от этого и здоровенный.

— Я... Я ветеран... — снова попытался вступить в разговор старик, но теперь уж я его перебил:

— Вы путаете, приходил бородач в штанах с лампасами, не иначе — казак.

Старик сильно активизировался, заговорил громко, почти закричал:

— Я ветеран войны, был на Эльбе в Отечественную, встречался с американцами и с тех пер по-английски кумекаю немного. Я точно слышал вчера вечером у Полова английскую речь. Это приходил американец.

Тут вошли еще дзе женщины и подросток, они тоже приняли участие в дискуссии. Выяснилось, что к Попову приходили две сестры, блондинки, приходил негр, очень темный налицо, индус в чалме, карлик с бородой и другие подозрительные личности.

— А вообще-то нам некогда наблюдать, кто к соседям ходит, — решила закруглиться старуха. — Один у нас коз пасет, другой по хозяйству и за внуками присматривает, дел много, мы рано слазь ложимся. А по субботам и праздникам здесь столько народу, что голова кругом вдет.

Согласно инструкции, я должен был внести оживление в разговор:

— Рассказывают, что убийцу-англичанина уже задержали, отвезли в Шлиссельбург, ждуд переводчика.

— Быть этого не может, — удивилась старуха, — откуда в нашем болоте возьметс я цивилизованный человек?

В конце концов мы купили по бешеной цене два стакана молока «для пробы». Грай, оказывается, никогда не пил козьего молока, но наслушался о кем

разных небылиц и смотрел на стакан с внутренним страхом. Я знал людей, которые не могли козье молоко б рот взять.

Теплое, жирное, со специфическим привкусом молоко я выпил с удовольствием, кс скорчил гримасу.

— Вы сегодня козу в болоте пасли?

— Да, с раннего утра, а как вы догадались? — поразилась старуха.

— Сильно йодом отдает. Ну, чистый йод!

Грая передернуло, он осторожно понюхал молоко:

— Знаете, я не люблю, когда молоко йодом пахнет, я к вам зайду завтра. — Поставил стакан на буфет и быстро вышел.

— А мой организм к йоду относится положительно, у меня в печени его не хватает, — сказал я с улыбкой и с удовольствием выпил второй стакан.

Когда, вытирая рот и улыбаясь, я вышел из дома молочницы, Грай ждал меня у ворот за кустом сирени. Он придиричиво и недовольно осмотрел меня с головы до ног.

— Придется вам, Виктор, понизить зарплату.

— Это почему? — оторопел я.

— Вид у вас вызывающий, много денег тратите на свою внешность. В этом костюме вы не вызываете симпатий у пожилых женщин. Смотрите, я просто одет, и пожилые женщины со мной откровенны.

Мы не успели уйти, как от дверей дома донесся голос хозяйки, втолковывающей своему глуховатому мужу:

— Дурак, ты все принял за чистую монету! Это был знаменитый сыщик Грай со своим помощником. Они бомжи, холостяки, откуда у них дети? Их нанял капитан Бондарь картошку сажать. А заодно они подрядились пропавшего Попова отыскать и сына его выручить. А ты со своим американцем тут вылез...

— Деревня, — пробормотал Грай обескураженно, — настоящая деревня, все и всё знают.

— Но какая популярность, а? — пытался я его утешить.

— Но почему мы бомжи? — не мог успокоиться Грай. — Ведь у нас есть работа, дом, даже сад свой.

— Не обижайтесь на глупую старуху. Мы — детективы, расследуем убийство и ищем свидетелей. Займемся делом.

— Ладно, — посерьезнел Грай, — теперь, дай Бог, хороших соседей Попову. За все его благие дела.

Мы направились к калитке соседнего дома, в котором жил, как сказал нам сержант, докер Валентина Артюхова. Все здесь оказалось голубое — штакетник, старый «Москвич», загнанный в ворота так, что бампер выглядывал на улицу, низенький домишко, сляпанный на скорую руку из коротких досок на потрескавшемся фундаменте. По желтой дорожке, устланной ржаной соломой и обложенной кирпичом, среди вылизанных ухоженных грядок и цветущих деревьев мы направились к домику.

В этот момент интуиция подсказала мне — могут быть неожиданности впереди за огромными кустами смородины. Встреча с неопознанными предметами и людьми входит в мои служебные обязанности. Я молча взял Грая за руку, остановил и сам прошел вперед. Протиснулся среди двух огромных кустов и замер — девятилетний конопатый пацан, сидя на корточках, направил на ме-

ня огромный водяной пистолет, твердо держа его на вытянутых руках по всем правилам полицейской науки. Я, как мог, широко улыбнулся, давая понять, что настроен дружески. Но юный любитель-стрелок не оценил мои дипломатические потуги, резко нажал на курок и без всякой жалости «замочил» профессионального детектива. На брюках в деликатном месте появилось значительное мокрое пятно.

— Ого, как нас встречают! — рассмеялся Грай.

Но я крепко рассердился на сорванца.

— Чтоб тебя паук укусил, «Черная вдова»! Ты мне испортил английский костюм! С таким пятном не только вести следствие, на дорогу не выйдешь — засмеют. Ты же вывел меня из строя. — Протянул руку к уху мальчишки. Он увернулся, но, поняв, что расплата неотвратима, с воплем помчался к дому.

В дверях голубого домика я налетел на женщину и ударился о нее словно о телеграфный столб. Я условно называю ее женщиной, хотя у нее явно были женские черты лица, солидный бюст и некие кучеряшки на голове. Правильно было бы назвать эту даму гориллой за могучие руки, опущенные почти до колен, и тяжелый взгляд исподлобья. Когда сержант говорил, что женщина — докер, я решил, что он ошибся, потому что эта профессия чисто мужская. Теперь я в это поверил, судя по ее широким, как лопата, ладоням; она работала на каких-нибудь подъемных механизмах. Взглянув на ее узенький лобик, я вспомнил детскую песенку про порт, там были такие слова: «Грузчики кричат: «Вира!» Грузчики кричат: «Майна!»» По-моему, других слов она и не знала.

Взглянув на мои брюки, женщина усмехнулась, юный хулиган получил звонкую затрецину и тотчас перестал выть, с интересом уставясь на нас. Мы вошли в дом, Валентина пекла пироги с капустой и была недовольна, что ее оторвали от этого занятия — дрова в плите прогорали, и духовка остывала.

— Ну, не тяните! — прорычала Валентина, не предложив даже сесть.

— Инспектор Шестиглазов сказал нам, — начал Грай, — что вы были последним человеком, который видел председателя садоводства Попова живым.

— Если он так сказал, то дурачок, а если ты ему поверили, то и вы такие же.

— Но так зафиксировано в милицейском протоколе, который вы сами подписали.

— Подписала, не ловите меня на слове.

— Да, мы знаем, за вами приезжал сержант на машине.

— Конечно, потащусь я еще к ним. Развели бандитов — людей из собственного дома веруют, а я ходи и подписывай ихние бумаги.

— Но такое может случиться и с вами, все мы под Богом ходим.

— Ха! — она криво усмехнулась. — Давненько меня никто не воровал. Может, кто хочет попробовать? Я готова, только из дома выйдем, чтобы печку не развалить.

— Мама, не заводись, — взвизгнул мальчишка, оказавшийся гораздо умнее, чем ему было положено по возрасту. — Раз люди пришли, значит им надо. Расскажи, что знаешь.

— Что я им, магнитофон, одно и то же повторять?

— Совершенно преступление, уголовный розыск ищет убийцу и опрашивает всех, кто является свидетелем или сам может быть причастен к этому, — настаивал Грай.

— Вы куда гнете, черт побери?! Все знают, что единственный любимый сын грохнул папу топором, потом разрубил на части, вывез в лес и закопал.

— Вы это видели?

— Нет, но все так говорят.

— А что видели вы?

— Убийцу вашего не видела.

— Но сын во время предполагаемого убийства на улице не был, а вас видели в двух шагах от председателя. Вам как раз это сделать было проще простого.

— Ах, вон, ты как это поворачиваешь? Не хочешь ли сказать, что это моих рук дело, что это я старикашку «замочила»?!

Декер сжала свои огромные кулачищи.

— Мама, — тербил ее мальчишка, — ну что ты!

Грайдостал из кармана блокнот.

— Не думаю, что есть причины скрывать что-либо о последних минутах исчезнувшего человека.

Вид блокнота гипнотически подействовал на докера. Она придвинула табуретку к столу и осторожно опустилась на нее. Мы тоже сели.

— А я и не отказываюсь. Так что вам надо?

— Вы видали Попова в десять вечера?

— Без двух минут десять.

— Откуда такая точность? Вы на часы смотрели?

— Я в порту двадцать пять лет отмолила и все годы ложилась спать ровно в десять, потому что встаю рано, в пять часов. Я осмотрела грядки и шла спать, а Попов шагнул к своему дому.

— Вы его хорошо видели, не путаете с кем-нибудь?

— Между нами были кусты, я его не видела, а только слышала. Но мы уже двадцать два года соседствуем, я могу поклясться, это был он. А когда я вошла в дом, он протопал мимо. Стенки моей халупы тонкие, я услышала его стон: «Боже мой! Боже мой, опять все сначала? Ну сколько же это может продолжаться?»

— О чем это он, не знаете?

— Сын его, Олег, в тот день загулял. Он в последнее время испортился. У кого —нибудь угостится, у любого, кто поднесет рюмку, потом купит бутылку и нарежется в одиночку. А кто пьет один на один с фукфырем, это уже не человек.

— Мама, они не об этом спрашивают, — нервничал сын, который, похоже, был главным в доме.

— Папаша Попов не мог терпеть пьяных, ну они и начали ругаться, крепко, зло. Но я в это время легла спать и сразу уснула, мне их матюки не интересны, я этого добра в порту каждый день досыта имею.

— А вы не заметили на его участке кого-нибудь чужого?

— К нему люди целыми днями ходят, черт бы их побрал. Надоели, смотреть на них тошно. Ну, я отгородилась, как могла, по границе посадила смородину, сливу, чтобы не видеть никого. Слышно, что идет кто-то, ну и черт с ним. Кому-то нужно заниматься нашими дорогами, столбами, канавами, магазином.

— А вы не обратили внимания, вечером Олег тележку из сарайчика не выкатывал?

— Ну, пошло, поехало — На черта он мне сдался со своей тележкой? У меня своих дел нет, что ли?.. Вот печка остыла, теперь пирог не испечешь. Снова придется идти в лес, дрова ворс... — она замялась и поправилась. — Сушняк собирать, я хотела сказать. А ради чего вы меня допекаете?

— Никто вас не допекает, но вы — важный свидетель, и вам еще не раз придется вспоминать все подробности...

Докер Валентина проводила нас свирепым взглядом.

Когда выходили с участка, я услышал сзади шорох и обернулся. Конопатый стрелок, сопя от напряжения, держал в вытянутых руках мощный водяной пистолет и уже пустил струю, целя мне в пикантное место. Выстрел был точен, и он снова «замочил» бы меня. Но я был готов, резко шагнул в сторону и швырнул в него поднятой с земли травинкой. Его легко можно было бы поймать в два прыжка. Вероятно, юный негодяй умел читать чужие мысли, потому что с воплем помчался к матери.

Опять? — пробасила Валентина, и до нас донесся звонкий шлепок заслуженной затрецины.

Вздохнув, Грай заметил:

— Увы, свидетелей в уголовном деле, как и погщии-ков в поезде, не выбирают. Приходится работать с такими, какие есть.

Пятно на моих брюках слегка подсохло, но было еще хорошо видно. Грай предложил мне сходить домой, переодеться. В отчаянии я решил, что так и стану ходить с мокрым пятном на штанах. Мне было страшно оставить Грая одного. Убийца, писавший моему шефу стихи, мог затаиться где-то тут, совсем рядом. Он мог подобраться сзади и неожиданным ударом своего огромного гвоздя проткнуть грудную клетку насквозь. Поэтому я шел в двух шагах сзади и был готов броситься на любого подозрительного человека.

Следующий наш собеседник — сосед с другой стороны участка Попова. Сержант нам его назвал — инженер с Кировского завода Игорь Сапожков. Вход на его участок — щель между двумя кустами черноплодной рябины — мне не понравился.

— Что-то тут неладно, такой пролаз садоводы нормальные на участок не делают. Следует присмотреться получше.

Но Грай, закоренелый горожанин, не обратил на мои слова никакого внимания, даже посмеялся:

— Пуганая ворона пустого куста пугается. — Оттолкнул меня и втиснулся в пролаз. При этом он громко вскрикнул, резко дернулся и едва не упал.

Плакали мои брюки — я рухнул на четвереньки, проскользнул змеей между стволов и поднялся рядом с шефом, который, морщась, потер скачала одно, потом другое плечо.

— Что с вами, Грай?

— Током ударило.

Пригляделся и увидел на кончиках веток два оголенных проводка. Ну — садовод, настоящий изобретатель!

Длинный, нескладный, настороженно смотрел на нас сквозь сильные очки инженер Игорь Сапожков.

— Частный детектив? — поднял он брови. — А, понимаю, вы помогаете инспектору Шестиглазову.

— Почему у вас на ветках кустов оголенные провода под напряжением? —

спросил я угрожающе.

— Гостей незваных боюсь, — признался он. — В прежние годы огурцы и яблоки воровали, а теперь на людей перешли, председатели стали исчезать... А как вы устояли? — удивленно спросил он Грая, — ведь там высокое напряжение, сбить должно с ног. Придется еще повысить.

— Вы же убьете кого-нибудь, — не выдержал Грай. — А если ребенок пойдет?

— Я высоко прикрепил провода, ребенку не достать. А сделал это потому, что не имею другого способа защиты — ружья нет, собаки нет, жены нет!..

— Вы давали показания инспектору, — перешел к делу Грай.

— Да, я сразу направился в правление, когда узнал, что человек пропал. Чувство долга меня заставило. Председатель был лучшим моим соседом.

Пятилетний мальчуган с яблоком в руке подошел к Сапожкову, спросил:

— Мы дядей кормить будем?

Я с любовью посмотрел на малыша — здравая мысль!

— Нет, — сухо ответил папа. — Дяденьки скоро уйдут.

— Вы знали, что у председателя сложные отношения с сыном?

— Да, знал, громкие ссоры у них последнее время участились. Хотелось им помочь, но как? Встрять в ссору родственников опасно, тебе же самому и попадет.

— Не показался ли вам подозрительным кто-то из тех, кто приходил вчера к Попову?

— Вы хотите знать, не видел ли я убийцу?.. Нет, около десяти у них быстро как-то затихло. Мы с сыном смотрели телевизор, и я даже удивился — как резко оборвалась ссора? А потом мы легли спать.

— Похоже, вы опытный инженер, у вас гвоздь длиной двести миллиметров найдется?

— Я такого никогда даже не видел.

— Вы стихи пишете?

— А как вы догадались?.. На юбилеи или на праздники всегда поздравление зарифмую. Каждый образованный человек способен зарифмовать несколько строк.

Мы собрались уходить, и малыш потихоньку от отца сунул мне недоеденное яблоко:

— Дядя, ты может быть, голодный? На, пожуй яблоко.

На душе у меня потеплело — нет, государство наше не пропадет, нам, погрязшим в мелких заботах о куске хлеба, придут на смену люди с широкой душой: захотелось сделать ответный не менее ценный дар, пошарил в карманах, не ничего кроме складного ножа с большим лезвием и обоймы не нашлись.

— Не бойтесь с соседями поссориться? — спросил на прощание Грай, показывая на проводки.

— Соседи знают и ко мне не ходят, — был ответ. Сапожков присел и начал бормотать в ухо мальчугану, мол, дяди торопят, поэтому дарить им на прощание ничего не нужно.

Квартального Рубина мы встретили на улице. Он лихо выкатил из-за поворота на велосипеде и ударял по тормозам. С ходу затараторил:

— Я вас ищу, инспектор велел помочь. Раз уж вы ввязались в поиски и по-

селились здесь, может быть, заодно возьмете на себя обязанности квартального? Вы вдвоем запросто справитесь, да и я помогу.

Мы твердо отказались от должности квартального, и Рубин, потеряв к нам интерес, ловко запрыгнул на сиденье. Пришлось применить силу — я крепко взял за руль, а Грай немедленно начал задавать вопросы:

— Где вы были вчера вечером, когда исчез Попов?

Квартальный несколько смутился.

— Что скрывать? В лесу находятся. Елку воровал. Пора парник ремонтировать, а подходящего бревнышка нет. У одного соседа спросил, у другого, махнул рукой и направился в лес.

— Вы там кого-нибудь встречали?

— Кого может встретить браконьер? Он и сам от всех прячется. Так что алиби у меня нет, возьмите на заметку.

— Какие у вас отношения были с Поповым?

— Что скрывать? Это вам любой скажет — не любил я его. И в суд подавал, хотел выгнать, его место занять.

— Теперь вы довольны?

— Не знаю. Мне стало страшно. Вот так же вечером могут прийти и пристукнуть. Народ теперь злой, никого не боится. Чуть что, за грудки хватают. На прошлой неделе ни за что физиономию набили. Это уже ни в какие ворота не лезет, Никто никакой власти не признает.

— Ну и как, берете должность председателя садоводства?

— Придется занять временно, до перевыборов, а потом брошу все, пускай занимается, кто хочет. Устал я что-то.

Я отпустил руль, квартальный нажал на педали, свернул за поворот и исчез.

Был уже поздней вечер, четверть одиннадцатого. Белая северная ночь призрачным светом залила притихшие Сады.

— Что вы скажете о позднем ужине? — спросил я Грая. — Это не вредно для здоровья?

— А разве мы не ужинали? — искренне удивился шеф. — Тогда прибавим ходу и отдадим должное мастерству капитана Бондаря.

— Теперь уж не стоит спешить.

— Почему?

— Три часа назад мы на большой скорости прошли мимо горячего ужина, пунктуальный старик наверняка обиделся, решил, что мы начали питаться в другом месте.

— Капитана не будем обижать, он и яш ангел-хранитель, кормилец. У вас, Виктор, мощное биополе?

— Вот таксе, — широко развел я руки.

— Тогда немедленно дайте ему биотелеграмму, что вы голодны и пора накрывать на стол».

Через минуту я с дрожью в голосе ответил:

— Бондарь телеграмму не принимает.

— Почему же, Виктор?

— Страшно сказать — он решил, что мы съехали с квартиры, не заплатив за жилье, и он от расстройства пустил к себе других жильцов. Так что поправляю — мы теперь самые настоящие бомжи.

— Никогда не шутите так, Виктор, ибо шутки имеют печальное свойство — сбываться. А народ говорит: от сумы и тюрьмы — не зарекайся.

Глава VI

Мы поздно легли, и на следующее утро хитрый Бондарь не стал будить нас избитым лозунгом о весеннем дне, который год кормит. Он придумал новый коварный прием. В шесть утра растопил плиту и открыл дверь в нашу комнату. Сначала, сквозь сон я услышал шкворчание сала на сковородке, затем мой чуткий нос уловил запах чудных блинчиков. Ошибки быть не должно. Я тут же проснулся, сел на кровати и спросил:

— С чем блинчики, капитан?

— С молоком и капелькой вишневого варенья.

Весной Грай начал закаливаться и теперь вместо одеяла был укрыт одной лишь простыней. Лежал он спокойно, вытянувшись во всю длину, и не дрожал от холода. Не открывая глаз, великий сыщик уточнил:

— Молоко козье?

Я успел обрадоваться — опять мне две порции козьего молока достанется. Но Бондарь отрицательно покачал головой:

— Козье для нас недоступно по причине высокой цены. Коровье молочко из магазина. Там веселая девушка работает — Зоя, ранний воробышек. Ей на рассвете привозят бидоны, она тут же начинает торговать. На велосипеде съездил, купил три литра. В прошлые годы садоводы брали молоко ведерными бидонами, а очередь к молоковозу на два часа. Теперь молочко подорожало, не очень-то разбежишься. Посуда у покупателей стала поскромней, а очередь — полтора десятка человек. А Зоя, — Бондарь подмигнул мне, — передавала привет нашему Дон Жуану.

Я тотчас вспомнил обаятельную современную Золушку, ее острую грудь, гибкую талию и решил, что откладывать визит вежливости неразумно. Если девушка тебе улыбается и строит глазки, значит она не против.

Через час мы с Граем уже перекапывали грядку, на которой должны посеять морковь. Бондарь кидал под лопаты коровяк и просил:

— Нужна высокая грядка и рыхлая земля, вы можете постараться, детективы?

Над морковной грядкой мы и начали обдумывать вчерашние события.

— Вы уже все поняли, Грай, признайтесь?

— Конечно, — отвечал шеф. — К часу ночи приготовь веревку попрочнее, браслеты и пистолет. Подойдем к его дому и крикнем: «Выходи, попался!» Он с перепугу кинется в окно, а мы тут как тут.

— Шутки у вас стали такие же, как у инспектора Шестиглазова, — обиделся я.

— Как же может еще шутить человек, оказавшийся в тупике?

— Так мы в тупике?

— А ты ждешь от меня чуда? Чудес не бывает, я не волшебник и не предсказатель. Я даже не знаю, убит ли Попов или похищен для получения выкупа. Тело не найдено, кто преступник — неизвестно.

— Подозреваете кого-нибудь?

— Всех, пока не выявится конкретный виновник и мы не получим доказательства его вины.

— А улики?

— Я вижу, тебе так и хочется, чтобы ночью прошел дождь и убийца, четко оставляя следы по грязи, прошел прямо к себе домой. Нет, он не хочет облегчать нашу работу. Но все же мы имеем гвоздь, похожий на штык, и листочек из школьной тетради со стихотворением. Неплохие улики.

— Думаете, он их специально готовил для вас?

— Разумеется, это личный подарок, оставленный убийцей.

— Откуда вы знаете?

— Вчера вечером, когда ты после долгожданного ужина мгновенно уснул, я на велосипеде съездил в правление и позволил инспектору Шестиглазову. Он оказался на месте и подтвердил мое предположение о том, что на гвозде и записке нет отпечатков. Значит — это послание от убийцы. Он взял их с собой, точно зная, что станет с ними делать.

— Так что же, все наши хождения и расспросы впустую?

Грай аккуратно обхлопал грядку лопатой по бокам.

— Убийца ловко замечает следы, прячется, ничего не хочет о себе сообщить. И тем не менее он оставил свой след — духовный и физический. Это сильный человек, который может оправиться с тяжелым телом. Скорее всего мужчина. Но, может быть, и наделенная недюжинной силой женщина. Жизнь этого человека не баловала. Его унижали и оскорбляли изрядно. Он мечтал, жаждал иметь красивую жизнь. Ему хотелось многого, а обстоятельства жестко ставили на место. Он научился скрывать свои чувства, озлобился, научился хитрить, накопил силы и... начал действовать.

— Чего же он хочет?

— Это мы сможем понять, полагаю, позднее, после...

— Как? Вы полагаете будут ещё убийства? Так что же он — сумасшедший, маньяк?

— Скорее всего именно так. И если убийца-маньяк поставил себе какую-то цель, он пойдет к ней, не останавливаясь.

— Вы рассматриваете дело с точки зрения психологии?

— Ты, Виктор, человек действия. Тебе ближе к сердцу засада, погоня, автомат, танк... Тебя не переделаешь. Но давай попытаемся ответить на вопросы: почему это происходит в садоводстве? По какой причине именно Попов? Зачем гвоздь, письмо, стихи?

Пришлось пожать плечами.

— У меня ответа нет.

— Увы, я тоже не могу ответить, — вздохнул Грай.

Шеф подхватил ведро с камешками, которые мы собрали с грядки, отнес и высыпал у дома. Вернувшись, вонзил лопату в следующую грядку и начал вслух рассуждать.

— Попов мне полностью понятен — умный инженер, работавший на больших должностях, и здесь остался сам собой, подобрал команду из честных людей, они готовы горы свернуть. Мы знаем их мнение. Что еще могут нам дать разговоры со свидетелями? Неизвестно, что окажется нужным и полезным в дальнейшем. Придется держать это все в голове. Убийца уверен в себе, хитер, палец ему не давай — отхватит. Совершенно другой человек.

— Выходит, нам нужен человек, уверенный в себе, наглый?

— Может быть. Но люди умеют прятать под деловитостью и старательно-

стью свои дальние эгоистические устремления.

— Вы склонны подозревать бухгалтера?

— Она точнее вписывается в ситуацию. Больше похожа на автора письма. В ней есть железный стержень, собранность. Она тут же звонит в уталовный розыск, становится главной фигурой среди свидетелей. Она «основная», как говорят теперь молодежь, и не исключено, что станет председателем садоводческого товарищества, приобретет место, на котором можно неплохо кормиться. Вот тебе и личный мотив.

— Неужели женщина?

— И мне б это трудно поверить. Но нельзя упускать и такую возможность.

Мы окончили вторую грядку, я выпрямился, расправил плечи и предложил:

— Если мы все обдумали, не лучше ли тогда выйти из огорода и заняться поисками преступника? Или поискать тело Попова?

— Не стоит суетиться. За нас работает уголовный розыск Кировска. У него больше возможностей. Обыскать лес — думаешь, это просто? Во многих местах садоводы брали землю, копали ямки. Все эти копанки придется проверять. Подождем, инспектор приедет и сообщит нам результаты.

— Смотрите, вот он и едет.

Инспектор Шестиглазов вышел из машины, подошел к нам и с кислым видом поздоровался.

— У вас плохое настроение. Успехов нет? — спросил Грай.

— Обыскали лес в обе стороны на три километра, люди шли густой цепочкой с лопатами. Тело не нашли. За лесом поле, на нем хлеб посажен, туда не полезли, не перекапывать же все поле?

— А гвоздь, тетрадка?

— Обзвонили все магазины и базы в округе. Таких гвоздей не предавали уже лет пятнадцать. А школьную тетрадку можно купить в любом магазине. Стихотворение и подпись тоже пока ничего не дают. Что смогли, сделали. У вас новости есть?

— Ходили вчера по вашим следам, поговорили с соседями Попова, ничего нового не узнали, — ответил Грай.

Настроение у Шестиглазова еще более испортилось, он приподнял фуражку, вытер платком проплешинку и уехал с совершенно кислым видом.

Я остался недоволен действиями Кировского уголовного розыска. И Грай меня огорчил. Я снова на него насел, попытался обсудить дальнейшие наши действия, но шеф ушёл от разговора. Тогда посоветовался с Бондарем, и мы решили оставить его в покое. Ведь Грай, если говорить откровенно, потерпел поражение. Его, опытного детектива, маньяк-убийца вызвал на поединок. И Грай проиграл. Кому приятно об этом говорить? Он ничего сделать больше не может, вот и замкнулся.

Честно говоря, это и моя неудача. Но думать об этом не хотелось. Я решил быть великодушным и некоторое время не травить душу Граю.

Оставив сад и огород под пригляд соседа-пенсионера, мы уехали в город, где нас ждали несколько мелких дел.

Я просмотрел газеты. «Петербургские ведомости» и «Вечерняя Нева» напечатали маленькие заметки об исчезновении председателя садоводческого товарищества I *опова, и все. Газетчиков дело не заинтересовало. Ответствен-

ный секретарь «Вечерки» откуда-то вызнал про записку в стихах и позвонил нам, требуя подробности, но я отшутился и стал забывать о несчастном, бесследно исчезнувшем пенсионере.

В первых числах мая в Ленинградской области начались ночные заморозки, а они на берегу Ладоги бывают до десятого июня. Бондарь уехал в Сады закрывать на ночь клубнику и рассаду. В эти дни дело НАГа вновь всплыло с большим шумом.

Глава VII

Рахим Маматкулов, казанский шофер-дальнобойщик, решил украсть невесту. Почему украсть? Потому, что воровали невесту его отец, его дед и прадед — так принято у них в роду. Да и почти все женихи их большого села под Казанью воровали своих невест. Это превратилось в веселый обычай, интересную игру — налетал на дом невесты жених-орел с дружками, хватали девушку, прежде на лихих лошадях, теперь на мощных машинах и мчались в степь, катались, гуляли. Потом в дом жениха, где уже ждали их. А на следующий день свадьба.

Правда, дело осложнялось — Рахим находился не под Казанью, а под Петербургом. И невеста не татарка, а русская. И не было у Рахима дружков-приятелей, готовых на все. А был лишь напарник на второй машине Серега Бронин, парень себе на уме.

На своем «КамАЗе»-фургоне Рахим лихо мчал по Мурманскому шоссе. Он был хорошим водителем и за рулем сидел свободно. «Машина должна чувствовать, что я ее хозяин, — считал Рахим, — тогда сама идет, как самолет, дал газ — и пошла. Не то, что Серега, — согнется, вцепится в руль, а машина его все равно не слушается». Рахим любил свою машину: в рейсе остановится, сам поест и машину осмотрит — как масло у нее, бензин, все ли в порядке. И уж поездил он по стране... В Татарстане, в Мордовии дороги узкие, едва разъедешь, а как вырвешься в другие области, дороги широкие — полетел! Особенно за Тулой ему нравились дороги. Ездил и в колонне большой, и в связках по две-три машины. Заводов у них в Татарстане и в соседней Ульяновской области много настроили, пока еще не все позакрывались — было что возить.

Вот около шоссе стела с золотым петушком — неподалеку крупнейшая в Европе Синявинская птицефабрика. Нелегко ей сейчас приходится — на бедную курочку Рябу неожиданно навалились приплывшие из-за океана дешевые ножки Буша и давай ее топтать, приговаривая: «Ничего не попишешь, свободный рынок, свободная конкуренция. Кто слабее, тот должен погибнуть». Чуть живая, вырвалась курочка Ряба из мертвой хватки заокеанского гостя, стала учиться конкурентной борьбе. Синявинская фабрика поменяла стадо, из-под Казани привезли новых кур., белых, крупных, более яйценоских и вкусных. Резко сбавила фабрика обороты, но упорно продолжала сражаться, стремясь выжить в новой ситуации. Рахим возил сюда кур из-под Казани, здесь и познакомился с хохотушкой-птичницей.

Водитель сбавил скорость, свернул с Мурманского шоссе на прямую, как белая линейка, бетонную дорогу... Через два километра увидел забор из бетонных плит, корпуса птичника, где выращивали маточное элитное стадо кур для продолжения потомства. На крышах корпусов торчали, как островерхие башенки, сильно гудящие вентиляторы. Рахим остановил машину, подошел к

проходной — небольшому белому зданию.

За открытыми воротами небольшая площадка, весы для машины, около ворот охранник в пятнистом костюме. В одной руке у него резиновая дубинка, а другой книжка. Охраннику скучно, и он рад позубоскалить.

— Хочешь пройти на фабрику?

— Хочу.

— Покажи справку, что ты не болен сифилисом.

— Это еще зачем?

— Так положено. Мало ли, захочешь нашу курочку потоптать? А курочка Ряба страшно боится заразных болезней. За неделю может погибнуть половина курятника. Поэтому справка о том, что не болен другими заразными болезнями нужна тоже, — рассмеялся охранник.

В проходную заглянул дежурный электрик, и Рахим попросил его:

— Позови, пожалуйста, Ольгу Ангелову.

Ага, всот она сама идет, улыбается, только что из душа, свеженькая, розовощекая, черные волосы блестят на солнце.

— Все в порядке? Подменили? — спросил Рахим.

— Да. Сейчас пойду домой, переоденусь.

— Подвезти тебя?

— Нет, пешком пойду, напрямик по лесу в сто раз ближе. Через час буду готова, — и весело побежала по лесной тропинке.

Рахим посмотрел на часы. Следовало точно рассчитать время. Теперь тринадцать ноль три. К четырнадцати она управится...

Потом уже, когда их свадьба трагически расстроится, Рахим станет долго и мучительно вспоминать — может быть, у птичника кто-нибудь, прячась за машину, подслушал их разговор, а может, даже забрался в кузов под тент и тайком поехал с ним? Может, позже кто-то сел в кузов?

От птичника не было прямой дороги к Садам. Пришлось вернуться обратно на шоссе, проехать по нему два километра и свернуть на другую дорогу. Рахим ехал медленно и все равно пришлось остановиться у «Штанов», чтобы подождать напарника. А на развилке во всю кипел самодеятельный субботний рынок. Автобусы один за другим привозили из города людей, и рынок процевивал, пропускал их сквозь себя.

Над рынком возвышался огромный грузовик «КрАЗ» с кузовом, наполненным удобрениями — красноватый торф вперемежку с куриным пометом, эту смесь научилась изготавливать из своих отходов и продавать птицефабрика. Дальше стояла машина со спиртным — бутылки с водкой, пиво в баночках и бутылках, мелькали американские, немецкие, английские наклейки. С третьей машины предлагали игрушки и одежду, но на них почти не смотрели. Хорошо брали яйца, свежие и чистые, они сразу привлекали к себе внимание. С тележек продавали саженцы и рассаду. В траве стояли ящики, из которых выглядывали кролики с крольчатами. Самый большой спрос был на свежую ладожскую рыбу, разложенную в ящики с колотым льдом. В тенечке на колесах стояла металлическая бочка с пивом в разлив. Здоровенный парень наливал пиво в полулитровые банки. Покупателей у него оказалось немного, три с опухшими лицами мужика, да четвертый уже лежач поодаль, подложив под себя фанерку.

К Рахиму подошел один из шоферов:

— Что привез, чем торгуешь? Что возьмешь?

— Ничего не привез. И не возьму ничего. Конкуренции боишься?

— Место открытое, вольное, торгуй на здоровье.

На краю площадки стояли старые дубовые стулья с сиденьями, обитыми кожей. На них чайник, медный самовар, недавно начищенный, еще какая-то утварь, бывшая б употреблении.

«Наверное, ворованное продают», — решил Рахим.

В точно оговоренное время подкатил его напарник Серега Бронин на своем «КамАЗе», и они вдвоем поехали к дому Ольги. Двигались медленно, в старом садоводстве по заросшим кустами линиям не разгонишься. Метров за сто от дома Ольги Рахим остановил машину. Дальше пошел один. Спрятался в кустах на соседнем участке и громко свистнул.

В конце дома находилась комнатка Ольги. Она распахнула окно, и Рахим сразу обо всем забыл. Ольга прикинула на себя синее платье с ленточками на плечах. Рахим пожал плечами. Было продемонстрировано зеленое, розовое, красное платье. Жених не знал, на каком остановиться. Тогда Ольга быстро сбросила с себя халагик. Рахим едва не задохнулся — белая грудь ее была удивительно высокая, если положить на такую грудь монетку, то монетка не сползла бы, а осталась лежать и, иожалуйт, не в наклонном виде, а в горизонтальном. Ее белые шелковистые трусики оказались совершенно прозрачны. Девушка натянула на себя голубое платье с широким белым воротником.

Рахим с трудом проглотил комок, невесть откуда взявшийся в горле, и с трудом кивнул головой — годится.

Родители Ольги, пенсионеры, копошились на другой стороне дома. У них было два участка, и оба покрыты травой, бугристы, не копаны с самых перво-проходческих времен. На участке пять сосен, шесть елей, два жиденьких парничка и три кое-как обработанные грядки.

Дом длинный, в три окошха, но краска облупилась, давно пора красить. Вокруг участка никакого забора, у мостика легкая ограда из корявых сучьев, подобранных в лесу.

Но, может быть, эта бедность, показная? Родители Ольги, может быть, самые трудолюбивые люди в Садах, у них большое стадо — пятьдесят — коз! На зиму они берут животных в дом, там печка, и зимуют вместе.

Вот распахнулись двери сарая, из них первым вышел козел Борис — суровый командарм, жестоко карающий малейшее неповиновение, драчун и отъявленный злодей. За ним сыпанули козы, стадо собиралось в лес, пастись. Засуетилась, загавкала маленькая собачка Жучка, ее поддержал пес средних размеров Боронок. Но где-то был главный охранник, волкодав по кличке Серый.

Рахим хотел идти и вдруг заметил с другой стороны куста два внимательных глаза, напряженно следивших за ним — прижавшись к земле, там лежал волкодав, готовый в любую секунду броситься на незваного гостя.

Рахим подумал и объяснил собаке:

— Я свой, понимаешь, жених, почти что родственник. Приглашаю тебя на свадьбу. Печенкой угощу. Сейчас мы с приятелем станем веровать невесту, это обычай такой у нас в Казани, игра. Ты мне не мешай, договорились?

Пес вильнул хвостом, точнее обрубок хвоста, черт его знает, какие у него мысли в башке с обрезанными ушами? Если сейчас струсить, позвать на помощь, собака потом проходу не даст. Рахим повернулся к псу спиной и, не обо-

рачиваясь, направился к машине. Стукнул кулаком в кабину приятелю:

— Не спишь? Поехали!

Машины взревели, подняв пыль, с шумом подкатили к мостику. Рахим с Сергеем выскочили из кабин, во все горло заорали:

— Невесту воруем! Невесту воруем! — бросились на участок и начали продираться сквозь стадо. Поднялась суматоха, заблеяли козы, залаяли собаки. Отец с матерью, предупрежденные дочкой, растерянно улыбались. Парни ворвались в дом, вбежали в комнатку Ольги. Невеста стояла у окна, свет падал на нее сзади. Легкое платье просвечивало насквозь, словно его и не было.

Рахим вмиг ослаб. Обнял, провел рукой по высокой груди, с удовольствием ощущая, как рука его наполнилась приятной тяжестью, как налился силой и затвердел сосок на груди. Другой рукой провел по бедру, нащупал легонькие трусики на тонюсенькой резинке. Господи, как божественно приятно и податливо ее тело, надо немедленно сорвать с нее одежду, или можно упасть в обморок. Прижался губами к ее уху, прошептал просительно:

— Сейчас у меня на ширинке ни одной пуговицы не останется.

Ольга негромко рассмеялась:

— Милый, потерпи, не сейчас.

Сергея бесцеремонно толкнул приятеля в спину.

— Поплыл, жених? Еще не вечер, не суетись. Невесту воруем!

Рахим чуть слышно пробормотал:

— Невесту ьсруем, — закрыл глаза, чтобы собраться с силами.

Одно из правил такой игры — невеста должна быть «подъемной». Ольга же — девушка солидная. Тяжело крякнув, Рахим подхватил ее на руки.

— Бежим обратно, — с трудом прохрипел приятелю.

Собаки лаяли у крыльца, заливались.

— Фу, молчать! — прикрикнула на них Ольга. — Меня воруют, не мешайте.

Собаки, козы, люди — все перемешалось. Козел Борис не терпел неразберихи. Он сразу определил виновника суеты и принял боевую стойку, стал на дороге, угрожающе наклонив голову.

— Борька, дай пройти! — крикнула на него Ольга. Но козел Ольгу не признавал, лишь мотнул головой, отчего затряслась его борода и на солнце сверкнули тяжелые рога. Воровство невесты застопорилось.

Эх, как жаль, что не было рядом надежных, проверенных дружков-приятелей из Казани. Где же этот скользкий напарничек, не видит, что ли?

— Сергей, — простонал Рахим, — давай вперед! Не понял, что ли, военные действия начались.

Напарник выдвинулся в авангард. Козел понял, что его атакуют, вмиг поднялся на задние ноги и мощным ударом уложил шофера на пыльную дорожку. Ярости его не было предела. Он снова встал на дыбы, но противник лежал в пыли, закрыв глаза и не шевелясь. Лежачих Борька не бил, гордость не позволяла. Просто кольнул рогами, чтобы порядок не нарушался.

Ольга завизжала, отец ее закричал, замахал руками:

— Борька, гад, поди прочь!

От чистого и высокого, до низкого и смешного расстояние ничтожно. Стоять посреди блеющего стада с невестой на руках, орущей от страха, было смешно и недостойно настоящего мужчины. Рахим перешагнул через приятеля и двинулся к дороге.

Упрямый козел вновь поднялся на задние ноги, изготовил для удара страшные рога.

— Покалечит! — выставила вперед руки Ольга.

Рахим не мог защищаться, лишь тяжело крикнул:

— Беру огонь на себя, — и мужественно повернулся к командарму спиной.

Увидев тыловую часть противника, вожак стада оскорбился и в ярости ребристыми рогами ударил в верхнюю часть новеньких в мелкую полосочку брюх. Материя от мощного удара затрещала и лопнула. Рахим взвыл, пошатнулся, но устоял, и невесту не выронил.

За это время Сергей зашевелился в пыли и на четвереньках попер на козла, намереваясь познакомить разбушевавшегося хулигана с приемами классической борьбы в партере. Борька не знал, что ему пытаются пронести великолепный прием двойной Нельсон, хватание за шею ему не понравилось. Пока козел отскакивал и примеривался к Серегину лбу, Рахим проскользнул мимо и отнес невесту в кабину машины. Заорал на всю улицу:

— Невесту ворует!

С двумя яркими отметинами на лбу Сергей выбрался из козьего стада, стряхнул вцепившуюся в штанину Жучку и запрыгнул в машину. Волкодав Серый, которого держала за ошейник мать Ольги, вырвался, и все три собаки запрыгали перед «КамАЗами».

— Невесту веруем! — выкрикнул из окошечка кабины Рахим, взревели моторы, машины медленно проехали мимо козьего стада и выбрались на объездную дорогу, что шла вокруг Садов. Рахим дал газ, но по колдобинам не разгонишься. Невеста, хоть и держалась двумя руками, подлетела к потолку кабины:

— Ты хочешь, чтобы я голову разбила? Все равно от погони не оторваться, — она показала на волкодава, который мчался за машиной и изредка хрипло взлаивал.

На поляне возле дороги Рахим увидел Большой Камень.

— Останови, — попросила Ольга.

Рахим затормозил, и они подошли к гигантскому валуну.

— Самое памятное место в этих краях, — сказала Ольга, — Петр Первый собственноручно поставил мету на этот камень. Сюда приходят молодые лесники, когда вступают в должность — прикоснуться, почувствовать себя причастными к истории. Он по размеру такой же, как Гром-камень, на котором стоит памятник Петру в Петербурге. Рахим, давай обойдем его на счастье.

Они прикоснулись ладонями к теплomu, поросшему мхом камню, затем взяли за руки и обошли вокруг него. Его напарник Серега шел сзади, немножко радовался, а больше завидовал, что приятель отхватил в Петербурге невесту с такими пышными формами, предвкушал, как часа через два-три они лихо отметят кражу невесты, а синяке на лбу через недельку сойдут и забудутся.

Рахим повернулся к напарнику:

— Теперь бы в степь, прокатиться с ветерком...

— Ты на севере, откуда здесь степь? — улыбнулась Ольга. — Тут леса, озера, болота.

— Ну ладно, пора, поехали, — сказал Рахим.

Машины свернули на единственную здесь лесную дорогу, шли по твердому

грунту легко, весело. Но вдруг на очередном повороте словно раздался выстрел, и «КамАЗ» осел. Рахим тут же затормозил.

— Никак, колесе спустило?

Вышел, посмотрел, пнул покрышку ногой.

— Ну, так и есть. Кто то «ежа» подбросил. Придется колесо менять.

Подошел напарник. Посмотрел, почесал в затылке.

— Минут за двадцать управимся.

— Я вам здесь не нужна, как рабочая сила? — спросила Ольга. — Тогда погуляю по лесу, соловья послушаю. Вы меня позовете, хорошо?

— Далеко не ходи, мы быстро, — попросил раздосадованный нелепой остановкой жених. Сбросил куртку и вытащил из-за евденья комбинезон.

Заменяли колесо. Кричали минут пятнадцать, а Ольга так и не вернулась. Рахим встревожился:

— Куда же она делась? Не провалилась же в болото? Я пойду поищу, а ты, Серега, не отходи от машин. Сначала «еж» в колесе появился неизвестно откуда. Теперь Ольга, запропастилась. Не нравится мне это, — и ушел в лес, прихватив, на всякий случай, тяжелый гаечный ключ.

Через полчаса нашел ее. Выставив вперед руки, словно защищаясь, с неестественно подогнутыми ногами, его невеста лежала в высоком черничнике за старой елью с поросшими мхом нижними вежами. Немигающий взгляд был устремлен вверх, на проглядывавшее между кронами деревьев небо. Откуда-то прилетела муха и ползала по глазу.

Рахим стал на колени, послушать, дышит ли невеста. Дотронулся до руки, она была еще теплая. От прикосновения тело девушки шевельнулось, из уст послышался легкий вздох, словно душа отлетела на небо. Рахим заметил, что платье на ее спине, и земля под нею пропиталась кровью. Рахим поднялся в ужасе, попятился. Споткнулся о старый березовый пенек и выронил гаечный ключ. В замшелом пне торчал огромный гвоздь, парень таких в жизни не видел, а на гвозде листок в клеточку, наверное, записка.

Шофер выбежал на дорогу дрожащий, белый:

— Там... Там...

— Ольгу волки съели? — попытался пошутить приятель, но и его уже охватил страх.

Глава VIII

В субботу четырнадцатого мая в семнадцать пятьдесят пять, когда в нашем доме на проспекте Стачек, 126, раздался междугородный звонок, я находился на кухне и готовил ужин. Заниматься этим мне пришлось потому, что капитан Бондарь взял выходной и в пятницу вечером уехал на дачу — посмотреть, все ли там в порядке, полить огурцы и другую рассаду. Грай находился в кабинете и сам снял трубку. Двери были раскрыты, я замер, прислушиваясь к разговору.

Беседа оказалась недолгой, Грай отвечал односложно:

— Да... Да... Понятно, я ждал чего-нибудь похожего... Где лежит тело? Через три минуты мы выезжаем, через час с четвертью появимся у Большого Камня.

— Ты слышал? — спросил Грай, появившись на кухне. — Снова убийство с автографом.

— Как, опять этот безумец, фанатик НАГ? Опять в субботу? Когда уйма народу приезжает в Сады?

— Через три минуты мы выезжаем, поторопись, Виктор.

В трудные минуты Грай становился совершенно беспомощным, я это категорически утверждаю. Например, сейчас он готов был отправиться в дальнюю дорогу натошак и нисколько не позаботиться о запасе провизии, и всё лишь для того, чтобы засветло прибыть на место происшествия и досконально рассмотреть все мелочи. Спору нет, при свете солнца приятнее работать, но и о собственном желудке нельзя забывать. Грай ведь мог увлечься, пойти по горячему следу, и тогда вообще беда — он мог сутками не вспоминать о еде. Я считаю, у моего учителя и работодателя в этом вопросе принципиальная недоработка. Ведь гам, на месте действия, нам потребуются все силы, а удастся ли где перекусить, хоть бы и на ходу, неизвестно.

Пришлось мне всю основную работу сделать самому. Тесто, старательно подготовленное и отливающее желтизной, я перелил в трехлитровую стеклянную банку и поставил в дорожную сумку. Если не найдется сковороды, я сумею испечь лепешки и на углях. Туда же кинул головку сыра из холодильника, банку ветчины, масло, хлеб. Мгновение подумал и из чайника налил большой китайский термос. Дорожная сумка для шефа наполнена, теперь можно подумать о себе.

Прошел в кабинет, вынул из сейфа пистолет Макарова, загнал в него обойму, надел наплечную кобуру. Я-то уж в любой ситуации сумею о себе позаботиться.

Грай застегнул пуговицы плаща.

— Пока мы в графике. Машина не подведет?

Я тщательно запер входную дверь, погрузил дорожную сумку на заднее сиденье машины.

— Наша старушка «Нива» обещала не подкачать. Но кто знает, когда машина готовится к выходу на пенсию, у нее портится характер. Она может и не сдержать своего обещания.

— Если это случится, кое-кто съест свое тесто в сыром виде и закусит трехлитровой банкой, — мрачно предупредил Грай, и я понял, что он не шутит.

— Слышала? — грозно спросил я машину, — Если остановишься, залью вместо бензина тесто.

Со страху, вероятно, машина сразу завелась, мы вырулили на Ленинский проспект и рванули на восток, бросками от светофора до светофора.

В городе Грай старался не отвлекать меня, не мешал вести машину — я то и дело превышал скорость, и это могло окончиться неожиданной остановкой. Шеф сидел сосредоточенный и, видно, прокручивал полученную информацию. Когда выбрались за город, я взял скорость ровно сто километров и намеркнул:

— Кони сытые бьют копытами...

Грай полез в дорожную сумку, и мы перекусили бутербродами с сыром. Шеф рассказал, что в лесу, как ему сообщили, найдено тело девушки. Нашел жених, который отпустил ее в лес минут на двадцать, пока менял колесо машины. Девушка жила в Садах с родителями, недавно поступила работать на Синявинскую птицефабрику. Убийство произошло около трех часов назад.

— Но откуда известно, что это тот же самый убийца?

— Он опять оставил гигантский гвоздь и записку в стихах с подписью «ВАГ».

— Вот нелюдь! Это же маньяк!

— Возможно...

В девятнадцать двадцать, опоздав всего на пять минуц мы были уже у Большою Камня. Нас встретил Антон Григорьев, сержант уже начал нервничать, быстро сел в машину.

— Поворачивайте сюда, на лесную дорогу. побыстрее, в лесу уже сумерки.

Солнце уже шло к закату, но свету было еще достаточно, ведь начинались белые ночи. На лесной дороге мы увидели две большие машины «КамАЗы»-фургоны, двух растерянных водителей и постового, охранявшего их. На обочине стояла милицейская машина из Кировска, наверное, приехала дежурная бригада уголовного розыска. Тут же наготове стояла «скорая помощь».

Сержант провел нас в лес и там, в высоком черничнике, мы увидели девушку в голубом. Шестиглазов в раздумье смотрел на нее и блокнотом тер кончик носа.

Поздоровавшись, Грай спросил:

— Как ее убили?

— Кто-то сзади, под левую лопатку ударил заостренной деревянной палкой. Но это самодельное оружие правильнее будет назвать рогатиной или даже тяжелым охотничьим копьем. Удар оказался настолько сильным, что она сразу умерла, не успев даже вскрикнуть. Жених с приятелем были неподалеку на дороге, но ни шума борьбы, ни крика не слышали.

— Как же он сумел подкрасться?

— Ольга, как мы узнали, много лет пасла коз, лес хорошо знала и никого в нем не боялась.

— Но вряд ли она позволила бы незнакомому человеку да с эдакой рогатиной в руках подойти так близко сзади.

— По следам мы ничего не смогли определить!.. Лес истоптан, тут год за годом ходят толпы грибников к ягодников. Может быть, кто-то прятался за елкой, а когда девушка подошла, неожиданно ударил.

— Но ведь можно допустить и такую ситуацию — сна видела его, да не испугалась. То есть убийца не вызывал подозрения и не казался опасен. Бродит чужак по лесу, собирает сушняк для печки, таких в лесу много, чего их боять-

ся?

Грай внимательно осмотрел тело девушки. Палка с окровавленным концом, похожая на рогатину и на копье, лежала тут же. Это был ствол молодой березки, сырой и тяжелый. В сильных руках березка превратилась в страшное оружие.

Детектив осмотрел руки девушки, ладонки, каждый ноготь.

— Она не дралась, руки чистые, платье не порвано. Убийца ударил ее рогатиной метров с трех, ударил сильно, неожиданно, ишь, как спину разворотил, и тут же скрылся.

Шестиглазов присел на корточки рядом.

— Мы отработывали еще одну версию — он мог прятаться в кузове и приехать вместе с ними. Но шофера затоптали следы, ничего понять не удалось.

— Собаку приводили? — спросил Грай.

— Приводили, нашу гордость, красавицу Изольду. Она понюхала рогатину, взяла след и довела до автобусной остановлен. След оборвался. На остановке никто так долго не стоит, поэтому мы не имеем свидетелей, расспрашивать некого. Убийца мог проехать несколько остановок и выйти, мог уехать в Петербург, а мог укатить еще дальше по Мурманскому шоссе.

— Может, грабеж? — поинтересовался Грай.

— Не похоже, чтобы тело трогали. У нее в кармашке кошелек с деньгами, значительная сумма. Не снято колечко золотое с пальца и сережки в ушах целы. Жених говорит, ничего не тронут.

Грай достал из кармана складной ножичек, отковырнул кусочек бересты с рогатины:

— Похоже, березка срезана сегодня. Несколько часов назад.

— Ия так думаю, — согласился Шестиглазов. Горестно покачал головой. — В лесу девушку, невесту убили. Кто? За что? Немопьвированное убийство? Второе подряд?! Такое впервые в моей практике. Кстати, Грай, вам снова послание.

Мы отошли в сторонку. Санитары положили тело девушки на носилки и унесли в машину.

Осторожно, держа за уголки, Грай развернул листок. Как и предыдущее, письмо было написано на листке, вырванном из школьной тетради. Печатные буквы четко выведены синей шариковой ручкой. Я подошел ближе и стал смотреть через плечо Грая. Шестиглазов нахмурился, но ничего не сказал.

*«Знаменитый сыщик Грай,
Хоть весь лес перекопай,
Только трупа нет, как нет —
Так прими же мой совет:
Попробуй решить загадку попроще —
Копай каждый день
то в лесочке, то в роще.
НАГ»*

— Новый автограф, — пробормотал Грай.

— Второе убийство и второе письмо вам, Грай. Что бы вы ни говорили, это подозрительно.

К этому времени я уже кое-что знал об инспекторе Шестиглазове. Он родился в Кировске, знал здесь все и вся и очень гордился, что за время его служ-

бы в их районе не было ни одного нераскрытого убийства. Эти же два загадочных дела вывели его из равновесия. И хотя по натуре он был спокойный, уравновешенный, но теперь стал нервным и заводился даже из-за мелочей.

— Так почему же убийца вам постоянно пишет, да еще в стихах? — настойчиво повторил инспектор свой вопрос, и в голосе его чувствовалось раздражение.

— Увы, пока не могу ответить вам, и сам же понижаю. Потом, может быть, разберусь. Вы разрешите мне взять с собой письмо?

— Ни в коем случае, — Шестиглазов отобрал листок и спрятал в полиэтиленовый пакетик. — Мы его на экспертизу отправим. Поищем пальчики. И гвоздь тоже на экспертизу.

Мы отправились из леса к машинам.

Покойную увезли в морг Кировска. Дежурная бригада тоже уехала, остались Шестиглазов с сержантом Григорьевым. Инспектор сел в кабину «КамАЗа» вместе с женихом, возглавил колонну, и машины двинулись к правлению садоводства.

Там нас встретила бухгалтер Рублева. Стояла у ворот плотная, кряжистая, уверенная. Я подумал, что такая, уж точно, не только коня, «КамАЗ» на ходу остановит. Ее мясистое, щекастое лицо ничего не выражало, глаза, узенькие щелочки, внимательно ощупывали нас.

— Дерьмовая у вас работа, господа сыщики, — посочувствовала Рублева. — Постоянно имеете дело с грязью и кровью.

Шестиглазов подозрительно посмотрел на нее. И, вероятно, уже не имея сил деликатничать, грубовато спросил:

— Разумеется, бухгалтер — цвет и гордость нашего чиновничества. Но скажите, кристально чистая дама, как вы сегодня провели время после часа дня?

Женщина ничуть не смутилась.

— До половины первого занималась в огороде, а потом ходила по участкам, до пяти часов разбиралась с должниками.

— Значит могло у вас оказаться сорок минут неучтенного времени?

— Это смотря как считать, — не согласилась она. — Если по-вашему, то могло. Если по-моему, то нет. Хотите получить график моих передвижений?

— С вами потом, — махнул рукой Шестиглазов, — вы никуда от нас не денетесь.

Мы снова заняли маленькую комнатку, предоставленную правлением садоводства для милиции. Второго водителя Сергея Бронина оставили на улице, а Шестиглазов сразу начал допрос Рахима Маматкулова.

Лицо шофера покрылось краской:

— Я не убивал, не убивал, — повторял он. — Мой напарник свидетель — мы не отходили от машины.

— В лес искать Ольгу вы вместе пошли?

— В лес я один пошел, — еще больше краснел парень. — Нельзя машины на лесной дороге без присмотра оставлять. Нехороший человек пойдет, может угнать «КамАЗ», на чем тогда работать станешь?.. Не убивал я Ольгу. Зачем убивать невесту? Мы договорились с ней — завтра здесь свадьба, я налил матери, через три дня хотели поехать в Казань.

Грай подал мне знак, и мы вышли на улицу.

— Я узнал, родители Ольги живут на двенадцатой линии. Поедем к ним. Ес-

ли Шестиглазов узнает от Рахима что-то важное, он расскажет нам. Коль скоро мы хотим раскрыть это дело, то следует двигаться энергично, на один шаг впереди следствия. С родителями Ольги нужно поговорить первыми, пока следователь не замучил их своими вопросами. Поэтому поспешим.

Мы сели в машину и выехали на дорогу. По самодельным табличкам на столбах отыскивали двенадцатую линию и быстро нашли дом Ольгиных родителей.

Около мостика через канаву нас встретила громким лаем черная лохматая собачка, из-под дома вылез пес побольше и тоже залаял. Около крыльца сидел на цепи огромный волкодав. Он посмотрел недобрый взглядом и два раза гавкнул, будто из пушки выстрелил. Собаки, заливаясь лаем, отступили к волкодаву. Приблизиться к нему не хотелось, и я постучал в окно. В длинном сарае блеяли и шумно возились козы.

Старик Ангелов, заплаканный, убитый горем, мутным взглядом посмотрел на нас и провел в дом, посадив пса на короткую цепь. Он никак не мог взять в толк, кто к нему пришел и зачем. Мы прошли одну большую комнату, несколько напоминающую хлев, с остатками прошлогоднего сена в углу. Около комнатки в торце дома, у раскрытой двери старик остановился. Там на кровати свдела старуха, прижав к себе, словно ребенка, розовое платице с кружевными манжетами, смотрела на прислоненную к подушке фотографию улыбающейся девушки и причитала сквозь слезы:

— На кого же ты оставила нас, стариков, доченька? Ведь мы теперь одни на белом свете. И для чего нам жить?.. Уж мы растили тебя, кормили-поили, ничего не жалели. И выросла ты, красавица улыбчивая, на радость нам. И быстрая, и ловкая, и работающая. И старковали мы за тобой, как за каменной стеной... Но пожить ты не успела, не сумела подарить нам внука. Уж как мы внука хотели заиметь, понанчить, порадоваться малышу. Ведь для тебя и для внуков жили мы, сил не жалели, работали... Кто же напал на тебя, Олфигка, в темном лесу, кто беззащитную ударил в спину?..

Мать плакала и пела одновременно. Отец, Петр Тимофеевич, тер глаза, да и у меня от этого пенил, от горя материнского слезы начали наворачиваться. У Грая глаза были сухие, но блестели ярче обычного. Шеф тронул хозяина за плечо, и тот проводил нас в следующую комнату... Закрыл дверь. Но и сюда долетал плач убитой горем матери, резал душу. Грай скова представился и сказал:

— Мы расследуем убийство председателя садоводства Попова. Думаем, тот же человек напал и на вашу дочь. Мы хотим найти убийцу и наказать. Для этого нам нужно знать о вашей дочери как можно больше, расскажите нам о ней.

— Что говорить об Ольге? — всхлипнул старик. — Дочь, как дочь. Не хуже и не лучше других. Помогала нам во всем, старалась. Только с замужеством ей не везло.

— А что так, женихов не было?

— И женихи, вроде, были. Год назад стал ухаживать за ней капитан рыболовецкого сейнера из поселка Назия Кирилл Феокистов, поселок на берегу Ладоги, километров пять отсюда. Он зарабатывает неплохо, свой дом, хозяйство, и к Ольге с полным уважением.

— Неплохой жених, и почему же вы дочку за него не отдали?

— Пьют эти рыбаки много, и Кирилл трезвым не бывает. С утра прежде всего стакан водки, чтобы в голове загудело, часа через три еще стакан, и так весь день. Как только они при такой заправке умудряются в Ладогу ходить и не тонут?.. И еще — ревнивый страшно Кирилл, сразу предупредил Ольгу: если с другим тебя увижу — не жить вам обоим.

Старик вытер глаза рукавом, откашлялся.

— И Ольга решила дать Кириллу от ворот поворот. Рыбак озлобился, пришел сюда с пьяными дружками, пугал, мол, в покое не оставлю. Ну а тут татарин этот появился, жених — хуже некуда. Приезжает из Казани, подарки мне привозит. А на эти подарки — тьфу, что с них толку. Он увезет дочку, и останемся мы одни со старухой. Нам уж теперь одним с козами не управиться, помощник нужен.

— Как вы думаете, мог Кирилл дочку вашу подкараулить и отомстить?

— А что, он парень жесткий, злой, а как выпьет лишнего, так и себя не помнит. Он мог пойти на такое, ведь грозил При людям.

— Скажите, а с председателем товарищества садоводов Поповым Кирилл знаком?

— Врать не стану, чего не знаю, того не знаю. Вместе их видеть не доводилось. Если интересуетесь, поезжайте и спросите его самого.

Из соседней комнаты все еще доносились слова песни плача, мать выплакивала свое горе.

Тимофеевич проводил нас, подержал волкодава. Вышел на дорогу и палочкой нарисовал на песке Назию, объяснил, как найти дом Кирилла.

Солнце склонялось к закату. Горизонт начал краснеть, предвещая непогоду. Легкий ветерок с Ладоги становился резким, порывистым.

Мы сели в машину и Грай приказал:

— Жми, Виктор, пока Шестиглазов не опередил нас и не запрятал молодца, тогда мы не сможем до него добраться, или же он, издерганный милицией, вообще не захочет с нами говорить.

Через восемь минут мы выехали к старому Ладожскому каналу. Вдоль него по насыпи тянулось покрытое булыжником шоссе. Внизу вдоль длинной ленты воды тянулся земляной уступ, такой же длинный и ровный.

— Теперь-то уступчик зарос кустами и травой, а раньше... Догадываешься, зачем он сделан?

Не отрывая рук от руля, я пожал плечами.

— Похоже на дорогу.

— Догадался. Кони там ходили и тянули бечевой суда. В один ряд легко тройка коней шла. Боялись купцы через Ладогу ходить — не щадит она ни малые, ни большие корабли...

Уютный поселок Назия вольно раскинулся на зеленых берегах старого Ладожского канала в том месте, где его пересекала шустрая речка Назия. Дом Феоктистова мы нашли сразу, но там Кирилла не оказалось. Мальчишка, проезжавший мимо на велосипеде, остановился и пояснил:

— Штормовое предупреждение только что пришло. Рыбаки заторопились в море сети снимать, а то растреплет их, унесет, потопит, потом не найдешь.

При впадении речки в озеро бухта, на ее высоком берегу мы нашли большой бревенчатый сарай — склад рыбацкий. Ниже прижалась к берегу деревянная пристань и стояли два сейнера. Кладовщица вышла наружу и показа-

ла рукой:

— Вон, Кирилл идет со своей командой.

По тропочке вдоль берега быстро шел высокий костлявый мужчина, движения у него были несколько неровные, что показывало — он слегка под газом. На голове он гордо нес черную фуражку с «крабом», ноги обуты в крепкие кожаные сапоги. Его лицо не поддавалось описанию, просто наглая, коварная рожа. Недалеко ст капитана ушла и команда — те же расхлябанные движения и сапоги, только ростом пониже да фуражек не было.

Спустившись с пригорка, моряки запрыгнули на борт сейнера и, удивительное дело, от показной их расхлябанности не осталось ни следа — движения стали быстрые, уверенные, четкие.

Мы тоже спустились с пригорка на пристань, и Грай окликнул капитана:

— Кирилл, вы знаете, что случилось с Ольгой?

Морж вздрогнул, резко обернулся:

— Знаю, а вам что за дело?

— Я частный детектив Грай, ищу убийцу и хотел бы поговорить с вами об этом.

Рыбак смотрел на нас пристально, изучающе, зло. Затем губы его тронула язвительная усмешка.

— Придется вам посидеть на бережку, на травке, подождать, пока вернусь.

— А если мы с вами?

— По радио передали штормовое предупреждение. Мы идем на риск, можно запросто нахлебаться ладожской водички. Может ветром унести к северному берегу в шхеры и посадить на камни. Так что вам со своим Уголовным кодексом лучше повременить на лавсчке.

Не раздумывая, Грай перелез через фальшборт. Я не отношу себя к числу водоплавающих, поэтому, признаюсь честно, мне вовсе не хотелось идти в штормовой рейс. Но тут же на душе зацарапали кошки: вдруг Грай возьмет Феоктистова за горло, тот поймет, что отступать некуда, да и выкинет моего работодателя за борт. Мол, смыло штормовой волной неопытного сухопутного человека, и доказывай потом, что ты не верблюд. Незаметно для окружающих, я трижды перекрестил свой живот и, переложив та ким образом ответственность за собственную жизнь на Бога, последовал за шефом.

В маленькой рубке едва хватило места двоим — капитану и Граю, я же остался на палубе около открытой двери.

Быстро отдали швартовы, внизу застучал двигатель, задрожала под ногами палуба. Широко расставив для устойчивости ноги, капитан лихо крутил штурвал, сейнер круто развернулся и попер против волны, выскочил из бухточки. Когда вышли на открытую воду, я увидел, что горизонт исчез, небо слилось с водой, нас словно заглатывает гигантская Рыба-Кит, и мы добровольно, как за гипнотизированные, идем в глубину ее темного зева. Волны подымались не так уж и велики, но были страшно злы, так и норовили захлестнуть палубу, белая пена срывалась с гребней и неслась над водой, лизала борта сейнера.

— Очень низкая палуба, — вырвалось у меня.

Капитан рассмеялся:

— Чем ниже палуба, тем длиннее руль.

Не думаю, чтобы капитан это сделал специально, но сейнер вдруг ухнул вниз с большой волны, и меня с ног до головы окатило водой. Я не знал, что

делать? Тогда он достал из рундука в рубке огромные, на лямках, красные штаны из прорезиненной ткачи и куртку с капюшоном.

— Возьми, одень мой рокон. Если не боишься, помоги ребятам, — поясни: — Ветер разгуливается, не выстоять сейнеру, унесет куда или потопит. Больно уж волна у Ладоги короткая, жесткая — судно не успевает выпрямиться, следующая волна бьет в борт и переворачивает. Много кораблей из-за этого на дно пошло. Пока ветер не разгулялся, надо спешить, спасти сети.

Матросы подцепили крайний поплавок багром, вытащили угол сети на палубу и стали лебедкой выбирать, вытягивать из роды, сваливая на палубу вместе с рыбой.

Солнце утонуло в адом закате, стало темно. Над рубкой капитан включил прожектор, осветил палубу. Я спустился Бниз, в крошечный кубрик, переоделся. По крутому трапу с трудом поднялся наверх на палубу, под вой и свист ветра. Стал помогать матросам, с ними тянул сеть, укладывал живую рыбу в ящики. Особенно сильно трепыхались большие рыбины, бились, старались выпрыгнуть на палубу и уйти в воду. Несколько самых крупных пришлось оглушить деревянным молотком. Капитан правильно сделал, что отправил меня работать. Если заняг делом, меньше чувствуешь качку, легче переносить подступающую морскую болезнь.

Я не нахожу этому объяснения, но Грай качку выдержал. Меня же укачало, я трижды склонялся за борт, прощаясь с сытным обедом из бутербродов с сыром. Но рыбаки делали вид, слоено ничего не замечают. Когда-то у них тоже был в жизни первый шторм, и воспоминание об этом удерживает от шуток и подкалываний. Да и не в обычае рыбаков смеяться над новичком, если они видят, что тот работает старательно.

На приличном расстоянии от нас качались и плясали на воде еще два сейнера. Иногда казалась, что они вообще исчезали под водой, с трудом выкарабкивались на волну и снова с нее летели вниз. Но вот они разом повернули к берегу. Кирилл высунулся из рубки:

— Последняя сеть, ребята и — домой.

Ветер в снастях уже завывал, волны одна за другой обдавали нас пеной и брызгами. Рокон выдерживал натиск воды, но ботинки мои размокли и не принимали больше воды, чавкали при каждом шаге.

Вот выбрана последняя сеть, сейнер развернулся и, подгоняемый ватной, которая теперь хлестала в корму, резво понесся к невидимому берегу, означенному несколькими огоньками на горизонте.

Б рубке было темно, лишь маленькая лампочка освещала компас. Прожектор светил вперед, волны, разбившись о железо, взлетали вверх и вспыхивали множеством искр. Откуда-то снизу, из темноты, Кирилл достал бутылку, протянул мне:

— Прими лекарство, а то до берега не доживешь, замерзнешь.

Я без всякого удовольствия сделал несколько больших глотков, в желудке сразу же включилась и заработала небольшая обогревательная батарея. Сам капитан пить не стал и повернул голову к Граю:

— Ну, детектив, спрашивай меня, пока есть еще время, как я ухаживал за Ольгой, как она мне отказала, как ходил к ней с друзьями, грозил убрать со света любого, кто к ней подойдет.

— И ей грозил?

— А как же? Предупреждал, не отрицаю. Моряку надежная жена нужна, чтобы никто не проверял резинку ее трусиков, рока я здесь уродуюсь.

— Оставим эмоции, перейдем к фактам. Где вы были сегодня до семнадцати часов?

— Поганый вопрос. Поганый. Но врать не стану, в лесу я был. Знал, что она сегодня с татаринном уехать должна. Хотел пойти, остановить, да постеснялся. Так по лесу и бродил, никого видеть не хотел.

— Знакомых в лесу не встретили?

— Встретил лося знакомого, да и тог не признал меня.

— Скажите честно, вы убили Ольгу? Ведь все сходится на вас.

— Понимаешь, детектив, мне защищаться сложно. Я не убивал, а доказать не смогу. Бродил я около тех мест, бродил в лесу, но выйти к ее дому так и не решился. Деревенские мужики, они только кажутся наглыми, а на самом деле они застенчивые. Дали тебе от ворот поворот, так чего уж там, сиди в своей берлоге, грызи локоть. А татарву эту я, точно, хотел по затылку угостить «и башку с поганых плеч у татарина отсечь», да ребята отговорили.

— Вы с председателем Поповым были знакомы?

— Кто ж его не знает? Он человек заметный.

— Вам приходилось встречаться, иметь с ним дело?

— Рядом с Поповым живет дед Вася. Перекупщик. Наши ребята ему «левую» рыбу отправляют, а он уже ее садоводам продает. Так вот у этого деда Васи несколько раз я и встречался с Поповым — он большой любитель свежего судака, запеченного в тесте, огромного, чтобы сразу на целый противень. Попов мне индивидуальный заказ дал, а я его выполнил, поймал судака на четыре килограмма.

— Капитан, трудные вопросы вас ждут на берегу, — посочувствовал Грай. — Уголовный розыск, может, уже к пристани подкатил, сидит там инспектор Шестиглазов, почесывает нос блокнотиком, а позади него сержант Григорьев позванивает браслетами.

Кирилл быстро понял:

— Думаете, оба убийства на меня захотят повесить?

Грай промолчал, а рыбак явно занервничал:

— Может, мне лучше развернуть сейнер и к другому берегу Ладоги податься? А там ищи-свищи! Бы лучше меня знаете уголовный розыск, как посоветуете?

— Объявят всероссийский розыск. Скажут: сбежал, значит точно — виновен. Убегать честному человеку бесполезно. Это профессионального убийцу трудно разыскать, он со своей жертвой ничем не связан. А у вас здесь дом, хозяйство, родители. Рано или поздно вы обязательно вернетесь. Тут вас сразу и арестуют, даже в баньке помыться не успеете.

Когда подходили к берегу, судовой прожектор выхватил из темноты милицескую машину, людей в форме, стоявших около нее.

— Защити меня, Господи, — прошептал Кирилл задрожавшим голосом.

Ловко пришвартовал сейнер, дал короткие указания, как распорядиться сетями да рыбой, спрыгнул на берег. Его встретил инспектор Шестиглазов:

— Кирилл Феоктистов, вы задержаны по подозрению в убийстве Ольги Ангеловой. Не хотите ли что-нибудь сказать?

— А что мне говорить? Вы все равно не поверите.

— Тогда садитесь в машину. После свежего ветра Ладоги неплохо будет познакомиться с ароматом тюремной параши. Некоторых это быстро вразумляет.

Шестиглазов был зол от усталости и сердито зарычал на Грая:

— Ну, зачем вы пошли в Ладогу? Зачем? Случись что, кормили бы рыб, а я разбирай ваши убийства с автографом... — в сердцах махнул рукой, сел в машину и увез рыбака.

Глава IX

Через день, в понедельник, в десять часов утра в Кировске у начальника отдела уголовного розыска Степана Куликова, это на его «земле» совершены оба преступления, проходила оперативка, на которую пригласили нас с Граем.

Куликов представил капитана Томишина, оперативника, прибывшего из Петербурга, из Главного управления, стройного и строгого, черноволосого, с многозначительным взглядом. Он вежливо улыбался, одними губами, предупредил:

— Я не инспектировать приехал, а узнать, какие шаги предприняты на сегодняшний день, какие версии разрабатываются, что получается, а что нет, нужна ли какая помощь.

— Начните вы, Шестиглазов, — приказал Куликов.

Шестиглазов покашлял в кулак, полистал блокнот, словно хотел найти там ответ на волнующий всех вопрос, и отодвинул от себя бумаги.

— Такого на моей памяти в Кировском районе не было. Все убийства мы раскрывали — неделя, максимум две, и новый наш друг начинал обживать Кировский ДПЗ. А эти два дела никак не идут. Я убежден — мы столкнулись с маньяком-убийцей. В общем, мы стараемся взять ситуацию под контроль. Наша цель — предвидеть развитие событий и не допустить следующее возможное убийство.

— Вы ждете еще одно убийство?! — удивленно и негодуя воскликнул Томишин. — Мало вам двух? Попрошу вас доложить, что сделано, чтобы выявить преступника?

Видно было, что Куликов, как и его подчиненные, отработал оба выходных и сильно устал, голос его звучал несколько монотонно.

— Весь личный состав поднят на ноги. Люди дежурят в Садах по двенадцать часов без выходных. На помощь им послана группа спецназа, в местах происшедших трагедий и соседних кварталах идет круглосуточное патрулирование. Опрошены все бомжи, подозрительные лица задержаны и удалены из Садов. При въезде с шоссе садоводы оборудовали шлагбаумы и поставили своих дежурных. По дороге в Сады теперь можно попасть только, имея на руках членскую книжку садовода. Активизированы действия ответственных по улицам, им дано указание фиксировать появление неизвестных машин и номера сообщать нам для проверки в ГАИ. В первом деле по подозрению в убийстве своего отца, председателя садоводства Попова, задержан его сын Слег. Но так как в его отсутствие совершено второе убийство с автографом, так мы называем эти дела, он оказывается невиновным. По второму делу нами взят под стражу рыбак из деревни Назия Кирилл Феоктистов, который практически мог совершить эти два убийства.

— Что мы имеем? Конкретно, какие факты? — перебил его Томишин.

— Листки для писем вырваны из одной и той же тетради. Экспертиза показала — писал стихи один и тот же человек. Письма написаны одной шариковой ручкой на деревянном столе, покрытом газетой. Огромные, похожие на штык, гвозди выпущены двадцать лет назад в одной партии и скорее всего хранились вместе в картонной коробке. Отпечатков пальцев на письмах и гвоздях нет.

— Что показал на допросе жених? Этот Рахим Маматкулов из-под Казани, не мог ли он оказаться таким приткким?

— У него реакция бурная, ведет себя как обезумевший от горя человек, несет несурязицу, отвечает невпопад.

— Может, он большой хитрец и водит вас за нос?

— Теоретически он мог совершить оба преступления, в день пропажи Попова он присутствовал в Садах и алиби не имеет. Но у него нет мотива преступления.

Томишин вальяжен, голос его раскатист, видно, что оперативник из управления большого о себе мнения. Сидя за своим столом, инспектор Шестиглазов нервничает, но держится независимо.

— Что дает проработка второй версии — капитана рыболовецкого сейнера Кирилла Феоктистова? — спрашивает Томишин.

Шестиглазов крутит в руках блокнотик и неторопливо отвечает:

— Кирилл Феоктистов считал Ольгу Ангелову своей невестой. Сначала Ольга давала ему авансы, потом решила отыграть назад, когда познакомилась с Рахимом. Кирилл чувствовал себя жестоко оскорбленным и клялся отомстить.

Во время преступления он находился поблизости, в лесу. У него нет алиби и по делу Попова. Они, вроде, прежде были знакомы, встречались несколько раз, капитан выполнял личные заказы Попова на поставку рыбы. По этому поводу у них могли возникнуть финансовые разногласия.

— Что скажет врач-психолог? — спросил Томишин.

Пожилый с седыми висками врач говорил непререкаемо:

— Я уверен — действует маньяк. Если говорить просто, без медицинских терминов, никакой мотивировки у маньяка быть не может. Он что-то ввел, это его взбудоражило, побудило к действию, и у него появилась дикая активность. Он выбирает первого попавшегося человека и убивает. Мотивов, понятных нам, у него может не быть.

— Кто этот человек? Обрисуйте нам его хотя бы примерно. Попробуйте, для примера, вспомнить подобную ситуацию, — попросил Куликов.

— Кто угодно может оказаться человеком, которого мы ищем. Вспомните Чикатило, — оживился доктор. — Он высматривал свою жертву. Спокойно, тихо, деликатно с ней говорил, и у людей не появлялось сомнений, что он может быть иным, жертвы полагали, что он очень добрый, шли с ним. А в портфеле Чикатило уже лежали презервативы, вазелин, бечевка. И уже потом он становился иным — насиловал, убивал и даже, иногда, поедал тут же свою жертву.

— Кого же нам искать? — настаивал Куликов.

— Трудно сказать. Встретив маньяка в обычной ситуации, мы его не узнаем.

— Теперь предлагаю послушать нашего гостя, — повернулся к нам Куликов, — частного детектива Ярослава Грая, который пришел со своим помощником Виктором Крыловым. Вообще, здесь все люди с погонями, и частных

сыщиков мы никогда не приглашали на наши совещания и оперативки. Но тут сделали исключение. Ведь Грай тоже прежде служил в милиции, наш человек, да и письма в стихах ему адресованы. Нам очень хотелось бы узнать, Грай, кто этот ваш корреспондент, зловецкий НАГ?

Грай взглянул в лицо Куликову и легко начал разговор.

— Можно расшифровать подпись, например, как Никитин Анатолий Григорьевич и попытаться найти такого человека в Садах. Но вариантов имен получится великое множество, и, в принципе, эта работа трудновыполнима и не нужна.

— Не скрывайте, Грай, у вас наготове другая версия, — заметил Томишин.

— Есть другая версия, я полагаю, что НАГ — это имя из сказки Ридьярда Киплинга «Рикки-Тикки-Тави». Если помните, это имя двухметровой змеи, очковой кобры, главы семьи. Наг поставил себе цель — убить всех людей в доме, чтобы они не ходили в сад и чтобы весь сад принадлежал ему одному.

— Вы нам сказки не рассказывайте, — рассмеялся Томишин. — Эдак мы заберемся прямиком в джунгли и оттуда уже никогда не выберемся.

Но Грая неожиданно поддержал доктор.

— Для сумасшедшего сказка может быть реальной жизни. Прочитал книжку или прослушал пластинку, выбрал себе подходящую рель и начал действовать.

— В таком случае роль Рикки-Тикки-Тави вы берете себе, Грай? — захохотал Томишин. — Ведь сказка кончается, насколько я помню, тем, что мангуст вцепляется в горло змее я душит ее?

— Ни в коем случае, — отмахнулся от него мой шеф. — На роль победителя в рукопашной схватке претендует мой помощник, чемпион по боксу Виктор Крылов.

Все дружно повернули головы ко мне. Я с достоинством выдержал разглядывание моих скул, грудной клетки и производящих должное впечатление кулаков. Язык так и чесался вставить в разговор несколько крылатых фраз. Но вовремя я вспомнил, что слово — серебро, а молчание — золото. Хвастанешь тут, а маньяка схватит Шестиглазов, вот и получится, что Виктор Крылов хвастливый болтун. Нет уж, сначала дело, потом слово. Только так можно добиться у Грая повышения жалования. Об этом нельзя забывать никогда.

— Пока действие идет не так, как в сказке, — продолжал Грай. — НАГ убивает людей и остается недосыгаем для нас.

— Ждете ли вы следующее письмо? — спросил устало Куликов. — И если ждете, то когда?

— Хотелось бы вас порадовать, но приходится огорчить. Жду следующее письмо и не позже, чем в будущую субботу.

Начальник уголовного розыска схватился за голову и простонал:

— В мае окончились занятия в школах. Люди берут детей и спешат в Сады — каникулы! В субботу к нам мчатся вереницы автобусов — все сажают огороды, поливают, удобряют...

Голос Томишина зазвучал резко и грубо:

— Это ваша «земля», Куликов. Лично вы несете персональную ответственность за все, что здесь происходит!

— Грай, как вы думаете, кто может оказаться следующей жертвой в Садах? Что вы думаете по этому поводу? — измученным голосом спросил Куликов.

— Несколько лет назад я расследовал дело о таинственном исчезновении директора продуктового магазина в Тосно, — начал рассказывать Грай. — И по ходу расследования мне пришлось посетить нашу Межобластную больницу, где производилась психиатрическая экспертиза преступников, где, как вы знаете, психически неполноценные преступники проходят курс лечения, чтобы предстать перед судом. И там я встретил Криницына, помните, который запугивал Раймонда Паулса?

— Кое-что помним, расскажите поподробнее, если это к делу относится, — попросил Куликов.

— Думаю, относится. Криницын, отец двоих детей, прекрасный семьянин, инженер по профессии, однажды сидел у своего приятеля, который жил напротив дома Паулса. Приятель выглянул в окно и сказал: «Вот приехал самый богатый человек Латвии». Криницын выглянул в окно посмотреть, кто это? Увидел Паулса, и в тот же момент у него в голове мелькнула мысль: самый богатый человек — его сосед. Тут же он разработал план, как «пощипать» соседа. Прикинул — ему нужна дача, машина и еще кое-что, высчитал точно, ему необходима сумма в семнадцать с половиной тысяч долларов. Квартира у него уже была. Основательно подготовился Криницын к выполнению своего плана. Выехал за город, вдет по лесной дороге. Там редко, но все же ездят машины. Слышит — вдет легковушка, он в ужасе бежит ей навстречу, машет руками, показывает в лес. Машина остановилась, Криницын с дрожью в голосе кричит: «Там лесник, его деревом придавило. Мне одному никак не поднять. Надо идти скорее, а то не спасем человека!» И так он все реально описывал, такой ужас был на его лице, что водитель машины поверил и побежал за ним по тропе. Криницын пропустил несчастную жертву вперед и выстрелил в спину. Был у него всего-навсего самопал, но стрелял здорово. Убитого погрузил в его собственную машину, отвез к дому Паулса и оставил перед дверью. И так ловко умудрился все проделать, что его никто не увидел. Так он совершил семь убийств и машины с трупами оставлял у дома Паулса. В городе паника. Силловые органы работают сутками, сам министр не спит, руководит оперативной работой, думает — банда в городе объявилась. Принта грибная пэра. Последнюю машину, если не ошибаюсь, он выследил в лесу. Мать с отцом пошли за грибами, а сын в машине спал. Криницын через окошко застрелил мальчика. Опять привез к дому Паулса и позвонил ему: «Давай семнадцать с половиной тысяч». Тот отвечает: «Если ты бальной, то лечись». — «Ну, а как машины с трупами? Еще хочешь?» Паулс тут же сдался. Но попросил сделать отсрочку. «Я сразу таких денег не наберу, у меня найдется треть, тысяч пять». — «Ладно, деньги положи в дипломат, отнеси в соседний сквер, оставишь под второй скамейкой. И сразу уходи, не оглядывайся, а то следующий труп будет твой. И не вздумай в милицию звонить». Паулс хоть и был основательно запуган, в милицию позвонил. Там быстро сориентировались. Паулс принес дипломат в сквер, положил под вторую скамейку и быстро-быстро, не оглядываясь, ушел. Следом появился Криницын, сел на эту скамейку, достал дипломат. И что, вы думаете, стал делать? Начал взламывать замки. Ключа нет, он замки сбил камнем и открыл дипломат. Оттуда фонтаном вырывается несмываемая краска и обливает его всего. Тут же с деревьев прыгают оперативники, и не успел новоявленный богачей глазом моргнуть, как его схватили. Позвонили министру. Тот закричал в трубку: «Везите ко мне». — «Да он

мокрый, в краске». — «Как есть, так и везите. Я из-за него какую ночь не сплю». И вопрос, как психиатры установили, что Криницын бальной? Сумму определил — семнадцать с половиной тысяч. Нормальный человек округлил бы. И сумма смехотворная, не стоила таких жертв, достаточно было избить кого-нибудь и позвонить Паулсу — мол, следующий будешь ты, результат оказался бы тот же. Цель не оправдывала средства. И еще — в сквере сел на скамейку, где положен дипломат, не догадался поднять голову и посмотреть наверх, где на каждом дереве сидел оперативник.

Грайд оглядел всех присутствующих и задал вопрос:

— Как можно было предположить, высчитать, кого следующего убьет Криницын? У нас в Садах сейчас, может быть, происходит нечто подобное.

— Откровенно говоря, — признал Куликов, — сейчас мы не можем выйти на след маньяка. И гарантировать отсутствие следующей жертвы тоже не в силах.

Начальственный Томишин рассердился не на шутку:

— У меня такое впечатление, что вы все тут загипнотизированы всемогуществом и неуловимостью маньяка. Очнитесь, вы же цвет милиции, уголовный розыск! Надо сделать все возможное и невозможное. Пришло время выложиться. Мы не можем допустить, чтобы сумасшедший маньяк у нас на глазах убивал людей!

Глава X

Ожидание — вот на что мы были обречены. Вдвоем с Граем съездили в город, торопливо закончили предыдущие дела. В пятницу утром третьего июня вернулись в Сады. О маньяке новостей не имелось, поэтому я стал помогать Бондарю — спустил насос в колодец, протянул шланг, стал поливать грядки.

Капитану мое усердие пришлось не по душе:

— Ты о чем думаешь? Смотри, грядку с чесноком наполовину размыл. Со всем голову потерял.

Днем Грайд присоединился к нам — обрабатывал тяпкой приствольные круги под вишнями. Не выпуская из рук поливочный шланг, я придумал двенадцать способов поимки убийцы, но ни один из них не годился для дела.

Сам не пойму, почему, каким образом работа моего мозга перестроилась на иной лад, переключилась на другой объект. Причем это произошло самопроизвольно. Совершенно неожиданно для себя я вдруг обнаружил, что думаю о своей новой знакомой, Золушке из местного магазина, Зое, думаю об ее маленьких ушках, карих глазках, стреляющих не хуже снайперской винтовки, об ее острых грудках, о тонкой талии, о всем, что удалось увидеть, и о прелестях, которые не позволил разглядеть прилавок. Взяв что-то в голову, я не знаю обычно удержу. Так произошло и в данном случае. Не выпуская из рук поливочный шланг, я продумал двенадцать способов... кх-м... кх-м...

— Где твоя голова?! — заорал на меня Бондарь, перебив размышления на пикантном месте. — Грядку с морковкой напрочь размыл!

Вразумительного ответа я дать не смог. На конец шланга пришлось навинтить насадку, чтобы вода разбрасывалась веером, тонким слоем.

Что интересно, я попытался понять ход собственных размышлений, ведь в подсознании ничего не происходит просто так. В чем причина такого переско-

ка? Как правило, взяв след, да еще кровавый, я иду по нему с упорством бульдога, и никакие силы не способны сбить с него. А тут? Должен честно признаться, наверное, весеннее солнце на меня повлияло, я не стал глубоко копать, нашел простое объяснение, удовлетворился тем, что лежало на поверхности — отнес этот перескок на счет переизбытка внутренней мужской энергии, на данный момент неостребованной. То есть в работе подсознания произошел досадный срыв, или сбой, как хотите. В итоге воображение мое разыгралось во всю ивановскую!..

До шести вечера я сдерживал себя и честно сражался с сорняками, ставшими мне вдруг ненавистными, и многих победил. На криминальном фронте за это время ничего не произошло, и ровно в восемнадцать ноль-ноль я посчитал, что мой официальный трудовой день окончен, а вечер можно провести по своему усмотрению. Лопату я зашвырнул за куст смородины и решительно заявил Граю:

— Если вы не возражаете, шеф, я пойду прогуляюсь, послушаю соловья, может быть, удастся встретить маньяка, — и сам первым рассмеялся собственной неудачной шутке.

Грай тотчас увидел, что я готов к бунту. Священное право на бунт он признавал за мной. И заметил деликатно:

— При встрече с «маньяком», будь. Виктор, осторожен. Мы еще не знаем, с кем столкнулись на этот раз.

— Разумеется, буду осторожен, — пообещал я. Умылся, облачился в серый, в мелкую клеточку, английский костюм. Заявил Бондарю: — К ужину, может быть, не приду. — И был таков.

Народу в магазине под вечер оказалось достаточно. Но Зоя, стрельнув глазками, сразу увидела меня. На щечках образовались чудесные ямочки.

— Ага, знаменитые сыщики на дежурство прибыли? — приветствовала она меня и усмехнулась. — Председателя Попова на дороге не встретили?

— Встретил. — принял я игру. — Передает вам привет, просил занять очередь, обещал зайти.

— Фи-и-и, — скривила она красивый ротик. — Привет от покойника мне не нужен... Что станете брать?

При входе в магазин, седьмым чувством я уловил сигнал — опасность! Но откуда опасность исходила, от кого? Не могу разобрать. Невзначай оглядел покупателей, даже прошел вдоль очереди, будто товары выбирал. Среди этих людей с авоськами и тощими кошельками в руках не было наших клиентов, это я научился определять довольно точно. Неужели опасна сама Зоя, но чем? Намерена поймать меня в свои амурные сети? Пусть ловит, я сам это страстно желаю. Пора-пора симпатичной девушке меня заарканить, а то я от бездействия могу свою джентльменскую профпригодность потерять.

В голове, в центре, который я называю «сторож», продолжала мигать сигнальная лампочка — опасность! В конце концов я решил, может, это и к лучшему, если маньяк здесь, то я в отличной форме и вполне готов к общению ним. Жаль только, что пистолет не взял с собой.

Зоя с улыбкой смотрела на меня, ожидая, какую я сделаю покупку. Пришлось выбрать первое, что попало на глаза:

— Селедка в бочке, судя по виду и запаху, неплоха. Две, пожалуйста, пожирнее... Кстати, вы Рублеву сегодня, случайно не видели?

— Извините, бумаги у меня нет, придется селедку в газету завернуть. — Облокотись на прилавок, она придвинулась ко мне, обняла за затылок горячими пальцами, от этого легкого прикосновения я получил сладостный удар током и начал плавиться, превращаясь в кисель. Зоя, горячо дыша мне в щеку, зашептала: — Подозреваете бухгалтера?

Я сделал неопределенное движение руками:

— Да... то есть нет, — что я несу, доказательств нет никаких.

— Понимаю, — еще горячее зашептала Зоя, приблизив свои губы еще ближе к моей щеке. — Держите бухгалтера под колпаком. Необычная женщина, волевая, двигается словно танк. Глазами постоянно зыркает, определенно что-то замышляет. Говорила, что завтра в Шлиссельбург на праздник, день рождения города, поедет. А вы, Виктор, собираетесь туда?

— Непременно, если вы согласитесь, Зоенька, составить мне компанию.

— Кто ж меня отпустит? Кто подменит? В субботу у нас самая торговля, оборот делаем, прибыль получаем.

Зоя нехотя отпустила мою голову, подхватила вилкой пару селедок, ловко завернула в газету и положила на чашку весов. Тут же назвала сумму.

Считаю я не хуже продавца, поэтому, глядя на стрелку весов заметил:

— Недовес — семнадцать граммов селедки.

Зоя искренне возмутилась:

— Я тут с раннего утра кручусь, молодые годы растрчиваю, красоту теряю, неужели я с вас семнадцать граммов не сниму? Кстати, компетентные органы принимают жалобу, только если недовес больше двадцати граммов. Я действую в рамках закона. Опасную черту не переступаю.

— Бы, Зоя, в тюрьму не попадете никогда и бедной не будете, — восхитился я ее откровенностью.

— На этой работе голодной не останешься, но и не разбогатеешь. Семнадцать граммов селедки — мелочь.

— А что не мелочь?

Она ответила сразу, видно, не раз думала об этом:

— Иномарками торговать классно! Или мебелью. Вот уж при том товаре стыдно быть бедной. А в маленьком продуктовом магазинчике трудно вырваться в люди — денег больших не снять. А вот если взять быка за рога, да и... — она оборвала себя на полуслове.

«У девушки приличная внешность и грандиозные планы, — подумал я с восхищением. — Интересно, где она держит маршальский жезл, за прилавком или в холодильнике?»

— Зоя, помоги, — попросила ее напарница. Вдвоем они ловко подхватили в кладовке мешок с сахаром и вынесли к прилавку.

«Ого! — удивился я. — А Золушка моя не слаба в коленках».

Время работы магазина подходило к концу, Зоя принялась помогать напарнице, отпускать товар последним покупателям, а я, держа селедку в руках, вышел на крылечко магазина, где возились двое садоводов, прилаживая к велосипедам сумки с покупками. У металлической сетки, ограды магазина, тоже стояли велосипеды покупателей, и у калитки, спиной ко мне, копошился еще один запоздалый покупатель.

Чувство тревоги не слабело во мне, а становилось сильнее. Я все еще не мог понять, откуда оно исходит?.. Движение воздуха над своей головой, вот что я

уловил и тут же резко бросился в сторону, сбив с ног обоих садоводов с их велосипедами, тяжеленный кирпич рухнул с крыши крылечка как раз на то самое место, где я только что стоял. Стоило мне промедлить секунду, и на память обо мне осталась бы папа селедок, завернутых во вчерашнюю газету с фотографией президента на первой полосе.

— Ий-я... — услышал я злобный шепот из-за проволочной ограды, вывернул голову и глянул — человек уже сел на велосипед. Наклонив голову вниз, он выглянул из-за собственного плеча, я разглядел желтую кожу и узкий разрез глаз — китаец! Неизвестный нажал на педали и помчался по дороге. Неужели ж это он подстроил мне ловушку? Я успел разглядеть только черный берет, закрывавший половину головы, да фигуру, довольно крупную.

Я кое — как выпутался из мешанины из садоводов и велосипедов, вскочил на ноги, одному из них сунул селедку:

— Подержи, приятель, — выбежал на дорогу, схватил первый попавшийся велосипед, прыгнул в седло и помчался следом. Неизвестный оказался шустрее, чем я мог предположить, он свернул на одну из линий и словно сквозь землю провалился. Я проехал до самой лесной дороги, смотря налево и направо, на отходящие линии, ко никого так и не увидел.

К моему возвращению магазин оказался утке заперт, меня ждала раскудахтавшаяся бабка, она решила, что я угонщик велосипедов, садовод с селедкой в руках и улыбающаяся Зоя. Садовод, конечно, уж рассказал в красках историю с кирпичом, а Зочке хоть бы что, отпихнула туфелькой осколки кирпича и пошла мне навстречу.

Я недоумевал, кто сей злодей, подстроивший мне немудреную, но надежную ловушку? Скорее всего местный Ромео, который заметил, как меня обнимала Зоя, и решил немедля убрать конкурента. Но откуда здесь китаец? Насколько я знал — в Садах вообще не было ни одного китайца. Это они Подмоскowie оккупировали, живут по сорок человек в одной комнате, а до сих мест еще не добрались.

Я вернул велосипед, забрал селедку и пошел провожать Зою. Мы немного погуляли, стало уже темнеть, когда добрались до ее дома. По шаткому мостику перебрались через канаву и вошли в ее дом. В комнатке, где мы очутились, не было стела, и селедку пришлось положить на подоконник, но присутствовала роскошная кровать. Едва Зоя закрыла за собой дверь, как ее сильно затрясло.

Я оторопел, растерялся:

— Ты эпилептик? У тебя падучая?.. Сейчас в обморок грохнешься? Может, тебя связать, воды принести?

— Дурак, сам воду пей, а мне налей водки, бутылка и рюмки в тумбочке. А это у меня девичий трепет. Разве не похоже? Ведь я стараюсь. Должна же юная девушка, оказавшись один на один с опытным соблазнителем, испытывать девичий трепет? Ты поверил?

— Конечно, так это естественно.

— Тогда иди ко мне, сейчас и ты задрожешь.

Не знаю, кто был в этой очаровательной упаковке — чистое создание Золушка, или сама ведьма? Я протянул руки и почувствовал ее... ауру. Английский в мелкую клеточку пиджак сам слетел с меня. За ним в угол комнаты полетели другие детали одежды. Зоя расстегнула и стоптала о себя юбку. Под юбкой другой одежды не было. Я схватил девушку в объятия, поднял, прижал к

стене. Медленно-медленно сна съезжала по стене, напарываясь на мою возбужденную плоть. Я глубоко вошел в нее и содрогнулся всем телом. Колени мои подогнулись, и мы упали на кровать. Причем Зоя оказалась сверху. Сидя надо мной на корточках, она исполняла танец любви. Голова моя лежала на подушке, так что я мог видеть все ее сокровенные места, руками придерживал упругую попку и плыл, плыл куда-то в бездну, плыл, словно в невесомости... Зоя застонала, села на меня верхом, плотно прижавшись, руки мои уползли к ней под белую блузку и смяли ее острую грудь.

— Мой детектив, мой чемпион, — шептала Зоя и стонала в сладкой истоме.

Так мы кувыркались и плавали в невесомости, пока, как говорят поэты, наши свечи не догорели.

Потом, обессиленные, почти час мы лежали нагишом на кровати и приходили в себя. Зоя прижималась ко мне и говорила, как она спасается маньяка, из-за него она теперь боится показаться на улице. Я ее успокаивал и хвастался, какие мы с Граем крутые и как лихо ведется следствие. Ну, никак не мог я в такую минуту признаться, что мы в тупике.

Среди ночи, обессиленный, пошатываясь, я вышел из дома Зои. Посмотрел на луну, которая вздумала спрятаться за тучку, добрался до мостика. Мне показалось, что он стал уже, стал такой узкий, что мне по нему не пройти, обязательно свалишься в канаву, наполовину наполненную жидкой грязью. Пришлось задуматься, а не лучше ли сделать разбег и совершить прыжок?

Пока я в раздумье покачивался около злополучной канавы, луна выглянула из-за тучки и... мороз прошелся у меня по спине — я увидел, как из глубины канавы торчат острием вверх три металлических штыря., Я топнул ногой по мостику, и он тут же рухнул вниз. Стоило мне сделать шаг по мостику и я, как экспонат для коллекции, был бы наколот на эти штыри.

Я тут же собрал свою волю в кулак и взбодрился. До дому добрался без всяких приключений, но оглядывался на каждый шорох, старался обходить даже тень от кустов. По себе знаю — нет никого хуже на свете, чем деревенский упорный ревнивец. Ему ничего не стоит вынуть длинный ножик из-за голенища и пырнуть соперника. И он станет гордиться этим и хвастать своим приятелям. И ничего с этим не поделаешь, значит ревность в Садах вполне сравнима с деревенской ревностью. Лет восемь назад я сам был вполне способен на такое действие и, что интересно, при этом не чувствовал бы никаких угрызений совести. Такая уж она есть, наша деревенская любовь.

Утром я встал невыспавшимся, но на аппетит это не повлияло, разом смел завтрак и два раза просил добавки. Граю рассказал о встрече с Зоей и во всех подробностях о неведомом китайце, кирпиче, упавшем с крыши, и стальных штырях, выросших на дне канавы. К моим любовным похождениям Грай относился терпимо, если они не мешали делу, и никогда не комментировал, а тут произнес заинтересованно:

— Ревнивый китаец? Это интересно. А что сказала о нем Зоя?

— Ровным счетом ничего. Сделала большие глаза и заявила, мол, среди ее почитателей нет ни одного китайца и среди покупателей магазина тоже.

— А кирпич сам упал?

Наш разговор прервал Шестиглазов, подъехавший к нашему дому со своим верным сержантом. Верный телохранитель остался за рулем, а сам инспектор ввалился в дом, и Бондарь налил ему чашку горячего чаю с вишневым варе-

ньем. Инспектор спешил, но и, обжигаясь, не переставал ругаться:

— Дел в Кировске невпроворот, а тут висит над душой сумасшедший садовод, держит в напряжении и уголовный розыск, и ОМОН. Из-за него ребята забыли, когда последний раз выходной был.

Шестиглазов пожаловался, что почти все наработки по убийствам оказались пустыми. Опрошены все, кто пас в тот день в лесу своих коз. Найдены два браконьера, которые в тот день срубили столетний дуб и оштрафованы на большую сумму. Оба эти убийства мог совершить Рахим Маматкулов — неудавшийся жених. Но зачем? Мог это сделать и рыбак из Назии Кирилл Феоктистов. Но тоже непонятно — для чего? Под подозрением осталась и бухгалтер Рублева.

Грай слушал невозмутимо, но я чувствовал, он напряжен, нервничает.

— Сегодня в Шлиссельбурге праздник, — хвастался и жаловался одновременно Шестиглазов. — 62 года нашей крепости Орешек. Народу приедет уйма, будут шведы и финны, как на семисотлетием юбилее Выборга.

— В Выборге праздновали три дня, — поддел я гостя. — У нас всего день, потому что дата не круглая.

— Маньяку это безразлично, — заметил Грай. — Воспользуется случаем и угрожает какого-нибудь шведа, например. А записку оставит на имя шведского посла, в стихах, разумеется.

Шестиглазов, по-моему, перестал понимать шутки. Аж зубами заскрипел.

— Я к вам заехал потому, что предыдущие «поэмы» адресованы лично знаменитому сыщику. По мнению уголовного розыска, вы скрываете от нас информацию в целях получения гонорара.

— Уверяю вас, никаких улик или достойных вашего внимания фактов мы не скрываем. Я сам хочу не менее вашего разобраться с сумасшедшим НАГом.

— А что вы делали последние сутки? Не появилось ли зацепки?

Я спустил глаза вниз, о своих похождениях и ревнивом китайце говорить не хотелось. Да и к расследованию это отношения не имело.

— Все свои наличные силы бросаем в Шлиссельбург, — поставил нас в известность Шестиглазов. — В Садах останутся дежурить несколько человек.

— Мы так поступим, — прикинул Грай, — Виктор поедет с вами, я останусь в Садах.

Глава XI

Не от моего лица

Сын сторожихи Нины Федоровны Никита Зеленов заранее все тщательно обдумал. В этот день, субботу 4 июля, встал пораньше и со своей тележкой на дутиках успел сделать три ездки на болото, где тянули новую автомагистраль, параллельно старому Мурманскому шоссе. Никита набирал торф в полиэтиленовые мешки и возил, как удобрения, хозяевам, с которыми договорился заранее. Этим он добывал себе ка пропитание.

К двенадцати уже закончил работу. Закатил тележку за дровяной сарай, зачерпнул воды из ведра, умылся. Наскоро перекусил на кухне.

— Куда это ты собрался? — спросила его Нина Федоровна.

— Так, прогуляюсь, проветриться решил, — отмахнулся он.

У себя в комнатке еще раз все прикинул, решил, что все предусмотрено и должно получиться, можно начинать действовать. Надел чистую рубашку, сверху брезентовую робу защитного цвета, сна немаркая и в глаза не бросается. Положил в рюкзак заранее приготовленный сверток. И тихонько, чтобы никто не увидел, выбрался в окно.

В четырех метрах от дома, за огромными вишнями стоял сарай соседа. Никита огляделся, убедился, что его никто не видит. Отодвинул в стене чужого сарая две доски, оторванные заранее. Забрался внутрь. Там стояло сокровище соседского парнишки Юрки — красный мопед «Верховина-3». Никита взял мопед за ручки, покачал из стороны в сторону. В бензобаке чуть слышно плеснуло, бензина мало. Из канистры, стоявшей тут же, налил бак доверху, дорога предстояла неблизкая.

Непросто вытащить мопед сквозь дыру в сарае, проволочь по своему участку между грядок, чтобы особо не наследить. Никиту едва не выдала собственная собака, негромко гавкнула, мол, возьми с собой, хозяин. Никита зло цыкнул, и овчарка села, ревниво провожая его взглядом.

Никита провел мопед сквозь лесозащитную полосу, примыкавшую к их дому, вышел на дорогу. Крутнул педаль, усевшись в седло. Хорошо отлаженный мотор ровно заработал, и вот Зеленов уже на ходу, лихо понесся по дороге. Мопедовский мотор при езде тарахтит так, что кажется — вот-вот взлетим! Вот скорость уже за тридцать, можно еще прибавить, и так приятно, легко на душе!

Никита выехал к Староладожскому каналу, с ходу взлетел на высокую насыпь и по булыжному шоссе, сработанному еще крепостными крестьянами, помчался к древнему городку Шлиссельбургу.

А почему бы ему не ехать, почему не спешить, почему не иметь на лице том стельной улыбки? Один из садоводов, правда, незнакомый, бородач, подошел к нему вчера, остановил на дороге, посмотрел, какой возит Никита торф, и сделал большой заказ. Правда, адреса своего не назвал еще, зато вручил небольшой аванс. Они разговорились, и бородач рассказал: он живет в Шлиссельбурге, и если Никита появится на празднике и подойдет к церкви в пять часов, то получит в виде аванса самую настоящую американскую кожаную куртку.

Так почему же ему не спешить, почему не радоваться? А что мопед взял без спроса — соседи переживут. А может, даже и не узнают. Он едет аккуратно,

ничего машине не станет. Ока и так не новая, левой педали нет, и приходится ногу держать на весу или ставить на мотор. Конечно, можно было поехать и на автобусе, но личный транспорт куда лучше. Прокатиться с ветерком — настоящий праздник, будет что вспомнить зимой.

За полчаса до назначенного времени Никита прикатил в Шлиссельбург. Остановился у церкви. Рядом находилась остановка автобуса, постоянно толпились люди, приезжали и уезжали. Небольшая площадь перед ним оказалась заполнена людьми. Они торопились на остров, в крепость. Оттуда слышалась музыка, на крепостных башнях развивались наши и иностранные флаги. Никита подобрал оброненную кем-то газету «Кировский соловей» и узнал, что «Орешек» — одна из самых древних новгородских крепостей.

В крепости раздалась пальба из пушек, потом праздник переместился на берег, и мимо Никиты в старинных доспехах протопал отряд шведских солдат, прошли ровным шагом финны и что есть силы врезал строевым шагом взвод солдат Преображенского полка во главе с царем Петром I и Меншиковым.

Никита стоял у церкви долго, терпеливо. Наконец он понял — либо его обманули, либо вышла накладка и бородач не смог сдержать слова. Но денежный аванс здесь, в кармане, его уж он не вернет. И все же настроение оказалось испорчено. Никита стал мрачно смотреть сквозь людей, словно не замечая их, разминая, поиграл мышцами огромных ручищ и, сжав зубы, решил — пришла пора заняться своими делами.

Глава XII

В тот же день, в субботу 4 июня в десять утра вместе с инспектором Шестиглазовым я приехал в Шлиссельбург, двухэтажный городок, по архитектуре напоминающий Петербург. Определенного задания не имел. Какой уж тут план, как можно предугадать действия сумасшедшего? Решил действовать согласно окружающей обстановке, личного опыта и интуиции.

У милиции, как я успел заметить, существовал строгий план. Город разбит на кварталы, их патрулировали тройные пешие наряды и лихо объезжали крепкие ребята в бронежилетах автоматами Калашникова в руках.

Интуиция подсказала мне, что поиск следует начать с острова в истоке Невы, где высилась крепость, гремела музыка и куда все стремились. Хорошо умели наши предки выбирать места для своих укреплений!

Посреди широкой, пугающе стремительной, свинцово-темной страшной глубины Невы — каменистый остров, вытянутый как жирный восклицательный знак. По самому краю его, усыпанному камнями, вздымаются к небу выложенные из кирпича толстые стены, изъязвленные старинными чугунными ядрами и тяжелыми снарядами штурмовой артиллерии последней войны. Несокрушимые стены так и давят тебя своей мощью. Над ломаными стенами высится колокольня собора, изрешеченная снарядами, она похожа на ситечко для чая. Настоящая, боевая, много пережившая крепость. Глядишь на нее, и передается тебе, переливается сила от наших бойцов, дравшихся здесь на смерть, входит в тебя крепость и мощь от самой земли Российской, так что плечи расправляются и походка делается тверже, а взгляд смелее. Крепко предки ставили и охраняли державу, это и нам завещали. А мы? Неохота в праздник вспоминать о политике, настроение портится от этого...

На краешке пристани сидел в инвалидной коляске старый, безногий, нико-

му не нужный солдат. По случаю праздника, который справедливо почитал как военный, он надел застиранную, каким-то чудом сохранившуюся с войны гимнастерку, надраил бляху солдатского ремня. Две медали и орден тихонько позвякивали на впалой груди. Солдат оказался никому не нужен, не вписывался в энергичную, празднично настроенную толпу.

Сгоряча я тоже пробежал мимо ветерана, поднялся на борт двухэтажного, старательно пытящего парома. Но тут словно ангел пролетел надо мной, я вспомнил: там, в Тверской области, в деревне Всесвятское, стоит с заколоченными окнами оставленный мною родительский дом. К нему в свое время школьники прибили красную деревянную звезду, потому что дед мой Василий был на фронте, прошел всю войну.

В груди что-то защемило, не выдержал, сбежал вниз мимо удивившегося вахтенного матроса, вернулся к старому солдату.

— Отец, на остров поедешь?

Он шевельнул сухонькими ручками.

— Понимаешь, история какая, за проезд заплатить нечем.

— Тебе, отец, сегодня место в президиуме.

Я лихо подкатил коляску к сходням парома.

— Ну-ка, вахтенный, помоги поднять на борт ветерана обороны Орешка, он старый артиллерист, там выступать станет, по приказу мэра, да скорее же, какой неловкий, не урони коляску в воду, в крепости митинг, люди собрались, без него начать не могут.

Старик что-то забормотал, но я его не стал слушать. Люди расступились, несколько сильных мужчин подхватили коляску и по сходням внесли на палубу. Я провез деда на лучшее место, на нос парома, чтобы полюбоваться открывшейся панорамой.

Когда пришвартовались к Орешку, я выкатил ветерана на пристань:

— Ну, отец, дальше сам ориентируйся. Назад сумеешь выбраться?

— Сумею, — глаза старика блестели. — И не из таких передряг выходил живым, а тут я каждый камешек знаю, все исползал в войну.

Я удивился, как быстро старикан вошел в роль ветерана Орешка, подмигнул ему и вместе с праздничной толпой заспешил на каменистую землю островка. Где-нибудь здесь мог затаиться маньяк, выбирая очередную субботнюю жертву. Я вглядывался в веселые лица, пытался представить себе, как они могут измениться в минуту страха и ярости. Вполне могло оказаться, что я уже встречал его да не сумел распознать.

Громко звенело радио, встречая новую волну туристов, приятный женский голос рассказывал:

— Орешек, Орехов, Ореховец, Нотебург, Шлиссельбург — город на левом берегу Невы, у соединения ее с Приладожскими каналами, пристань у истока реки из Ладожского озера. Город основан новгородским князем Юрием Даниловичем в 1323 году, заложившем на острове Орешек (здесь росло много лещины — лесного ореха), у самого истока Невы, деревянную крепость. В 1353 году новгородцы заложили каменную крепость, возвели крепостные стены и башни...

Слушая радио, я уставился на Неву, по ней ходила на веслах новгородская шнява с гребцами, одетыми по-старинному. На корме рядом с рулевым поднята хоругвь, а что нарисовано и что написано на ней — не понят». До чего же

мы плохо собственную историю знаем. В школе больше говорят про Древние Грецию и Рим, а по собственной истории как на паровозе мчишься. Об язычестве остается одно смутное представление, про христианство узнаем немногим больше. Мой прадед наверняка по-старославянски читал, э я гляжу на хоругвь, с которой ходили в бой мои предки, и не могу разобрать, чей образ на ней начертан, какие слова написаны.

Наперегонки со шнявой неслась петровская галера, на веслах сидели солдаты Семеновского полка. Слаженная команда — длиннющие весла дружно пенили невскую воду. На таких галерах Петр ходил воевать шведский флот при Гангуте.

А вот и дорогие гости, настоящее иноземное чудо — высоченный старинный шведский парусник пришвартован к краю пристани. Флаг развевается на ветру, матросы стоят вдоль борта, квадратные люки в деревянном борту открыты и сияющие на солнце бронзовые пушки из них смотрят — хоть сейчас стреляй!

На шведский парусник я не пошел — парни там рослые, решительные, сумеют за себя постоять. Интуиция подсказала мне, что маньяк хоть и может оказаться человеком недюжинным и неробкого десятка, но в незнакомой обстановке вряд ли отважится продемонстрировать свои способности.

Новгородская шнява обошла петровскую галеру, лихо развернулась и, подняв весла, подошла к пристани. Взмокшие гребцы довольно улыбались. Рулевой пригласил желающих прокатиться. С берега мигом сыпанули желающие, и я совершенно случайно оказался в их числе. Поместилось нас в шняву человек пятнадцать.

— Осторожнее, черти, перевернемся! — орал на нас усатый рулевой. — А ну, садись все посередине, к никому не вставать, а кто начнет скакать — получит веслом по башке.

Мы кое-как расселись. Отдохнувшие гребцы оттолкнулись веслами, выгребли на середину, и течение нас понесло с большой скоростью. Большеротый малый на носу шнявы завел протяжную старинную песню. «Интересно, — подумал я, — поют по-русски, а я половины слов не понимаю». И все же песня понравилась, мне как-то ближе и понятнее стали новгородские мужики, которые почти семьсот лет назад рубили здесь первые избы и вбивали для их защиты высокий тын из заостренных на конце бревен. Шнява развернулась и вдоль берега, где течение медленнее, пошла обратно к крепости.

Далеко по воде разносились звуки радио, диктор продолжала рассказывать:

— В 102 году во время Северной войны войска Петра десять суток бомбардировали крепость, 12 октября шведы капитулировали, и крепость была возвращена России. Петр писал: «Зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен...» Нотебург переименовали в Шлиссельбург, то есть Ключ-город...

Если и был маньяк среди пассажиров шнявы, то он из-за верткости старинной посуды свои злодейские качества проявить не осмелился. После катания на шняве я до такой степени оморячился, такой во мне проснулся интерес к морскому делу, что пренебрег служебными обязанностями и поднялся на борт шведского корабля. Матрос с повязкой на руке, здоровенный малый, ничуть, наверное, не слабее меня, отдал честь, я ему тоже козырнул, мыслен-

но произведя салют наций. Ладный, крепко сделанный корабль слегка покачивался на невской воде. Рядом с пушками горкой ядра, калибр — миллиметров сто пятьдесят, не меньше. И пушкари крепкие ребята, такие не оробеют при abordage. Как же против эдаких громадин наши предки выходили на галерах — низкобортных, весельных, жиденских? Но выходили же! Сила силу ломит. И древний новгородский Орешек снова у нас. Но что это? В крепости оркестр заиграл — это сам Петр Первый, а с ним неутомимый Меншиков; построен взвод Семеновского полка. С другой стороны выстроился экипаж шведского корабля во главе с капитаном. Представители дружественных держав приветствуют друг друга. Всегда бы так.

А мне пора уходить из крепости, интуиция подсказывает, что если маньяк и побывал здесь, то долго не задержался, для своих гнусных дел он выбирает тихие, незаметные местечки.

Когда я двинулся назад, то у ворот крепости снова увидел своего ветерана в коляске. Он был уже навеселе, видно, поднесли рюмку старику, вокруг столпились люди, а он уверенным сиплым голосом рассказывал:

— В сентябре сорок первого года гитлеровцы захватили Шлиссельбург, город на берегу Невы, а мы, небольшой гарнизон, переплыли на лодках этот узенький рукав, отделяющий остров от берега, укрылись в крепости. Как они нас безжалостно бомбили, из каких страшных орудий обстреливали, сколько раз бросались на штурм и по воде, и по льду! А наось, выкуси, взять не могли! А мы им большой урон наносили, особенно я со своим пулеметом «Максим». Мы удерживали важную ключевую позицию у выхода в Ладожское озеро 500 дней. И ведь удержали!.. Нет, целую мне больше не наливайте, а то до дома не доберусь, и колбасы потолще на хлеб положите...

На пароме я перебрался обратно в город и стал бродить по окраинам, а из крепости весь день доносилась музыка. Вечером из корабельных пушек шведы произвели салют. Хорошие залпы получились. Грохот ничуть не слабее, чем у современных пушек. До вечера я обошел Шлиссельбург по окраине, устал, проголодался. Перекусил в столовой, что располагалась на маленькой площади напротив церкви. И тут мне пришла в голову идея — раз мы находимся у большой воды, то надо маньяка искать иначе. И решительно направился на берег Невы, где стояли катера водной милиции. Там их было два, Ы один катер собирался отвалить. Недалеко стояла машина Шестиглазова, на травке у воды сидел совершенно измученный водитель сержант Антон Григорьев.

Я его спросил:

— Можно мне на катере с патрулем пойти? Может, наш маньяк водные процедуры принимает, и я его как раз схвачу голеньким.

Сержант открыл красные от усталости глаза и ткнул рукой в сторону лодки:

— Валяй, поработай немного на нас... — окликнул ефрейтора, ковырявшегося с мотором: — Миша, возьми с собой Виктора Крылова. Он боксер-полутяж. Если встретите маньяка, последи, чтобы они дрались по правилам, — И снова закрыл глаза, прилег на травку.

Молодой ефрейтор Миша посмотрел на меня неласково:

— Залезай, частник. Плавать умеешь?.. Если начнется стрельба, сразу ложись на дно, и вообще, веди себя тихо, не мешай. Полезай на нос.

Ветерок изрядно задувал, и катер занырял по волнам, как утка. С воды крепость смотрелась еще лучше, чем с берега — высокими и неприступными казались ее стены.

— Такую цитадель штурмовать — штаны лопнут, — сказал я Мише.

Он остался доволен моим ответом.

— Между берегом и островом пролив всего метров десять. А немцы — упорные и умелые солдаты, и без малого за два года они не смогли перейти через эту протоку.

Катер вышел из устья Невы, повернул направо, двинул по Ладоге вдоль берега. Дневные краски стали гаснуть, темная дымка заволакивала берег.

— Пора домой? — спросил меня Миша. — Нигде не видно твоего маньяка. Обманул он нас. Суббота уже кончилась, а рация молчит, ничего нигде не произошло. Увидел, что ты вышел на дежурство, наклеил в штаны и забился в норку. Не с кем тебе боксировать, подвел злодей, — развернул катер и, подойдя ближе к берегу, повернул обратно.

Не хотелось с Мишей спорить, его крошечная головка держалась на цыплячьей шее, а гонору в голосе — на генерала хватит. Маньяк, к несчастью, до сих пор слов на ветер не бросал.

В жилых домах на берегу зажглись огни. Потом стало совсем темно — мы пошли мимо мрачных строений, похоже, складов, где не виднелось ни единой лампочки. Тут я взглянул на воду, вниз, и мне захотелось поджать ноги, холодные иголки закололи в спину, волосы на голове зашевелились.

— Гляди, Миша, что это?

Миша так резко вскочил на ноги, что катер едва не перевернулся:

— Я ни... ни... никогда такого не видел. Туда шли — не было. Ничего не было. Клянусь, я все здесь осмотрел.

Холодный пот выступил у меня на лбу — из глубины Ладоги прямо на нас двумя желтыми глазами смотрело небывалое чудище, мутным светом заливая пучину так, что на поверхности образовалось значительное желтое пятно. Мотор катера странно чихнул, словно на него положили мягкую лапу, катер, покачиваясь, остановился.

У Миши громко залязгали зубы:

— Оно х-хочет нас з-заглотить! Смотри — ше-ше-ше-ве льнул ось!

— Может, это светящийся планктон? — сделал я робкое предположение.

— Какой, к черту, планктон?! — взвизгнул Миша. — Вчера мне рыбаки говорили, что в этом месте летающая тарелка упала, да я не поверил. А теперь, видишь, как обернулось. Сейчас загипнотизируют светом из своих иллюминаторов, внутрь утащат и начнут эксперименты свои делать...

Миша зашмыгал носом.

— Ребята говорили, баб наших пришельцы из космоса натрахают и отпускают, а мужики из этих кораблей не возвращаются, что с ними там делают, неизвестно.

— Летающих тарелок не бывает, — пытался я успокоить себя и Мишу. Но тот упорствовал.

— Я сам две тарелки видел во время дежурства, они в Ладогу падали и в глубине исчезали.

Желтый свет завораживал, притягивал к себе. Я чувствовал себя как лягушка, загипнотизированная удавом и готовая скакнуть в раскрытую его пасть.

Но без борьбы все же сдаваться не хотелось.

— Заведи мотор, — велел я растерянному Мише.

Ефрейтор повозился с мотором и всхлипнул:

— Черта с два — не заводится. Ребята говорили, что, когда прилетает НЛО, все моторы разом глохнут.

— Тогда включи рацию, вызови дежурного.

Миша посопел, нажимая кнопки, и перешел на шепот:

— И рацию перекрыли, сволочи. Нас никто не слышит, и я никого не могу поймать. Кранты нам с тобой, Виктор, придется в веду прыгать.

Я представил себе, какая холодная вода на глубине, и аж зубы заныли от холода.

— Нет уж, сам ни за что не прыгну, пусть за мной лифт присылают.

Желтые глазища все так же притягивающе смотрели на нас, световое пятно держало в центре, никуда не выпуская. Но леденящий потный флфрх уже начал отпускать, я созрел для бунта.

— Миша, — на всякий случай шепотом спросил я, — у тебя весла есть?

Соображалка у Миши работала неплохо.

— Есть весла, и уключины я недавно смазал, не скрипнут. Думаешь, у нас получится, вырвемся, а?

Шепоту ефрейтора стат иной, быстрый, деловитый. Я перебрался на середину катера, сел на сиденье. Отчаянно махнул рукой:

— Давай весла!

Миша зашустрил, завозился, вытащил из-под брезента, растянутого вдоль борта, весла. Плюхнулся рядом со мной. Мы вставили весла в уключины, поплевали на руки, посмотрели друг на друга:

— Ну, с Богом! — и налегли на уключины. Несмотря на цыплячью шею, Миша в гребле мне ничуть не уступал, сказывалась ладожская сноровка. Не обращая внимания на волны, которые все сильнее раскачивали катер, мы резво выскочили из светового пятна и, отойдя на безопасное место, опустили весла.

Рукавом я вытер взмокший лоб:

— Все, третий раунд за нами.

Миша привстал, глядя назад:

— Оно за нами не гонится, похоже — вырвались. В гробу я видел ихние эксперименты над мужиками. Баб пусть ловят сколько угодно и трахают у себя на корабле, не жалко. Им это в диковинку, может, даже нравится. Домой вернутся, будет хоть с чем сравнить. А шкурой своей рисковать ради космического братства я не согласен. Накось, выкуси, гуманоид поганый! — и он, зло оскалясь, показал световому пятну, все так же безмолвно лежащему среди пляшущих волн, сразу две фиги.

Я тоже хотел погрозить подводным гуманоидам кулаком, но голова уже остывала, страх перед неведомым истаял, возвращалась способность здраво мыслить и соображать. Если бы мы наблюдали пятно с берега или со стороны, то, возможно, сообразили бы быстрее, а въехав в эпицентр, ничего не поняли, растерялись.

— Попробуй еще раз включить рацию, — заторопил я ефрейтора.

Миша повозился с кнопками, обрадовался:

— Есть связь, работает.

— Докладывай быстро, что видишь.

Миша торопливо закричал в приемопередатчик:

— Третий, я семнадцатый... Нахожусь на воде в четвертом квартале, недалеко от технических складов в виду запасной пристани. Наблюдаю под водой непонятное свечение.

Дежурный удивленно спросил:

— Ты там плавучий ресторан организовал по случаю праздника, так я тебя быстро приведу в норму. Не успеешь прийти к берегу, как станешь рядовым.

Наверное, Миша очень дорожил званием ефрейтора, голос его стал строг и официален.

— Третий, третий, никакого плавучего бара на вверенном мне плавсредстве не наблюдаю. Недалеко от берега вижу световое пятно желтоватого оттенка. Источник света не определен.

Дежурный посопел в микрофон:

— На что это похоже?

— На неопознанный летающий объект... Или на подводную лодку, если бы она прожектора включила.

— Ты мне про твое НЛО не заливай... И про подводную лодку тоже, какая, к черту, подлодка у самого берега? — возмутился дежурный.

— Не знаю, что там есть, но я сам видел два иллюминатора или прожектора, на расстоянии метра друг от друга. Свет испускают золотистый или желтоватый. В общем — жуткий. Мотор сразу заглох, пришлось уходить на веслах. Передатчик в районе светового пятна тоже перестал работать.

— Подойди ближе и посмотри внимательно, — приказал дежурный. — Если почувствуешь, что эта штукавина хочет взорваться, не трогай ее, уходи в сторону и докладывай мне.

— Ясно, третий, — четко ответил Миша. Повозился с мотором, и тот вдруг ожил.

На малой скорости мы снова вошли в пятно, обошли вокруг желтых устрашающих глаз. Все так же мрачно они светили снизу, теперь уже вызывали леденящие кровь представления о нечистой силе и утопленниках.

Мой дед Вася бывал в этих краях на Ладого во время войны, довелось ему проехать по Дороге жизни, и он вспоминал о машинах с горящими фарами, уходящих под воду. Может, и под нами сейчас машина?.. О!..

Миша включил передатчик и доложил наши новые соображения.

Дежурный снова заругался:

— Какая вам, к черту, ледовая дорога летом?

— Прожектора-иллюминаторы начали гаснуть! — воскликнул Миша. — Что-то внизу произошло. Световое пятно резко уменьшается. Что мне делать?

— Брось буюк с фонарем, чтобы не потерять место. Мы сейчас попробуем отыскать специалиста и пришлем к вам. Синоптики обещают плохую погоду. Если что — выкидывайтесь на берег.

Миша бросил в воду буюк с якорем, зажег лампу, и мы зацепились за него, как за плавучий якорь. Тросик якоря натянулся, стало слышно, как плещут волны и журчит вода за кормой.

Свет в прожекторах-иллюминаторах уже еле теплился, они уже не вызывали страха. Осталось любопытство — что там, на дне?

— Хочешь, нырну, посмотрю, что там? — предложил я Мише.

Миша замахал руками:

— Здесь никто из местных не купается. В устье Невы течение сумасшедшее, водовороты — закрутит, засосет тебя и километров через десяток-другой где-нибудь в Финском заливе выбросит, если захочет. А если не захочет, то и не выбросит, так и сгинешь на дне. Съедят тебя рыбы да морские звери, а что останется, море по дну разбрасает.

Купаться расхотелось. Но сидеть без дела — не по мне.

— Тогда высаживай на берег. Надо делом заниматься, своего маньяка ловить.

Миша сразу согласился.

— Давай и я на бережку посижу, там веселее. А то волны бросать начинают неласково.

Оставив на воде буюк с лампочкой, Миша подвел катер к берегу. Стоя на носу, я зацепил багром за опору пристани и цепью привязал к ней катер. Кое-как вскарабкался по крутому склону наверх, отряхнул, привел в порядок потерявший свежесть английский костюм в мелкую клеточку.

Мише надоело сидеть на воде. Он полез по моим следам, попросил:

— А ну, подай руку.

Я зацепился рукой за бревно, что сбоку окантовывало пристань, и, вдруг наткнулся рукой на торчащий из него огромный гвоздь. Сердце сразу екнуло — неужели послание от маньяка?! Провел, по гвоздю рукой — бумажка! Я сразу стал энергичным, деятельным, достал из кармана фонарик, включил: точно, гвоздь-штук, а на нем наколота бумажка — листок из школьной тетрадки в клеточку.

— Миша! — заорал я. — Давай руку, — и разом выдернул его на пристань.

— Что такое, детектив, тебя убивают?

— Уже убили, лежит где-то здесь холодненький. Вызывай срочно Шестиглазова с бригадой! И пусть Граю немедленно сообщит.

— Да что случилось, скажи толком?

— Маньяк снова след оставил. Где-то здесь, недалеко от нас, покойник лежит.

— Третий, третий... — заторопился юный ефрейтор. — Детектив Крылов нашел на пристани огромный гвоздь, вбитый в бревно, и на нем записка от НА-Га. Что мне делать?

У дежурного разом изменился голос. Только что это был измученный человек, а теперь с нами говорил молодой энергичный руководитель:

— Миша, мальчик мой, теперь ты у нас центровой. Высылаю бригаду. Пока она не подъедет, все работаем на тебя. Обнажи ствол, ляг, займи оборону. Убийца может оказаться рядом. Если заметишь кого — клади на землю. Не слушает — бей на поражение. Он очень опасен, близко к себе никого не подпускай. Сейчас включаю операцию «Перехват», перекрываю город.

С фонариком мы осмотрели ближайшие закоулки, заглянули под пристань, но никого не нашли. У меня так и чесались руки — схватиться с маньяком, но, похоже, он опять остался неуловим.

Через двенадцать минут заскрипела тормозами около нас милицейская машина, из нее выскочил взъерошенный Шестиглазов с платочком в руке, вытирающий свою любимую плешинку;

— Труп нашли?.. Где записка?

Я показал торчащий из бревна гвоздь. Шестиглазов раскачал его и вырвал.

Гвоздь вместе с запиской отнес в машину. Я не отставал. Инспектор покосился, но ничего не сказал. Мы забрались на заднее сиденье, я стал светить фонариком. Шестиглаз св за уголки стащил записку с гвоздя, осторожно развернул. Мы увидели уже знакомые по прежним запискам следы работы синей шариковой ручки:

*«Где твои таланты, Грай?
Я в тебе разочарован.
Ты по правилам играй,
Найди меня, и все готово.
Дам тебе еще задачку,
Но попроще, ты — слабак.
Пожелай себе удачи,
Все, пока. И подпись:
НАГ».*

— Тетрадный лист такой же, почерк идентичен, и гвоздь, как близнец, — констатировал с отчаянием В голосе Шестиглазов. — Та же самая сволочь действует... Так где вы с Мишей НЛО наблюдали?

Я показал на буюк с лампой, спросил:

— Граю сообщили?

— Да, позвонили в правление садоводства. Дежурный сержант сейчас сходит за ним, и они приедут.

— Как же он машину поведет без меня, у него рука нездоровая?

— Вы, Виктор, плохо о нас думаете, у сержанта права водителя имеются.

— Что сейчас станем делать? — пытался я торопить события.

— Придется вызывать подмогу, водолаз нужен. — Включил передатчик: — Третий, я пятый.

— Слушаю вас, — глухо ответил дежурный. — Доложите обстановку.

— Здесь действовал маньяк, оц оставил свою визитную карточку в стихах. Труп не найден. Скорее всего он в машине, которая сброшена с пристани. На краю деревянной пристани свежие сколы, царапины, следы упавшей с нее машины. Срочно нужен водолаз. Я понимаю, поздно, и тревожить людей неудобно. Но без водолаза нам не справиться. Если судить по буйку, машина стоит на фарватере Старого Ладожского канала, где вода из него вливается в Неву. Течение там сильное, машину может утащить и...

— Вас понял, пятый, — вздохнул дежурный, — Сейчас начну подымать людей.

Шестиглазов прогнал меня и Мишу с пристани, начал ползать по ней с фонариком, следы искать, А я без дела сидеть не привык, мне невтерпеж:

— Можно, я попробую нырнуть, посмотреть, что там на дне?

— Миша, доброволец хочет на тот свет посмотреть, — хмыкнул Шестиглазов. — Это может оказаться полезным. Обвяжи его покрепче, чтобы с конца не сорвался, веревку крепко держи, пусть поплавает.

Мы сползли с обрыва, на милицейском катере снова подошли к буйку, зацепились, как за якорь. Я аккуратно сложил свой английский костюм, засунул под брезент, чтобы не обрызгать водой, остался в одних трусах. Потом и их снял, ведь ночь, кругом одни мужики, зачем зря одежду мочить. Миша схватил меня шершавым тросом.

— Беседочным узлом тебя, никуда не денешься...

Страшно прыгать в черную, кипящую за бортом воду. Но я все же прыгнул. Пошел вниз солдатиком. До дна не достал, от холода дух зашелся — в Ладоге и среди летз вода ледяная. Отнесло меня здорово, пришлось Мише за трос тянуть. Подержался за борт катера, отдышался, снова нырнул, теперь уже греб изо всех сил руками и ногами, от воды отталкивался. В темноте нащупал на дне скользкое железо. Течение утащило меня в сторону, не успел низ обтрогать.

Миша тянул конец изо всех сил и втащил меня в катер дрожмя дрожащего.

— Б-больше не м-могу, — лязгал я зубами, — с-судоро-га с-сведет.

— Нашел что? — поинтересовался ефрейтор.

— М-машина с-стоит л-легковая, — и торопливо начал одеваться.

Дежурный, видно, расстарался — светя огнями, из-за поворота вышел водолазный бет. Встав недалеко от буйка, он бросил якорь, включил наружное освещение, прожектора и лампы — вокруг него стало светло. Наш милицейский катерок прижался к боту, как детеныш к киту. Шестиглазов, а за ним и мы с Мишей поднялись на борт. Бот оказался приземистым, остойчивым судном с окованной медью палубой и леерами из цепей.

Шестиглазов поздоровался за руку с толстым капитаном, одетым в шерстяной свитер.

— Привет, Завьялыч... Внизу, на дне, легковая машина, если мы не ошибаемся. Ее надо найти и поднять.

— Найти — я ее найду. А поднять — не мой вопрос.

— Не хочешь нам помочь?

— А чем я ее подниму? Боцманом?

— У тебя грузовая лебедка на корме.

— У тебя мозги набок, как у всей милиции — выстрел у стрелы короткий, мне машину из воды не вытащить.

— Как хочешь, Завьялыч, другой возможности у нас нет.

— Мы ее зацепим тросом, и пусть ее с берега тягач возьмет.

— Берег обрывист и застроен, на него машину не втащить.

— Тогда пусть на берегу кран поставят и подымут ее.

— Тоже не получится — пригонишь огромный кран, он деревянную пристань раздавить может. А маленькому крану, пожалуй, не справиться. Другой возможности, видишь, у нас нет, вся надежда на тебя.

— Не положено мне машины подымать. — уперся капитан. — Авария произойдет. К тому же ветер усиливается, ишь, как бросает. Я скоро прятаться стволн побегу, а то бот может опрокинуть.

— Людей убивать тоже не положено, — разозлился Шестиглазов, — а этот маньяк убивает и еще записки издевательские пишет.

— Это твои проблемы, Шестиглазов, ты инспектор, ты и хватай убийцу. Тебе для этого мундир дан с медными пуговицами, пистолет и широкий лоб.

— Мои проблемы? А не твои? У нас в районе идет серия немотивированных убийств. Сам-то ты, старый хрен, никому не нужен, но у тебя в городе живут жена, дочь и сын. Любой из них может оказаться следующим в этой серии. Ну, кого из них отдашь?! — уже кричал, обозлясь, Шестиглазов.

Завьялыч тяжело засопел:

— Тьфу, тьфу, тьфу, — трижды сплюнул через левое плечо. — Чго ты несешь, инспектор? Ты же знаешь, моряки — народ суеверный. Вот накарай

мне...

— А то и говорю, что там под водой сидит в машине покойник, а на берегу прячется убийца, мне надо его по горячим следам ловить, а ты следствие задерживаешь, потекаешь убийце. Вот если он твоего сына...

— Боцман! — взревел капитан.

— Слушаю, — вышел из-за рубки черноусый великан.

— Инспектора уголовного розыска за борт! Немедленно!!!

— Меня?! Официальное лицо? При исполнении?.. Да я... — он стал судорожно хватать кобуру.

Боцман схватил Шестиглазова сзади так, что прижал к телу руки и не давал шевельнуться. Так и отнес к борту.

— Ответишь за это, Завьялыч...

— Ничего, спишем на шторм, на несчастный случай... Боцман, кидай, тебе говорят!

Я не знал, как реагировать, хотел кинуться на помощь, но ефрейтор Миша схватил меня за руку:

— Не лезь, сами меж собой разберутся, они — родня, в одном доме живут.

Боцман легко перебросил Шестиглазова через леера, и тот, отчаянно ругаясь, полетел вниз, исчез за бортом. Но вместо всплеска воды я услышал сухой стук, неслыханные милицейские выражения. Шестиглазов, вдруг, поднялся за бортом, словно был бог и умел ходить по воде. Снял фуражку, вытер проплешину:

— Сам ты, Завьялыч, дурак, и шутки твои дурацкие, — взялся за леера и запрыгнул опять на палубу.

Оказалось, за бортом находилась небольшая лодочка.

Бессменный помощник и телохранитель инспектора сержант Григорьев как дрессированная обезьянка прыгал по берегу, срывая с себя одежду. Увидев, что с Шестиглазовым ничего не случилось, крикнул на бот:

— Завьялыч!

— Что тебе, сынок? — откликнулся капитан.

— Дыхни в мою сторону.

— Ху... — рассмеялся толстяк.

— Как появитесь на берегу, получите пятнадцать суток за появление в нетрезвом виде в общественном месте и мелкое хулиганство. — И показал наручники.

С Ладоги вдруг ударил шквал, бот сильно качнуло. Я не удержался на ногах, сел на обитую медью палубу и словно с горки покатил к борту. Лишь в последний момент удалось схватиться за леера. К счастью, палуба оказалась до блеска надраена, и мои английские брюки не были повреждены.

Водитель милицейского катера ефрейтор Миша быстро сориентировался:

— Инспектор, буюк с лампой я оставляю под вашу ответственность, а сам тикаю, а то катеру кранты. Ему такая погода противопоказана, — спрыгнул с бота, дал полный газ и, пеня воду, ушел за мыс в Неву.

По горизонту ползли тучи, которые толстому капитану явно не нравились:

— Мы продержимся полчаса, не больше. Боцман, Снегирева под воду, живо!

Я показал водолазу, где нащупал кузов машины — от буйка два метра в сторону берега. Его быстро засунули в резиновый костюм, навинтили сверху медный шлем со стеклянным окошечком. По металлической лесенке он спустил-

ся вниз, скрылся под водой, пуская пузыри. Боцман, глядя на россыпи пузырьков, подсказывал по телефону:

— Возьми левее, иди прямо...

Ветер усилился, бот стал изрядно клевать носом и переваливаться с борта на борт. С Шестиглазым что-то произошло. Он посмотрел на волны, на которых начинали завихляться пенистые барашки, на небо, по которому быстро ползли зловещие тучи, вслушался в завывание ветра в снастях и как бы ненароком спросил капитана:

— Сколько баллов, как ты думаешь?

— Для тебя уже достаточно! — отрезал толстяк. — Ишь, позеленел весь.

— А не можем мы с тобой сэкономить время?

— Это еще как?

— Спуститься вниз прямо на боте и осмотреть место происшествия.

— Если ты спешишь, можно сделать еще проще.

— Это как?

— Привяжи к ногам колосники и прыгай. Через четыре секунды все увидишь своими глазами. Веревку дать?

Высокая волна резко ударила в скулу бота, окатила собеседников. Я успел юркнуть за рубку, и мой костюм не пострадал.

Инспектор решил резко переложить руль:

— Может, нам у берега непогоду переждать? Черт с ним, с маньяком, еще утопим тна самом деле.

— Здесь глубина большая и течение быстрое. Шторм машину раскачает, и она может уйти. Намучаешься искать, а то и вовсе не отыщешь, — объяснил капитан, — Если нащупаем — надо тащить.

— Но ведь ты все равно не подымеешь ее, зачем мучиться?

— Коньяк ставишь?

Снова волна окатала борт, казалось — еще немного, и мы черпнем воду бортом.

— Ставлю, ставлю, — пролепетал инспектор.

Мне тоже было страшно. Бот плясал на волнах, а они шли одна за другой, разогнавшись на бескрайнем просторе Ладоги, короткие, злые волны... Не успевал бот вскарабкаться на очередную, как следующая с силой била, и они уже начинали захлестывать на палубу. А черная вода совсем рядом, у самых ног...

Завьялыч взял радиотелефон:

— Кварц, ответьте Глубокому... Михайлов Серега, это ты? — и начался негромкий разговор, в конце которого Завьялыч отчетливо сказал: — Качает, но терпимо. От тебя это совсем недалеко, коньяк он обещал, не обманет.

— С кем ты говорил? — спросил Шестиглазов. Он теперь уже побледнел от морской болезни, стал выглядеть не лучше покойника.

— На Судостроительном заводе помощи просил. Они там вышки собирают морские для нефтяников, у них много разной техники. Буксир притащит плавающий кран, и подыдем твоего покойника.

Вместо ответа Шестиглазов сунул голову за борт. Потом застонал:

— К... матери и маньяка, и машину эту, вези меня на берег, толстяк...

У меня тоже начал подсасывать желудок, но я еще держался, видно, на пользу пошла тренировка с рыбаками.

— На воде я команду! — отрезал капитан. — Наденьте спасательные жилеты и не мешайте.

В это время усатый боцман спрашивал в телефон водолаза:

— Снегирев, ты что криштишь? Что с тобой случилось? Под машину затащило?.. Сам выберешься?.. Выкарабкался?.. Линь завяжи за задний бампер машины и возвращайся на бэт.

Водолаз выбрался из воды по лесенке. Отвинтили шлем, Снегирев тяжело дышал:

— Течение жуткое, сносит. По дну пришлось ползти на четвереньках.

Из-за поворота, зарываясь в волны носом, вышел небольшой портовый буксирчик. Упираясь из всех сил так, что сзади вздымался белый бурун, он тащил плавучий подъемный кран. Понтон тоже изрядно швыряло, решетчатую вышку-стрелу так раскачивало, что крюк на тросе касался воды.

Тут взбунтовался и мой желудок, тоже пришлось стать к борту рядом с инспектором. Глаза залило слезами и брызгами. Смутно помню, как подошел кран, водолаз снова ушел под воду. На берегу появилась новая машина, трижды мигнула левой фарой, это приехал Грай.

— Подцепил? — кричал в телефон усатый боцман. — Отходи, мы тебя за линь вытащим. — И показал рукой крановщику, раскачивающемуся в кабине на понтоне: «Вира помалу!»

Вот, словно спина огромной рыбыны, показалась из волн крыша автомобиля, блеснула в свете прожектора, снова исчезла. Снова вышла и закачалась в воздухе. Вода из нее лилась ручьями.

Буксир подтолкнул понтон к берегу, стрела развернулась, и кран плюхнул машину на пристань. Там засуетились милиционеры, отцепили троса.

Буксир потащил понтон с краном обратно. Наш капитан подхватил буюк, выбрал якорь, и мы спрятались в Ладожский канал, прижались к берегу. Дыхание злых волн доносилось и сюда, но здесь мы были в безопасности.

— Все, слава Богу, в канал заскочил! — крикнул Завьялыч по радио капитану буксира. — На мне аухой нитки нет.

— У меня крановщик в штаны наложил, — в ответ рассмеялся тот нервным смехом. — Да и я, если честно, изрядно перетрухал. Кстати, где обещанный коньяк?

Как ни странно, при слове «коньяк» Шестиглазов пришел в себя, сиганул за борт и по обрывистому берегу начал резво карабкаться наверх. Я еще плохо соображал, но, боясь потерять из вида инспектора, последовал за ним. Шестиглазов провел меня через рощицу, по мостику через старый канал и по каким-то закоулкам мы вышли к пристани. По дороге я пришел в себя, да и Шестиглазов, похоже, оправился — выпрямился, шаг его стал тверже и шире. В конце пути мы были уже в полном порядке.

Темно-коричневая мокрая «вольво» блестела, освещенная фарами милицейской машины. Сержант Григорьев осторожно открыл правую дверцу малчшы. На руле, упершись в него грудью, лежал мужчина лет тридцати. Коротенькая, мастерски подстриженная борода, на волевом лице застыла маска боли и удивления. Явно импортный темный костюм сохранил приличный вид даже после сурового испытания. Коричневый галстук, как змея, охватывал жилистую шею. Часы, похоже швейцарские, на руке мертвеца продолжали спокойно отсчитывать время. Было уже двадцать минут второго.

— Может, отпечатки найдем? — спросил сержант.

— Все смыло к черту, — мрачно ответил Шестиглазов и полез в машину на хлюпающее от воды сиденье. Как смог, ощупал голову и тело пострадавшего, оглядел машину. Выбрался с мокрыми пятнами на одежде и решительно выдал версию:

— Маньяк убил его на улице одним сильным страшным ударом. Набросил тело на руль, включил скорость, и машина съехала с пристани в воду.

— Можно, я загляну? — попросил Грай и, подсвечивая себе сильным немецким фонариком, осмотрел машину и тело сначала с переднего сиденья, потом забрался на заднее.

Когда Грай вылез из «вольво», Шестиглазов поинтересовался:

— Вы со мной согласны?

— Маньяку сильно везет, — с досадой заметил Грай, — никаких следов. Похоже, тот, кто его ударил, ехал с ним в машине, тут дорога неровная, они двигались медленно. Когда приблизились к пристани, убийца стукнул его чем-то, похожим на трубу, и выпрыгнул на ходу — задняя дверца оказалась прикрыта неплотно. Человек потерял сознание, но машина продолжала идти и скатилась вниз. Когда она упала в воду, человек очнулся, попытался спастись, даже сломал ноготь на среднем пальце о дверцу машины. Но он был слаб и, очутившись под водой, захлебнулся.

— Потом посмотрим, чья версия правильнее, — пробормотал Шестиглазов. — Ну, а что вы скажете об убийце?

— Он среднего роста, примерно тридцати лет, не больше тридцати пяти. Крепкий, ловкий человек, левша или хорошо владеет обеими руками.

Набывчившись. Шестиглазов выслушал мнение Грая, проворчал:

— Интересно бывает послушать частного детектива. Но что толку с фантазии? Мне нужны факты. Виктор, в какое время вы увидели свет погрузившейся машины?

— В одиннадцать часов шесть минут. Но само убийство произошло несколько раньше.

Защелкал вспышкой эксперт-фотограф, убитого вытащили из машины и положили на доски пристани. За него взялся доктор и вскоре доложил:

— Пробит череп, других повреждений на теле нет, кроме сломанного ногтя. Умер ли он от удара или захлебнулся, я скажу после вскрытия.

Из пиджачного кармана убитого Шестиглазов извлек кошелек.

— Деньги, довольно большие, доллары... Версия об ограблении отпадает... Паспорт... Странички слиплись...» Осторожно откроем, прочитать можно — Ис-аев Геннадий Петрович, прописан в Санкт-Петербурге, адрес в наличии.

— Имеет ли он какое-нибудь отношение к Садам? — засомневался сержант Григорьев, — Эдакий холеный тин; при валюте, богато одет, машина шикарная, новенькая.

Шестиглазов в изнеможении махнул рукой:

— Это постараемся узнать завтра, то есть утром — дадим запрос в город, узнаем, кто он, чем занимался. Выявим связи в Шлиссельбурге — к кому приезжал, с кем общался.

Сержант посмотрел на часы и зевнул так, что чуть не вывернул челюсть:

— Ого, уже три часа, сутки на ногах...

— И мне пора отдохнуть, — признался я Граю. — Глаза жжет, словно в них

песку насыпали.

Шестиглазов осмотрел свое измученное войско:

— Я тоже не в лучшей форме... Давайте на сегодня заканчивать. У машины остается постовой, остальные по домам, отдыхать. Собираемся в девять утра в райотделе. Грая и Крылова, как привлеченных нами частных детективов, приглашаю к себе домой. У меня в наличии свободный диван и раскладушка.

Из всех нас, кое-как суетившихся на берегу, только Грай сохранил бодрость, словно он вообще не знал никогда усталости. Глаза сверкали, он шел по горячему следу, внутри лихорадочно работал мощный мотор.

— Спасибо, не стоит беспокоиться, — поблагодарил Грай. — Я сумею довести машину до дома и одной рукой, а Виктор поспит по дороге. С утра, если потребуется, мы в вашем распоряжении.

Тело убитого санитары положили в труповозку и увезли в морг. Оставленный на ночь постовой стал обносить место происшествия длинной веревкой.

Я расположился на переднем сиденье нашей «Нивы», чтобы в случае необходимости помочь Граю справиться с управлением машины. Но как только закрыл дверцу, тут же заснул, Неожиданный дождь застучал по крыше автомобиля, и так хорошо спалось под его ровный рокот. Сквозь сон я слышал, как Грай останавливался, выходил, как кто-то, тяжело дыша, сел в машину позади меня и, показывая дорогу, говорил: «Налево, еще налево...» Потом дождь кончился, машина остановилась, и Грай потряс меня за плечо:

— Я понимаю, три часа сна мало для молодого мужчины, но придется подняться.

С трудом я заставил себя открыть глаза. Посмотрел на часы — шесть утра. Еще труднее оказалось заставить себя шевелиться, и чуть не выпал из машины. Уже совсем рассвело. Пахло влажной землей и свежестью, пели птицы. Мы находились в Садах, но в месте, мне незнакомом. Перед машиной стояла бухгалтер Рублева.

Дом, у которого мы остановились, стандартный, хорошо выкрашенный, под новой, сверкающей на солнце металлической крышей. Высокие ворота с автоматическим замком, крепкий забор, металлический гараж, удлинённый, на две машины.

— Дела у хозяина дачи идут неплохо. Кто он? — спросил я, стараясь побыстрее проснуться.

Глава XIII

— Здесь живет Гена Исаев, — шепотом ответила Рублева. — Еще его старший брат Слава, теперь он называет себя Стивом. Их мать Мария Михайловна.

Ворота оказались заперты. Как будить хозяев? А может, здесь никого и нет?

— Хозяйка живет здесь все лето, — рассказывала Рублева, — Старший Слава часто приезжает, а младший, говорят, высоко взлетел, он здесь редкий гость.

— Что значит — высоко взлетел?

— Сплетни вам не стану пересказывать, сами спросите у матери. А соседи видят — на новенькой «вольво» приезжает, машина — ахнешь! Ну, и делают выводы, пошли разговоры.

— Придется тебе, Виктор, — попросил Грай, — нарушить закон о неприкосновенности частной собственности и разбудить хозяев.

Я намочил ладони о траву и мокрыми руками протер лицо, чтобы совсем проснуться. Забор мне по грудь, рейки остро отточены, как бы не поскользнуться да не оставить кусок вполне приличного костюма в мелкую клеточку. Как учили в армии, несколько шагов разбег, прыгнул, как на штурмовой полосе, и я уже на той стороне, в чужом саду.

Можно подумать, хозяйка именно этого и ждала. Тотчас открылась дверь, и немолодая женщина в длинном платье и шерстяной кофте, накинутой на плечи, вышла на крыльцо.

— Вы ко мне, молодой человек?

— К вам, Мария Михайловна... Мы... хотели бы поговорить.

— Я сначала подумала, спать хотят что-то продать. Вчера свежую рыбу предлагали, торф на тележке привозили, картошку на мотоцикле, кур ворованных — назойливой становится торговля. Опять, думаю, доморощенные купцы ни свет, ни заря на участок ломаются.

Хозяйка подошла к воротам, небольшим ключиком открыла замок. Внимательно посмотрела в лицо мне, Граю, Рублевой.

— Вижу, у вас плохие новости.

— С чего вы взяли, Мария Михайловна? — спросила Рублева.

— У сердца матери нервы оголены... Всю ночь не сплю. Большую беду чувствую.

Я никогда не видел эту женщину, но был уверен, она за ночь постарела, у нее изменилась походка, движения стали неуверенными. Она разговаривала с нами и в то же время находилась далеке отсюда, даже в другом измерении.

— Проходите в дом, — пригласила хозяйка. — Зачем нам разговаривать на улице.

Комната, в которую она нас ввела, была чистой, уютной гостиной. Ничего особенного в обстановке, кроме висящего на стене японского телевизора, плоского, как доска.

— Всю ночь кипячу и пью кофе, — сказала Мария Михайловна, достала из буфета маленькие чашечки и налила нам из кофейника дымящийся напиток.

Женщина держалась сурово, отстраненно, казалось — ничто земное ее сейчас коснуться не может, она стояла на пороге вечности. У меня в груди стало холодно — ведь нам надо ее спешно «потрошить», выпрашивать, вывести-

вать... Язык не поворачивался начать разговор, и Грай, по видимому, чувствовал то же самое. Наконец, она не выдержала:

— Вы — вестники беды. Чувствую, что-то с моими детьми. Говорите, кто из них? — и посмотрела прямо в глаза Граю.

— Геннадий ваш младший сын? — спросил Грай осторожно.

Она сжала руки на груди:

— А старший, Славик, Стив живой?

— У нас нет никаких сведений о старшем.

— Значит все-таки Гена... Боже мой, что с ним? Не тяните, говорите сразу. Я готова ко всему.

— Его нашли в Шлиссельбурге, на дне Ладожского озера, сидящим в машине.

Мать не шевельнулась, и Грай продолжил:

— Его ударили сзади по голове и, наверное, еще живого сбросили в воду. Мы ищем убийцу.

Шеф умолк. Женщина должна была бы спросить, кто это сделал, кто убил ее сына? Но она не задала ни одного вопроса. Посидела молча, глядя сквозь стену, поднялась и помертвевшим голосом произнесла:

— Теперь мне незачем жить. — Пошла в соседнюю комнату, легла на неразобранную кровать, лицом к пестрому туркменскому ковру.

Мария Михайловна перестала отвечать на вопросы, словно не слышала нас. Ес на земле больше ничего не интересовало. Мы провели в доме еще час, видя бесплодность усилий, хотели уйти. Но в это время в ворота въехала красная девятка «Жигули», и молодой мужчина лет тридцати трех, лицом напоминающий Марию Михайловну, вышел из нее.

— Стив, старший сын, — шепнула нам Рублева.

Дверь резко открылась. У порога Стив плюхнул на пол большую сумку, скользнул по жцам вс просительным взглядом и вошел в комнату.

— Гляжу, что за черт, незнакомая машина у ворот, значит у нас ранние гости? — спросил он и доброжелательно улыбнулся.

Нет, я не увидел тревоги в его глазах, на лице ясно читалось, что сегодня воскресенье, после ударной работы следует прилично отдохнуть.

— Вижу бухгалтера из Садов и двух мужчин явно силового типа. Вы, наверное, пришли недоимки собирать? Тогда скажите, в чем мы провинились — мы за электричество или за дороги не заплатили? — скалил он зубы, глядя на Рублеву.

Вдруг Стив замолк на полуслове. В дверях стояла мать и молча, глазами, полными боли, смотрела на сына. Глаза ее ярко полыхали, таким взглядом можно было прожечь рельс.

Сын выдержал взгляд, подошел, участливо спросил:

— Мама, что с тобой?.. Ты заболела?

Глаза у матери потухли, плечи опустились. Ни слова не говоря, она снова легла на неразобранную кровать и повернулась лицом к пестрому ковру.

Сын заботливо укрыл ее клетчатый шотландским пледом, беззвучно закрыл дверь и обеспокоенно спросил у нас:

— Что произошло? Вы сидите словно вареные, и мать не в себе.

Во мне крепло нормальное человеческое желание — встать и уйти, по-моему, единственно правильный ход в подобной ситуации. Но Грай взглядом

приковал меня к стулу, мол, работа продолжается.

Бухгалтер Рублева предположила, что мы в замешательстве, и начала сама:

— Эти люди, Слава, частные детективы, ищут убийцу-маньяка, который переполошил наши не знавшие горя Сады.

Мы представились.

— Понятно, — пробормотал он. — А к нам зачем пришли?

— Вы, я вижу, — начал Грай, — человек бывалый, крепкий, наверное, немало повидали в жизни.

— Я Афган прошел, не надо меня готовить, братишки, говорите прямо.

— Этой ночью убит ваш брат.

— Убили-таки, — помертвевшими губами прошептал он. — Ему давно мафия грозила... Как убили?.. Кто, вы узнали?

Руки его предательски задрожали, он рывком открыл буфет, выхватил бутылку шотландского виски, со звоном поставил перед нами стаканы, плюхнул в них понемногу, а себе сразу целый, и в несколько глотков выпил. Потом подошел к окну и неподвижно стоял минуты две. Вернулся к нам уже с помутневшими глазами:

— Раз вы пришли, значит хотите задать вопросы. Я готов на них ответить, спрашивайте.

С жадностью посмотрел на бутылку, сделал прямо из горла несколько глотков.

— Извините, я к вашим услугам.

— Расскажите, как приехали сюда жить, как строили дом, о себе, о брате, — попросил Грай.

Стив взглянул на свои руки, увидел — дрожат, спрятал под стол. Стал вспоминать, как двадцать два года назад мать взяла тут участок. Отец их бросил, и они, мальчишки, сами вырубали кусты, валили деревья, заманивали тракториста, чтобы выкорчевал пни. Жили во временке, кое-как сбитой ими из горбыля под руководством соседа. Подрабатывали, где могли, купили этот стандартный дом. Были голодны и веселы.

Силенок у него, у Стива, было маловато, соседские ребята обижали, чтобы постоять за себя и младшего брата, он начал заниматься карате. А потом его «шлифанул» Афган.

Геннадий с детства хотел учиться, просил: «Мама, достань денег, займи, я отработаю, хочу поступить на подготовительные курсы». И действительно, еще студентом, успевал работать сразу в четырех местах — дворником, ночным сторожем, сантехником и еще кем-то. Началась перестройка — сразу подался в ларек. Потом в магазин товароведом, вот тогда уж поработал — уходил с рассветом, возвращался поздно ночью, падал в кровать и тут же засыпал.

Придумал мощный ход — взял у города в аренду Садовую улицу, поставил на ней пятьдесят ларьков и резко пошел в гору. Открыл свой банк, планировал открыть второй. Отпуск проводил уже не в Садах, а в Швейцарии.

— И вот... В большом бизнесе жестокая конкуренция. Если его конкуренты наняли профессионалов, допустим, пригласили киллера из соседнего города, вы их никогда не найдете, и исполнителя тоже. Профессионалы чисто работают, никаких следов, никаких свидетелей.

— Скажите, а чем вы зарабатываете себе на жизнь?

— Моя жизнь менее интересна. Работал тренером по плаванию в бассейне.

Сократили. Брат меня пожалел. Втиснул на Садовую пятьдесят первый ларек, дал денег на обзаведение. Предупредил: «Все, на меня больше не рассчитывай. Дальше действуй на общих основаниях, как другие».

— Получается?

— Сильно крутиться приходится. Покупаю шмотки на окраине подешевле, продаю в центре, где все дороже. Тем и кормлюсь. Коммерсантом, финансистом надо родиться. Вот к Геннадию деньги сами шли. А я, увы, до таких высот никогда не подымусь. Дела у меня не хуже, чем у хозяев других ларьков, но и не лучше. Поймите меня правильно. Я не жалуясь и не завидую брату. У каждого своя судьба, своя жизнь. Моя вот такова, я честен перед вами, братки.

— У Геннадия дети есть?

— Нет, он не успел жениться.

— Наследуете его состояние вы?

— Не знаю, никогда не думал об этом... Почему я? У нас глава семьи мать. Она крепкая женщина, в здравом уме и твердой памяти. Мать, думаю, и распорядится деньгами Геннадия. Как она решит, так и будет.

Еще мы выяснили, что новый русский Геннадий уже купил участок в престижном месте Карелии, начал строить особняк. Зимой ездил в Египет, весной в Италию. Отдыхал и дела обделывал. Сюда, в Сады, заезжал редко, проведать мать. Обычно катил через Шлиссельбург. Там живет его первая любовь, девушка Галя. Еще в Шлиссельбурге налаживал связи, прощупывал возможности, хотел там открыть филиал своего банка.

— Часто вы здесь бываете?

— Раз в неделю на один день.

— Почему так?

— Вы еще живете при социализме, имеете два выходных, а я уже при капитализме — не имею ни одного. Чтобы уехать сюда, сажаю вместо себя человека и плачу ему.

— А как же отпуск?

— Чтобы не потерять своих постоянных покупателей, сдаю ларек на месяц. Место престижное, уже сейчас есть желающие, просят сдать.

Стив поднялся, заглянул в комнату матери — она все так же неподвижно лежала, глядя в стену. Он вынул из дорожной сумки большую бутылку «Хорайжз», налил всем в фужеры прохладительный напиток, поставил на стол вазу с печеньем. Извинился, что не может угостить нас кофе. Хмель почти не брал его, только глаза лихорадочно блестели, да в разговоре проявился маленький дефект, иногда проглатывал окончания слов.

«Оранж» приятно освежал, пощипывал язык. Стив вначале мне казался подозрительным, затем понемногу начал нравиться — бывалый, битый жизнью, не очень удачливый, откровенный человек. Он вызывал у меня сочувствие.

Наверное, и Граю собеседник пришелся по душе, шеф рассказал, как нашли тело, про гвоздь-штык, записку с автографом, про поиски маньяка. Стив заматался по комнате, вскрикивая:

— Ну, почему именно мой брат? И какой смысл в этих убийствах?

— Я тоже думаю над этими вопросами, — откликнулся Грай. — Позднее постараюсь ответить. Молю Бога, чтобы здесь не появился новый изверг, какой-нибудь питерский Чикатило.

— Так все садоводство разбежится, семь чертей, и все безногие! — ахнул

Стив. — Нет, нельзя допустить этою. Мы в Афгане знали, как поступать в таких случаях. Знаете, у меня опыт настоящей войны, здесь он может пригодиться. Разрешите, я помогу вам?.. В Садах вы люди новые, со стороны, а я вырос тут, многих в лицо знаю. Там, где вас могут обмануть, меня не проведешь. Я брата сильно любил, боготворил, можно сказать, он ведь нашу семью из бедности вытащил, меня на ноги поставил, и того, что с ним сотворили, я оставить без ответа не могу. Возьму отпуск на неделю, две, на сколько потребуется. Соберу местных ребят, и мы быстро схватим вашего сумасшедшего НАГа.

Грай, похоже, заинтересовался подобной возможностью, но решил предостеречь от торопливости и горячности:

— Вы не представляете все сложности подобного следствия. Человек незаметен, он словно по воздуху летает, сделав свое черное дело, исчезает, не оставляя ни отпечатков, ни следов... Кстати, когда вы виделись с братом в последний раз?

Стив остановился, нахмурил брови, собрался:

— Как бы вас не ввести в заблуждение... В субботу утром — значит вчера. Мы завтракали вместе.

— Он был встревожен? Может, вы слышали странные звонки, видели телеграммы, письма?

— Геннадий был спокоен, собирался заехать в свой банк, затем отправиться в Шлиссельбург, на праздник, и еще рассчитывал на обратной дороге проведать мать. Хотя... один междугородный звонок имел место.

— Кто подходил к телефону?

— Я подходил.

— Не можете сказать, кто звонил?

— Брат был скрытен, никому не позволял вмешиваться в его дела. Но я узнал голос — звонила из Шлиссельбурга его первая любовь Галя. Они договорились о встрече.

Грай достал записную книжку:

— Адрес ее знаете?

— Адреса нет, но у меня записан ее телефон. Могу поискать.

— Не сочтите за труд, поищите. Еще мне хотелось бы знать его привычки — может, он любил по вечерам ездить к Финскому заливу, к Неве, на Ладугу, любоваться вечерней зарей?

— Он уже привык любоваться красотами озера Балатон. На другие пейзажи у него не доставало времени. Он делал деньги.

— Геннадий по вечерам выходил на прогулки?

— Да, перед сном позволял себе подышать свежим воздухом, побыть в одиночестве, подумать. Он сильно устал за эти перестроечные годы.

— Кто мог знать о его привычках?

— Из своей жизни он не делал тайн. Сумел так устроить свои дела, что не имел явных врагов и телохранители ему не требовались. Этим, наверное, и воспользовался хладнокровный киллер. Или, как вы предполагаете, маньяк из Садов.

Стив поднял бутылку, взглянул, сколько еще осталось, плеснул немного виски себе в стакан, заглотил разом и на закуску спросил сам себя:

— Кого же братишка мог встретить в Шлиссельбурге?

— На праздник прибыло много народа, — стал рассуждать Грай. — Без оста-

новки курсировал паром с правого берега, валом валили туристы на автобусах, да еще нахлынули местные из Садов. Людный оказался праздник. Встреча могла состояться самая удивительная.

Хмель понемногу овладевал Стивом, но он все еще держался молодцом, хотя уже порой начинал беседовать сам с собой:

— Интересно, как может выглядеть современный маньяк?

— Совершенно безобидно, — ответил Грай. — если мог подойти, не скрываясь, и Геннадий его подпустил. Или был знакомым, и ваш брат даже посадил его в машину.

— Как же убийца мог скрыться из города? — не унимался Стив.

— Это произошло около одиннадцати вечера, предположительно. Из Шлисельбурга спешили уйти последние автобусы, паром еще курсировал на другую сторону Невы, подвозил людей к электричке. Спокойно можно было скрыться на своей машине, велосипеде, мотоцикле, — ответил Грай и поинтересовался: — Кстати, как вы провели субботний вечер?

— Законный вопрос, — согласился Стив. — До семи вечера просидел в ларьке, без четверти восемь явился домой, поужинал вдвоем с телевизором. Полистал журнал и лег спать.

— В квартиру, может быть, заходили соседи? Кто-нибудь может подтвердить ваше алиби?

— Тоже естественный вопрос. Было два звонка около десяти, точное время не могу сказать. Если потребуется, ребята подтвердят.

За окном протренькал велосипедный звонок.

Глава XIV

Мы все посмотрели в окно. На велосипеде с металлической авоськой на багажнике, набитой всяческой снедью, в ворота въехала белокурая девушка. И на улице, и в доме словно светлее стало — это появилась Зоя — юная продавщица из нашего магазина, девушка, которую я про себя называл Золушкой.

Губы Стива тронула пьяноватая улыбка:

— Это знакомая Геннадия Зоя. Он ей заплатил, чтобы присматривала за нашей матерью, опекала, снабжала свежими продуктами. Ей не много труда, и нам не надо везти сюда продукты из города.

Зоя сняла с багажника металлическую авоську. Стив бросился ее встречать и внес в комнату продукты. Девушка оказалась сильно расстроена.

— Неужели это правда, про Геннадия? В магазине только об этом и говорят. Многие уже бежать собрались из Садов, так напуганы маньяком. Говорят, что он собирается убивать все лето, каждую субботу по одному человеку.

— Не пугайтесь раньше времени, Зоя, — попытался успокоить ее Грай и вытащил из кармана двухсотмиллиметровый гвоздь. — В вашем магазине продавались подобные великаны?

— Пугаться я особо и не пугаюсь, — стрельнула в него быстрым взглядом Зоя. — А вот без покупателей остаться нежелательно. Они мне делают план, поэтому я всем старательно улыбаюсь с утра до вечера, как принято в лучших магазинах Америки. А таких огромных гвоздей я вообще не видела. У нас продуктовый магазин — молоко, сметана, хлеб, яйца А за скобянкой надо в Кировск ехать, на склад. Да и там ничего подобного не найдете. Это в доперестро-

ечной России мы могли позволить себе подобный ассортимент. А теперь гвоздильные заводы гвоздят только мелочь — ширпотреб.

Я никак не мог понять — сколько Зое лет? Улыбнется, появятся ямочки на щеках — едва стукнуло восемнадцать. Невинная Золушка, да и только. А то пырнет взглядом, оскалит острые зубки, личико посуровеет — можно дать все двадцать шесть. Обычного выражения ее лица никак не мог уловить — она показывала только маски, как на сцене И это, как ни странно, притягивало к ней, хотелось узнать — кем она обернется в следующую минуту? Я твердо решил жениться на ней, как только мы поймаем маньяка.

— Зоя, вы можете в рабочее время уйти из магазина? — мягким голосом спросил Грай. — Если захотите.

Зоя сделалась совсем ребенком.

— Вы и меня подозреваете?

— Я подозреваю всех, пока не поймаю настоящего убийцу.

— Тогда скажу честно, могу уйти в любое время. Но в дни убийств не отлучалась ни на минуту. Можете спросить напарницу, да и покупатели могут подтвердить.

— А сюда вы часто приходите с продуктами?

— Мы с Геннадием договорились, что стану приходить два раза в неделю и наполнять холодильник. Но если потребуется, могу и третий раз заехать. Мне хорошо заплатили за это.

— Вам не приходилось видеть здесь, у Геннадия, писем, написанных на листках из школьной тетради, стихов, подписанных словом «НАГ»?

— В этом году я Геннадия видела всего однажды, никакой корреспонденции он мне не показывал.

— Вы случайно не знаете, к кому он заезжал в Шлиссельбурге?

Зоя взглянула на хозяина дома:

— Мне Стив однажды говорил, мол, у Геннадия там девушка, любовь неудачная, безответная. Но не может же девушка так сурово поступить со сзоям ухажером?.. Скажите, а здесь, в Садах, этот неуловимый НАГ может еще бед натворить?

Грай погладил скатерть ладонью руки, жест, мне ранее незнакомый.

— Он ловко прячется. Но я до него все равно доберусь. Или инспектор Шестиглазов его схватит.

Зоя понизила голос:

— Знаете, ходят слухи, что Шестиглазов куплен мафией. Об этом шепчутся иногда в магазине, я сама слышала. Мол, он не столько ищет этого НАГа, сколько прячет его. Как вы думаете?

— На чужой роток не накинешь платок, — усмехнулся Грай. — У меня против инспектора никаких данных нет.

Стив, который все это время нервно ходил по комнате, наконец остановился и, махая правой рукой, словно рубил кирпичи, торопливо заговорил:

— Я все продумал, господа детективы. Мы здесь, в помощь вам и инспектору, организуем бригаду содействия милиции. Я слышал, прежде бывали такие, назывались БСМ. Вам, людям со стороны, никогда не найти этого НАГа без нашей помощи. А у нас здесь все люди на глазах. Я бригаду финансирую, не пожалею средств. Прежде всего включим в БСМ заинтересованных людей — Олега Попова, Рахима Маматкулова, капитана рыболовецкого траулера из Назии

Кирилла Феоктистова. Он тоже рвется расправиться со злодеем.

— Меня возьми, Стив, — попросила Зоя.

— И я включаюсь в вашу бригаду, — хриплым басом неожиданно произнесла до сих пор молчавшая бухгалтер.

Стив подозрительно покосился на нее, но та осталась невозмутима:

— Без меня у вас не станет порядка, только денежки на ветер бросите. А я то уж за всеми прослежу и ни рубля не позволю даром потратить, — припечатала Рублева.

— Стив, ты энергичный, сильный, воевал в своем Афгане. Придумай военную хитрость, чтобы маньяк сразу попался, а?

— Сумасшедший НАГ, семь чертей тебе под хвост, берегись! — яростно воскликнул Стив.

У моей маленькой Зои был несомненный талант — активизировать, вдохновлять людей. Стоило ей произнести несколько слов, и Стив тут же сгреб со стола посуду, начал энергично рисовать пальцем на скатерти, составляя хитроумный план поимки маньяка, оживилась молчаливая бухгалтер Рублева, и даже я решил в свободное время по-сотрудничать с белокурым членом ново-явленной бригады содействия милиции.

В десять часов двенадцать минут мы с Граем выезжали с восемнадцатой линии, где жили Исаевы. Навстречу нам с воем неслась милицейская машина с мигалкой на крыше. Я едва успел прижаться к канаве, как мимо, обдав нас пылью и служебным усердием, едва не поцарапав заднее крыло, решительно пронеслись Шестиглазов и сержант Григорьев.

— Держись, Стив, — посочувствовал я, — сейчас тебе столько вопросов зададут — до вечера не отвертишься. А если твои ответы не понравятся, то придется в славный город Кировск на казенной машине в казенный дом прокатиться.

Глава XV

Узнав о третьем убийстве с автографом, петербургские газеты подняли страшный шум. Все материалы были критические, ругательные, больше всех доставалось Граю, особенно за адресованные ему стихи. Я даже подумал, что Шестиглазов напустил на нас всю свору криминальных журналистов, но потом увидел — и ему изрядно достаётся.

Даже наша любимая газета «Вечерняя Нева» вынуждена была, подыгрывая разозленным читателям, напечатать карикатуру — кобра жалила людей в саду, на ее хвосте нанизаны четыре письма Граю, великий сыщик читает их и не может шевельнуться, загипнотизированный страшным взглядом гигантской змеи.

У нас в Садах, в доме капитана Бондаря, побывали корреспонденты криминальных отделов почти всех районных газет области.

Позже всех приехали из той газеты, что находилась ближе всех, из Кировска — главный редактор «Кировского соловья» Наташа Шведова. Грай беседовал с ней, сидя на скамейке перед домом, а Наташа записывала ответы на маленький, с пол-ладошки, миниатюрный японский магнитофон.

— Почему НАГ пишет стихи на ваше имя?

Грай отвечал коротко:

— Пока не знаю.

— Может быть, убийца кто-то из тех, с кем вы встречались прежде, расследуя предыдущие дела?

— Полгода назад на Синявинской птицефабрике, это рядом с Садами, я вел «Дело розовых бройлеров, которые улетели на север». Об этом много писали и говорили, в том числе и здесь, в Садах. Может быть, тогда убийца и узнал мое имя.

— Какая цель этих писем в стихах?

— Раздуть шумиху вокруг его убийств.

— Своей цели он достиг?

— Полностью. Своими выступлениями газеты страшно раздули дело, так что милицейское начальство в истерике, жители Садов в панике. И сейчас, разговаривая со мной, вы содействуете тайным замыслам убийцы.

Надо отдать журналистке должное, она несколько смутилась:

— Что ж, теперь вообще не писать об этой серии жутких убийств? Умалчивать от читателей вопиющие факты?

— Жители Садов находятся в постоянном стрессе. Но если вы считаете нужным подлить масла в огонь, задавайте свои вопросы.

— Мои читатели хотят знать правду об этом деле. Скажите, Грай кого вы подозреваете?

— Всех, пока не найду настоящего убийцу и не прижму его фактами.

— Мы со страхом ожидаем субботу. Как вы считаете, еще убийства возможны?

— Действия маньяка непредсказуемы. Вспомните сексуального убийцу-маньяка Чикатило. Он изнасиловал и убил двадцать одного мальчика, четырнадцать девочек, восемнадцать девушек и женщин, всего пятьдесят три человека. Его ловили двенадцать лет по областям России, Украины и Узбекистана. Для поимки пришлось провести широкомасштабную операцию «Лесополоса»,

и только тогда удалось его схватить...

Шведова ушла от Грая, глубоко задумавшись. А через день ее газета «Кировский соловей» вышла под шапкой «Детектив Грай предсказывает пять десятков трупов».

«Петербургские ведомости» отозвались короткой злой заметкой. Милицейская газета «Криминальный вестник» дала информацию: «Дело взято под контроль». «Полицейская газета» расписала самые страшные подробности убийств. Заголовки в других газетах гласили: «Новый Джек-потрошитель?», «Фанатик разгуливает среди яблоневых садов», «Куда смотрит инспектор Шестиглазов?», «Три гвоздя, три трупа», «На кого следующий гвоздь?».

Что меня больше всего удивляло, журналисты, поговорив с Граем, старательно записав его слова в блокнот или на магнитофон, в дальнейшем писали все, что им вздумается. Мне даже хотелось побить одного-двух за наглое вранье. Но Грай с философским спокойствием заметил:

— Газетчиков не переделаешь, они будут строчить до тех пор, пока преступник не найден. А когда его схватят, забудут о нас сразу.

Местные садоводческие власти тоже старались что-то сделать. Теперь у каждого въезда при шлагбауме стояли уже по три сторожа с дубинками. Толку от этого, полагаю, никакого не было.

На улицах садоводства стали появляться перепуганные патрули, три-четыре человека. Вечером они разгоняли подростков по домам и сами торопились разойтись. В магазине у Зои расхватали все замки. Сколько бы она их ни привозила, все разбирали. Причем спрашивали самые дорогие, самые совершенные замки и задвижки.

Во вторник Грай уехал на автобусе в Петербург. Самостоятельно со своей больной, прострелянной рукой в дальнюю дорогу ехать еще не решался. Причем цель его поездки осталась для меня загадкой. Это меня изрядно обидело, но пришлось стерпеть — он шеф, работодатель, ему виднее, как вести следствие. Терпеть от него обиды тоже входило в мои обязанности.

В четверг, как и договаривались, на обратном пути я встретил Грая на остановке «Штаны». В тот же день вечером к нам заехал Шестиглазов — осунувшийся, сердитый. Инспектор рассказал, что маршрут движения машины Геннадия Исаева прослежен. Нашли девушку Галину, к которой он заезжал. У нее на вечернее время алиби. Проверены ее связи — тоже ничего не дало. Нашли деловых людей, с которыми он встречался. Предприниматели имели на Геннадия большие виды, и явных мотивов для его убийства ни у кого не найдено. Последняя встреча у Исаева произошла в двадцать один сорок. Дальнейшие его действия не расшифрованы. Собирался он ехать в Сады, а оказался на дне Ладожского озера.

Опрошены жители по маршруту движения машины Исаева. Старый безногий солдат, ездивший по городу на инвалидной коляске, заявил, что видел подозрительного парня, одетого в брезентовую куртку и похожего на садовода. На вопросы парень не отвечал. Сидел со своим мопедом у церкви и зыркал по площади глазами. Солдат-инвалид крепко отпраздновал и поэтому подробного описания дать не может. Откуда мопедист появился и куда исчез — неизвестно. Есть предположение, что он из Садов. Эта версия разрабатывается.

— Но все-таки хоть какое-то описание имеется, не таите, говорите все.

— Неточное — личность без примет, лет двадцать пять, мрачный, кого-то

ждал или искал, старательно крутил головой, словно охранник президента.

— А не его ли я встретил, когда торопился в Шлиссельбург по вашему вызову к утопленнику? — спросил Грай. — Мне попались навстречу два мопедиста.

Шестиглазов рассмеялся:

— Вы встретили убийцу и не узнали его? Как они выглядели?

— Один — совсем мальчишка. Другой — здоровенный парень. Горбатый, или мешок дорожный за спиной, я не успел разглядеть. Мопед красный, и красный шлем на голове. Лицо под стеклом было плохо видно.

— Сейчас этот мопед в Садах ищут. Особая примета — нет левой педали.

— И мой парень левую ногу держал согнуто, не то инвалид, не то педали не было. Наверное, это все же он.

— Но он ли убийца?

— Придется разыскать и спросить. Может, и не он, но интуиция подсказывает, какое-то отношение ко всей этой истории он имеет. У него в руках может сказаться кончик той самой ниточки, что мы так долго ищем, и она выведет нас на верный след.

Вечером, когда солнце склонилось к закату, спала жара и удлинились тени, Бондарь осторожно намекнул нам, что неплохо бы прополоть и полить иссохший от жары огород.

Мы начали с вишен и вырвали под ними сорняки. Надо сказать, что низкорослые вишни хорошо отзываются на полив и удобрения — ягод на них больше, чем листьев. Вспоминая блинчики с вишневым вареньем, я с удовольствием помогал Граю. Затем начали пропалывать и поливать сливы. Мне нравится запах земли, по работе на ней соскучился. Но дело с автографом, поиск убийцы меня полностью захватили. И я не выдержал, упрекнул Грая:

— Почему мы время теряем? Давайте же действовать!

— Понимаю тебя, — согласился Грай. Ты готов бежать, хватать, драться, скрутить его в бараний рог... Но, к сожалению, я не знаю, кто он. У нас мало фактов. Что-то ускользает.

— Но уже столько времени потратили на него, неужели все впустую?

— Понемножку он вырисовывается...

— Парень с мопедом? — тороплюсь я.

— По крайней мере ясно — он может ездить и на машине, и на мопеде. Моторизированный убийца. Но я не могу представить — как он думает? Пытаюсь составить представление об убийце по почерку преступления. Но картина не складывается. Гвоздь не хочет соединяться со стихотворением. Тут что-то не то.

— Давайте искать мопедиста, — не выдерживаю я.

— Шестиглазов это сделает гораздо лучше и быстрее нас.

— Если на следующей неделе мы не начнем действовать, я подаю на увольнение и перехожу в уголовный розыск к Шестиглазову, — в сердцах бросаю я шефу. А подошедшему Бондарю докладываю: И Ботва у морковки стала завиваться, кто-то напал на нее. Что станем делать, ядохимикатами польем?

Бондарь предпочитает народные средства:

— Ни в коем случае! Чтобы не пришлось этот яд самим же зимой в супе есть. Возьмем известь, воду, табачную пыль и обсыпем. Всю нечисть как рукой снимет. Есть средство еще надежнее — помочиться в ведро, разбавить десятикратно водой и полить из лейки. Что выберем?

— Капитан! — окликнул нашего хозяина от воров худенький мужчина в застиранной рубашке.

— Слушаю! — откликнулся Бондарь.

— У вас мопед есть?

— Да, я на нем в магазин иногда езжу.

— Какого цвета?

— Синий.

— Не тот. Мы красный ищем, «Верховину-3», без левой педали, — и мужчина удалился, направился к нашему соседу.

— Кто это? — спросил я у Бондаря.

— Старший по улице. Видно, такую команду ему дали.

— Эгей, сыщики! — окликнули нас от ворот.

Я повернулся и увидел Рахима Маматкулова.

— Иди сюда.

Его круглое лицо покраснело, смущался парень, но голос оставался твердым.

— Я мусульманин, а невеста моя была православная христианка. Оба мы не сильно верующие, но смерть есть смерть. В общем, я привез деньги и хочу справить поминки. И еще — позвать Поповых и Исаевых, собрать родственников всех трех убитых. Теперь мы как родные. Несчастье нас породнило. Все согласились, кроме мамы Гены Исаева. Мария Михайловна лежит, вставать не хочет, ничего не ест. Чай один пьет, думаю — умирать собралась. И вас, Ярослав Грай с Виктором Крыловым, приглашаю. Придете?

— Обязательно придем, — оживился Грай. — Стив организовал добровольную бригаду в помощь милиции, старается изо всех сил, но ничего у него не получается. Это только англичане что-нибудь решат и на самом деле сделают. А мы в России только говорим о деле.

— Стив здесь живет, каждую ночь в засаду садится, маньяка хочет поймать. Тело его здесь, а душа в Петербурге, в ларьке, деньги считает, — усмехнулся Рахим.

— Я попрошу, — предупредил Грай, — каждого еще раз рассказать, вспомнить все подробности, что он видел в день убийства. И, может быть, всплывет то неуловимое, что не дает мне покоя, и никак я не могу нащупать.

Глава XVI

Одиннадцатого июня, в субботу вечером, Сады наполнились патрулями добровольцев. Каждая линия выделила трех мужчин. Люди, надев самодельные повязки, прогуливались около своих садов, подозрительно и грозно глядя на прохожих. Но я знал — пороху у патрулей надолго не хватит. Люди приехали на день-два, огород за неделю зарос, высох — надо скорее пропалывать, поливать, иначе урожай погибнет. Ну, и мысли у людей о своих грядках. И действительно — недолго проходили люди с повязками по улицам, растаяли патрули.

Когда мы шли на поминки, Грай думал вслух:

— Что мы о нем знаем? Он должен быть на самом видном месте, четкий, активный, энергичный. Должен про себя радоваться, что так все гладко идет. Считать — я самый умный, всех одурачил.

— Это Рахим, — подсказываю я. — Или Рублева?

— Порой мне кажется, что это мужчина с жутким гвоздем и грубыми ударами. А порой — женщина со стихами, насмешками и простенькой, но непонятной нам хитростью. Данных мало, я не могу его понять, и поэтому мы не можем начать действовать.

— Придется ждать следующего убийства? — с содроганием спросил я.

— Это ужасно, я понимаю, но, наверное, на самом деле так и произойдет.

— Зачем же мы тогда идем на поминки? Нас спросят, что ответим? Мол, придется ждать до следующего покойника?

— Мы идем, чтобы внимательно выслушать людей. Пусть они говорят, в их рассказах может выплыть какая-нибудь мелочь, фактик, словечко. И все разрозненное свяжется воедино, в одну цепочку.

— Вы бывали на поминках в деревне? Все напьются и понесут околесицу, слушать станет невозможно.

— Л вот об этом я позаботился. При нас поминки будут необычные, деловые. Когда уйдем, пусть люди пьют сколько душа попросит.

На участке Ангеловых наведен относительный порядок — дорожка подметена, козы накормлены и заперты в сарай, накрепко привязан волкодав Серый. Обшарпанный дом Ангеловых изнутри чище, чем снаружи. В большой половине, где зимой держали коз, пол чисто вымыт. На стене прикреплены три фотографии с черной каемкой, хвойные ветки с траурными лентами. Длинный стел с бутылками и закусками, самодельные скамьи из табуреток и положенных на них толстых досок. Посередине стола три блюда, в каждом стопка с водкой, накрытая куском хлеба. Считается, что когда водка высохнет, на это уходит сорок дней, душа покойного прощается с землей, заканчивает здесь свои последние дела и улетает на небо. Лично я в это верю с детства. Мне мать так говорила.

Отец Ольги, старик Ангелов, сник, широкие плечи опустились.

— Живу по инерции, — пожаловался он Граю. — Ну, не ложиться же живому в могилу? А уж жить-то зачем? Была у нас дочка — понятно для чего жили. Внука Оленька не оставила. Не успела. Рыбак наш, Кирилл Феокистов, растерялся. И Рахим не успел пособить. Вот и остались мы со своими козами. Похоронили Оленьку на кладбище в Назии. Место ей хорошее досталось, красивое — песочек там и сосновый лес рядом. Часто ее навещаем. И жизнь у нас

теперь со старухой кладбищенская.

Народу собралось изрядно — родня, члены нашей бригады содействия милиции во главе со С швом Исаевым явились прямо с патрулирования улицы с повязками на руках. Пришла Рублева, которая добавила денег на поминки из кассы Садов. Пришли некоторые соседи, и среди них докер Валерия. Вряд ли ее приглашали, но она явилась и сосредоточенно следила за Граем.

Мы сели на доски, обернутые белой бумагой. Стаоик Ангелов налил пришедшим по стопке. Не чокаясь, выпили, помянули погибших, закусили холодцом из молодого козлика.

Затем Ангелов, как хозяин дома и самый старший среди собравшихся, обратился к Граю:

— Расскажи нам, огоревавшим родственникам, как милиция ловит преступников. Что уда лось сделать тебе с помощником?

Грай ответил, мол, может показаться, что милиция ничего не делает, но это не так. Со дня первого преступления уголовный розыск Кировска и сам опытейший инспектор Шестиглазов не знают ни сна, ни отдыха. Мелким гребнем прочесаны лес вокруг Садов, сами Сады и город Шлиссельбург с окрестностями. Опрошены сотни людей, проверены десятки заявлений. Все мало-мальски подозрительные личности задержаны и находились под стражей, пока не смогли дать сносного объяснения — где находились во время преступления. В поисках принимают участие большое количество добровольцев и даже самостоятельная бригада содействия милиции во главе со Стивом Исаевым, который ее финансирует и поклялся во что бы то ни стало отыскать преступника.

— Говори, как на духу, — снова обратился старик Ангелов к Граю. — Сумасшедший маньяк тебя знает, корреспонденцию шлет, а ты его опознать не способен? Наверное, у тебя уже есть свое мнение — что происходит в Садах? Может, ты уже видишь в деле просвет? Не таи от нас известий. Мы хотим знать правду.

— Скажу честно, отец, — признался Грай, — я его не только поймать, я его пока и понять до конца не могу. Не знаю, мужчина это — или женщина. Никак маньяка не найти. И уж какую ночь не сплю, размышляю. И пришел сюда просить у вас помощи. Вот три портрета в траурной рамке — глава семейства украден из собственного дома, невеста сражена на пороге свадьбы, молодой коммерсант утоплен в Ладожском озере...

Замерли люди, тихо стало на поминках. Я следил — Рублева сидела с каменным лицом, смотрела в одну точку. Олег Попов раскачивался на скамье со страдальческой миной на лице. Рыбак Кирилл Феокистов, вытаращив глазницы, в которых плавала тоска, не отводил взгляда от лица Грая. Белокурая Золушка — Зоя, концом вилки чертила невидимые знаки на чистом блюде. Стив Исаев нервно сжимал в кулаке повязку дружинника. Вдруг раздался хруст, все вздрогнули, это в ручищах докера Валерии хрустнул костяной черенок вилки.

Чувствительный Рахим вытер глаза ладонью:

— Раны только начали подживать, а вы их бередите.

— Простите меня за это. Но убийца где-то рядом. Он хитер, ловко прячется. Я ощущаю его дыхание. Может быть, сейчас он выбирает следующего человека, подкрадывается, оставаясь невидимым, высматривает удобное место для нападения. Еще один дьявольский удар, и в Садах появится новая жертва, к

этим печальным портретам прибавится еще один в траурной рамке.

Грайд сделал паузу в несколько секунд и заговорил мягче.

— Чтобы предотвратить это, мы должны напрячься, сжать зубы, забыть про личную боль и снова все вспомнить, снова прожить эти страшные дни. Я уверен — кто-нибудь из вас его видел, но не может догадаться. Это сумасшедший, но проявляется его мания только в особых случаях, а по облику и поведению об этом невозможно узнать. Он хитер, как дьявол! Олег, — попросил Грайд. — Напрягитесь, вспомните последний день, когда бы видели отца.

Лицо Олега вспыхнуло, он не смог ни на кого смотреть, повернул голову к окну, стал глядеть на кроны сосен, заговорил чуть слышно.

— Вы знаете, я много выпил в тот вечер, но смутно помню — приходил электрик, ему что-то надо было, старуха какая-то жаловалась, мол, насос туго работает, просила прислать слесаря, еще какой-то невзрачный тип приходил, что ему нужно было, не помню. Потом я оказался в своей комнате. Я теперь днем закрою глаза, вспоминаю отца, и мне кажется, мы снова начинаем ссориться, а зачем — не пойму. Ночью мне снится, как я его толкаю, он падает и ударяется головой о дверь. В ужасе просыпаюсь и спрашиваю сам себя — может, это я схватил топор и ударил отца, убил его? А после швырнул топор под яблоню и пошел спать?

— Куда же в таком случае делось тело?

— Не знаю. Даже предположить не могу.

Грайд медленно перевел глаза на Стива.

— Вспомните, прошу вас, как бы провели субботу?

Стив положил перед собой на стол повязку с надписью «БСМ», разгладил ее рукой.

— Могу повторить слово в слово — ларек, поездка домой, ужин, телевизор, кровать, семь чертей без задних копыт, и крепкий сон. Никакие загадочные личности, к сожалению, меня не посещали, лишь два приятеля звонили около десяти вечера.

— Как здоровье вашей матери, ей стало лучше?

— Плохо ей. Лежит, слова сказать не может. Я привез знаменитого профессора. Тот осмотрел, сказал — здорова, но в сильной депрессии. Она даже есть перестала.

Грайд продолжил рассказ:

— Инспектор Шестиглазов поделился со мной информацией, он побывал в банке вашего брата и опросил служащих. Четыре человека знали, что Геннадий поедет в Шлиссельбург, и рассказали об этом еще двенадцати. Все они допрошены и отпущены, потому что сумели объяснить, где были во время совершения убийства.

— У них, у банковских, никогда телком ничего не узнаешь, — покачал головой Стив. — Все у них тайна, что ни спроси. Верить им нельзя.

Отец Ольги старик Ангелов на людях держался молодцом.

— Не приходил ли к вам на участок кто-нибудь посторонний в день убийства? — спросил его Грайд.

— Нет, никого не было из посторонних. С утра я с козами в лесу ходил, вернулся, пообедали. А уж дочка предупредила, что ее воровать приедут. Ну, мы ждали, интересно, какое такое воровство невесты на казанский манер. Рахим прикатил со своим приятелем, весело так получилось похищение, и укатили

они на «КамАЗах». Никто из посторонних не приходил. Точно вам говорю.

Мать Ольги вытерла слезы:

— Запомнювал ты, отец, был же посторонний. Ты с ним разговаривал.

— Я с посторонним разговаривал? Когда, с кем?

— Утром коз выгонял и у мосточка с кем беседовал?

— А! — удивилась старик. — Вот что ты вспомнила! Да он к нам не заходил и разговора практически не было.

— Ну-ка поподробнее, — впился в него глазами Грай. — Перескажите разговор дословно.

— Да и рассказывать-то нечего, — махнул рукой Ангелов.

— Кто это был?

— Парень какой-то проходил мимо, спросил, торф нужен для удобрения грядок? Мол, могу привезти со строительства дороги. Оттуда сейчас все возят, кто хочет.

— А вы что ответили?

— Я показал рукой на участок, мол, видишь сам — грядок у нас раз, два и обчелся. Он попробовал навязаться, недорого спрошу, возьмите впрок. Но я заторопился: «Некогда мне, у нас сегодня свадьба готовится, невесту воровать станут, не до тебя». Ну, тот тип и ушел. Жалкий парень, скажу я вам, сейчас такие появились в Садах, бездомные, готовы на любую работу, а зазеваешься, и упрут, что под руки попадет. Не стоит о нем говорить.

Грай вскочил, видно хотелось ему походить, как всегда он делал в минуту волнения, чтобы привести мысли в порядок. Но в комнате не было места для хождения, и он сел, охватив голову руками, даже потряс ее, чтобы уложилось в ней все как следует. Все молча в ожидании смотрели на него.

— Торф, черт возьми, торф — вот ниточка, которая связывает все три преступления.

От резкого движения раненая рука его, видимо, снова заболела, подхватил ее, как ребенка, но глаза блеснули.

— Виктор, помнишь — мы осматривали участок председателя Попова, топор лежал на сыром, привезенном торфе. Земля рядом сухая, а торф еще влажный, недавно вынутый из болота. На колесах и в кузове тележки Поповых следов торфа не было, значит торф ему кто-то привез именно в тот день.

Сверкающими глазами Грай оглядел собравшихся:

— Вам еще не понятно? Таких совпадений быть не может — три убийства и три раза появляется разведчик. Виктор, вспомни, какими словами нас встретила мать Геннадия Исаева: «Я подумала, опять хотят что-то продать. Вчера торговца торфом выставила...» Теперь я услышал слово «торф» и насторожился. У Попова-старшего тоже побывал торговец торфом, как ты думаешь, Олег?

— Наверное, привез кто-то. Удобрение каждому садоводу нужно. Отец говорил, что мог бы и сам привезти его со строительства дороги, да неудобно ему казалось через все Сады с тележкой топать, что люди скажут?

— Неверно вы рассуждаете, — не выдержал рыбак Феоктистов. — А если бы я три раза появился на участках со своей рыбой, то оказался бы виновен?

— Если бы по вашим следам трижды явилась смерть, то, безусловно, подозрение в первую очередь пало на вас. Продажа рыбы тоже неплохое прикрытие для разведки. Но с торфом естественнее в Садах. Рыбак — колоритная фигура, его каждый запомнит, а унылые, зачуханные тележечники всем надое-

ли, глаза намылили, на них внимания не обращают. Даже если хозяин торф не купит, то хоть цену спросит и с ним можно перекинуться парой фраз.

Грайд снова обратился к Ангелову:

— Итак, вы единственный, кто видел предполагаемого убийцу. Как он выглядел?

Старик озадаченно почесал в затылке.

— Попробуй описать замызганного, одетого в старье садовода. Все выглядят на один манер — что поизносилось, привозят сюда из города и щеголяют в обносках.

— Так не пойдет. Нам нужны детали, подробности. Начните с возраста, сколько ему лет?

— Молодой, для меня бее молодые, кому меньше сорока.

— Во что одет?

— На голове замусоленный блин, бывший берет. На плечах затасканная летняя куртешка выгоревшая, неопределенного цвета, просторная, под такой фигуру не разглядишь. Блестящие от истертости и грязи брюки. Этих замусоленных садоводов я встречаю на каждом шагу.

— Вот что позволяет ему оставаться неуязвимым — он проходит как тень, не задевая нашего взгляда, — заметил Грайд. — Теперь вы все знаете, как выглядит убийца.

Я нащупал слабое место в рассуждении шефа:

— Может, он и в банк со своей тележкой заявлялся?

— Нет, что нужно, он узнал от матери Геннадия. Потом поехал на удачу в Шлиссельбург, и ему повезло.

— Сел на мопед и поехал? — улыбнулся я.

— Почему бы и нет? — согласился Грайд. — Тогда продавец торфа и владелец мопеда — одно и то же лицо. Его мы и станем искать.

— Вот, слышали, девятнадцать чертей и злая собака? — Стив Исаев гордо поднял голову и оглядел собравшихся. — Наконец-то найдено главное звено в расследовании, теперь у нас появилась надежда. Скоро мы схватим маньяка Сегодня, братишки, я съезжу в Петербург, потому что касса моя истоцилась, а завтра снова ринемся в бой. Может быть, бригада содействия милиции, составленная из любителей, окажется удачливее профессионалов.

Старик Ангелов вновь начал разливать поминальное питье, а я повернул голову к Зое. Во время поминок она ни разу на меня не взглянула. Я не мог понять, почему впал в немилость? Несколько дней назад вечером я вновь нанес ей визит в магазин перед самым закрытием. Меня ждал сюрприз. Во-первых, Зоя покрасилась, и теперь у нее на голове полыхали тициановские рыжие волосы, их пучок, охваченный на макушке, падал вниз, как конский хвост. Она по-прежнему была обворожительна, хотя рот был несколько великоват, а губы тонковаты. Природа одарила ее чувственностью, которая привлекает каждого мужчину, и я не стал исключением. Ее лицо, покрытое ровным загаром, имело цвет старой слоновой кости, на нем выделялись холодные зеленые глаза. Брюки из грубоватой белой материи казались несколько тесноваты для нее. Она повернулась к полкам, и я увидел очертания ее тяжелых бедер. Походка у нее тоже была чувственная. Тут я увидел, что под брюками на ней ничего надето не было.

Меня охватила волна желаний. Это было чисто физическое желание, от ко-

того меня бросило в жар. Я с трудом подавил в себе желание подойти, сгребать ее.

Ревнивый китаец больше не появлялся со своими штучками, видно, получил отставку или затаился. Но и мне, похоже, счастье больше не улыбалось. Зоя упорно меня не замечала.

— Ничего денек удался, — сказала она напарнице, — прикидываю, сегодня заработали не меньше трехсот шестидесяти баксов.

Молча выставив меня на крыльцо, она заперла двери магазина на два замка и направилась домой, даже не взглянув в мою сторону, словно меня тут и не было. Значит она решила дуться, понял я, идя следом на некотором расстоянии. Хорошо, мы еще посмотрим, кому первому это надоест.

Подойдя к ее дому, я остановился. В ее спальне горела лампа на тумбочке. Занавески она не задергивала, я ее видел. Она стояла перед самой лампой. Пока я смотрел, она сбросила блузку, сдернула лифчик и стянула брюки.

Я стоял, не в силах оторвать от нее глаз, сердце барабанило по ребрам. Я видел ее нагой, словно находился рядом. Она повернулась и ушла в ванную. Когда дверь закрылась, мне пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы прийти в себя, я четыре раза подряд дал себе команду: «Кругом, шагом марш!» И лишь после этого сдвинулся с места и направился домой.

Глава XVII

Я не хотел соглашаться с Граем, что мы бессильны предпринять что-либо, пока маньяк не сделает следующего хода, пока не будет еще одной жертвы и пока, наконец, убийца не совершит какую-либо ошибку. А вдруг ни разу и не ошибется?

— Нет, обязательно в чем-нибудь промахнется, — уверял меня Грай. — Он тоже перенапряжен, как и мы, чувствует, что мы приближаемся, спешит, и удача наверняка от него отвернется.

Рано утром, едва мы успели позавтракать, Шестиглазов заехал нас проводить. Он явно замаялся, похудел. Но я заметил в нем изменения и в лучшую сторону — он уважительнее стал относиться к Граю, да и ко мне. Шестиглазов отставил в сторону стакан чая, предложенный Бондарем, и расстелил на столе карту Кировского района.

— География действий убийцы велика — гигантские Сады, в которых живут сотни тысяч людей, к ним примыкают леса, болота, тут два Ладожских канала, старый и новый, сама Ладога. Маньяк не ограничивает себя пространством.

— Но все же, — заметил Грай, — он не выходит за границу одного Кировского района, и обитает он явно в Садах.

— И у меня такое впечатление, что он садовод, короед, как называют их местные жители. Может, он даже крутится у нас перед глазами, а мы его не можем разглядеть.

— Кировский район отдан для поселения российским немцам, в Назии скоро начнут отводить земли первым фермерам. Что, если сейчас он ляжет на дно, а потом выберет себе в жертву первого немецкого фермера и с жестокостью с ним расправится?

— Ужас! — волком завыл Шестиглазов. — Я не могу вас слушать. Уже сейчас Куликов дерет с меня три шкуры, обвиняет в том, что я выращиваю ма-

ньяка, создаю ему тепличные условия, удобряю и поливаю. Меня крепко предупредили, спросили, какая помощь нужна? А чем поможешь? Мозгов они все равно мне прибавить не могут, а у каждого дачника не поставишь ОМОН.

Больше всего меня раздражало чувство беспомощности, вынужденного бездействия. У меня кулаки чесались — маньяк ходит где-то рядом, а мы ждем, когда он убьет еще кого-нибудь.

— Убийца — игрок, — рассуждал Грай. — Азартный, сильный. Он ставит на кон свою жизнь. Выиграл раз, другой, третий и полагает, что и дальше будет ему везти. Придет время, и удача от него отвернется, везение кончится. Как ни бросай монетку, все время «орел» выпадать не будет, выпадет и «решка». Как долго он сможет удержать везение? Мы же догадались насчет его тачки с землей. Теперь у нас пойдут удачи, а от него успех отвернется.

— Вы полагаете, мы его быстро схватим? — с сомнением в голосе спросил Шестиглазов.

Грай ободряюще похлопал сто по плечу:

— Думаю, да.

Инспектор утомленно вздохнул:

— Мне до пенсии осталось двенадцать лет. Столько ловили страшилище Чикатило. А наши Сады — большое яблоневое государство. Если он заляжет на дно — замучаемся его искать.

Шестиглазов протер слипающиеся глаза:

— Сегодня с шести утра берем для проверки всех, кто с тачками приезжает за торфом, и выясняем их алиби на время убийства. Народу задействовано много. Но будет ли толк — неизвестно.

Шестиглазов добрал до своей машины, рухнул в открытую дверцу на заднее сиденье и укатил.

Удивительно умеет преображаться Ярослав Грай. Только что с Шестиглазовым разговаривал задумчивый, философски настроенный гражданин, а через минуту на меня глянул энергичный, жесткий командир.

— Виктор, ты готов?

Я взбодрился, вскочил на ноги:

— Готов.

— Начинаем действовать.

Из дипломата вынул привезенный из города цейсовский с восьмикратным увеличением бинокль, покрутил настройку, проверил и повесил себе на шею.

На всякий случай я спросил:

— Оружие брать?

— Тесак возьми, которым Бондарь лучину колет.

Тяжелая полусабля, при помощи которой капитан справлялся с сосновыми чурбаками, была страшным оружием. Настоящей портупей у нас не было, я сделал из куска кожи петлю, прицепил к брючному ремню и сунул в нее полусаблю.

Куда идти, Грай не сказал. Вышел в сад, задрал вверх голову:

— Припекает знатно. Это то, что нужно, — и зашагал по дороге к лесу. Я не отставал ни на шаг, совершенно не представляя, кого можем встретить. Быстро дошли до леса, перебрались через канаву, на дне которой иссыхал ручей. Не раздумывая, Грай направился по тропинке, что вела к поселку Назия. На всякий случай я держал правую руку на рукоятке полусабли, хватит с меня

китайских шуток и других приключений.

Не останавливаясь и не глядя по сторонам, Грай пересек лес, вывел меня на опушку. Тут начиналось ржаное поле. Я замер, как замороженный. Два года службы в полковой разведке и жизнь в городе ничуть не уменьшили моей любви к хлебному полю. Разогретый воздух в поле звенел, становился виден, волны расплавленного воздуха дрожали над рожью, поднимались и уплывали вверх к раскаленно-синему небу. Вокруг громко жужжали шмели, пчелы носились над головами, тренькали кузнечики. Голубые васильки живые глаза живой земли, разомлев на солнце, смотрели на нас.

Грай мои восторги не разделял, но и не сделал иронического замечания, что было свойственно его скептической натуре. Он расчехлил цейса и деловито стал обшаривать опушку леса, рожь, небо над полем.

Я не мог понять шефа, разные бывают заморочки у городского человека, терпеливо ждал, наконец не выдержал:

— Что мы ищем, скажите, может, я сразу вам покажу это место?

— Мы ищем следы.

Я решил, что от жары крыша у Грая поехала.

— Какие следы мы можем при помощи бинокля найти на небе? Если вам не дают спать воспоминания о Попове, вернемся в лес, и я схожу за лопатой.

— Стандартное мышление губительно для детектива, Виктор, — остановил меня шеф.

Разглядывая в бинокль поле, Грай чертыхнулся:

— Хорошо бы на вышку забраться, или на одинокое дерево среди поля.

Но ни вышки, ни подходящего дерева не нашлось. Мы двинулись вдоль поля. Дошли до его конца, пока не уперлись в перелесок, повернули обратно. Грай начал двигаться еще медленнее, так что, сделав от нетерпения хороший шаг, я сразу наткнулся на его спину. Наконец шеф остановился и начал вглядываться в густо колосящуюся рожь. Что он там углядел? Ход его мыслей мне был неясен.

— Ну-ка, Виктор, посмотри вон на то местечко, где встретились четыре василька, своим восторженным взглядом. Что ты там увидишь?

Сквозь густую стену ржи, метрах в десяти-одиннадцати от края поля я разглядел небольшую проплешинку и резвившихся на ней трех мухоловок.

— Что делают там эти милые птички? — спросил Грай.

— Если не ошибаюсь, мух ловят. Разрешите ваш бинокль, — и разглядел даже мух, собравшихся на проплешинке.

— Все правильно, — произнес Грай удовлетворенно. — А вот и след дикой собаки.

Тут я позволит себе внутренне усмехнуться.

— Весьма похоже, но разрешите заметить, это пробегала лисичка. У нее след помельче, и строчка ровнее.

— Приятно иметь дело с человеком, выросшим в деревне и понимающим мать-природу, — с откровенным восхищением произнес Грай. — Теперь тесак к бою.

Я выхватил полусаблю и оглянулся. Но вокруг никого: ни человека, ни зверя.

— Иди и выруби березовый кол, — велел шеф.

Я срубил березку и притащил к ногам шефа.

— Не поленись сходить к проплешинке и воткнуть в нее кол. Да не наследил там сильно.

На сердце у меня стало нехорошо.

— Это зачем?

— Там находятся бранные останки председателя садоводческого товарищества господина Попова. Бывшего инженера, главы семейства и прочая...

Стыдно признаться, как я иногда медленно соображаю. Я же должен был догадаться! Вероятно, жара так подействовала на мою голову. К проплешине ноги отказались идти.

— К чему мертвеца беспокоить... И кол не нужен. Я это место теперь ночью найду, оно мне снится станет. Но как вы догадались, что здесь его надо искать? Не колдун же вы?

— Виктор, если я стану все объяснять, жить тебе будет неинтересно. Ты ведь сам видел, старательный Шестиглазов с целой бригадой землекопов перерыл весь лес, сам сунул нос в каждую подозрительную ямку. Лес был проверен, следовало сделать следующий шаг. В хлебном поле мухи нашли закопанный труп, мух нашли птицы, а мы заметили их.

На следующее утро я привел к этому месту Шестиглазова и рабочих с лопатами. То, что осталось от бывшего председателя Попова, описывать не стану, чтобы не шокировать читателей физиологическими подробностями. По трупным червям и личинкам, поселившимся в теле покойного, эксперт должны были подтвердить срок его смерти. Медицинская экспертиза подтвердила, что Попов убит в день исчезновения, убит ударом топора в затылок, удар нанес сильный человек среднего роста.

Грай воспринял эту информацию внешне спокойно. Но я видел — он напряжен, и внутри его в полной готовности туго сжатая пружина/Подходило время решительной схватки с убийцей.

После раскопок в ржаном поле я пошел к старому Ладожскому каналу, искупался, тщательно вымылся и вычистил одежду, чтобы ни одна частичка принадлежащего теперь судебным экспертам тела не осталась на мне.

Прямо с канала прошел к магазину. Остановился на крыльце, носовым платком вытер лицо, Зоя не должна видеть пота на мне. Войдя внутрь, увидел — моя Золушка раскладывала по полкам новые товары и прикрепляла бумажные ценники. Я провел взглядом по ее тяжелым бедрам, узкой талии, нежной шее и замер, почувствовав, как кровь бросилась в голову. Она наверняка почувствовала, что я стою за ее спиной и гляжу на нее, но не захотела даже повернуться.

Я ей сказал в спину:

— Вчера мы нашли Попова, завтра разыщем НАГа.

Зоя замерла на секунду и стала разворачиваться ко мне. Но в ту же секунду я повернулся и ушел.

Глава XVIII

Не от моего лица

В субботу утром восемнадцатого июня сын сторожихи Никита Зеленов валялся в своей комнатухе, похожей на шкаф с небольшой дверцей. У него сильно разболелась голова, он опасался, что сегодня может случиться припадок. От легкого стука в окно Никита вздрогнул. Любопытные глаза, черный хохолок на затылке — сосед Юрка махал ему рукой.

Никита нехотя открыл окно. Юрка протянул ему районную газету «Кировский соловей».

— Всё, в магазине купил. Смотри, самый крупный заголовок про убийцу. Садоводов предупреждают — он убивает по субботам. Будьте осторожны. До сих пор схватить не могут, у нашего правления милицейская машина дежурит, с сержантом Григорьевым я уже познакомился. Дружинники на каждой улице, а маньяку хоть бы что. Народ дрожмя дрожит.

— И ты дрожишь, Юрка?

— Я — нет. Но мать в страхе, хочет меня в город отправить.

— Ты не бойся и матери скажи, пусть с ума не сходит, он вас не тронет.

— А ты откуда знаешь?

Никита не ответил. Он читал газету, руки его подрагивали.

В комнату вошла мать, Нина Федоровна.

— Что, Володя, опять разболеваешься?

— Полежу, отдохну, пройдет голова.

— Тогда весь день дома сиди, а то свалишься где-нибудь на дороге.

— Я сегодня подрядился три тележки торфа привезти на двадцатый участок.

— Не ходи, — предупредил Юрка. — Сегодня всех, кто торф возит, милиция хватает и на допрос. Торфа им жалко стало...

— Хорошо, что предупредил, не пойду. Не с руки мне в милицию попадать. У меня сейчас начинается, чувствую, полоса неудач.

— Что с гобой?

— Предчувствие, Юрка, страшное предчувствие, живу как во сне, сам не понимаю, что со мной творится.

— Что-то произошло? — насторожился парнишка.

— Влюбился... Без ответа...

— Ну, это неинтересно, — сплюнул Юрка, — А ты в Шлиссельбурге на празднике был?

Володя слегка покраснел, промямлил смущенно:

— Да, съездил, посмотрел.

— Вот здорово! Ты там мог убийцу увидеть, мог узнать и схватить. Тебе бы премию дали и портрет в газету. А Геннадия Исаева видел?

— Видел, он беседовал с какими-то шишками.

У Юрки перехватило дыхание.

— А потом?

Никита поморщился и сплюнул.

— Значит ты видел, как его по голове этот маньяк?..

Никита не ответил, у него все сильнее разбалчивалась голова.

Юрка понял, что о Шлиссельбурге больше ничего не узнает, и переменял

тему разговора.

— Тебе эта длинноногая Ленка Островская нравится, да?.. Да не замахивайся, я никому...

Так уж случилось, Елена Островская и Зоя давно и хорошо знакомы, в городе они жили в одном доме и учились в одном классе. Дружбы между ними никогда не было, скорее наоборот. Елена знала — когда ей хорошо, то Зое плохо, а если ей хуже некуда, то Зоя на седьмом небе от счастья.

Елена посмотрела на себя в зеркало — красивые ноги, гибкая талия, небольшая грудь — Бог наградил ее хорошей фигурой. Кожа покрыта ровным загаром. Загар следовало закрепить, пусть станет несколько темнее, чтобы подольше хватило. Из школы она перешла работать в небольшой оркестр, поменяла физику на трубу. Их костюмы в оркестре, предельно откровенные, как того требовали жадные до зрелища зрители, помогали успеху.

— Нужно переплыть на ту сторону канала и на берегу Ладоги позагорать без одежды, — сказала сама себе. — К воде, и скорее!

Елена натянула тугое розовое бикини, сверху легкое платье. Подхватила сумку с одеялом и полотенцем.

— Я на канал, — сказала матери, — позагораю. — Вышла на улицу и лоб в лоб столкнулась со своим антиподом Зоей Львовой. Елену передернуло. Антипод Зоя, мягко говоря, ее недолюбливала. Она была противоположной по характеру, взглядам и отношению к жизни. Если Елена говорила одно, Зоя утверждала другое. Елена шла направо, Зоя поворачивала налево. И как-то так получалось, что они всегда рядом.

Каждая со своим антиподом соединена уже двадцать лет, одноклассницы, виделись почти ежедневно. И вот на тебе, здесь, в Садах, их дома на одной улице. С первых лет Зоя ревниво следила за каждым шагом Елены, выделяя ее из подруг как самую сильную, одаренную. Ее успех вызывал у Зои раздражение, неудачи подымали настроение. Если Елена падала на скользкой дороге, да еще ушибалась, тут как тут появлялась Зоя и хохотала, не собираясь даже подать руку, чтобы помочь подняться.

Как-то на школьных соревнованиях Елена потянула спину. Идти по улице было трудно. Случайно или нет, но сзади увязалась Зоя, шла поблизости и пристально следила.

Елена не выдержала, пожаловалась:

— Не дойти до дома, сейчас упаду.

— Это было бы здорово, — бросила Зоя.

В старших классах их интересы четко определились — Елене нравился Андрей Болконский, Зое — бретер Долохов.

Этой весной в Садах один серьезный парень стал симпатизировать Елене. Узнав об этом, Зоя потеряла покой, изо всех сил старалась влюбить его в себя. Заодно стала помогать сыну сторожихи Нины Федоровны эпилептику Никите, безответно влюбленному в Елену. Стала его доверенным курьером, письмоноском, и передавала Елене его стихи, которые той жаль было выбрасывать и она складывала их в коробку из-под туфель.

Елена старалась не замечать Никиту. Бог простит убогого! На Зою не сердилась, жалела ее. Но не понимала, почему Зое так необходимо утверждаться за счет ее, радоваться, когда ей плохо, и огорчаться, когда ей хорошо. Может, у Зои сердце иное поставлено? Здесь была какая-то загадка.

С дороги бросили камешек в окошко Никите. Парень глянул на улицу и обомлел — вдоль канавы по дороге, ритмично покачивая бедрами, в легком просвечивающем платице шла Елена. В руке сумка с одеялом и полотенцем, явно купаться.

Никита тут же забыл о головной боли, с треском натянул выходную рубашку, бросил в сумку старое одеяльце, плавки и выбежал из комнаты.

— Ты куда? — крикнула из кухни мать.

— Искупаюсь.

— Ты же хотел торф возить!

— Завтра!

Пробежался по улице, ага, вон Елена, впереди вышагивает. Сейчас по дороге все вдут в одну сторону — на канал купаться. Кто же кинул камешек? Неужели сама Елена? Не понять Никите. Вслед за Еленой по лесной дороге он дошагал до старого Ладожского канала. По пешеходному, подвешенному на тросах мостику, перешел на другой берег. Затем через болотистую низину с ельником, комарами и черничником, быстро поднялся на песчаную насыпь — и вот он, новый Ладожский канал, широкий, с быстрой водой, как глубоководная река. С другой стороны вертикальный берег и высоченная насыпь, как обрыв. Если отыскать местечко повыше, можно увидеть на той стороне за насыпью полосу камыша, а за ним синее лезвие — Ладога, в безветрие блестящее, словно полированное.

Елена расстелила одеяло, ни на кого не обращая внимания, скинула платье — жарь меня, солнце! Метрах в пяти от нее расположился Никита, так, чтобы видеть девушку и не бросаться ей в глаза. Поодаль, чтобы ее не было видно, потеснив многодетную мамашу, легла Зоя...

* * *

Никитин сосед Юрка был заинтригован словом «любовь» и решил из любознательности понаблюдать за «влюбленными». Вернулся к себе на участок, открыл сарай. Налил в бензобак бензил и выехал на улицу. Около правления садоводства его остановил бдительный сержант Григорьев.

— Стой!.. Покажи мопед... «Верховина-3»?.. Где левая педаль?

— Потерял, месяц так езжу, уже приспособился. Зато тормоза как мертвые держат. Хотите, покажу?

Интуиция подсказала сержанту, что он вышел на верный след. В груди сладко защемило.

— Сам ты еще для подвигов мал, ко вполне мог дать Бармалею покататься, а?

— Нет, никому не даю, берегу машину.

— А без спроса твою «Верхоюину» могли взять?

— Как возьмешь? На сарае замок то какой!

— А ну, кати к дому, покажи мне свой сарай... Живо!

Сержант прыгнул в машину и покатыл вслед за резвым Юркой. Сарай он осматривал три минуты, к немалому изумлению Юрки обнаружил две оторванные доски, проследил след мопеда среди грядок по соседнему участку.

Овчарка, почуяв чужого человека, загремела цепью и залилась злобным лаем. На крыльцо вышла Нина Федоровна:

— Кто это лазает по нашему участку? — но увидев милицейскую форму, снизила тон: — Что вам надо, сержант?

— Можно в дом войти? — спросил Григорьев.

— Зачем? — насторожилась Нина Федоровна.

— Посмотреть, как у вас... Как вы выполняете правила противопожарной безопасности, — нашелся Григориев.

Проходя по комнатам-клетушкам, спрашивал:

— Кто здесь живет?.. Кто здесь живет?..

В каморке Никиты заметил на комоде школьную тетрадку. Открыл — стихи! И написаны синей шариковой ручкой! Взять тетрадку он не имел права и не хотел, изъятая с места без понятых, она переставала быть доказательством. А если оставить, хозяева, почуяв неладное, могут спрягать или сжечь. Он полистал тетрадку и в результате половина страничек оказалась у него в кармане.

— Кто здесь живет?

— Мой сын, Никита.

— Стихи он пишет?

— Да, балуется иногда.

— Где сейчас Никита?

— Отправился купаться на канал... А в чем дело, сержант?

— Пожарные правила вы не нарушаете, — скороговоркой на ходу ответил Григорьев, добежал до машины, схватил микрофон, вызвал Шестиглазова.

— Я нашел красный мопед «Верховина-3» без левой педали. На нем ездил в Шлиссельбург Никита Зеленов, сын сторожихи Нины Федоровны. В комнате Никиты лежит школьная тетрадка со стихами. Цвет шариковой ручки совпадает, тот же, что и у НАГа.

— Где он сам?!

— Мать говорит — пошел купаться. Соседский мальчишка Юрка утверждает, что Никита пошел следом за девушкой по имени Елена Островская. Отправился тайком ст нее, на расстоянии, чтобы не заметила. Что будем делать?

— Похоже, это маньяк, — отозвался Шестиглазов. — Наконец-то добрались. Ты его в лицо помнишь?.. Тогда на полной скорости мчись к канату. У пешеходного мостика встретимся. Я с группой захвата поспешу туда же. Будем на месте через десять минут. — И добавил совсем неуставное: — Господи, неужели еще один труп? Успеть бы, жми во всю, сержант! — и уже на ходу Шестиглазов доложил дежурному отделения милиции: — Докладываю — найден красный мопед «Верховина-3» без левой педали. Похоже, мы вышли на убийцу. Это Никита Зеленов, сын сторожихи Нины Федоровны. Помните, в прошлом году мы отдали под суд его младшего брата за угон грузовика? Никита — здоровенный парень, с головой у него не все в порядке, эпилептик. Торф возит на тележке со строительства шоссе, и этим себе на жизнь зарабатывает. У него найдена школьная тетрадка со стихами. Та же шариковая ручка, кто и у НАГа. У соседа-мальчишки он брал в сарае мопед. След от мопеда прослежен через огород до дороги. След свежий. Это Никита сидел у церкви в Шлиссельбурге и высматривал Геннадия Исаева.

Глава XIX

В этот день на участке мне не сиделось и я несколько раз выходил на прогулку, размять ноги. В одну из этих прогулок встретил Зою, неторопливо идущую к воде, на пляж. В зеленом лифчике и зеленых шортах, которые гармонировали с ее зелеными глазами, сна выглядела очень привлекательно. Лифчик был ей несколько тесен, формы ее бюста превосходили сегодняшние стандарты. От ее груди я не в силах был оторвать взгляд. «Это та женщина, которую я хотел бы видеть рядом с собой!» — вот такая мысль мелькнула у меня. Вернувшись на участок, я снова взял тятку и занялся прополкой, но по-прежнему вспоминал Зою в ее зеленых шортах и лифчике. Перед глазами то и дело возникали картины, которые мешали сосредоточиться...

Пенсионер Анохин, еще крепкий старик, легко переплыл широкий Ладожский канал. Хватаясь за ветви кустов, вскарабкался на гребень насыпи. Любовался искрящейся далью Ладоги, перевел взгляд ближе и увидел нимфу. Совершенно нагая, она загорала, стоя около камышей, и не замечала пенсионера. Анохин придерживался строгих правил и не позволил себе подглядывать за доверчивой девушкой. Наоборот, как бы взял ее под охрану, зорко огляделся — не крадется ли к ней какой-нибудь злодей с нехорошими намерениями. Внизу по течению канала сидел неподвижно в резиновой лодке сонный рыбак с удочкой. От берега к берегу взад и вперед плавали купальщики. Никакого злодея старик не обнаружил.

Анохин посмотрел на часы и стал вглядываться в изгиб канала. У него здесь было назначено свидание.

Между тем девушка, это была Елена, очнувшись, оглянувшись, заметила старика и быстро натянула розовые лепестки бикини, что почти не уменьшило площади тела, открытого для солнца. Елена с трудом спустилась с крутой насыпи, осторожно вошла в воду. Анохин любовался взлетевшими над темной водой загорелыми руками, подметил — красиво плывет, но неуверенно, силенок маловато двигаться наперерез быстрому течению. Но тут легкий гул мотора отвлек его от созерцания купальщицы. Пеня воду, по каналу шел тяжелый танкер с высоченными бортами. Анохин не успел заметить, ринулась ли девушка вперед и пересекла канал, или испугалась несущейся на нее махины и повернула назад.

Совсем другая девушка интересовала пенсионера в тот момент — та, что стояла на борту в форменной куртке с блестящими пуговицами. Это была анохинская дочь, она работала начальником радиостанции на танкере. Увидев ее, старик начал размахивать руками, кричать. Дочь отвечала ему, сложив ладошки рупором. Слов не удавалось разобрать, оба смеялись и снова кричали.

Никита видел, как Елена уплыла на ту сторону канала, и не пошел следом за ней. Терпеливо ждал, когда она решит вернуться. Как только увидел над насыпью золотистую головку Елены, поднялся и, сжав зубы, начал действовать. Не обращая ни на кого внимания, не скрываясь, протиснулся сквозь снующих по берегу раздетых людей, подошел к ее одеяльцу и сунул что-то в белую сумочку.

Елена уже спустилась с обрыва, вошла в воду, двумя руками зачерпнула и брызнула на себя, так что от холода стали вздыматься и опадать ее маленькие груди.

Тут что-то словно ударило Никиту в голову, он застонал, сжав виски ладонями, зашатался.

— Вам плохо? — раздался рядом голос многодетной мамы. — Наверное, солнечный удар. Вот, возьмите шляпу из газеты, оставьте себе мы скоро уходим.

Никита надел треугольную шляпу, постоял, сложив на груди руки, как Наполеон перед Бородинским сражением. Елена уже вошла в воду и поплыла. Ее золотистая головка была хорошо видна на воде. Никита до того был напряжен, что слышал только гулкие удары своего сердца и в общем гаме легко различал слабые всплески плывущей Елены. «Теперь в воду, — приказал сам себе, — Пусть получится так, как задумал». По камням спустился с обрыва и, загребая воду сильными руками, поплыл навстречу девушке.

Огромный танкер, двигаясь почти бесшумно, выплыл из-за поворота и, пеня воду, надвигался на них, закрывая небо и свет. При виде его купальщицы с криком бросались к берегу.

Когда танкер прошел мимо и скрылся в узком для него жерле канала, старик Анохин еще несколько минут глядел ему вслед. Собравшись плыть на другой берег, он вспомнил о девушке в розовом бикини, но ни в воде, ни на берегу ее не увидел. Неужели ее ударил танкер, и она захлебнулась? А может, еще жива, просто потеряла сознание, и вода понесла ее вниз по течению?

Обдирая руки и ноги, старик съехал с обрыва, прыгнул в воду. Если она еще жива, можно попробовать ее догнать и спасти. В молодости Анохин считался неплохим пловцом, он и сейчас еще чувствовал себя в хорошей форме. Сделал несколько глубоких вдохов, наполнил легкие кислородом и нырнул. Под водой раскрыл глаза, начал крутить головой, осматриваясь.

Участливый старик не знал, что несколько минут назад сильные, безжалостные руки, схватив Елену за шею, увлекли в мутный мрак глубины.

Танкер поднял ил и мелкий песок, замутил канал, старик с трудом видел собственные руки. Анохин вынырнул, отдышался и снова вниз в коричневатую глубину. А быстрая вода за несколько минут отнесла его далеко вниз по течению. Уже не видно толпы на берегу, вокруг новые места, да унылый чудак сидит с удочкой в резиновой лодке, отдав себя на волю течения. Холодно стало Анохину, почувствовал — судорога подбирается к ногам, пора выбираться на берег. И вдруг что-то легонькое скользнуло по руке. Нервы на пределе, отпрянул, думал змея, а присмотрелся — розовые флажки. Бог ты мой, да ведь это лифчик от бикини!

Мимо, пеня воду винтами, пронеслись два катера, проскользнула яхта. Анохин махал им руками, требуя остановиться. Да куда там, кому сейчас нужны лишние приключения? Плохо быть утопленником, никому нет до тебя дела.

— Эй, бросай удить, плыви сюда! — крикнул старик парню в резиновой лодке и помахал в воздухе розовыми лоскутками. — Тут девушка утонула.

Когда рыбак подплыл, старик ухватился за веревку, натянутую вдоль борта.

— Я давно в воде, судорога начинает ноги скручивать, ты меня подстрахуй.

Рыбак, сосредоточенный очкарик, крепко взял старика за кисти рук и выдернул из воды в ледку.

— Синий весь, дрожишь, спасатель хренов. На, оботрись портянкой, больше нечем, да накинь куртку. — Сбросил сапоги, сорвал одежду: — Давно уто-

нула?

— Минут шесть-семь назад.

— Теоретически уже покойница. Но вода холодная, мозг в холоде меньше кислорода потребляет. Если сразу найдем, то, может быть, еще останется жива. — И кувырнулся с борта, без всплеска ушел под воду.

Глава XX

Услышав сирену милицейской машины, мы с Граем побросали тяпки, которыми окучивали картошку настырного Бондаря, выбежали на дорогу. Сержант Григорьев притормозил, высунулся из окошка:

— Давайте за мной, едем брать маньяка! — и подняв пыль, машина рванула дальше.

Наша «Нива» на жаре заводится сразу. Ориентируясь по пыли, отчаянно гудя, чтобы не раздавить ребенка или собаку, мы помчались следом по лесной дороге. Вот и старый Ладожский канал, горбатый пешеходный мостик. Около него затормозил сержант, рядом замерла машина Шестиглазова с группой ОМОН.

— Ребята, бегом! — заорал Шестиглазов. — До нового канала чуть больше километра.

Топая тяжелыми ботинками, молодые накачанные омовцы устремились по болотистой дорожке, перепрыгивая через корни старых елей. Мы с Граем старались не отстать от них. Дыхалка у шефа оказалась отличной, он бежал легко, хотя раненая рука мешала, ее приходилось придерживать, как ребенка.

Эту жарницу и этот день я запомнил хорошо. Потные, запыхавшиеся, мы примчались на канал и остановились, пораженные — вокруг спокойствие, на самодеятельном пляже ленивые, сонные, разморенные зноем, с замедленными движениями люди. Лежат на полотенцах, одеялах, просто на траве, налево и направо обнаженные тела, сколько глаз хватает.

Сам канал, с несущейся бесшумно водой, ласково искрился на солнце и тоже казался сонным. В ольшанике, растущем по берегам, не шелохнется ни один листок. Безветрие, штиль.

Одним движением руки Шестиглазов разделил своих людей пополам, мы с Граем и частью омовцев пошли влево, вниз по течению, сам он повел людей направо, вверх по течению.

Одно изящное женское тело, лежащее на синей подстилке, я сразу узнал, стянул платочек с лица:

— Зоя?

Она разморенным взглядом посмотрела на меня, села, повернувшись ко мне боком так, чтобы хорошо стали видны ее тяжелые бедра И мягкими, типично женскими движениями стала поправлять прическу. Подняв руки, она заставила приподняться груди. Эта сексуальная провокация заставила меня задохнуться от остро вспыхнувшего желания.

— Привет, любовничек, — усмехнулась Зоя. — Пришел сказать, что о чем-нибудь жалеешь?

— Совсем наоборот.

— Удивляешься тому, что произошло между нами?

— Я сбит с ног, лежу в нокауте.

За эти недели, проведенные в тоске, до меня стало доходить, что я просто

влюбился в Зою. Влюбляться с первого взгляда — это неизбежно при том образе жизни, который мы вели с Граем, жизни опасной, когда любой день мог быть последним в жизни, холостяцкой и полукочевой. С первой же минуты, как только увидел ее, Зоя привлекла меня. После того, как мы однажды насладились друг другом, я понял, что мы сможем вести семейную жизнь.

Но говорить об этом на пляже было смешно.

— Виктор, не утомляйте меня своим вниманием, я не в форме, — негромко простонала Зоя и закрыла лицо платочком...

Надо отдать должное Шестиглазову, умеет он организовать людей на поиск и у самого глаз острый. Это он нашел оставленное Еленой одеяло и белую сумку.

— Чьи вещички?

Сидящая поодаль мамаша с четырьмя младенцами подняла голову:

— Тут девушка лежала, такая стройненькая, с золотистой головкой. Купаться ушла.

— Давно?

— Да уж около часа.

— Кто-нибудь к ее вещам подходил, в сумке рылся?

— Подходил здоровенный парень. Не видела, рылся ли он в сумке, но слышала, застонал и сел на землю. Может, солнце напекло. Ему шляпу из газеты подарили. А почему вы спрашиваете? Что случилось? Почему вы чужие вещи трогаете?

— Уголовный розыск, мамаша.

— Ой, — перепугалась женщина, — маньяка ловите?! Дети, быстро ко мне, немедленно идем домой.

— Опишите этого парня, — попросил Шестиглазов.

— У меня от страха все из головы вылетело.

— Он горбатый... с бородой?

— Нет, обычный такой, только руки длинные, сильные. Сел на землю и завыв, негромко так, но страшно, словно хоронил кого или с жизнью прощался. Я подумала, может, солнечный удар хватил парня? Он смотрел на воду и бормотал.

— Что именно говорил?

— Я не прислушивалась, но что-то вроде: «Утонет... Утонет» Или: «Утону... Утону...» Смотрел на воду, как замороженный, затем спустился вниз. А там прошел танкер, и я этого парня больше не видела, не до вето мне, своих четверо, мал мала меньше.

— А потом? Когда танкер прошел, он вернулся? Девушка вернулась?

— Я посмотрела на воду, плывет шляпа из газеты. Утонул он или просто газету бросил, кто его знает? И девушка не возвращалась.

— Если хитрит маньяк, недолго ему осталось меня за нос водить. За хвост мы сю схватили, теперь не отпустит/, — зло заругался Шестиглазов, перевернул белую сумочку и высыпал ее содержимое на одеяло. Я увидел нехитрые пляжные принадлежности — темные очки, крем для загара, щетка для волос... Господи милосердный! Из сумочки вывалился огромный гвоздь-штык с наколотой на него запиской! И еще один листочек в клеточку, тоже вырванный из школьной тетради.

Инспектор едва не заплакал:

— Опоздали, опять опоздали, еще один труп... — И закричал на сержанта: — Грая сюда, бегом за Граем, снова ему стихи с того света!!

Мы с Граем подошли к инспектору. Чертыхаясь, он держал листок за уголки. Выглядывая из-за плеча шефа, я прочитал:

*«Знаменитый сыщик Грай!
Навсегда теперь прощай!
Я Сад очистил, как сумел —
Я погубил и душ, и тел
Немало на своем веку,
Теперь я жить здесь не могу.
Не быть мне Королем в Саду
— С своей любовью я уйду.
Ухожу — И пусть будет так
За своей любовью,
И расписываюсь НАГ —
Собственною кровью».*

Второе письмо внешне ничем не отличалось от первого. Но, похоже, арсеналы у маньяка истощились, полагающийся к стихотворению гвоздь отсутствовал. Текст, на мой взгляд, писал тот же человек, но настроение его резко изменилось:

*«Я некрасив, но я умен,
И я в тебя влюблен!
Я неизвестен, но богат,
Но у меня есть Сад!
Ты лучше всех в моем Саду.
Живая, словно песня,
Тебя и в небе я найду —
Уж там мы будем вместе!..»*

Стихотворение почему-то сказалось неподписанным. Хотя если у парня действительно крыша поехала и он решил свести счеты с жизнью, то с высоты неба, где он наверняка присмотрел себе местечко в аду, на правила составления делового письма ему было наплевать.

Грай шепнул мне:

— Послушай, Виктор, плохо дело, маньяк нас еще не обманывал. Сволочь, но твердый орешек, все, что задумал, осуществил. Вряд ли мы найдем девушку в живых. Но сражаться станем до последнего. Ты оставайся с Шестиглазовым, а я пойду вниз по течению какала. Если мы что и найдем, то теперь только там. — И он торопливо зашагал по тропе, которую протоптали купальщики и рыбаки по гребню насыпи.

Шестиглазов развил бурную деятельность, поднял найденное платье и стал показывать всем, кто лежал тут же на берегу.

— Чья это одежда? Кто знает?

— Дайте посмотреть, — откликнулась Зоя. — Если не ошибаюсь, это платье Елены Островской, она живет на нашей улице, зеленый дом буквой \$Г», номер сто тридцать восемь.

У Шестиглазова комплексов никаких не было. Он тут же взял Зою под подозрение и устроил экспресс-опрос Зоиним соседям, интересовался — с кем девушка пришла, с кем общалась, ходила ли купаться?

Многодетная мамаша посочувствовала Зое:

— Она пришла сюда на моих глазах, одна, так и скучает в одиночестве, а такая симпатичная... И купаться даже не ходила, не знаю, почему.

Зоя мужественно вытерпела опрос своих соседей, спросила инспектора:

— Я понимаю, маньяк еще не схвачен, вы всех подозреваете, кто вам попадет в поле зрения. Вообще-то я на-загаралась, мне можно идти?

Шестиглазов посмотрел на девушку подозрительно, он теперь на всех так смотрел:

— Я попрошу вас остаться... Если мы обнаружим тело, потребуется его опознать. — И приказал курчавому омовцу, который при виде Зои продемонстрировал два ряда ровных крепких зубов: — Яснов, позагорай с девушкой.

Шестиглазов решил прочесать берега канала. Двое омовцев разделись и поплыли на ту сторону канала, двое двинулись вверх по течению, а все остальные вместе с ним направились вниз по течению, по направлению к устью Невы.

— Сильное тут течение, — сказал я на ходу, обращаясь к затылку инспектора, — если тело закрутит, может по дну дотащить до Невы, а там ищи-свищи.

— Не каркай, — огрызнулся Шестиглазов. — И так тошно.

Я обиделся, замолчал и стал думать, где же наша славная речная милиция? Хотя у нас в России рек, озер и каналов до сих пор не считано, немерено — для них никакой милиции не хватит.

Мы догнали Грая, который медленно шел по тропе к смотрел на надувную лодку с двумя голыми рыбаками, дрожащими от холода. Склонившись с бортов, они старательно глядели в воду.

— Что они высматривают? — Поинтересовался Шестиглазов.

— Говорят, утопленницу видели, — ответил Грай. — Виктор, ты не мог бы подключиться к поиску?

— Наконец-то и для Меня дело нашлось, — быстро скинул одежду, хотел на виду у всех сигануть с крутизны, но шеф резко одернул: — Виктор, остынь!

Я кое-как спустился с обрыва, вошел в воду. Конечно, было бы классно прыгнуть с обрыва ласточкой, следуя по служебным делам. Но вода на самом деле оказалась такой холодной, что сердце могло и не выдержать столь резкого охлаждения. Поплескал на себя водичкой, сделал два шага, и берег ушел из-под ног, круто обрываясь вниз. Я саженками поплыл к лодке. Меня грела мысль, что Шестиглазов не осмелился подать своим ребятам подобной команды. Кишка у них тонка, чтобы меряться силой с Ладогой. Сейчас начнут по радио спасателей вызывать.

В это время раздался слабый всплеск, очкастый парень с лодки ушел под воду. Когда он вынырнул, мы были уже рядом и одновременно ухватились за веревку, натянутую вдоль борта. Лицо у него посинело, покрылось пупырышками, зубы лязгали от холода.

— Тело видел, — пролязгал он. — Идет позади лодки метрах в трех. Но не смог достать — нас ветром подгоняет, задуло по каналу как в трубе. Старик: — скомандовал сидящему в лодке, — веслами табань!

Резвость мою как рукой сняло. «Господи, — подумал я со страхом, — неужели мне под водой придется с покойником встречаться? Я их и на земле-то до смерти боюсь».

— Тебе пора отдохнуть? — спросил я у очкарика.

Он снова залязгал зубами:

— Еще разок нырну, покажу, куда плыть, рядом побуду, а то первый раз к утопленнику на глубине подплывать боязно, так и думаешь, вдруг еще живой, схватит и утащит на глубину.

Старик, дрожавший от холода в лодке, так и не сумевший отогреться на солнце, перекрестил нас и забормотал молитву.

— Что скулишь, дед? — спросил очкарик.

— Читаю для вас заговор от судороги, чтобы вы-то хоть не потопли от стылости жуткой.

— Громче читай, — усмехнулся очкарик, — чтобы на глубине слышно было.

Мы с парнем разом ушли под воду. Он, как опытный ныряльщик, перевернулся головой вниз, а я по-простому, солдатиком. Он двигался упорно, в одном направлении, видно, умел под ведой ориентироваться.

Мне уже хотелось наверх, глотнуть, воздуха, подышать, а ок упрямо, без остановки, греб руками и резко дергал ногами, от чего сильно подавался вперед.

У меня уже кололо в груди, сдавило виски, я собирался рвануть наверх. В этот момент очкарик остановился и показал рукой. Из коричневой мути выплывало нечто белое — покойник!

Я покачал головой и поднес ладонь к горлу, мол, не доплыть! Очкарик схватил меня за ногу и дернул вниз, еще толкнул в спину и в затылок. Я оказался перед утопленницей. На ведьму, вот на кого она была похожа — волосы веером, на лице гримаса боли. Безумно вытаращив остекленевшие, неподвижные глаза, она плыла на меня...

В этот момент со мной что-то произошло, я переступил некую границу и вдруг перестал чувствовать холод, расслабился, руки и ноги безвольно повисли, перестал даже понимать, что я под водой. Мне стало хорошо-хорошо, словно словил кайф или попал в счастливый сон. Я видел, что тело мое стало опускаться на дно, я с удовольствием наблюдал, как где-то наверху играют на воде солнечные блики. Не шевелился, вроде — опьянел. Самое интересное, что не дышал, и не чувствовал, что нужно дышать. Прежде мне приходилось слышать про азотное опьянение, которое наступает у ныряльщиков на глубине, когда им не хватает кислорода. Но и в голову не приходило, что я могу попасть в подобное положение. Ныряльщик, у которого наступило азотное опьянение, обречен, если не получит помощи от друзей. Я так бы и лег на дно канала сонной рыбой, если бы не очкарик. Видимо, он пенял, что со мной — беда. Не знаю, из каких резервов он почерпнул запас сил. Все, что он смог сделать — подплыл ко мне и стукнул по лбу пяткой. Затем стремительно ушел наверх.

Тут я словно очнулся, мгновенно понял, где я и что со мной происходит. Волосы утопленницы гладили мое лицо, одна рука легла на плечи, а ее затвердевшие сосцы чертили по моему телу, словно она собиралась накормить меня грудью.

Не пойму, как мне пришло в голову схватить ее за волосы зубами. На остатках сил, работая руками и ногами, я стал рваться наверх. Все выше и выше! Легкие рвало на части, в висках стучали молотки, но, не разжимая зубов, я рвался наверх, а утопленница слезно ожила, била меня по рукам своими скользкими ладонями, прижималась грудью, словно хогела задержать и навсегда оставить в коричневой глубине.

Совершенно не помню, как прошел последний метр, наверное, на автомате. Так и не успевший согреться старик прыгнул в воду, подхватил меня и вытолкнул наверх. Очкарик, сам еще находящийся в воде и одной рукой державшийся за веревку, прикрепленную к борту, другой рукой сунул мне весло. Я вцепился — не оторвешь! И дышал, дышал, дышал!.. Дышал, закрыв глаза и захлебываясь воздухом.

Дальше пошла рутинная работа. Подплыли омовцы, подхватили утопленницу и по всем правилам, чтобы лицо ее не оказалось погруженным в воду, отбуксировали к берегу.

Вдвоем с очкариком мы затолкали потерявшего силы старика в резиновую лодку, выбрались сами и влажной портянкой начали растирать ветерана, возвращать его к жизни. На это ушло четверть часа. Когда тело старика порозовело, он открыл глаза и послал нас бронебойным окопным выражением. Мы поняли, что он в порядке и вполне годится для десантирования на берег.

Когда я поднялся на берег, то увидел печальную картину — девушка лежала на одеяле и два здоровенных омовца делали ей искусственное дыхание, работали по всем правилам, без остановки. Девушка уже не казалась ведьмой. Она лежала перед ними в одних крошечных плавочках, и было видно, какая она изумительно стройная, красивая, способная осчастливить самого взыскательного жениха. Но... на шее девушки явственно виделись следы захвата сильных рук... Откачивали Елену до <ех пор, пока по телу не пошли трупные пятна.

— Все, — принял решение Шестиглазов, — заворачиваем покойницу в одеяло и везем в морг.

Всю обратную дорогу Грай сосредоточенно молчал, лишь велел мне ехать побыстрее. Выехав из леса, я уже предвкушал, как выпью горячего чаю из термоса и крепко поем, но шеф спросил:

— Знаешь, где живет сторожиха Нина Федоровна?

— Около лесозащитной полосы.

— Прямиком к ней и побыстрее, — сказал он таким тоном, что завести речь о стакане чая оказалось неприлично. Про себя я решил, что, отказавшись от чая, совершаю подвиг, за который мне положен, как минимум, орден. Но Граю лучше об этом не говорить, ехидно рассмеется, и все. Поэтому вместо ордена я сегодня получу насморк, и все.

Домик Нины Федоровны был облеплен со всех сторон пристройками, сляпанными кое-как, на скорую руку, чтобы всем ее подрастающим ребятишкам хватило в нем места. На мостке через канаву нас остановила презлющая овчарка, гремевшая цепью и грозно скалившая острые клыки.

Услышав яростный лай собаки, на крылечко вышла Нина Федоровна, немолодая, но еще крепкая женщина в линялом платье и застиранном переднике, в больших клееных галошах на босу йогу. Прихрамывая, она прошла по участку, остановилась рядом с нами на мосточке. Видно было, что это человек самостоятельный, не пугливый, умеющий принять решение и постоять за себя.

— Нина Федоровна?.. Я частный детектив Ярослав Грай, это мой помощник Виктор Крылов. Можно с вами поговорить?

— О чем вам со мной толковать?

— О вашем старшем сыне Никите.

— О, Господи... — вздохнула хозяйка, затолкала в будку лающую собаку и

пропустила нас. — Заходите на участок.

За ворогами мы увидели тележку на резиновом ходу, всю измазанную красноватым торфом. Черноволосая смуглянка лет восемнадцати вышла на крыльцо и воинственно посмотрела на нас.

— Дочка Галя, — представила Нина Федоровна, — единственная помощница. Остальные шестеро — мальчишки, носятся по Садам, что с них толку. А у меня большое хозяйство — в сарае куры и кролики, поросенок растет. Натуральное хозяйство, целый день на них варим и готовим, не удивляйтесь, всюду ведра и горшки, за чистотой следить некогда.

Дом, снаружи чистый и опрятный, внутри оказался грязноват. На плите закипала вода в большой кастрюле, в огромном чугуне варилась картошка, ее запах наполнил весь дом.

— Можно, мы пройдем в комнату Никиты? — спросил Грай.

— Проходите, — разрешила хозяйка, — но там не чище, чем в других комнатах... Утром у нас уже был сержант, встревожил меня, а толком ничего не сказал. В чем дело? Никиты до сих пор нет дома. С ним что-нибудь случилось?

Грай сел на единственную в комнате табуретку, Нина Федоровна на покрытую солдатским одеялом кровать, я остался стоять в дверях.

— Нина Федоровна, ваш сын Никита мог писать мне письма. — спросил Грай.

— С чего бы он вам писал? — с вызовом отвечала хозяйка. — Он в жизни не написал ни одного письма.

— А стихи см сочинял?

— Стихи любил, вот смотрите, его тетрадка. Но никуда не отсылал. Да в чем дело?

— Разрешите мне взять одно с собой, чтобы сравнить с присланными. У меня четыре письма, похоже, написаны Никитой, и на них подпись: «НАГ». Что это может означать?

— Моя девичья фамилия Голубева. Это могло бы означать Никита Алексеевич Голубев. Но вы городите чепуху, — все больше тревожилась Нина Федоровна. — Я хоть газет не читаю, но про известного убийцу НАГа слышала. Неужели вы думаете, что мой больной, несчастный сын, и маньяк, который держит в страхе Сады — одно и то же лицо?

— Смотрите, вот письмо, оставленное на месте убийства, листок в клеточку, синяя шариковая ручка, печатные, шатающиеся буквы. Рядом кладем стихотворение из тетрадки вашего сына. Различия почти не заметны.

Нина Федоровна хотела ахнуть и тут же захлопнула себе рот ладошкой. Только со страхом переводила взгляд с листка на листок.

— Письма, адресованные мне, все нанизаны на огромные двухсотмиллиметровые гвозди. У вас есть такие? — Грай развернул сверток и показал гвоздь.

Нина Федоровна махнула рукой:

— Такие гвозди я видела в последний раз больше двадцати лет назад. Их можно было купить в первопроходческие времена, когда только здесь начинали рыть первые канавы и не было еще ни одного дома. Весь наш инструмент хранится здесь, в нижнем ящике комода. Смотрите сами, — и она выдвинула ящик.

Грай склонился к ящику, порылся в железках и позвал хозяйку:

— Смотрите, в уголке замусоленная карточная коробка, и в ней точно такие же гвозди, еще осталось шесть штук.

Нина Федоровна бухнулась около ящика на колени:

— Неужели с тех самых времен? Почти четверть века?

— Не трогайте, ничего не трогайте, — попросил ее Грай. — Любая мелочь может погубить или спасти вашего сына... Скажите, вы любили Никиту?

— Я его жалела. Он с пяти лет страдал эпилепсией. И все-таки учился в школе, научился зарабатывать на жизнь. Каких усилий мне это стоило, если бы вы знали? Я ждала, что он женится, какая-нибудь добрая девушка возьмет его, и я умру спокойно. Но не находится такой дурочки, нынешние невесты стыдятся бедности, не хотят жить в нищете. Вот я и кручусь тут одна, кормлю ораву. И спец, и жнец, и на дуде игрец.

— Скажите, а он мог убить человека во время припадка и забыть об этом?

— Два раза в год он обязательно лежит в больнице, лечится. Нервный, часто психует, но желания убить я у него не наблюдала. Правда, я не профессор.

— Никита мог позволить себе шалости?

— Мог стянуть по мелочи, где плохо лежит. У соседа из сарая брал втихаря мопед и катался. Я видела, но не останавливала, ведь ему хотелось покататься, а у нас не на чем.

— Машину он умеет водить?

— Научили шофера три года назад. Прав кет, а завести и поехать может.

Грай взял тетрадку стихов, прочитал вслух наугад:

*«стыдно быть бедным и глупым вдобавок...
Золотая, девушка Елена — не моя,
улететь бы мне в чужие края...»*

— Скажите, наконец, где мой сын? — рассердилась Нина Федоровна. — Что с ним?

Грай взглянул в окно, где, скрипя тормозами, остановилась милицейская машина.

— Инспектор Шестиглазов приехал. Он вам, Нина Федоровна, все расскажет.

Глава XXI

На следующий день я пришел в магазин пораньше, за полчаса до открытия. Зоя была уже там. В зеленом лифчике и зеленоватых брючках, коротеньких до колен, она протирала прилавки. В таком наряде она смотрелась прекрасно. Ансамбль из рыжих волос, зеленых глаз и загорелой кожи цвета кофе с молоком, плюс ее идеальные формы, которые прорисовывались одеждой, которая была на ней, притягивали мой взгляд.

Она нагнулась к прилавку, чтобы взять щетку, я увидел ложбинку между ее грудями. Зоя подняла голову и враждебно взглянула на меня зелеными глазами:

— Что вылупился? Глаза сейчас выскочат.

Мне вдруг пришла мысль, что я лишь игрушка в Зоиних руках, поэтому следует быть настороже. Однако она соблюдала правила игры — у джентльменов не принято в разговоре задавать много вопросов. Зоя ничего не выспрашивала у меня, и я мечтал погрузиться в те наслаждения, которые она могла мне предоставить. Я даже начал думать, что смогу остаться здесь в Садах жить, устроиться работать на Синявине кую птицефабрику и постепенно забыть о детективной работе.

Французы говорят, что скептика не обманешь. Наверное, Грай видел меня насквозь, понимал, что творится в душе, и даже весьма тактично пытался повлиять, с усмешкой заявил: «Мужчина урывает свой первый поцелуй, умоляет о втором, требует третий, берет четвертый, соглашается на пятый и терпит все остальные». Но я остался глух к его увещаниям.

Видя, что я решил стать твердым орешком, не хочу поступиться своими интересами, шеф совершенно ко мне переменялся — практически отстранил от расследования, стал все держать в секрете. В город ездить запретил, отдал в распоряжение Шсстиглазову в качестве оперативника и представителя нашего частного агентства с правом решения вопросов сообразно моему опыту и здравому смыслу.

На мне осталось только техническое обслуживание машины. Грай один уезжал на ней в Петербург. Не знаю, как он управлял машиной одной рукой? Так недолго и до аварии.

Я приготовился к бунту и напрямик спросил:

— Вы пришли к выводу, что Виктор Крылов не годен к оперативной работе?

Туманно улыбаясь, он ответил:

— В деле НАГа меня заинтересовала историко-философская мысль, афористично высказанная еще Конфуцием: «В стране, которой правят хорошо, стыдятся бедности. В стране, которой правят плохо, стыдятся богатства». Интересно проследить за поворотом философии и морали на крутом вираже тысячелетней России.

Я сразу понял, что он имел в виду, и согласился:

— Если государство знает, что делает, то за свою работу частный детектив должен иметь приличный гонорар. Это справедливо с древнейших до нынешних времен.

Грай улыбнулся:

— Вольное толкование Конфуция, но в принципе правильное. А Шсстигла-

зову это неинтересно.

— Так у него оклад, поэтому он чужд философии. Его государство кормит, как цепного пса.

Однако историко-философские рассуждения шефа меня не ввели в заблуждение, и я выжал из него два конкретней факта: в дело включились три оперативника, которых мы привлекали по необходимости: Савелий Сапунов, Олег Стриж, Константин Васин. Конфуций влетал нам в копеечку.

Грай уехал в город, я почувствовал себя одиноким, никому не нужным, когда меня посетила еще одна мысль: а не бросить ли на произвол судьбы историю, философию, самого Конфуция, детективное агентство и Зою вместе с ним и не податься ли в тихое местечко, скажем, на остров Валаам среди Ладожского озера в старинный возрождающийся мужской монастырь? А?

Глава XXII

Хотя по-прежнему Зоя не говорила со мной, кроме тех случаев, когда я покупал продукты и вел с ней коммерческие переговоры, я видел, что она стала оттаивать и лучше ко мне относиться. Несмотря на тяжелую работу в душном магазине, Зоя по-прежнему оставалась сексуально привлекательной и по-прежнему волновала меня. Правда, я не мог понять, имеет ли она на меня виды?

Шестиглазов, которому я был передан как вспомогательная боевая единица, перенес свой кабинет из Кировска в Сады и для допросов вызывал людей в правление садоводства. Тут работа шла сноровистее, сержант Григорьев, цепкий как бульдог, доставлял людей одного за другим.

Ох, не по мне были инспекторские вопросы-расспросы да еще ловушки, ох, не по мне. Людей жалко. Первый же свидетель, перепуганный, что его теперь затаскают по судам из-за несовершенства нашего законодательства, отказался от своих показаний. Шестиглазов наорал на него, пригрозил посадить с маньяком в одну камеру и вытряс показания. А когда увидел мою кислую физиономию, и мне прочитал мораль:

— Жалеть человека — ему же хуже. Ты спроси у хирурга, когда он человек живот вспарывает или ногу отрезает, он что, получает удовольствие, радуется? Надо — и ремой.

Вторым свидетелем была Курочкина, мать четверых малышей-погодков, которая загорала на канале рядом с Еленой. Она явилась страшно взволнованная, и Шестиглазову пришлось ее успокаивать.

— Напрасно вы принимаете все так близко к сердцу, ведь с вами и вашими ребятишками ничего не случилось.

Курочкина перестала всхлипывать, и тут в нее точно бес вселился:

— Он меня успокаивает — ничего не случилось! Оказывается, рядом маньяк сколачивался, жертву выбирал, а у меня на руках четверо, мал-мала меньше. Хорошо, что Никита позарился на бездетную, с хорошей фигурой, у него губа не дура. А если бы он меня угрохал, кто бы мою мелюзгу на ноги поставил?

Курочкина громко высморкалась.

— Налоги я исправно плачу, и муж платит. У нас тут в Садах дополнительно деньги собирали, на милицию, чтобы защита была. А как дошло до дела — господа садоводы, сами защищайтесь.

Инспектор слушал ее, опустив голову и вытирая проплешинку, которая означилась у него на затылке.

Сержант громко кашлянул у двери:

— Гражданка Курочкина, делаю вам замечание за неуважительное отношение к органам дознания. Если вы собираетесь грубить, мы вас отправим на трое суток в следственный изолятор. У вас есть на кого ребят оставить?

— Нет, — испугалась Курочкина. — Соседку попросила минут сорок посидеть.

— Тогда отвечайте на вопросы быстро, полно и откровенно, — припечатал сержант.

— Когда Никита подходит к одежде Елены, — начал Шестиглазов, — у него было что-нибудь в руках, скажем, книжка?

— Я не заметила, может, и было, такое незначительное.

— Он заглядывал ей в сумку?

— Никита сел на землю и загородил сумку, может, и заглядывал.

— А когда встал, держал что-нибудь в руках?

— В это время мой младшенький писать захотел, я на Никиту и не смотрела.

— Вы видели на той стороне канала человека, за которым он наблюдал?

— Он стоял довольно долго и смотрел на ту сторону канала. При этом сильно нервничал. Увидел девушку, около вещей которой сидел, заулыбался так, с оскалом. Девушка стала спускаться вниз, к воде, он совсем распалился и сам бросился в канал.

— Газетную треуголку на берегу оставил?

— Сгоряча забыл про шляпу, так в ней и поплыл.

— У вас цепкий глаз, Курочкина, кроме девушки, вашей соседки по пляжу, вы заметили кого-нибудь на той стороне канала?

— Старик там стоял и махал руками людям на танкере.

— А еще кто-нибудь следил за девушкой? Это очень важно.

— Не могу сказать, у обеих берегов было достаточно купальщиков, на такую красавицу всегда люди смотрят.

— Скажите, пока танкер приближался, потом проходил мимо вас, Никита мог за это время переплыть на ту сторону и убежать, скрыться с глаз?

— Думаю, мог. У него ручищи длинные, как весла, он мог легко переплыть канал. Танкер длинный, на велосипеде надо по такому танкеру ездить. Пока он шел мимо нас, любой ловкий парень мог бы скрыться.

— После того, как танкер прошел, вы Никиту видели?

— Нет. Только шляпа треугольная из газеты плыла, и все. А сам Наполеон исчез.

— Думаете, он утонул?

— Такой здоровый? Нет, такие не тонут. Он незаметно выбрался на тот берег, скрылся в кустах и ушел куда-нибудь... Я так боюсь, теперь он может напасть и на меня, как на свидетельницу, ведь он меня запомнил. Только теперь поняла, как близко была от смерти. Да, точно, за мною кто-то следил, пока сюда шла, сзади шажки слышала осторожные, но тогда не обрадила внимания... У меня сердце разорвется, как пойду обратно?

— Вам дать воды?

— Какая вода?! Пистолет дайте, или гранату. У меня четверо малышей.

— Не переживайте, сержант отвезет вас на машине.

Когда Курочкина ушла, Шестиглазов длинно вздохнул:

— Эту пугливую мамашу и мне жалко, теперь вечером в сад с топором выходить станет, за каждой яблоней ей убийца будет чудиться.

Старик Анохин наверняка служил во флоте. Войдя, он ловко щелкнул каблуками сандалет:

— Пенсионер Анохин по вашему вызову явился, господин инспектор! Ап-чхи! — закашлялся, смутился, вытер нос огромным клетчатый платком. — Простыл я в канале, черт его деря, чихаю беспрестанно.

— Присаживайтесь, мы постараемся вас поскорее отпустить. Неподалеку от того места, где вы стояли, у воды густой кустарник. Мог ли человек, пока проходил танкер, выйти из воды и спрятаться в нем так, чтобы вы не заметили?

— Смог бы! Густые кусты, ивняк, кому придет в голову туда заглядывать?

— А от воды во время движения танкера вы не слышали криков или стонов?

— Я дочке кричал, она у меня молодец, начальник радиостанции на судне, и пытался услышать ответ, но слов не разобрал. Надо было ей рупор взять. А того, что внизу происходило, не видел и не слышал. Ведь дочка в заграничье уходила, мы надолго с ней прощались.

— Вы видели, как человек в треуголке из газеты переплыл на ваш берег?

— Не углядел, извините. Я наверх смотрел, мачту глазами искал, потом — когда судно из-за поворота покажется. И на палубу, дочку глазами выискивал. Она у меня... Ап-чхи!.. Простите, уж очень холодна ладожская водица, хотя в канале теплее, чем в самом озере... А шляпу треугольную видел потом, она намочила и утонула. Ап-чхи!

— О вашем отважном поступке мы знаем. Очень хорошо наша районная газета «Кировский соловей» написала, как вы пытались девушку спасти. Замечательный редактор у нас Наташа Шведова. Еще раз примите благодарность от уголовного розыска города Кировска.

— Служу... Ап-чхи! — Анохин вышел на улицу, и даже оттуда доносился до нас трубный чих старого моряка.

Шестиглазов почесал свою любимую плешинку и задал риторический вопрос:

— Так утонул Никита, или нет? А может быть, утонула одна газета «Правда», возомнившая себя наполеоновской треуголкой? А этот хитрющий маньяк опять водит* нас, как дурачков, за нос? Я отдал бы месячную зарплату, чтобы знать это наверняка.

Никто дать ответ инспектору не смог, и он вызвал следующего свидетеля, отца Елены.

— Бывший школьный учитель физики Островский, — представился он, сделав легкий поклон головой, и осторожно присел к столу.

— Скажите, — спросил Шестиглазов, — вы знали, что Никита неравнодушен к вашей дочери? Он ведь к вам в дом заходил?

— Заходил несколько раз, пытался ухаживать, но Елена ему вежливо и категорически отказала. Никита такси огромный, страшный и, извините, тупой. Он и семи классов не окончил. А Леночка у меня медалистка, Педагогический университет, окончила, в музыкальной школе училась, в оркестре на трубе играла, всегда впереди других, на виду... — Островский всхлипнул.

Шестиглазов не дал затянуться паузе:

— У вас в доме, в коробке из-под туфель, листки тетрадные со стихами Никиты обнаружены. Как они туда попали? Значит молодые люди встречались?

— Нет. Зоя, бывшая одноклассница Елены, пренеприятная, скажу вам, девица, страшная язва, приносила листки от Никиты, передавала как почтальон. Ну, а моя Елена по глупости хранила. Жалко было выбросить.

— Зоя? Интересно, часто она у вас бывала?

— В городе мы в одном доме живем и тут случайно оказались на одной улице Дружбы у девочек не было, но зааживала иногда.

— Никита угрожал Елене?

— Насколько я знаю — нет. Приходил тихий, грустный, понимал, что ей не пара.

— Как вы думаете, он мог убить вашу дочь?

— Псих он и есть псих, разве его пошлешь? Значит смог, ведь на горле у дочки следы от его здоровенных ручищ, — Островский снова всхлипнул. — Значит так на роду написано. Ничего не сделаешь. Не уберег я дочку. И уголовный розыск не помог. Сколько вы теперь ни старайтесь, дочку мне не вернете, — Островский ушел, вытирая глаза.

Следующим свидетелем была Зоя. Она явилась, как длинноногая королева, в костюмчике нежно-голубого цвета. Он так детально обрисовывал ее женские достоинства, что все мужчины, включая и Шестиглазова, не сводили с нее глаз.

Зоя старательно и подробно отвечала на все вопросы, но после разговора с ней следствие не продвинулось вперед ни на шаг.

— Последний на сегодня свидетель, — Шестиглазов протер любимую щеку, — мать Никиты Нина Федоровна. Если она в боевой форме, сейчас нам с тобой, Виктор, жарко станет.

Сержант Григорьев вошел в комнату и предупредил:

— Извините, Нина Федоровна не хотела ехать, пришлось сказать некоторое давление.

— Надеюсь, сержант, вы были предельно деликатны? Не пришлось ее связывать?

На сержанта было больно смотреть, такой у неге был потрепанный вид.

— Это не садовод, не женщина, это — конь с яйцами. Чтобы ее связать, потребуются две группы захвата ОМОН. Она напала на меня со сваем вышколенной овчаркой, в результате порваны брюки и потеряны две пуговицы с форменной рубашки. Спасся я тем, что ловко запрыгнул в машину. Я пообещал ей привести мешок комбикормов из магазина для поросенка, после этого она согласилась приехать сюда.

— Вы бежали с поля боя? — не поверил инспектор. — Я не узнаю вас, сержант. Это позор для уголовного розыска.

— Вы перемените свое мнение, когда узнаете ее получше. Неподалеку от Нины Федоровны живет ее подруга, в молодости они вместе работали кассирами в банке. Однажды после работы идут домой, заглянули в магазин, купили макарон и сосисок. Подходят к остановке трамвая, а там толпа — хулиган с ножом в рука куражится, кого-то мордует. Народ в сторонке жметесь, и даже военные, а пойти на нож боязно. Нина Федоровна говорит подруге: «Смотреть, как распоясался хулиган, нет сил. Подержи мои макароны». Одна пошла на ху-

лигана, скрутила его и отвела в отделение милиции. Мне ее подруга рассказывала, и я поверил, такое не выдумаешь.

Шестиглазов напряжился:

— Пригласи ее войти.

Нина Федоровна, как была в выцветшем платье с линялым передником, видно, копалась в огороде, так и оказалась доставлена в правление. Грозная женщина бросила пристальный взгляд на меня, на инспектора, заметно прихрамывая, подошла к стулу и села.

— Отдохните, пожалуйста, — как мог приветливее улыбнулся Шестиглазов. — Извините, что пришлось оторвать от домашних дел, но вопрос касается вашего старшего сына и не терпит отлагательств.

Нина Федоровна сердито уставилась на него.

— Это ты, инспектор, приказал тащить сюда старую, больную женщину, инвалида?

Инспектор промакнул носовым платком покрывшегося капельками пота проплешинку.

— Попрошу быть вежливее, речь идет о вашем сыне. Старшем сыне.

— Ну да, среднего вы уже посадили на год, теперь взялись за старшего.

— Не надо говорить о среднем, тот поезд ушел.

— Для вас ушел, а для меня остался. Парни угнали грузовик у фермера и убежали. А мой дурак лег спать в кузове, где и был задержан. И за это давать год? Побойтесь Бога, инспектор!

— Много жалоб накопилось тогда на вашего среднего, вот в совокупности и набралось. Да и не я, суд решал. Теперь речь идет о старшем.

Нина Федоровна повернулась ко мне, словно призывая в свидетели:

— До чего же мне поганая судьба досталась. Все как сговорились претив моей семьи. Один муж убит на границе. Второй долго болел и умер. Осталась я — инвалид, и шестеро ребятишек. Как хочешь, так и подымай их. Средний попал в тюрьму по глупости. Теперь из старшего делают жуткого убийцу. Я одна кормлю и защищаю эту ораву. И все против меня — и милиция, и уголовный розыск, и... судьба.

Мне стала нравиться эта неопрятная, измученная, но не сломленная женщина.

— Может быть, еще не все потеряно? — попытался я поддержать ее.

— Как не все? — развела она руками. — Трое суток парня нет дома, сейчас следователь вывалит кучу улик, и я не знаю, что ему отвечать. После того, как Шестиглазов посадил моего среднего, о нашей семье пошла недобрая слава. Теперь на старшего можно валить что угодно — и люди, и судьи поверят любой гадости.

Шестиглазов стал задавать вопросы, Нина Федоровна отвечала, видно было, что она давно устала — не вчера, не сегодня, усталость в ней копилась годами. А отдохнуть невозможно, некогда, жизнь не дает.

Под конец Шестиглазов осторожно спросил:

— Не знаю, как и вопрос задать, чтобы вас заново не растревожить. Есть некоторое предположение, что Никита мог и не утонуть, а выйти на берег и с перепугу, скажем, спрятаться. Он домой не приходил? Может, осторожно, ночью, чтобы вы не видели. Или в город мог уехать?

— Что вы такое говорите, — обиделась Нина Федоровна. — Утонут, так уто-

нул. Домой не приходил, я его каждую ночь ждала, думала, вот сейчас щеколда звякнет, и он войдет, появится, горе мое. Но увы, не появилось. И укрыться ему негде. Никто калеке припадочному рад не будет.

— Тогда у меня все, — простился Шестиглазов.

— А у меня нет, — угрожающе ответила сторожиха. — Ты правды не узнаешь. Я проведу свое расследование. И посажу тебя в лужу. Вот увидишь. Думаешь, я старая идиотка? Я в молодости с первым мужем десять лет на границе служила, у меня боевой опыт. Ты не можешь понять, что это такое. Я пойду на все.

Глава XXIII

Вечером я придумал приличный предлог и снова зашел в магазин. Зоя одета так, как будто ждала меня. На ней вареные джинсовые брюки в облипochку и тоненькая водолазка. Причем лифчик отсутствует, и упругие соски весело торчат по бокам небольшого с кружавчиками передника. Ах, как хочется схватить ее грудь и смять... Я с трудом отвожу взгляд, от ее груди и бормочу:

— Четыре пива.

Зоя уже оттаяла, и ее зеленые глаза больше не превращаются в холодные камни, наоборот, испускают призывные лучи, заманивают.

— К вашим услугам, свежее «Невское» пиво.

Она не знает, что я квасной патриот и к пиву почти равнодушен.

— Подойдет. По две бутылочки, мне и капитану Бондарю.

Теперь пришла очередь проверить Зоину выдержку. Беру пиво и, словно не заметил никаких перемен, поворачиваюсь, ухожу. По дороге меня догоняет на велосипеде парень, который стоял сзади в очереди:

— Ты видел, как на тебя продавщица смотрела? Бегом беги назад, падай на колени и целуй ей ноги. Тебя ждет праздник любви! Ты парень не промах, ух, как я тебе завидую. Такая девушка! — он взвыл от восторга и умчался, изо всех сил нажимая на педали...

Разбирая свою холостяцкую кровать, я мечтал о Зое. Тяжело терпеть ее отношение ко мне. Я привык сам решать такие вопросы, не терплю, когда другие решают их за меня. Как же дорого надо платить за все в этой жизни, в том числе и за любовь. Но лучше любить и потерять любовь, чем вообще никогда не любить.

Я решил не жениться на Зое.

Нас с Граем снова пригласили в Кировск, в отдел уголовного розыска на оперативку. Рядом с начальником отдела Куликовым снова восседал капитан Томишин из Большого дома, специалист по расследованию серийных убийств. Он строго смотрел на собравшихся. Под его пронизывающим взглядом каждой начинал ежиться, вспоминая какое-нибудь служебное упущение. Даже я чувствовал себя неуютно. Бывают же такие глаза уличающие. Только на Грая не действовал магнетический взгляд начальственного Томишина, и гостя, похоже, это несколько раздражало.

— Давайте подводить итог, — начал Куликов, — Маньяк сделал свое черное дело, мы имеем четыре трупа. Но он сам попал в капкан. Не буду забегать вперед, вам слово, Шестиглазов.

— Хочу подчеркнуть — все убийства у нас в Кировском районе — раскрыты, — без ложной скромности начал инспектор.

— Не надо делать себе рекламу, — усмехнулся Томишин, — Подождите, пока другие похвалят вас.

— Не надо нас хвалить, мы себе цену знаем... Убийство и исчезновение председателя садоводческого товарищества Попова поставило уголовный розыск на уши. Как выяснили, Попов поссорился с сыном и в тот же вечер исчез. В саду под яблоней на торфяной куче я нашел топор, а на обухе частички кожи с головы Попова. Отсутствие тела значительно осложнило поиск преступника. На месте убийства была оставлена записка б стихах с таинственной подписью «НАГ», адресованная нашему коллеге, частному детективу Ярославу Граю. Записка нанизана на двухсотмиллиметровый гвоздь, вбитый в стояк двери. По подозрению в убийстве мы задержали сына Попова. Позднее тело председателя товарищества обнаружил детектив Грай на поле фермера из Нази, где выросла рожь.

Шестиглазов перевернул несколько страничек в блокноте и продолжил:

— В лесу найдена убитой работница птицекомплекса «Синявино» Ольга Ангелова, в прошлом пастушка. И спясть убийца оставил на месте преступления стихотворное послание Граю.

— Обратную связь вы не пытались с НАГом установить, Грай? — рассмеялся Томишин.

— Очень хотел потолковать с самозванным поэтом. Но связь у него была запрограммирована односторонняя, и телефона в Садах не было.

Шестиглазов покашлял в кулак и продолжил:

— Мы пришли к выводу, что в Садах действует маньяк-убийца, бросили все силы на его поимку и предотвращение следующего убийства. Но этого не удалось. Третьим сказался предприниматель Геннадий Исаев, также имеющий дачу в Садах. Он убит на празднике в Шлиссельбурге и со своей машиной сброшен в Ладогу. На пирсе мы нашли стихи для Грая, что показывало — действует все тот же маньяк. Все участники печальных событий собрались на поминках в доме Ангеловых, наш коллега Грай их всех выслушал и предположил, что преступником мог оказаться развозчик торфа, который приходил к Попову в день убийства — разведал обстановку, к Ангеловым приходил в день гибели дочери, появлялся и у дома Исаевых — незаметный серый человек. Мы стали разрабатывать эту версию. И еще одна ниточка появилась — среди людей, прибывших на праздник в Шлиссельбург из Садов, был замечен и взят на подозрение крепкий парень на красном мопеде «Верховина-3» без левой педали. В Садах сержант Григорьев разыскал этот мопед, и мы сразу поехали по горячему следу. Он привел нас в дом сторожихи Нины Федоровны Зеленовой. Вы помните дело ее среднего сына Аркадия, он получил год за групповой угон автомашины у фермера из Нази. И вторая хищная птичка оказалась из этого гнезда. Все легло одно к одному — он психически ненормален, эпилептик, дважды в год лечился в больнице стационарно, у него найдена тетрадка стихов, почерк идентичен, они написаны печатными буквами, в обоих случаях стихи невысокого уровня, раздражительные. Подпись «НАГ» означала — Никита Андреевич Голубев, такова девичья фамилия его матери. У него дома также обнаружена книжка сказок Киплинга, где действует ядовитый змей Наг, который жил в саду и собирался всех жителей сада уничтожить, чтобы царить в нем одному.

— Такой посылки вполне достаточно, чтобы психически больной человек

начал действовать, — подтвердил доктор.

— Не перебивайте, мы дадим вам слово, — остановил доктора Куликов.

— К сожалению, мы опоздали на час. Маньяк убил еще одного человека, Елену Островскую, которую любил. Оставил записку в ее сумке, адресованную Граю, и еще одно стихотворение — признание в любви. Утопил девушку в канале и сам при этом погиб, то ли от удара танкера, проходившего в тот момент по каналу, то ли в результате припадка. Его мать говорит, что в тот день у Никиты сильно болела голова, что являюсь верным признаком приближающегося припадка. Обычно в таких случаях он оставался дома, заранее чувствуя, что ему станет плохо, а на этот раз не усидел. Не исключен вариант, что его сознание прояснилось, он осознал ужас от содеянного и покончил с собой. В любом случае, считаю убийства раскрытыми, нам можно перейти на нормальный режим работы.

— Что скажет доктор? — спросил Куликов.

— Если коротко, не вдаваясь в детали, простым языком, то я согласен с выводами инспектора Шестиглазова. Толчком к действию Никиты Зеленова-Голубева могла послужить книжка рассказов Киплинга. Могла послужить и какая-нибудь нанесенная ему обида. Идея, возникшая у него в мозгу, нам непонятна, необъяснима. Возникла идея, и он начал действовать.

— Тогда как вы объясните, — с хитрой улыбочкой спросил Томишин, — отсутствие отпечатков на гвоздях и письмах? И наличие отпечатков на письме с признанием любви?

Шестиглазов потер кончик носа блокнотом:

— Сначала он боялся, что его схватят, действовал в перчатках. А в последнем случае решил покончить с собой, и ему стало все равно. Кстати, на бензобаке мопеда найден четкий отпечаток его указательного пальца правой руки, нет сомнения, что он ездил в Шлиссельбург и мог убить там Геннадия Исаева.

— Но каким образом он выбирал очередную жертву? — не успокаивался Томишин.

— В верхнем ящике его комода найдены три игровых кубика, стаканчик и карта с обозначением садовых участков с номерами. Он бросал кубики из стаканчика и получал номер участка. Эту версию подтверждают его письма к Граю. Приходил на выбранный участок со своей тележкой, разведывал обстановку и делал свое черное дело. С Геннадием Исаевым пришлось повозиться, он выследил бизнесмена на празднике.

— Ну, а просто по каким-то причинам счел свою миссию на земле выполненной к наложил на себя руки, — добавил доктор.

— Вы согласны с этими доводами, Грай? — резко спросил Томишин.

— В данный момент я вынужден согласиться с этой версией.

— Почему вынуждены?

— У меня нет на руках фактов, чтобы убедительно выстроить и доказать другую версию.

— У вас есть сомнения? Интересно, мы вас слушаем.

— У меня сомнения по одному пункту — почему он это сделал? Каков мотив? Должно же быть какое-то объяснение?

— Интересно, — возмущился доктор, — какой логики вы ждете ст психически больного человека?

— В этом пункте я с вами согласен, Грай, — сказал Томишин, — Мне тоже

не ясны мотивы его действий. Может, он действительно выбирал жертву по номеру участка, кидая игровые кубики с цифрами. Либо ему казалось, что эти люди его когда-то обидели. А может, и мания преследования завела его в такие дебри. Скажем — поселился рядом знаменитый сыщик, следит за ним. И вот вам новый мотив — он, Никита, неуловимый убийца, покончил с человеком и записку написал — ищи меня! Может так быть, доктор?

— Почему бы и нет? Вполне возможный мотив для человека с нарушенной психикой. Будь он здесь, останься он жив, мы бы провели экспертизу и ответили на все ваши вопросы. А в данной ситуации приходится только гадать, делать предположения, вы уж извините меня за это.

— Он был обложен нами со всех сторон, — простонал Шестиглазов, — мы мчались по следу и опоздали всего на час.

Томишин громко захохотал:

— Маньяк поступил подло, утопившись напоследок и лишив вас блестящего окончания операции и заслуженной награды. Но еще есть, хоть и слабая надежда, что он остался жив, тогда вы сможете схватить его и задать свои вопросы, и получить вполне заслуженные награды.

— Утонул он или подался в бега, — с облегчением положил обе руки на стал начальник отдела уголовного розыска Куликов, — считаю деле оконченым. Убийств больше не будет. Как вы считаете, Грай?

— И я полагаю, убийств в Садах больше не будет.

— А вы, Крылов, что скажете? — неожиданно вонзил в меня Томишин свой острый взгляд.

— Никиту жалко, — признался я. — С пяти лет страдает припадками, два раза в год в больнице... Он же ни одного дня по-человечески не прожил. И смерть его бессмысленная.

— Вам, Крылов, — одернул меня Куликов, — следует поменять профессию, пойти в сиделки или в монастырь податься. Если человек поднял на другого человека руку — он убийца, какие бы не были записи у него в больничной карточке. И относиться к нему следует должным образом.

— Кстати, почему никто не говорит об его стихах? — возмутился Томишин. — У Никиты дома две зачитанные до дыр книжки — Тютчева и Лермонтова. Он, наверное, использовал их, как образцы. Вы же читали его стихи в тетрадке? Стихи я вам скажу, бр-р-р... — поморщился Томишин. — Что возьмешь с тронутого.

— А мне стихи понравились, — громко сказал сержант Антон Григорьев, до этого молчавший. — Я их даже себе в книжку переписал. Литературные достоинства их невелики. Но я читаю и вижу — рядом со мной жил человек, большой, несчастный, он любил, страдал, надеялся.

В совещании произошла небольшая заминка. Шестиглазов махнул на сержанта рукой, мол, заткнись. Начальник отдела чуть шевельнул тяжелой челюстью, но ничего не сказал.

Удивленный Томишин, не мигая, посмотрел на сержанта:

— Ну, у вас и кадры... Вы их в Литинституте выискиваете? — откашлялся, снова придал лицу выражение суровой требовательности, глаза стали пронзительными: — Почитайте еще раз, сержант, эти письма-стихи. Они написаны не в горячечном бреде. Маньяк свои убийства заранее задумывал, тщательно готовил. Это не проявление болезни, а хладнокровное преступление.

— Правильно, — согласился доктор — в обычной жизни маньяк не отличим от нормального человека. И стихи способен писать, не хуже поэта. Но вот на чем-то его мозг срывается, и пошел о-поехало... Хотя... — замылся доктор.

— Что вас смущает, объясните, — потребовал Томишин.

— Я побывал в больнице, где лечился Зеленев. Она из государственной переходит в частные руки, врачи все уволены, истории болезни нет. Я нашел медсестру, которая помогала его лечащему врачу. Так вот она считает, что доктор якобы полагал, что агрессивность в его состоянии исключалась.

— А, — махнул блокнотом Шестиглазов, — и врачи сейчас на больных положили с прибором. Наша медицина, сами знаете, если довелось лечиться! — и тут же поправился: — Извините, доктор, я, разумеется, вас в виду не имею.

— Давайте подведем итог, — деловито сказал Куликов. — Не все мне нравится в этом деле, некоторые ниточки оборваны, то, что есть, не плотно связывается в один узелок. Но итоговое мнение едино — убийств в Садах больше не будет. Я считаю, дела НАГа можно закрывать. Вы что-то хотите уточнить, Грай?

— Я хочу заметить, напрасно убийца думал, что Граю можно безнаказанно писать и водить его за нос. Напрасно, это всегда кончается плохо.

Глава XXIV

После совещания мы вышли на стоянку машин перед управлением внутренних дел, Грай протянул руку и потребовал:

— Давай ключи от машины.

Сел за руль «Нивы», мне же велел идти на остановку автобуса и возвращаться в Сады:

— Капитан Бондарь купил машину березовых дров. Помогите ему распилить и поколоть. Не ленись, накачивай мускулатуру, скоро твоя сноровка понадобится. — Скептически улыбнулся, хотел еще что-то добавить, наверное, про Зою, но не стал. И укатил в Петербург.

Шеф не прояснил ситуацию, ничего мне не сказал о деле НАГа, но я и так понял, он там с оперативниками Стрижом, Сапуновым и Васиным дорабатывают дело маньяка. В Питере я ему не нужен, а необходим в Садах, как око детектива.

Я сел на рейсовый автобус и через двадцать три минуты вышел на Мурманском шоссе. Пошел, куда глаза глядят. А глядели они в сторону магазина. Как назло, в магазине никого не было, ни одного покупателя. Только Зоя. Я тут же впился в нее взглядом. Белый рабочий халат был обернут вокруг того, вокруг чего ему и положено быть обернутым. Опытный глаз легко проникал сквозь материю и высматривал под ней все, что его интересовало.

Зоя вышла из-за прилавка, мы оказались один против другого, как на ринге. Причем она вела атаку, а я с трудом находил силы для глухой защиты. Она ждала меня и явно обрадовалась встрече. Зеленые глаза искрились и испускали магнетические лучи. Я жаждал ее как никогда раньше и, чтобы скрыть это, сурово хмурил брови. Но она видела меня насквозь. Двигаясь неторопливо, как во сне, что гипнотически действовало на меня, вышла из-за прилавка, и мы оказались друг против друга, как на ринге. Я хотел устоять, не позволить решать за себя. Совершенно явственно я услышал удар гонга, рефери произнес: «Бой!» Поединок начался.

Зоя улыбнулась и протянула ко мне руки. Я собрал все силы в кулак и сделал несколько шагов назад, при этом уткнулся спиной в прилавок. Все, прижат к канатам, дальше отступать некуда. Важно нанести удар первым:

— Я раздумал на тебе жениться, — словно со стороны услышал я свой хриплый от волнения голос.

— Мы говорим о любви, — мягко парировала Зоя. — Разве ты меня больше не любишь?

У меня пересохло горло, и я с трудом выдохнул:

— Не люблю.

Но и этот удар не достиг цели.

— Разве ты меня больше не хочешь? — сделала неслышный шаг вперед Зоя. — Только не ври, — ведь я все вижу, у тебя скоро все пуговицы на штанах отскочат.

Мягко ступая, Зоя приблизилась ко мне, левую руку положила на плечо, правую на лоб и глаза. Как горячи были ее руки, как много обещали блаженства. Ладонью она провела по лицу, чуть касаясь кожи. Ее пальцы обожгли мне щеки и губы, такой жар исходил из них.

Это был хороший удар в голову. Следовало ответить жестко, чтобы она не обнаглела:

— Дело НАГа закрыто. Мы перестаем искать убийцу и уезжаем.

При упоминании о смерти улыбка исчезла с ее лица, и глаза опечалились. Но она осталась спокойна:

— Мертвым покой, живым радость жизни. Только храбрецы достойны красавиц.

Правая рука ее опустилась по шее, распахнула ворот рубашки, остановилась у сердца.

В груди моей бушевал огонь, справиться с которым я был не в силах. Закрыв глаза и прошептал:

— Земные радости больше не для меня. Уезжаю на Валаам, постригусь, стану отшельником.

После долгого воздержания плоть моя взбунтовалась так, что мне даже стало больно, и требовала действий. Это был нокдаун.

— Никому тебя не отдам, ты мой, мой, мой, я хочу тебя выпить, целиком! — жарко шептала Зоя. Рука ее прошла по животу, остановилась на брючном ремне, слегка потеревила его, как бы сдергивая.

Не открывая глаз, я застонал:

— Дай мне топор, я отрублю себе руку...

Шепот Зои проникал мне в душу:

— Если нам суждено расстаться, то нужно сделать это красиво. Я хочу любить тебя. Исполню все твои прихоти и капризы... Да, да, да!.. Милый...

Ее обжигающая рука сорвалась с ремня и спустилась ниже... Это был нокаут. В голове стоял шум, кипела кровь, я не соображал уже, что делаю, и мог наворить глупости. Эта чертовка ударила ниже пояса, у меня не было сил сопротивляться. Пришлось применить военную хитрость:

— Хорошо, я согласен. Завтра. Напарюсь в бане с дубовым веником так, будто заново родился, и приду.

Зоя ослабила хватку:

— Каков характер, такова судьба... Что ж, приходи завтра. Надеюсь, не

опоздаешь.

На следующий день, это была суббота, двадцать пятое июня, утром, когда я махал колуном, разделялся с очередным сучковатым чурбаком, готовясь к вечернему поединку, на котором рассчитывал показать себя с лучшей стороны, приехал Грай. Он вышел из своей «Нивы» как всегда деловой, сосредоточенный.

Бондарь, складывающий поленницу, при виде шефа замер с дровами в руках.

— Сегодня в двенадцать у нас гости, — сообщил ему Грай. — Виктор, пригласи к нам добровольцев из бригады содействия милиции и наших клиентов. Надо отчитаться. Если клиенты примут отчет, то мы получим гонорар.

При слове «гонорар» Бондарь тотчас ожил:

— Чем станем угощать?

Взгляд Грая остановился на грядках с клубникой.

— Ничего не может украсить стол лучше свежей ягоды.

Я посмотрел на Бондаря с сочувствием — эдакая орава проглотит все наши резервы. Прощай клубничное варенье! Но старик мужественно принял эту информацию, он ничего не жалел для успеха нашего дела. Считал, что Грай всегда прав и любые затраты окупятся, говорил мне: «Лучше дорого работать, чем дешево стоять».

Бревна и чурбаны — все, что оказалось недопилено и недоколото, я подкатил к зеленому нашему забору, проверил, как накачаны шины у велосипеда, и помчался собирать гостей.

Бондарь постарался, как мог — составил вместе три стола, накрыл белыми скатертями. С чердака притащил две длинные толстые доски, обернул их ковровыми дорожками, укрепил на чурбаки. Получились две длинные удобные скамейки. Из недр кухонного шкафа вынул расписное прямоугольное блюдо длиной в метр. Такое блюдо не в каждом музее найдешь. Поставил старинное блюдо на стол и наполнил клубникой.

Чтобы обезопасить дом от неожиданностей, я закрыл все окна на шпингалеты и на первом, и на втором этажах, закрыл даже форточки. Надел наплечную кобуру с пистолетом Макарова, сверху легкую курточку и — готов принимать гостей. С тех пор, как началось это дело с автографом, я потерял доверие к гостям.

Зоя пришла первой. Я был на работе, поэтому на меня не могли подействовать никакие чары. Просто оглядел — нет ли при ней оружия. Но при ее манере одеваться не только пистолет — носовой платок некуда было спрятать. Белый носовой платочек и был засунут за пояс ее зеленого, в облипочку, костюма.

Оглядев комнату. Зоя села у окна.

— У-у! — произнесла она восхищенно, увидев блюдо. — Клубничный бегемот! В Гавани, на ярмарке «Российский фермер», за такое блюдо дадут золотую медаль!.. Я сама не своя от клубники, как увижу ягоду на грядке, так и кидаюсь на нее с открытым ртом. А на это блюдо надо бросаться с лопатой.

Бондарь остался доволен ее отзывом. Но Зоя не взяла ни ягодки. Она смотрела в окно. А там было на что поглядеть. Собрался кое-какой народишко, из тех, кого в гости не зовут, но кто горазд поболтать, послушать сплетни. Среди них Юрка, пацан на мопедке «Верховина-3» е отломанной левой педалью. Но-

сом непрестанно шмыгает, купался, наверное, много, простыл. Заметно выделялись два парня в крепких кожаных куртках, на мощных, сверкающих никелем, американских мотоциклах, настоящих вездеходах с широкими, на шипах, колесами. С парнями прибыли две девчонки, юные, с хорошенькими личиками, в юбочках таких тесных и коротких, что, когда они приседали от смеха, мелькали их белые трусики. А смеялись они беспрестанно.

Парни на мотоциклах показались мне подозрительными. Я вышел на улицу, посмотреть на них поближе, прикинуть, что можно сделать. Ворота наши наполовину были завалены березовыми чурбаками, машина стояла на улице. Я развернул нашу «Ниву» так, что она загородила всю линию вдоль канавы — протиснуться можешь, а на мотоцикле не проскочишь, обязательно окажешься в канаве.

С другой стороны подъехал инспектор Шестиглазов с любителем поэзии сержантом Григорьевым за рулем. Сержант глянул на мотоциклистов, на меня, с лету все понял и тоже развернул свой милицейский «уазик», с другой стороны перегородил дорогу. Так-то спокойнее будет, если у парней что нехорошее на уме, то они — в ловушке. А молодцам хоть бы что, смеются между собой, веселят своих девчонок, из-под коротеньких юбочек мелькают белые трусики.

Кю принес эту сплетню, не знаю, но при входе в дом гости шушукались, мол, Никита жив, сегодня ночью домой приходил. И обещал матери на следующую ночь снова прийти.

Я немедленно передал эту «новость» Граю. Он скептически усмехнулся: — Утонул, значит утонул...

Стив Исаев сел рядом с Зоей. Дальше Слег Попов с матерью, родители Ольги старики Ангеловы, рыбак из Назии Кирилл Феоктистов, жених из Казани Рахим Маматкулов, сторожика Нина Федоровна с дочкой Галей, отец Елены Островской. Главбух Рублева тоже пришла. Про нее следует сказать особо. Позднее выяснились два весьма интересных факта. Оказывается — на празднике в Шлиссельбурге она провела весь день и дважды встречалась с Геннадием Исаевым. Это ни о чем не говорит, но все же стоит держать в голове. И еще — в день гибели Елены Островской она тоже присутствовала на канале и шесть раз ходила купаться. Почему же ее не захватила мелкая сеть инспектора Шестиглазова, да и мы с Граем не заметили? Оказывается, по состоянию здоровья, ей противопоказано открытое солнце. И сна расположилась за кустиками прилегающего к каналу лесочка. Единственное неудобство такого расположения — то и дело приходится отгонять в сторону желающих справиться в лесочке малую нужду. Лично я до сих пор продолжал держать Рублеву на подозрении — лицо у нее каменное, ничего не выражает, узенькие щелки глаз совершенно непроницаемы, а характер и сила у нее мужские.

С другой стороны стола сели Грай, инспектор Шестиглазов и я. Сержант Григорьев остался на стуле у дверей.

Когда все приглашенные вошли в дом, хозяйственный Бондарь закрыл на крючок вторую половинку ворот — две рейки с прибитыми к ним штакетинами, тщательно выкрашенными в это лето. А чтобы не торчать без дела, взял лопату и направился в дальний угол сада, возиться с грядками. Наши с Граем криминальные дела его не касались. Его интересовал только успех, то есть гонорар.

Нина Федоровна пришла в чистом платье, немного осунувшаяся, все в тех же клееных галошах, заметно прихрамывая. Я перегнулся через стол и шепотом спросил ее:

— Правду говорят, что Никита вернулся?

— Врут все. Кому это надо выдумывать, не пойму. Разве покойники возвращаются? — но в глазах ее проблескивали злые искры, я не знал, можно ли верить ей.

— Как ваше собственное расследование?

Она отмахнулась от меня:

— Да запуталась я. И некогда, то одно, то другое.

Грай оглядел всех, поднялся и начал разговор:

— Долгое получилось дело, неожиданно долгое. А сегодня вы должны решить, справились ли мы с Виктором Крыловым, моим помощником, заработали гонорар или нет? Наш клиент, теперь можно сказать открыто, жена бывшего председателя садоводческого товарищества госпожа Попова наняла меня, желая доказать, что ее сын Олег, которого арестовали по подозрению в убийстве собственного отца, ни в чем не виновен. После второго убийства родители Ангеловой Ольги и ее жених Рахим Маметкулов примкнули к ним и стали одним клиентом, потому что расследование затянулось, расширилось и стало весьма дорогим. Брат убитого Геннадия Исаева Стив организовал на свои средства бригаду содействия милиции и производил собственный поиск.

Грай рассказывал, а я внимательно наблюдал за лицами гостей. Галя, сестра Никиты, судорожно вцепилась в руку матери и, не мигая, смотрела на Грая. Рахим сидел красный, как свекла, он мне признавался, что бы ни сделал — краска бросается в лицо и выдает его. Рыбак из Назии Феоктистов сегодня, похоже, как всегда, принял стакан и теперь старался не дышать на соседей. Стив слушал с холодным вниманием, Зоя чертила пальцем по столу замысловатые фигуры. Стирала ладошкой и снова рисовала. Беспреданно, как компьютер.

— Уголовный розыск принял решение дело НАГа или, как они его назвали, «Дело с автографом» закрыть. Они считают, что судить некого, так как виноегж этих убийств Никита Зеленев утонул, оставив запуску, что добровольно покидает этот мир.

— А вы полагаете, есть кого судить? — спросил Рахим.

— Я попытался представить себе человека, который решился на четыре убийства, регулярно докладывая мне об этом в стихах, а потом убил себя. Кто он? Какой он? При чем убийца легко мог остаться безнаказанным. По первому делу пошел бы под суд сын председателя Попова. По второму делу судили бы Рахима Маметкулова или Кирилла Феоктистова. По третьему убийству попал бы под подозрение брат Геннадия Исаева Стив. Что еще меня смущало — гвоздь. Металл — это мужское начало. Сатурн — бог войны. Убийца имел железный характер, силу, сноровку. А стихи говорили о романтических наклонностях. Я попросил совета у авторитетного психолога. Мы встретились, проанализировали письма и пришли к выводу, что их писала... женщина.

— Глупости вы говорите, как это можно определить? — не согласилась Зоя.

— Оказывается, можно. И у меня стала подозреваемой номер один бухгалтер Рублева.

Все сразу повернули головы к Рублевой. Лицо ее вспыхнуло, прищуренные глазки зло буравили Грая.

— Интересно отметить, — продолжал Грай, — что Рублева имела возможность совершить все четыре убийства. Она всегда оказывалась рядом с трупом, но каждый раз выходила сухой из воды. Может, это необыкновенно везучий человек? Но какую пользу могла иметь Рублева из этих убийств? На этот вопрос я не смог найти ответа и стал присматриваться к Стиву Исаеву. События в Садах наибольшую выгоду давали ему.

— Ну, уж вы совсем в дебри забрались, — улыбнулся Стив. — Уголовный розыск Кировска, где работают опытные и авторитетные инспекторы, определил, что виновником этих событий является психически ненормальный Никита Зеленев. Зачем же теперь наводить тень на плетень?

Но Грай невозмутимо продолжил:

— Смотрите сами — серия потребовалась, чтобы спрятать одно-единственное убийство Геннадия Исаева. Убей вы его в городе, вас бы сразу вычислили, взяли под подозрение. Логично?

— Странные у вас гипотезы, — продолжал улыбаться Стив. — Ну, и какова же причина?

— Вы завидовали брату, всегда завидовали. Вы стыдились своей бедности и много сил положили, чтобы выбиться в хозяина жизни, стать новым русским — не вышло. А брат быстро пошел в гору.

— Вам бы киносценарии писать, а не уголовные дела расследовать, — заявил, подымаясь и выходя из-за стола, Стив.

Сержант Григорьев вскочил на ноги и загородил дверь.

— Струсил? — бросил в спину Стиву Ярослав Грай. — Испугались? Бойтесь дослушать меня до конца? А ведь самое интересное я еще не сказал.

Стив медленно повернулся:

— Про меня всегда много чего говорят. Но я еще никому не дал повода обвинить меня в трусости. Я готов вас выслушать до конца, — прошел к своему месту и сел за стол.

Сержант у дверей остался стоять на ногах.

— Я немало потратил времени, чтобы изучить вас, Стив. Вы пробовали сниматься в кино — не получилось. Но гримироваться и подражать чужим головам вы научились. Стены вашего ларька украшают фотографии Чака Норриса, Ван Дамма. Но ваш идеал — Стивен Сигал, ваш тезка. Недаром дружки называют вас Стивом. Я отыскал секцию карате, где вы занимались — успехи ваше несомненны, и девиз вы взяли от своего любимого героя: «Из грудной клетки любого соперника я сделаю скворечник». Но в чемпионы вам выбраться не удалось — забрали в армию, послали в Афганистан. Оттуда вы вернулись еще более опустошенным, без надежд, без планов. А в это время ваш младший брат, которого вы считали ниже себя, успешно занялся коммерцией. Вы были поражены его успехом, а он ушел в другую жизнь, в другую сферу, ему стало не о чем с вами говорить. Из жалости он посадил вас в один из своих киосков. Это вы ему простить не смогли.

— Ложь, семь чертей и хромая собака! — разозлился Стив.

Но Грай продолжал как ни в чем не бывало:

— В вашей отчаянной голове стал зарождаться план — как прибрать денежки брата к рукам? Встретив здесь, в Садах, умственно неполноценного Никиту и узнав, что его брат сидит в тюрьме, вы приняли окончательное решение. Чужой смерти и чужой крови вы не боялись, привыкли к ней за годы

войны и верили в свою звезду, в свой успех. Вам ничего не стоило нарядиться «под Никиту» — с такой же тележкой, под его именем ходить по участкам, развозить торф, собирать информацию. Рост у вас с Никитой примерно одинаков, просторная брезентовая куртка скрывала разницу в телосложении. Большой берет наполовину скрывал лицо. Немного грима, прибавить хрипотцы в голосе, и вас можно спутать с Никитой.

— Хватит эмоций и домыслов! — взорвался Стив. — Если есть факты, выкладывайте.

— Хорошо, давайте рассмотрим факты. Вы возили торф в дом Попова, видели — сын пришел домой пьяный, и знали — скоро качнется ссора. Под вечер ссора перешла в драку, сын ударил отца, это оказалось вам на руку. В сумерках вы проломили череп ударом обуха старому Попову, чтобы не испачкаться в крови, бросили топор под яблоню. Олег, который уже плохо понимал, что делает, направился спать, а вы погрузили бездыханное тело на тележку и увезли через лес в поле, закопали. Первое убийство прошло как нельзя удачнее.

Стив решил парировать обвинение:

— Вы говорите чепуху. Участки земли крошечные, по шесть соток, кругом люди. В Садах невозможно остаться незамеченным!

— Вы рисковали, вам повезло. А если бы кто и увидел, подозрение пало бы на Никиту. Вы на этом и играли. Каждая мелочь была продумана. Так же ловко вы организовали убийство в лесу Ольги Ангеловой. В тот день заходили к ним на участок, предлагали торф, подслушали разговор родителей. Когда вы подбросили «ежа» на дорогу, гвоздь и заранее написанное письмо уже лежали у вас в кармане. Машина остановилась, и девушка оказалась в ваших руках. Вы ее убили одним ударом так, что она даже вскрикнуть не успела.

— На этот день у меня алиби. Это не факт, а досужие домыслы.

— Готовя третье убийство, вы заранее позаботились об алиби, у вас имеются в городе дружки, которые подтвердят, что угодно. Убить брата оказалось непросто. Вы вовремя вернулись домой из киоска, поставили машину у подъезда, у всех на виду. Громко поздоровались со старушками, сидящими у парадного, чтобы они вас запомнили. Дома нацепили себе накладную бороду, переоделись, вышли, у соседнего дома взяли машину, которую на вечер одолжили у приятеля, и приехали в Шлиссельбург. Вы хорошо знали график движения брата и встретили его на улице. Наверное, он удивился, увидев вас, но все же остановился, пригласил вас в машину. Ему и в голову не могло прийти, какое злодейство вы замыслили. Своим излюбленным приемом, я узнал — вы одинаково владеете обеими руками — вы раздробили брату голову. Но он был еще жив и стонал. Тогда вы отвезли его в тихое место среди складов, усадили за руль, дали газ и еще живого человека отправили под воду. Затем снова нацепили бороду и как ни в чем не бывало вернулись домой.

— Это ложь, ложь!

— Два ваших приятеля клянутся, что разговаривали с вами в это время по телефону. Но те же старушки у парадного видели, как из подъезда появился неизвестный им старик, который до этого в дом не входил. Они готовы поклясться в этом. Удивленные старушки заметили, что старик взял машину у чужого дома, подумали, что украл, и на всякий случай записали номер машины.

— Это не доказательство. Мой адвокат легко докажет, что вы говорите че-

пуху. Ну, а четвертое убийство — тоже моих рук дело?

— Когда я рисовал маршруты ваших движений в дни убийств — видел, концы с концами не всегда сходятся. Иногда ниточки беспричинно обрывались, я не мог понять — почему? И тогда решил — у вас должен быть помощник.

Грай сделал паузу и собравшиеся тревожно переглянулись — кто мог оказаться помощником?

— Или помощница, — продолжал Грай.

Все головы разом повернулись в сторону Рублевой. Лицо ее вспыхнуло, побагровело, женщина невольно втянула голову в плечи, как бы защищаясь от невольно возникшей в комнате общей неприязни. Хотела что-то сказать, открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Я вскочил, хотел было уже бежать за водой, но Грай взглядом приковал меня к месту.

Грай невозмутимо продолжал говорить:

— Преступник взял себе псевдоним из сказки Киплинга, дал себе имя ядовитой змеи — НАГ. Но если вы помните, у Нага была помощница, жена Ногайна. Я первым делом подумал про Рублеву, прочертил маршруты ее движения в дни убийств — ниточки крепко связались в один узел. Но четкая, дисциплинированная, властная женщина в моем сознании никак не хотела подчиняться расхристанному кулачному бойцу Стиву Исаеву. Я оказался в тупике. Призвал на помощь троих оперативных сотрудников, которых мы приглашаем для сотрудничества — Олега Стрижа, Константина Васина и Савелия Сапунова. Они проверили городских и местных подружек Стива — все оказалось бесполезно.

Грай сделал паузу и перевел взгляд на меня. Я спокойно встретил взгляд шефа, но под ложечкой появился холодок.

— Мой любвеобильный помощник подружился с местной красавицей, продавщицей из продовольственного магазина Зоей Львовой.

Я не знал, о чем дальше пойдет речь, но приготовился к худшему. Согласно обязательству, которое я дал при приеме на работу в детективное агентство, я вынужден был информировать шефа о всех своих знакомствах, и в случае необходимости дословно передавать все наши разговоры. Я понимал — это необходимое условие нашей с ним безопасности, и выполнял его непременно. Я не информировал о вольностях, которые мы позволяли себе с Зоей, но о всех наших разговорах он знал.

— Почему я заинтересовался Зоей? — задал сам себе вопрос Грай. — Она ни о чем не спрашивала Виктора, что показалось мне неестественным. Просто держала его при себе, на всякий случай.

Думаю, что на службе у Грая я разучился краснеть и сейчас лишь побледнел, да сжал кулаки.

— Лучшего своего сыщика Сапунова я пустил по следу Зои. Надо отдать ей должное, девушка оказалась умная, изобретательная. Она тоже выросла здесь в Садах, с детства знала Никиту и Стива. Знала, что Никита пишет стихи, легко ему подражала и копировала почерк. Именно Зоя писала стихи, адресованные мне, и переписывала печатными буквами. Вы очень старались, Зоя, но экспертиза все же установила разницу между почерком Никиты и вашим.

Зоя перестала рисовать на столе загадочные фигурки и знаки, убрала руки со стола и, опустив глаза, молча стала теревить кончик белого платочка, засу-

нутого за пояс.

— Вы, Зоя, выследили, когда Елена направилась загорать, дали знак Никите в тот трагический день. Скорее всего, кинули камешек в окно. Сосед Юрка слышал похожий звук. Никита тотчас помчался за любимой девушкой. Может быть, он решит, что Елена сама позвала его. Вот Елена пришла на канал, разделась, направилась купаться. Вы, Стив, уже наготове — пристроившись к молодежной компании, прошли мимо и бросили в ее сумку гвоздь с письмом. Чтобы вас в том месте никто не запомнил, отошли подальше, спустились с берега к воде. Наверное, вы ловко замаскировались, сумели раствориться среди купальщиков — вас никто не запомнил. Елена еще загорала на той стороне, но была уже обречена.словно аллигатор, поджидающий добычу, вы притаились в кустах около воды. Стоило Елене сделать два-три гребка, вы длинно нырнули и, не показываясь на поверхности, утащили ее на глубину, задушили и бросили там. Затем снова растворились среди купальщиков, что вам великолепно удастся. В это время появился танкер, устроил общий переполох, чем весьма помог вам. В своем рассказе, может быть, я и допустил какую-нибудь неточность, но, в общем, дело происходило именно так.

Нина Федоровна подняла руку, как в школе, и недоуменно спросила:

— Если все четыре убийства совершил Славка Исаев, так скажите фгупой старухе, куда делся ее полоумный сын Никита?

Грай посмотрел в глаза бедной матери и извинился:

— Наше агентство не занималось этим вопросом. Мы не можем ответить — погиб ли он от припадка, который начался в воде, ударил ли его танкер, или нашлась иная причина. Мы имеем свидетелей, которые видели, как он входил в воду. И никто не видел, чтобы он вышел из воды.

— Почему вы не заявите, что Никиту утопил тоже я? — делано захохотал Стив. — Все ваши рассказы не имеют смысла, потому что наследницей погибшего брата является мать! Геннадий написал завещание, заверил у нотариуса и хранил у себя в банке. По этому завещанию я не получу ни копейки. Я — лицо незаинтересованное. — Лицо его перекосилось от злости, вместе со словами изо рта стали вылетать слюни, — Что, съел, козел вонючий? А за все, что тут наговорил, я заставлю тебя принести письменное извинение через газету. Я растопчу тебя, ублюдок... Тебе не видать лицензии, как своих ушей...

Я встал во весь рост, чтобы навести в доме порядок. Свой хлеб и масло следует старательно оберегать от нечистот. Но Грай положил мне руку на плечо и ровным голосом продолжил:

— Вы полагали, что я до этого не докопаюсь? А? Признайтесь, Стив? Геннадий, наученный горьким опытом, никому не говорил о своих намерениях. Он собирался жениться и просил руки у своей девушки в Шлиссельбурге. Сделал ей официальное предложение. Она дала согласие. Не представляю, как вы об этом узнали, но испугались страшно — у брата пойдут дети, и денежки навсегда уплывут из семьи. Вам больше не перепадет ни копейки. Коммерческих талантов у вас нет, так и придется до самой старости сидеть в жалком ларьке. Горький хлеб для завистливого человека, который всю жизнь прожил рядом с большими деньгами. Ведь вам так стыдно быть бедным.

— Все это не имеет смысла, потому что по завещанию наследницей брата является одна макъ, — упорствовал Стив, но голос его уже потерял уверенность и напор, а в глазах плавал страх.

Грай скосил глаз на меня, мол, будь готов, я тут же вылез из-за самодельной скамейки, чтобы не запутаться в ней, а шеф продолжил:

— Через три дома от вас живет врач, я говорил с ним. Он каждый день навещает вашу мать и считает, что у Марии Михайловны ничего не болит. У нее ранена душа, если выражаться языком военных. Она первая поняла, что произошло между сыновьями — она лучше всех нас знает ваши характеры и устремления. Но она мать, и не хочет стать судьей своим детям. Мария Михайловна решила больше не жить, ни на что не жалуется, ничего не ест, и тихо угасает.

— Мнение сельского коновала ничего не стоит, — пробормотал Стив, но руками уже осторожно шуровал под столом. Я подумал, если у него спрятан пистолет и он его выхватит, то мне придется стрелять ему прямо в лоб, чтобы он никого не успел захватить с собой. Это первый раз трудно убить человека. А когда у него за плечами четверо, ему уже все нипочем, и он, не сомневаясь, начнет палить в людей.

— А как же романтические начала? — прорезался голос у бухгалтера Рублевой. — Я так навсегда и останусь сообщницей маньяка?

— Эта печальная известность достанется не вам, — повернулся к ней Грай. — Наш оперативник Олег Стриж летал в Сочи. Там в прошлом году отдыхал Стив с Зоей. Он выяснил, что во втором городском ЗАГСе они и зарегистрировались. Ногайна стала женой Нага.

Стив сделал резкое движение, я выхватил пистолет и наставил ему прямо в лицо:

— Одно резкое движение, и ты — покойник.

Он не побледнел и не отшатнулся. Видно, для него это был привычный язык. А спросил:

— У меня во внутреннем кармане пиджака паспорт. Чистый. Можно я его достану и покажу?

— Пусть это сделает Зоя, — приказал я.

— Хорошо, — согласился он.

Зоя вынула из кармана Стива паспорт и протянула Граю. Шеф раскрыл его, полистал и согласился:

— Штампа нет. Но я ждал этот вопрос. В наше время можно все купить, даже паспорт. Не так уж и трудно было догадаться, что у вас по два паспорта. И оба настоящие. Захотите — вы вольные птицы, а где надо — законные супруги.

Краем глаза я заметил, как криво улыбнулась Зоя, при этом ямочек на щеках не образовалось, а хищно сверкнули остренькие белые зубки. И выглядеть она стала сразу на двадцать шесть лет. Зоя хотела что-то сказать, но передумала. Думать и считать она умела быстро, как электронная машина. Зоя вытаскила из-за пояса платочек и вытерла лоб.

В этот момент, даже не соизволив встать, инспектор Шестиглазов устало произнес давно заготовленную фразу:

— Стив Исаев, по подозрению в убийстве четырех человек вы арестованы.

Сержант Григорьев, стоя у двери, начал отстегивать наручники от пояса, они за что-то зацепились, и тихо чертыхнулся.

Признаюсь, я на долю секунды выпустил Стива из поля зрения, потому что вслед за взмахом Зоиною платочка оба мотоциклиста вскочили в седла и оба

американских никелированных скакуна разом взревели импортными моторами. Оба парня, как влитые, сидели в седлах. Скакнув с места, первый легко снес наши замечательные ворота, старательно выкрашенные Бондарем в замечательный зеленый цвет. От досок и реек только щепки полетели в разные стороны. Второй ринулся следом.

Нет, не зря Стив Исаев носил прозвище Железный Кулак. Обе руки он вынул из-под стола уже одетыми в желтые кожаные перчатки. Оружия в руках его не было, и пока я раздумывал, стрелять или нет, Стив сильно ударил по моей руке, и пистолет улетел в угол комнаты.

Глава XXV

Мне пришло в голову, что он захочет драться. Я был готов объяснить грубияну, что в гостях следует вести себя прилично. Но он вскочил на скамейку и, выставив вперед оба кулака, прыгнул в окно.

Зазвенело разбитое стекло. Стив сделал хороший кувырок и вскочил на сиденье ко второму мотоциклисту.

Нет, не зря Грай предупреждал, что скоро потребуются моя сноровка и сила. Я решил показать, что такие прыжки мне вполне по плечу. Поднялся на скамью и... наткнулся на Зою. Я подвинулся влево и она подалась влево. Я кинулся вправо и она вправо. Так мы танцевали секунд десять, пока, наконец, сержант Григорьев справился с наручниками и принес их к столу. Я отшвырнул ее, с досады задев за лицо сильнее, чем хотел. Тоже ласточкой прыгнул в окно, перевернулся через голову и вскочил на ноги.

Возвращаться в дом за пистолетом было уже поздно. К этому времени первый мотоциклист с ревом пропахал по рядкам. Передним колесом пробил наш пленочный парник с огуречной рассадой, проехал по нему и выскочил с другой стороны. На пути иностранной техники встал стеклянный парник, тщательно оберегаемый прижимистым Бондарем вот уже полтора десятилетия. Голову смелого ездока защищал прочный импортный шлем с прозрачным забралом, поэтому не остановило и оконное стекло с деревянными рейками. Под звон чисто вымытых стекол и треск хорошо просушенной древесины мотоцикл пропахал и второй парник. По деревянному мосточку переехал канаву и вывернул на соседнюю линию.

Второй мотоцикл с двумя седоками, густо ревя мотором, шел уже по проторенной дороге. Тоже благополучно миновал мосточек, и тут мы увидели, что такое — приличная зарубежная техника...

Сначала я хотел кинуться к машине и броситься в погоню. Но сам же поставил «Ниву» таким образом, что она может поехать только в канаву, а пока начнешь выворачивать, их и след простынет. Я был согласен на любой вид транспорта. Первое, что попало под руку — красный Юркин мопед «Верховина-3» без левой педали. Юрка уже завел его, намереваясь утереть нос уголовному розыску и частным детективам.

— Вытри, наконец, нос! — велел я ему, сорвал шлем и сам рванул сквозь разбитые в щепу ворота, по грядкам, через парники... Высокая все же проходимость у этого мопеда, хотя, наверное, я и выглядел на нем как Дон Кихот на ослике Санчо Панса.

Наш хозяин участка Бондарь был потрясен безнравственным вторжением незваных гостей в свои владения. Вряд ли он успел понять, что кровожадный

убийца совершает дерзкий побег от служителей закона. Но он мгновенно в тысячах, рублях и копейках оценил ущерб, нанесенный его любимым грядкам, пленочному парнику и стеклянной теплице. Сумма эта оказалась так велика, что тотчас вывела из равновесия нашего скуповатого хозяина. Тут он увидел, что вслед за первой машиной движется втооая. Это же разорение! Старый морской волк превратился в отчаянного флибустьера, издал боевой клич, потрясший окрестные участки, взмахнул лопатой, точно секирой, и без страха ринулся на механизированного врага, чтобы грудью стать на защиту родной земли.

К счастью, ноги флибустьера были не те, что раньше, после первых же прыжков он запутался в картофельной ботве и растянулся во весь рост, немного не дотянувшись до второго мотоцикла. Но к тому времени, когда я добыл себе транспорт, Бондарь вырвал ноги из грядки вместе со старой и новой картошкой, подбежал к проложенной трассе и устроил по всем правилам засаду. Стоило мне подъехать к парнику, как в воздухе словно секира сверкнула остро отточенная лопата и страшной силы удар обрушился на мою голову.

Живи мы где-нибудь в Польше или Америке, я бы прямиком попал на тот свет. Падая, я услышал хруст, успел подумать, что или шею сломали или пробили череп. Вдобавок на меня навалился обезумевший от скаредности старик и стал тыкать кулаками, куда попало. Прошумевшие над нашей страной войны, каждая из которых могла стать последней для народа, оставила свой след в нашей промышленности. Остается только удивляться, до чего у нас в России делают крепкие каски и никудышные лопаты. Оказалось, что на каске неглубокая вмятина, а черенок лопаты сломан, разлетевшись на три куска.

Инспектор Шестиглазов и сержант Григорьев выбежали из дома, оголив оружие. Оба сделали по три выстрела в ту сторону, куда с бешеной скоростью уносились американские мотоциклы. Потом выбежали на улицу, сели в машину, немного поразворачивались, чтобы можно было поехать куда-нибудь кроме канавы, и помчались в погоню. Любит устраивать погони наш уголовный розыск, хлебом не корми, а дай погонять с нарушением скорости и со стрельбой!

Я вышел на соседнюю линию, посмотрел вслед мотоциклистам. Увидел только пыль. Бежать, ловить не имело смысла. Они вырвались на асфальтированное шоссе и были таковы.

Соседский Юрка подошел ко мне и пропищал:

— Нос вытри! Смотри как оцарапало, кровь капает. — Забрал мопед, заднее колесо которого все еще вертелось на большой скорости, рыло землю, но никуда не могло уехать.

Народ вывалил из дома и, делая меткие замечания, следил за развитием событий. Моему поцарапанному носу досталось больше всего.

Грай с Зоей стояли рядом на крыльце. Причем шеф обнимал ее крепче, чем родную дочь и ни на секунду не снимал руку с ее плеча. Зоя выглядела потерянной, но я уже ей не верил, она легко меняла маску и в секунду могла нацепить другую.

Вернувшийся ни с чем, раздосадованный, пахнувший порохом Шестиглазов вместе с Граем умело взялись за Зою. Через час она раскололась и со слезами на глазах выдала три адреса, куда ночью мог вернуться Стив, чтобы условиться о дальнейшей связи перед тем, как уйти в бега. С тем ее и отпустили под

честное слово, чтобы использовать как приманку.

Сам Грай вместе с Шестиглазовым взяли себе самое перспективное место около леса. Нам с сержантом Григорьевым досталась самая захудалая «захоронкэ» около магазина. Там и спрятаться негде, кроме как в канаве. В третью засаду назначили двух омоновцев, вызванных Шестиглазовым на помощь. Таким образом занятие на ночь мне было обеспечено. Заклеив пластырем нос, я посчитал, что к сверхурочной работе готов.

К этому времени Бондарь подсчитал на микрокалькуляторе ущерб, нанесенный усадьбе, и заявил Граю, что заработанного нами гонорара на восстановительные работы вполне хватит. Грай, широкая душа, не стал мелочиться и согласился. Потом Бондарь увидел, что никто из гостей ни одну ягодку из его огромного блюда не тронул. Это смягчило сердце старика. Он тут же решил, что клубника дала сок, утащил на веранду, засыпал сахаром и утром пообещал сварить варенье.

— Варенья получится — три ведра, — радостно шепнул он мне. — С такой клубникой дворник лопату съест!

Мы с сержантом Григорьевым сходили в разведку, обошли вокруг магазина, прикинули, что к чему. К магазину с разных сторон сходились шесть дорог. Стив мог прийти по любой. Одну из них, со стороны леса, мы выбрали как наиболее перспективную. Присмотрели себе местечко в канаве, надо отметить, совершенно сухой, под расплзшимися кустами шиповника.

Глава XXVI

Когда стемнело, мы осторожно прошли к выбранному месту и сели в засаду. Хотя и лето, а ночью на берегу Ладош прохладно. Я надел взятую из запасов Бондаря меховую безрукавку. Сержант лязгал зубами в своей форменной тужурке, злился, толкал меня в бок, хотел отобрать безрукавку. Я делал вид, что не понимаю, а разговаривать он не решался.

Без шести минут час у себя в тылу слышали шорох. Стали настороженно приглядываться и прислушиваться. Увидеть — никого не увидели, но на той стороне дороги, несколько позади нас, кто-то появился. Может, нас заметили и брали в кольцо? Сразу стало жарко. Я хотел снять безрукавку и отдать сержанту, но он отмахнулся, мол, во время драки она скует движения. Мы решили не выдавать себя, посидеть тихонько и посмотреть, что будет.

Через шестнадцать минут слышали шелест сухой травы и увидели тень человека от луны. — Стив от леса крался по краю дороги вдоль канавы.

Сержант был человеком старой закалки, хорошим, не озверевшим милиционером. Он не стал стрелять из канавы на поражение, как того требовал Шестиглазов, а, используя наше численное преимущество, решил взять на испуг и скрутить. Одним прыжком он выскочил из канавы на дорогу и, наставив пистолет на преступника, заорал:

— Стоять, руки вверх! Стреляю без предупреждения! Ты окружен, не вздумай сопротивляться!

Я не сразу догадался, что произошло, потому что ни разу не видел, как этот пистолетик стреляет ночью, маленькими иголочками с сильным электростатическим зарядом. Примерно так, как ударяет игла электрического ската. Человек, в которого попала такая штука, приходит в себя через сутки и не помнит, что с ним произошло. Я затаился, выжидая, что выйдет из затей сержанта?

У Стива оказалась отменная реакция. Он мигом определил, кто наиболее опасен, и выстрелил первым сначала в меня, потом в сержанта. Иголочка пробила телогрейку и на излете едва кольнула меня под ребро. Этого вполне хватило, чтобы меня основательно потрянуло и бросило на другой борт канавы. Пистолет при этом отлетел в сторону и затерялся в траве. А я обнаружил, что не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже языком, но глаза мои видят и слышат. Ничего не оставалось, как прикрыть глаза и притвориться недвижимым. Это оказалось совсем нетрудно.

В прежние годы существовал неписанный закон — лежачего не бьют. Кто его нарушил — не мог отмыться всю жизнь. Наверное, Стив не был знаком с историей или решил, что успеет отмыться. Он лениво лягнул расprostертого на дороге сержанта и спрыгнул в канаву ко мне:

— Доброй ночи, Дон Жуан, не ожидал встречи с Каменным Гостем?

Поверхностный паралич позволил мне нарушить правила этикета и не ответить на приветствие.

Стив начал лягать меня с упоением, приговаривая:

— Вот тебе за китайца... Вот тебе за кирпич, вот за подпиленный мостик, вот за подглядывание в окно...

На мое счастье, канава была глубокая и тесная, а телогрейка смягчала удары. К тому же бить людей, которые лежат без сознания, неинтересно. Стив быстро выскочил на дорогу. Там его ждал сюрприз. С другой стороны дороги из канавы выскочила здоровенная овчарка, за ней, кряхтя и матерясь, тяжело опираясь на лопату, неуклюже выбралась объемистая женщина.

— Тридцать три черта и бешеный кобель! — поразился Стив, — Сколько же вас тут?.. Только что двух ментов уложил, а тут следом появляешься ты, тетя Нина, со своей псиной, словно из-под земли.

— Я, Славочка, я.

— Черт тебя принес... Не вовремя...

— Другого случая потолковать, думаю, не случится. Вопросик у меня.

— Уходи подобру-поздорову со своими вопросами, — пригрозил Стив.

Сильно хромая, небольшими шажками женщина приближалась к преступнику. Мне показалось, что она заговаривает ему зубы. Но зачем? Ведь он переступил грань, пролил кровь. Рубикон позади, и теперь Стив станет убивать, не задумываясь. Она должна это понимать.

— Ты втравил моего Никиту в смертное дело?

— Это мужские разборки. Уходи, пока сама жива.

— Ах ты, сопляк! — повысила голос Нина Федоровна. — Недавно без штанов бегал, ко мне в огород за горохом лазал, у меня на коленях качался, а теперь грозишь старухе?

— Ладно, ты никого не видела, ничего не слышала, иди отсюда да побыстрее.

— Посмотри мне в глаза, в глаза смотри! Ты моего сына в воде замучил?

Стив ухмыльнулся:

— Недолго он и мучился, дурак твой припадочный.

Голос Нины Федоровны стал низким и хриплым:

— Какой бы ни был сын — все сын. И чем несчастнее ребенок, тем больнее матери. Муж у меня умер, теперь я сама защита своим детям. Видно, милиции ты не по зубам, а я тебя не отпущу. Не бойся, недолго станешь мучиться, — и

она подняла лопату.

Стив легко отпрыгнул назад.

— Ах так, ну, старая, кончен разговор.

Это произошло в одно мгновение. Стив начал подымать пистолет, и умный пес прыгнул, полетел, как тяжелый снаряд. Выдержка у парня оказалась, что надо. Он успел выстрелить в пса, а когда желтые клыки оказались недалеко от горла, то вбил пистолет прямо в раскрытую пасть. Заскрежетали клыки, ломаюсь и сминая железо. Пес своей тяжестью сбил Стива, и оба рухнули на землю.

Нина Федоровна шагнула к упавшему, но хромая нога подвела, лопата рубанула камень, выбив искру. Стив из положения лежа прыгнул в сторону и сразу на ноги. В свете луны блеснуло точеное лезвие длинного ножа.

— Бог простит меня, тетя Нина, ты сама сюда пришла и первая напала, — Стив сделал длинный, красивый выпад, держа нож в вытянутой руке словно шпагу. Мысленно я простился со славной женщиной, пришедшей ночью на большую дорогу, чтобы защитить честь сына. Но молодецкий выпад, славный удар пришелся в пустоту. Женщина сделала неожиданный шаг в сторону и снизу остро отточенным штыком лопаты резко ударила в локоть. Раздался проливной хруст, нож покатался по камням, рука обвисла. Я в душе ликовавал — одну боевую клешню убийца потерял.

— Стерва старая! — взвыл бандит и сунул окровавленную руку за пазуху. — Тридцать три черта! Затопчу!.. Кий-як. — резко махнул ногой, пытаясь выбить лопату из рук сторожихи.

Я поразился — немолодая женщина ничуть не робела перед грозным соперником, движения ее были быстрые, ловкие, видно, что в молодости прошла хорошую школу армейского рукопашного боя. Мне приходилось слышать о женщинах, мастерицах биться в рукопашной холодным оружием, но видел я это впервые. Нина Федоровна руки убрала, отступила и тут же сделала резкое движение, которое в армии называется «штыком коли»!

Пританцовывая на носках, Стив избежал удара и резким толчком кроссовки прижал лопату к дороге. Стив был в самом расцвете лет, сторожихе же за пятьдесят, ее хватило лишь на несколько минут, и все — выдохлась, силы ее кончились. Как мне хотелось вскочить и помочь ей, как я молил об этом Бога! Но, видно, Бог меня не услышал, я не смог даже пальцем шевельнуть, на сегодня я отвоевался.

Стив понял — противник остался без сил, зарычал, как дикий зверь, в ярости крепкой рукой схватил за горло и стал рвать, рвать... Женщина захрипела, глаза полезли из орбит. Собрав последние силы, она схватила его кисть цепкими пальцами, прижала к себе и, рванувшись в сторону, падая, крутанула ее резко. Опять раздался хруст, я понял — маньяк лишился второй клешни. Бойцы рухнули наземь. Стив попытался подняться, но сторожиха всем своим весом навалилась на покалеченную руку. Убийца выл от боли и бессилия. Сна же, по всем правилам распластав его на дороге и удерживая своим телом, выплевывала кровь, хрипела:

— Мой первый муж — пограничник. Я с ним половину России проехала, на заставах жила, стала инструктором штыкового боя, солдат учила, с настоящими диверсантами дралась. А ты, сопляк... — кровь хлынула у женщины горлом, и она, недвижима, осталась лежать на освещенной луной дороге и, даже потеряв сознание, продолжала удерживать поверженного врага.

* * *

Когда закончилась эта жуткая дуэль, силы мои иссякли, душе моей опротивело пребывание на этой грешной земле, она решила перебраться поближе к ангелам, на небо, и закопошилась, собирая монетки, тело стало остывать, превращаясь в безразличный ко всему живому и мертвому труп. У меня не было сил видеть неподвижное тело сержанта, я не мог заставить себя взглянуть ни на распростертую на камнях овчарку с пистолетом, торчащим из пасти с обломанными клыками, ни на героическую сторожиху. С ноги Нины Федоровны слетела галоша, и стало понятно, почему она хромала — у нее не было половины стопы. Железный Кулак дрался с инвалидом. Стеная и плача, убийца-маньяк все еще извивался на дороге, перебирал ногами, пытался сбросить с себя тяжелое тело, но не мог, не получалось, такая хватка оказалась у жены пограничника.

Я не мог глядеть даже на ясную луну, равнодушно взиравшую на наши страдания, закрыл глаза и сказал сам себе: «Все, Виктор, остановись, такая жизнь не по тебе, это зрелище больше подходит гладиатору. Если останешься жив и завтра сможешь шевелить руками и ногами, ранним утром, по холодку, бегом беги в Назию, к рыбаку Кириллу Феоктистову. Пусть отвезет тебя на остров Валаам в только что возрожденный старинный мужской монастырь. Станешь заниматься тем, к чему привык с детства — копать землю, сажать яблоны...»

Я не успел до конца додумать, что еще сделаю завтра с утра, если переживу сегодняшнюю ночь, в душе родился страх, я почувствовал смертельную опасность.

Глава XXVII

Не скажу, что услышал шорох, сначала решил даже, что померещилось — вдоль дороги бесшумно скользила легкая тень — словно ангел летел и чуть шелестел крыльями. Я читал в какой-то переводной книжке, что колдун одного африканского племени ночью заходил в дома своих врагов вершить страшные дела, а чтобы стать бесшумным и невидимым, надевал тапочки из птичьих перьев.

Наверное, нечто подобное было и на ногах у Зои. Я ее сразу узнал. Только прежде она меня притягивала к себе, а теперь при ее приближении я чувствовал жуткий страх. Она превратилась в демона ночи. Зоя оглянулась, разом всех увидела и присела около головы Стива. Медленно протянула к нему руку, застыла, видимо, не решаясь сразу сделать то, что задумала. Я услышал злой шепот Зои, она распалила себя, разговаривая со Стивом. Говорила нараспев, словно сказку читала, сначала медленно, потом все быстрее и все злее. Я даже подумал, что у девушки не все в порядке с головой, пока не догадался, что она собиралась сделать.

— Сады — это те же джунгли, — почти пела Зоя. — Прежде, чем закроются твои глаза, я окажу тебе одну милость, смотри, ты видишь меня последний раз в жизни...

Сначала я решил, что они со Стивом шизанулись на джунглях. Но тогда меня дошло — они видят и воспринимают мир не так, как я. Они в нашем мире охотники, безжалостные стрелки, не признают никаких законов, и каждый за себя.

— Почему в последний раз? — прохрипел Стив. — Разве ты не поможешь, не спасешь меня?

— Скажу тебе правду, муж мой, но боюсь, ты не поймешь. Потому что бедной быть стыдно.

— Кобра, ядовитая змея... — забился Стив, вновь пытаясь вырваться. — Миллиард мой, мой, тридцать семь чертей и чужая собака!

Зоя расхохоталась:

— Я щедрая — все, что ты видишь, дарю тебе до тех пор, пока ты не уйдешь.

— Здесь темно и холодно, — застонал Стив. — Выгляни на дорогу — эти люди пришли, чтобы помешать мне встретиться с тобой... Кто просил меня достать эти деньги?

— Я просила, милый, давно хотела стать богатой.

— О том, чтобы мне умереть, не было разговора.

— Я и не убью тебя, раньше времени...

— Мне не подняться, руками не шевельнуть, менты эти, собака и проклятая старуха, все на меня...

— В джунглях так бывает — охотник сам становится добычей. А Сады — это те же джунгли, ты вышел на охоту и стал добычей.

— Не убивай меня, — заплакал Стив.

— Я не сделаю тебе больно, не заставлю мучиться, ты уснешь тихо, и сам не заметишь, как.

— Наклонись ко мне, я укушу тебя, ведьма!

— Твои ядовитые зубы почернели и выкрошились, ты пережил свой яд, свою злость. Ты больше никому не нужен на этом свете. С чьего позволения ты пришел сюда? Зачем?

— Я пришел повидать тебя, ты — моя жена.

— Ты не должен был приходить сюда. Ты оплошал.

— Не убивай меня.

— Слишком много было разговоров про убийства, я привыкла к ним. Теперь последняя смерть, и я уйду. А деньги уж стали моими.

— Я дрался за них. И банк, и миллиард — мои.

— Это я победила, а ты лежишь на дороге в луже крови.

— Миллиард убьет и тебя, он сам — смерть!

— Если ты лежишь без сил, я не виновата. Дожидайся здесь своих могильщиков, радуйся, что уйдешь тихо, легко... А я поведу врагов по новому следу. Еще заставлю их, нищих, наестся грязи и дерьма.

— Но они убьют и тебя.

— Когда придет мой час, тогда и настанет пора петь песню смерти. Мягкого тебе лежания, мой первый муж. Еще раз прости меня, но так стыдно быть бедной.

Зоя ласково дотронулась до головы Стива. Он вздрогнул, дернулся два раза и затих. Молодая вдова резко подняла голову и оглянулась. Я быстро закрыл глаза и притворился мертвым. Не знаю, что было у нее в руке, но ее ласковое прикосновение приносило мгновенную смерть.

Зоя успела поймать мой взгляд и бесшумно спустилась ко мне в канаву.

— Ты все видел, Виктор?.. Теперь ты один знаешь, какая я сильная. Открой глаза, я хочу видеть твою душу.

Я знал, что такие люди свидетелей не оставляют, просить их бесполезно,

слезы на них не действуют. Не хотелось умирать трусом, собрал все силы, какие во мне остались, и смело, твердым взглядом посмотрел на нее.

Зоя усмехнулась одними губами, зеленые глаза остались холодными и твердыми, как камни.

— Я не ошиблась в тебе, Виктор, на твоей силе можно поставить крепость.

«Ну, что же ты тянешь, ведьма?! — мысленно я молил и ругал Зою. — Решила убивать, так действуй, из меня душа уходит, сейчас я плакать начну!»

Взглядом Зоя прицеливалась к моей переносице. Если ударить резко и сильно чуть повыше, то можно отшибить человеку память на время, он не сможет вспомнить, что было перед этим. Видно, я зачем-то еще был нужен Зое — резким ударом в основание лба она отправила меня в небытие...

Когда я начал приходить в себя, но еще не мог шевельнуть рукой и открыть глаза, то потянул носом, хотел узнать, засыпан ли я прямо в канаве землей, как собака, а может, лежу в сосновом гробу, как приличный человек? В таком случае требовалось уточнить, крепко ли прибита крышка или можно вырвать гвозди и, пока есть чем дышать, постараться провести самоспасательные работы.

С третьего раза я понял, что мое тело не брошено, как бесхозное. Рачительный капитан Бондарь подобрал меня, привез к себе на участок и закопал под грядкой с клубникой. Теперь мое большое тело станет хорошим удобрением, и клубника на грядке вырастет невиданной величины. Почему я так решил? Только на самой грядке может так изумительно пахнуть спелая клубника.

— Пришел в себя! — раздался надо мной радостный голос Ярослава Грая — Смотрите, капитан, закрытый глаз задергался! Слава Богу, он жив и пришел в себя.

— Виктор! — услышал я сладкий, как сироп, голос Бондаря. — Не томи, если пришел в себя, открой глаза... Клубничное варенье удалось на славу. Я угощу тебя чаем с вареньем, ешь сколько душа попросит...

Не открывая глаз, я протянул к нему руку, мол давай, угощай. Он тут же вложил в мс-ю руку тарелку и большую ложку.

— Что это, капитан? — с удивлением открыл я глаза.

— Каша из ржи, пшеницы, овса и ячменя. Варенье еще варится и будет к обед}.

Целые сутки провел я в кровати, как настоящий инвалид. Я вполне мог стать на ноги, но не хотел. Заботливый Бондарь поил меня чаем с мятой, кормил ароматным клубничным вареньем и удивлялся, какой у меня хороший аппетит. Варенье несколько мирило меня с окружающей действительностью. Этих суток мне вполне хватило, чтобы убедиться во мнении — мир настолько грязен и грешен, что жить в нем нормальному деревенскому парню противно и совершенно невозможно. Следует немедленно подать в отставку и податься на остров Залаам, где сейчас восстанавливается мужской монастырь. Там я поселюсь в какой-нибудь келье, и после утренней молитвы мне не придется чистить и смазывать пистолет, я стану заниматься мирным трудом — восстанавливать систему самотечных каналов, изрядно поврежденную туристами, которые долгие годы шмыгали там на лодках, веслами выворачивая камни из облицовки берегов. Или начну выращивать дыни. Ведь монахи умели выращивать великолепные дыни, возили их в Париж, на всемирные сельскохозяйственные выставки, и эти дыни получали золотые медали, занимали первые

места! Все, решено, это дело как раз по мне.

Через день утром приехал инспектор Шестиглазов. Ему Граю я рассказал, что произошло на дороге ночью. И спросил, где Зоя?

Инспектор заскрипел зубами:

— То, что ты рассказал — слова. Твои слова против ее слов. Она утверждает, что была дома. Ее, стерву, арестовали утром, как соучастницу убийств Стива Исаева. Если она что-то и сделала со своим мужем — это недоказуемо. Эксперты в затруднении, говорят, Стив умер от ударов, нанесенных Ниной Федоровной, мол, сердце не выдержало, остановилось.

— Где сейчас Зоя? — повторил я вопрос.

Блокнота под рукой не оказалось, и Шестиглазов почесал кончик носа пальцем:

— Мой тебе совет — держись от этой красотки подальше. Она способна прихлопнуть тебя, как муху. Под стражей она пробыла недолго. Мать Геннадия при смерти. Из банка приехал адвокат, привез огромную сумму, й Зою, как наследницу, пришлось отпустить под залог. Семь чертей... Тьфу, привязалось!

Грай ласково похлопал инспектора по плечу:

— Берегите нервы... Золото, считал Шекспир, худший из ядов для человеческой души... А вас, я слышал, посылают на стажировку в Америку в награду за успешное раскрытие этого дела? Газеты превозносят вас, называют выдающимся детективом!

Шестиглазов несколько смутился:

— Если бы не вы, я бы никогда...

— Бросьте, инспектор, мы же с вами договаривались — мне скромный гоно-рар, вам все остальное... Так для чего вас посылают в Америку?

— Хотят узнать, как в Штатах люди делят между собой доллары.

Грай оживился:

— В прошлом американцы часто утверждали, что если все деньги разделить поровну между всеми людьми, то менее, чем на протяжении жизни одного поколения, они вновь окажутся в руках их прежних владельцев. Думаю, это утверждение могло быть верным для того времени, когда живы были первые создатели крупных состояний. Оно вряд ли справедливо сейчас, теперь холеным наследникам пришлось бы состязаться с такими представителями уголовного мира, как Джейн Гузик и Тони Аккардо, Аль Капоне и Джек Макгэрн Пулеметчик.

Собираясь в монастырь, я хотел знать, что люди, которые мне стали дороги, живы:

— Инспектор, как здоровье Нины Федоровны? Ведь мы вместе с ней держали оборону, только мне меньше повезло.

— Не беспокойся, Виктор, она в Кировске, лежит в лучшей палате нашей больницы. Где, кстати, и ты лежал, на самом верху. Пришла в себя, но еще не говорит. Нина Федоровна — герой дня. Даже я поражен ее мужеством, невероятно, да?

Грай уселся поудобнее и оседлал любимого конька:

— Как-то я расследовал Василеостровское дело о краже гоночных автомобилей, в нем оказалась любопытная деталь. Когда первый раз ночью напали на гараж, его охранял старый уса-тый дядька по фамилии Ильин. Четверо негодя-

ев, пользуясь плохим освещением, подползли и, одновременно, разом кинулись на него. Старик не имел возможности воспользоваться оружием, дрался врукопашную и отбился от жуликов. Я его спросил, где же он эдак выучился, и Ильин рассказал интересную историю. Когда началась Отечественная война, Ильин записался добровольцем. Его взводу выдали винтовки со штыками и привели на уютный зеленый стадион Института физкультуры.

К ним вышла маленькая худенькая девчушка, которой никак было не дать ее двадцать лет. Гимнастка Рая Кузьмина сказала, что станет учить их рукопашному бою. Они были ее первыми учениками. Девушка увидела перед собой лица рабочих, орден на груди командира, и ее охватил страх. Бойцы молча переглядывались, им стало досадно, что обучение, от которого зависела жизнь и смерть, доверено женским рукам, да еще таким маленьким. И Рае, похоже, хотелось удрать со стадиона. Как потом выяснилось, она равнодушно относилась к институтским занятиям штыковому бою и фехтованию, а отличные оценки получала только по добросовестности. «Товарищи, — заговорили Рая самым громким и грубым голосом, на какой была способна, — враг может напасть на бойца, когда у него в руках нет ничего, кроме лопаты, а иногда и на безоружного. Я сейчас покажу вам бой с лопатой и бой безоружного с вооруженным». Три плечистых бойца с правого фланга вышли перед строем. И тут произошло нечто непонятное и неожиданное. У первого винтовка оказалась выбитой из рук большой лопатой, у второго малой лопаткой, у третьего Рая выхватила винтовку голыми руками. Дружный хохот наградил потерпевших поражение. Теперь бойцы смотрели на Раю с интересом и уважением. Не прошло и года, а Рая подготовила уже более семи тысяч человек. «Берегите себя, — писал ей Ильин с фронта, — не кидайтесь так под штык и лопату. Неровен час, проткнет вас какой-нибудь старательный ученик. Ведь смотреть страшно, до чего же вы яростно бросаетесь и как заставляете нападать на себя».

Грай с улыбкой смотрел на инспектора.

— Многие не поверят, что пожилая женщина с лопатой могла одолеть тренированного, вооруженного преступника. Но история дает нам примеры не менее удивительные. Надо нам заехать в больницу и проведать Нину Федоровну.

Вещей моих было здесь, на даче, немного. Даже наплечная кобура и пистолет Макарова принадлежали Граю. Все пожитки уместились в наплечную сумку. Решил ничего не говорить шефу про монастырь — засмеет или отговорит. Решил уйти по-английски, не попрощавшись. Потом из монастыря пришлю телеграмму и попрошу меня извинить. Рука у Грая окрепла, он сам уже может водить машину, так что обойдется и без помощника.

Я вышел в сад. Бондарь с докером Валентиной восстанавливали парники и негромко переругивались по поводу стекол и реек. Не стал отвлекать старика от дела и прошел к воротам. Сержант Григорьев, сидевший в «уазике» с открытой дверцей, по моему смущенному виду сразу все понял:

— Бросаешь шефа, драпаешь с корабля? Кишка тонка стала?

Грубый человек, неделикатный. А еще стихи в книжечку переписывал. Его надо поставить на место:

— Если бы престарелый инвалид, сторожика Нина Федоровна не уложила лопатой на дороге каратиста Стива Исаева, он бы выдал тебе орден за тупость

в пиковый момент и неумение пользоваться личным оружием. Наверное, ты и стрелять-то не умеешь. — Я засмеялся и зашагал по дороге.

Счастье начало отворачиваться от меня, хотя я об этом еще ничего не знал. Я выбрался на шоссе и отшагал всего метров двести. В машине, которая мчалась навстречу мне, крылось нечто такое, что должно было разнести вдребезги мои мечты о покое и счастье, погасить надо мною солнце в высоком небе.

Чудный подарок изменчивой судьбы.

Темная «вольво», мчавшаяся на полной скорости, вдруг резко затормозила и остановилась.глянул на номер и отшатнулся — машина Геннадия Исаева, отыскивая которую, я совсем недавно нырнул в темную глубину Ладожского озера! А кто в ней? Ну не сам же покойник? Такого не может быть даже в дурном сне! Господи, силы небесные, спаси и понеси мимо дьявольское наваждение!

В машине темные стекла с односторонним видением, почти ничего не разберешь, но кое-как я разглядел, что на месте шофера сидит некто с усатой рожей, ну, вылитый кот, именно так я себе представлял сатану, если бы он вздумал спуститься на землю для милых забав.

А рядом что-то светлое — голый человек? Утопленник? Бр-р, ну и встреча!

Усатый кот засуетился, выскочил из машины и услужливо открыл соседнюю дверцу. Я успел заметить — под пиджаком у него солидный револьвер. Утопленник зашевелился и из машины явилась мне... Зоя. Она заметно изменилась, стала классом выше — шикарная прическа, длинное белое платье открывало плечи и грудь, так что виднелись соски, только ссадина на щеке, которую я невольно поставил во время погони за Стивом, напоминали мне прежнюю Зою. И даже глаза стали другими, словно богатство прибавило ей ума. Или она перестала его скрывать.

Дама из высшего света сдержанно улыбалась, глядя на меня. Я пожалел, что не смог избежать этой встречи, и вновь почувствовал безумное желание.

— Вы к Граю? — спросил я недоуменно.

Улыбка стала несколько шире.

— По вашу душу, Виктор.

Усатый кот прыгнул в машину, отъехал назад на пять метров и стал, как каменный, у; герцы, не спуская с меня глаз.

— Чем обязан? — галантно спросил я.

От Зои исходила энергия деятельности. Может быть, это была энергия зла, но, попав в ее энергетическое поле, я невольно стал заряжаться энергией, даже волосы у меня на голове начали негромко потрескивать.

— В связи с вступлением в наследство, мне нужны помощники.

— Вам нужны крючокторы, законники юристы — не мой профиль.

— Этого добра в банке хватает, — небрежно шевельнула она пальцами. — В сложнейшем деле вы проявили себя с лучшей стороны. Мне нужен именно такой надежный человек, чтобы уверенней чувствовать себя среди акул и волков, с которыми теперь придется жить бок о бок.

Я склонил голову:

— Извините, сегодня у меня прием окончен. Я смогу принять вас завтра на острове Валаам, в стенах мужского монастыря, куда теперь и направляюсь.

— Как вы туда поедете? — Спросила сна удивленно. — У вас же нет крыльев?

— Крыльев нет, но есть винт. — Вынул из внутреннего кармана пачку банкнот и показал. — Этот гонорар я заработал на вашем муже. Сейчас направляюсь в деревню Назию, и известный вам рыбак Кирилл Феокистов к вечеру доставит меня на желанный остров.

— Вы изобретательны. Плачу вам вдвое, нет, втрое против того, что положил Грай. Кстати, я тоже крещеная.

Мне приходилось слышать о том, что монахам постоянно приходится бороться со всяческими мирскими искушениями. Только я решил ступить на Божью стезю — вот оно, искушение. Передо мной в нежно-белом платье, которое больше показывало, чем скрывало, стояла миллиардерша и ждала ответа.

— Тридцать тысяч чертей! — вскричал я, не узнавая собственного голоса.

Зоя приблизилась, взяла за руку, и словно сладкая молния ожгла меня.

— Виктор, если мы видимся в последний раз, то пойдем простимся по-человечески.

И, закрыв глаза, зашептала:

*Я тебе протянула
Может быть, с отравой цветы,
Не улетай, прими истому,
Вступи со мной в земную связь.
Не вечно мне гореть,
Не вечно мне пылать,
Но все-таки пока
Во мне играет кровь,
Я все-таки живу,
Я все-таки пылаю.*

Подкатила машина, распахнулась дверца, и вместе с Зоей я упал на сиденье, пахнущее духами и водорослями.

Усатый кот быстро довез нас до Зоино дома. Ухмыляясь в усы, прошел в спальню, на маленький столик бросил скатерть, мягко поставил плоскую бутылку «Амаретто Магико», рюмки, легкую закуску, заговорщицки подмигнул мне и ушел в свою машину, сел у открытой дверцы, приготовился терпеливо ждать.

В спальне не оказалось стульев, пришлось присесть на низкую спинку кровати. В проеме двери, залитым солнцем, появилась Зоя. Зеленый шелковый халат туго обтягивал ее гибкое тело.

— Если мы уж остались живы в этой мясорубке, — ее пальцы взъерошили мне волосы на затылке, голос перешел в интимный шепот, — нам стоит остаться друзьями, ты согласен?

Я млея и наливался силой, запустив ладонь в копну ее шелковистых волос:

— Мы празднуем свое спасение?

Она склонилась ко мне, и ее губы потянулись к моим: — Привет, любовничек, ты жалеешь, что принял мое приглашение?

— Я таю... Но во мне просыпаются силы былинного богатыря...

Зоя встала, двигаясь с ленивой грацией, чувственной и вызывающей, избавилась от халата. Острая волна желания окатила меня. Она обвила мою шею обеими руками, зеленые глаза испускали призывные искры, она повисла на мне, ее пальцы нетерпеливо теребили мне волосы на затылке. Я вошел в нее трепетно и жадно, мы упали на кровать и растворились в небытие...

Когда мы, усталые, лежали рядом, не открывая глаз, Зоя пробормотала:

— Все, я уже слышу, что происходит кругом.

Мы поднялись, она разлила вино, мы выпили, подхватив халат, Зоя ушла в ванную, а я остался у стола — подкрепиться и восстановить силы.

Когда мы были уже одеты, в комнату ввалился хмурый водитель, шевеля усами, связал скатерть за углы, так что остатки пиршества перемешались вместе с посудой. Хладнокровно бросил узел в багажник. Стал у двери машины, настороженно глядя на меня, причем оружие его переместилось в карман пиджака, куда он сунул руку и был готов стрелять сквозь подкладку.

Все в том же белом платье Зоя подошла к машине. Но походка у нее стала иной, а когда повернулась ко мне, то ее зеленые глаза превратились в камень:

— Ты мне нужен, Виктор.

Я развел руками, пропел, безбожно фальшивя:

*— Чтоб любить эти ноги,
нужен белый «кадиллак»,
смокинг или фрак,
банковский счет,
точный расчет...*

Зоя вонзила в меня ненавидящий взгляд:

— Я дала тебе яд, придурок.

Я ей поверил сразу, по спине побежали сотни холодных иголок, ноги дрогнули.

— Еще поживешь, не падай сразу, — усмехнулась она презрительно. — Но превратишься в развалину. После лечения понадобятся подгузники. В монастыре тебя посадят в клетку, как безумного. Или умрешь, как боярыня Морозова, в яме около церкви.

В голосе Зои звенел металл:

— Но если придешь ко мне работать, после подписания контракта дам тебе противоядие.

Две секунды мне потребовалось, чтобы переварить информацию. За это время усатый успел выхватить револьвер сорок пятого калибра, Зоя впорхнула в машину, и «вольво», подняв пыль, укатило в сторону шоссе.

Крепко сжав кулаки, полный ярости, я провожал глазами бешено мчавшуюся машину.

